
НАШЕДШИЕ ГРАД

**ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОГО
БРАТСТВА БОРЬБЫ
В ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ**

НАШЕДШИЕ ГРАД

**ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОГО
БРАТСТВА БОРЬБЫ
В ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ**

НАШЕДШИЕ ГРАД

ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСКОГО БРАТСТВА БОРЬБЫ В ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ

Составитель, автор предисловия
и комментариев С. В. Чертков

УДК 141:172.3
ББК 87.3(2)6
Н37

Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах Н37 и документах / сост., предисл., коммент. С. В. Чертков. — М.: Кучково поле; Спасское дело, 2017. — 472 с., 40 илл.

ISBN 978-5-9950-0830-9 (ООО «Кучково поле»)

ISBN 978-5-9906510-2-9 (НП «Спасское дело»)

Сборник писем и документов «Нашедшие Град» является продолжением и восполнением знаменитого эпистолярия «Взыскующие града» (М., 1997) и представляет наиболее полную на сегодня историю Христианского братства борьбы — первой в России христианской политической организации.

Впервые публикуются около 200 писем русских религиозных философов В. П. Свенцицкого, В. Ф. Эрна, А. В. Ельчанинова, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, А. С. Глинки (Волжского), К. М. Аггеева и др. Комментарии основаны на новейших изысканиях в данной области, содержат ранее не введенные в научный оборот архивные материалы об уголовных преследованиях корреспондентов и малоизвестные публикации в поврежденных изданиях. В предисловии рассмотрены все значимые публикации о деятельности ХББ, приложения иллюстрируют насущность воплотившихся и пока несбывшихся упований вековой давности.

Живые голоса участников Братства создают не только летопись общественного развития России первого десятилетия XX века, но и яркую картину страстно напряжённой юношеской жизни, становления самосознания молодых людей, решающих проклятые вопросы любви, веры, свободы, прощения, преобразования бытия. Это повествование о тяжести осуществления найденного идеала — о дружбе и предательстве, о неизбежной тяге к единству и томительном одиночестве, о фатальном непонимании другого и роковых столкновениях идей и характеров, о силе благого слова и соблазнах немощной плоти, о мучительных стремлении к чистоте и нравственных падениях, о возрождающей жертвенности и пагубной для собственной души мести, об утолении жажды справедливости и правды Божьей и неизбежном страдании при попытке водворить их на земле, о неизменном в живых сердцах требовании перемен и противостоянии коснеющему в пороках государственному строю, о познании предела, за которым недостойно смиряться и пора оказать сопротивление, — о борьбе за должное устройство внутреннего и внешнего миров.

Книга предназначена для широкого круга читателей, прежде всего — для 20-летних сверстников её героев.

УДК 141:172.3

ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-9950-0830-9 (ООО «Кучково поле»)
ISBN 978-5-9906510-2-9 (НП «Спасское дело»)

© ООО «Кучково поле», 2017
© НП «Спасское дело», 2017
© Чертков С. В., вступительная статья, публикация документов, комментарии, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чертков С.</i> Христианское братство борьбы в восприятии современников и потомков	7
ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ (1900–1911)	37
Приложение 1. <i>Свенцицкий В.</i> Революция или бунт?	444
Приложение 2. <i>Чертков С.</i> Письмо ректору ПСТГУ.	450
Источники публикуемых документов.	455
Условные сокращения.	458
Именной указатель	460

— Пишете вы взыскующим Града, но какое вы имеете на то право, сами-то вы разве нашли уж?

— Да, мы нашли. Мы нашли, потому что мы *христиане*. Святой Град открылся нам. Он с нами, и никогда уже более мы не уйдём из него искать новый. В этом смысле нам ведомо счастье, радость, покой, которых не знают взыскующие.

В. Свенцицкий, В. Эрн

ХРИСТИАНСКОЕ БРАТСТВО БОРЬБЫ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ

Первая в России христианская политическая организация просуществовала всего несколько лет, а споры о ней не утихают больше века^I. Основатели и активные деятели хорошо известны, но всех участников установить невозможно: здесь не выдавали партбилетов и формальное членство не фиксировали, присущая партиям иерархия отсутствовала. Это было в полной мере братство — духовная общность веровавших в Божественность Иисуса Христа. Каждый чувствовавший единство в понимании должного и недолжного устройства жизни, словом и делом помогавший добиться заявленных целей свободно входил в Братство. В разное время таковыми были: К. М. Аггеев, С. А. Алексеев (Аскольдов), Н. С. Багатурова, И. А. Беневский, С. Н. Булгаков, Г. Д. Векилов, Д. Д. Галанин, А. С. Глинка (Волжский), А. В. Ельчанинов, П. А. Ивашёва, В. Н. Лашнюков, Е. Г. Лундберг, В. П. Свенцицкий, Б. Е. и В. Е. Сыроечковские, П. А. Флоренский, Д. В. и О. В. Шер, В. Ф. Эрн^{II}.

^I В качестве иллюстрации в Приложении 2 приводится свежий документ.

^{II} *Ельчанинов* Александр Викторович (1881—1934) — окончил историко-филологический факультет СПУ в 1904 г., участник ХББ, редактор-издатель его газет, член совета МРФО, с 1912 г. преподаватель в гимназии В. Левандовского в Тифлисе, с 1914 г. её директор, в 1921 г. эмигрировал во Францию, иерей с 1926 г., один из руководителей Русского студенческого христианского движения.

Свенцицкий Валентин Павлович (1881—1931), прот. — богослов, публицист, прозаик и драматург, учился на историко-филологическом факультете ИМУ в 1903–1907 гг., один из создателей ХББ и МРФО, с 1909 г. на нелегальном положении, поддерживал движение голгофских христиан, с 1915 г. сотрудник столичной «Маленькой газеты», с 1917 г. иерей, с 1918 г. проповедник при Добровольческой армии, в 1919 г. член Юго-Восточного Русского Церковного Собора, с 1920 г. служил в московских храмах, в 1922 г. сослан в Таджикистан, с 1926 г. протоиерей, настоятель храма свт. Николая Чудотворца на Ильинке в Москве, в 1928 г. сослан в Красноярский кр.

В их упованиях органически срослись и дали новый плод три ветви русской мысли, тянувшиеся трудами А. С. Хомякова, И. С. и К. С. Аксаковых, Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва к соборности сознания, справедливому общественному устройству и Христовой правде богочеловечества. А корнем было Евангелие, питающее живое древо соками святоотеческого предания.

Их облыжно называли и продолжают называть «взыскующими», хотя к такому обращались именно организаторы ХББ, нашедшие Истину, ощутившие во всей полноте внутреннее единство и желавшие открыть святой Град страждущим соплеменникам, указав узкую и трудную дорогу к храму. Такого нахальства русская интеллигенция стерпеть не могла и, подсунув под компас топор, постаралась уравнивать с собою живущих во Христе^I. Да, вошедшие в Церковь не сохраняют на всю жизнь ангельской чистоты, но, покауда остаются христианами, познают муку о праведной жизни, испытывают острую боль от нравственных падений, беспощадно борются с грехами и с Божьей помощью побеждают.

Первый же отзыв на родине новой общности оказался самым замечательным — в статье «Христианское братство борьбы» В. А. Анзимилов выявил смысл его образования и обозначил *все* последующие возражения: «Братство отнюдь не имеет целей лукавых, прикрываясь елейностью и церковностью, захватывать власть и влияние... Для таких подозрений нет ни малейших оснований. Возникло оно из глубокой и неутолённой потребности верующих — „раскрыть правду о земле“. Веря в жизнь и её божеское назначение, оно стремится осуществить великие заветы Христа, переустраивая во имя их всю жизнь. „Царство Божие, заключённое внутри нас“, они желают видеть деятельным. Царство небесное с небес свести на землю и сделать общим достоянием. В. С. Соловьёв — этот чистый, как кристалл, искатель духа — подписался бы под задачами Братства. Не ограничиваясь „хорошими словами“ и нравочениями, Братство хочет пытаться от слов перейти к делу. Великий инквизитор Достоевского, конечно, осудил бы эту попытку — подчинить „грязную и низкую природу людей“^{II} великим и непреложным законам Бога. До сих пор люди, как справедливо указывал не раз Л. Н. Толстой, приспособляли законы божеские к своим низменным вкусам

Флоренский Павел Александрович (1882—1937), иерей — философ, богослов, учёный, окончил физико-математический факультет ИМУ в 1904 г. и МДА в 1911 г., иерей, с 1912 г. редактор журнала «Богословский вестник», с 1914 г. профессор МДА, с 1918 г. учёный секретарь Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, с 1921 г. сотрудник Главэлектро, профессор ВХУТЕМАС, в 1928 г. выслан в Н. Новгород в 1933 г. приговорён к 10 годам заключения, расстрелян.

Эрн Владимир Францевич (1882—1917) — философ, окончил историко-филологический факультет ИМУ в 1904 г., один из создателей ХББ и МРФО в 1905 г., член редакции издательства «Путь» с 1910 г., профессор ИМУ, магистр философии, член Московского психологического общества с 1916 г., скончался от нефрита.

^I Ср.: «Толпа... в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего... Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врёте, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе» (*Пушкин А. Собр. соч. Т. 9. М., 1962. С. 216*).

^{II} Что и сделали многие противники ХББ, а Н. Ф. Езерский в вопросе о собственности сослался именно на природу (см. далее).

и жизни, исповедуя веру лишь формально. Так делали отдельные люди и целые государства, ставя выдуманные людьми законы, свои привычки и цели — выше законов Христа-Бога, подчиняя Церковь преходящим влияниям политики и интересам государства. Так было. Но так не должно быть в будущем для людей, исповедующих Бога всем существом своим. Л. Н. Толстой поэтому и не верит, что изменение политического строя или форм жизни даст людям счастье, что считает первой и главной задачей — внутреннее самоусовершенствование, борьбу с самим собой. И пока победы духа над плотью не одержано *каждым человеком* в отдельности, не может быть основано (по его мнению) и общественной жизни, дающей истинное счастье в духе Христа. Братство полагает, наоборот, что *разделять* задачу не следует: личное усовершенствование должно идти рука об руку с общественным. Борьбу за справедливость и правду, за всех „униженных, обиженных, страждущих и обремененных“ — они ставят своей *практической* задачей. И не только в виде личной и случайной помощи „меньшей братии“, но как *постоянную* цель государства. В теперешних борцах за политические и общественные идеалы Братство видит исполнителей заветов Христа, проявляющих *деятельную* любовь к людям. Тогда как многие признанные слуги Церкви и хранители веры исполняют законы Христа лишь внешне, оставаясь во всех своих привычках, взглядах и образе жизни язычниками. У русского интеллигента, в силу особых исторических условий (как полагает Братство), всегда была глубокая потребность своё „*религиозное делание*“ выразить в деятельности общественной. Поэтому деятельность общественная у нас всегда была проникнута этическим элементом, идеей самопожертвования, любовью к ближнему. Братство призывает к совместной „Господней работе“ всех верующих, *без различия исповедания и национальностей*, видя в этом смысл не только национальный, но и вселенский. Практические задачи Братства сводятся к борьбе не только против человека-зверя вообще, но и за широкое освобождение *личности* от всех видов гнёта: государством, капиталом, неправдой и всякой нездоровой силой. Добившись здоровых условий жизни и обеспечения личности от произвола, т. е. победы *вширь*, Братство представляет себе дальнейшую задачу — работу *вглубь*, т. е. нравственное самоусовершенствование. В этой перестановке главных задач существенное отличие ХББ от учения Л. Н. Толстого. Поскольку Братство выдержит неуклонно цель и не вырождается в клерикализм, утверждающий власть Церкви снизу, в то время как она укрепляется патриаршеством сверху, — покажет будущее. Пока же для таких заподозренных новых сил, выстраивающихся во фронт для энергичной борьбы во имя Христа с полицейско-капиталистическим строем жизни, нет оснований¹.

Противоположный полюс восприятия деятельности ХББ сразу обозначили Бобчинский и Добчинский тогдашнего православного миссионерства. В. М. Скворцов назвал листовки «злостроительной анархической литературой», составленной «опытной рукою крамольного проповедника из богословствующего лагеря церковных отщепенцев». По его мнению, обращение «К епископам» изобличает в авторе опытного богослова-схоластика и построено на подтасовке текстов (ни одного примера критик не привёл), «К крестьянам» подделано под тон церковного

поучения, а доказательство греховности исполнения *любых* велений власти — только сектантские рассуждения (снова без аргументов и попыток хоть как-то опровергнуть «обольстительные» толкования). Напоминание, «что одна глава Церкви — Христос», ярый монархист назвал «безумным глаголом» (!)^I, толкование приказа ап. Петру о мече — ехидным и злокозненным, а на призыв пострадать, исполняя заветы Спасителя, разразился инвективой: «Вот как лукаво и бесстыдно одурачивают анархисты простой народ»^{II}. Как ни удивительно, но, опровергая своё же основное определение, Скворцов свидетельствовал: прокламации составлены «в духе простонародных проповедей, без анархического задора и болтовни» и «представляют собою большой шаг вперёд в области подпольной агитаторской литературы», поскольку добиваются того, «чего социал-демократы не могли сделать устным словом и личным подходом к народу»². Такова сила живого слова, а признание врага, считавшего ХББ «самым опасным из существующих конспираций», особенно ценно.

И. Г. Айвазов не возражал в принципе против общих начал, изложенных Братством, признавал «их полное согласие с духом Евангельской правды», справедливо указывая, что Церковь пропитывала им экономическую, общественную и политическую жизнь только в допетровское время, а затем полностью лишилась голоса и должного влияния на религиозно-нравственное воспитание народа, сделавшись послушным орудием государства, но «во всём этом Церковь неповинна». Никогда она, дескать, не отказывалась и от соборного права; парадоксальным образом в подтверждение приводились созвучные Братству суждения И. С. Аксакова и В. С. Соловьёва. А где же 200 лет были пастыри и архи-пастыри?! Об этом миссионер тактично умолчал, зато обвинил ХББ в грубой несправедливости по отношению к православию и приниженному государством духовенству и возмутился тем, что Братство, порицая самодержавие, основывалось на Библии, а не на... государственном праве. Хотя Айвазов и не был против народного представительства, но обязывал сохранить «сокровище русского народа — Самодержавие». Пытаясь доказать не абсолютный, а условный смысл слова «неограниченный», прибегнул ко лжи (при коронации монарх не связывал себя послушанием Православной Церкви^{III}) и в довершение провозгласил: «Если возникнет дилемма — Царь или подданный, то необходимо встать за Царя»³. Все попытки опровергнуть *культ* самодержавной власти сводит на нет очевидный факт: повсеместное, невзирая на лица, написание с заглавной буквы слова «царь» в русском переводе Библии; вся официальная церковь и прочие

^I В 1797–1917 гг. государь российский официально именовался главою Церкви (ни один архиерей открыто этому не воспротивился).

^{II} Ср.: «Когда христианин проникнется духом кротости Христовой, его не нужно называть двусмысленно анархистом. Он христианин — и только. И не анархизма хочет христианин, а грядущего града взыскует, взыскует Иерусалима Небесного на земле» (*Иларион (Троицкий)*, сщмч. Творения. Т. 3. М., 2004. С. 17).

^{III} Всё было наоборот: «В управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительственного Синода, Ею учреждённого» (Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Гл. 7. Ст. 43).

государственные чиновники писали так даже местоимения, относящиеся к «высочайшим особам». Это и есть посягательство власти на Божье и требование себе высших почестей, отрицаемые Айвазовым и осуждённые ныне РПЦ. Борются с поклонением идолу и призывало Братство.

Невразумительно высказался еп. Антоний (Храповицкий): требование ХББ об участии в Поместном Соборе священников и мирян назвал «партийно-сословным притязанием духовных декадентов» и в то же время критиковал «желающих попасть на Собор с антисословными целями», к каковым причислял и членов «революционного Общества христианской борьбы, в котором участвуют 2-3 духовных профессора», отграничивая, впрочем, их от «нигилистов, отрицающих догматы, святые таинства и евангельские чудеса». По мнению преосвященного, «просвещённые авторы», призывающие осудить самодержавие, «упускают из виду, что безусловны требования всякого правительства», а потому «их нельзя не исполнять безнаказанно, хотя бы они противоречили заповедям»⁴. Получается, кроме наказания от земных властей, владыку ничего иное не беспокоило, и подчиняться он считал должным *любым* приказам *любой* власти.

Ту же превратную трактовку апостольских посланий отстаивал В. В. Розанов. Он упрекал ХББ за стремление «ввести Евангелие в центр наличной политической борьбы; сделать опорой своих чрезвычайно энергичных и *литературно-талантливых* усилий», считая это «подменой своим личным „я“ подлинной... воли Христовой». На его взгляд, христианство «канонизировало покорность», и, если завтра наступит социалистический строй с железною диктатурой пролетариата, священники покорятся ему «безвольно, инертно или, точнее, тоже со „страхом“ и „почтением“»⁵. Увы, пророчество в точности сбылось, и до сих пор нет церковного покаяния в том позоре.

Д. В. Философов, убеждённый, что Церковь как целое совершенно неспособна сочувствовать освободительному движению, отнёсся к «очень благородной» попытке ХББ «вполне скептически», сочтя это «лишь любопытным инцидентом», церковную реформу — иллюзией, а надежду на Собор — совершенно фантастической. Он видел «зияющее противоречие» в том, чтобы пребывать в Церкви и требовать изменений в ней, разрыва с абсолютизмом, примирения с культурой (слава Богу, история опровергла весь этот скепсис), и только в случае полного разрыва с православием готов был признать братчиков пророками вселенского христианства¹. Впрочем, отметив их «ярко христианское настроение», сетовал, что призыв «к неуклонному проведению в жизнь заветов Христа... звучит порою так строго и с такою властью, что напоминает порою давно знакомый голос отца Матвея ржевского, который заставил Гоголя сжечь вторую часть „Мёртвых душ“»; естественно, отторжение вызвал и аскетизм как идеал личной святости.

¹ Свенцицкий в ответ чётко указал: «Только по недоразумению можно видеть религиозную зависимость между христианской метафизикой и православной практикой» (С-П. 424). Ср.: «В учении Церкви нет догмата о самодержавии неограниченном, о котором не говорится ни в Символе веры, ни в определениях Соборов... Пастырь Церкви не изменит Христу, если будет сочувствовать партии, не признающей неограниченного самодержавия; это непризнание христианству не противно» (*Иларион (Троицкий)*, сщмч. Указ. соч. С. 30).

Поддерживая же критику Братством духовного блуда интеллигенции, Философов искренне полагал, что относится она только к мистическим анархистам, но не к его кругу⁶.

С. Н. Булгаков определил ХББ как «первый зародыш... чисто христианской партии, совершенно чуждой клерикализма, обскурантизма и прочих признаков прошлого, но воодушевлённой христианской верой, и во имя этой веры и идеалами демократии и социализма (которые, конечно, в христианском их понимании не имеют ничего общего с атеистическим социал-демократизмом)»⁷. А спустя четверть века выделил главные задачи ХББ: 1) «идейное и практическое преодоление традиционной идеологии, сливавшей и отождествлявшей политический абсолютизм с православием»; 2) «активная проповедь христианства, борьба с безбожием интеллигенции в её собственном стане — особая задача, выпавшая на долю нашего поколения и разрешавшаяся с посылкой искренностью и энтузиазмом, хотя и без решительной победы»⁸.

Социал-демократы поначалу были настолько удивлены явлением ХББ, что не могли определить отношение к его программе, но затем большевики таковые устремления назвали вредными⁹, а впоследствии приговор утвердился: «Направление странных кликуш апокалипсического и истерического христианства, порождение безумной „Речи об Антихристе“ Соловьёва, всегда остаётся ограниченным паствой из юродивых и снобов»¹⁰. Эсерам же точка зрения Братства оказалась «чужда, далека и непонятна»¹¹.

Тем не менее, саратовский священник о. Сергей Четвериков назвал предложения Братства «жалким повторением идей эсеров и эсдеков», забыв, что именно те извратили христианскую мысль, т. е. принял пародию за оригинал¹. Разве идеал означенных партий — Церковь Христова как воплощение полноты истины? Представимо ли у них подавляющее большинство пунктов программы ХББ? Об этом критик умолчал. Зато счёл апокалипсические чаяния пережитком XVI в., сравнив с анабаптизмом и словами «цвикауских пророков»^{II}, оспаривал факт невыполнения пока земной Церковью своего назначения во всём объёме^{III} и обнаружил крайне ущербное знание произведений В. С. Соловьёва и Ф. М. Достоевского, голословно утверждая, что у них нет ничего общего с воззрениями Братства на социализм^{IV}; обвинение же в «благоговейном поклонении» таковому

^I Ср.: «Враги христианства... уворовали и похитили из него те великие идеи жизненного созидания, которые носят и на их знамени» (Феодор (Поздеевский), смчч. Служба Богу и России. Статьи и речи 1904–1907 годов. М., 2002. С. 163). Программа ХББ совершает обратное: восстанавливает похищенные идеалы на их законной почве.

^{II} Лютеранская секта, основанная в т. ч. Т. Мюнцером, проповедовала «агрессивный евангелизм» — построение «царства любви и мира на трупах»; всеобщее священство; спасение не через Христа и таинства, а через личные страдания.

^{III} Ср.: «Церковь ещё не есть совершенное богочеловечество, ибо на земле она воинствует с грехом, и её человечество, хотя внутренне и соединено с Божеством, далеко не во всём Его выражает и Ему соответствует» (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. Гл. I.2).

^{IV} Пример полного единомыслия: «Я про наш русский „социализм“ теперь говорю... цель и исход которого всенародная и вселенская Церковь, осуществлённая на земле, поелику земля

прямо противоречит букве и духу программы. И в дальнейшем нечистый на перо критик подтасовывал, как душе его было угодно: ХББ собирается преобразовать (!) человечество в Церковь, историческим христианством именуется исключительно православие, отвергает необходимость для спасения веры и покаяния, «революционеры принимают его проповедников с распостёртыми объятиями», а Царствие Божие для Братства — «средство осуществления идей революционных и социалистических»... Заведомую ложь стыдно цитировать. Весьма комичен пассаж о рабстве: «апостолы сознательно и бережно сохраняли существующую форму жизни, заботясь лишь влить в неё новое содержание». Неужто память помрачилась, и толкователь забыл притчи Спасителя о заплатах и ветхих мехах (Мф. 9, 16–17)? Да нет, на соседней же странице писал о молодом винограде, но опять перевирая смысл (как будто бесёнок дёргал и сбивал с панталыку) и требуя залить его в *старые* формы. И назвал это «основным законом христианской жизни!» Таким образом, главенствующий пафос выступления священника — проповедь недеяния: по его мнению, покаяния и веры достаточно для спасения. С точки зрения православия, это ересь^I. А вот и явное кощунство: как аргумент против отрицания в Церкви власти, покоящейся на чём-либо внешнем, приводится... предание Пилатом (властью!) Христа на распятие. Оказывается, Господь утвердил и право собственности, сказав богатому юноше: «иди, продай имение *твоё*» (акцент на последнем слове); а предложение раздать имущество и общность его в Древней Церкви — «нечто совсем иное, чем то, что ныне утверждает ХББ»^{II}. И никаких доказательств; замечательная «логика»!

Отповедь всем подобным горе-критикам, в т. ч. нынешним^{II}, уже тогда дал о. Константин Аггеев: «Можно ещё по слухам, вкривь и вкось судить о ХББ... Но совсем непозволительно, имея под руками точный доклад о нём, так неправильно характеризовать Братство... Ужасные обвинения, но совершенно не соответствующие правде! Программа Братства имеет две части весьма неравномерного значения: первую, в которой жизненный нерв его, нужно считать основною, принципиальною; вторую — прикладною, указанием тех *путей*, коими в дан-

---

может вместить её... И если нет ещё этого единения, если не созиждется ещё Церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то всё-таки инстинкт этой Церкви и неустанная жажда её, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасётся лишь в конце концов всесветным единением во имя Христова. Вот наш русский социализм!» (*Достоевский Ф.* Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 27. С. 18–19).

^I Ср.: «Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? ...Человек оправдывается делами, а не верою только» (Иак. 2, 20–24); «И судимы были мёртвые... сообразно с делами своими» (Отк. 20, 12).

^{II} Сугубо это касается И. В. Воронцовой, в многочисленных опусах которой действительность искажена настолько, что читатель оказывается в зазеркалье; их надо рекомендовать любителям ненаучной фантастики или «параллельной» истории, а по степени невежества они достойны упоминания лишь в примечании как находящиеся ниже публичной критики (в её последней статье на 4 страницы о ХББ приходится 30 фактических ошибок: перевраны авторство, названия и выходные данные работ, цитаты, даты и события, идеи, биографии и даже фамилии персонажей, трое из названных участников Братства не имели к нему никакого отношения).

ный момент осуществляется идея Братства... Если можно в чём винить Братство с точки зрения „реальной политики“, то именно в том, что его программа сплошь — *религиозное восприятие мира*. И между тем социализмом, который г. Езерский называет „марксистской программой“, и программой Братства — отношение Христа и Антихриста. Можно ли после этого говорить о механическом приклеивании религиозного ярлыка к чисто социал-демократической программе?!»¹³

Непосредственный адресат этого обращения Н. Ф. Езерский ранее справедливо указал, что ХББ «совершенно чуждо всяких клерикальных тенденций» и, «выставляя на своём знамени евангельские принципы, не обладает узкостью ни одного из существующих вероисповеданий», но «близко подходит к народному мировоззрению и встречает в народе живой отклик» (поскольку в нём «сильна склонность к религиозному способу восприятия идей»); отметил искренность основателей Братства, широту целей («стремление привести в связь религиозное движение с освобождением трудящихся масс») и коренное различие с католическими социалистами: наравне с правительством обличается и официальная церковь, которая освящала угнетение народа и сама довела себя до полного бесправия. Но дальше шла несурезица: «ясной» целью ХББ Езерский считал создание политической партии, а центральным пунктом программы — «отрицание на основании Евангелия частной собственности и соответственное требование социалистической перестройки общества», полностью игнорируя конечный идеал и главные задачи Братства. Увы, каждый видит только то, что хочет... Позиции ХББ было противопоставлено путаное толкование Нового Завета: «Совет богатому юноше, начинающийся словами „если хочешь быть совершен“, показывает, что Сам Христос не решался ставить, как обязательное для всех требование, отречение от собственности, а вводил его лишь как высший идеал. С достижением христианским обществом этого идеала собственность сама собой упраздняется, но... упразднение собственности выдвинуто как обязанность собственников, а не как право народа». Вопреки апостолам Езерский считал ошибкой «стремление перенести в практическое требование конечный идеал христианства»^I и утверждал, что «полного отрицания собственности в христианстве не проводилось», ибо это противоречит природе человека. Непонятно, откуда он вывел, что программа ХББ обосновывает право людей взять имущество богатых насильно, не дожидаясь раздачи, тем паче — призывает упразднить собственность в пределах государства (Братство говорило только о среде верующих); уподобление же её марксизму («по всей терминологии, по основной точке зрения») не выдерживает критики. Как будто не читал оцениваемое, оппонент настаивал, что Свенцицкий плохо решён вопрос: «разрешается ли христианам насилие, и если нет, то каким способом будет действовать ХББ?»^{II}

^I Ср.: «Когда отдельный человек своё собственное бессилие осуществить на деле идеал всемирного совершенства выставляет как *ненужность* такого осуществления, это явный обман» (Соловьёв В. Оправдание добра. М., 1996. С. 182).

^{II} ХББ заявляло, что из средств борьбы принимает только стачки, забастовки и устройство профсоюзов, наполняя их новым содержанием и духом. Этот вопрос был подробно рассмотрен

Постоянно напоминая, что религия не должна унижаться до противоречащих её основным требованиям компромиссов, Езерский запрещал ей переходить границу иной области человеческой жизни — политики, поскольку там без них не обойтись; власть же не должна принимать целиком нравственные требования идеального характера. Изумительный разрыв между верой и жизнью! И при этом автор соглашался: «Религия берётся ответить на все вопросы, охватить человека целиком, регулировать всю его жизнь, весь мир переделать сообразно своей идее»; политические же учения — лишь продукт религиозного мировоззрения, а политика служит для проведения религиозных идеалов в жизнь...»¹⁴ В. А. Троицкий (будущий священномученик Иларион) резюмировал: «Получается какая-то внутренняя трагедия нравственной личности, и как можно разрешить эту трагедию — этого из статьи <Езерского> почти совсем не видно»¹⁵.

Прямые противоречия в рассуждениях типичны для людей с двоящимися мыслями, это признак отсутствия веры и помрачённости сознания. О таких людях Свенцицкий и Эрн писали: «Душа, разгороженная на две камеры — религиозную и житейскую, не может целиком отдаться ни служению Христу, ни служению людям. В результате получается жалкая полуистина, тепло-прохладное либеральное христианство, в котором нет ни правды Божьей, ни правды человеческой»¹⁶; «Поставить во главу угла живого Христа — они не хотят, потому что с живым Христом вся жизнь должна пойти по-иному»¹⁷. Езерский так и не решил для себя, осуществимы ли вообще религиозные идеалы, и, маскируясь, пускал в ход огульные обвинения: дескать, ХББ не проделало переработки религиозного учения, не вывело из него стройно продуманного воззрения на существующие общественные отношения и на задачи религии, подрывает её престиж, искусственно возбуждая религиозное воодушевление для чисто политических целей... Врачу — исцелился сам!

Г. Д. Векилов указывал тогдашним и последующим хулителям ХББ: «Чтобы правильно понимать... принципы Братства, необходимо различать в них главное и безусловное — от второстепенного и относительного. Главное заключается в следующем. Христианство как безусловная и всеединая истина должно охватывать человека целиком. Евангелие должно проникнуть во все стороны человеческой деятельности». Второстепенное же — внешние условия возрождения Церкви на тот момент: народовластие в политическом устройстве, социализм в экономическом. Увы, в силу ограниченности мышления и чуждости Церкви большинство критиков интересовало только последнее. Они совершенно игнорировали обильную литературу ХББ, где нет и следа наивного отношения к социализму, а наоборот, подчёркиваются глубочайшие принципиальные с ним расхождения: «Социализм думает только об этой земле; Братство же сознательной целью всех своих стремлений ставит новую преображённую землю под новыми небесами. Программа-максимум социализма — обобществление орудий производства; программа-максимум Братства — возрождённая апокалипсическая Церковь, полага-

---

в гл. 7 книги «Правда о земле» и подвергнут «блестящему анализу» (по отзыву Аггеева) в работе «Христианское отношение к власти и насилию» (С-II. 111–117, 162–188).

ющая начало преобразению Космоса. И тут уже не игра в метафоры и не звучные слова». В чём же явственная раздельная черта между сторонниками ХББ и его критиками, стоящими «на том же берегу»? При формальной согласии с универсальным требованием, «чтобы религия охватывала человека целиком и воплощалась и в политической деятельности», отказ «заполнять это требование универсальным же конкретно-историческим содержанием». Почему же делать исключение для политики, если мы *всю жизнь* призваны преобразить в христианском духе! «Братство есть органическое соединение двух элементов — безусловных велений Евангелия и современной общественно-политической действительности». Возможность полного воцерковления и отрицают поклонники абстрактных рассуждений, предпочитая веровать в одно, но жить по-другому. Векилов определил главный пункт, в котором сходятся противники ХББ, — воззрение на Церковь. Они не хотят признать тела Христова, не желают верить в единый организм, для них это только организация, так или иначе оцениваемое земное учреждение. Соборный разум Церкви считают более слабосильным, чем разум отдельных людей, «по-разному» решающих все вопросы; её превращают в политический клуб, в площадь, где торгуются и спорят. «Жажду церковного единства, которая лежит в основе деятельности Братства», считают попыткой «вытеснить человеческую свободу из положенных ей пределов», а призыв не грешить расслабленное сознание современного человека оценивает как посягательство на свободу личности (точнейшее определение духовного состояния и нынешнего общества). Братство же вместе с апостолами и Евангелием зовёт творчески работать для Царствия Божия, во Христе обрести изначальную, истинную свободу, через Него (а значит — через Церковь!) войти в обладание подлинной сущностью своей личности. «Воззрения Братства, — подводил итог Векилов, — настолько расходятся с господствующими взглядами, что понять их можно, только ознакомившись с ними в целом»¹⁸.

Весьма поверхностна распространённая трактовка главного расхождения Е. Н. Трубецкого с участниками ХББ: мол, один выступал против создания в России христианской партии, а другие на том настаивали¹⁹. Это справедливо только по отношению к Булгакову¹, идея Братства была иной. Подлинные противоречия обнажились в статье Евг. Трубецкого «К вопросу о дозволенном и недозволенном насилии»²⁰. Противостояние Церкви государству князь назвал «комической картиной» и обозначил свою цель — отнять у Церкви «бич», в т. ч. духовный, и «поручить его государству». В противовес евангельской терминологии Свенцицкого использовал философскую и, «со спиритуалистической точки зрения», отождествил... волю и дух^{II}. Столь примитивный подход, не различающий душевную и духовную стороны в жизни человека, для христианского мыслителя непозволителен, но сугубую научную неподготовленность Евг. Трубецкой явил

¹ Подр. см.: Рудницкая Е. Трактовка социализма «идеалистическим направлением» общественной мысли в России // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 34–37. Досадная ошибка автора: создавшая ХББ группа молодёжи названа «сплотившейся вокруг радикального неославянофила... М. А. Новосёлова».

^{II} Ср.: «Но человек не только имеет свободную волю, он должен владеть и свободой духа, вот эту свободу и надо разуметь при обсуждении вопроса о насилии» (С-II. 184).

и далее, запутавшись в элементарных построениях. Вот их схема: 1) материальная сила не может ограничить свободу духа^I, только свободу действий; 2) источник действий человека — дух; 3) оковы будут ограничением внешней свободы духа. Таким образом, вывод опровергал исходную посылку. Даже если допустить, что за скобками остались определения внутренней и внешней свободы духа (что само по себе обесценивает позицию), налицо крайняя философская наивность (смещение сущности и отношения) при псевдонаучной терминологии^{II}. Ни один из тезисов никак не обосновывался, а в отношении второго уместно спросить: почему не сердце, или разум, или чувства? Возможно, публицист и между ними не видел разницы... Зато считал логичным, последовательным учение Л. Н. Толстого, а Свенцицкого, помимо прочего, упрекал в «смещении церковного и государственного начал», в котором сам целиком повинен. К сожалению, в иных категориях критики ХББ мыслить не умели: высшей реальностью для них было государство; построению его, а не созиданию Церкви, отдавали они силы.

Вступивший в спор Векилов отмечал, что Евг. Трубецкой «мешает в одно совершенно различные вещи» и часто свои тезисы «оставляет совершенно немотивированными, очевидно, предполагая, что грамматическая форма, в которой они высказаны, обладает сама по себе такой доказательной силой, что доказательств логических никаких больше не нужно». Отчётливо указал корень разногласий — отношение к Церкви: «Братство верит не так. И психологическая, и логическая разница тут громадная». Констатировал явное неверие князя в истину христианской идеи, в силу её: «Христианство он понимает атомистически. За христианами он решительно не видит Церкви... Но разве Братство говорит о биче в руках отдельных христиан? Разве Братство говорит не о возрождении Церкви? А если не отдельные христиане, а Церковь возьмёт в руки бич — разве с Церковью не будет Христос? ...Нужно решить только один вопрос: должна ли Церковь взять действительно бич или не должна? ...Все диалектически трудные последствия активного выступления Церкви должны отпасть сами собой». Анализируя «обмолвки» князя, Векилов выделил главное в его духовном облике — отсутствие веры в Церковь Христову^{III}. Действительно, если он и готов признать Тело с единым сердцем и разумением, то «разве в виде крайне малочисленной общины, которая по этому самому никакого политического веса иметь не будет». Участник ХББ вопрошал: «Почему же? Только потому, что она малочисленна?... Вот он, большевизм чистой воды! Кн. Е. Н. Трубецкой, так красноречиво ратующий против большевизма революционеров, в самом главнейшем оказывается большевиком». Изумительно верная характеристика человеку, вздумавшему мерить неизмеримое государственным аршином. «Тут происходит самое вопиющее смещение качества с количеством... Вес Церкви, т. е. её действенность и сила, — мы верим (и с нами

^I Причём «в метафизическом значении термина» (чем оно отличается от прочих, не оговаривалось).

^{II} Пользуясь диагнозом архим. Феодора (Поздеевского), это «модная теперь умственная болезнь, которая известна более в форме невежественного дилетантизма».

^{III} Заметим: в отличие от Свенцицкого и Векилова князь писал «церковь», даже в цитатах игнорируя заглавную букву. В настоящей статье везде сохранено аутентичное написание.

Евангелие), будут такими, что светила погаснут, небо свернётся, как свиток, и мир старый исчезнет, дав место новому преображённому Космосу. И эта сила совершенно не зависит от того, сколько верующих будет в той Церкви»²¹.

На максимализм Братства оппоненты всегда нападали особенно рьяно. Говоря об ибсеновском Бранде, Евг. Трубецкой искренно недоумевал, «кому и для чего нужны все эти усилия, жертвы и подвиги», между тем, даже не заметив, сам дал ответ: «абсолютное совершенство или смерть». Да, или вечная жизнь во Христе, или гибель в огненном озере — иное человеку не предвозвещено. В этом суть дилеммы «всё или ничего», князь же такой выбор не приемлет, предлагая «умеренные, либеральные преобразования». Верно заметив: «Неудовлетворённость всем вообще существующим, неспособность к компромиссам, непримиримость, склонность к повышенным, максимальным требованиям, — всё это частные проявления той жажды безусловной, совершенной правды, которая живёт не только в нашем интеллигенте, но и в простом народе» (надо бы отметить — и во всяком истинном христианине), он трактовал максимализм как «сбившееся с пути религиозное искание». Налицо логический скачок: связи между тезисами нет. А дальше Евг. Трубецкой разразился формулой, намекающей и на христианство: «Кто мнит себя в обладании безусловной правдой, тот уже не ищет, не подвергает критике своих догматов», обвинив «монополистов истины» в самомнении и деспотизме, опьянении и бреде величия. Но тут же пытался дезавуировать её: «По отношению к безусловной правде максимализм уместен», опровергая заодно и основное положение статьи: «В существе своём максимализм — не более и не менее как извращение»²². Увы, человек с двоящимися мыслями нетвёрд на всех путях своих¹.

Не менее горячо протестовал против религиозного максимализма Н. А. Бердяев, вслед за В. В. Розановым углядевший «демонический уклон у хвалёного Бранда». «Маниакальной одержимости одной идеей» и прямому пути к ней он противопоставлял «душевную ширь, вместительность», отказ от «тяжкого бремени, морального изуверства» и принятие жизни во всех её проявлениях. За этой демагогией прослеживается та же розановская цель: вместо христианского аскетизма и деятельного исправления лежащего во зле мира — гедонистическое наслаждение падшим естеством, терпимость к порокам и потворство похотям, выдаваемым за «абсолютные начала». Распутывать все противоречия этой статьи — дело безнадежное. Сперва Бердяев обвинял максималистов в грехе (!) стремления не к вселенскому максимуму, а к индивидуальному, в помыслах о себе больше, чем о мире; потом — в непомерной требовательности не к себе только, а ко всему миру, в том, что слишком много на себя берут, намереваясь спасти его; и тут же укорял в «вымогательстве у Бога, требовании чуда». То уверял, что «дело спасения совершается историей», то возвращал прерогативу Христу. Констатировал: «Всякий верующий, искренний, идейный человек всегда желает максимума», но в то же время — «максимализм глубоко противоположен христианству». И всё это

¹ Через пять лет Евг. Трубецкой признал необходимым для религии принцип «всё или ничего», формально согласился с воззрениями Свенцицкого на насилие и повторил его идеи о государстве (О религии Льва Толстого. Сб. 2. М., 1912. С. 62–73).

объявлял «вселенско-религиозной точкой зрения», на которой не стоит Свенцицкий. А в пример ему приводил «гениальных» деятелей-немаксималистов: Лютера, Кромвеля, Мирабо, Бисмарка и ап. Павла...²³

Заметим, что и Бердяев («максимализм ведёт к сектантству, к ложной экзальтации, почти патологической, и нередко кончается изуверским умоисступлением»), и Евг. Трубецкой повторяли атеиста Альфреда де Мюссе, ещё в середине XIX в. назвавшего стремление к совершенству «наиболее опасным видом сумасшествия».

Негодовал Бердяев и по поводу сборника «Взыскующим Града» (М., 1906), из которого впоследствии многое почерпнул^I: «У Свенцицкого и Эрнэ опять слышатся мотивы религиозного изуверства и религиозного самодовольства. Кто уполномочил их судить и обличать? Как мало Христова духа в этой жестокости к грешным, в этих злых обличениях»; яростно отрицая единственный путь христианина (аскетизм «жестокий и кровавый... пессимистический и враждебный мировой жизни... находится ближе к чорту, чем к Богу»), призывал окончательно узнать того бога, который не требует от нас никаких жертв²⁴. Правда, через несколько лет Бердяев уже критиковал других за отталкивание пути, «на котором неизбежно прохождение через вольную смерть, через таинственную жертву... без которой нет творчества». Но даже не подумал принести при этом публичное покаяние, как подобает осознавшему свой грех христианину, хотя точно повторял ненавистных ранее противников: «Голгофа есть вечный путь человеческого духа... без неё невозможно воскресение»²⁵ — «Всякий желающий приобщиться Христу... должен принять в свою душу Его Голгофу. ...Христианство — непрерывная Голгофа» (С-II. 141). Это вопиющий пример механического приятия чужих мыслей без внутреннего перерождения^{II}. Подоплёку столь лихого переворота следует искать и в полемике с Братством, где высказывались наиболее крамольные мысли, вплоть до того, что Христос не был аскетом, и вообще аскетизм «противоречит христианской религии», т. к. «сущность его в прославлении смерти»²⁶. Вероятно, вняв совету Свенцицкого ознакомиться с брошюрами участников ХББ, где дана христианская идея прогресса, Бердяев весьма близко к тексту пересказал их в книге «Философия свободы» (гл. V), излагая смысл мировой истории: здесь и необходимые условия её завершения; и прозрение о том, что вселенная не преобразится, пока не будут выявлены все потенции, включённые в мир; и теория о возрастании не только добра, но и зла^{III}.

^I В частности, базовые положения: «Тоска по святом граде лежит в основе всех общественных и идейных брожений русской интеллигенции. ...Ищут его до кровавого пота, до отчаяния, до бунта, до исступлённого отрицания всякого града» (С-II. 129). Ср. на все лады повторяемое: «Мы живём как града своего не имеющие, как Града Грядущего взыскующие... Бунт и мятежность не менее характерны для нас, чем смирение и покорность» (Бердяев Н. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. Гл. I, VIII).

^{II} Ср. обличение Свенцицким «смазливому», «барского христианства», в котором «исчезает совершенно живая, творческая, обновляющая сторона»: «Удобное, покладистое, без покаяния, без всяких жертв, без всякой муки, не знающее кровавой Голгофы» (С-III. 21, 598; С-II. 190).

^{III} Перечень буквальных заимствований Бердяева см.: Альфа и Омега. 2012. № 2/3 (64/65). С. 459–463, 468–471.

Манифестом гуманизма^I должна быть названа статья П. Б. Струве «На разные темы»²⁷, она наверняка придёт по вкусу и нынешним принципиальным релятивистам. Признавшись в «сильнейшем отталкивании от всякого догматизма и скептическом отношении ко всякой притязавшей на абсолютное значение догме», автор ссылаясь на такое же «недогматическое мирозерцание» у убеждённых противников христианства Герцена, Ренана, Ницше и констатировал: «Максимализм как *проповедь* и как всепоглощающая *норма* поведения есть изуверство и деспотизм, непереносимые для современного человека... Всякая проповедь максимализма, адресованная к другим, есть догматическое изуверство... Вообще современным людям нельзя *проповедовать* никакой религии». Такова цель *нелиберального* плюралиста — лишить людей Благой вести, загнать в норы индивидуализма: пусть спасаются поодиночке! «Максималистом человек имеет право быть только для себя и внутри себя», но и там «не может, не уродуя себя и не насильничая над другими, быть максималистом всегда и сплошь». Потому-то образованный мракобес дико возмущён: «А в то же время волны догматизма растут. И самым высоким гребнем их является идейный, или религиозный максимализм наших непримиримых христиан. С некоторого времени кружок лиц, группирующихся около В. П. Свенцицкого и В. Ф. Эрна, издаёт свой орган „Живая Жизнь“, издание чрезвычайно живое, руководители и сотрудники которого подкупают искренностью и тем внутренним благородством, которого так мало в нашей журналистике. Даже когда они становятся грубы, — как, например, груб в отношении к В. В. Розанову и, в особенности, к кн. Е. Н. Трубецкому В. П. Свенцицкий в своей „защите максимализма Бранда“^{II} — эта грубость не злая и не мелкая, не пошлая, а, при всей своей жестокости, какая-то детская. Религиозный максимализм, провозглашающий: „всё или ничего“ и во имя этой формулы защищающий максимализм политический и социальный от критики „постепенства“, „обновленства“ и „примиренства“, ставит проблему догматизма во всей её режущей до боли остроте... Ибсеновский герой служит как бы живым образом^{III}, воплощением того способа отношения к жизни и миру, который дорог нашим религиозным максималистам, которым они желают регулировать всё своё поведение». Любопытно, считал ли Струве грубостью (детской?) своё обвинение Свенцицкого сотоварищи в том, что их максимализм «жесток и топ-

^I «Гуманность — вот бессильное то слово, / Что стало лозунгом для всей земли, / Им, как плащом, ничтожество любое / Старается прикрыть и неспособность / И нежеланье подвиг совершить... А был ли / Гуманен к Сыну сам Господь Отец? / Конечно, если б распорядился / Тогда бог ваш, он пощадил бы сына, / И дело искупления свелось бы / К дипломатической небесной „ноте“» (Ибсен Г. Бранд. Действие 3).

^{II} Ср.: «...русское общество вправе спросить кн. Трубецкого! Вы учите, что... надо быть максималистом только там, где вечность. Но максималист ли вы в сфере „вечных ценностей“? ...Пусть христианин... по слову Господа становится всем слугою, раздаёт имение своё, любит ближнего, как самого себя, всё оставит ради Него... Быть максималистом в политике и перенести сюда требования абсолютные — это „абберация религиозного сознания“, по-вашему, ну а *нигде* не быть „максималистом“ — это что? Может быть, абберация морального чувства?» (С-П. 458–459).

^{III} Ср. потешное заявление Струве: «У нас был свой живой Бранд... Лев Толстой».

чет — во имя абсолюта! — чужую личность»? Вряд ли подумал страстный до слепоты гуманист^I, что на Страшном суде придётся ответить и за эту *проповедь* антихристианства...

Струве и в письме 1907 г. к А. С. Глинке²⁸ выказал себя типичным образованцем, берущимся рассуждать о предметах, в которых ничего не смыслит. В том числе утверждал, что православие — это религия «материализации Бога», а у В. С. Соловьёва и его последователей этот христианский богоматериализм является настоящей философией православия и сие роднит их с революционерами («Я лично, непосредственно чувствую это, напр., в Свенцицком»). Себя объявлял протестантом («В этом я гораздо ближе к Толстому, чем к Соловьёву»), а «различия установленных церквей» — совершенно несущественными, но считал, что «религия сохранилась в мире почти исключительно в форме протестантизма», преодолевшего эсхатологическую веру. Оттого и клеймил неверующий в Апокалипсис возрождающих её людей.

Примером рационально-скептического отношения к воззрениям ХББ была на время завершившая дискуссию статья С. А. Котляревского²⁹. Живое единство христиан было для него идентично всякой общественной группе, где большинство подчиняется меньшинству, причём без какого-нибудь озарения свыше; воссоздание первохристианских общин — безнадежное дело; религиозное воодушевление всегда будет играть лишь служебную роль, прикрывая обычные людские интересы, и неспособно влиять на способы осуществления христианского идеала; утверждение единства средств к его достижению стирает всякую иерархию ценностей; Церковь не имеет права указывать верующим высшие начала человеческой жизни и оценивать исторический опыт, весьма опасны её притязания на полную правду. В применении евангельских принципов к экономическим отношениям гуманист увидел величайшую опасность для человеческой свободы и, упрекнув Братство в классовой ненависти, резюмировал его «ошибку»: «Вместо здорового сочетания идеализма в понимании целей и реализма в их осуществлении мы получили нездоровый утопизм». Такова и поныне торжествующая ересь^{II}: всё требующее подвига объявляется утопией, а компромисс с грехом — проявлением трезвости мышления и высшей терпимости.

Современный исследователь Н. В. Сомин, рассматривая «общепринятую доктрину», согласно которой «иметь собственность, даже значительную, — т. е. быть богатым, — не предосудительно... Если вы внутренне независимы от имени, не прилепились к нему, то тогда богатство — благо», пришёл к выводу, что она не является святоотеческой и основывается на мнении Климента Александрийского: дескать, «Христос не требует фактической раздачи имения, юноша

^I «Христианство, мне кажется, заключает в себе две струи: идеалистическую, иначе гуманистическую, и материалистическую, иначе космическую» (Там же).

^{II} Свенцицкий и Эрн первыми дали имя, обличили и заклемили ужасную духовную пагубу, указав основной и единственный догмат торжествующей, т. е. возведённой в закон и правило, ереси — верь в одно и живи по-другому, самое сердце душевной жизни может отдаваться чему угодно. Борьбу с нею считали задачей не только своей, но и каждого человека (С-II. 143–149, 509–512).

же, не зная тонкостей аллегорического метода, неправильно понял Христа» (Лк. 18, 22). Но в патристической литературе такое сомнительное толкование не встречается. Напротив, вершина святоотеческой имущественной этики — учение свт. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста: «Подлинно христианским отношением к собственности и богатству, отвечающим критерию христианской любви, является: на личном уровне — полное отвержение собственности, а на уровне христианской общины — общность имущества... Это высочайший евангельский идеал, освящённый Писанием и апостольским преданием... Хотя и в полной мере недостижимый, но исполнимый в своей существенной части». Поэтому столь смущающий пункт программы ХББ («для иудеев соблазн, а для эллинов безумие») должен быть признан строго православным, а отрицание его словом и делом — забвением святых отцов и отказом следовать за Христом. Историк Церкви констатировал: «Свт. Иоанн Златоуст был репрессирован, его сторонники — мучимы, сосланы и лишены влияния в Церкви. Началась эпоха „симфонии“ государства и Церкви, которая в реальности вылилась в подчинение Церкви государству. Церковь была отодвинута от социальных вопросов... Под воздействием „общепринятой“ доктрины сформировалось традиционное общество со всеми его достоинствами и недостатками. В России доктрина была окончательно сформулирована под влиянием западного богословия в 1860-х и, став непререкаемой нормой, бытует до сих пор даже как официальная позиция РПЦ³⁰.

Плачевные результаты давало поверхностное знание путей русского богословия начала XX века и впоследствии. Несмотря на то, что участники ХББ категорически отвергали хилиазм и заявляли об этом в своей программе¹, Г. В. Флоровский, цитируя упование Свенцицкого: «...ещё одно усилие добра — и раздвинутся своды небесные, мир содрогнётся, как умирающий больной, и разом засияет новое небо над новой, прекрасной, нетленной вечной землёй», исхитрился сделать противоположный по смыслу вывод: «Это была хилиастическая чувственная апокалиптика... пламенно „взыскующая града“, но града *здесь*... рай на земле». Забавно, что в качестве правильного понимания исторического процесса приведены почти буквально совпадающие со Свенцицким слова Эрна: «...наконец, последний взрыв, последнее напряжение — и тогда конец этому миру, начало Нового, Вечного, Абсолютного Царствия Божия»³¹, а затем от своего имени повторено их общее убеждение: «...мир не погибнет, не исчезнет, а „изменится“ и преобразится». Столь же поразительна следующая манипуляция с цитатами. Нужны недюжинные усилия, чтобы из слов: «Жизнь, история — это органический рост космоса. Это постепенное восстановление нарушенной гармонии»^{II} заключить, что цель сия «заслоняет задачу просветления и спасения отдельных инди-

^I «Всеобщего благополучия, по глубочайшей вере христианской, на этой земле никогда не будет»; «Надо раз навсегда на мечте о земном рае поставить крест. Не будет его... Во имя *высшей правды* не должно быть. Всеобщее благополучие — мысль антихристианская. Ложная и вредная» (С-II. 54, 89, 156, 258).

^{II} В другом месте Свенцицкий поясняет: «Грех есть... нарушение высшей нормы свободным человеком. Гармония должна быть восстановлена... Она завершится всеобщим воскресением.

видуальных душ)^I, и декларировать это, невзирая на недвусмысленное заявление автора: «Для преодоления дуализма индивидуального <аскетический> путь должен быть пройден... отдельной душой» (С-II. 506). Отсутствие у Флоровского хоть каких-то обосновывающих аргументов позволяет говорить о явной клевете. Ещё один подлог он совершил, отождествив идеи Мережковского, Гиппиус, Минского, Вяч. Иванова и... Свенцицкого, всех скопом обвинив в ожидании «богопьяной анархической общины»³². Это очевидная нелепость. Тем паче, сам Свенцицкий обличал духовную прелесть названных лиц: «Сущность её в том, что богосозерцание превращается в „богонаслаждение“, в „пьяность Богом“. Здесь страсти не побеждаются, а... обращаются на Бога. Вся грязь, похоть, все страстные желания свои человек обращает внутрь себя и в форме созерцаний предаётся по существу „богоопьянению“» (С-II. 498)^{II}.

Дж. Патнэм считал программу ХББ альтернативой атеистической революции, указывал, что она не пытается теологически ассимилировать Маркса, а основывается на примере ранних христианских общин, где «дух собственности» преодолевался любовью (неправоммерно называя это «примитивным христианским коммунизмом»^{III}), констатировал, что Братство отвергло идею группы Мережковского о новых откровениях и призывало Православную Церковь вернуться к изначальной чистоте (хороша его характеристика посланий ХББ: «clear and simple»)³³.

Один из первых историков Братства В. М. Андреев чётко определил заслугу его участников: «Они не только подвергли критике Синод и епархиальных архиереев, но и разработали конкретную программу церковных реформ и тем самым способствовали возбуждению общественного интереса к проблеме обновления

...Во главе с Христом встанет то, что готово воссоединиться с божественным началом, готовое принять высшую восстановленную гармонию» (С-II. 238, 258).

^I Через 30 лет и 3 года Флоровский одумался: «Христианство не индивидуалистическая религия и озабочено не только спасением отдельных людей» (Указ. соч. С. 668). Не стоит и историкам повторять опровергнутое.

^{II} Любопытно сравнить письмо сестры к П. А. Флоренскому от 15 февраля 1907 г.: «Ты пишешь о „пьяности“ на горных высотах. О той же пьяности Богом говоришь и в одной из статей... Не есть ли это вакхическое начало, только в области духовной?» Похоже, что Флоровский попросту подменил имена.

^{III} А. С. Хомяков в работе «Мнение русских об иностранцах» подробно сопоставлял два типа социального устройства: живую, органическую общину и коммуны как скопление человеческих единиц. Ср.: «Русская община, общинное поземельное владение окутаны нашей публикой... в подобие коммуны и коммунизма» (Аксаков И. Отчего так нелегко живётся в России? М., 2002. С. 458). «То, что в наши дни было так неудачно названо „первохристианским коммунизмом“, было на деле не результатом какой-либо специфически христианской экономической или социальной теории, а проявлением любви... Максимализм иерусалимской общины... навсегда останется в христианском сознании как неустранимый пример и завет; как идеал полного преобразования жизни, действительного обновления всех человеческих отношений любовью. И почти в каждую эпоху, всё в новых и новых условиях, будет возрождаться в сердцах христиан, пусть иногда очень немногих, стремление воплотить этот идеал первохристианства, сделать Церковь подлинной основой „новой жизни“» (Александр Шмеман, прот. Исторический путь православия. М., 1993. С. 26–27).

русского православия»³⁴. В. Ф. Марцинковский свидетельствовал: участники ХББ принадлежали к людям, «болеющим настроением Церкви, пламенно и вдохновенно писавшим о подлинном выявлении в ней правды Христовой, личной и социальной... Многие из интеллигенции смотрели с надеждой на их выступления»³⁵.

О. В. Останина также полагала, что Свенцицкий, «будучи человеком глубоко верующим и болеющим церковными вопросами... первым из представителей околоцерковной интеллигенции встал на позиции исторического православия». Это и последующие её объективные суждения должно отнести ко всему Братству, которое единодушно считало, что без христианства немислимо осуществление общественной правды, а потому центральное место в созидании свободного социума отводило Церкви. Выступая против тактики вооружённого восстания и классовой психологии марксизма, ХББ отвергало классовую борьбу, предлагало иной характер обновления общества: внутреннее духовно-нравственное преобразование человека на основе традиционных христианских требований; первостепенное значение в религиозно-общественном возрождении придавало личности. Призывая к церковным реформам, «не создавало новаций», основывалось «на традиционно-догматическом базисе», который истолковывало в соответствии с первоначальным христианством; революцию же и социализм использовало «как переходный этап в достижении Вселенской церкви». Но в работе Останиной встречаются и жгучие несообразности: дескать, «проповедуя крайние формы аскетизма», Свенцицкий «резко осудил аскетический характер ортодоксальных способов самосовершенствования личности»; оба взаимоисключающих тезиса не соответствуют действительности¹. О непонимании автором главного говорит следующий пассаж: участники ХББ названы «лицами, собственно к церкви не принадлежащими»³⁶.

А. Б. Ровнер, во многом основываясь на работе Д. Штеглиха «Vladimir F. Ern» (Вопн, 1966), отмечал: «Хотя в общетеоретическом аспекте программа... носит ярко выраженный православный характер и полемизирует с социализмом, в области практических идей („переход от индивидуально-православной собственности к общественно-трудовой“), а также в своей тактике Братство во многих пунктах смыкалось с социализмом»^{II}. Единственным же примером, как ни удивительно, указал следующее: «Организация, овладев (!) типографией, стала выпускать... воззвания к общественности, расклеивать по Москве плакаты». Исказил биограф Эрна и цитату: в оригинале — «от индивидуально-правовой», причём переход основывается на принципе христианской любви...³⁷ Недаром очерк назван Ю. Шеррер малосодержательным. Но и она поначалу утверждала, что главная

¹ Ср. взвешенную оценку О. Т. Ермашина и О. А. Коростелёва: «Аскетическое христианство Свенцицкий признавал носителем абсолютного содержания Вселенской Церкви» (Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. Т. 1. М., 2009. С. 14).

^{II} Ю. Шеррер сочла безосновательным мнение Д. Штеглиха, «что есть существенное различие между теоретической и практической частями программы, первая из которых основана как будто бы на христианских принципах, вторая же — в значительной степени на социалистических постулатах» (Вопросы философии. 2000. № 12. С. 104).

идея Братства — «создать специфически русский христианский социализм» на базе «частных особенностей русского православия» (по-видимому, подразумевая под этим соборность). Замечательно, что, разбирая программу ХББ, полностью игнорировала заявленный в первом же пункте идеал — Церковь, даже ни разу не употребила это слово. Зато подлоги следовали один за другим: якобы участники ХББ полагали, что общины первых христиан строились на принципах коммунизма, каковой и был их прототипом; а Россию считали «местом, предназначенным для осуществления вселенской истины богочеловечества», где только и возможна подлинная община. Это ложь, как и то, что Братство призывало христиан «законно вооружаться против капиталистов»³⁸.

Надо отдать должное французской исследовательнице: постепенно её понимание предмета и, соответственно, оценки менялись. Само название итоговой статьи «В поисках „христианского социализма“ в России»³⁹ о многом говорит: и кавычки, и формальное указание на отсутствие результата. Здесь констатировано различие и предельно малое взаимовлияние «одноимённых» движений в России и Западной Европе; изменены термины: вместо некорректного «социалистическое» — верный «социальное»¹. И если в заголовке одной из глав программа ХББ охарактеризована симулякрот «социал-христианство», вывод звучит куда отчётливей: это была «первая попытка группы религиозно ориентированной интеллигенции... сформулировать начатки программы социально-христианской политики, а не только социального учения». Шеррер верно заметила: лозунг «христианский социализм» подлинным проблемам Церкви уделяет лишь второстепенное внимание, тогда как «из программы Братства, как и из других сочинений его основателей, ясно следует, что не религия должна служить политике, а, напротив, политика должна быть поставлена на службу религии» (точнее выразился Аггеев: «Что особенно важно, путь здесь не от политики к религии... а как раз наоборот»). Увы, осталось неотмеченным, что именно Церковь — упование, надежда и любовь Братства, забота о ней — сердце программы. И всё же огромная заслуга добросовестной исследовательницы в том, что она смогла, пусть и не полностью, но отказаться от своих заблуждений: «...не только сравнение русского христианского социализма и западного бесплодно, но можно даже задать вопрос, уместен ли в приложении к программам, здесь проанализированным, самый термин „христианский социализм“». Вывод Шеррер лучше всего описывает генезис мифа: «...речь идёт лишь

¹ Ср.: «Термин „социализм“ никак не может быть прилагаем... к христианскому социальному движению» (Смирнов Н. // Богословский вестник. 1907. № 7/8. С. 523). «То, что называют христианским социализмом, не есть настоящий социализм и есть даже способ бороться с социализмом. Я готов был бы и себя признать христианским социалистом, если бы считал это словосочетание сколько-нибудь удачным» (Бердяев Н. Христианство и социализм // Сборник статей, посвящённых П. Б. Струве. Прага, 1925. С. 350). «Самое понятие „христианский социализм“ — такая же бессмыслица, как сухая вода или мокрый огонь» (Валентин Свенцицкий, свящ. Письма о социализме. Ч. 1 // Церковные ведомости. 1919. № 6); «такое же недоразумение, как австрийская монархия: это есть *contradictio in adjecto*» (Гиляров-Платонов Н. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» М., 2008. С. 290); «противоестественное сочетание понятий... по самому существу, по природе своей они взаимно исключают друг друга» (Иоанн Восторгов, прот. Полное собр. соч. Т. 5. Ч. 1. М., 1913. С. 329).

о „социальных христианских реформах“, которые в Западной Европе были ошибочно подведены под понятие христианского социализма»^I.

Иное дело — её российская коллега Е. В. Иванова⁴⁰, упорно ставящая ложную дату смерти Свенцицкого, приписывающая Флоренскому авторство двух рассказов в газете «Стойте в свободе!» и намеренно искажающая историю и суть деятельности ХББ. Например, отчаянно выгораживая Флоренского (зачем?), она приписывает ему неприятие Братства, а Андрея Белого называет инициатором его создания. Тогда как именно Флоренский в 1904 г. звал поэта примкнуть к «ордену» (предтече ХББ) и мечтал о журнале *братства*, где «моего и твоего нет»; Белый же мягко отказался, предпочтя остаться «преданным делу доброжелателем», чем быть «посвящённым в эзотерическую организацию». Доказывая «оппозицию» Флоренского к ХББ (ср. опровергающее её письмо № 185), Иванова основывалась лишь на «мемуарах» Белого, хотя понимала, что строит на песке: «Книга, написанная им в процессе усердной марксистской самоперековки, изображает в шаржированном виде всех спутников его дореволюционных духовных исканий» (добавим, что карикатура весьма неточна и фактически). Тем не менее, публикатор текстов без аргументов отвергла его меткое суждение о том, что именно из Братства «выветвилось» МРФО, документально подтверждённое А. А. Носовым^{II} (он называл «подлинную творческую лабораторию русской философии» формой легализации ХББ, отмечал «масштабность издательских замыслов московских религиозных писателей» и «чрезвычайную амбициозность проекта», целью которого считал «преобразование государственного строя России^{III} на началах христианской общественности») ⁴¹. Конечно, со временем ярлыки менялись и у Ивановой: из «экстремистской организации»^{IV} ХББ стало «оправдывающей террор политической религиозной» (разницы между оправданием и объяснением доктор филологических наук не видит), но переосмысления, как у Шеррер, не произошло, ввиду тенденциозности и поверхностного знакомства с материалом (например, брошюра Свенцицкого называется «завуалированной историей Братства», где *все* его члены «легко узнаваемы»).

^I Прискорбно для нашей историографии, но миф продолжает существовать, хотя «самого беглого знакомства с деятельностью и программой Братства достаточно, чтобы увидеть, как не подходит к нему это определение. В центре всего для Братства стоит Христос. Вселенская Церковь — вот то, к чему стремится оно в каждом своём политическом действии... Идея Богочеловечества, чуждая тому, что привыкли разуметь под „христианским социализмом“, положена в основу деятельности Братства» (С-П. 53).

^{II} Поначалу и он не избежал пагубного влияния «мемуаров» Белого, обвинив ХББ в «позитизации политического террора» и назвав это «бомбизмом» в истории русской религиозной философии (Новый мир. 1996. № 12).

^{III} В другом месте — «действительности», что точнее отвечает желаниям Братства.

^{IV} Термин заимствован у называвшего Свенцицкого «крайним фанатиком» В. Н. Орлова (Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 526) и преподавателя Института общественных наук при ЦК КПСС, датировавшего доклад о ХББ январём (!) 1905, считавшего газету «Народ» органом социологов, организовавших «вокруг ареста Флоренского шумную пропагандистскую кампанию, пытаясь приобрести на этом деле политический капитал», и сводившего его проповедь «к отказу от классовой борьбы» (Семёнкин Н. Философия богоскательства. М., 1986. С. 166–167).

Исчерпывающую характеристику её работе дал Е. А. Голлербах: «...ценна фактографией, но даёт малоубедительную интерпретацию излагаемых событий»; но не далеко ушёл от критикуемого автора: ХББ, по его мнению, утверждало «экстремистские формы вмешательства церкви в общественные и политические дела»⁴².

Корректнее выразился А. В. Лавров: ХББ «стремилось к совмещению христианских и революционных идей, к реформе и демократизации Православной церкви», верно определив и причастность к нему А. Белого⁴³. Ещё точнее формулировка Д. А. Головушкина: «Христианско-демократическая организация, призывающая Православную российскую церковь стать инициатором общественно-политической и революционной активности»; жаль, что наряду с добросовестным анализом в его диссертации допущены нелепые искажения фактов, ошибки в ссылках на печатные источники и архивные документы. Зато верно критиковалось обвинение ХББ в попытке «реформировать внутреннее христианско-догматическое учение», поскольку в его программе «нет никакого упоминания о необходимости проведения глубоких догматических реформ», она «не касается догматических основ православия», а значит, «не имеет расхождений с официальной церковью по фундаментальным вопросам веры». Правильно указана цель Братства — «не создание новой церкви, а необходимое обновление православия (отделение Церкви от государства, созыв Поместного собора, восстановление автономии прихода, реформа в области суда и духовного образования)»; чётко звучит и основной вывод: ХББ «не ограничивало свои требования реформой церковного управления, но было против каких-либо радикальных догматических и канонических реформ в православии». Одной из главных особенностей «новоправославного движения» исследователь назвал «развитие учения о Соборности», а это «не только противоречило существующему церковному строю, но и шло вразрез с западной реформацией, которая несла идеологию индивидуализма»⁴⁴. Рассуждая о создании в России христианской политической партии, Головушкин счёл насущным опыт ХББ: «Идеи христианской политики вызывают явное недовольство со стороны существующей власти и православной церковной иерархии... Между тем, они могли бы послужить реальной альтернативой авторитаризму, коррупции, моральной нечистоплотности политиков и прочему существующему в российском обществе злу»⁴⁵.

М. А. Колеров в книге «Не мир, но меч» (СПб., 1996) справедливо назвал ХББ «лабораторией христианской политики», а его идеи — «синтезом религии, философии и общественности», но вопреки всему масштабному исследованию допускал, что Братство лишь «фальсификация, создававшаяся усилиями Свенцицкого и Эрна». Растиражированные слова о том, что к лету 1905 г. оно «исчерпало свою политическую энергию, уступив место многочисленным издательским инициативам», — смысловая несуразица: одно другого не исключает, более того, без СМИ ныне политика не делается; вовсе не напрасно цензура квалифицировала статьи и брошюры участников Братства как политические выступления. К сожалению, заявка Колерова на «строгую документальность» не была исполнена: ошибок и домыслов избежать не удалось. Например, расклейку листовок ХББ в Москве он датировал январём 1905 г., предполагая, что печатал

их Г. И. Чулков в редакции питерского журнала «Вопросы жизни», и основываясь на воспоминаниях Белого, действительно описавшего события января, когда Братство ещё не существовало. Говоря о Свенцицком, Колеров отождествлял две статьи о «Бранде», как и работы о Толстом, путал даты лекций, считал, что книга «Второе распятие Христа» вообще «не увидела света»^I, а слова ап. Павла о взыскании града (Евр. 13, 14), по его мнению, «открывали широкие возможности для откровенного анархизма». Столь абсурдные заявления хоть в книге и редки, но снижают ценность многолетнего труда.

Определяя «жанровый генезис и инспирации листовок Братства», Колеров объявил их «очевидным прототипом» листовки Г. А. Гапона, но никаких доказательств не привёл⁴⁶. Анализ же выявляет коренные различия по стилю и содержанию^{II}. У Гапона, в отличие от лаконичного обращения ХББ, витиеватая риторика («Славные незабвенные рабочие, кровью спаянные дорогие товарищи»), речь от первого лица; его форма — приказ («ловите, презирайте, убивайте»), а пафос — месть. Тогда как Братство *показывает*, что должны делать верующие в Спасителя, напоминает о велениях Господа и только уповает на веру и совесть народа^{III}. Гапон говорит от себя, диктует форму и методы действий, снимая с людей всякую ответственность («разрешаю!»), и нигде не упоминает о Христе. Братство даёт примеры благообразных поступков, никак не принуждая к ним, не предопределяя выбор. Один проповедует насилие и разрушение, а другие призывают к мученичеству и страданию; Гапон толкает к массовым убийствам, а ХББ внушает, что убивать людей — грех. Поэтому сходство ограничено очевидным фактом — в обоих случаях это листовки. Но в условиях имперской цензуры такой способ довести до людей свои идеи стал обычным делом^{IV}, и без весомых аргументов говорить о «прообразе» и «подстрекательстве», как минимум, некорректно.

В. И. Кейдан в статье «На путях к граду земному» повторил ложные положения Патнэма, но понятие «христианский социализм» применительно к Братству отверг как «взятое из западно-европейской политической жизни» и неадекватное его идеям и идеалам, подчеркнув, что «достижение традиционных политических свобод» было лишь средством их осуществить. В документах ХББ Кейдан безошибочно увидел «первую попытку вывести и сформулировать социально-экономическую доктрину, исходя из догматики православия», хотя и счёл веру в переустройство общества на евангельских основах «наивным утопизмом»⁴⁷.

^I Замечательное владение русским языком!

^{II} Сбесившийся после Кровавого воскресенья Гапон призывал: «Так отомстим же, братья... змеиному царскому отродью... Смерть им всем — кто чем и как может! ...Бомбы, динамит — всё разрешаю. ...Уничтожайте ненавистную полицию. ...Убивайте их безжалостно... Давите без угрызения совести... убивайте начальников полиции, губернаторов, жандармов, генералов и офицеров» (цит. по: Исследования по истории русской мысли. М., 2002. С. 51–55).

^{III} Ср. повеление «скажите» в публикации Колерова и «скажете» в оригинале у ХББ.

^{IV} М. А. Новосёлов 17 января 1905 г., ровно за месяц до расклейки первых листовок ХББ, писал: «За отсутствием у нас, к сожалению, истинного русского органа... приходится изобретать другие способы проведения в сознание общества трезвых идей» (НИОР РГБ. Ф. 265. К. 195. Ед. хр. 26. Л. 1).

Заведомую, ввиду знакомства с первоисточниками, клевету содержала энциклопедическая статья С. М. Половинкина⁴⁸: здесь сознательно подменены цель ХББ («Программой-максимум являлся социализм»^I) и предлагаемые пути («Христианская общественность заключалась в анархизме»^{II}); налицо недобросовестное цитирование (упразднению подлежала не всякая власть, а основанная на чём-либо внешнем, и только в церковной жизни); Братство названо «крайним выражением нового религиозного сознания»^{III}, а для убедительности выдумана «поддержка» его мерещковистами. Всю эту ложь буквально, но без ссылки на автора, повторил архиеп. Константин (Горянов)⁴⁹. Любопытно его сопоставление: «Читая воззвания этого братства, перестаёшь понимать, где Свенцицкий, а где — Мережковский». Действительно, в книге последнего «Не мир, но меч» (СПб., 1908) многое взято из программы ХББ и преломлено антицерковным сознанием. Но претендующий на роль историка идей академик РАЕН не ощутил антагонизма в упованиях двух мыслителей^{IV} и не заметил, что написано это на год, два и три позже, чем документы Братства^V. Никак нельзя утверждать, что ХББ образовалось на основе идей деятелей Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг., наоборот — отталкивалось от них, в частности, иначе трактовало удачно найденный термин «правда о земле». Достаточно сравнить позиции В. А. Тернавцева: «Сокровенная в христианстве правда о земле — учение и проповедь о христианском государстве»⁵⁰, и Свенцицкого: «Никакое христианское государство немислимо»⁵¹, плюс требование ХББ отделения Церкви от государства. Многочисленные подлоги (в т. ч.

^I Ср.: «Во имя безусловного идеала христианских отношений, открывающихся в Царствии Божием, Братство всегда будет звать к новым, лучшим политическим формам, более совершенным, дающим всё больше и больше простора для проявления всех сил каждой отдельной личности»; «возрождение Церкви... осуществит больше, чем даже намечается в самых смелых мечтах социализма» (С-П. 17, 160).

^{II} Участники ХББ прямо называли анархистов «носителями духа Антихриста», развенчанию их идеалов посвящены статья «Социализм и проблема свободы» (Эрн В. Сочинения. М., 1991. С. 157–197) и письмо Свенцицкого «К будущим людям» (С-П. 397–401).

^{III} Подобный поклёп встречается и в диссертации Т. Б. Черемичиной «Взаимоотношение интеллигенции и русского православия» (СПб., 1994), датировавшей брошюры Свенцицкого аж концом XIX века, а идефикс И. В. Воронцовой — повесить бирку «нового религиозного сознания» на *всех* критиковавших синодальный строй.

^{IV} В статье «Революция или бунт?» Свенцицкий дал подробную характеристику расходящихся путей религиозной жизни (Приложение 1).

^V Например, осенью 1906 г. Мережковский, Философов и Карташёв пытались привлечь священников к митингу против усиливавшихся репрессий. Мережковский составил «Воззвание к Церкви», где, признав самодержавное правительство отступившим от духа Христова, следовательно, лишившимся благословения Православной Церкви, предлагал разрешить войско от присяги царю, в храмах молиться не за него, но за освобождение народа, объявить Синод лишённым канонических прав и немедленно созвать Собор (ВГ. Прил. 2). Формальное копирование действий ХББ налицо (к подобной манифестации Свенцицкий и Эрн призвали ещё в январе 1905 г., но тогда перечисленные лица, а также Франк, Розанов, Тернавцев — струсили), идеи же Братства были радикализированы, причём совсем не в христианском духе, и несуразные требования лишь обличают непонимание приверженцами «третьего завета» целей и долга Церкви. Подр. о влиянии организатора ХББ на мировоззрение современников: Чертков С. Судьба идей В. П. Свенцицкого // Альфа и Омега. 2012. № 2/3 (64/65). С. 451–476.

мнимое чаяние Тернавцевым «третьего завета») и внутренние противоречия¹ выводят измышления архипастыря за рамки серьёзного научного исследования.

Не более чем глупость и фраза Т. П. Беловой: «Руководители и члены ХББ находились в то время под сильным влиянием Гиппиус и Мережковского»; ни в письмах, ни в статьях подтверждений этому нет. Да и вся её работа, изданная в сб. «Интеллигенция России: уроки истории и современность» (Иваново, 1996), изобилует фактическими ошибками и несообразностями.

А ведь задолго до мифотворчества вышеназванных «специалистов» Ю. Шеррер подчёркивала разницу между «философами идеалистической школы» Свенцицким, Эрном, Булгаковым и группой Мережковского: одни «были почти отторгнуты церковью... но не отошли от православной Церкви, оставляя, однако, за собой право критического к ней отношения», а другие «ставили под сомнение современное церковное учреждение... и стремились построить существенно новую религию»⁵². Лучше же всего разницу между ХББ и мережковистами указал А. А. Ермичёв: и первые «хотели обновления церковной жизни, но не за счёт разрыва с исторической церковью» и создания собственной, а возвращаясь к первохристианству; «никаких „неохристианских“ откровений не принимали», но хотели «приблизить такое положение, при котором Церковь могла бы свободно и достойно нести свою ношу духовного окормления общества»⁵³.

Игумен Вениамин (Новик) определял программу ХББ как социальное христианство, выступавшее за демократизацию общества, отделение Церкви от государства, создание христианской общественности⁵⁴. Протопресвитер Виталий Боровой в докладе «Социальная проблематика в русском богословии» отмечал, что расцвет религиозно-философской и богословской социальной мысли в начале XX вв. породил ряд выдающихся деятелей — борцов за социальную справедливость (в числе их поимённо назвал организаторов ХББ). Знаток церковной истории призвал тщательно изучать это малоизвестное в наших современных христианских кругах явление и взгляды обличителей неправды тогдашнего христианского общества; сломать стереотипы и использовать лучшие положения в их трудах для развития церковно-общественной мысли⁵⁵.

Что и было сделано — подтверждением правоты ХББ, осуществлением многих чаяний собратьев стали «Основы социальной концепции РПЦ», где осуждены синодальная эпоха, абсолютизация власти и монархия как таковая, засвидетельствована справедливость и более «радикальных» тезисов о неисполнении при определённых обстоятельствах повелений власти и отказе повиноваться государству, праве на открытое выступление против него и призыве народа «применить механизмы народовластия для изменения законодательства» (Гл. III.2–7; IV.9)^{II}. Но эти и другие идеи приняты были соборным сознанием гораздо раньше: «Часть

¹ Сперва Религиозно-философские собрания объявляются «нецелесообразными с государственной и церковной точек зрения», а затем в них усматривается «добрая воля церковной и светской сторон к живому диалогу в поисках путей выхода из социального и духовного кризиса».

^{II} В комментариях ко 2-му тому Собрания сочинений Свенцицкого прослежено около 50 параллелей с этим документом.

предложений Братства — отделение Церкви от государства, выборы общиной кандидатов в приходские священники, епархиальными съездами — епископов, широкая церковная благотворительность и активная миссия в среде простого народа... на Поместном Соборе 1917 года включаются в Устав Православной Российской Церкви»⁵⁶.

В последние годы интерес к деятельности ХББ возрос, а оценки исследователей сблизились. М. А. Колесникова отмечала, что создание Братства стало, «по сути, реакцией интеллигенции на трагедию Кровавого воскресенья и на попустительское отношение официальной церкви в связи с данным событием. Члены данного сообщества, оставаясь преданными Православной церкви, включаются в политическую борьбу с самодержавием на основе евангельского понимания достоинства человеческой личности»⁵⁷.

О том же, перечисляя участников ХББ, писал А. А. Ермичёв: «Часть передовой интеллигенции... активно защищала православие, доказывая, что Церковь может быть освобождена от услужливости перед властью, может вдохновить борьбу за социальную справедливость»⁵⁸.

По мнению Т. И. Лузиной, основатели Братства принадлежали «к той части русской интеллигенции начала XX в., которая грезилась мечтами о религиозном возрождении Отечества, подчиняя свою судьбу делу всеобщего христианского служения», что привело к созданию идеала культурно-религиозного обновления общества. Деятельность ХББ, подчинённая основополагающей идее Богочеловечества — залогом эсхатологического освобождения в Царстве Божиим, трактовалась исследовательницей как попытка «утвердить в религиозном сознании идеи создания нового общества, основанного на социальной справедливости и опирающегося на христианские ценности», перенести акценты борьбы «за хлеб насущный» на борьбу за внесение их в жизнь, расценивалась как «сосуществование свободы религиозного поиска и глубокой преданности христианским идеалам» (при новом осмыслении христианских представлений незыблемость авторитета Церкви сомнению не подвергалась)⁵⁹.

А. И. Мраморнов считал, что труды ХББ «являются замечательным подтверждением того, что лучшие умы России ещё в годы первой революции вскрыли все пороки существующего общественного и государственного порядка не с позиций революционных и атеистических, а с точки зрения чистого евангельского учения». Характеризуя «позицию свободно, но по-христиански мыслящих людей», он отметил «мысль о необходимости такого общественного устройства, которое бы содействовало спасению души», отсюда следовали и идея о государстве как становящейся Церкви, и неприятие участниками Братства самодержавно-полицейского строя. На фоне сохраняющейся политической и религиозной актуальности их работ Мраморнов, в частности, указал, что и в наши дни «послушание подменяет Божью правду, заповеди Спасителя, скрывает всякую ложь и грех, а иерархи по-прежнему... не способны воспринимать себя прежде всего *служащими*, а не *правлящими!*»⁶⁰

К. М. Антонов, говоря об образцах для возможного социального переустройства, весьма точно восстановил логику рассуждения участников ХББ: «У апосто-

лов было так; мы — православные христиане; православная Церковь является продолжением апостолов; значит, существует православный социальный идеал, который имеет в основе христианскую любовь к ближнему, стремление к духовному совершенству, а в качестве образца — единокровие и связанное с ним общение имуществ первохристианской общины, и мы должны его воплотить... Если не на уровне общества и государства (на котором возможна только конкретная социальная работа по воплощению идеала), то на уровне конкретной общины»⁶¹.

О. А. Жукова также проследила логику, приводившую к требованию освобождения от «ига капитализма», доказывая, что программа ХББ «была не только и не столько социально-политической, но прежде метафизической. Образ Церкви как духовного организма, в котором отношения людей строятся на основе христовой заповеди любви и свободы, вдохновлял своей эсхатологической перспективой... Борьба за свободы здесь и теперь имело смысл только в горизонте Вечности — идеала нового Неба и новой Земли, где из тлена и греха восстаёт спасённый Христом человек». По её мнению, социал-христианская программа действий «была, в первую очередь, направлена на разрешение одного из болезненных вопросов русской жизни — идеологической и политической „спайки“ православия и самодержавия». Сосредоточившись на проблематике свободы, разрабатываемой участниками Братства, Жукова установила, что их «аргументация строилась на христианской метафизике и этике», и сделала закономерный вывод: «ХББ стало первым опытом в России создания общественно-политического движения на основе ценностей и смыслов Св. Писания... Свенцицкому и Эрну удалось артикулировать ряд значимых тезисов русской свободы, связав метафизический и политический её аспекты с жизнью русского общества». Стилистически не идеален, но плодотворен итог исследования: участники Братства «в духе социально-христианских идей пытались преодолеть конфликт между формами социальной жизни, высокими практиками культуры и церковным преданием, предложив выход из тупиков русской жизни»⁶².

К. Г. Исупов в присущем ему стиле определил задачу ХББ так: «Воспитание в гражданах чувства христианской приязни»⁶³. Вопиющим примером газетной безграмотности оказалась статья А. П. Козырева, аттестовавшего ХББ как «группу, созданную в Тифлисе и затем переехавшую в Москву... Они выступали — ни много, ни мало — за революционный террор с целью осуществления христианских ценностей, издавали листовки с характерным названием „Встань спящий!“ В своих листовках они писали, что подлинными святыми являются Софья Перовская и Андрей Желябов — ведь их призывы к революционному террору были своего рода осуществлением высшей христианской справедливости»⁶⁴. Поразительно — в сей цитате нет ни одного слова правды, не фигурально, а точно — ни единого! Ergo, столь же ложно именование в аннотации автора статьи «одним из крупнейших историков русской философии», иначе грош была бы цена отечественной науке.

Я. В. Морозова характеризовала МРФО как «один из крупнейших религиозно-общественных проектов в интеллектуальной истории дореволюционной

России, одно из самых масштабных идейных предприятий в истории русской религиозной философии», признавая в деле его организации безусловное идейное первенство членов Братства. Поэтому к ним в полной мере относится сказанное ею об МРФО: цель — духовное возрождение общества («проповедь веры в среде одичавшего в безбожии русского общества», по словам С. Н. Булгакова), укоренение христианского идеала в общественном сознании и реализация его во всех сферах жизни; религиозно-общественный идеал — «социальные отношения, при которых Церковь становилась активной и наиболее значимой силой в социальном и культурном строительстве», а также «пафос общественного служения, социального строительства, основанного на христианских заповедях, стремление к целостному восприятию мира, синтезу различных областей знания: религии, науки, искусства»⁶⁵. Гипотеза же Морозовой о якобы «двух МРФО» — явная казуистика⁶⁶, что неоспоримо доказывают собранные в настоящем издании письма и документы.

Вместе с Г. Д. Векиловым призыву: читайте и распространяйте работы участников Христианского братства борьбы — «предтечи важнейшего христианского синтеза», познавайте их положительные воззрения, если хотите что-то изменить в жизни нашей страны.

Ныне в Российской Федерации узаконены следующие пункты политической и экономической программы ХББ: демократическая республика как форма государственного устройства; выборы в парламент на основах всеобщего и равного избирательного права с прямой (увы, этого граждан лишили) и закрытой подачей голосов; несменяемость судей; отмена смертной казни; неприкосновенность личности, жилищ, почтовой корреспонденции, свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, право петиции; построение местного и городского самоуправления на основах всеобщего избирательного права; право наций на самоопределение; всеобщее бесплатное и обязательное образование; восьмичасовой рабочий день; установление минимума заработной платы, государственное страхование; законодательная охрана труда во всех отраслях производства; профессиональная организация рабочих и участие профсоюзов в установлении внутреннего распорядка фабрик.

Продолжается борьба за амнистию пострадавших за политические и религиозные убеждения; учреждение независимого гласного суда, равного для всех; реформу налоговой системы, в смысле развития прямых налогов на счёт косвенных, установление прогрессивного подоходного и поимущественного обложения; земельную реформу.

Настоящее издание является продолжением эпистолярия «Взыскующие града» (М., 1997) и также построено по хронологическому принципу. При пересечении с предшествующим сборником большая часть текстов сверена с подлинниками, в случаях устранения обнаруженных ошибок и неправильного прочтения документы в перечне первоисточников отнесены к соответствующим архивам. Не упомянутые в нём две попытки обнародовать переписку участников Братства

нельзя признать аутентичными из-за массового искажения содержания и дат¹, вызванного тем, что один публикатор не обладал должным профессионализмом⁶⁷, а другой даже не нашёл нужным ознакомиться с оригиналами⁶⁸. Около 200 писем ныне публикуется впервые. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского литературного языка при сохранении особенностей авторского стиля. Отточиями отмечены купюры на месте сведений, не касающихся деятельности ХББ и духовного развития его участников. Все письма откомментированы с учётом новейших изысканий в данной области, малоизвестных публикаций в повременных изданиях начала XX века и ранее не введённых в научный оборот архивных материалов.

Сердечно благодарю за помощь П. В. Флоренского, К. Д. Фомина, Т. А. Шутову, игумена Андроника (Трубачёва), М. С. Трубачёву, В. И. Кейдана, Ю. В. Балакшину, Н. Д. Галанину, В. А. Шера, семьи Калининых и Куликовых (потомков Свенцицкого).

Сергей Чертков
2015

- 1 Биржевые ведомости. 1905. 4 апреля. № 8756.
- 2 Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1905. С. 1458–1460.
- 3 Айвазов И. Отклики // Миссионерское обозрение. 1905. № 11. С. 321–333; № 13. С. 602–615.
- 4 Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1. СПб., 1906. С. 112–119.
- 5 Розанов В. Около народной души. М., 2003. С. 217–218.
- 6 Философов Д. Загадки русской культуры. М., 2004. С. 175–182, 118.
- 7 Булгаков С. Религия и политика // Христианство и социализм. Новосибирск, 1991. С. 66–67.
- 8 Александр Ельчанинов, священник. Записи. М., 2001. С. 17.
- 9 Вперёд. Женева. 1905. № 14. С. 12.
- 10 Луначарский А. Религия и социализм. Т. 2. СПб., 1911. С. 177.
- 11 Революционная Россия. 1905. 15 марта. № 61. С. 9.
- 12 Сергей Четвериков, священник. При свете православия» (Московский голос. 1907. 22 марта. № 12. С. 5–8)
- 13 Константин Аггеев, священник. Религия и политика // Век. 1907. № 12. С. 142–143.
- 14 Езерский Н. Религия и политика // Русская мысль. 1907. № 1. С. 106–124.
- 15 Христианин. 1907. № 2. С. 463.
- 16 С-Ш. 163.
- 17 Эрн В. Церковное возрождение (О приходе) // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906.

¹ Количество погрешностей выражается трёхзначным числом, причём смысл часто меняется на противоположный, поэтому цитирование указанных изданий чревато распространением ложных сведений.

- ¹⁸ Векилов Г. Проблема христианской общественности // *МЕ*. 1907. № 43. С. 20–34.
- ¹⁹ Балашова Н. Российский либерализм начала XX века (Банкротство идей «Московского еженедельника»). М., 1981. С. 88.
- ²⁰ *МЕ*. 1907. № 35. С. 20–26.
- ²¹ Векилов Г. Указ. соч. С. 35–38.
- ²² Трубецкой Е. Максимализм // *МЕ*. 1907. № 32.
- ²³ Бердяев Н. Против «максимализма» // *МЕ*. 1908. № 25. С. 3–19.
- ²⁴ Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 32–34.
- ²⁵ Бердяев Н. Религия воскресения // *Русская мысль*. 1915. № 7. Гл. VI.
- ²⁶ Бердяев Н. Доклад «Мистика и религия» на 75-м собрании Санкт-петербургского философского общества 14 декабря 1906 // *Церковно-общественная жизнь*. 1907. № 1. С. 22.
- ²⁷ *Русская мысль*. 1908. Кн. 2. С. 174–179.
- ²⁸ *Вопросы философии*. 1992. № 12.
- ²⁹ Котляревский С. Цели и средства // *МЕ*. 1907. № 47. С. 27–34.
- ³⁰ Сомин Н. Основные христианские доктрины о богатстве и собственности // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ. М., 2002. С. 33–34.
- ³¹ Эрн В. Сочинения. М., 1991. С. 218.
- ³² Флоровский Г. Христианство и цивилизация. СПб., 2005. С. 112–115, 157
- ³³ Putnam G. F. Russian alternatives to Marxism: Christian socialism a. idealistic liberalism in twentieth century Russia. Knoxville, 1977. P. 59, 72–75.
- ³⁴ Андреев В. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX века и его идеология. Л., 1971. С. 129, 139.
- ³⁵ Марцинковский В. Записки верующего. Прага, 1929. С. 27.
- ³⁶ Останина О. Обновленчество и реформаторство в Русской Православной Церкви в начале XX века. Л., 1991. С. 125–151.
- ³⁷ Ровнер А. В. Ф. Эрн // *Русская религиозно-философская мысль XX века*. Питтсбург, 1975. С. 386.
- ³⁸ Шеррер Ю. Неославянофильство и германофобия // *Вопросы философии*. 1989. № 9. С. 86–87.
- ³⁹ *Вопросы философии*. 2000. № 12. С. 88–135.
- ⁴⁰ Иванова Е. Флоренский и Христианское братство борьбы // *Вопросы философии*. 1993. № 6. С. 159–166; Павел Флоренский и символисты. М., 2004. С. 433–447.
- ⁴¹ Носов А. От «соловьёвских обедов» — к религиозно-философскому обществу // *Вопросы философии*. 1999. № 6. С. 90, 96; *Его же*. К цензурной истории религиозно-общественной печати (1905–1906 гг.) // Там же. 1996. № 3. С. 35–38.
- ⁴² Голлербах Е. К незримому граду. СПб., 2000. С. 85.
- ⁴³ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. М., 2001. С. 209.
- ⁴⁴ Головушкин Д. Обновленческое движение в Русской православной церкви в 1905–1925 гг. Ярославль, 2002. С. 80, 104, 108–109.
- ⁴⁵ Головушкин Д. Нужна ли России христианская политическая партия? // *Гражданин*. 2003. № 2.
- ⁴⁶ *Исследования по истории русской мысли*. М., 2002. С. 47.
- ⁴⁷ *ВГ*. С. 14–16.

- ⁴⁸ Православная энциклопедия. Т. РПЦ. С. 481.
- ⁴⁹ *Константин (Горянов)*, архиеп. Опыт встречи // Империя и религия. СПб., 2006. С. 37.
- ⁵⁰ Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). М., 2005. С. 19.
- ⁵¹ *С-П.* 172.
- ⁵² *Шеррер Ю.* Религиозные поиски русской интеллигенции начала XX века // Общественные науки и современность. 1991. № 2. С. 173.
- ⁵³ *РФОП.* С. 220, 10.
- ⁵⁴ *Вениамин (Новик)*, игум. Православие. Христианство. Демократия. СПб., 1999. С. 194.
- ⁵⁵ Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Т. 2. М., 1989; Журнал Московской Патриархии. 1987. № 9. С. 20.
- ⁵⁶ *Кейдан В.* Предисловие // Наше наследие. 1991. № 2.
- ⁵⁷ Колесникова М. Осмысление событий революции 1905–1907 гг. русскими софиологами конца XIX — начала XX вв. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 3. С. 134.
- ⁵⁸ *Ермичѳв А.* Апология русскости // Бердяев Н. Русская идея. СПб., 2013. С. 8.
- ⁵⁹ *Лузина Т. В. П.* Свенцицкий времени Христианского братства борьбы и «голгофского христианства» // Церковь и государство в истории русской мысли. Свято-Троицкие чтения в РХГА. 31 мая 2013 г.
- ⁶⁰ *Мраморнов А.* Богословие действия // Москва. 2011. № 11. С. 199–202.
- ⁶¹ *Антонов К.* Политическое измерение русской религиозной философии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 3 (32). С. 280.
- ⁶² *Жукова О.* Имперский порядок и метафизика свободы: христианский социализм В. Ф. Эрна // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. Орёл, 2014. С. 103–115.
- ⁶³ *Исупов К.* Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура серебряного века. СПб, 2010. С. 121.
- ⁶⁴ *Козырев А.* «Здоровый консерватизм», или Умная контрреволюция // Сайт «Русская Idea». 2014. 18 ноября. <http://politconservatism.ru/experiences/zdorovyy-konservatizm-ili-umnaya-kontrevolyutsiya/>.
- ⁶⁵ *Морозова Я.* Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьѳва: вопросы возникновения // Вестник РХГА. 2008. Т. 9. № 2. С. 181–191.
- ⁶⁶ Основательную критику гипотезы см. также: *Набокина М.* Структурные и организационные особенности Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьѳва // Вестник МГПУ. Исторические науки. 2013. № 1. С. 50–56.
- ⁶⁷ Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2011. Вып. 1 (33). С. 87–107; Вып. 2 (34). С. 77–92.
- ⁶⁸ Русское богословие: исследования и материалы. М., 2014. С. 199–131. Публ. Н. Н. Павлюченков.

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ
(1900–1911)

1. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<03.07.1900. Коджоры — Тифлис>

В потенции всё по отношению ко мне имеющий Эрн!

<...> Испытывали ли вы когда-нибудь, или по крайней мере имеете ли хоть маленькое понятие о поэзии чего-то промежуточного между бытием и небытием, между жизнью, преисполненной желаний, и полным их погашением, т. е. смертью? Не знаю, почему, но Коджоры уже много лет сряду производят на меня именно такое действие. Так же и сейчас я нахожусь в этом состоянии (не могу его назвать блаженством, т. к. я почти ничего не чувствую). С утра до вечера я читаю; но это не усвоение идей с обдумыванием и критикой, а просто механическое складывание в одну кучу. Зато читаю до одурения, так что под конец ничего не понимаю. Обстановка довольно поэтичная: или лес, или комната под крышей во втором этаже, откуда виден чудный пейзаж. По большей части солнца не видно, иногда моросит. На дворе холодно и сыро. Зато как приятно сидеть за шипящим самоваром или около лампы! Когда я не размышляю о своём местопребывании, то положительно теряю сознание, где я, что за время теперь. Так, где-то, вне времени и пространства, правильнее, вне определённого времени и определённого пространства. Я себя могу перенести сейчас в какое угодно время и куда угодно. Желаний никаких, перемен не хочется, общества...¹ кажется, тоже, к нему я безразличен. Но это не апатия, когда тошно жить: я вполне доволен и, насколько ещё не потерял способности чувствовать, чувствую себя хорошо. То, что я пишу вам, мне кажется писанием с какого-нибудь Марса на Землю или с того света на этот. И вы знаете, отношение к оставшимся, напр<имер>, в Тифлисе, такое, как к умершим: полная незаинтересованность, чувство невозможности быть вместе, а потому и кротость, правильнее, индифферентизм ко всем недостаткам и отрицательным качествам. Да и к чему бы не быть индифферентным? Исправить теперь уже нельзя. De mortuis aut nihil, aut bene. Скорее надо было сказать мне: De viventibus a mortuo aut nihil, aut bene². Да! Пока я умер на время³. Сегодня нам доставили письма и газеты. На меня они произвели такое действие, как если бы к вам слетел с неба пакет с сообщениями

о небесной иерархии. Уже из самого письма, я думаю, вы видите, что я почти сплю. Это действительно так: я сейчас лягу, а потому желаю вам всего того, чего вы желаете себе⁴.

P. S. Я вас жду неукоснительно. Не принесёте ли вы чего-ниб<удь> новенького для меня по философии etc.?

¹ Так в тексте.

² О мёртвых либо ничего, либо хорошо. О живых мертвецах либо ничего, либо хорошо (*лат.*).

³ Ср.: «Видите ли, психологически, для самого себя, по всем чувствам своим, я как бы действительно умер. Если бы я умер и в то же время я же мог остаться жить... то он, оставшийся, именно то же самое испытал бы, что и я в эту ночь. Теперь я не умер, но разве от этого факта мои внутренние переживания меняются? Фальшь в том, что эти чувства не соответствуют действительности. Так что действительность лгала, не смейтесь, пожалуйста, именно действительность. В душе моей всё до каждой точки так, как будто бы я умер, а я всё-таки фактически жив. Вот где ложь. И я, заявив, что я скоропостижно скончался, если уж на то пошло, правду восстанавливал, внутреннюю правду между душой моей и действительностью» (*С-1*. 129).

⁴ Далее следовал эскиз надгробной плиты с надписью: «П. Флоренский. † 1882—1900». Душа отрочества отлетела, вместе с XX веком в свои права вступала юность...

2. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<02.09.1900. Москва — Тифлис>

Дорогая моя мамочка!

<...> Я нашёл более удобным для себя жить в общежитии. Там же Эрн!
<...> Меня туда приняли, но когда перейду, — не знаю. Может быть, останусь здесь до 20, а, может быть, перейду завтра, послезавтра. Ещё одно письмо, пожалуй, можете написать по старому адресу, а потом пишете в общежитие студентов имени Николая II (Большая Грузинская, комната № 42). <...>

Пока ещё у нас было только 2 лекции, по химии, для меня скучные, т. к. читает Каблуков¹ довольно банально; всё, начиная от фактов и порядка изложения и кончая фразами, очень напоминает мне стереотипные пьесы шарманок; сами по себе они, быть может, и очень хороши, но наше внимание имеет свойство раздражаться, возбуждаться непривычными формами, новым способом изложения. Собственно говоря, ум великих людей и заключается в том, что их внимание утомляется труднее нашего; они умеют вечно удивляться, не скользят по запылённой поверхности будничной обстановки усталым взором, а стараются освободиться от гнёта мёртвых, стереотипных движений духа. И тем скорее удаётся им очистка себя от всех отбросов духа, чем сильнее их удивление, чем более по-детски, наивно созерцают они жизнь. Желая поделиться своею радостью с другими, они громко кричат о своём успехе, о своей радости, и на короткое время люди, более чуткие в своём

сне, пробуждаются, протирают глаза и подымаются навстречу оживающей для них природы. <...>

¹ После окончания 2-й тифлисской гимназии в 1900 г. три друга разъехались по столицам: Флоренский и Эрн поступили в ИМУ (соответственно, на физико-математический и историко-филологический факультеты), а Ельчанинов — в СПУ на историко-филологический факультет.

² *Каблуков* Иван Алексеевич (1857—1942) — физико-химик, экстраординарный профессор ИМУ с 1903 г., почётный член АН СССР (1932).

3. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<05.10.1900. Москва — Тифлис>

<...> Начавшееся в прошлом году увлечение Платоном у меня всё усиливается. Я нахожу у него всё более и более гениальных мыслей, не проблесков, а именно ясно выраженных мыслей, только что немного наивным языком, что делает их ещё прекраснее. Многие проблемы разрешены, по моему, исключительно у него, а после того или придерживались его мнений в той или другой форме, или высказывали мнения, с которыми невозможно согласиться. <...> В каждом слове его, да и не только его, а вообще греческих произведений, чувствуется какой-то особенный оттенок изящества; эту гармоничность, это «ничего слишком» нельзя вполне определить. Она даже сразу не замечается, но чем более вчитываешься, тем сильнее разгорается в книге искра духа, брошенная двойным гением: народа и писателя. Именно духа, т. к. нет ни одного слова машинного производства, каким способом фабрикуются теперь произведения по большей части. Быть может, фабричное производство удобно, даже красиво; с этим я не стану спорить, но сам я предпочитаю то произведение, на котором есть отпечаток духовности, как бы оно ни было неудобно во всех отношениях. <...>

4. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<17.10.1900. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша!

Когда я получил твоё первое письмо, меня взяла злость, и я написал ответ в резком тоне, но потом раздумал и письмо спрятал в комод; через неделю (приблиз<ительно>) злость моя утихла, и мне захотелось поделиться с тобой питерско-университетскими впечатлениями; я даже написал около трёх страниц, но не послал. Твоё последнее письмо, эти десятка два строчек совершенно изменили моё настроение: хоть я и оправдал тебя в своих глазах, понял,

каким настроением вызвано было твоё письмо, но неудовольствие исчезло совершенно только теперь. Так ты и знай, что меня всегда можно взять искренним тоном, это моя слабость. Насчёт того, что Христос не может не быть, я не согласен, пока не приступил к изучению Соловьёва, что нужно скоро сделать; кстати, знаком ли ты с ним?¹ Мне кажется, что ты согласился с ним во многих пунктах. Тут я познакомился с одним студентом <Турчаниновым>, рьяным соловьёвцем; это удивительно начитанный господин, особенно в русской философии; он аскет в соловьёвском смысле, вегетарианец, дышит через нос, ходит без пальто и уверяет, что единственная возможная метафизическая система — это система Владимира Соловьёва. Он меня так заинтересовал, что я постараюсь одолеть основной труд С<оловьё>ва «Критику отвлечённых начал». На филологическом факультете под руководством Лаппо-Данилевского² ведутся раз в две недели «беседы»: читается какой-ниб<удь> реферат, а после прения; на последней беседе к моему крайнему удовольствию договорились до моей задушевной мысли, что нет и не может быть системы обязательно-необходимой, т. к. исходные точки всякой догматичны; соловьёвец, о котором я говорил, не согласился с этим и обещал на следующее заседание представить реферат, в котором изложит метафизику, для всех логически обязательную.

Поклон Эрну, пусть извинит, что до сих пор не написал ему.

Прощай, твой А. Ельчанинов.

¹ Речь о метафизике В. С. Соловьёва, а не о личном знакомстве.

² Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863—1919) — историк, приват-доцент СПУ с 1890 г., автор статьи в сб. «Проблемы идеализма» (М., 1902).

5. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — А. И. ФЛОРЕНСКОМУ

<25.10.1900. Москва — Тифлис>

<...> Мною руководит неискоренимая вера, что, в конце концов, возможно одно, развивающееся мирозерцание, что такое мирозерцание будет рано или поздно. И я вовсе не хочу *создать* что-нибудь новое, я не думаю, чтобы в этом была надобность. Вместо того чтобы говорить, что нигде нет истины, я говорю: везде она есть по частям, везде, начиная от древнейших религий Востока и кончая современными научными теориями. Великий процесс синкретизма, совершенно справедливо прекращённый течением новой струи христианства, начинается теперь, имея все данные, снова, и следы этого можно видеть почти на всяком мыслящем человеке. Мало-помалу догматики, буквалисты исчезают. Среди учёных — движение в сторону религии, среди духовных — в сторону науки. Взаимодействие с философией с обеих сторон, которая служит соединительным звеном, всё усиливающийся интерес к философии, метафизике — всё это признаки чего-то нового, и не обращать на них внимания, пренебрегать тем или другим явлением духовной жизни, мне

кажется, теперь, особенно теперь, невозможно. Быть может, культура движется толчками, выдвигая сразу вперёд то ту, то другую свою часть. Но из этого не следует, что остального тела её не существует. <...>

Б. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<17.11.1900. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша!

Ты меня очень заинтриговал своим письмом; но я буду терпеливо ждать того времени, когда ты «добьёшься своего». Я, право, иногда тебе завидую: завидую твоему умению идти прямо, «куда влечёт тебя свободный ум»; у меня этого нет, я не способен уйти с головой в вопрос, поглотиться им, как бы он интересен для меня ни был. Теперь меня прямо раздражает на части гносеологическая задача. Вместо изложения по порядку напишу тебе, какие мысли лезли и теперь лезут мне в голову ежедневно и еженощно.

Я совершенно не могу быть уверенным в чём-нибудь: ведь я знаю, что наряду с моим мнением сотни и тысячи людей думают иначе; если применить сюда теорию вероятности, то уверенность вряд ли возможна.

Пока мы занимаемся логическими построениями — абсолютная истина для нас невозможна, т. к. логические законы — чистая случайность; будь они другими у человека, и истина была бы другая, мы связаны ими по рукам и ногам, не говоря уж о кантовских формах интуиции и категориях рассудка — обязательной для всех системы быть не может, так как всякая система зиждется на нескольких постулатах, принятых догматически (таковы предпосылки Канта), а раз в основе каждой системы кладутся постулаты, принятые на веру, то таких систем, конечно, можно понастроить сколько угодно.

С этикой обстоит у меня не лучше; если успокоиться даже на относительном решении этического вопроса, то дело не поправляется (передай это Эрну): положим, нам говорят: «поступайте по совести». Но известно, что у разных племён и у разных лиц *одного* народа совесть бывает развита неравномерно, так по указаниям какой же совести поступать, брать ли совесть бушмена или кафра, или просвещённого европейца? «Конечно европейца», отвечают обыкновенно, «европейца христианина», т. к. он достиг высшей ступени развития; если допустить даже, что европеец достиг высшей ступени etc., то это не значит, что и совесть его достигла высшей ступени, может быть, она как раз регрессировала; ведь у нас нет критерия для такого различения, пока мы ещё не установили нравственного принципа (*petitio principii*¹).

При всём этом у меня появилось отвращение ко всему определённом, положительному. Если ты не читал «По ту сторону добра и зла», то я приведу тебе несколько афоризмов, которые я больше других понимаю, т. к. чувствую сам:

«Сообщая выводы своего разума другим, невольно к ним охладеваешь». «Всё безусловное, положительное, принадлежит к области патологии». «То,

что становится понятным, перестаёт интересоваться». «*Зачем вам непременно нужна истина?*» «Часто я пытался избавиться и отдохнуть от самого себя и, как усталый путник, шёл на неверный, загадочный огонёк, в виде какого-нибудь почитания любви, вражды или учёности, наивности и даже глупости!.. Я должен был искусственно всё это добывать, или творить, или, наконец, подделывать».

Последние места особенно важны, т. к. ими вполне освещается весь характер сочинения Ницше; кроме того, я думаю, ты можешь кое-что отсюда применить к себе. <...>

Жду с нетерпением, когда ты «сможешь». Твой Саша Ельчанинов.

¹ Предвосхищение основания (*лат.*), т. е. логическая ошибка, когда в качестве аргумента в доказательстве используется утверждение, обоснованность которого неявно уже предполагает истинность доказываемого тезиса.

7. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<30.11.1900. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша! Спасибо тебе за письмо и за «предварительные» замечания; они много для меня выяснили, особенно твоё рассуждение о суждениях и псевдосуждениях (комбинациях слов). Конечно, я очень хочу продолжения, если тебе не особенно трудно. Прости, пожалуйста, но твоя фраза «я, кажется, почти согласен с учением церкви *православной*... главным образом, на основании занятий математикой и философией» для меня звучит дико; признавать вообще христианство на основаниях такого рода — это ещё ничего; но именно православного толка, этого я покамест не могу понять, ведь разница и основывается на толковании текстов, на некоторых догматах etc.

Я часто наблюдал субъектов, которым нравится скептицизм, отрицание всего, и которые крайне были бы недовольны, если бы им логически указали на твёрдые основания для философского мировоззрения, таков, например, Минский, питающий «вражду к тому, что есть» и который жаждет «святынь, которых нет»¹. Пишу об этом для нижеследующего; уверяя тебя, что я не таков, я самым искренним образом хочу на что-нибудь опереться, и тем неприятнее мне было, что твоё рассмотрение афоризма Ницше не убедило меня. Есть суждения истинные и суждения ложные (например, суждение, что гром — это колесница Ильи — ложно, в нём нет совпадения мысли с действительностью); отсюда вопрос, нужно ли такое совпадение? (это вопрос, а не утверждение, как ты понял это, Ницше *не* говорит, что не нужно истинных суждений, он просто показывает, что мы не имеем указания, выбирать ли нам ложное суждение, или истинное) это вопрос этики, поведения, пожалуй. Твоё доказательство и есть софизм «истец»², потому

что Ницше не отрицает того, что бывают суждения истинные, а бывают и ложные, неизвестным остаётся только, почему мы должны брать одни и отвергать другие.

Насчёт возможности других логич<еских> законов вопрос не так важен, потому что я *согласен* мыслить так, как к этому принуждает меня свойство моего разума, лишь бы хоть эту, относительную истину можно было бы с полным правом получить. <...>

Я с нетерпением жду весны, чтобы увидеть тебя и Эрна, на словах, я думаю, всё выяснится, а писать трудно. <...>

P. S. Вообрази себе, Павлуша, я ужасно зол на Вл. Соловьёва и на его «Критику» (я её не читал). До самого последнего времени М<ария Николаевна> Худадова разделяла со мной все мои сомнения; была полная солидарность в этом отношении, и потому мы были, можно сказать, добрыми друзьями по несчастью. И вдруг прочитывает Маня однажды (по моему же совету, кажется) «Критику» и радикально меняется, у неё теперь «своя» метафизика, «своя» этика etc., etc., мы говорим теперь на разных языках, и я опять один... целая драма с не совсем обычными персонажами.

¹ *Минский* (Виленкин) Николай Максимович (1855—1937) — поэт, философ, публицист. В книге «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890) писал о «несуществующих святыхнях» («меонах»).

² Скорее всего, речь о споре между софистом Протагором и его учеником Еватлом (*Диоген Лаэртский*. IX, 56).

8. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<02.02.1901. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша!

Очень благодарен тебе за сведения. Они мнегодились. Павлуше давал прочесть твоё письмо. Что он думал, когда читал, совершенно не представляю; знаю только, что всякого рода «общественная деятельность» вызывает у него улыбку. Отвечаю на поставленные тобою вопросы. Наши академики не думают соединяться с радикалами¹. У них были заседания двух групп, на которых большинство решило придерживаться такой программы. Во-первых, «литературная» деятельность, т. е. развитие своих взглядов посредством бюллетеней. Выпущено уже два, из которых один очень длинный, посвящённый критике министерского проекта, пущен в оборот в общество для уничтожения там таких слухов: будто бы удовлетворение желания студентов даёт им прекрасную организацию, а они всё волнуются, значит, их волнуют со стороны. <...> А в другом бюллетене, призывая студ<ентов> не присоединяться к уличной демонстрации, которая назначена И<сполнительным> ком<итетом> у нас на 9 февр<аля>, излагают свой план действия. Насколько я слышал, он

будет такой. Теперь не отделяться от профессоров (которые очень сочувствуют программе академиков). Профессора наши отказались *единогласно* принять мин<истерскую> организацию, раскритиковали её и теперь составляют свой проект организации, в основу которого легла организация профессоров будет отвергнут в министерстве, в таком случае академики устраивают забастовку, забастовку мотивированную; и к ней постараются привлечь профессоров, на успех чего есть надежда. Вот программа академиков, как я слышал. Не могу с уверенностью сказать, насколько успешно она будет выполнена. Исп<олнительный> ком<итет> всячески ей противодействует. <...>

Твой Володя.

¹ Студенческое движение в ИМУ распалось на требовавших конституции, народного представительства, автономии высшей школы и сторонников лишь академических реформ.

9. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<08.02.1901. Москва — Тифлис>

Дорогая моя мамочка!

Теперь я окончательно устроился и могу спокойно заниматься, хотя на несколько масленичных дней лекций нет.

В общем в университете спокойно. Было три сходки, но на них присутствовало очень мало. На одной из них всех участников (308 человек) переписали и теперь их «дело» разбирается; ходят, впрочем, слухи, что его постараются замять и оставить без последствий¹. На последнюю сходку, назначенную в понедельник, собирались как-то бестолково, и их не пустили в актовую залу. (Это всё говорят, а за достоверность не ручаюсь.) <...>

В университете висят везде объявления, напечатанные крупными буквами, что-де «недоброжелательные правильному ходу университетской жизни элементы» мешают заниматься etc., но теперь в числе 308 человек переписаны, и что назначенная ими «от лица всего университета <обструкция> не состоится, так как надеются, что» etc. Объявления, впрочем, весьма невинного свойства и написаны в сдержанных выражениях. Не понимаю, почему закрыли какую-то из здешних газет, напечатавших у себя его.

Математический факультет, по-видимому, самый «консервативный». Со всего факультета присутствовали на сходке 2 человека, да и те покакались. <...>

¹ Речь о сходке протеста в ИМУ 29 января 1901 г. по поводу отдания в солдаты киевских студентов. После расследования и выяснения степени ответственности многие её участники были исключены из ИМУ, подвергнуты административной высылке и другим взысканиям.

10. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<21.02.1901. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша! <...>

Мне бы хотелось поделиться с тобой такими мыслями, которые беспокоят меня последнее время: стремление к истине прирождённо всякому, оно безусловно должно являться регулятором нашей жизни, и счастливы те, которые чувствуют себя способными приблизиться к истине, работать для неё головой: синтезировать последние выводы метафизиков и продолжать развивать этот синтез, но что делать остальным людям, у которых есть стремление к истине, а нет сил не только приблизиться к ней дальше современного состояния её понимания, но даже понять, сознательно усвоить то «приближение», которое теперь получили эти единицы, монополисты метафизики, о которых я говорил раньше? Неужели им бросать практическую деятельность и братья за учебники философии? Ты, может быть, ответишь, что чувство истины, непосредственная её интуиция может открыться независимо от учебников, что истину можно преследовать в практической деятельности, но и здесь затруднения: никакая практическая деятельность невозможна без установленного мировоззрения, а это последнее невозможно без остального знания философии, по крайней мере, для ума с критическими склонностями. Право, думая об этом, придёшь к мысли, что идеалом является царство, в котором пророки с высоты кафедр возглашают истину, а толпа лежит внизу и воспринимает совершенно пассивно «глаголы мудрости». Я бы мог писать об этом ещё много, но боюсь утомить тебя.

Я очень рад, что ты познакомился с Турчаниновым: у него много знаний, но нет творческой мысли, такого полёта фантазии (в лучшем смысле), как у тебя. Напиши, что с ним. <...>

Насчёт того сомнения, которое я тебе изложил выше, прибавлю, мне бы очень хотелось верить, что мировоззрение человечества и его этика развиваются сл<едующим> образом: 1) передовыми борцами, завоевывающими истину на той или другой стадии её диалектического развития, являются гении; 2) они распространяют эти взгляды в толпе, и таким образом и мировоззрение народа развивается диалектически; 3) сообразно с развитием мировоззрения эволюционирует и поведение каждого человека, этика человечества. 1-е я ещё могу сознательно усвоить, 2-го я прямо не вижу; не вижу, чтобы метафизика какого-нибудь профессора философии фон Шеллинга распространялась по всему человечеству; если же и есть такое распространение, то почему гении так быстро шагают? почему, почему, пока народ прошёл один этап и едва-едва добирается до второго, гений уже проходит двадцатую станцию?

Я говорю неясно: я думаю, что гений должен вещать новые слова тогда, когда старые, открытые прежним гением, уже усвоены человечеством. Говорят, что гении способствуют ускорению нашего приближения к полному

знанию, но это приближение состоится для единиц, для десятка человек на всю Европу, а несчастное человечество в это время с трудом, обливаясь потом, будет доходить, скажем, до третьего этапа, в то время, как десяток счастливых будет уже спасено. Это положение, по-моему, крайне ненормально, направлять все свои силы на то, чтобы поскорей долезть доверху! Вместо этого, если я сильнее других, я предпочитаю спуститься на несколько ступенек ниже и помочь отставшему большинству.

Прости за болтовню. Твой Саша Ельчанинов.

11. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<26.02.1901. Москва — Тифлис>

Дорогая мамочка!

Пишу тебе в довольно-таки неприятной обстановке. Волнение всё усиливается и грозит принять серьёзные размеры, тем более что одновременно с движением пан-учебным вспыхивает что-то среди фабричных: сегодня была крупная драка на Тверской с полицейскими. 23-го февраля была сходка; всех собравшихся загнали казаки в Манеж, где их держали 2 дня и только вчера ночью перевели в тюрьму на Бутырке. Рассказывают о целом ряде самых возмутительных историй, говорят, будто запертых студентов полицмейстер обещал «заморить голодом» и т. д. Сейчас, как говорят, происходит у нескольких человек в общежитии обыск; да и вообще тут подслушивают, подглядывают за нами по случаю волнений. Сегодня Тверская была баррикадирована скамейками с бульвара, фабричные грозят перевернуть конки и т. д.

Не думаю, чтобы были после этого серьёзные занятия в университете; я слышал, но, быть может, это только сплетня, что ректор подал отставку; инспектор же давно заблаговременно подал рапорт о болезни.

Оставаться в бездействии в скором времени будет невозможно. Может быть, мы будем действовать в том направлении, чтобы подали петицию на Высочайшее Имя с просьбой об отмене «временных правил»¹. Но это надобно было сделать раньше, а теперь, думаю, поздно уже.

Хотя я занимаюсь, но чувствую, что от этих занятий мало проку: такое у нас неопределённое и нерешительное положение. Но уезжать теперь из Москвы мне нельзя; надо будет как-нибудь действовать; а не удирать.

¹ Главным требованием сходки более 600 учащихся московских вузов, переросшей во всероссийскую студенческую забастовку, и была отмена утверждённых императором 29 июля 1899 г. «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками учебных заведений за учинение скопом беспорядков», по которым студенты отдавались в солдаты, невзирая на возраст, семейное положение и состояние здоровья. Резолюция через особую депутацию была отослана ректору ИМУ.

12. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<27.02.1901. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша! Не пишу покамест большого письма т. к. не в настроении, кругом такие вещи, что, право, голова кругом идёт. У нас объявлен очень интересный курс проф. Никольского¹ (было уже 5 лекций) «Лирическая поэзия Фета». Он декламирует чудно. Благодаря этим трём лекциям, я понял 1) что такое Фет и 2) какое огромное значение имеет для понимания поэта искусство декламировать. <...> Очень прошу тебя написать подробнее о ваших событиях, мне это крайне важно. Твой А. Ельчанинов

¹ *Никольский* Борис Владимирович (1870—1919) — литературный критик, поэт, приват-доцент СПУ, расстрелян.

13. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<04.03.1901. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша! Я решительно ничего не понимаю: или я поглупел сильно под влиянием событий — сегодня у нас на Казанской площади убили двух студентов и массу изуродовали¹, — или то же самое случилось с тобой (извини, но, право, я не настроен помнить правила *bon ton*²) под влиянием подобных же событий. Я, право, не вру, я ровно ничего не понимаю с первого слова и до последнего. Может быть, ты обиделся, что я прислал тебе открытку или что не ответил на твоё письмо, но пойми же, что я не мог ни о чём думать, ведь я писал о Фете исключительно для того, чтобы письмо дошло, а центр письма, его цель была просьба сообщить о ваших событиях. Всё же дальнейшее... я даже предположить не могу, чем оно было вызвано: почему ты подлец, почему не имеешь права писать; кто тебе сказал, что я не хочу иметь с тобой дела, что я «сам» понял и т. д.? Очень прошу тебя объяснить всё это и простить, если я тут виноват в чём-нибудь.

Настроение убийственное, хоть вешайся. Я чувствую себя ужасным прохвостом, что не пошёл на сходку и не вотировал против манифестации (это я пишу уже вам обоим). Сегодня в 12 ч<асов> на Казанской пл<ощади> была настоящая бойня: били плетьюми, какими-то особыми белыми палками, потом лошадьми. Было около тысячи войска. Даже дрожь пробирает, как представишь себе кучку, придавленную к стене, которую топчут лошадьми и бьют по головам, по лицу; многие падали на землю, а городовые бросали их под копыта лошадей, так были убиты некто Анненский и Донов и сильно раздавлен Воинов. Огромная толпа вперемежку с войском тянулась от Полицейского моста до Аничковского. Ужаснее всего сознание, что ничего не можешь сделать, ничем помочь. Забастовка — ерунда, манифе-

станция — прямо преступление; спокойно заниматься, прямо, невозможно в такой атмосфере.

Прощай. Твой А. Ельчанинов.

¹ Студенческая манифестация 4 марта 1901 г. в Петербурге за отмену «Временных правил» закончилась избиением собравшихся полицией и казаками. Погибло 6 человек, около 100 было ранено, в т. ч. 40 курсисток, около тысячи арестовано.

² Хороший тон (*фр.*).

14. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<08.03.1901. С.-Петербург — Москва>

Подписей собрать нет никакой возможности, т. к. университет и все высшие учебные заведения (даже Медцицинская академия) закрыты, причём университет и Высшие женские курсы — по распоряжению Сониной, «вплоть до особого распоряжения». Кроме того, наш организационный комитет, насколько я знаю, имеет постоянные сношения со всеми университетами. Затем, я получил твоё письмо в 4 часа в четверг, а собрать подписей 50 — для этого нужно дня два-три. Правительственное сообщение, безусловно, неверно; там есть явные абсурды; известно, например, что студенты и женщины были без всякого оружия, а казаки действовали лошадьми и нагайками, городовые — особыми белыми палками, вроде каталок; в результате же получается по правительственному сообщению, что потери с обеих сторон почти одинаковы! Точных фактов раньше, как будет разрешено свидание с заключёнными, нет никакой возможности достать, т. к.: 1) раненые и убитые сейчас же подхватывались полицией и увозились по тюрьмам; 2) очевидцам верить трудно: ты представь себе такую картину: в воздухе стоит стон от истерических воплей женщин, бросающихся под лошадей, истерические крики бьющих и избиваемых, обмороки женщин и мужчин — тут не до точности, была какая-то всеобщая паника и ужас.

Итак, нельзя знать точно, даже приблизительно, ни числа арестованных, ни раненых, ни убитых. Одного лесника, Донова, объявили убитым, и только на третий день стало известно, что он пролежал в глубоком обмороке 8 часов. Пока у нас объявлены и не опровергнуты три фамилии: Белавина (лесгафтичка¹), Тимофеевский (медик) и Анненский (ib.), раненых, говорят, до 200, забранных около 2000. Судебный пристав, знакомый одной моей знакомой, говорит, что ночью из Казанского собора было вывезено 23 трупы.

Все очевидцы единогласно утверждают, что начали бить казаки, а не манифестанты. Известно также, что были и те, кто думал спастись в церкви; при этой сцене с одним моим родственником, Микеладзе, сделалась истерика.

На 11 марта снова назначена демонстрация: это прямо какое-то самоуничтожение! Если ты будешь выступать на сходках, я уверен, что ты поста-

раешься предотвратить кровавые истории, которые были у нас. Это даже преступно увлекать на демонстрации несмышлёную толпу юношей и девушек, думающих, что у нас с этого года начинается революция; у нас, по крайней мере, очень распространены прокламации такого рода, губящие молодёжь, незнакомую ни с историей, ни с положением страны, в которой они думают устроить революцию. Наши требования... хотел бы я знать, кто на них обращает какое-нибудь внимание. Самая влиятельная часть общества (д<ействительные> статские советники) смотрит на нас, как на расшалившихся ребят, которых не мешает посечь. Это сознание полного нашего бессилия перед правительством, с великолепно направленной внешней политикой, с превосходными финансами и ружьями, пробивающими 16 человек подряд, очень тяжело. Я и то удивляюсь, как ты не сбежишь за границу.

¹ Слушательница основанных П. Ф. Лесгафтом Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования.

15. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<12.03.1901. Москва — Тифлис>

Дорогая мамочка!

Вчера вечером получил вашу телеграмму и не знаю, что думать. Если вы хотите, чтобы я приехал домой из-за беспорядков, то я ни в коем случае не могу этого сделать теперь. Уж не говоря о том, что пока всё утихло, тем более что студенты обещали комиссии, назначенной для пересмотра устава¹, на время прекратить всякие демонстрации и посещать лекции, не говоря об этом, я, если бы даже счёл невозможным оставаться в университете, теперь не могу покинуть университет и товарищей в таком критическом положении. Кроме этого, если бы я и смог приехать, то дня на 3, т. к. мне отпуск дадут только до Страстной недели. Поэтому я жду от вас ответа (думаю получить завтра), надо ли ехать в силу чего-нибудь другого. Мне приходит в голову мысль, не болен ли кто-нибудь: но ведь это было бы написано в телеграмме. Деньги высылаете напрасно. У меня ещё много, и на дорогу более чем хватило бы. Если сравнить наши беспорядки с петербургскими или харьковскими, то они окажутся совсем пустяшными. Комиссия обращалась очень вежливо, драка была только одна, да и то без серьёзных последствий. В Петербурге же, насколько я знаю, несколько убитых, много сильно раненых и т. д. Положим, там, кажется, для таких репрессий были *особые* причины. наших из тюрьмы почти всех выпустили и «времен<ных> правил» не применили. В общем, 110 человек исключено (*говорят*, им будет разрешено держать в мае экзамены), а остальным различные степени выговоров и т. д. В общем, очень мягкие меры, особенно по сравнению с тем, что делается в других университетах. Заниматься пока приходится очень мало и урывками; да и трудно сосредоточиться, когда сами

не знаем, что будет через 2 дня. Уедем ли в Тифлис, останемся ли; будем ли держать экзамены или нет и т. д. Я даже слышал, будто университет на время закроют; но, кажется, это просто чья-то выдумка: профессора об этом не говорили ни слова. Петербургский, впрочем, университет, женск<ие> высш<ие> курсы, да и все высшие учебные заведения СПб закрыты.

¹ «Комиссия по вопросу о причинах студенческих волнений и о мерах к упорядочению университетской жизни» была избрана Советом ИМУ 28 февраля 1901 г. Подр. см.: Материалы по истории студенческого движения в России. Вып. 2. Доклады Комиссии Московского университета 1901 года. О причинах студенческих волнений. Лондон, СПб., 1906; *Ключевский В.* Сочинения: В 9 т. Т. 9. М., 1990. С. 298–318.

16. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<17.03.1901. Москва — Тифлис>

Дорогая мамочка!

Если судить по внешним признакам, то у нас всё спокойно. Комиссия, о которой я тебе писал, всеми силами старается прежде всего установить нормальный ход занятий и уже почти со всеми курсами различных факультетов вошла по поводу этого в соглашение. Почти каждый день у нас на том или другом факультете происходят курсовые сходки под руководством профессоров, направленные к выявлению причин волнения и желательных реформ. Одно время дело обстояло так, что я совсем окончательно решил, что если меня не удалят из университета, то я выйду сам; но теперь, когда быть может и будет изменено, надо переждать, тем более что к будущему году уже всё будет закончено (на это есть основание надеяться).

17. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<19.03.1901. С.-Петербург — Москва>

<...> У нас настроение очень беспокойное, решено очень энергично проводить обструкцию на экзамене, так что я, вероятно, держать не буду. Ходят слухи, что курсы закрыты на 3 года; я только удивляюсь, почему их совсем не закрывают, пользы от них правительству никакой, один расход и хлопоты; мне не особенно жаль тех, которые не занимались (их большинство), а путём демонстраций всякого рода делали невозможным дальнейшее существование курсов; жаль тех 10-20 девушек, которые с самыми серьёзными намерениями приехали учиться, чтобы потом быть полезными, а теперь принуждены бросить всё и опять опуститься в прежнюю скучную, однообразную жизнь.

Напиши, кем устроена ваша комиссия и в чём состоят её работы; как у вас насчёт экзаменов?

Может быть тебе интересно знать, за что закрыли «Союз русских писателей»: его члены подали м<инистру> вн<утренних> дел петицию с предложениями реформировать университеты и разрешить большую свободу печати, т. к. она одна может успокоить взволнованное общество, текст петиции могу списать и прислать. Напиши, если в настроении, как ты смотришь на всё это, на этот поход против университетов и всяких родов и видов знания, на демонстрации и пр. На мой взгляд, смысл имеют только последние, и то только *смысл*, т. е. они не так дики, как обструкция, изгнание профессоров из аудиторий etc. <...>

Твой А. Ельчанинов.

18. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<29.03.1901. С.-Петербург — Москва>

Я тебе не писал, так как не хотелось что-то. Вообще как-то скверно и то скливо; и не только писать, а и делать что-нибудь неохота. Я давно уже, сначала с ужасом, а теперь с тупым равнодушием, замечаю в себе постепенную потерю интереса ко всему: к занятиям, книгам, философии, людям. Иногда такая тоска, что хочется биться головой об стену, напр<имер>, это было в середине февраля: я метался по комнате как угорелый, бросался на кровать, для чего-то садился на пол... Потом я с удивлением некоторым смотрел на себя. Если б я мог делать то, что хочу, я ушёл бы от книг, от учебников. Около Мцхета есть ущелье на левом берегу Куры; оно обставлено почти отвесными скалами, там в глубине есть монастырь Святого Шио¹; как мне безумно сильно хочется туда, хоть на годик! Но ничего этого не будет; я хожу в университет, буду скверным педагогом, вечно ноющим, вечно недовольным; буду получать казенное жалованье, толстеть; может, женюсь. Всё моё несчастье, что я не могу сильно хотеть.

Твой Ал. Писать буду мало.

¹ Монастырь Шио-Мгвиме, где хранятся мощи ассирийских мучеников.

19. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<19.09.1901. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша!

<...> Только что я перечёл книгу Иова, которую не раскрывал с прошлой зимы. Что за чудная вещь, какая сила и т. д. Я никак не могу понять её иначе,

как протест против всего Ветхого Завета, какого-то гения, далеко опередившего современников, иначе я не могу понять многочисленные места вроде следующих: «Если я невинен, то Он признаёт меня виновным» (9, 20); «нет между нами посредника» (9, 33); «Если я виновен — горе мне! Если и прав, то не осмелюсь поднять главы моей». Насчёт мшнения «до седьмого колена» — «пусть воздаст он ему самому, чтобы он знал»... «ибо какая ему забота до дома своего после него?» и много др.

Вместе с тем, какое неподходящее заключение, полное примирение, полная уступка. Прометей превращается в покорного раба; ей-богу, если бы я был вполне филологом, я бы всю фабулу отнёс бы к «позднейшим наслоениям» и «добавлениям благочестивых писателей» и т. д.

Мережковского я перечёл три раза¹: по-моему, его аргументация, если она есть, сильно хромает: почему он принимает, что именно России выпадет надолго синтезировать «плоть и дух»? У Достоевского доказательством этому служит общая психология русского человека: его всечеловечность, широта, способность примирять даже противоречивые идеи; но у Мережковского об этом нет упоминания совсем. Можно подумать, что он подразумевает, что раз, мол, в России были наиболее сильно выражены эти две стороны человека, то на долю России же и выпадет примирить их; но, во-первых, этого совершенно логически нельзя вывести, а, во-вторых, по словам самого М<ережковско>го, на западе ещё раньше, в XVI ст<олетии> было не менее сильное выражение того же в произведениях Леонардо и Микель-Анджело. Потом у него неясно, признаёт ли он то, что на Западе только — «плоть», и её крайний выразитель Ницше с его человекобогом-сверхчеловеком (это утверждается на 4-й стр.) или же верным считает то, что и Западная Европа имеет богочеловеческое начало — как его выразил Леонардо. Тогда существенного различия между нами и Европой нет, а сл<едовательно>, и толковать об особой роли России нечего. Я не говорю, чтобы его общие выводы были ложны — они только сбивчивы и логически неубедительны — в них только хочется верить. <...>

Если ты слушал речь Мережковского у вас в Москве, то, пожалуйста, напиши, о чём он читал и как, а главное, что наша публика — неужели «тупа и равнодушна»?²

А. Ельчанинов.

¹ *Мережковский Д.* Толстой и Достоевский. СПб., 1901.

² Цитата из стихотворения Т. Донде (псевд. Филоте О'Недди) «Сплин».

20. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<11.11.1901. Москва — Тифлис>

<...> Прошлогодняя комиссия у нас действовала и в этом году, причём назначила ряд совещаний по курсам относительно статьи Мещерского. Предсе-

дательствовал в ней наш известный историк П. Г. Виноградов¹. На днях сюда приезжал Ванновский², между прочим, сидел почти рядом со мной на лекции по физике, так что я мог вполне видеть, что он слушал, не очень-то понимая, хотя проф<ессор> Соколов читал прямо иронически-популярно, о чём и заявил после ухода Ванновского; затем он обедал с нами в общежитии. На почве этого приезда и разыгралась история с Виноградовым. Не знаю дело в точности, но, кажется, дело было так, что ректор наговорил попечителю Некрасову³, что «в университете теперь двоевластие; с одной стороны, он, мол, ректор, а с другой, распоряжается комиссия», хотя эта комиссия действовала с его ведома. Некрасов передал это Ванновскому, а тот сделал Виноградову выговор, как представителю комиссии.

Виноградов ранее обещал студентам дать возможность опубликовать решение совещаний, так что теперь, считая себя не сдержавшим слово перед студентами и видя в себе оскорблёнными профессоров, решил подать в отставку, хотя Ванновский, узнав, как было дело, просил у него извинения и т. д., но заметил, что Некрасова удалить не может, т. к. за ним стоят выше Ванновского.

Виноградова просили остаться и профессора, даже чуть ни требовали этого. Когда же он отказался, сказав только, что около месяца просто не будет ходить на лекции, а потом незаметно уйдёт в отставку, чтобы не возбуждать беспорядков, 19 или даже более лучших профессоров объявили, что они выйдут из университета вместе с Виноградовым. Среди них могу указать, напр<имер>, на Цераского, Тимирязева, Умова, Мензбира, Новгородцева, Герье, Ключевского, Трубецкого и т. д. Тогда за дело принялись студенты. Виноградову на дом (он уже с неделю не является на лекции) принесли благодарственный адрес, с более чем 1000 подписями, в котором высказывали своё понимание, что внешние, не зависящие от Виноградова обстоятельства помешали ему исполнить обещанное и т. д.

Виноградов объявил депутатам (в числе них был и Эрн), что одна причина его ухода уничтожена и если он сможет остаться с честью и уладить дело с начальством, то останется.

Не так давно была история с Герье, по поводу той же статьи Мещерского. Именно, некоторым не понравилось, что Герье не ответил на неё так, как им бы хотелось, и решили устроить ему большую демонстрацию. Едва-едва профессора, наиболее уважаемые, убедили большинство отказаться от этой безобразной затеи, указывая на громадные заслуги Герье перед обществом и университетом и его 30-летнюю безупречную деятельность⁴.

Вот тебе, моя дорогая, и новости вместо газеты. Меня-то они мало интересуют, равно как и газеты, но едва ли ты о них сможешь узнать из официальных источников, и поэтому пишу тебе, если только интересно. <...>

¹ В ноябре 1901 г. возглавляемая профессором ИМУ Павлом Гавриловичем Виноградовым (1854—1925) комиссия «собралась для суждения об оскорблении, нанесённом русской учащейся женщине кн. Мещерским в „Гражданине“... Когда, в связи

с тем же делом... курсистка стала взволнованно объясняться с директором Высших женских курсов, престарелый проф. Герье не то взял её за подбородок, не то не взял, а только сказал: „Цыпочка, сядь в клеточку!“ С женских курсов волнение перекинулось в университет» (*Вишняк М. Дань прошлому. Н.-Й., 1954. С. 57–58*). Ср.: «Один профессор обратился к курсистке с такими словами: „Да что вы волнуетесь, цыпочка?“ Это вызвало протест почти всех учебных заведений России. Князь Мещерский написал в „Гражданине“ отвратительную статью о молодёжи, в которой уверял, что курсистки только и делают, что развратничают со студентами. Беспорядки» (*С-IV. 136*). Подр.: *Антощенко А. История одной профессорской отставки // Казус. Вып. 4. М., 2002. С. 234–272*.

² *Ванновский* Пётр Семёнович (1822—1904) — генерал от инфантерии, военный министр (1882—1897), член Государственного совета с 1899 г. Руководил расследованием студенческих волнений, в апреле 1902 г. ушёл в отставку.

³ *Некрасов* Павел Алексеевич (1853—1924) — математик; попечитель Московского учебного округа в 1897—1905 гг.

⁴ «Курсистки потребовали от Герье, чтобы он вступил в полемику с кн. Мещерским. Герье выразился в том смысле, что „на всякое чихание не наздравствуешься“. Об этом узнала „организация“ <Исполнительный комитет> в университете и постановила потребовать от Герье объяснений и освистать его. Весь филологический факультет восстал очень дружно против этого и с большим негодованием, издав прекрасное обращение к товарищам других факультетов. В общем это обращение имело большой успех» (*Трубецкая О. Князь С. Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Н.-Й., 1953. С. 208*).

21. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<27.11.1901. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша!

Ты, вероятно, по уши ушёл в математику, что о тебе ничего не слышно; не писал тебе приблизительно по той же причине: было масса дела самого разнообразного сорта; во-первых, много интересной научной работы, во-вторых, организация кружков с научными целями, в-третьих, политика, которой теперь не оберёшься и от которой при всём желании и отсутствии гражданских чувств невозможно освободиться. Только что я вернулся от Лапшина¹, очень милого доцента (он читает у нас новую философию). Собственно я просил у него: 1) устроить практические занятия по философии в у<ниверсите>те и 2) дать программу и темы для нашего «гносеологического» кружка (Маня <Худадова>, Адриянович, Кузьмина, Пашенко, Калюжный, Филиппова и я). Оказалось, что практические занятия — его мечта, и дело скоро наладится; относительно кружка он был очень доволен, дал много дельных советов и обещал самое энергичное содействие нашему процветанию. Но больше всего берёт времени и сил вводимая у нас организация, выборы старост, предвыборная агитация и т. д. Слава Богу, всё это приходит к концу. <...> Наш кружок снова возбудил моё рвение к гносеологическим вопросам, а то я ду-

мал было бросить их к дьяволу, признав свою полную неспособность к отвлеченному мышлению; но и теперь иногда появляются смущающие вопросы, вроде: «Метафизика, ядро философии, собственно от теории познания мало получает; больше того, она прямо теряет от прикосновения гносеологии; сравнить только Платона без гносеологии, Плотина, Каббалу, христианскую метафизику и гносеологию Канта, лишённого метафизики; такие сопоставления мало утешительны», или: «Если для этики, как нормы поведения, нужна метафизика, то для логики, как нормы мышления, нужна также метафизика; а её-то откуда взять: значит, *не* логическим путём, а сверхлогическим; но тогда где гарантии истинности такой метафизики? Уж конечно, логика, гносеологич<еские> исследования тут ничего не сделают; гарантия в согласии с моим внутренним чувством? Но чем это лучше?» Но я стараюсь пока не задавать себе таких вопросов и благонамеренно стараюсь поумнеть, авось тогда всё разъяснится. Писать лень, прости, пожалуйста.

Нижайший поклон Эрну и Коле. Твой А. Ельчанинов.

¹ *Латишин* Иван Иванович (1870—1952) — историк философии, руководитель практических занятий студентов СПУ по изучению работ И. Канта.

22. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<07.07.1902. Царские Колодцы — Тифлис>

Милый Павлуша!

Вот вам и документ в руки. Хочется написать вам, и вот пишу. Я страшно рад, что приехал на Царские. Тут я почти отдохнул от того нервного напряжения, которое в последние дни в Тифлисе мне было почти невмозможу. Тут поразительные окрестности, имеющие свой особый характер, какого я до сих пор никогда не видел. Для описания не хватит слов, скажу только о впечатлении. Когда я забрался в чащу леса, в такую глушь, где из-под ног выбегали шакалы, или взлезал с опасностью жизни на замок «Тамару» — развалины крепости на громадной скале, равной которой по величине и мрачности я ещё никогда не видел, — и оттуда созерцал лежавшее подо мной — во мне поднималось новое чувство, которого я раньше почти не испытывал. Как будто бы грудь природы раскрывалась для меня, и я вполне сливался с нею. Тогда меня охватывал неудержимый восторг, я ощущал невыразимую полноту жизни. И мне казалось, что я чувствую краешек великой тайны мира. Одним словом, я первый раз испытывал теперь сильное религиозное чувство по отношению к природе. Жизнь моя пополнилась и в душе моей как будто бы открылся новый источник сознания, пробив мою косность. Я поглощён этими новыми неизведанными чувствами — они показали мне мир с новой стороны. Но это не всё. Не меньше чувств пробудила во мне игра «*belle-soeur*»¹. Она играет удивив-

тельно. Я ничего подобного никогда не слышал. Носится передо мной как в тумане игра Рауля Кочальского², но и с ней не могу сравнить, потому что слышал Кочальского слишком давно. У ней игра с очень ясно обрисованною индивидуальностью. Ни одного звука она не берёт машинально. В каждый она вкладывает душу. И это буквально, потому что она истощается при игре и после получаса игры она встаёт настолько утомлённою, насколько утомляются после 5-6-часового серьёзного умственного труда. При её игре у меня каждый звук получает свою окраску и с поразительной лёгкостью сочетается с представлениями. Получаются картины и образы, иногда удивляющие меня своею цельностью. Так что слушание её музыки походит на какое-то полусознательное творчество.

Милый Павлуша! У меня сейчас такое созерцательное настроение, что я не скучаю по Вас. И знаете почему? Вы для меня слишком близки. Ваш образ постоянно витает перед моим сознанием. Я закрываю глаза — и вы как живой стоите передо мной. Иногда я как-то полусознательно спрашиваю у вас совета, вашего одобрения или вижу ваше осуждение. Право, вы как Ангел Хранитель витаете надо мной. Вы составляете действующую часть моего сознания — поэтому я и не скучаю.

Я ничем не занимаюсь — только рисую. Наши соберутся в Тифлисе к 15-му. Тогда и я поеду.

Милый Павлуша, да хранит Вас Господь!

Ваш Володя.

Искренний и сердечный привет всем Вашим.

¹ Свояченица (*фр.*) Эрн Евгения Давыдовна (урожд. Векилова; 1886—1972) — пианистка, окончила Екатеринбургский институт, жена Эрн и сестра жены его брата.

² *Кочальский* Рауль (1884—1948) — польский пианист и композитор.

23. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<17.09.1902. С.-Петербург — Москва>

То, о чём я хотел тебе писать, ты, может быть, слышал от меня раньше. Это всё тот же вопрос о положении, о целях, силах и обязанностях средних слабых душ, не обладающих ни способностями развиваться, совершенствоваться, ни даже наличностью воли делать это, если бы развитие было и возможно для них. Я знаю только три класса людей: 1) не знающие и не хотящие; 2) знающие, что надо делать, но не находящие в себе сил даже сильно пожелать того, что они знают и 3) ясно видящие и имеющие силу осуществить в себе то, что они видят. О первых я сейчас говорить не буду, хотя так и напрашивается вопрос: «чем они виноваты? Неужели „если“ есть что-нибудь за гробом, то уж конечно не для них?» Мне интереснее всего вторая группа, положение которой самое трагическое. Вопрос ясен — или они погибнут «без

вины виноватые», или же у них есть возможность совершенствоваться; но как, на что опереться им, негениям? У меня на днях мелькнула на этот счёт очень утешительная мысль, но очень смутно — для выяснения её мне нужны факты и факты. Не есть ли в каждом человеке скрытая способность стать гением? Некоторые факты прямо указывают на это. Первый раз меня поразил факт безграничности человеческой *памяти* по объёму и времени сохранения представлений (служанка, говорящая по-еврейски и т. д.). Если положить отличительную черту гения в способности к творчеству, то, открывши эту способность у каждого человека (конечно, не в буквальном смысле), мы получаем оправдание вышеизложенного предположения. Ты помнишь, вероятно, место в «Братьях Карамазовых», где чорт говорит о творческой деятельности во сне самых заурядных людей, фельетонистов, попов, творческой деятельности, продукты которой могут сравняться с произведениями Льва Толстого. Конечно, тебе известна масса фактов подобного рода; мне ужасно хочется шепнуть и сделать вывод: «каждого человека делает гениальным погружение в его трансцендентальное „я“». Тут он сможет найти силы и материал для своего совершенствования. Скажи, пожалуйста, что ты обо всём этом думаешь, а также укажи книги, где я могу найти материал <...> Только имей в виду, что для меня этот вопрос ужасно важен, я очень мучусь своим бессилием, а если есть хоть луч надежды, то не торопись его тушить своей критикой, а впрочем, будь построже.

Пока прощай. Твой Ельчанинов.

Видишь ли, это очень важно для меня и для Мани <Худадовой>; она в ужасном состоянии последнее время, на неё прямо страшно смотреть, видно часто, что она ужасно устала, взгляд остановившийся, полное безразличие на лице, неуверенная расслабленная походка. Но только это — между нами. Её ничто как будто не может увлечь, ни музыка, ни занятия, ни, уж конечно, жизнь в обыденном смысле; единственная привлекательная для неё мысль — это мысль о петле. <...>

24. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<28.09.1902. С.-Петербург — Москва>

<...> Я пишу для кружка Платонова¹ на тему из истории царствования Ал<ексея> Михайловича; мне, собственно, любопытно выяснить на нём одну черту русского характера — способность совмещать как будто совсем несовместимое — древне-аскетический идеал (6-часовое стояние на молитве, 1500 поклонов в день и т. д.) и немецкие новшества вроде «комедийного действия», немецких костюмов, польских книг и т. д. Для этого, конечно, прежде всего надо прочесть огромную переписку царя и т. д.

Теперь — главная тема. Твоё письмо я перечёл несколько раз и почти ничего не имею сказать против твоих положений. Что знание самого себя не даёт-

ся, что нужна активность, в это мне хочется верить, хотя есть масса фактов против: известно, напр<имер>, что Сведенборг получал своё знание помимо своей воли, что он не занимался специально до 1745 года ни мистикой, ни богословием, а потом старался даже не писать ничего такого, чего не показывал ему Бог; его способности духовидения явились к нему сразу, откуда-то извне. Можно возразить, что усилие воли его было сделано где-нибудь в сфере бессознательной, «это возражение удобно, т. к. апеллирует к неизвестной инстанции», но именно потому оно и не имеет значения. Другой разительный (по крайней мере для меня) пример — это апостолы.

Я часто думал, как удивительно малогодились для своей роли ученики Христа, как до последней минуты они упорно не понимали назначения Христа и своей роли (Лука IX 45, 54–55, XVII 5, XVIII 15, 34, XXII 24, 57, XXIV 21 и т. д., и т. д.), и вместе с тем они *были выбраны* для того, чтобы сделаться *вместителями знания*, истины, которая насильно вкладывалась им и Христом и после Духом Святым. Где же путь усилия, активность в самом может быть важном случае приобретения знания истины?

Ты кончил на утверждении целью каждого человека оформливания хаоса, творческой работы, обещая дальше развить и показать необходимость этого, а также сообщить библиографию о *conscience subliminale*², и того и другого я буду ждать с большим нетерпением.

Кланяйся Эрну. Твой А. Ельчанинов.

¹ *Платоновский кружок* — общество «Беседы студентов историко-филологического факультета», учреждённое по инициативе декана Сергея Фёдоровича Платонова (1860—1933), преобразовано в Научно-литературное общество при факультете в 1902 г.

² Подсознательное (*фр.*).

25. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<06.10.1902. Москва — Тифлис>

<...> Я считаю своею второю (после математики) задачей быть хорошо ознакомленным с искусством. По-моему, главнейший недостаток большинства систем в том, что там совершенно игнорируется весь тот огромный концентрированный материал, который даёт искусство вообще; что же касается до музыки, то она, можно сказать, почти совсем не использована. Нельзя оставлять в мировоззрении такую исполинскую дыру, как отсутствие музыкального образования, хотя бы даже самого поверхностного, самого элементарного. А помимо всего остального, искусство является концентрированным опытом; оно разом неисчерпаемо, неадекватно понятию по бездонности содержания (как опыт вообще) и идеализировано, т. к. в нём совершена та работа обобщения и индукции, которую приходится при непосредственном опыте производить самому. <...>

26. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<31.10.1902. С.-Петербург — Москва>

Обращаюсь к тебе, Павлуша, с неким предложением. В первых числах декабря выйдет первая книжка нового журнала, издания Мережковского — «Новый путь»¹. Чтобы ты имел представление о духе журнала, скажу о содержании его. Статья Розанова «Около религиозных тем», где под невинным заглавием читается целая филиппика против современной церкви (пока ещё вопрос, пропустит ли эту статью цензура); затем Минского «О свободе совести», которая к общему удивлению пропущена духовной цензурой, хотя, по словам m-me Гиппиус, «её трудно было бы и за границей напечатать»; Мережковского «Гоголь и чорт» с приложением рисунка Репина «Гоголь и отец Матфей»; Репина, некоторые мысли его об искусстве; перевод одного произведения Ницше, ещё не появлявшегося на русском языке; стихотворения Гиппиус, Бальмонта, Сологуба, Минского, Случевского и др. Пишу я всё это ввиду того, что сам Мережковский очень просил меня (не помню, писал ли я тебе о моём знакомстве с ним, о его мнениях насчёт Церкви и др.) помогать ему в журнале чем могу, и зная, что я работаю по русским мистикам, чуть ли не потребовал от меня статьи в этом роде; он очень просил разыскивать «потребных людей», говоря, что нужны работники, но пока бесплатные; при первом же намёке на прибыль от журнала будет введён гонорар. У тебя, кажется, есть кое-что готовое и масса интересных тем; если есть желание, то представляется возможность напечатать в этом журнале; принимается всё, начиная с библиографических заметок и кончая учёным трактатом по вампирологии. Можешь послать или мне, или Дм. Серг. Мережковскому: С.-Петербург, Литейный пр., д. 24, кв. 33. Г<осподи>н Мережковский удивительно милый господин; с ним разговариваешь, как с товарищем. У него масса экспансивности, жара, энергии. <...>

Очень благодарен тебе за твои письма; ты говорил мне, что пробовал часто писать мне, но не присылал; пошли всё это теперь; я читаю с большим интересом, но кое-что для меня остаётся неясным. Неясна мне прежде всего твоя гносеология. Если ты, как Соловьёв или Гегель и др., дедуцируешь из *понятия* сущего известного предиката, то эти предикаты так и останутся понятиями, а откуда ты черпаешь знание о реальных отношениях и сущности трансцендентных предметов, *intellektualische Anschauung*², читая это, как у Шеллинга, или вообще *contemplatio, visio sine comprehensione*³ и т. д. Но где оправдание пользования такими средствами? Затем насчёт «конкретизирования данных математики», почему и как возможно это. Если кое-что из реальных отношений выражено математическим языком, то почему всё содержание математики можно конкретизировать?

Твой А. Е.

¹ «Новый путь» — общественно-политический и литературный ежемесячный журнал, выходил в Петербурге в 1903–1904 гг., редактор-издатель П. П. Перцов.

² Интеллектуальное созерцание (*нем.*).

³ Созерцание, бессознательное видение (*лат.*).

27. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Ю. А. ФЛОРЕНСКОЙ¹

<02.11.1902. Москва>

<...> У нас всё по-старому, т. е. хожу каждый день на лекции, занимаюсь, не успеваю сделать нужного и т. д. Не могу сказать, впрочем, чтобы я был чем-нибудь, кроме себя, недоволен. На мой взгляд, профессора у нас недурные, предметы интересные, свободы много. А всё как-то не то, что нужно. Думаю, что это «не то» заключается в самой жизни, как она складывается теперь. Мы все не живём, а как будто пересаживаемся с поезда на поезд второпях. Всё делаем лихорадочно, всё наскоро, кое-как, поверхностно; мы не вглядываемся вглубь поступка и вещи. Вот это отсутствие созерцательности, умения смотреть *sub specie aeternitatis*², мистицизма, благоговения к жизни и составляет «не то» всей современной культуры. Мы живём, не священнодействуя, а как бы наскоро обедая. И этого теперь почти или даже совсем избежать невозможно: вся жизнь идёт таким лихорадочно-ускоренным темпом, и не подчиняться ему невозможно: поток стремительно уносит с собою всех. <...>

¹ *Флоренская* Юлия Александровна (1883—1947) — врач-психиатр, сестра Флоренского, в письмах — Люся.

² С точки зрения вечности (*лат.*).

28. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<10.11.1902. С.-Петербург — Москва>

Только что получил твоё письмо. Никогда ещё мне так сильно не хотелось быть с тобой, дорогой Павлуша, как сейчас. Может быть, Гофман и По, которых я перечитываю, нагнали на меня такое настроение, но ей-Богу если бы была возможность устроиться в Москве, я бросил бы Мережковского, свои знакомства с профессорами, налаженную работу и товарищей и приехал бы к вам. Может быть, сделать это? Но ведь я помру с голоду у вас?¹

Если я не писал тебе о моём знакомстве с Мережковским, то кое-что скажу сейчас. Кстати, ты спрашиваешь, как бы тебе познакомиться с ним; приезжай на Рождество, и пойдём вместе — меня он принимает всегда с большим удовольствием, а то можно задать ему письменно несколько вопросов по поводу его II-го тома², кстати, там на каждой странице по вопросительному знаку, т. к., очевидно, многое не было ясно ему самому, когда он писал, напр<имер>, его пары противоположностей — плоть-дух, Христос-Анти-

христ, Хр<истос>-Ницше — могут совсем запутать; оказывается, как он мне комментировал, соответствия между парами совсем нет, Антихрист совсем не равен Ницше, человекобогу, он просто начало хаоса, скопления сплетения, мешающего слиянию обоих небес, двух бездн в один свет, который засияет во втором пришествии.

Тоже вопрос о роли церквей и нашей церкви во втором пришествии. М<ережковский> невысокого роста, довольно сильно обросший тёмной бородой, с быстрыми движениями и беспокойными, как будто немного испуганными, глазами. М-те Гиппиус, его супруга... но ей-Богу я о ней столько писал уже домой, что повторяться прямо не в силах. Я с нетерпением жду твоей статьи о чудесах³ и пр.; она имеет то, что надо и наверное пойдёт; у Мережковского недостаток в статьях научного содержания главным образом, но, конечно, я твой рассказ⁴ ему покажу, хотя беллетристов, поэтов и пр. у него хоть отбавляй, как всегда. Когда я писал тебе, я по странному совпадению думал именно об этом вопросе; кроме него у тебя ещё масса интересных тем, напр<имер>, о прерывности в естествознании и истории⁵. У Мережковского после твоего письма ещё не был: мне немного неловко — он так убедительно просил написать ему что-нибудь из моей работы, а я вряд ли сделаю это скоро. Теперь я перешёл к французским мистикам, читаю Сен-Мартена, Дю-Туа, m-те Гион и др., потом перейду к немцам — Эккартсгаузену, Юнгу, Гаманну и др. Потом к русско-византийским по «Добротолюбию» и др. источникам, затем к мистикам эллинистическим и, таким обр<азом>, никогда не кончу, а пока не кончу, ничего писать не буду; разве попадётся какой-нибудь неиспечатанный документ или что-н<ибудь> в этом роде. Тетрадь моя с работой толстеет не по дням, а по часам, но к обработке материала я приступлю не раньше лета. <...>

Можешь поздравить меня ещё с одним интересным знакомством. Недавно я пошёл по объявлению покупать старые книги. Обладателем оказался хозяин кофейного магазина. Большинство книг были по философии, спиритизму и богословию. Такой подбор меня заинтересовал, и я познакомился с ним поближе. Он оказался большим знатоком Библии, знакомым с еврейским яз<ыком> (я от него выслушал любопытнейшие комментарии на книгу Бытия). В результате я попал на спиритический сеанс. У него дочка — по наружности настоящий медиум. У меня оказался свой дух — Зоя, который дал мне несколько советов о моей работе. Обмана быть не может, потому что он занимается спиритизмом только для себя — вдвоём с дочерью. Подробности потом, если тебе интересно.

Поклон В. Эрну. Твой А. Ельчанинов.

¹ Учась в СПУ, Ельчанинов получал целевую стипендию, выплачиваемую из Тифлиса.

² Во 2-м томе собрания сочинений Мережковского опубликован роман «Пётр и Алексей».

³ *Флоренский П.* О суеверии и чуде // Новый путь. 1903. № 8. С. 91–121 (Ф-1. 44–69).

⁴ Возможно, неопубликованный рассказ «Дачные впечатления», датированный 6 февраля 1902 г.

⁵ Тема реализована Флоренским в статье «Об одной предпосылке мировоззрения» (Весы. 1904. № 9; *Ф-Л*. 70–78).

29. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<23.12.1902. Тифлис — Москва>

Дорогой Павлуша! Был вчера у Ваших добрых родителей, отнёс Вашу посылку (письмо отнёс раньше). Невыразимо приятное впечатление производит на меня Ваша милая семья. Так легко и тепло становится на душе, точно из этой томительной действительности попадаешь в иной мир, где царят иные отношения, иной дух.

<...> Встретил сегодня к своему удивлению Соколовского. У него появилась особая тенденция напирать на свою «простоту душевную» и на своё «христианское настроение». Он зло отзывается о Мережковском, подтрунивает над причёсками Саши <Ельчанинова>, появившимися со времени знакомства с m-me Гиппиус. Вам он просил передать его почтительный привет, говоря, что «мы (т. е. Вы и он) чувствуем друг к другу великую симпатию, обладая оба простотой души и христианским настроением».

<...> Я работаю не много, но для меня результаты большие. Кроме того я достал некоторые книги, которых раньше достать не мог. В общем чувствую себя плохо: гложет грусть. Спасибо за пересылку писем. Я о Вас всё вспоминаю, представляю часто, что Вы делаете, и мысленно молюсь за Вас.

Любящий Вас горячо Володя.

Порадуйте меня, напишите мне что-нибудь о себе.

30. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<25.12.1902. Москва — Тифлис>

Дорогая мамочка! <...>

Ты пишешь, что ёлка напоминает тебе дикарские обычаи. Конечно, это так, но ведь вся наша жизнь и деятельность насквозь пронизаны нашим прошлым, всевозможными переживаниями. Вся культура слагается из переживаний, только одни переживания более заметны, задают тон, другие звучат чуть слышно. Отказаться от прошлого также невозможно, как отказаться от самого себя, потому что всё содержание личности дано прошлым. Нам бы, в погоне «за веком», пришлось отказаться от языка, от всех эмоций, от всякого внешнего проявления духа, пришлось бы отказаться от искусства, от науки и т. д. Я не знаю, почему и для чего это нужно. Оставаясь тем, что мы сейчас, мы не можем перестать быть тем, чем были дикари,

и, чтобы не иметь «диких» обычаев, нам пришлось бы отказаться от всякой психической жизни вообще: нет и не может быть у нас никакой науки, иначе как символической, и все наши научные представления в физике через 500-600 лет будут казаться, вероятно, весьма мало разнящимися от представлений теперешних первобытных народов. Вы хотите на наше прошлое, которое должно быть дорого нам, смотреть высокомерно: вот отсюда высокомерное отношение к религии, к обычаям, к известному укладу жизни, и в этом отношении наше воспитание является величайшим злом: вместо людей вы хотите воспитать абстракции, каких-то «чистых духов», и в результате этого выходит то, что никто не может быть чистым духом, а понимания уклада жизни тем более нет. Сейчас, напр<имер>, я считаю себя православным, а между тем, вполне признавая теоретически истинность воззрения Церкви, не могу исполнять и проводить их на практике. Символы должны быть привычными с детства, они должны срастись со своими идеями, а у меня, конечно, этого пока ещё нет.

Последнее время почти целый день меня не бывает дома, и главное, даже сам не можешь решить, на что, собственно, пошло время. Я расхаживаю по гостям и т. д., заглядываю в витрины магазинов и фланирую по улицам без конца. <...>

31. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<13.01.1903. Москва — Тифлис>

Дорогой Володя!

До сих пор не отвечал вам, потому что был занят писанием (точнее: переписыванием) статьи «О суевериях и чудесах». Сидел над перепиской очень долго, тем более что около 22 страниц очень мелкого почерка пришлось переписать почти нацело дважды, и после этого буквально взять перо в руки не мог; да и теперь тошнит от одного воспоминания о статье. Когда я писал её вечером, она мне ещё казалась терпимой, но когда голова могла относиться критически — утром, — я видел, что все 22 страницы непроходимой белиберды, и если бы меня спросили по совести, всё ли я понимаю из того, что написал, то я бы ответил, что понимаю не более. Авось кто-нибудь умнее меня найдёт смысл! <...>

32. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<14.01.1903. С.-Петербург — Москва>

Я вчера получил твою статью, дорогой Павлуша, и сейчас же проглотил её с большим удовольствием. Конечно, я отнесу её к Мережковскому,

и очень скоро, т. к. буду у него на днях. Я, признаться, пожалел его немного: ведь почерк у тебя убийственный, а тут ты писал даже неразборчивее, чем в своих письмах (местами, правда). Но если он разберёт твои иероглифы, то, конечно, будет вполне вознаграждён за труд. Ты просил сообщить тебе моё мнение об этой статье (кстати, я, конечно, не позволил себе что-нибудь вычёркивать, исправлять у тебя и пр., кроме описок, вроде пропущенных запятых, частиц и т. п.). Я, мне кажется, вполне принимаю то, что написано у тебя. Но только у меня всплыли некоторые сомнения, которые я здесь изложу, хотя, быть может, они уже разрешатся в конце моего письма. Что в каждом восприятии даны три момента — я вполне согласен, но можно ли утверждать, что два из этих моментов каждым субъектом приурочиваются к дьявольской и Божеств<енной> силам? Я могу представить лицо, которое оценивает предметы, но совершенно не имеет в ощущениях этих категорий; таковы — большинство наших интеллигентных людей. Они смело говорят — «это хорошо», «это плохо», они говорят, напр<имер>, что события нашего времени насквозь «недолжны», но ведь у них и следа нет суеверного чувства, то же самое и обратно. След<овательно>, в восприятии может утверждаться что-нибудь должно или нет, но всё же оно не будет ни праведным, ни религиозным и чудесным. Может быть, ты подразумевал, что это будет в том случае, когда оценка будет вполне отчётливой и сознанной до конца? Не думаю. Если это так, если восприятие может быть а) научным, б) религиозн<ым>, с) суеверным, но также и другим (вероятно тогда, когда силы, производящие должное или не должное, не ипостазируются, что бывает очень часто). Тогда твои три рода мировоззрений теряют свою всеобщность и необходимость для всякого сознания. Впрочем, может быть, я не понял чего-нибудь, ты только не раздражайся и не пиши зlostных писем, а то опять отобьёшь у меня охоту писать на месяц. Ты представить не можешь, как меня поразило твоё письмо, когда ты вздумал обвинять меня в разных грехах, которые и во сне мне не снились. Ты, я думаю, согласишься мне, если я скажу, что вздумал сравнить нашу переписку с перепиской Ольденбурга и Спинозы, совсем не имея в виду твоего письма; я даже забыл тогда о твоём делении умов на аналитиков и синтетиков, причём ты себя относил к спинозовскому типу мышления. Тем печальнее твой зlostный тон и моё глубокое удивление, а потом прямо-таки негодование на твою подозрительность и приёмы судебного следователя по отношению к друзьям. Я не писал, потому что боялся, что не выдержу и разругаюсь. Но всё это дело прошедшее: из него мне урок — писать так, чтобы тебе не к чему было придаться, а тебе — быть попроще в иных случаях и меньше фантазировать.

О сыне Бугаева я слышал здесь как об очень интересном господине, занимающемся чуть ли не практической магией. Если ты напишешь мне об нём, я буду очень благодарен.

Пока прощай. Твой А. Е.

33. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<15.01.1903. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша! Перечёл я ещё раз твою статью, и лишь показалось, что в конце ты покидаешь свою точку зрения, чисто критическую, делаешь некоторые догматические утверждения. Ты пишешь, что опасность оккультизма в том, что он живёт, пока недолжное воспринимается как таковое; но как скоро «он начинает относиться к злему как к должному, то самое занятие становится делом Нечистого». Но ведь в этом последнем случае восприятие перестаёт быть суеверным (т. к. суеверно восприятие чего-ниб<удь> как недолжного) и становится религиозным, т. к. воспринимает предмет как должное, сл<едовательно>, относится к Божественной силе. Ведь объективно-злого и объективно-доброто ты ещё не имеешь права утверждать, пока стоишь в области только восприятия. След<овательно>, нельзя также говорить о личине доброго, которую принимает на себя злое, — тут опять-таки можно говорить только о том, *как* воспринимается что-либо, а не о том, что есть сила сама по себе и какую личину она принимает.

34. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<21.01.1903. Москва — Тифлис>

Дорогая мамочка!

<...> Тебе хочется, чтобы у меня не было известного мировоззрения, и я уже более четырёх лет твержу, что оно всё-таки у меня есть, но пока никакого ответа кроме настойчивого отрицания факта я не слышу. Весьма возможно, что оно разовьётся дальше, так или иначе, не берусь решать, но ведь для меня же может быть, наконец, обидно ваше утверждение: ты такой оттого, что попал в Москву, и нам надо жалеть об этом. Ведь это значит, вы попросту отрицаете за мною то, чем я единственно дорожу: сознательное развитие мировоззрения и отбрасывание прочь *предрассудков*, будь они даже предрассудки интеллигенции. Да и притом надоело мне слушать сказку о Писареве и проч. и в ответ на все мои запросы получать ответ г-на Писарева. Если поколение, которое кажется вам наиболее идеальным, было необходимо, чтобы пробудить сознательность, заставить своим отрицанием разумно построить мировоззрение, то, однако, как исторический слой оно — пустота, голое отрицание. Если оно и расчистило почву, то само оно не почва. Пора уже действовать, а не заниматься разговорами о том, как, мол, хорошо будет действовать после наступления революции на Марсе и уничтожения обязательных лекций в университетах для баранов. Мне нужно стоять на чём-нибудь, на исторической почве, иметь нечто реальное, а не абстракции о будущем блаженстве. Ближайший слой, на котором можно упереться, не увязая в под-под-партиях, — это наши деды, и я обязан воспринять то поло-

жительное, ту историческую почву, которую они мне дают, как я стараюсь сделать её сознательной и сознательно принимаемой помощью ваших отрицаний. И почему-то вы непременно хотите вырвать эту почву у меня из-под ног, хотите, чтобы я снова носился по воздуху. Вы не хотите вникнуть в то, что дорого всему народу, не хотите посмотреть, не скрывается ли там, за грубой оболочкой, чего-нибудь ценного, а просто брезгливо отворачиваетесь. И ведь этот нигилизм не только в отношении религии, метафизики и т. д.; и наука не избежала его вовсе. Мне кажется, *всякое* «да» просто претит вам, и хочется (именно хочется, т. к. часто бывает несколько не обосновано) отрицания всего, неопределённости и неоформленности. Поэтому, мне кажется, вам должно быть просто неприятно видеть под чем-нибудь почву. Серое, бесформенное, неиндивидуальное, незаметное и витающее в воздухе — вот то, что должен ценить я, с вашей точки зрения. Это все чистые отрицания, и для меня имеют значение только для оттенения всего положительного. Вы всё великое хотите свести на малое, а я в том, что вы считаете малым, усматриваю признаки великого.

Целую тебя, дорогая мамочка. Прости за резкий тон, но, я думаю, лучше знать настоящее мнение друг друга, и не создавать о нём себе иллюзий, чем всегда и во всём смягчать тона и затушёвывать контуры. Если есть разница, то пусть она сознаётся. Только при признаваемых различиях возможно примирение, а не перемирие.

Целую тебя, моя хорошая. Твой П.

35. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<30.01.1903. С.-Петербург — Москва>

Я имею очень многое написать тебе, дорогой Павлуша, не знаю только, хватит ли охоты. Но прежде всего — дела: 1) твоё письмо Мережковскому я отправил (он не Давид, а Дмитрий), его адрес: Литейный, д. 24, кв. 33; 2) твою статью я давно уже дал ему; её теперь читает Перцов¹, а Дм<итрий> С<ергеевич> сказал мне вчера, что она, кажется, подходит. Я познакомился со многими лицами, близкими редакции, и с их делами, и у меня одно доминирующее впечатление — «жидко»; это очень тяжело, но это так — Дм<итрий> С<ергеевич> *один* или почти один и не вынесет на своих плечах всего дела. Вчера у них было маленькое собрание, в котором я говорил в таком духе; со мной согласились, что если они объявляют своими предками Соловьёва, Достоевского, то им надо солидную обработку вопросов, поднятых этими писателями, им надо поднять и возбудить интерес к таким кардинальным вопросам, как вопрос о Троице и её выражении у Плотина, Филона, немецких идеалистов и т. д. Представь себе, ни Дм<итрий> С<ергеевич>, ни даже двое профессоров дух<овных> акад<емий>, которые были при этом, не слышали имени Баадера! Не знали, что Соловьёв

называл себя его учеником! Общее признание было то, что «нет людей», а что это действительно так, можешь судить по тому, что тему об эволюции понятия о Троице, которую я поднял, усердно стали навязывать мне!!! Я, конечно, был бы величайшим из прохвостов, если бы взял её, но всё же Мережк<овский> слышать не хочет об отказе. Если твоя первая работа пойдёт, если окажется, что Перцов не против того, чтобы сотрудничали только его знакомые, то я надеюсь на тебя. Я всё время об этом думаю. Вот если бы ты тут жил, если бы был лично знаком с Дм<итрием> С<ергеевичем> и Перцовым, тогда бы, я уверен, процветанию журнала была бы дана сильная поддержка. Познакомился с знаменитым Валерием Брюсовым. Он мне крайне не понравился. Самое противное у него это его неврастеническая наружность, вечное мнительное беспокойство и, главное, *глаза* — глаза виноватые, как у побитой собаки, но без раскаяния, представляешь? Так смотрят люди, сказавшие неожиданно крупную глупость и увидевшие, что другие понимают, в чём дело. <...> Ты получишь мою статью², которая имеет только интерес первой попытки, но по содержанию крайне ничтожна, хотя М<ережковский> мне её и расхваливал, а Перц<ов> тоже. <...>

Не помню, писал ли я тебе о моём впечатлении от того заседания «религиозно-фил<ософского> собрания», на котором я был; во всяком случае я очень хотел написать тебе об этом. Меня поразила пассивность, слабость, неподготовленность попов и «иже с ними». Антонин³, дух<овный> цензор, оказывается, побежал сейчас же к Антонию⁴ с жалобой на попов за их тупоумие, и Антоний теперь будет их собирать у себя перед каждым заседанием и учить, что надо говорить в том или ином случае; вроде репетиции. Тут я наглядно убедился, что церковь православная — телец, как говорит М<ережковский>, и возрождения от неё нельзя и не надо ждать. Все три церкви, по мнению М<ережковского>, церкви человека, льва и тельца должны пребыть до конца, до объединения их церковью Иоанновой, церковью орла. Среди прогресс<ивных> дух<овных> акад<емиков> также застой и инертность. Я спрашивал недавно одного из них, Успенского⁵, почему у них не разрабатываются такие темы, как, напр<имер>, нужная нам теперь тема об раскрытии христианской догматики в трудах светских философов; он ответил, что существуют темы «удобные» и «неудобные». Моя тема принадлежит к последнему разряду, а потому всякий порядочный профессор, желающий удержать за собой кафедру и получить доктора, должен обходить эти темы. Это очень искренний господин, глубоко тяготящийся той атмосферой, которой проникнута вся жизнь академии. А если бы ты послушал их ораторов, напр<имер> Лепорского⁶, Бриллиантова⁷; это что-то убийственное; таким голосом могут говорить только покойники. М<ережковский> сказал как-то им: «Вы, профессора, стоите совсем в особом отношении ко всему содержанию хр<истиан>ства. Ведь догматы, Евангелие для нас, как для посетителей музеев, — дороги и вызывают благоговение, а вы обращаетесь с ними, как сторожа при музее, которые давно привыкли к свяш<енным> реликвиям и третируют их как

самые обыденные предметы». Представь себе, на реферат Розанова⁸, который, собственн<енно>, в корне старался подорвать христианство и произвёл огромное впечатление своей силой и красноречием, на него из духовенства возразил всего один откормленный попик, да и то полушутя, в нескольких словах. <...>

¹ *Перцов* Пётр Петрович (1868—1947) — публицист, искусствовед, редактор журнала «Новый путь».

² *Ельчанинов* А. Мистицизм М. М. Сперанского (Историко-психологический очерк) // Новый путь. 1903. № 2.

³ *Грановский* Александр Андреевич (1865—1927) — архимандрит, член Петербургского духовного цензурного комитета с 1899 г., еп. Владикавказский и Моздокский Антонин до 1922 г., затем один из лидеров обновленцев, основатель «Союза церковного возрождения».

⁴ *Антоний* (Вадковский; 1846—1912), митр. — митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский с 1898 г., первенствующий член Священного Синода с 1900 г.

⁵ *Успенский* Василий Васильевич (1876—1930) — приват-доцент в СПДА (1901—1905), член-учредитель Религиозно-философских собраний (1901—1903) и ПРФО.

⁶ *Лепорский* Пётр Иванович (1871—1923), прот. — магистр богословия, экстраординарный профессор по кафедре догматического богословия СПДА. Именно он отвечал на доклад Розанова.

⁷ *Бриллиантов* Александр Иванович (1867—1933) — доктор богословия, профессор церковной истории СПДА.

⁸ Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901—1903 гг.) М., 2005. С. 382—389.

36. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Ю. А. ФЛОРЕНСКОЙ

<02.02.1903. Москва — Тифлис>

Дорогая Люся! <...>

Совершенно напрасно ты пишешь уже об оттиске моей статьи: я послал её Ельчанинову и вовсе не думаю, чтобы её стали печатать, так что ты на этот счёт можешь успокоиться. Журнал «Новый путь», о котором ты спрашиваешь, имеет целью дать высказаться вновь зарождающимся течениям мысли, преимущественно религиозной и касающейся общих вопросов мировоззрения. Пишут там всё сравнительно молодые писатели, есть в № 1 статьи интересные, но не думаю, чтобы дело этого журнала пошло успешно; мне кажется, он, так сказать, слишком искренен и слишком доверчиво раскрывает свои воззрения перед публикой: такой тон пригоден для дружеской беседы, а не для журнала. Кроме того, он, вероятно, слишком серьёзен для большой публики, и нужно думать, что едва ли на него найдётся много читателей. Я-то во всяком случае желаю ему успеха, хотя не могу не сознаться, что в нём допущены значительные промахи.

<...> Недавно был я с Эрном на органном концерте. Тут в консерватории исполинский орган <...> Мне бы больше всего хотелось услышать ораторию Гайдна, но пока это никогда ещё не удавалось. Не знаю, хорошие ли вещи играют в протестантских церквах, но то, что играет в католических, просто прелесть, и мне очень жаль, что того же нельзя завести и в православных, тем более, что допустили туда даже электрическое освещение.

<...> Человеку вообще, а женщине в особенности, не должно быть односторонним и, в частности, не должно страдать худшей из односторонностей — отсутствием внутренней активности, жизненности и стремлением заменить её книжностью. Тут не место писать, но скажу только, что это (в упрощённой форме) основной пункт моего мировоззрения; берегись, как бы не перестать воспринимать книгу (жизненно, т. е. всеми сторонами духа, для чего необходимо активное *проявление* этих сторон в реальной действительности) и начать только понимать её. Большинство тех, кого я знаю, только понимают и запоминают — и в результате кроме самодовольного ношения за собою бессмысленного багажа, неразгаданных символов, книжных трупов ничего не получается. Жизненность, хотя бы и не знающая символизации, есть нечто, сила, но символы без содержания, без жизненности, без того, на посторонний взгляд почти незаметного, что делает их продуктом *духа*, а не духовного механизма, есть полное ничто: это труп, который внушает отвращение.

37. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<28.04.1903>

Мне жаль, Павлуша, что я не могу выразить словами всего, что накопилось в моём сердце. Не могу и по своему обычному неумению выражаться, и вследствие усталости, разбитости и недомогания. Но мне хочется хоть как-нибудь высказаться, чтобы вы знали и моё отношение к происшедшему.

Когда я вышел от вас, я сначала ничего не чувствовал, но потом всё яснее и яснее стал сознавать всю важность происшедшего, и мысль и чувство сильно заработали, пытаясь ответить на вопрос: «Отчего это и зачем?» И думалось мне так: «Это началось уже давно, уже давно зародилось между мной и Павлушей отчуждение, непонимание и оно продолжало всё расти и расти, пока не дошло до конца. Тут решительность и искренность Павлуши заставила его прекратить невозможные и тяжёлые отношения. (Я ни секунды не смотрел на ваше поведение как на род капризов или проявлений тяжёлого характера. Я ясно видел, что это только признаки более глубокого и скрытого явления.) Да, но если понятны последние поступки Павлуши, то совсем непонятно наше отчуждение друг от друга. Откуда оно? Я ли виноват? Или Павлуша? Или мы оба? Или никто? Конечно, не я! Разве я виноват в том, что Павлуша перестал интересоваться моими чувствами, моими мыслями, всем тем, чем я жил?

Задал ли он мне когда-нибудь вопрос: „О чём вы думаете?“ или „Как вы на это смотрите?“ Разве он, когда я начинал ему рассказывать, не молчал так, что и мне приходилось замолкать? А когда мне было тяжело или тягостно, когда меня мучила эта жизнь так, что я потихоньку лил слёзы, разве он переставал на меня смотреть взором любопытного наблюдателя и бросал на меня хоть один сочувственный взгляд, чтоб я утешился? Я тщательно припоминаю и вижу, что все тяжёлые минуты я переживал один. А я? Разве я не старался понять Павлушу, войти в круг его интересов, сделать себе понятными вопросы, его занимавшие? Разве я виноват в том, что, не зная математики, я не мог достигнуть этого, не мог следить за его мыслью? Но разве я не стремился, если не умом, то хотя сердцем понять его и жить с ним? Стремился, и очень стремился, но, не встречая с его стороны ничего подобного и наталкиваясь на его всесторонние *насмешки* надо мной, — я делал всё менее и менее удававшиеся попытки, и наконец увидел своё бессилие переделать уже совершившееся: уничтожить отчуждение между нами. И я не понимаю. Допустим, что *принципы* Павлуши намного выше моих; его мировоззрение стройнее, глубже и полнее моего, но разве *реальное сознание* его настолько выше моего, что он иначе как с насмешкой относиться ко мне не может? Разве к искренности можно относиться насмешливо? Разве я погружался в сон и грязь настолько, что меня нужно было будить такими грубыми, неподходящими средствами? И т. д. и т. д...» Одним словом, мои чувства расходились, и я, про себя, сыпал на вас, Павлуша, обвинение за обвинением. Воспроизвести их не могу, потому что они слишком были мгновенны и слишком быстро следовали одно за другим. Но этот порыв скоро прошёл, руки опустились, в груди опустело и стало тоскливо-тоскливо. Ясно я представил себя самого, мою чванную, тщеславную, ограниченную фигуру, с подрезанными чувствами, с подрезанными мыслями, с неудачными заоблачными порывами, представил себе и вас таким, каким вы являлись мне в лучшие минуты, поставил вас рядом с собой, и мне стало совершенно ясно, *что я виноват*. В чём виноват, не знаю, но виноват. Скорее всего отсутствием той любви, которая могла бы сгладить шероховатости, возникшие между нами, и поднять меня до понимания вас. И тогда я совершенно ясно увидел, что на этом между нами не кончится, что *вы мне напишете*; и я *знал* — *что*; я обрадовался, что смогу вам высказать свои чувства и мысли. Так действительно и случилось. Теперь послушайте и вы меня.

Я ясно вижу теперь одно:

Вы во мне всё время ошибались. От этого всё и произошло. Вы не захотели *знать меня таким, каким я был на самом деле* всё время от сближения с вами и до сих пор и, надеюсь, остаться, доколе буду жив и не попаду в лучшие условия. В известный момент вы стали меня идеализировать, видеть во мне те черты, которые вам были желательны, а у меня на самом деле было только стремление к ним. Вы старались видеть во мне бесконечность, когда я был освещён только стремлением к ней, только предчувствием её. Вы хотели, чтоб я был бесплотным существом, которое, возвысившись абсолютно над

всем земным, *созерцало* бы одно сверхземное. На самом деле я любил и люблю землю, не ту землю, которая сейчас и от которой я давно освободился, а ту землю, которая *будет*, когда, проникнутая Высшим Светом, родит Вечную Красоту. По этой земле я страстно тоскую, потому что, предчувствуя её совершенно ясно, люблю её всем сердцем. Но земли этой достигнуть можно, не убивши теперешнюю землю, а претворивши её. Поэтому я всегда буду земным, всегда буду жить на земле, хотя и не по земле.

Я был простым *христианином*, а вы хотели меня сделать *святым*. Это и было роковым в наших отношениях. Вы хотели слишком высокого от меня, вы хотели видеть меня на той высоте, которой я был *недостойн* и которая была для меня невозможна вследствие особого склада моего характера.

Ясное дело, что ваше идеализирование меня долго продолжаться не могло. Действительность часто давала о себе знать, и вы стали видеть, что я не то, за что вы принимали меня, что я «упал», что во мне есть что-то особое, самостоятельное, своеобразное, неподдающееся мгновенно вашему пониманию. И вы не захотели узнать меня, вы осудили меня сразу с точки зрения прежнего понимания, не хотели до того, что на все мои попытки отвечали насмешливо и всячески от них закрывались. Но от этого получилась другая крайность. Раньше вы считали меня лучше, чем я был, теперь же считали меня хуже, чем я был, но в обоих случаях не тем, чем я был в действительности. И от этого получилось несколько вопиющих случаев самого обидного непонимания меня вами.

1. Вы часто говорили мне, что я не хочу чем-то «удивить» вас. Говорите это и теперь. Я не понимал всей важности такого обвинения, и потому никогда энергично против него не оправдывался. Но теперь говорю совершенно искренно: *у меня не было и тени такого желания* (Павлуша, не страшно ли вам от этого?). Я молчал большей частью потому, что я молчалив от природы, но когда начались недоразумения, я не знал, что говорить, хотя очень хотел. Мой внутренний мир был вам *неинтересен*, вы не спрашивали никогда о нём и молчали, когда я начинал говорить о нём. За вами же, хотя я понимал вас инстинктивно и постоянно издали вам тихо сочувствовал, — я поспеть не мог, ясно почему, и меня ставил в безысходный тупик ваш вопрос «Чем вас занимать?». Мне страстно хотелось разрушить стену, вставшую между нами, но я не умел и не мог, и если я уже в отчаянии говорил: «Павлуша, но ведь я вас люблю», вы с усмешкой говорили: «Ну так что же?», скрывая за этим своё полное недоверие.

2. Вы говорите, что мне хотелось стать выше вас. Я этим изумлён. С самого начала нашего знакомства (ещё в гимназии) и до сих пор *не было минуты, когда бы себя хоть раз выше вас*. Я вас не только любил, но и уважал, считая вас сильнее и больше меня. Понятно, почему так вышло: я не укладывался под тот идеальный тип, которого вы желали; я не хотел терять своей самостоятельности, лишаться того, что я приобрёл долгим упорным трудом и муками; да я ясно сознавал, что и *не должен* быть перед Богом этого делать. Вы не могли подарить мне терпимости, основанной на любви,

хотя я просил её у вас. Вы не могли простить мне моей самостоятельности, у вас не хватило на это *любви*. Повторяю, Павлуша, я никогда не считал себя выше вас.

3. Вы говорите, что я захотел «поправлять Истину», «выдумать что-то новое». Вы не поверите, Павлуша, как это мне тяжело. Но тут уже *silentium*¹. Своей святыни в людских словах я открывать не могу. Если вы её не почувствовали, горе мне.

4. Говорить, Павлуша, о том, как вы объяснили моё желание передать вам Гельмгольца, — я прямо не могу. Тут меня охватывает одно удивление, жалость к себе и жалость к вам. Тяжело.

Все эти непонимания вытекли из того, что не хотели узнать *меня* действительного. А если б вы узнали, быть может, многое из того, что так неприятно, не произошло.

Дорогой мой Павлуша! Я не надеюсь на то, чтоб мы опять стали жить вместе. Я думаю, мы расстаёмся, чтоб продолжать дальнейший путь в одиночестве. У меня не хватит силы сдвинуть гору с места, это для меня непосильный подвиг. Я думаю, что и у вас тоже не хватит. Если б я понимал Христа вполне, этого не было бы. Но моё сознание ограничено. Это я смутно сознавал раньше, но теперь узнал ясно. Это послужит мне уроком на всю жизнь².

Мне жаль с вами расставаться, с вашей милой семьёй, которую я успел крепко полюбить, но я не могу расстаться с вами, Павлуша, не сказавши вам слова любви, которое само просится.

Дорогой Павлуша! Зачем нам расставаться с злыми чувствами? Зачем вы меня назвали врагом? Зачем и нам отдавать дань грязи и пошлости? Если мы не могли идти вместе, если вы больше меня, если вы шагаете быстрее к цели и видите её яснее и если я отстаю, то зачем же нам опускаться до вражды? Вы, одарённый больше Богом, идите себе впереди; отставая от вас всё больше и больше, быть может, я тоже не буду сидеть в болоте и тоже буду тихонько плестись соразмерно с своими силами, быть может, блуждая вследствие неясности моего зрения. Если у меня не хватит силы и любви, чтобы поспеть самому за вами, то у меня хватит и хватает любви настолько, чтобы сопутствовать вам своим сочувствием и своими молитвами. Я не чувствую горечи *нравственной* от нашей разлуки.

Мы расстаёмся, но и вы и я будем стремиться достигнуть одной и той же цели. Мы расходимся в путях к ней, но *цель у нас остаётся одна*, как и прежде. Пусть же эта цель освятит нас Своею Силой и избавит нас от вражды.

По мере того, как я писал это, сознание моё прояснилось, и я совершенно ясно сознавал, что пишу. Я писал вполне искренно. Я знаю, вас поразит тут кое-что, но умоляю: бросьте хоть на минуту вашу недоверчивость, поверьте мне и постарайтесь понять меня. Может быть, это изменит ваше отношение ко мне.

Я вас, очевидно, понимал хорошо. Потому что в вашем письме я не встретил для себя ничего неожиданного; я всё это знал. Но и зная, я не мог одними своими силами уничтожить между нами стену. В этом мой грех. Христос,

которому я молюсь, осуждает меня, и я не знаю, что делать. Простите мне, Павлуша, что можете, а чего не можете, то пусть тяжёлым бременем ляжет на меня и сохранит меня на дальнейшем пути хотя от самомнения, самоуверенности.

Прощайте, Павлуша!

Да будет Господь с вами всегда.

¹ Молчание (*лат.*).

² К сожалению, урок усвоен не был. Почти *всё* написанное Флоренскому мог бы сказать Свенцицкий через шесть лет в отношении самого Эрна. Линия поведения по тем же причинам оказалась сходной: от идеализирования чуть ли не до святости к безоговорочному осуждению и вражде.

38. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<19.06.1903. Сурам>

Володя!

Не знаю, такова ли моя особенность личная, или это следствие свойственного всем сознания греховности, но я не знаю за собою ещё ни одного поступка, за который бы я не чувствовал, через некоторое время после, своей тяжёлой ответственности; чувство виновности начинает давить, и даже самое удачное, по первоначальному представлению, с течением мыслей делается горьким и противным, как бы сказал Жан-Поль, наподобие сахара, пролежавшего 30 лет в магазине и приобретшего вкус полыни.

Я хочу этим сказать, что данный случай только послужил подтверждением этого правила, и я не имею вовсе своей целью скрыть от Вас, что я чувствую себя виноватым перед Вами, именно вот в чём: Вашего доверия и Вашей откровенности я *не стоил*, и даже совершенно безотносительно от Ваших достоинств и недостатков, а не стоил *сам*, т. к. не имел никогда (кроме очень коротких мгновений) для того достаточной ценности, тех качеств, которые я бы потребовал от другого, если бы захотел быть с ним вполне откровенным. Это было бы всё ещё ничего, но виновность моя в том, что я в этом отношении был либералом: вместо того, чтобы заслужить доверие, я внутренне *требовал его*. Если бы я мог получить его, то, во всяком случае, не на основании требования, а из милостыни, чего, впрочем, я не хотел да и не хочу, вовсе не из гордости только, а потому что милостыня, выпрашиваемая у другого, лишает его свободы действовать по-своему.

Сознавая свою виновность, сознаю также и то, что едва ли в этом отношении я стану лучше когда-нибудь, потому что слишком глубоко связаны со мною все эти дурные качества и, чтобы изменить их, мне нужно было бы изменить весь мой склад, переродиться.

П. Ф.

39. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Ю. А. ФЛОРЕНСКОЙ

<07.09.1903. Москва>

<...> Часто мы говорим о воспитании и ужасной неряшливости в этом отношении нашего века. Особенно тяготит его полная распущенность всех воспитываемых, которая за последние 2-3 года распустилась не только у нас в Тифлисе, но, кажется, и по всей России, напр<имер> в Москве, такими пышными цветами, что о всей прелести их нельзя тебе составлять себе представление издалека, т. к. даже мне, который видел период распущенности достаточной в гимназии, всё это представляется странным и кошмарным. Отсутствие вкуса к чему-нибудь идеальному, полная невыдержка, неумение и нежелание работать хотя бы в какой-нибудь области, вульгаризация во всех смыслах — одним словом, мерзостная горьковщина, которая под видом «силы» скрывает самую полную несостоятельность, самое полное бессилие, а под видом аморальности (т. е. сознательного отказа от морали, дерзновения преступать законы идеального) содержит в себе самую ультрабуржуазную имморальность (т. е. неимение, лишение каких-либо идеальных импульсов к действию, умственную и волевую слабость), эта горьковщина достаточно распространена среда молодёжи нашей, особенно гимназистов и гимназисток. <...>

40. В. Ф. ЭРН — А. В. ЕЛЬЧАНИНОВУ

<09.10.1903. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Прости, что я не отвечал тебе до сих пор, но минутки времени не было свободного. Впрочем, я, собственно, и теперь не отвечаю тебе (о чём прошу извинения), — а решаюсь обратиться к тебе с довольно странной просьбой. Чтобы быть понятным, начну издалека: помнишь ли, я тебе говорил как-то о Свенцицком, гимназисте, по поводу того, что появился его рассказ в «Русской мысли» за май?¹ Он теперь у нас на факультете. Бог послал мне счастье сблизиться с ним. Это человек необыкновенный. В его присутствии чувствуешь свою мелочность, ограниченность и пошлость, так же, как чувствуешь это в церкви. Возбуждается страстное желание очиститься, подняться — а к нему чувствуешь благоговение и восторг. Это ужасно сильная, богато одарённая личность во *всех* отношениях: прежде всего бросается в глаза его *громкая умственная сила*; в самых трудных и запутанных вопросах общественного характера он разбирается легко и так уверенно, что эта уверенность передаётся и другим; сложные и самые трудные философские вопросы он уяснил себе до конца, и его мировоззрение поражает своею стройностью и цельностью даже тех, кто с ним совсем не согласен. Диалектик — сильнейший. Затем поразительна его *нравственная сила*. На всех окружающих он действует перерождающим образом. От него исходит какая-то сила, и кто попадает в круг её действия — тот относится к нему с трогательною любо-

вью. Я видел, как оставленный при университете человек свободной науки, еврей, сионист, скорбящий о своём народе, и деятельный социал-демократ, и человек, изнывающий от сомнений, которые по своей глубине напоминают Ивана Карамазова, — все эти разнородные люди сходились в благоговейном почитании этого первокурсника. При этом у него удивительно оригинальные формы жизни: много я бы мог тебе рассказать об них, но теперь скажу только: он строгий аскет при удивительно бодром и весёлом настроении; любит мир, как любил мир старец Зосима, — и сознательно идёт в монастырь².

Он обладает громадным даром слова; я не слышал никогда, чтобы говорили так сильно и красиво — и, кроме того, недюжинным — на мой взгляд — художественным дарованием. На последнее обрати внимание. Ибо на этом кончается предисловие и начинается моя просьба. Он написал несколько рассказов и напечатал их в различных журналах. Теперь он задумал чрезвычайно глубоко (подробнее пока не считаю возможным объяснить) целую серию рассказов, в которых *религиозная* психология на первом плане. Один рассказ из этой серии он написал и очень хочет напечатать, но почти уверен, что его в журналах не примут по цензурным соображениям. Герой рассказа — монах с сложной религиозной психологией — кончает жизнь самоубийством. Больше всего шансов, что примет и пропустит рассказ «Новый путь», как интересующийся религиозной психологией и несколько более других свободный в цензурном отношении. Поэтому Свенцицкий на днях пошлёт свой рассказ в «Новый путь». Не можешь ли ты обратить внимание Мережковского на этот рассказ и каким-нибудь образом содействовать тому, чтобы его пропустили?

В этом — просьба к тебе. Я уж не буду говорить, как будет благодарен тебе Свенцицкий, — я думаю, само дело достаточно говорит за себя.

Прощай! Писать тебе — пока принуждён отложить — ибо занят чертовски. Твой В. Эрн.

¹ Свенцицкий В. Назначение // Русская мысль. 1903. № 4. С. 147–164 (С-І. 486–509). Это был второй его опубликованный рассказ. А яркий образ из литературного дебюта в 1901 г. — полевые цветы, склоняющиеся под колёсами телеги и снова выпрямляющиеся, — явился символом всей жизни автора.

² Ср. впечатление Свенцицкого: «Более десяти лет спустя, вспоминая это, я вижу перед собой не „наивного студента“, а самого *верующего*, самого *чистого* человека, которого я знал когда-либо. Он *верил* в чудо, как святой или как ребёнок. ...Я никогда не любил никого другого, как его, никогда *не верил* никому, как ему... Почему я стал „врагом“ — это дело совершенно личное. *Скажу только, что вся вина на мне.* А для характеристики его прибавлю: Владимир Францевич был чист, ясен, прозрачен. В этом была и сила его, и слабость. Он не мог „вместить“ того внутреннего пути, который выражается в евангельских словах: „Если не умрёшь — не оживёшь!“ Он сам не шёл путём „смерти“, путём „падений“, путём вполне *реальных* грехов. И потому путь этот, страшный и тёмный, был для него „враждебен“, и тот, кому выпал на долю крест идти по нему, неизбежно сделался его врагом...» (С-IV. 601, 603). Ср. указанный прп. Исааком Сирином признак духовного возрастания на пути ко граду Божию: «Сретают тебя сильные искушения; и чем более приближаешься и пре-

успеваешь, тем паче... умножаются. ...В какой мере не имеет душа достаточных сил для великих искушений, в такой же она недостаточна и для великих дарований... Не входя в искушения, никто не приобретает духовной мудрости» (Добротолюбие. М., 1998. Т. 2. С. 790, 758).

41. А. В. Ельчанинов — В. Ф. Эрну

<14.10.1903. С.-Петербург — Москва>

Непреренно выполню твою просьбу, дорогой Володя; твоё письмо меня ужасно взволновало: я давно ничего не читал с таким волнением. Если ты, человек во всяком случае недюжинный (не прими за комплимент), преклоняешься перед первокурсником вместе со многими другими, то это действительно что-то поразительное. Жаль только, что я не могу подробнее расписать Мережковскому его планы. Пожалуйста, при первом свободном часе напиши о нём подробнее.

Почему ты не пишешь ничего о Флоренском? Если ты не можешь, пусть Женя¹ напишет. Твой А. Е.

¹ Сестра Ельчанинова.

42. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<14.10.1903. С.-Петербург — Москва>

Часто я собирался писать тебе, дорогой Павлуша, и летом, и теперь, но по разным более или менее законным причинам, откладывал. Сейчас у меня сильное желание писать, и именно тебе, и если мне не помешают, то, может быть, я что-ниб<удь> выражу.

Мне всегда казалось, Павлуша, что между нами что-то есть, что мешает полной близости. Мне кажется, что одно из таких «средостений» — это то, что я никогда не высказывался перед тобой. Всё то, что меня мучило и занимает теперь, тебе неизвестно или известно только отчасти. Сейчас Эрн прислал мне письмо, в котором в восторженных выражениях говорил о Свенцицком. Это письмо ужасно взволновало меня и подняло во мне целую тучу вопросов, которые перестали было меня мучить, придавленные всякими внешними делами и отношениями. Все эти вопросы, которые я попытаюсь сейчас свалить на твою голову, носят отчасти субъективный характер, к ним примешан сильный эмоциональный элемент. Начнём с того, что я абсолютно не понимаю смысла исторического процесса в его целом¹. Я решительно не понимаю, чем оправдывается или освящается жизнь миллионов и сотен миллионов масс тупых косных людей, живущих сегодня, как вчера, как жили тысячи лет назад их такие же тупые предки. Эта колос-

сальная масса бессмысленности прямо давит на мозг, когда я читаю историческую книгу, когда я иду по улице, когда я беседую с «просвещённой дамой», поклонницей Горького и Андреева. Для какого дьявола на этой безмысленной массе, на самой поверхности непроницаемой шкуры, для чего на ней — тонкий, как паутина, налёт искусств, наук и всего прочего; для чего единицы — гении, для чего эволюция философских систем, для чего весь этот сложный, тяжёлый и вместе с тем микроскопический прогресс на поверхности постоянно недвижной, косной массы? Я не понимаю, дальше, почему каждый из этой серой массы, как бы он ни хотел, не может выйти из своего состояния, не может даже захотеть этого? Почему силы наши отвешены каждому на скупых весах и всякая попытка мошеннически развить их кончается сумасшествием или полной прострацией? Вопрос об усталости для меня поэтому центральный вопрос. Могу ли я всё или мне поставлены вечные, непреходимые пределы, или я «обречён»? Физиология и т. д. говорит, что всякое действие влечёт за собой усталость, всякая деятельность *физически* ограничена, что если я хочу работать 14 часов в сутки, то это идёт за счёт тканей и жира и может продолжаться очень недолго, заканчиваясь неврастением или аment².

Мне хочется верить, что это не так, что воля человека неограниченна, что он может всё, но доказательств у меня нет или почти нет.

Я хватаюсь с жадностью за факты вроде нормального физического и умств<енного> состояния истеричных при хроническом голодании (Шарль Рише³) или примеры огромной траты энергии при минимальных физических силах (ты, например). Но насчёт первого я не знаю всех подробностей явления, а насчёт тебя я ужасно боюсь, что это плохо кончится.

Я сегодня (с 13-го на 14-е) видел тебя во сне в очень плохом виде — типичный случай острого слабоумия (ты смеёшься?).

Напиши мне, пожалуйста, как ты решаешь эти вопросы? Если я не могу всё — мне ничего не надо, жизнь абсолютно не имеет никаких резонансов для своего продолжения⁴.

Твой А. Ельчанинов.

¹ На поставленные далее вопросы попытался ответить каждый из друзей. Флоренский в статье «О цели и смысле прогресса» констатировал не только прогресс добра в человечестве, но и прогресс зла, а также обострение борьбы между ними. Целью должной деятельности считал установление идеального единства, но теократию как таковую признал нереализуемой, поскольку «она безусловно исключает всякое насилие». Дабы избежать атараксии, вывел «необходимый постулат всякой деятельности» — наступление должного порядка общества после конца мировой истории и качественного преобразования человеческой природы (Ф-И. 196–204).

Эрн в статье «Идея катастрофического прогресса» представил историю как «процесс усвоения положительной бесконечности», Абсолютного, когда «тленное пронизывается Вечностью, человеческое — обожествляется, законы мира сего, весь природный строй побеждаются, и в освобождении от них, в новой земле Царствия Божия человек обретает истинную свободу свою» (Эрн В. Сочинения. М., 1991. С. 198–219).

Несколько работ этой теме посвятил Свенцицкий: «История мира для христиан — медленное, *свободное* разделение Добра и Зла. Разделение, на одну сторону которого встанет всё готовое к воссоединению с Творцом своим, — на другую всё стремящееся к окончательному самоутверждению. ...Подобно тому, как Бог и человек стал Бого-человеком, мир и Божество должны стать богочеловечеством... В соединении Неба и Земли весь смысл мирового процесса. ...В победе Добра над Злом и в преображении материи и всей жизни, как следствие этой победы, получают свой ответ, своё успокоение все вопросы, которыми изболевлось человечество и от которых без Христа не излечится никогда! Вопросы о смысле жизни, о смысле страдания, о судьбе мира...» (С-I. 222; С-II. 258; С-III. 176).

² Безумие (*лат.*).

³ *Рише Ш.-Р.* Сомнабулизм, демонизм и яды интеллекта. СПб., 1885.

⁴ На оригинальную смесь принципов Кириллова (героя «Бесов» Достоевского) и ибсеновского Бранда дал ответ Свенцицкий: «Смысл земной жизни... лежит в развитии и проявлении тех внутренних сил, которые потенциально содержатся в человеке... Я должен прожить свою земную жизнь, доведя до величайшей степени развития свою личность. В этом смысл и оправдание моего бытия. А так как в основе своей личность божественна, то развить её до конца — это значит стать „сыном Божиим“, по слову апостола, иметь все „чувствования, какие и во Христе Иисусе“. Проявить же свою божественную личность — это значит со всей возможной для нас силой осветить жизнь божественным началом» (С-III. 50).

43. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<11.11.1903. Москва — Москва>

Дорогой Володя!

Ваше письмо написано в таком тоне, что Вы как будто ждёте ответа. Но что, собственно, могу ответить Вам я, не знающий Вас, как и сами Вы говорите, о таких вопросах, конечно, что по существу; общих-то фраз можно наговорить сколько угодно. Одно только скажу: если Ваше состояние я верно понял, то оно есть то, что я давно хотел бы от Вас; оно именно и желательно, и полезно. Человек, в отличие от духовного автомата, должен страдать или, по крайности, перестрадать мировоззрение, а иначе это будет просто энциклопедией больших или меньших размеров.

Никаких злобных чувств я к Вам не питаю и не питал, как и сами Вы знаете, и не собирался иметь их; конечно, мне грустно, но эта печаль «покойна и тиха»¹, и на многое смотрю если не с любованьем, то, во всяком случае, тихо. Да и иначе нельзя: всё, что я делаю, должен считать подарком судьбы, ибо не могу рассчитывать ни на какие сроки.

Раньше мечталось, что получу право повторить: «Я прохожу мимо людского зла, потому что оно мешает мне служить Богу»², но теперь убедился в смехотворности подобных претензий с моей стороны; где уж там «служить Богу», когда каждый год не надеешься дотянуть до конца. Потому ни на какие сильные чувства и подъёмы с моей стороны не рассчитывайте, я даже

и остерегаюсь их. Если же хотите видеть меня так, попросту, то приходите; я буду рад. Дома я всегда бываю с 9-ти часов вечера; но в пятницу утром переезжаю на другую квартиру, и самое удобное будет, если вы придёте в среду.

П. Ф.

P. S. В доказательство, что я не чувствую неприязни, дарю вам единственный экземпляр одного сочиненьца, которым когда-то дорожил.

¹ Ср. арию Леоноры «Тиха и покойна ночь» из оперы Дж. Верди «Трубадур» (1853).

² «Я прохожу мимо зла человеческого, ибо оно мешает мне служить идее Бога» (Б. Спиноза).

44. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<16.11.1903. С.-Петербург — Москва>

Я не думаю, дорогой Павлуша, чтобы тебе нужен был ответ на твоё письмо, — ты не из тех людей, для которых имеют важное значение чужие мысли и чувства, но этот ответ нужен мне. Ты столько написал мне, что ответить на всё письмо я вряд ли смогу сразу... Попробую поднять хоть одну из тем, брошенных тобой в таком изобилии в твоём письме.

Прежде всего решительно отвергаю твоё предположение, что я не увижу в твоём письме «ничего, кроме прописных истин» и т. д. Это бы уж слишком скверно рекомендовало бы меня. Обо всём, что ты пишешь, я часто думал. Собственно говоря, не было ни одной темы, на которую ты мне когда-либо говорил, которая не была бы мне глубоко интересна, т. е. которая близка моему сознанию, — у меня не хватало только силы и остроты продумать эти темы до конца и дать определённые формы тем неопределённостям, которыми всегда полна голова. Начать хотя бы с первой темы. Ведь недаром же я взялся за русских мистиков и немного изучал их. Правда, привёл меня к этому интерес гносеологический; но в писаниях Лопухина, Сперанского, а потом святых отцов я нашёл интересным другое. К тому же, с этого лета я всё дальше отхожу от чисто гносеологических проблем в сторону вопросов воли и «духовной жизни». Какое бы мировоззрение я ни нашёл бы правильным и удовлетворяющим логике и гносеологии, ведь это далеко не всё ещё, это — почти что ничего; ведь от моей воли будет зависеть, во-первых, склониться, принять такое мировоззрение, и, во-вторых, от сил моего духа будет зависеть усвоить и реализовать его, и вопросы об этом и занимают меня теперь и отвлекают от чисто логических изысканий. Наряду с этим у меня часто появлялись сомнения, то ли я делаю, что надо, когда читаю газеты, новые книги, даже когда слушаю лекции. Эти сомнения я, впрочем, надеюсь разрешить собственными силами. Наиболее важным мне представляется теперь в мыслях и отчасти реализуется в моих

занятиях не теория, а практика. Я бываю вполне удовлетворён, я заметил это давно, только тогда, когда делаю что-ниб<удь> для других, когда чувствую чужой интерес так же ярко, как свой, и когда подлинно своё совсем куда-то исчезает. Это не слова только, Павлуша, а то, что сидит во мне уже года четыре-пять. Я не знаю, как это относится к тому, что ты описываешь. Я читал у многих мистиков описание того состояния, когда в душе царствует Логос-Любовь; это почти всегда чувство радости, блаженства, но совершенно свободное от чувства к людям; даже наоборот, такое чувство не исключает совершенно обратного чувства к людям, даже предполагает его. Один русский мистик удивляется, напр<имер>, как можно что-ниб<удь> ещё любить, если все силы духа устремлены в одно, совершенно противоположное тварям, kreaturen. Я думаю, что ты говоришь не о такой любви. Ты, может быть, имеешь в виду другую стадию того же состояния, которую так хорошо кто-то описывает в том отрывке, который ты однажды мне прислал и аналогичный которому я нашёл недавно в Анне Карениной (III т. IV, 15): «Что он ведал тогда, того он после уж никогда не видел...». (Дальше идёт всё то же — «сохранение мира, как добра»; там же (III т. VII, 31) как будто нарочно для твоей работы описание противоположного состояния, когда всё представляется как глупое, недолжное, злое.)

Такое чувство я испытывал довольно часто (подобное состояние, только в сильнейшей степени, описано в «Брат<ьях> Карамазовых» или в «Житии Сквороды» в юбилейном издании его сочинений 1894 г.). Но тут нужно очень тонкое чутьё, чтобы не принять одного за другое. Часто, например, подобное состояние создаётся чувством физического благосостояния (напр<имер>, после обеда) или после нравственного удовлетворения — после победы над врагом и после удачного разрешения мучившего вопроса, наконец, это настроение создают и не эгоистического характера факторы. У меня это бывает иногда без всякой причины, хочется всех обнимать и целовать, становишься неуязвимым ко всяким неприятностям, даже оскорблениям, потому что находишься «вне себя». <...>

45. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<17.11.1903. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! <...> Мне довольно хорошо работается. Основные линии своего мировоззрения я ухватил и начинаю их понемножку развивать. Если будет время, то в этом году три основных линии я изложу, если не в деталях, то в существенных чертах. Очень уж это меня соблазняет. Павлуша перешёл на новую квартиру: Остоженка, д. Егорова, кв. 40. Много у него очень мыслей.

Пиши. Твой В. Эрн.

46. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

«Конец ноября 1903. Москва — С.-Петербург»¹

Дорогой Саша! Ты прости меня. Свенцицкий, перечитав свой рассказ, который хотел отправить в «Новый путь», решил его немного переделать; это, конечно, займёт некоторое время. Насчёт его планов, к сожалению, ничего не могу тебе сказать. Он мне говорил о них, но не в тех терминах, которые бы можно было передать. Не помню, писал ли я тебе в прошлом письме: он на днях едет в Македонию для подачи медицинской помощи македонцам.

Если это тебе характерно — могу сказать: с этим человеком я сошёлся очень близко, узнал его хорошо и преклонился перед ним *вполне*. Кроме горячего почитания — я испытываю к нему самую живую любовь. От сближения с ним я обновился и почувствовал, что во мне что-то назревавшее — назрело до конца и определилось навсегда. Ты представь себе только: ни одного противоречащего впечатления от него не было, ни одной хотя бы крохотной чёрточки. Цельность необычайная². К сожалению, нет у меня времени, а то бы много интересных вещей я тебе рассказал о нём.

Я очень занят. В последние две недели набросал свои мысли о вере в людей, пришедшие мне летом; поглощён был этим, потому что увлекли меня мысли и показались уж очень важными. Читаю довольно много, или, пожалуй, читаю не особенно много, зато хорошо воспринимаю прочитанное. В университете у нас заваривается каша. В Гомельском погроме участвовал юрист 2 к<урса> Абрамович (Моск<овский> унив<ерситет>). Его хотят судить. Уже начались курсовые совещания и выборы делегатов. Как всегда, полный индифферентизм и вялость. Но есть основания бояться некоторых осложнений.

О Павлуше я тебе ничего написать не могу. Мы с ним видимся очень редко. Он вконец на меня рассердился, конечно, *без малейшего* повода с моей стороны: на чисто теоретических основаниях. А разве ты с ним не переписываешься? <...>

Прости за отрывочность, очень спешу. Премного тебе благодарен. Напиши ты мне о себе.

Всего лучшего. Твой В. Эрн.

¹ В семейном архиве Эрнов письмо было вложено в конверт 11.04.1904, однако это ошибка. 20 июля 1903 г. на юго-западе Македонии началось Илинденское восстание против османского ига, а 19 августа в восточной Фракии — Преображенское восстание болгар. К ноябрю оба были подавлены, погибли тысячи повстанцев, десятки тысяч эмигрировали. Гомельский погром произошёл в конце августа 1903 г. Датировка основана также на фактах из предыдущих посланий Эрна и воспоминаниях Свенцицкого: «В 1903 году, только что окончив гимназию, я уехал в Болгарию. Это был год знаменитого Македонского восстания. Был я в Адрианополе. Был в Софии» (подр.: С-IV. 125–128); «Дней через пять после своего отъезда я сидел в маленьком грязном номере „Русской“ гостиницы в Софии и писал... „Завтра я отправляюсь с от-

рядом инсургентов к сербской границе. Турки задерживают всех подозрительных людей, и потому мы перейдём границу пешком. В начале декабря здесь устанавливается очень суровая зима, и тогда всякая деятельность временно прекращается» (С-І. 159). Но границу пересечь ему не удалось.

² Возможно, Свенцицкий знал содержание писем друга: в романе-исповеди «Антихрист» встречаются почти цитаты из них, но адресованные Николаю Эдуардовичу, прототипом которого был Эрн: «И вот первого из людей... я встретил, которому поверил, поверил сразу. ...Я просто, без всяких оговорок и запятых, верю ему безусловно... Передо мной стоял не человек, а образ... и сильный, и любящий, и радостный, и прекрасный» (С-І. 76–78).

47. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<26.11.1903. Москва — Тифлис>

<...> Ты спрашивала, мамочка, как-то насчёт Эрна. Я вижу с ним не особенно часто, т. к. единственное время, не занятое американской жизнью, — воскресенье — бываю у Андросовых. Он живёт на уроки, близко около меня¹ и занят много делами филологического общества², т. к. выбран секретарём его. Недавно говорили с ним на след<ующую> тему: православен ли проф<ессор> Трубецкой³, если судить по его сочинениям, причём я уличал его в неправославии. Но разговор вышел такой длинный и азартный, что целую неделю после я не мог вовсе говорить и совсем потерял голос; впрочем, теперь могу снова поднять тот же вопрос с новыми силами. <...>

¹ В то время Флоренский жил по адресу: Малый Знаменский пер., дом Фетисова, кв. 4.

² Историко-филологическое студенческое общество при ИМУ (председатель С. Н. Трубецкой) действовало с мая 1902 г. и первоначально имело 4 секции: философскую, историческую, историко-литературную и общественных наук.

³ *Трубецкой* Сергей Николаевич (1862—1905) — философ, богослов, редактор журнала «Вопросы философии и психологии» с 1900 г., профессор и первый выборный ректор ИМУ. Призывал стремиться «к истинной жизни духа, бессмертию и воскресению». Развивая учение о соборном сознании церковного, богочеловеческого организма, ввёл термин «метафизический социализм» — единство многообразия, принцип устройства совершенного общества, в котором правит закон любви, т. е. «единство всех в одном, сознание всех в себе и себя во всех». Считал, что в России «существует самодержавие полицейских чинов, земских начальников, губернаторов, столоначальников и министров», т. е. всевластие бюрократии, боящейся любого проявления свободы, кощунственно превратившей Церковь «в казённое учреждение, лишённое внутренней независимости, в орудие для своих полицейских целей». Любимый учитель Свенцицкого.

48. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<Декабрь 1903>

Павлуша! Меня особенно томит теперь жизнь. Очень уж тяжело от мыслей. Вспоминались несколько раз вы, и мне хочется ответить на ваше летнее письмо.

Я вижу, что положение моё было фальшивое. Бессознательно я сильно лицемерил. Думая, что вы нападаете на мою веру и думы, я защищался. А ведь это была ложь. Ничего этого не было. Перед вами я чист и невиновен. Но перед всеми людьми и перед Богом я виновен, потому что я был слишком недостоин того, во что я верил и что любил. Были минуты и дни подъёма и чистоты, но они быстро мелькали и тянулись за ними длинные полосы сна. Оторваться от него и служить Богу всем сердцем — я не мог от слабости и бессилия. Всё, что вы сказали обо мне, — правда, может быть, не вся. Жажда иного во мне не угасала и иногда пылала слишком мучительно. Я и теперь мучусь и, кажется, утрачиваю последнюю надежду. Что будет, не знаю. Если теперь я не встану и не пойду за Христом — я погиб.

Вам мне хочется сказать одно. Вы были правы, может быть не совсем, я был неправ. Говорю это с жгучим раскаянием, потому что очень-очень хотелось мне, чтобы не было много из того, что было. Мне так стыдно себя, своей жизни и всего, что я не знаю, вынесу ли я этот стыд. Недавно мне встретился человек — какой-то гений Добра и Ума, он поехал теперь «целовать ноги страдающих» в Македонию и вряд ли оттуда возвратится. Он блеснул для меня таким светом и, сам того не ведая, так мучительно ярко показал мне всю неправду моей жизни, что я изнемогаю¹.

Павлуша, простите меня, простите, что я так не понял все ваши правдивые слова и ответил на них так грубо. Если б я как-нибудь мог бы загладить это, я был бы рад и счастлив до крайности.

В. Эрн.

¹ Речь о Свенцицком. Ср. описание им своего alter ego: «он светился весь тихим, радостным, убаюкивающим светом... Но... было что-то тяжёлое и мучительное. ...Я не мог отделаться от мысли, что Николай Эдуардович судья... и что он читает нам обвинительный акт» (С-1. 78–79, 99).

49. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<04.12.1903. Москва — Тифлис>

<...> Я теперь предпочитаю жить даже на самой дрянной квартире, чем в общежитии, потому что среди всех обитателей его господствует пошлость, возведённая в принцип, и когда я вижу все эти самодовольные <нрзб.> и ни о чём не <нрзб.> физиономии, то испытываю почти что ненависть. Иногда вечером вернёшься из библиотеки домой, и уверенность, что никто из моих

знакомых по общежитию не постучится ко мне сейчас в дверь и что я никого из них могу не видеть, вызывает такой подъём духа и радужного настроения, как будто избавился от смертельной опасности. <...>

Вот прошла целая неделя, моя дорогая мамочка, я всё не дописал письма; последние дни особенно занят, т. к. хочу прочесть рефераты у нас на математическ<их> собраниях, в секции по философии религии¹ и одновременно пишу статью². Правда, что всё это на одну тему, но главное не в содержании, а в способе обработки, а обработка должна быть именно совершенно различная. <...>

¹ Секция истории религии — пятая секция ИФСО, созданная по инициативе Свенцицкого (официально зарегистрирована в сентябре 1904 г. под председательством С. А. Котляревского) и ставшая прообразом МРФО.

² Флоренский П. О символах бесконечности (Очерк идей Г. Кантора) // Новый путь. 1904. № 9. С. 173–235 (Ф-И. 79–128).

50. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<06.01.1904. Москва — Тифлис>

<...> Убедился я, что не смогу переписать работы¹ к нужному сроку и поэтому работаю над ней совсем понемножку. А последние два дня и вовсе не работал, т. к. занялся писанием рецензии², которая, может быть, будет напечатана. Отчасти смотрю на такие работы с чисто практической точки зрения; т. к. в дальнейшем я думаю заниматься литературной работой, то мне необходимо приобрести знакомых и некоторую репутацию. Иначе, что мне хорошо известно, чрезвычайно трудно сделать что-нибудь, т. к. рукописи лиц совсем неизвестных в редакциях даже не читают довольно часто.

Вчера мы, т. е. Ельчанинов, Ланге³, Эрн и я, ходили в Симонов монастырь и взбирались на колокольню. Оттуда чудесный вид на всю Москву и беспредельную снежную равнину, исштрихованную дорогами, деревнями и лесочками. Оттуда так всё кажется ничтожным и мелким. Ползают какие-то чёрненькие точки по белому — экипажи и люди, под ногами видишь золочёные маковки церквей, которые снизу кажутся очень высокими. Хорошо было бы тебе побывать там.

Последнее время я завёл знакомство с сыном проф<ессора> Бугаева⁴. Он оригинален и интересен, есть у него собственное, но немножко бестолков, в том смысле, что ему трудно мыслить последовательно. Кроме того, он, как человек, очень деликатен и мил, что среди студентов встречается редко. Впрочем, теперь он кончил университет, но хочет поступить снова на другой факультет. <...>

¹ Дипломная работа Флоренского «Идея прерывности как элемент мирозерцания».

² *Флоренский П.* Спиритизм как антихристианство (По поводу двух поэм: «Лествица». Поэма в VII главах А. Л. Миропольского, 1902; Белый А. Северная симфония (1-я героическая), 1903 // Новый путь. 1904. № 3. С. 149–167 (Ф-1. 129–145).

³ *Ланге-Поздеев Александр Семёнович* — родственник Ельчанинова.

⁴ Ср. записи А. Белого: «Декабрь 1903. Появление у меня 3-х студентов — Флоренского, Эрна, Свенцицкого; и моё вступление в религиозно-философский студенческий кружок... Январь 1904. Вхожу в контакт с кружком будущего Христианского братства борьбы... Долгая, внутренняя беседа со Свенцицким»; «Они пришли приглашать меня в группу „христиан“... Свенцицкий в некоторых кругах был известен как пламенный оратор, увлекающий сердца, Эрн считался знатоком первых веков христианства и сильным философом» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 20 об.—21; Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 45).

51. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — А. И. ФЛОРЕНСКОМУ

<14.01.1904. Москва — Тифлис>

<...> Я на Рождество познакомился кое с кем из интересных людей, особенно в один вечер, когда я зашёл к Бугаеву и застал у него всех или почти всех московских знаменитостей, по преимуществу из молодых. Был там и Бальмонт, читавший свои стихи, и Брюсов и т. д.; все люди разных направлений и убеждений, но не бесцветные. Были теософы умные и теософы, захлебывающимся голосом от волнения говорившие банальности, спириты, неоромантики, символисты и т. д. и т. д. и люди, ничего не смыслящие в поэзии. Сами по себе эти вечера не особенно интересны — немного показны, но очень полезны, т. к. дают возможность познакомиться с людьми, которых бы нигде не увидел. Наша секция по философии и истории религии, к сожалению, вызвала слишком большие и преувеличенные ожидания и надежды; «к сожалению», потому что, как ни хорошо и просто мы ведём свои дела до сих пор, теперь, пожалуй, придётся быть на виду, а это всегда делает положение несколько натянутым. Но зато в этом есть и выгода, т. к. несколько очень интересных лиц просили принять их в число членов; среди них есть если и не слишком учёные, то много знающие в каком-нибудь одном направлении, напр<имер>, по индусской литературе, и потому можно ждать от них интересного. Одного только можно опасаться, именно того, что у таких людей часто бывает особый привкус партийности и тенденциозности, а в большом количестве это почти невыносимо.

Тут собирается издаваться новый журнал «Весы»¹; не знаю, будет ли он интересен или нет, а потому пока подожду решать вопрос относительно предложения, которое мне сделал Брюсов, — именно сотрудничать в нём. Пожалуйста, только об этом *никому* не говори. <...>

¹ «Весы» — научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник, выходил в Москве в 1904–1909 гг.

52. П. А. Флоренский — Ю. А. Флоренской

<24.01.1904. Москва — Тифлис>

<...> Тут при университете несколько человек нас образовало кружок для занятий по истории и философии религии. Собрания наши немногочисленны и, может быть, потому интересны. Хочу скоро прочесть там реферат, и сейчас строчу его, но подвигается он медленно.

Пиши. Я тебя помню и не забываю, вспоминаю почти каждый день, но не пишу, потому, что нет времени и устаю, да и не люблю писать. Не люблю я чучел, гербариев и т. п., а письма — нечто вроде того. Нужно было бы письма обрабатывать, чтобы они были «произведениями», тогда дух передаётся. А так — раздавленный как-нибудь набок, искажённый и побуревший цветок, который не имеет никаких определённых очертаний и сам засушивший его через несколько дней может не признать за свой. Уверен я, что от 9/10 своих писем, если бы мне их дали, я бы отрёкся, так всё не то и не то. <...>

Думаю, мы с тобой совсем разошлись во взглядах. Вероятно, ты становишься понемногу склонной к умеренному позитивизму на почве науки и т. п., а я со дня на день всё более наклоняюсь к монашеству, для себя лично, и теперь, кажется, вполне являюсь православным, разумеется, я говорю про мелочи, а не про главное, потому что в главное втайне я всегда, с самого малого детства верил, но это оставалось до поры до времени совершенно обособленным ото всей остальной жизни, пока не просочилось всюду.

53. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<24.01.1904. Москва — Тифлис>

Дорогая мамочка!

Пишу совсем второпях. Дело в том, что Лахтин¹ советует подавать просто часть сочинения моего и держать экзамены. Приходится наскоро переписывать первую половину, доканчивать одновременно одну статью-реферат², которую я обещал прочесть в филологическом обществе, и готовиться к лекциям. И всё это надо делать к самому скорому времени, чтобы после начать подготовку к экзаменам. Боюсь, что ничего не успею, т. к. времени очень мало, а своих обещаний не исполнить, конечно, не могу. Целый день пишу, так что ручка вываливается. Зато думаю по окончании этих ближайших работ устроить маленький роздых и на несколько дней уехать куда-нибудь поблизости.

У нас было как-то домашнее собрание религиозной секции. Читал сын проф<ессора> Бугаева одну свою статью, которая скоро выйдет в свет³. Чем больше я узнаю его, тем более понимаю, что это замечательная личность, глубокая и совершенно не имеющая в себе той вульгарности «практической» жизни, которая в большей или меньшей степени почти у всех, по крайней мере у очень многих. Даже на тех, кто был предубеждён против него, он

произвёл в этот последний раз чарующее впечатление. Видел я его как-то на вечере, среди разных знаменитостей, людей во всяком случае талантливых и оригинальных более или менее. И все мне перед Бугаевым казались такими жалкими и ничтожными, хотя он почти ничего не говорил. <...>

¹ *Лахтин* Леонид Кузьмич (1863—1927) — математик, с 1896 г. профессор и в 1904—1905 гг. ректор ИМУ.

² Возможны два варианта: статья «О символах бесконечности» или «Спиритизм как антихристианство».

³ *Белый А.* Символизм как миропонимание // Мир искусства. 1904. № 5.

15 января 1904 г. на квартире Эрна (Обыденский пер., д. Ковригина, кв. 44) собрался весь будущий костяк ХББ, в т. ч. Свенцицкий, Б. Е. и В. Е. Сыроечковские, Д. Д. Галанин (мл.), Д. В. Шер. Присутствовавший Блок аж потемнел: «Между этими всеми людьми что-то есть там тяжёлое. Не нравится мне!» (*Белый А.* Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 75). Гениальный поэт, в то время «чувствовавший себя здоровым и бодрым», только отрицаясь от Христа (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 105), уловил верно: «Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (Мф. 18, 20).

54. Б. Н. БУГАЕВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<24.01.1904. Москва — Москва>

Многоуважаемый Павел Васильевич, у меня к Вам поручение, «Новый путь» через Философова поручил мне узнать адрес, имя и отчество Свинтицкого¹, а также просить передать ему свою просьбу о рассказах («Н<овый> п<уть>» просит рассказов у Свинтицкого). Во-вторых: не приготовите ли Вы что-нибудь для «Весов». Быть может, Вы сами зайдёте в «Весы». Редакция: Театр<альная> пл., Метрополь, кв. № 23. Лучше всего по вторникам от 6 до 7. Далее: не зайдёте ли ко мне во вторник в 8 часов. У меня один товарищ будет читать свою драму. Наконец: 25 воскресенье, случайно я не могу быть дома. Весь Ваш, Борис Бугаев.

¹ А. Белый путает отчество адресата и искажает фамилию Свенцицкого, как и в воспоминаниях «Начало века».

55. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<25.01.1904. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша! Разумеется, я ни в каком отношении не могу и не сержусь на тебя. Я молчал, т. к. хотел написать тебе, когда получу ответ от madame Крайнего¹. Ответа я ещё не получил, т. к. не был у них последнее время.

Моё мнение о твоей статье <<Спиритизм как антихристианство>> такое: содержание очень интересное, важное, хотя некоторые пункты мало доказательны (может быть, самые главные); но изложение и язык... неудобочитаемые.

Ты, вероятно, писал прямо набело, иначе таких фраз, как «не фактов не признают» не было бы. Я исправил кое-где неудачные выражения, но не все, т. к. не считаю себя вполне компетентным и в этом. З. Н. <Гиппиус> приняла эту вещь (Дм. С. <Мережковского> не было дома!) и сказала, что она пойдёт, если в ней не будет чего-нибудь декадентского (дура!). Я её всячески убеждал внимательнее отнестись к твоей статье, хотя чувствовал, что это бесполезно (т. е. убеждать её). Когда узнаю об участии твоей статьи, то напишу подробнее.

Твой А. Е.

¹ Антон Крайний — литературный псевдоним З. Н. Гиппиус.

56. Б. Н. БУГАЕВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<11.02.1904. Москва — Москва>

Многоуважаемый Павел Васильевич, ректор, несмотря на мою просьбу, *не разрешил* мне присутствовать в университете на заседаниях религиозно-философской секции¹. С большим сожалением уведомляю Вас о своей невозможности быть в среду 11 февраля². Готовый к услугам Б. Бугаев.

¹ В 1903 г. А. Белый закончил физико-математический факультет ИМУ и уже не числился студентом.

² Возможно, именно в этот день Свенцицкий читал реферат о книге И. И. Мечникова «Этюды о природе человека» (М., 1903), о чём впоследствии вспоминал: «Меня поразило в этой книге упорное желание *защититься* от ужаса смерти. Между прочим проф. С. Котляревский сказал мне по этому поводу: „Замечательно, что сам Мечников страшно боится смерти“. Не знаю, верно ли это, но если верно, то многое объясняет» (С-III. 116).

57. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<18.02.1904. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша!

Пишу о том, что давно уже должен был написать тебе, но не мог по обстоятельствам, от редакции не зависящим. Только что пришёл из редакционного собрания. Твоя статья очень понравилась Дм. С. <Мережковскому> и Философому и пойдёт в марте. Вообще Дм. С. рассчитывает на тебя. Он

очень просил, чтобы ты *непрерывно* написал к марту рецензию на 2-е издание Розанова — «В мире неясного и т. д.». Оно совсем переработано¹. Познакомился с Розановым и говорил с ним, но больше слушал. Он довольно много говорил и, насколько я понял, настаивал на том, что не видит *реальности* христианства («одни колонки, колонки — а продувает»). <...>

Р. Р. С. Сегодня я первый раз видал всё собрание сотрудников (Минский, Философов, Розанов, Мережковские, Успенский, Тернавцев² и др.). Все они настроены ужасно радикально. Некоторые из студентов-сотрудников — наоборот: толкуют о священной особе царя, о помазаннике и т. д. и забавляются теоретизированьем до того, что Философов назвал их баранами: правда, они ловко вывернулись, сказав, что и Хр<истос> был агнец, ввиду чего Философов счёл нужным умолкнуть. Сам Д. С. сказал громовую речь.

¹ Рецензия не была написана.

² *Тернавец* Валентин Александрович (1866—1940) — богослов, публицист, чиновник для особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода.

58. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<01.03.1904. С.-Петербург — Москва>

Отвечаю тебе, дорогой Павлуша, как только получил интересующие тебя сведения. Дм. С. <Мережковский> говорит, что ты ему писал о своей статье как мало доступной публике. У него лично большое желание напечатать её, но он боится Перцова и других. Поэтому он советует тебе сократить её и отдать в «Весы». Я удивляюсь, Павлуша, почему ты не устроил её в целом виде в «Вопросах фил<ософии> и псих<ологии>» — по-моему, ей как раз там место: а протекция у тебя для неё найдётся и там: этот журнал имеет и солидный круг солидных читателей и не стесняется полной научностью и серьёзностью. Рецензию о Розанове присылай к определённой книжке. Кстати, в № III будет коллективная статья о Розанове, которая будет тебе полезна.

Ну, это всё — т<ак> ск<азать>, официальный отдел. Теперь часть неофициальная. Да! ещё немного — Мережковский усиленно расспрашивает о Свенцицком: что он? собирается ли присылать свой рассказ? Напиши о нём Дм. С.; он будет очень рад. Скоро Мер<ежковск>ие будут в Москве и надеются с тобой увидаться.

Твоё сообщение о дальнейших твоих намерениях меня очень поразило. Монастырь? но почему именно он? Я понимаю это только как желание устроить себе подходящую обстановку для размышлений, но никак не больше. Впрочем, прости, ты ведь обещал со мной говорить об этом летом. Я, разумеется, весь к твоим услугам. Меня только одно смущает (впрочем, не «только одно»): зачем тебе экзамены и диплом?

Я это спрашиваю, потому что сам очень сомневаюсь сейчас насчёт этого пункта — к чему делать одну лишнюю если не глупость, то бессмысленность (на экзамены я иначе смотреть не могу)? Я даже не начинал ещё готовиться, т. к. не хочу проделывать никому не нужных фокусов. Твой ответ я приму как руководство для себя.

Тороплюсь отослать письмо, и так я опоздал с сообщением насчёт твоей статьи.

Твой А. Е.

59. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<03.03.1904. Москва — Тифлис>

Дорогая мамочка!

Уже давно я не писал тебе; всё нет как-то времени спокойного. Но сейчас я занимаюсь немного: всё равно во время экзаменационных занятий ничего не сделаешь, а подготовка к экзаменам у меня всегда идёт очень туго, в этом же году особенно худо. Вся жизнь идёт слишком ускоренным темпом, и очень интенсивно, так что формальности вроде экзаменов невыносимы. Да вдобавок ко всему за последнее время я приобрёл кое-каких новых знакомых и отчасти благодаря их рассказам, отчасти потому что теперь, перед окончанием курса, все стали более откровенны, а многие и более цинично откровенны, мне пришлось видеть многие стороны университетской жизни, которые ранее старался не видеть. Столько сплетен, дрызг и подозрительных действий, что как-то хочется отстраниться от этой жизни. Впрочем, и помимо этого оставаться при университете я не думаю, даже если бы меня оставляли. Университет дал очень много мне и в смысле научном, и, пожалуй, в нравственном, потому что я там встретил некоторых лиц, с которыми схожусь в некоторых убеждениях, по крайней мере в положительном отношении к Церкви. Пожалуй, можно сказать больше. Оказалось, когда мы познакомились между собою, что у нас независимо друг от друга выработалась известная программа действий. Это, конечно, сильно сблизило нас, несмотря на значительное расхождение во многих теоретических вопросах. Но всё-таки мы волей-неволей образуем одну кучку: не ссориться же теперь, когда нас так немного (сравнительно) и когда одни с сожалением качают головою на нас, считая больными, другие кипят благородным негодованием на наш «обскурантизм» и сплетничают. Но кое-чего мы добиваемся, потому что несомненно движение растёт. Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с Церковью, но без каких-нибудь компромиссов, честно, воспринять *всё* положительное учение Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т. д. — вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности. В необходимости церковности я лично, да и многие, убеждены более, чем в чём-нибудь другом, и мне кажется, что было

не только нелепо, но во многом и непоследовательно отрицать такую необходимость, как это делалось и делается. А о содержании церковного учения, конечно, уж и говорить нечего. Впрочем, необходимость церковности вам более понятна, должно быть, папа, по крайней мере, поймёт; что же касается до догматов и таинств, то тут разговор чересчур длинный. Я подходил к этому с самого детства. Одно время эта потребность была особенно сильной, но вы не считали нужным обращать на неё внимания; потом она приняла очень теоретический характер и ослабла, пока, наконец, занятие математикой и философией не дали *права* и санкции развиваться таким запросам совершенно свободно.

Может быть, впрочем, это и к лучшему. Я долго голодал. Правда, это очень мучило, но зато теперь ценишь то, что имеешь, с особой напряжённостью. Может показаться иронией судьбы, что всё выходит наоборот против намерений и планов наших, но приходится думать, что в такой иронии скрывается глубокий смысл.

Как-то на днях я познакомился с одним замечательным, хотя мало известным лицом. Это — лишённый епархии епископ Антоний¹, личность очень интересная и высокая. На меня же лично он произвёл двойное впечатление, потому что манерами, лицом и даже голосом очень похож на тётю Юлю. Вдобавок к этому его фамилия «Флоренсов», и я думаю, тут может быть какое-нибудь родственное сходство. <...>

¹ *Антоний* (Флоренсов; 1847—1918), еп. — епископ Вологодский и Тотемский, в 1895 г. уволен на покой, проживал в московском Донском монастыре; духовник Флоренского с 1904 г. Подр. о нём: *Ельчанинов А.* Епископ-старец // Путь. 1926. №. 4. С. 157—165; *С-1.* 97—106; *С-11.* 42—43.

60. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<04.03.1904. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Павлуша. Ты писал как-то на днях, а ещё раньше говорил мне о целесообразности «института послушания» (прости за канцелярские выражения). Я не верю, что чужую душу можно делать такой или иной по произволу руководителя, и потому ничего не имею против этого принципа ни в теории, ни на практике. Я думаю, что руководитель, как бы силен он ни был, не может вложить в душу чего-либо существенно нового; он может только вызвать к жизни, поддержать, воспитать то, что есть. Впрочем — это всё не то! Я хотел, Павлуша, чтобы ты немного помог мне разобраться в том хаосе, который господствует у меня в голове. Многое ты уже сделал своими письмами и разговорами, но во всём этом ты был слишком деликатно-отвлечён, кроме твоего последнего рассуждения «о пользе университетского диплома». (Твоё рассуждение это, прости, пожалуйста, сильно напомнило

мне почтенного отца, советовавшего смело шагать через грязные лужи, надев предварительно «нравственные калоши».) Я знаю, не буду скромн, что если бы я мог сосредоточиться на одной цели, то кое-что я мог бы сделать; но целей слишком много и каждая — сомнительна. 1) Я имею возможность остаться при ун<иверсите>те (этого я не сделаю ввиду полной неспособности к чистой науке); 2) быть учителем; 3) остаться здесь при образующемся здесь весьма интересном «Педологическом институте», куда меня тянут изо всех сил. Кажется, второй путь самый лучший¹.

Меня ужасно радует, Павлуша, твоё настроение. Сестра <Женя> мне пишет, что ты последнее время совсем неузнаваем, редко ехидничаешь и придираешься².

Напрасно ты не послал Дм. С. <Мережковскому> того письма, которое ты приготовил ему. Ведь З. Н. <Гиппиус> послал же. Или это тоже хитрость на посрамление дьяволу, «богопремудростное коварство»?³ Ведь пишешь ты мне об этом, почему же не написать и М<ережковскому>. Правда, это может привести к маленькой ссоре, как это было у меня с ним в прошлом году, когда я ему прислал критику первого номера на 4-х страницах.

Подробнее я отвечу на твои письма (за которые я тебе *очень* благодарен) — позже. Теперь зубрю всякую дрянь.

Твой А. Е.

Твоё последнее письмо мне лично (почти всё) разъяснило в твоих будущих намерениях, но всё же с огромным нетерпением жду лета, чтобы поговорить с тобой как следует. Между прочим прими к сведению, что я буду спрашивать тебя по след<ующим> пунктам: 1) какая твоя гносеология, где у тебя критерий истины, 2) смысл страданий в мире.

¹ Спустя три недели Ельчанинов писал Флоренскому: «Твои советы обратиться к педагогике меня окончательно укрепили в моём старом решении».

² На полях рукою Флоренского: «Едва ли. Когда это с нею я был таков?».

³ В книге «Просветитель» (Слово 14, 4) прп. Иосиф Волоцкий утверждал необходимость «богопремудростного художества и богонаученного коварства» в борьбе с еретиками (выведывать намерения, притворяясь единомышленником), даже Богу приписывая хитрость и коварство. См. первоисточник: Казакова Н., Лурье Я. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.-Л., 1955.

61. А. С. ПЕТРОВСКИЙ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<06.03.1904. Сергиевский Посад — Москва>

Простите, дорогой Павел Александрович, что я так замедлил ответом на Ваше предложение приехать к нам всем кружком (т. е. избранными его членами). Я спрашивал о<тца> ректора¹. Он говорит, что будет очень рад, но что желательно было бы избежать официального представительства,

т. е. чтобы Вы приехали не как члены Клуба², а как частные лица, как знакомые или желающие познакомиться с богословской школой и т. д. Всё это, конечно, по разным «не зависящим от нас» причинам, глупым, но с которыми приходится считаться. Что же касается реферата, то на первый раз, может быть, с большей пользой можно было бы употребить время на обоюдное знакомство...

Буду ждать Вашего извещения на вопрос «когда?». Неудобны или менее удобны только дни накануне праздников, по причине всеобщей.

До свиданья. Ваш А. Петровский³.

¹ *Евдоким* (Мешерский Василий Иванович, 1869—1935) — ректор МДА в 1903—1909 гг., епископ Волоколамский с 1904 г., архиепископ Алеутский и Северо-Американский с 1914 г., управляющий Костромской епархией с 1918 г., один из руководителей обновленчества с 1922 г.

² Участники секции истории религии.

³ *Петровский* Алексей Сергеевич (1881—1958) — окончил физико-математический факультет ИМУ и поступил в МДА (1903), участник кружка «аргонавтов», антрополог, сотрудник издательства «Мусагет».

62. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<25.03.1904. Москва — Тифлис>

Получил сейчас твоё письмо, дорогая мамочка, и вижу, что, как и ранее, ты совсем извращённо представляешь и мои настроения, и мои желания. Ты непременно хочешь видеть во мне нечто, чего на самом деле нет, а если я заявляю об этом, то как-то отмахиваешься, а про себя думаешь: «это не настоящее, это только так, а настоящее — то, что я представляю». Вот и сейчас тоже, и знаю, что сколько бы я ни клялся и ни божился, что ценю, люблю и т. д. и т. д. науку, ты всё равно не веришь про себя этому и не поверишь. Точно также, когда я говорил, что наука не может и у настоящего учёного не висит на воздухе, а опирается на религиозную жизнь, ты не веришь, чтобы я так думал на самом деле. Что я могу против этого, против такого недоверия, которое и ты, и папа проводите систематически в отношении ко мне? Приходится ждать, чтобы самое течение внешней жизни могло, наконец, заставить смотреть на дело без предвзятого мнения.

Никогда ещё я не был так бодр, жизнерадостен, полон надежд и планов на будущее, как сейчас. Никакой реакции во мне не происходит, и я только привожу в ход программу, намеченную более 5-ти лет тому назад, хотя, конечно, теперь я её усовершенствую и разовью. <...> Я с несомненностью убедился, что в университете *мне* делать нечего. Если бы я мог сделать что, так это читать лекции общего характера, так называемые «ненаучные», с обобщениями, отступлениями, — словом, наполовину лирические.

К этому я стремился и стремлюсь до известной степени, но в университете теперь этого никому не нужно и таких лекций никто слушать не станет. Некому читать. Все заняты отметками, экзаменами и т. п. или ничего не делают. Если даже есть интересующиеся более бескорыстно, то они цепляются за какую-нибудь «специальность», не желая понять, для чего она и каков смысл всей работы. Я надеялся, что наше математическое общество расшевелит студентов. Может быть, что-то и выйдет из этого, но чтобы возбудить в массе жизнь, нужны совсем иные меры и «радикальные потребности тут лекарства». Так всё это сложно и так связано с основным — религиозным возрождением общества, которое несомненно начинается, что сейчас ближайшая задача — не моя, конечно, а задача времени — создать религиозную науку и научную религию. Я глубоко убеждён, что без религиозных интересов не может у серьёзного и вдумчивого человека быть каких бы то ни было идеальных интересов, иначе рано или поздно даже у самых высоких личностей произойдёт равнодушие и бесчувственность ко всему, кроме того, что непосредственно даёт о себе знать, и я хорошо помню свой страстный, но ото всех скрываемый пантеизм, который возбуждал особую любовь к исследованиям естественно-научным. Как только он временно ослаб, так все научные исследования показались ненужными и чуждыми. И сейчас естественные науки мне гораздо менее интересны, чем ранее, именно по той же причине; центр же тяжести перешёл на математику и т. п. <...>

Происходит глубоко-сидящее, но с виду неприметное брожение. Трудно объяснить, в чём оно, а к чему направляется, вероятно, и никто не разъяснит. Оно, по-видимому, захватывает самые различные области, но мне лично думается, что наименее сознаваемым и в то же время самым интенсивным и глубоким его элементом является жажда возобновить понимание форм религиозной жизни. Это то, что хочется тут сказать с точки зрения, по которой религиозная жизнь есть одна из сторон культурной жизни. Но тут ещё многое можно и должно говорить с точек зрения, далее идущих в сущность дела, чем такая. Однако говорить это вслух, вероятно, было бы преждевременно.

63. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<30.03.1904. Москва — Москва>

Приходите среду квартиру Шеру¹ буду ждать около девяти. Свенцицкий.

¹ С конца XIX в. дом семьи Шер (Остоженка, 1-й Зачатьевский пер.) стал местом сбора и общения гимназических знакомых Свенцицкого, впоследствии он с Эрном снимал квартиру в одном из принадлежавших Шерам двухэтажных деревянных домиков, там же была зарегистрирована канцелярия МРФО.

64. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<11.04.1904. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша!

Свенцицкий просил меня написать тебе о следующем. Его товарищ Вишняк написал какую-то вещь, не то поэму, не то стихотворение в прозе (я как-то упустил это из вида) под заглавием «Три дня», и хочет послать их в «Новый путь». Не можешь ли ты обратить внимание Мережковских на него. Он еврей, довольно типичный и патриот, но как-то по-особенному настроен. Я его знаю только как человека: в личном общении он производит очень симпатичное впечатление. О его же литературных способностях ничего не знаю. Ну, это редакция увидит из самого произведения. Знаю только, что он очень остроумен. <...>

Ты, наверно, теперь зубришь, а я всё ещё не могу начать зубрить, пока только подчитываю, ибо всё почти время идёт на другое. Прости, что я тебе не оканчиваю письма. Но сейчас очень поздно и у меня прямо перо валится из рук от усталости.

Твой В. Эрн.

¹ *Вишняк* Марк Вениаминович (1883—1976) — юрист, публицист, член партии эсеров, одноклассник Свенцицкого по 1-й московской гимназии; в 1908 г. окончил юридический факультет ИМУ, с 1919 г. в эмиграции, автор воспоминаний «Дань прошлому» (Н.-Й., 1954).

65. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<16.04.1904. Москва — Тифлис>

Дорогая мамочка! <...>

Был я недавно в Сергиеве, в Духовной академии. Свои впечатления я уж буду рассказывать по приезде домой. А теперь передам дело: ректор академии почему-то относится ко мне хорошо и предложил поехать с ним путешествовать по российским монастырям, между прочим в Соловки. Для меня предложение очень заманчивое, т. к., во-первых, я с ним смогу сойтись поближе, а во-вторых, имею возможность посмотреть такие вещи, какие иначе никак не смогу, и, главное, ознакомиться с бытом духовенства. <...>

Я писал тебе, кажется, о своём довольно близком знакомом Бугаеве-сыне. Недавно он выпустил сборник своих стихов «Золото в лазури». Читала ли ты его? Я в полном восторге, несмотря на многие неумелости и слабости автора в деталях. Наконец-то в русской поэзии появилась свежесть и чистота. Как будто посыпался искромётный водопад драгоценных камней. Нет более грязно-серых тонов нашей живописи, запялённости чеховских настроений! Но одно скверно. Этот сборник не для публики, и 3/4 там остаётся для по-

сторонних совершенно непонятным. Если будет минутка свободная, непременно напишу восторженную критическую статью¹.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Твой П.

¹ Набросок рецензии: *Ф-И*. 695–699.

66. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Б. Н. БУГАЕВУ

<22.04.1904. Москва — Москва>

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Если Вам желательно, то можно будет назначить заседание с Вашим рефератом на 28-е, а нет — так отложим до сентября. <...>

Я говорил, кажется, Вам о журнале, который когда-ниб<удь> мы станем издавать. Он, мне кажется, к Вам подходит по своему направлению и задачам будет вполне. Подумайте об нём, потому что, быть может, дело и не так далеко, как представляется сейчас. Подробности о нём расскажу, если хотите, в письме.

Искренно любящий Вас П. Флоренский.

67. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<Начало мая 1904. Петровско-Разумовское — Москва>

Иногда кажется, будто я умер, даже не иногда, а всегда, когда я один. Ждешь в каком-то чистилище последнего, завершительного. Но если не наступила окончательная полнота, то всё случайное ушло; сделалось злое таким ничтожным и незаметным в общем, в целом, что как-то и не замечаешь его. Это — специально коджорское настроение; вне времени и пространства, особенно вне времени, ходишь... Только отблеск, только тени...¹

Вот я снова в Коджорах. Тот же, прежний ветер бессильно хочет сорвать деревья с земли, тот же пронизывающий холод, тот же разговор за стеною. Почти не можешь решить, был ли я уже, или буду там, на земле. Т. е. я не сомневаюсь, конечно, что это я, П. А. Ф., пишу что-то бессвязное, но это — эмпирически, на этом надо сосредотачиваться. А когда не думаешь, то и не знаешь... Личины уплыли куда-то, будто их не было. Будто личин не было и они хранятся только в виде бледных воспоминаний. Я = я, только это не есть «я», моё, оно тоже уплыло ещё дальше других, это «Я», и в негоходишь таким малым со смиреньем, что, думается, и не найдёшься в Нём. «Спиритуалисты напрасно против этого говорят. Так уж самим Богом устроено...»²

Всю силу приходится напрягать, чтобы вспомнить об экзаменах, о их существовании. Не то что готовиться. И тем тянутся года.

«Куда-то, куда-то в безвестность».

Свистят паровозы, проходят поезда. Несутся, суетятся. Это надо там, надо накопить богатый гардероб, личин-масок. Вроде воспитания и образования «я». Пускай же себе поучится, «развивается». Но так ясно, так ясно, куда все паровозы идут, перед какой станцией свистят и взывают грудными контральто³. Могу повторить К. Пруткова: «Несусь я точно так, но двигаюсь вперёд, а ты несёшься сидя»⁴, т. е. наоборот это нужно сказать: я несусь сидя, а паровоз — двигаясь вперёд. Хотя неизвестно, кто окажется дальше и кто «нанесёт» больше. Вы не смущайтесь, дорогой Володя, моими вульгарностями. Они *сейчас* не вульгарности, а чем будут завтра, уж не знаю. А теперь буду бредить и брести извивчатыми тропинками <...>⁵

Тут есть несколько комнат пустых, пока ещё не сданных, так что, если Вы или Свенцицкий захотите приехать, я могу предоставить свою комнату в полное распоряжение, а сам быть в других, и Вы сможете заниматься, как будет угодно.

Тут соловьи, ландыши, берёзки и, для полноты, не хватает грибов. Впрочем, может быть, они и имеются, только я их не видал покуда.

¹ Цитата из стихотворения В. С. Соловьёва «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892).

² Парафраз слов городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836): «Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и вольтерянцы напрасно против этого говорят».

³ Ср.: «...за пёстрым калейдоскопом жизни я вижу неподвижную, мрачную стену, к которой все так стремительно несутся... Смерть стоит поперёк дороги» (С-1. 141, 111); «очевидно, стена уже перед нами и мы уже упираемся в неё, не желая только в этом сознаться» (*Эрн В.* Сочинения. М., 1991. С. 173).

«Вся кипучая деятельность, вся лихорадка, вся изобретательность XIX века и всё тому подобное, принимаемое за прогресс в каком-то туманно-идеальном смысле, есть не что иное, как стихийное, стремительное бегство баранов к пропасти, чтобы скорее, как можно скорее, самым передовым образом упасть в пропасть и разбиться вдребезги» (С-1. 136).

⁴ Цитата из басни «Чиновник и курица».

⁵ Лист оборван, следующие абзацы написаны на его обратной стороне.

68. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<Май 1904. Петровско-Разумовское — Москва>

Дорогой Володя! Стоит мне только сделать маленький шаг для эмпирическ<ого> разделения, чтобы я почувствовал со всею силою, на какую вообще способен, как люблю всех вас: «...растёт восторг одиночества пирный»¹, оставаясь один, я делаюсь внешне ненормальным. Но тут-то — я не могу выразить это в прозе, когда-ниб<удь> попытаюсь в поэзии, —

появляется совершенно особое состояние любви — сознание близости того, что стало эмпирически далёким. Любовь *an und fur sich*² — независимая от каких бы то ни было эмпирических проявлений и стремлений. Внутренне — зачем? Ведь вижу в нусе³. Быть вместе — но ближе быть нельзя. «Ярким солнцем в лесу пламенеет костёр, и, сжимаясь, трещит можжевельник. Точно пьяных гигантов столпившийся хор, вон качается с важностью ельник. Я и думать забыл про холодную ночь...»⁴ Тут холодно, как в Коджорах. Шумит ветер в соснах, солнце золотит верхушки. На сосенках — янтарно-жёлтые свечки.

Вступаешь в готический собор. Всюду миленькие листики клейкие-пахучие. Идёшь по лесу и не удаётся проходить мимо стволов без слёз и объятий. Помню, в детстве я плакал над цветами, думая, что обижаю их; пренебрегаю фиалками, когда не могу собрать всех, обещал в другой раз прийти. А когда вырос, полюбил особенно стволы, и каждый будто просит, чтобы и его обнять. Вам кажется диким — ничего, — но я не фантазирую, думая, что стволы говорят: «Не можем, не можем, не можем сами подойти. Не можем обнять. Хотим и ждём от вас». Висят смешные червячки-сережки, будто обученные, качаются ловко. Лес поёт — не шумит, это особо. Слышали ли вы хор леса — хорал славящий и страшно грустный, хотя торжественно-чинный.

Всё моё несчастье, что я могу быть самим собой, только когда я сам с собой — с Матерью. А с братьями делаюсь невыносим (и для них, и для самого себя). Нужно очиститься. «Я и думать забыл про холодную ночь, уж прошло, что меня волновало». Но может быть, если опьяняться почаще земным океаном — дрожащими сладко осиновыми листиками, если почаще иметь возможность обнимать грубые тёплые стволы и делать безумства в готических храмах — тогда — лично, индивидуально по крайней мере, быть может и удастся, наконец выявить искупление. Володя, не забывайте (кажется, с Вами это случается), что искупление есть факт, а не ожидаемое.

Может быть, надумаете приехать. Тут можно оставаться сколько угодно, только не могу обещать, что Вам будет очень удобно. Хотя не знаю.

Нет больше бумаги⁵. Целую Вас, дорогой Володя. И<исус> Хр<истос> с Вами. П.

¹ Цитата из стихотворения А. Белого «Всё тот же раскинулся свод...» (1902).

² В себе и для себя (*нем.*).

³ Нус — ум, мысль, разум.

⁴ Искажённая цитата из стихотворения А. А. Фета «Ярким солнцем в лесу пламенеет костёр...» (1902).

⁵ Письмо написано на схеме расположения дачи доктора Коппе вблизи Старого Петровско-Разумовского шоссе, куда Флоренский переехал в мае 1904 г. для подготовки к выпускным экзаменам.

69. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<10.05.1904. С.-Петербург — Москва>

Прости, дорогой Павлуша, что я тебе давно не пишу. Писать какой-нибудь вздор не хочется, а серьёзно и более или менее достойно занесения на лист почтовой бумаги — ничего нет. Всё же, чтобы ты чего не подумал, постараюсь поводить пером по бумаге, хотя оно у меня валится из рук.

Дело в том, что экзамены подлые одолели. Было уже полдюжины, и осталось их столько же — я в середине безотрадной пустыни, наполненной сотнями выученных и невыученных ещё страниц, за которыми я еле разбираю события внешнего мира (и внутреннего, если от него что-то осталось). Пока идёт ничего себе; есть даже четыре «весьма», но всё же я ужасно жалею, что стал держать. К несчастью, экзамен, на котором я собираюсь провалиться (древние языки), в самом конце — 23-го мая, т. ч. всё глупое напряжение сил может пропасть даром¹.

Ты меня прости, Павлуша, но, находясь постоянно в положении человека, глотающего в час по 40 страниц глупого текста, я не мог найти в себе сил пойти к Мережковским и доказывать им, что они глупы и непорядочны, тем более, что не был у них 3 месяца, несмотря на их неоднократные приглашения и упрёки.

Как справляется с экзаменами Эрн? Было ли у тебя уже что-нибудь? Как сошло у девиц? Женя ничего мне не писала.

Если это будет тянуться ещё — я совсем поглупею, и окончательно.

Твой Саша.

Если ты кончаешь тоже к 26-30, то едем, конечно, вместе, как ты, кажется, и говорил мне. Если вы не имеете ничего против, то вместе с вашим проектом ехать по Волге предлагаю на рассмотрение и такой: Москва — Севастополь — Ялта — пешком до Алушты, а затем на пароходе в Сухум и пешком по побережью — Батум — Тифлис.

¹ Ельчанинов так и не сдал выпускные экзамены, 26 мая уехал в Тифлис и диплома об окончании СПУ не получил.

70. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<14.05.1904. Москва — Петровско-Разумовское>

Голубчик Флоренский! Мне Эрн говорил, Вы очень заняты, — к тому же ему нельзя приехать ко мне раньше 17. Поэтому я решил перенести Ваш визит ко мне на 22 мая. Как Вы на этот счёт думаете?

В. Свенцицкий.

71. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому
 <21.05.1904. Москва — Петровско-Разумовское>

Павлуша, только что, придя домой, нашёл у себя записку от Свенцицкого, в которой он просит передать вам, чтоб вы к нему завтра не приезжали, ибо он не будет на даче¹. Что, как и почему — ничего не знаю.

В. Эрн.

¹ Ср.: «Была у него и дача-избушка в селе Крёкшино по Савёловской железной дороге. С крошечным окном она стояла, покосившись, на краю выгона и утопала в навозе. Внутри закоптелые брёвна и заплесневевшее одеяло на нарах» (*Вишняк М.* Дань прошлому. Н.-Й., 1954. С. 168).

72. П. А. Флоренский — Ю. А. Флоренской
 <21.05.1904. Петровско-Разумовское>

<...> Ты спрашиваешь, теоретик ли я? И да, и нет. Дело в том, что моя «практическая» деятельность, которую я сознательно преследовал до сих пор, слишком мало похожа на то, что вообще обозначают этим именем, а с другой стороны, «теоретическая», мои личные занятия, всегда бывала *для меня* не просто занятиями, а родом молитвы. Поэтому тут термины «практический», «теоретический» как-то мало идут. Но, конечно, некоторых сторон «практики» до сих пор было сравнительно мало, и это отчасти от моей слабости, отчасти от сознания своей неготовности; но в ближайшем будущем я надеюсь устранить такую недостаю. Удастся ли? Как? Поживём — увидим. Надеяться на «да» мне можно, помимо некоторых внутренних причин, ещё потому, что за последний год или два я встретил ряд людей, о которых мечтал и которые реализуют грёзы. Ведь я большой мечтатель и вечно живу среди облаков; но теперь облака сгустились в живых людей — тем лучше. Знаю, что важным «взрослым» мы кажемся и будем казаться смешными маленькими детьми, на вопросы которых можно только отвечать «узнаете после» и на которых нельзя даже чересчур сердиться, потому что они слишком наивны; знаю, что для медиков мы — «психозы». Даже дома, несмотря на всю любовь ко мне, на меня (других там не знают) смотрят, как на «завирающегося» (по выражению детей), и, желая оправдать в своих глазах, говорят, что «это всё» не серьёзно, а «так», забава и т. д. <...>

73. П. А. Флоренский — Б. Н. Бугаеву

<21.05.1904. Петровско-Разумовское — Серебряный Колодезь>

Многоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Мне жаль, что не удалось увидеть Вас, тем более что были кое-какие дела. Одно из них вот какое: помнится, я говорил Вам уже, что мы, наш кружок, собираемся впоследствии издавать журнал — нечто вроде органа «ордена». Журнал должен быть посвящён вопросам религии, причём можно подступаться со всех сторон к ним: от философских и мистических произведений до научных и исторических, включая чисто поэтические (напр<имер>, как Ваши стихи), — вот диапазон. «Нов<ый> путь» во многом не удовлетворяет; редакция боится серьёзности, недостаточно обдумала, что она, собственно, хочет говорить и т. д. Наша задача — дать заранее обдуманый и единый по настроению периодический орган, который имел бы не временное значение, а сохранял бы ценность, как книга.

Ввиду этого мы думаем, что необходимо тщательно подготовить материал на 1½–2 года заранее, заранее подготовить номера и хорошо спеться. Главное — иметь материала настолько, чтобы можно было выбирать лучшее. Наш кружок уже сговорился между собою, что каждый думает приготовить. Среди других Вам известных лиц (т. е. Эрн, Свенцицкий) будут ещё Ельчанинов и кое-кто, кого Вы не знаете. Кроме того, я имею в виду ещё кое-кого. Издаваться журнал сможет не особенно скоро — не ранее, чем через 1½–2 года, потому что всем нам предстоят серьёзные работы.

Конечно, Вы нас мало знаете: но если Вы не имеете ничего против, то, может быть, захотите присоединиться к нам и готовить за этот срок что-ниб<удь> в указанной рамке (она настолько широка, что едва ли стеснит Вас). Мы будем Вам рады, как Вы и сами знаете. Для Вас лично тоже имеется выгода, та именно, что никто не станет гнуть Вас по-своему и ломать, а главное, не станет бояться специальной или трудной работы. Ваши литературные произведения будут принимаемы с ещё большей охотой. Но, как я уже писал, мы все будем относиться друг к другу строго, потому что исполняем долг и не занимаемся приятным времяпрепровождением. Смутит ли Вас такое обстоятельство?

Если Вы увидите Соловьёва¹, то расскажите ему, но далее, пожалуйста, этих сведений пока не пускайте: к чему шуметь, пока ещё ничего нету.

Оказывается, что сюда приезжали Мережковские (они не нашли меня, т. к. я переехал на дачу), теперь уехали в Грецию. <...>

Эрн Вам просил передать поклон. Увидимся?

Ваш П. Флоренский.

¹ Соловьёв Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт, переводчик, биограф Вл. Соловьёва, окончил ИМУ (1911) и МДА (1918), иерей (1916), перешёл к католикам восточного обряда.

74. Б. Н. БУГАЕВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<27.05.1904. Серебряный Колодезь — Тифлис>

Многоуважаемый и дорогой Павел Александрович. Много я думал о проекте того ордена, о котором Вы мне говорили весной. И пришёл вот к каким результатам: мысль этого ордена чрезвычайно счастливая, и я могу только приветствовать возникновение его. Серьёзные и сложные задачи такого предприятия требуют и *серьёзного, очень серьёзного отношения*. Вот почему вслух сказать, что примыкаю к нему, было бы с моей стороны очень легкомысленно: назвался груздем — полезай в кузов. 1) Ещё не надеюсь на свои слабые силы. 2) Ещё слишком мало знаю участников (кроме Вас): конечно, надо присмотреться. Поэтому душой примыкаю к Вам, — это не обязывает Вас делать меня посвящённым в эзотерическую организацию. *Считайте меня искренним и преданным делу доброжелателем*. Время покажет, насколько я оправдаю то внимание, которое Вы мне оказываете, и само собой — я примкну тогда к Вашей организации. Что же касается до *журнала*, то, конечно, мысль о предварительном плане №№ очень удачна, и я готов с радостью примкнуть к участникам журнала. Если же № журнала выйдет, например, в январе 1906 г., то обещаю Вам до этого срока дать все стихотворения *явно религиозного* характера, которые напишу за это время. Затем. Я бы мог приготовить ряд статей, объединённых одним содержанием, но об этом ещё рано говорить. Лучше условиться при личном свидании. <...>

Я пока ещё не вошёл в свою обычную норму и слегка нервничаю. Слишком тягостно сознавать, какое большое бремя на плечах у нашего поколения и как мы мало подготовлены для того, чтобы достойно нести это бремя. Да и наконец силы не хватает, остаётся одно: ждать помощи свыше. <...>

Дорогой Павел Александрович, очень был рад получить от Вас письмо. Мы, объединённые одним чаянием, воистину находимся как бы на маленьком островке среди будущего хохота чуждых стихий. Поэтому всякий знак, подаваемый издали *сочувствующим и знающим*, радует и окрыляет.

Буду ждать письма. Христос да хранит Вас. Готовый к услугам, Борис Бугаев.

75. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Б. Н. БУГАЕВУ

<14.06.1904. Тифлис — Серебряный Колодезь>

Около недели тому назад я приехал в Тифлис, милый Борис Николаевич, и получил Ваше письмо. Ему я был очень рад, и это по трём различным причинам. Во-первых, оно — от Вас. Во-вторых, мне приходится быть в таком тяжёлом положении (слова о «мече» не устарели¹, Борис Николаевич, меч несколько не заржавел и даже обострился), что всякий ветерок из родных стран научаешься ценить. В-третьих, наконец, меня

обрадовало содержание письма: Вы от себя говорите то, что было давно уже выговорено промеж нас, но что по стечению обстоятельств я не мог передать Вам. Само собой разумеется, что каждый из нас (во всяком случае я) не считает себя готовым ни в каком смысле — ни в мистическом (нет благодати особой), ни в эмпирическом (нет знаний, опытности и т. д.). Мы можем только готовиться и ждать; нельзя высказывать самим из-за кулис, откуда не настало время. Следовательно, говорить вслух теперь совершенно неуместно. Давать обещания — тоже: разве мы назначаем ту или другую деятельность себе? Мне думается, что нужно по возможности меньше надуманного, формальностей. Быть вместе во Х<ристе> и немедленно совершать вместе или порознь — как понадобится — во Х<ристе> то, что будет требовать нашего действия, — а таких «обстоятельств» на каждом шагу сколько угодно, начиная от разговора за чаем, который обращается порою в проповедь философского катарсиса от мусора, загромаждающего голову, и до активной этической или мистической помощи, — в этом *пока* должна состоять наша деятельность, как это представляется мне, — в этом и в подготовке себя самих. Если будет единство, о котором я говорил, то сам собою неудержимо польётся теургизм — «от избытка чувств глаголют уста»². Есть такие настроения, которые невольно облекаются в форму Символического делания, в форму делания символов и мифотворчества. Иногда уже не можешь говорить иначе как символически. Я понемногу готовлюсь к писанию большого сочинения мистического и теоретико-познавательного, по теории познания, построенной на понятии *символа*. Приходится заниматься, между прочим, и археологией, и вот, погрузившись в христианские древности, я охвачен этим потоком свежих прозрачных переживаний христиан первых веков. До сих пор у меня всё мелькало опасение-сомнение: да, мы говорим о Христе и знаем Его, но точно ли это Тот самый, которого знали древние христиане? Точно ли мы христиане в обычном смысле слова? Я говорил себе, что мы воспринимаем в Х<ристе> по преимуществу момент апокалиптический, созерцаем аспект Масличной горы (Вознесение), тогда как те, древние христиане, воспринимали исторический момент в Х<ристе>, видели момент Голгофы, и тогда, как бедный Розанов бьётся-бьётся и не может выговорить своего, не можем выразить себе точно третий момент — «животный», не можем увидеть достаточно ясно и *чисто* аспект Вифлеема. С теоретической стороны я был доволен таким построением, но не хватало постоянной (моментами хватало) твёрдости — крепости сознания, что мы говорим действительно об одном, что мы не разрываем с α , устремляясь к ω . Но теперь дано сознание — воспринята убеждённая «твёрдая, как небесный свод», что мы действительно — одно. Это нахлынуло тёплой волной — прозрачной, затопило радостью и ликованием всякие сомнения и недоумения. Что бы кто бы ни говорил, я могу, быть может, отвечать глупости, запутаться в возражениях, но буду всё время знать и помнить: те, малые и великие первых веков, *pisciculi atque pisces*³, действительно братья, не потому, что должны быть, а потому, что такова уже суть. Можно прямо

смотреть в глаза каждому из них и по совести сказать, что мы подошли к *той же* бесконечности, но с другой стороны, хотя первую сторону помним, знаем, любим и даже видим; мгла веков несколько обесцвечивает для нас, по нашей слабости, лик исторического Х<риста> — этот лик был им, первым христианам, виден яснее, красочнее; но зато лик Х<риста> грядущего, подёрнутый ранее, в первые века, дымкой, скрывавшей исторические перспективы (все приобретения культуры, науки, искусства и т. д. — всё Христово в эмпирическом по своему внешнему выражению), стал теперь для нас ясен и близок. Теперь лучше видно, как должно было раскрываться Христово в эмпирическом. В тумане, в пыльном воздухе отдалённые предметы кажутся совсем близкими. Не был ли такой же обман зрения и у первых христиан? Туман сознания скрадывал от них исторические глубины мирового процесса, а Христос Грядущий казался им близким — вот-вот придёт время. Может быть, и ещё останется туманность у нас, может быть, и мы обманываемся собственной пыльностью и преждевременно приближаем в своих мыслях ω ? Может быть, да. Но ослепительная яркость красок, ясные, как драгоценные камни, тона показывают, насколько уменьшился слой тумана, пролегающего между сознанием и Ликом, насколько он стал мало поглощать лучей. Мы не знаем, в какой литере между α и ω мы находимся, но лично мне думается, что где-нибудь среди букв τ , υ , ϕ , χ , ψ — к концу ближе, чем к началу: во всяком случае мне кажется, что мы уже перешли через *maximum* незнания Х<риста>.

Перед отъездом из Москвы я виделся с Свенцицким, он просил передать Вам свой поклон.

Виделся также с преосв<ященным> Антонием. Он был в этот раз вполне серьёзен и говорил прямо «своим голосом», почему произвёл особенно сильное действие. Заметили ли Вы такую подробность? Он иногда «не во время» говорит «Хр<истос> воскрес». Это очень важно для понимания его. Правда?

Христос воскрес, дорогой Борис Николаевич! Следовательно, прогоните от себя всю нечисть — я догадываюсь, что Вы измучились, — и снова скажите: «Я в восторге — я молод», затем обливайте себе вином кого угодно, хотя бы меня⁴. <...>

Христос воскрес! Ваш П. Флоренский.

¹ Родители противились решению Флоренского принять монашество, отговаривал торопиться и еп. Антоний (Флоренсов). Ср.: «Не мир пришёл Я принести, но меч, ибо Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её» (Мф. 10, 34–35).

² Мф. 12, 34; Лк. 6, 45.

³ Великие и малые (*лат.*).

⁴ Цитируется стихотворение А. Белого «На горах» (1904).

76. Б. Н. БУГАЕВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<28.06.1904. Серебряный Колодезь — Тифлис>

Воистину Воскресе! <...>

«О дне сем никто не знает, даже Сын»¹ — конечно, мы должны всегда это помнить. Но, освобождаясь от власти времени, начало и конец встают неожиданно перед нами. Чувство конца, апокалипсичность, есть, по-моему, один из вернейших показателей нашего христианства² (дерзаю так говорить, лично сознавая, что моё чувство «христианства» есть чудесная и незаслуженная милость Божия). Мир сей — в пространстве и во времени, и языческому сознанию совершенно уместно говорить о феноменальности всяких переживаний, ибо «чувство» безвременности конца есть залог и вместе с тем начало того, что «проходит образ мира сего»³ — конечно, это мир (с маленькой буквы), а не Мир. Чувство конца указывает нам, что мы из «мирских» становимся «мировыми» гражданами. Купаться в ветерке, пить аромат вселенной, целовать золотые усики колосьев — уже это всё показывает, что мы отныне заинтересованы не только делами людскими (общественность), но и Божьим делом (сначала «миро»любие, а потом и «миро»творчество).

Сначала нужно полюбить мир Божий, а потом пронизать Им и «мир сей» (общественность). Так что порядок любви: 1) любовь к Богу; 2) любовь к миру; 3) любовь к ближним (цемент, скрепляющий 1 с 3 — Мир Божий). Чувство конца создаёт из *граждан мирограждан*, а ведь *мирогражданство* и было той основой, на которой воздвиглось христианство как преодоление «мира сего» (бесконечность, непрерывность, пространство и время). *Христианство* только тогда *христианство*, когда «мир сей» становится прозрачным, как стекло, так что, оставаясь «миром сим», оно уже не *сей мир*, а *иной* (символизм). Мир — как стекло: «И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнём, и победившие зверя и образ его, и начертание его, и число имени его стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии»⁴. *Мирогражданство* — стеклянное море — «хаос», муть мирская (народы, язычники; хаос личного сознания, ужас, «смешение» методов), здесь претворилось в «прозрачность мировую». Характерно, что следующий текст таков: «И поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи — песнь Моисея и песнь Агнца»⁵ — стало быть, стекло, бывшее прежде не дочиста протёртым, не *разбивается*, а *протирается*. Стало быть, «мир сей» проходит в смысле того, что «мир сей» минус пыль = *Мир Божий*. Отсюда: как бы отстаёт один верхний покров и снимается с *Тайны*. *Конец мира* исторический более всего резок для более других *опылённых*. Моё «Я» — есть *стекло + пыль*. Если *пыли* больше в «Я», чем *стекла*, то устранение этой пыли повлечёт за собою быструю и резкую *погибель, смерть и осуждение*. Наоборот, *очищение* всегда постепенно, и в этом смысле конец для очищающихся есть *всё растущая сладость чувства безвременности и Христова Приближения* (по крайней мере таково первое веяние конца). *Чистые как бы не увидят Антихриста*, исторически воплотившегося, хотя он их и будет мучить на историческом плане... Впрочем, боюсь делать из этих намёков какие бы то ни было догматические выводы. <...>

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

¹ Ср.: Мф. 24, 36; Мк. 13, 32.

² «Что касается названия „апокалиптиков“, которое давал этой тройке <Свенцицкий, Флоренский и Эрн> Андрей Белый, то „апокалиптиком“ в этот период гораздо в большей степени был он сам (о чем писал в воспоминаниях о Блоке)» (*Ильюнина Л.* К истории отношений с Андреем Белым // Контекст-1991. М., 1991. С. 5).

³ Кор. 7, 31.

⁴ Апок. 15, 2.

⁵ Апок. 15, 3.

77. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<30.06.1904. Крёкшино — Тифлис>

Дорогой друг! Письмо Ваше вызвало во мне опять-таки ряд недоумений. Прежде всего последний пункт, выставленный Вами как причина того тяжёлого состояния, которое наступило у Вас после нашего разговора у Эрна¹. «Видеть Вас, — пишете Вы, — поступающим опрометчиво, думающим не до конца и принимающим преждевременно тон угрозы — всё это вещи не лёгкие».

Относительно моей непродуманности я подожду оправдываться, т. к. это оправдание может заключаться только в опровержении высказанных Вами взглядов, — скажу только, что раз я считаю себя правым, а Вас неправым, то, очевидно, с моей точки зрения тот же упрек в непродуманности должен быть отнесён на Ваш счёт. Но во всяком случае я протестую против «тона угрозы». Это замечание ещё раз убеждает меня в том, с чего начался наш спор: Вам более чем кому-либо нельзя Ваши настроения считать за критерий достоверности того или иного происходящего в душе у Вашего собеседника. Назовите это ошибкой или, по Вашей терминологии, «неполнотой» — суть дела не меняется. Я с своей стороны категорически могу заявить, что ни в ком случае ничего даже похожего на желание угрожать не испытывал.

Другое моё недоумение возникает по поводу того, как Вы могли наш спор свести к этому вопросу, который Вы рассматриваете в Вашем письме? Но это недоумение я считаю совершенно неважным, — как бы ни было, вопрос затронут. Перейдём к нему.

Вы очень определённо защищаете идею всеединства, доказывая, что она красной нитью проходит в Свящ<енном> писании и что без идеи всеединства нелепыми становятся самые основные догматы христианства. Я никогда не спорил и не спору против этого. Я считал и считаю это *основным* положением христианского миропонимания. Да и мне ли, стоящему на точке зрения Вл. Соловьёва, отрицать идею всеединства. Таким образом, все Ваши соображения по существу дела не могли «опровергать» меня и лишь могли лишней

раз убедить, что идея всеединства, в которую я глубоко верю, — подлинная, действительная, истина².

Но говоря *только* о всеединстве, Вы совершенно упростили проблему. Имея дело в Евангелии *только* с тем, что с очевидностью говорит о всеединстве, всё, конечно, выходит очень просто. Но, с моей точки зрения, и очень мёртво. Вся жизненность, вся глубина и вся трудность затронутой Вами проблемы — трудность рационально, быть может, даже вовсе непреодолимая, — заключается не в признании идеи всеединства, а в примирении этой идеи с другой, на первый взгляд взаимно её исключающей, — и также с очевидностью выраженной в Евангелии, — идеей «отдельности».

Трудность проблемы заключается в том, каким образом наряду с тем, что *всё* есть единое целое, *каждое* есть и абсолютное различное.

Вы верно пишете, что идея искупления немислима, если часть не имела связи со «всеми», — но, продолжу я, идея искупления была бы абсурд, если бы равным образом часть не имела нечто *абсолютно* отличное от целого.

Поясню это примером из области чисто эмпирической. Возьмём организм человека, как он трактуется эмпириками. Каждая клеточка живёт своей особой жизнью, питается, размножается и т. д., но совершенно неизвестным нам образом она, кроме того, «часть» целого. Если, например, заболит группа таких клеточек — весь организм будет страдать, но страдание его как целого будет совершенно иным, чем страдание этих частей по отдельности. Отдельные клеточки даже вовсе могут умереть, а организм — продолжать свою жизнь.

Правда, признавая эту раздельность, мы, как я сказал, почти до неразрешимости усложняем проблему, но зато при решении её у нас не останется ни одного факта, который бы не входил в это решение. Только при признании обеих половин проблемы мы знаем, как объяснить, что отдельные «личности» (употребляю это слово не в строго философском смысле) могут вечно страдать, т^огда как другие — вечно блаженствовать (факт совершенно нелепый с точки зрения *только* идеи всеединства).

Да и само искупление, чем бы оно являлось, если бы искупляло не «часть» «всё», а «всё» искуплялось бы само в себе. Раз один *за* всех, значит, один абсолютно индивидуальный. А между тем, отсюда проистекают огромной важности следствия. Поскольку вы часть «всего», вы, если хотите, непогрешимы, и всё дело сводится к большей или меньшей степени «просветлённости», но поскольку вы *абсолютно* отделены — вы способны и к *ошибкам*, и к *греху*.

Я, как Вы видите, ждал некоторое время — думал, не получу ли письмо от Ал^{абиной}³ — покуда ничего нет, а между тем Вы пишете, что «мне удобнее, если я напишу ей сам». Затем Вы пишете, что, может быть, она сама зайдёт ко мне по адресу Шера, а адрес её — Козлов. Я не знаю, как ей предложить работу: прислать туда к ней или просить приехать сюда. Если ей нужно уехать из Козлова, и у неё есть деньги на проезд, и всё дело в том, что она боится, что в Москве останется без средств, и потому не едет, — то

я могу дать ей работу рублей на 25-30 (не в месяц, а всего, т. е. июль и август) до сентября — а там и ещё. Напишите сейчас же, ждать ли от неё письма и вообще *всё*, что предпринять по этому поводу. Письмо это может быть до Вас скоро не дойдёт, а потому пишите по адресу: Рязано-Владимирская ж. д., станция Спас-Клепики, имение Шер, Вал. Пав. Свенцицкому.

Дорогой мой, милый мой, ради Бога, не сердитесь, прочёл я Розанова, это просто сукин сын! Где Вы там нашли «глубину», это не в «материнских ли пустотах»?! Неужели же можно называть глубиной какие-то обрывки идей, пересыпанные напряжённо истерическими всхлипываниями «тайна!.. тайна!..»⁴ Не говоря уже о совершенно справедливой записке, ему присланной: «Под гнётом любоддеяния написана ваша последняя статья».

А где «гнёт любоддеяния» — там мудрости не жди, ибо это «потемнение» сознания.

А «Переписка» со всевозможными «иереями», которые ему пишут: «Так вы из чиновных!» «Ну что же, Слава Богу, нынче все пророки из чиновных, напр<имер> Победоносцев». Не говоря уж о том, что 3/4 книги занимают «полемические материалы», и книга стоит 1 р. 50 к.⁵

Я бы на вашем месте и рук об него марать не стал.

Вообще, насчёт «Нового пути» и мистики с «полётами»; насчёт Ал. Блока (прочтите, ради Бога, его «бред» в июньской кн<ижке> «Нов<ого> пути»⁶); насчёт всяческих «тайн» и пр. и пр. — я установил вполне отчётливое суждение.

Мне *очень важно* знать, какие впечатления на Вас произвела фантазия «Три дня», напеч<атанная> в «Нов<ом> пути» за июнь⁷.

Я много занимаюсь и чувствую себя прекрасно.

Крепко Вас целую. Вал. Свенцицкий.

P. S. Может быть, что не так написал, простите.

¹ Ср. описание диспута с И. И. Фондаминским летом 1903 г.: «И „грянул бой“, или, вернее, началось состязание „певцов“... Неумолимой логикой, широтой подхода, негодующим сарказмом Свенцицкий загонял противника в такие глубины или на такие высоты, куда тот вовсе не расположен был идти. Это было захватывающее — умственно и эмоционально — состязание... Фактически поле битвы осталось за Свенцицким, и несдержанность Илюши это подчеркнула... В споре не участвовавшие... считали его победителем» (*Вишняк М.* Дань прошлому. Н.-Й., 1954. С. 75–76).

² Ср.: «Учение *Соловьёва*, учение „Положительного Всеединства“, не было эклектической системой, собранной и составленной искусственно из разнородных частей. То был живой органический синтез, изумительный по своей творческой оригинальности и стройности, парадоксальный по самой широте своего замысла и проникнутый глубокой, истинной поэзией» (*Трубецкой С.* Смерть В. С. Соловьёва // Вестник Европы. 1900. № 9. С. 416).

³ *Алабина* Татьяна Алексеевна — падчерица друга семьи Флоренских в Батуме.

⁴ Ср. восторг Флоренского в письме к «глубокопочитаемому» Розанову от 9 сентября 1903 г.: «Настоящий гений, гений от рождения... человек, который творит новое,

подготавливает скачок во всём мирозерцании... Вы — пророк в существенном смысле, т. к. Вы постигаете То, что оформливается Логосом, первобытную Мошь ... Не могу достаточно понимать Ваши произведения... однако для меня нет сомнений, что новые данные, открытые Вами в тайниках быта и духа, найдут своего формовщика» (*Розанов В.* Собр. соч. Т. 29. М., 2010. С. 9–11).

⁵ *Розанов В.* В мире неясного и нерешённого. С рисунками в тексте. Изд. 2-е. СПб., 1904. Ср. отзыв Н. К. Михайловского (Русское богатство. 1902. № 8): «Книга... содержит в себе не только статьи самого г. Розанова... но ещё ряд „полемических материалов“, ряд статей и писем разных авторов, возражающих г. Розанову или выражающих ему своё сочувствие», к ним присоединяются примечания, «а иногда выходит и ещё многоэтажнее, так как г. Розанов делает примечания к примечаниям г. Шарапова, в журнале которого печатались... некоторые из полемических материалов».

⁶ В этом номере журнала опубликованы 9 стихотворений Блока 1903 г. Ср. сказанное по другому поводу: «Не есть ли это злоупотребление природным даром? Какая-то доля разумного должна же быть и в прекрасном, иначе оно становится просто глумлением над душой» (*Мани Т.* Иосиф и его братья. М., 1987. Т. 2. С. 617).

⁷ *М<арк>. В<ишняк>.* Три дня (Фантазия) // Новый путь. 1904. № 6. С. 102–106.

78. П. А. Флоренский — Б. Н. Бугаеву

<18.07.1904. Тифлис — Серебряный Колодезь>

Мир (и Мир) и благодать Господа Иисуса Христа!

Милый Борис Николаевич!

Как-то я сидел за работой — писал; приносят Ваше письмо, и в нём читаю некоторые из фраз, которые только что написаны мною: почти тождественные даже выражения. Это хорошо и радостно. В одной масонской рукописи я видел когда-то схематический рисунок мироустройства, а на рисунке надпись: «*Abyssus invocat Abyssum*» — бездна бездну призывает; выражение взято из псалмов¹, но с совершенно изменённым смыслом. Теперь тоже происходят переделки Бездны, и Бездны хаоса и другой, «нашей». Вот на этом-то факте следовало бы внимательнее остановиться, потому что тут несомненный факт. Не Вы и не какое-либо отдельное лицо является в данном случае «*Abys-sus*». Некоторая Бездна, т. е. то, что не имеет эмпирически ограничивающего её — дна, — звучит вечной гармонией, и перекликаются в нас, резонатором, отзвуки этой гармонии.

Милый друг, иль ты не слышишь,

Что весь этот гул трескучий

Только отклик искажённый

Торжествующих созвучий².

Слова перестают уже быть «моими» или «твоими» словами, они воспринимаются как заглушённые отклики иных слов — слов *Слова*. Если в мире сем такие переделки и созвучия резонаторов вызывают неудовольствие и ярость («как он смеет говорить то же, что и я: это — моё; *pereant, qui ante nos nostra dixerunt*³), то в Мире ином, в том мире, к которому мы стремимся,

так «да не будет», но «да будет» обратно. Слова звучат в каждом индивидуально, — ведь не индивидуальность, не идея данной личности, делающая её абсолютно ценной и необходимой в Миро-гражданстве, уничтожается, а только её разделённость, обособленность, замкнутость в себе, — но слова уже не «мои» и не «твои». Даже и не «наши» общие слова. Слова у держащего в Себе, как в живом Разуме, полноту всякого слова — у Слова; они — Его. Там и тут жидко рассеянными звёздочками вспыхивают оклики Слова; чаще и чаще мелькает лучезарная искорка — это одна из пылинок попала в золотой сноп лучей; накаплиются светоносные брызги, перекликаются, и вся поверхность моря — шумящего и мятущегося многоголового чудовища, стада людского — покрывается нежно сплетённой сетью — кружевом мерцающей пены и мириадами блестящих искорок. Мы не можем не ждать, что вот-вот сияние разольётся по всей поверхности, захватит светлую скатерть всякого, кто не хочет только *сам* погрузиться вниз, в холодную тёмную влагу, не можем мы отрешиться от впечатления, что отдельные оклики не сегодня-завтра сольются в один полнозвучный аккорд, и хаотическое море мятущееся выкристаллизуется в готические кружевные соборы, в стройную музыку Церкви. Несётся дуновение где-то, но уже струйки «хлада тонка»⁴ захватывают этот мир, холодная дрожь радости пробегает по всему телу, охватывает предутренняя свежесть.

Вот гудят вдали колокола перед Великой Заутреней, вот перекликаются горласто звонкие петухи. <...>

Мы, не уславливаясь в символике, можем говорить символически. Понимаем друг друга. Неужели это *ничего* не значит. Мы ненаучны; великолепно. Но ведь такое духовное единение есть факт, его надо же объяснить. Прилив сил надо объяснить. Радость надо объяснить.

Один из основных тезисов того сочинения о символах, которое я пишу, есть тот, что *символы* не есть что-нибудь условное, создаваемое нами по капризу или прихоти. Символы строятся духом по определённым законам и с внутренней необходимостью, и это происходит всякий раз, как начинают особенно живо функционировать некоторые стороны духа. Символизирующее и символизируемое не случайно связываются между собою. Можно исторически доказать параллельность символики разных народов и разных времён. Аллегии делаются (*fiunt*⁵) и уничтожаются; аллегии — наше, чисто человеческое, условное; символы возникают, рождаются в сознании и исчезают из него, но они в себе — вечные способы обнаружения внутреннего, вечные по своей форме; мы воспринимаем их лучше или хуже, смотря по действительности некоторых сторон духа. Но мы не можем сочинять символов, они — сами приходят, когда исполняешься *иным* содержанием. Это *иное* содержание, как бы выливаясь через недостаточно вместительную нашу личность, выкристаллизовывается в виде символов, и мы перебрасываемся этими букетиками цветочков и понимаем их, потому что букетик на груди снова тает, обращаясь в то, из чего он был создан. Посмотрите, дорогой Борис Николаевич, будто в лаун-теннис играют: всюду в воздухе носятся букетики.

Неужели можно сказать «это мой букетик»? Мне иногда думается: впоследствии, *тогда* было бы хорошо устроить анонимность. Издаёт журнал братство; «моего» и «твоего» нету⁶. Это я только фантазирую пока, да и никому ещё не говорил. Что загадывать вперёд: ведь всё зависит от того, насколько мы сами проникнемся Христом. Такие вещи не делаются по заказу и намеченному плану, а если бы и сделались, то не имели цены... «Милости хочу, а не жертвы»⁷. Но можно пофантазировать. *Почему* литературная собственность не есть собственность, «моё», особое? Может быть, это самое собственное, и едва ли что так может действовать разделяюще, как литературное самолюбие. «Своего» не нужно. Не то чтобы никогда и нигде его не должно было быть, чтобы оно само по себе было плохо. Конечно, нет. Но «всё можно, но не всё полезно»⁸. Литературная собственность может мешать. И мешает, часто мешала, была «не полезной». <...>

Господь с Вами! Любящий Вас П. Флоренский.

¹ Пс. 41, 8.

² Неточная цитата из стихотворения Вл. Соловьёва 1892 г.

³ Да погибнут те, кто раньше нас высказал наше (*лат.*).

⁴ 3 Цар. 19, 12.

⁵ Становятся (*лат.*).

⁶ Основатели ХББ осуществили это чаяние в сб. «Взыскующим Града». Ср.: «Всё, что я говорю о такого рода вопросах <религиозных>, я говорю и за себя, и за В. Ф. Эр-на, равным образом как и всё сказанное им — говорится и от моего имени» (С-II. 429).

⁷ Ос. 6, 6.

⁸ Ср.: 1 Кор. 6, 12.

79. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<25.07.1904. Манглис — Тифлис>

Дорогой Павлуша! Спасибо за сообщение об Орлове¹ и Сыроежкове². Не обещаю быть непременно в Тифлисе к этому времени, но может быть буду. Уже ведь такая тропическая жара, что философские заседания возможны разве при непрерывном условии, чтобы оратора и оппонента окатывали холодной водой через известный промежуток времени, а так как моя стыдливость не позволит мне выступать перед публикой в соответственном виде, то я не тороплюсь обещать, да и к тому же, что могу я представить, кроме ряда вопросительных знаков, которых, думается, у вас самих довольно. 18-20 мы все едем в Тифлис. Твой С.

¹ Орлов Александр Семёнович (1882—?) — школьный приятель Свенцицкого, окончил физико-математический факультет ИМУ, товарищ министра торговли и промышленности (осень 1917).

² Сыроечковский Борис Евгеньевич (1881—1961) — с 1900 г. учился на историко-филологическом факультете ИМУ, член ИФСО, редактор журнала «Народный социалист» (1917), автор книг «Временное правительство» (М., 1917) и «Из истории движения декабристов» (М., 1969).

80. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<28.07.1904. Спас-Клепики — Тифлис>

Дорогой друг! Говоря о Розанове, Вы советуете мне не бояться слов — уверяю Вас: никакой боязни я не чувствую, очень хорошо понимаю также, какое бедное и ограниченное орудие «слово», — но хорошо знаю разницу между неясностью, происходящей от сложности идей и чувств, — и неясностью, которая является результатом бедности содержания и сознательного или бессознательного стремления прикрыть нищенское содержание глубокомысленной формой.

Спор о Розанове действительно становится трудным в силу того, что я могу говорить только о том, что *сказал* г. Розанов, а Вы можете говорить также и том, что он *хотел* сказать.

Вы усматриваете в писаниях Розанова мистические глубины, которые, по вашим словам, ни есть ни «идеи», ни «философия», ни даже «толковое писание», — я же, действительно, усматриваю только неясные идеи, плохую философию и юродствующий слог¹. В целой серии знаков восклицательных, которыми пересыпает Розанов свои статьи, вроде: «Недоумеваю!.. Страшно поднять очи!.. Трепещу!..», по-моему, мистики столько же, сколько в пироге с ливером.

С Шараповым же я никаких дел не имею².

«Читая Розанова, — пишете Вы, — нужно не придирчиво цепляться за фразы, а с любовью стараться уловить смысл», — но иной раз любовь является тем же, — по своим последствиям, — как и «настроения»...

Глядя на какой-нибудь купол, сделанный из мозаики, в магометанской мечети — могут явиться глубочайшие идеи, если лицо созерцающее будет на них способно, но на куполе они не написаны. И в странное положение попал бы мыслитель, который тех, которые смотрели на купол и не прочли там философской системы, — стал упрекать в безграмотности...

Ваш Розанов пишет набор фраз, пишет, выражаясь словами Михайловского, «маханально»³, цепляясь за созвучия, пересыпая всё: «тайна!..» «не постигаю!..» А Вы прочтёте слово «Бог» и переживёте, увидав это слово, целую вереницу идей, — а потом пишете: «Розанов несёт в дар философии такое количество материала, какого ещё быть может никто из наших писателей не приносил». — И смешно, и обидно.

Я чрезвычайно рад, что мы с Вами несколько сталкиваемся по вопросу о Едином Сущем. Мы с Вами дотолковались до признания Единого наряду с отдельным. Вы совершенно верно отметили, что вся суть — «в каком смысле понимать отдельность».

Вы даже излагаете, в каком смысле Вы понимаете её.

Для меня проверкой истинности всякого умозрения и всякой философии является Евангелие. Зная, что в этом мы стоим с Вами на одной почве, я прежде всего и укажу, что вопрос, мною выставленный, вопрос об Аде, при Вашем умозрении остаётся вопросом.

Пусть в «Царстве Божиим нет личного существования» (в известном смысле), потому что каждая «часть» имеет своим «центром» И<исуса> Х<риста>, но те, которые вне Царствия, очевидно, не имеют Х<риста> своим центром. Ад, по-Вашему, очевидно, есть «дробности». Эти «дробности» являются результатом «самоутверждения частей». Во-первых, мне не ясно, есть ли это результат *стремления к самоутверждению* или это самоутверждение, так сказать, *удавшееся*. Если оно факт свершившийся, то спрашивается, может ли быть такое самоутверждение лишь результатом *пассивного*, как Вы выражаетесь, «недопускания Х<риста>». Ведь Ад будет не отсутствие наслаждений, а присутствие *страдания*, т. е. начала активного. Очевидно, та форма загробного бытия, которую Вы представляете как некоторое самоутверждение части, самоутверждение, в основу которого полагаете «недопускание Х<риста>», не соответствует Аду *страданий*, который имеет в своей основе *творческий грех*. И Священное Писание, и творения св<ятым> отцов полны явного различия «глухоты» к восприятию Х<риста> и врагов Х<риста>, «не слушающих» и «Антихриста». Вспомните, что есть грехи непрощаемые во веки, как, например, хула на Д<уха> Св<ятого>.

О связи Ваших рассуждений по поводу множества в Абсолютном и типах святости ничего сказать не могу, т. к. Вы только обмолвились словечком, и я с должной ясностью не представляю, что Вы хотели сказать. Мне это *очень* интересно, а поэтому, если соберётесь, напишите, пожалуйста.

По вопросу о пресловутых «настроениях», а в связи с этим о познании, мы всё ещё стоим на точке непонимания друг друга.

Вы пишете: «Я думаю, что ничего нельзя судить о человеке на основании чисто эмпирического наблюдения».

Совершенно верно. Но никогда я и не говорил о «чисто» эмпирическом наблюдении как методе познания.

Далее Вы выставляете 4 способа познания.

С тремя последними я вполне согласен, а именно: 2) из непосредственной, неизвестно откуда явившейся уверенности (мистическое восприятие?); 3) ясновидение и Дух<ом> Св<ятым>. Лишь с оговоркой, уничтожающей Ваше замечание, что «непосредств<енной> уверенности часто не бывает». По-моему, это необходимое условие познания личности и имеется *всегда*.

О первом речь особо. Вы пишете — «настроение». Но что это такое? Если Вы это слово не объясняете *по-своему*, то Вы должны принимать его в общепринятом смысле. Тогда Вам придётся под «настроением» разуметь то *ощущение*, то чувство, которое является суммой целого ряда воспринятых впечатлений. А если так, то оно не есть метод познания, а есть результат познания.

В силу этого моё соображение и моё замечание, Вас касающееся, остаётся в прежнем виде и в прежней силе: нельзя людям, склонным к настроениям, т. е. к разно ощущаемой «сумме» впечатлений, получая какие-либо впечатления от нового лица, свои *настроения* считать за *впечатления* именно от данного лица и на основании этого настроения (которое неверно принимается за впечатление) давать оценку этого лица.

Весьма возможно, что под настроением Вы разумеете совсем другое, тогда напишите.

Насчёт Ал<абиной> и денег следующее: я от неё ничего не получал, а потому и ей ничего сделать не мог. Вы спрашиваете, куда мне привезти деньги, — адрес такой: Рязанско-Вла<димирская> ж. д., ст. Спас-Клепики, Василию Владимировичу Шеру⁴. (Не для В. П. Св<енцицкого>.) Только надо ли это? Ведь уже теперь конец июля, может быть, до середины сентября будет достаточно и 25?

Насчёт «Нов<ого> пути» — советую Вам подождать до осени, — нам действительно необходимо решить этот вопрос радикально. Это самый существенный вопрос, в практическом смысле и по отношению нашего журнала. Дело в том, что одним из самых важных пунктов нашего будущего издания я считаю необходимость выяснить, в каком отношении мы стоим ко всяким сторонам и партиям и *что* заставило нас выделиться в самостоятельный орган. Едва ли не с первого, с чего придётся начать, — это с отповеди «Нов<ому> пути», ибо нет врагов более опасных, как врагов в том же «костюме» и в том же «лагере», их можно узнать только путём «вскрытия». Несогласие по этому пункту делает невыносимым одну из важнейших задач журнала, а значит, и сам журнал. Между тем, покудова разногласия несомненны: Вы говорите — он велик, но одинок, а я говорю — он прохвост, каких много, — разница порядочная!

Вы пишете: «Простите, голубчик, что приходится нам переписываться в таком разном тоне» и т. д. Пожалуйста, без «настроений»! Не знаю, какой «тон» моих писем, знаю, что я люблю Вас всей душой и всем сердцем, горячо и сильно.

А за тем прощайте, крепко жму Вашу руку и крепко целую Вас. Христос с Вами!

Вал. Свенцицкий.

P. S. Если отсюда уеду — то письма не пропадут.

Насчёт дневника Достоевского могу сказать следующее: по содержанию я ставлю его очень высоко, может быть, выше даже его беллетристики. Форму одобряю вполне. Больше того: всё мною написанное первоначально имеет вид такого «дневника» — иначе писать я совершенно не могу. И уже затем я выделяю «целую» работу. Но, конечно, далеко не всё может быть выделено

в «целое» — и может быть иногда самое важное: истина ясно сознаваемая, но недоказуемая, впечатление самое яркое, но не имеющее законченности, чтобы стать «рассказом».

Из этого Вам, конечно, ясно и моё отношение к дневнику — это одно из самых родных моих произведений, и именно не столько по своему содержанию, сколько в своей «целостности»⁵.

¹ Ср. отзывы о личной дискуссии Свенцицкого и Розанова: последний «показал, что никакой философией, в смысле систематического воззрения, он в настоящее время не обладает, он поэт земных идеалов» (*МЕ*. 1908. № 13. С. 53—59); «оставил впечатление чего-то сумбурного, гаерского, чему место... никак не в собраниях общества, принявшего громкое название философского» (*Колокол*. 1908. 15 марта. № 624. С. 3).

² *Шаранов* Сергей Фёдорович (1855—1911) — публицист, издатель, один из учредителей Союза русских людей в Москве (1905); автор статьи «Жмеринские львы и буйствующий В. В. Розанов» (*Сочинения*. Вып. 4 (т. II). Сугробы. М., 1901. С.14—21).

³ «Очевидно, выводя эти слова пером на бумаге, г. Розанов не давал себе никакого отчёта в том, что он пишет, а писал именно с разбегу и без оглядки, „маханально“, как говорит один купец у Островского» (*Михайловский Н. О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии // Русское богатство*. 1902. № 8).

⁴ *Шер* Василий Владимирович (1883—1940) — друг Свенцицкого в 1896—1904 гг., член ИФСО, с 1905 г. в РСДРП (меньшевик), участник декабрьского восстания в Москве (псевдоним — Пётр Петрович Королёв); в 1920-х член правления Госбанка СССР, в 1930 г. арестован, все ложные обвинения признал, умер в тюрьме.

⁵ Ср.: «Там действительно всё частное соединяется с общим во внутреннем единстве, и, читая „Дневник писателя“, живёшь с Достоевским, а не узнаёшь лишь отдельные мысли его чисто головного свойства... Вопросы политики, вопросы дня, пёстрые впечатления жизни сливались так тесно с напряжённейшими моментами его жизни, выражавшимися в его художественном творчестве, что это не могло нарушить цельности „Дневника“. ...Не признать живую органическую его цельность невозможно» (*С-II*. 125).

81. Б. Е. Сыроечковский — В. Ф. Эрну

<02.08.1904>

<...> Кавказ!!!! — Знаю, что *никогда* не будет таких условий: Вы, Свенцицкий, Флоренский и Орлов — в вашем теперешнем настроении, полные надежд и планов, — не будет после и теперешних удобств в виде скидок для учащихся, по Волге даже до 40%. <...>

¹ Неизвестно, состоялось ли путешествие, но и противоречащих этому данных нет.

82. Б. Н. БУГАЕВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<12.08.1904. Серебряный Колодезь — Тифлис>

Дорогой Павел Александрович, ну конечно, мы совпали! В то время, когда Вы писали о *символах* как об элементах, формирующихся по определённым внутренним законам, я писал о *символе* как об определённой эстетической единице, как о мире художественного измерения, как о едином неоплатоников, как о чём-то, покрывающем школьные понятия о форме и содержании, и старался вывести закон сохранения творческих усилий из понятия о *Символе* как частный случай выражения символической доктрины в эстетике. Очевидно, теперь это порхающая мысль времени. Она нас обвеивает ласковым дуновением, посылая нам одинаковые букетики. Весело и радостно работать, когда чувствуешь, что «*Оно*» само напрашивается на то, чтобы быть высказанным. <...>

Иной раз мне кажется, что Соловьёв — посланник Божий не в переносном, а в буквальном смысле, а если и не всё соответствует в нём тому представлению о посланнике свыше, которое требует от такого посланника лёгкости и усмирённости¹, то ведь понятие о лёгкости воззрений чисто догматическое: многое в Соловьёве заставляет признать истинного пророка *вопреки всему*. Часто я внутренне бунтую против соловьёвства и потом снова и снова проникаюсь его духом. <...>

Христос с Вами! Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

¹ Ср.: «Не только в старом православном сознании, но и в новом теософическом сознании есть слишком большая утишённость, усмирённость творческих порывов» (Бердяев Н. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М., 1916. С. 348). «*Роскошь жизни* — вот основной *тон* личности Владимира Соловьёва» (С-III. 588).

83. В. П. Свенцицкий — ИМУ

<25.08.1904. Москва>

В Совет профессоров историко-филологического факультета.

Весной истекшего 1903/4 учебного года я, страдая хронической болезнью, туберкулёзом лёгких¹, и от более обычного усиленного обострения процесса, обратился весной к суб-инспектору Софинскому² за советом, как мне лучше поступить: подать ли прошение об условном переводе, не держав экзаменов вовсе или держать, покуда хватит здоровья. Суб-инспектор сказал мне, что хотя по уважительной причине меня и могут перевести условно на 2-й курс, но что лучше если я попробую выдержать хотя бы некоторые экзамены.

Я держал 6 экзаменов, всё время находясь в нерешительности, смогу ли я явиться на следующий. На греческом экзамене я чувствовал себя уже так плохо, что получив балл 3-, обратился после экзамена к пр<офессору> Ни-

китскому³, — назначившему для получивших 3- переэкзаменовки 26 мая, — с просьбой позволить мне передержать весной следующего года при переходе на 3-й курс, т. к. я, по всей вероятности, не в силах буду явиться на переэкзаменовку 26 мая. Проф<ессор> Никитский уважил мою просьбу.

На последний экзамен по римской истории я не мог явиться и подал прошение об условном переводе.

Постановлением Совета просьба моя была отклонена. Ввиду того, что причиной такого постановления, видимо, послужила моя плохая успеваемость по древним языкам, выражавшаяся в плохих баллах по лат<инскому> и греч<ескому> (3 и 3-) и плохом зачёте по лат<инскому> яз<ыку>, и ввиду того, что Совет постановил своё решение, не зная всех обстоятельств, — я решаюсь обратиться с нижеследующими разъяснениями.

С раннего детства я был очень слаб и в младших классах, уже принуждённый работать, несколько раз оставался по болезни. В пятом классе 1-й Московской гимназии я захворал и должен был два года жить в Крыму. Здоровье моё однако поправлялось очень плохо. Так как я незаконнорожденный сын, мне никто не помогал и мне приходилось не только лечиться, но и кормиться, зарабатывая отчасти мелким литературным трудом, отчасти трудом очень тяжким, даже физическим. Особенно много работать мне приходилось потому, что нужно было копить деньги на предстоящее ученье. Наконец через два с лишком года мне удалось поступить в частную гимназию Креймана, где я и окончил курс через три года. Всё это может подтвердить Р. Ф. Крейман⁴, который каждую весну до экзаменов отпускал меня в Крым, т. к. весной у меня начинались сильные кровотечения.

Эта же болезнь была причиной моего скверного зачёта и плохих баллов по древним языкам, т. к. во время ответов я впадал в такое особенное нервное состояние, что говорил совершенно машинально. Особенно это было на экзамене по греческому языку. На этом экзамене во время ответа я чувствовал себя настолько ужасно и давал такие ответы, что пр<офессор> Никитский сказал мне: «Вы, кажется, больны, — придите в другой раз».

Я даю честное слово, что всё это было так, и готов теперь, когда я чувствую себя лучше, документально доказать своё знание по древним языкам.

Конечно, оставление на второй год не кара, но в иных случаях это хуже кары. Для меня оставление на второй год равносильно выходу из университета. Во-первых, потому, что я живу только тем, что кончу университет и наконец получу возможность, не бегая по урокам, заняться своим здоровьем, и лишний год равносильен потере этой возможности. Во-вторых, потому что обстоятельства мои таковы, что нынешний год, при переходе на 2-й курс, я буду пользоваться небольшой материальной поддержкой одного лица.

Кроме того есть ещё обстоятельства, о которых мне говорить неудобно, — и которые окончательно делают для меня вопрос о переходе на 2-й курс вопросом о пребывании в университете.

Я очень хорошо понимаю, как мало я имею юридического права на то, чтобы просьба моя была уважена, хорошо понимаю также, что трудно Со-

вету входить в жизнь каждого студента, — но обстоятельства мои, право же, исключительно тяжёлые, и может быть Совет, узнав их, отменит решение.

А эти новые обстоятельства показывают: 1) что то незнание древних языков, за которое я был оставлен, не существует или, по крайней мере, не может быть заключено на тех основаниях, по которым о нём заключил Совет; 2) что оставление меня на второй год не является обычным средством заставить пополнить пробелы в знаниях, а будет иметь совершенно другие последствия.

Я прошу Совет назначить мне испытание по древним языкам и уже тогда сделать своё окончательное постановление⁵.

¹ Свенцицкий с детства страдал хроническим воспалением верхнего правого лёгкого. По врачебному заключению от 26 мая 1904 г., «вследствие убыстрения в течении процесса за последнее время ему настоятельно рекомендуется оставить всякий труд, для поправления здоровья ехать на южный берег Крыма» (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 999. Л. 32).

² *Софинский* Илья Васильевич — преподаватель русского языка в 1-й московской прогимназии (1890-е), суб-инспектор и член стипендиальной комиссии ИМУ (до 1917 г.).

³ *Никитский* Александр Васильевич (1859—1921) — филолог-эпиграфист, с 1902 г. ординарный профессор ИМУ, в 1906—1908 гг. декан историко-филологического факультета, в 1910—1915 гг. приват-доцент СПУ, с 1917 г. действительный член АН.

⁴ *Крейман* Рихард Францевич (1872—1938) — окончил медицинский факультет ИМУ (1898), с 1901 г. руководил основанной отцом частной гимназией, в 1920-х бухгалтер в Гослаборснабжении.

⁵ В сентябре 1904 г. Свенцицкий получил допуск до экзаменов по древним языкам (греческому прозаику и римскому поэту) и после их успешной сдачи был переведён на II курс (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 31. Л. 64).

84. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<21.09.1904. Москва — Сергиевский Посад>

Флоренский!

Не мог приехать, потому что задержала г. Богрова¹. В среду заседание бюро ист<орико>-ф<илологического> общест<ва> — так что опять не могу. В пятницу Лопатин³. Так что уже на следующей неделе я посету Вас. Вал. Свенцицкий.

¹ Личность не установлена.

² *Лопатин* Лев Михайлович (1855—1920) — профессор ИМУ, читал курсы по истории новой философии и основным проблемам познания; председатель Московского психологического общества, заседания которого проходили в Круглой аудитории ИМУ.

85. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<29.09.1904. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Мне хочется с тобой посоветоваться по одному важному для меня вопросу. Ты знаешь мои намерения на эту зиму: в университете я слушаю английский язык, методологию филос<офии> наук, педагогику и философию, работаю на тему об устойчивости внимания и слушаю некот<орые> курсы, с моими детьми тоже много интересной работы. Но... Ты знаешь, что во всяком деле у меня всегда было это «но», часто все мои занятия казались мне бессмысленными, и руки опускались; теперь то же самое и в такой сильной степени, что прямо не вмоготу; мне надо полного одиночества, отказа от всех занятий, чтобы найти наконец то, что мне надо, что дало бы смысл моим поступкам. Вчера моя Соня¹ сказала мне: «Ты гонишь от себя свои мысли, ты боишься их». Она, конечно, права, это всегда было, я всегда шёл по линии наименьшего сопротивления, и это мне надоело. Мой план такой: я попрошу у мамы разрешения и, посоветовавшись с тобой, поеду на Черноморское побережье к тамошним пустынноикам, если они меня примут; там, около Адлера, есть несколько групп монахов, ушедших с Афона и живущих в глубине страны². Теперь я жду от тебя ответов на след<ующие> вопросы:

1) Надеешься ли ты, что я вообще когда-нибудь приду к Христу? 2) Какие, по-твоему, условия нужны для этого? 3) Не надо ли мне пройти какие-ниб<удь> подготовительные стадии?

Жду с нетерпением ответа. Жене <Ельчаниновой> ничего не говори. Тв<ой> С.

¹ Личность женщины, с которой Ельчанинов несколько лет прожил в гражданском браке, не установлена. Указания на то, что речь идёт о его сестре или Софье Васильевне Андросовой, ошибочны.

² Через 10 лет к ним отправится Свенцицкий и напишет о них книгу «Граждане неба. Моё путешествие к пустынноикам Кавказских гор» (Пг., 1915).

86. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<01.10.1904. Женева — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! От всего сердца вас обнимаю и приветствую и вместе с вами Бориса Николаевича, Соловьёва и Валентина Павловича. Мне много раз хотелось написать вам, но всё как-то не удавалось: не умел схватить мгновения, да впрочем, и времени не было — пришлось много бегать и суетиться.

Иногда мне довольно ясно представляется, как вы теперь себя чувствуете. Мне рисуются ваши кельи. Ваш странный сожитель ушёл спать, а вы сидите за долгой ночной работой, а потом насупясь передумываете ту массу разнородных

впечатлений, которую вам теперь приходится переживать. Мне иногда как-то чувствуется, почти ясно, что вы теперь в приподнятом настроении и, может быть, переживаете борьбу, и сильную борьбу, и мне хочется вам сказать, что я вас люблю, что я душой с вами и мгновениями крепко о вас молюсь.

У меня очень много впечатлений, над которыми стоит позадуматься, и я задумываюсь. Но о них писать очень долго. Лучше я вам расскажу о Вяч. Ивановиче Иванове. Это имеет отношение к нашему делу.

Несколько дней тому назад, когда я шёл за каким-то мелким делом, мне вдруг вспомнилось, что Котляревский¹ настоятельно советовал зайти к Иванову. Как нарочно целиком припомнился его адрес, и я, не рассуждая, отправился. Он живёт в деревушке в отдельной вилле, недалеко от Женева, в минутах 20-ти ходьбы. Вилла вся в зелени — в живописной местности и в сумерках показалась мне очень красивой.

Вяч. Иван. был чем-то занят и несколько минут, которые мне пришлось подождать, я был занят рассматриванием его апартаментов. Они производят очень приятное впечатление. Всё очень просто, но удобно и расставлено с большим вкусом и оригинально, а несколько хороших снимков с картин и гипсовые маски и бюсты создают особую эстетическую атмосферу. Чувствуется, что это жилище художника. Вяч. Иван. скоро вышел, представил меня своей жене, которая была одета в какой-то особенный тёмно-коричневый хитон с открытой шеей и руками до локтей (что придавало ей несколько античный вид), своим дачникам и пожилой домне — «старинному нашему другу», как он сказал, с седыми волосами и с удивительно симпатичным лицом. Прежде всего меня очень приятно поразили его детки, удивительно милые, с открытыми добрыми лицами, прямодушные, умненькие; а главное, особый тон царит в их семье — тон какой-то особой лёгкости, тихого веселия и радостной настроенности. Я с ними закусывал, а это в таких мелочах особенно ярко проглядывает; мне вспомнились его слова об иступлённости и экстазе и радости искания и нахождения Диониса, и теперь, смотря на его детей, я воочию видел, насколько серьёзно и *действительно* то, о чём он говорил тогда. Я, право, не фантазирую: мне казалось, что из ясных голубых глаз его деток глядит Дионис, что-то языческое, но чистое и светлое, и право, у детей это обаятельно и прелестно до высшей степени.

Вяч. Ив. с женой² (жена его выглядит *femme savante*³, любит говорить на высокие темы, вставляет иногда некстати какое-нибудь «мистическое» выражение, имеет довольно резкий голос, кажется, что-то пишет, но в общем, кажется, добрейшая особа), так Вяч. Ив. с женой с очень большим интересом расспрашивали о Борисе Николаевиче и говорили о нём очень горячо. Они его очень любят. Тут, собственно, начинается то, о чём я хотел вам написать.

Вяч. Иванович говорит, что теперь, по его мнению, начинается особый период в литературе (я очень схематично передаю его слова — он говорит живо, колоритно и иногда необыкновенно оригинально выражается). Период чистого эстетизма прошёл. Последним крупным его представителем у нас был Бальмонт. Это чрезвычайно богатый и даровитый поэт, умевший петь очень сво-

еобразно и на новый лад, поэт, смеявший то, что ему положено было сметь, но его время прошло. Бугаев очень вовремя отслужил по нему панихиду. Теперь литература приближается к перевалу: переходит к *действию*, в кружках «Скорпиона», «Весов», «Нового пути» начинается дифференциация, совершается этот переход — и тут начинают ясно определяться *два* резко отличных, может быть, диаметрально противоположных пути. Один путь *магизма*, другой путь *теургии*. В. Брюсов ясно определился как вступающий на первый путь, Андр. Белый — как вступающий на второй. *Он (Вяч. Ив.) чувствует себя с Белым*. Он очень высоко ценит Брюсова как поэта, но чувствует с ним расхождение. Он предчувствовал это ещё тогда, когда Брюсов предложил ему свою дружбу. Он ответил ему тогда: что, быть может, дороги их разойдутся и, может быть, им придётся вступить в борьбу. Он даже, пожалуй, решается сказать, что В. Брюсов — *сила тёмная*. Он знает, что между этими намечающимися направлениями — магизмом и теургией — завяжется борьба на жизнь и на смерть, но борьба эта ещё не началась.

Он был очень искренен. Из его слов видно, что он считает себя христианином, признаёт Церковь идеальной, но совсем не видно, как он относится к Церкви исторической.

Мы заговорили об аскетизме, и тут настроение обрисовалось довольно ярко. Выяснилось, что он различает восторг от экстаза. Восторг — это цель — это умирённое состояние, владение собой, хотя *восторг* всегда и *исторг*. К восторгу как к цели ведут два средства: с одной стороны — аскез, с другой — экстаз. Экстаз — именно средство. Это исхождение из себя — это исступление, ещё не умирённое. Его нужно пройти, чтоб дойти до восторга.

Я его спросил, считает ли он возможным достигнуть восторга без экстаза — просто путём *постепенного* очищения и работы над собой для уничтожения в себе препятствий для действия благодати.

Он ответил на это, что вполне признаёт возможным, но: «А я думаю устраивать хороводы! Это веселее... веселее гораздо потерять Христа и найти... забыть, а потом ненароком встретить опять. Мне нравится это искание Диониса... Эта радость встречи. Так радостно узнавать Христа под чудною маскою, под чужим ликом».

Я ему сказал, что ведь нельзя же так переносить центр тяжести на удовольствие, на приятность; он ответил на это:

«Нет, тут особый эпикуреизм духа», и жена его сказала «эпикуреизм духа», а он продолжил:

«Экстаз... Я признаю священное убийство... при условии согласий жертв на жертвоприношение. Я оправдываю убийство в экстазе. Нет-нет, я не рекомендую!»

Жена сказала: «Ты увлекаешься, стараешься оправдать своих греков... Это ведь *до* Христа было позволительно».

Вяч. Ив. с этим согласился.

«Христос совершил последнее священное убийство: убил Себя Самого. Принёс в жертву Себя Самого. Он жрец, Он и жертва, после Него убийство не нужно...»

Тут он как-то незаметно перешёл на то, что:

«Мир — это страдающий Бог. Это Бог Сын в разлучности с Богом Отцом». Только в этом и видит он возможность теодицеи.

Я ему заметил, что у него в воззрениях нет места тогда диаволу (а он перед этим, когда говорил о Брюсове, сказал, что верит в диавола).

Он мне ответил:

«Правда я о нём не думаю, я в него верю, опять он, мне кажется, всё напортит».

Вот, кажется, всё, что я упомянул из разговора с ним. Та пожилая дама с седыми волосами всё время молчала, но, подперев подбородок рукой, жадно слушала, что говорили. Когда Вяч. Ив. увлекался и начинал говорить почти с трепетом, я чувствовал, как и она трепетала, и от её присутствия, этого сочувствия и тихости веяло чем-то удивительно нежным и чистым, истинно-женственным. На меня сам Иванов и весь этот вечер произвёл самое хорошее впечатление, хотя я чувствую, что Христос для Иванова — не есть *центр и всё*, не есть *средоточие* его жизни и воззрений. Он, пусть и радуется Христу, не потому, что это Христос, а потому что это искание и встреча доставляют ему радость. Но ещё я посмотрю. Я боюсь говорить что-нибудь решительное. Он просил меня очень зайти, и скорее. Когда я возвращался от него ночью в час по тёмной, заросшей деревьями дороге, мне было очень стыдно того, как легко, даже легкомысленно я отнёсся к нему, когда он тогда зашёл ко мне знакомиться. Мне это хочется сказать именно вам, дорогой Павлуша, потому что я легко относился и пренебрежительно ко многому из того, что вы понимали и что для вас было предметом поклонения. Я, кажется, останусь в Женеве всё время до лета. Я очень рад, и Женева очень мне нравится. А главное, здесь условия таковы, что я смогу хорошо поработать. Тут очень своеобразная религиозная жизнь, закваска Кальвина ещё сохраняется. Всякие лекции, диспуты с неверующими и с католиками при живом отношении к этому публики. Есть много сект. Вот постараюсь поскорее овладеть языком и тогда примусь присматриваться.

Дорогой Павлуша, я вас очень попрошу сделать следующее: насчёт «журнала». Дело довольно уяснилось. Теперь нужно уяснить насчёт «ордена». У меня мелькают соображения — или, лучше, чувства и некоторые картины. Мне бы очень хотелось знать, как чувствуете и думаете об этом *вы*. Если вам это не очень трудно, напишите мне об этом. Если это будет отрывочно — это ничего. Я пойму.

Всего доброго, Господь с вами!

Любящий вас Володя.

P. S. Сообщите мне адрес Люси <Флоренской>. Мне бы очень хотелось зайти к ней, да не знаю адреса.

¹ *Котляревский* Сергей Андреевич (1873—1939) — историк, земский деятель, с 1899 г. приват-доцент ИМУ, с 1905 г. член Совета МРФО; расстрелян.

² *Зиновьева-Аннибал* Лидия Дмитриевна (1866—1907) — прозаик, драматург, литературный критик. В 1913 г. В. И. Иванов женился на её дочери от первого брака.

³ Учёная женщина (*фр.*).

87. К. М. АГГЕЕВ¹ — П. П. Кудрявцеву²

<06.10.1904. С.-Петербург — Киев>

<...> Настроение политическое в П<етербурге> возбуждённое. Статья Трубецкого «Война и бюрократия» («Право» № 39) волнует всех³. Сейчас у меня один студент политехникума, мой б<ывший> ученик, который говорил мне, что профессора прямо раздают им оттиски статьи. Мои старшие педагогички говорили мне, что среди учащихся начнётся организованное движение. <...>

Мне кажется, все дурные стороны нашего общего режима особенно ярко отражаются в нашем дух<овном> ведомстве. Что только делает этот подлец Саблер⁴, трудно равнодушно говорить. Что только представляют собою его клеветы, трудно поверить. <...>

¹ *Аггеев* Константин Маркович (1868—1921), прот. — окончил КДА в 1893 г., магистр богословия, настоятель храмов: Свято-Троицкого храма в Мариамполе Сувалкской губ. с 1896 г., сщмц. Александры Римской при Николаевском институте в Киеве с 1900 г., Александра Невского при Александровском институте в С.-Петербурге с 1903 г. и мчц. Татианы при Ларинской гимназии в Петербурге с 1906 г., участник «группы 32-х» священников, БРЦО, ХББ, МРФО, ПРФО, член редакции журнала «Век» и Поместного Собора 1917—1918 гг., расстрелян.

² *Кудрявцев* Пётр Павлович (1868—1940) — магистр богословия с 1908 г., профессор КДА в 1909—1919 гг., член редакции газеты «Народ» в 1906 г., Киевского РФО и Поместного Собора 1917—1918 гг.

³ *Трубецкой* Евгений Николаевич (1863—1920) — философ, публицист, редактор журнала «Московский еженедельник» и член Совета МРФО с 1906 г., член Поместного Собора 1917—1918 гг. «Статья... имела совершенно исключительный успех. Не только со всех сторон сыпались ему приветствия, но учреждались стипендии его имени в университетах... Он блестяще открыл эру нового направления внутренней политики... „эру доверия к общественным силам“, как называют её земцы» (*Трубецкая О.* Из пережитого // *Современные записки.* 1937. № 64. С. 287).

⁴ *Саблер* Владимир Карлович (1847—1929) — управляющий канцелярией Синода с 1883 г., товарищ обер-прокурора Синода с 1892 г., член Государственного совета с 1905 г., обер-прокурор Синода в 1911—1915 гг. «Положительное, сделанное им для Церкви, было столь мелко и ничтожно... что об этом и говорить не стоит. Самое же главное в том, что тон... самый характер его работы были разрушительны для Церкви» (*Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 285—286).

88. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<24.10.1904. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Твоё письмо было вдвойне приятно для меня: как свидетельство твоего дружеского расположения ко мне и по своему содержанию.

Впрочем, когда я писал это и когда вообще думаю о подобном, я помню твои слова о λογος'е устроителе, которые приемлю как истину.

Прежде всего спешу подтвердить твоё предположение о моих словах насчёт счастья — это, конечно, описка.

Я не хотел в этом своём письме протестовать против оформливания хаоса, я высказался только против тех способов, которыми упорядочивается всё непорядочное; во мне каждая жилка протестует против такого способа, который практикуется теперь и лучшее доказательство которого — его полная бесплодность.

Несмотря на твой аргумент (о людоедстве) я всё же плохо верю в прогресс — я думаю, людоедства нет теперь исключительно потому, что омары, устрицы, икра и т. д. представляются гораздо более привлекательными, а людей едят ещё в больших количествах, только не гастрономы и не из желудочных побуждений.

Почему ты, Павлуша, называешь бегство в лес, в пустыню — бегством от работы? Я представляю себе своё житьё в лесу не иначе, как сопровождаемое непрерывной работой, размышлением, подготовкой, после которой только и можно идти к людям.

Ты, конечно, верно поймал кое-какие гедонистические и бесовские нотки в моём настроении. Действительно, иногда (но очень редко!) я рисую себе свою жизнь где-нибудь <удь> на острове Тихого океана, среди животных и цветов, без костюма, под горячими лучами солнца. Тогда мне ужасно близок Киплинг и Гамсун («Пан»), хотя я знаю, что это падение.

Вопрос о природе, о моём к ней отношении, по-моему, дьявольски труден. Возьмём, напр<имер>, такую гамму настроений: чувства умиления перед великими формами, чувства своего родства, желание потонуть в пейзаже, раствориться в природе, желание лечь на траву, стать на четвереньки, заблестать козлом, обратиться в фавна, гоняться за нимфами и т. д. Где тут служение хаосу и где синтезирующие начала?

Я не могу здесь где-нибудь поставить границу. Я буду тебе крепко благодарен, если ты мне напишешь хоть на открытке, как ты справляешься с этими вопросами. Если возможно, держись сферы конкретного, т. к. я довольно слабо мыслю абстракциями.

Ещё раз очень благодарен тебе за твою отзывчивость. Твой А. Е.

Собственно, всё это вопросы Мережковского, но во мне они живут вполне самостоятельно.

89. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<24.10.1904. Москва — Сергиевский Посад>

Милый друг! Во вторник в 8 ч. вечера я читаю реферат (в канцелярии историко-фил<ологического> об<щества>) «О драмах Метерлинка»¹. Приезжайте, пожалуйста.

Помимо реферата мне очень нужно повидаться с Вами, т. к. в среду вечером уезжаю из Москвы.

Ваш Вал. Свенцицкий. Арбат, Калошин пер., д. Оболенской.

¹ Поводом к написанию работы стала премьера в МХТ спектакля по пьесам «Слепые», «Непрошенная» и «Там, внутри» в постановке К. С. Станиславского. Доклад состоялся 26 октября 1904 г., текст опубликован в 1906 г. под заглавием «Смерть и бессмертие (По поводу трёх драм Метерлинка)» в сб. «Свободная совесть» (С-II. 213–245). Основная идея: «Бессмертие — это абсолютное требование нашего духа, требование, носящее характер стихийности... факт, который не могут уничтожить никакие теории... идея бессмертия движет всю жизнь человечества, есть необходимое условие и основа всякого прогресса, а сами отрицатели бессмертия в действительности бессознательно, стихийно подчиняются идее бессмертия» (Вера и Церковь. 1906. № 3. 30 марта. С. 537).

90. П. А. Флоренский — А. И. Флоренскому

<24.10.1904. Сергиевский Посад — Тифлис>

<...> В академии у меня нашлись некоторые практические дела, именно связанные с разными обществами и народными чтениями. Хорошо то, что официально мы ведём народные чтения под присмотром ректора, читаем, что хотим и как хотим, совершенно вне контроля полиции. А ректор в свою очередь предоставляет нас самодеятельности, и поэтому у нас — полная свобода и даже полный произвол, ограничиваемый лишь теми соображениями, что если начнём читать что-нибудь неподходящее, то народ, слушающий чтение или лекцию, выйдет посреди чтения, т. к. в этом отношении деликатностью не отличается. <...>

Хотя я предлагаю проект устроить «православную миссию в академии», но это нарочно утрировано сказано, т. к. есть много людей совсем не настроенных позитивистически. В общем мне студенческая среда — даже наши радикалы и позитивисты — очень нравится, и кажется, в скором времени благодаря этому я буду лично знаком со всеми студентами. Среди них замечательно много единства — товарищества в лучшем смысле слова. Я нарочно расспрашивал старых студентов, и мне все говорили, что, действительно, живут они очень дружно; не только ссор, но даже раздражённых разговоров почти никогда не бывает; я, по крайней мере, никогда не слышал, хотя в столовой и т. д. можно

было бы слышать сколько угодно, если они вообще имеются. Очень хорошо, что академия изолирована от города. Это у большинства сохраняет свежесть и большую работоспособность; поэтому и от профессоров требования несравненно выше, чем в университете, и в каждом из трёх семестров в году надо представить сочинение, над которым приходится поработать немало. Почти все чем-нибудь интересуются и что-нибудь делают. Вследствие всего этого мне даже выезжать отсюда в Москву не хочется, и, во всяк<ом> случае, делаю это гораздо реже, чем предполагал сначала: достаточное поле деятельности и здесь. Теперь, за какие-ниб<удь> 1½ месяца я приобрёл знакомых более, чем за всё время пребывания в университете, и это именно потому, что там волей-неволей от большинства приходилось сторониться.

Целую тебя, дорогой папочка, и всех вас. Твой П.

91. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<25.10.1904. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя!

Писать нету времени, да и не в настроении. Поэтому присылаю кусок коры. Мы с Петровским заняты топкою печи, и я отодрал её от берёзового полена.

Много работы обязательной, а ещё больше деятельности, потому что многих можно собрать к себе.

В академии много братства и чистоты.

Христос с Вами. П. Ф.

92. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<02.11.1904. Сергиевский Посад — Москва>

Во имя И<исуса> Х<риста>.

Милый Володя!

Много раз хотел писать и не мог. Право, занят, очень, прямо ни минутки нет моей. И не занятиями. Почти всё разговариваю, то с тем, то с другим. Может быть, сейчас это — главное моё дело, и наше дело, т. к. можно готовить настоящих (т. е. не только в возможности, но и в акте) братьев. Много есть таких, которые в неустойчивом равновесии. Их можно подтолкнуть и туда и сюда. А я ими очищаюсь. Подробно когда-ниб<удь> после напишу об академии. В общем, я полюбил её более, чем когда-либо любил какое-либо учреждение. Несмотря на разъединённость и т. д., в ней очень много братства и чистоты. Самые распушенные тут были бы невинными в университете. Много нетронутости, детской ясности. Каждый пустяк принимается ими

с благодарностью, и делается совестно, что её абсолютно не заслужил и не оправдываешь. В общем тон несколько позитивистический, но, думаю, с этим можно и стоит ещё побороться. Но есть лица, с которыми я и сейчас могу сходиться по убеждениям, и всё люди такой ясности и кристальной чистоты, что диву дивуешься, откуда она.

У меня нет времени записывать свои мысли, но где-то на клочке записал такой афоризм (сегодня, намереваясь читать реферат, нашёл случайно его): «Если бы я был профессором апологетики, то вместо всяких разговоров стал бы демонстрировать Сер. Сем. Троицкого¹. Если и тут кто сможет не убедиться, то будет яко язычник и мытарь. От чистоты дух захватывает. Могло ли такое произведение не выйти непосредственно из рук Творца?»

Каждый в своём роде, но несколько таких лиц, и много тоже очень хороших и если не вполне живых, то могущих быть вполне живыми. <...>

Целую Вас. П. Флоренский

¹ *Троицкий* Сергей Семёнович (1881—1910) — однокашник по МДА и друг Флоренского, в 1905—1907 гг. жил с ним в одной келье, женился на его сестре Ольге; адресат писем в книге «Столп и утверждение Истины».

93. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<08.11.1904. Сергиевский Посад — Тифлис>

<...> Первые впечатления от академии, о которых я писал тебе ранее, несколько не рассеялись, а напротив, так сказать, сгустились. Я познакомился с такими людьми, что удивляешься, откуда могла взаться такая чистота и свежесть, не то что в тех неблагоприятных условиях, в которых они росли, но и вообще. Ясные, прозрачные, очень глубокие души; многое понимают и притом детскость — умение по-детски радоваться всему, усматривать глубокое и интересное и живое в том, что у нас считается надоевшим — нету пресыщенности.

<...> Ходил навестить своего старца Исидора¹. Пошёл к нему с недоумением, а вернулся легко и радостно — с силами. Он — совсем простой, из бывших крепостных графа Толстого (не писателя), но понимает многое гораздо лучше учёных богословов, так что мысли, самые дорогие мне, с радостью выслушиваешь от него — мысли, которых многие не понимают. Это — мысли о мистике и об общественных задачах — о католиках, о евреях. Отец Исидор весь белый, ласковый и радостный — будто светится; угощает чаем и своим знаменитым вареньем из клюквы, изюму, мёду и квасу, в которое он «хотел прибавить ещё репы». Это варенье — высший сорт, для людей настоящих, а варенье простое, как подают всюду, для гостей, не заслуживающих аскетического угощения, — аскетическое, потому что наш ректор говорит, что он не может съесть его более ложки, и то скрепя сердце.

Отец Исидор большой любитель евреев и так относится к ним, что у него завелась масса «крестников», которые переписываются с ним и советуются о разных духовных и недуховных нуждах. Меня особенно восхищает его детскость. Напр<имер>, он писал Александру III карандашом большое послание о том, что Церковь единая и святая, что нам больно видеть, как нашу Мать делят на части из-за «канцелярщины», из-за одной буквы, это о том, что мы, православные — кафолики, а сторонники западной Церкви — католики. Посылал он также книжки Гладстону и Бисмарку, портреты которых красуются в его келье, и при книжках письма; в них он указывал, что мы, православные, любим протестантов и католиков, в чём они сами могут убедиться из церковных служебников.

Но главное, что меня привлекает в нём, это его понимание многих мистических идей, и очень тонкое, хотя образное, а не в понятиях.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Папе напишу как-нибудь на днях. Сейчас не могу: надо скоро идти к ректору читать реферат.

Твой П.

¹ Духовный наставник Флоренского, жил в Гефсиманском скиту, скончался 4 февраля 1908 г. Его жизнеописание: *Флоренский П.* Соль земли // Христианин. 1908. № 10—11; 1909. № 1, 5 (*Ф-И.* 571—637).

94. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<09.11.1904. С.-Петербург — Киев>

<...> Атмосфера петербургская насыщена нетерпеливым ожиданием. По учебн<ым> заведениям беспрерывные сходки. С. Н. Б<улгаков> закончил свою лекцию о Чехове горячими словами: «непримиримости, непримиримости до конца»¹. И не знаю, что будет, если все ожидания останутся без удовлетворения. <...>

Минувшие дни проводила у нас игуменья Екатерина², которая своей статьёй в «Ц<ерковном> в<естнике>» кашу заварила. Письмо и статья уже пошли, а начальство — Победоносцев и Саблер — отнеслись недружелюбно, хотя ей, страха ради, не высказывали... Она предполагает отвечать на все возражения. Е<катерина> провела у меня вечер в кругу моих знакомых. Что это за женщина! Я устроил отдельный вечер у наших пепиньер и выпускных: и этот вечер останется памятным моим ученицам... Некоторые крайности в ст<атье> Е<катерины>, с моей точки зрения, есть, но я прощаю ей их ввиду её личного редкого аскетизма и искренности — и ввиду того, что под противополож<ным> принципом личной святости у нас, к сожалению, скрывается всякая мерзость, о чём, между прочим, упоминаю я в статье, ещё не напечатанной, «Роковые недоразумения»³. <...>

¹ *Булгаков С.* Чехов как мыслитель // Новый путь. 1904. № 10. С. 32–54. № 11. С. 138–152.

² *Екатерина* (Ефимовская Евгения Борисовна; 1850—1925), схиигум. — в 1885 г. создала православное сестричество в с. Лесна Седлецкой губ., открыла при нём школу-приют, больницу, богадельню, иконописную мастерскую. Приняв постриг, стала игуменьей Леснинского Свято-Богородицкого монастыря. Переписывалась с В. С. Соловьёвым и св. прав. Иоанном Кронштадтским. Преодолению кризиса иночества посвятила статью «Монастырь и христианский аскетизм» (Христианин. 1908. № 6): «Почему же не поступают в монастырь образованные люди? Потому, что им делать там нечего. Так думает общество, так, к сожалению, пока есть на самом деле. Мёртвая рутина, давящая и гнетущая своей бессмыслицей, — вот то впечатление, какое выносит образованный человек из опыта монастырской жизни. Мёртвая буква заменила живой христианский дух. О любви христианской нет и воспоминания».

³ Главная тема статьи (Церковный вестник. 1905. 17 февраля. № 7. С. 195–200): «Есть ли христианство проповедь одного загробного идеала, или оно дано и для здешней земной жизни, имеющей цену в себе?». Отсюда и разница в отношении к общественной деятельности: «Представители псевдоаскетического направления совершенно отрицают последнюю. Представители, с нашей точки зрения, истинно христианского понимания признают её долгом пастыря».

95. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<11.11.1904. Москва — Сергиевский Посад>

В пятницу 12-го ноября в 8 ч<асов> вечера состоится 5-е заседание нашей секции¹. <С. Н.> Трубецкой прочтёт реферат «Вельгаузен и библейская критика»². Приезжайте.

Мне позволили пригласить вашего профессора Воронцова³, если успеете, передайте ему приглашение.

Вал. Свенцицкий.

¹ До этого в секции истории религии ИФСО выступали Г. Ф. Помялов («Гностики первых веков»), Флоренский («О Канторе»), Свенцицкий («О драмах Метерлинка»), Александр Чемоданов («В поисках за истиной»).

² «Несмотря на то, что заглавие реферата, казалось, могло привлечь лишь небольшую группу специалистов, маленькая комнатка заседаний секции ещё задолго до прихода профессора наполнилась студентами. Наконец, показалась высокая фигура С. Н. Положив перед собой русский текст Библии, обведя быстрым взглядом слушателей, он приступил к своему докладу... Чем дальше говорил С. Н., тем голос звучал всё убежденнее, всё крепчал. Мнилось, что он уже вполне овладел предметом, покори́л внимание собравшихся. Торжественная тишина аудитории так гармонировала с серьёзностью темы, которую, всё более и более увлекаясь, дебатировал оратор... Будто высеченные резцом искусного ваятеля, вставали перед нами величавые образы еврейских пророков — этих носителей высшей Правды... Зодчие её, они подвигом всей жизни запечатлели своё служение делу укрепления союза между Богом и людьми. Окрылённые неугасимой верой в Ягве, они безбоязненно призывали блюсти за-

веты святой Правды, будили в душах живое исповедание живого Бога Правды. Огненные слова их пламенеющей проповеди жгли сердца... „Господа! — так заключил свою взволнованную речь С. Н., держа в руках раскрытой Библию, — полюбите эту книгу, углубляйтесь в неё почаще, засматривайте в неё, старайтесь вникнуть в её содержание, и перед вами, на этих драгоценных страницах, развернётся величайшая мировая драма, грандиозная драма Богосознания, и тогда, поверьте, вы по достоинству оцените эту заброшенную и мало читаемую книгу и сознательно причислите её к выдающимся памятникам человеческой истории“» (*Розанов С. С.* Кн. С. Н. Трубецкой. М., 1913).

³ *Воронцов* Евгений Александрович (1867—1925), прот. — гебраист, профессор МДА, иерей (1909), магистр богословия (1910).

96. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<15.11.1904. Москва — Сергиевский Посад>

Милый друг, я окончательно уезжаю к графу Баранову¹, для этого мне понадобились деньги, 20 рублей, которые я и занял у Дим. Вл. Шера². Но так как мне было бы гораздо приятнее состоять *должником* у Вас, то не согласитесь ли Вы на следующую финансовую операцию: пришлите 20 рублей по почте на имя Димитрия Владимировича Шера по следующему адресу: Москва, Остоженка, Зачатьевский пер., дом и квартира Шер. Вы мне окажете очень большую услугу, за которую буду Вам чрезвычайно благодарен. Деньги выплачу обязательно и в возможно скором времени.

Приеду я в субботу 20-го поздно вечером и буду на заседании нашей секции в воскресенье 21-го. Оно состоится в 6 ч<асов> вечера, Д. Д. Галанин³ прочтёт реферат о том, что такое «Образование». Если приедете, увидимся.

Мой адрес теперешний: г. Михайлов (Рязанской губ.), сельцо Каморино, имение графа Баранова, мне. Пишите, пожалуйста, — я уезжаю туда начинённый массой литературных планов беллетристич<еского> и публицистич<еского> характера; глаза разбегаются, за что взяться, во всяком случае, погружусь в мир своих грёз по самую макушку. Очень большой толчок всему этому дал мне последний симфонический концерт, где исполнялось «Столпотворение Вавилонское» Рубинштейна³. Впечатление местами было потрясающее — только один господин мешал очень: бесконечно толстый и грязный, он так наваливался на меня сзади, что я чувствовал его перистальтику кишок!

Прощайте, крепко Вас целую. Ваш fr<ater> Minimus⁴.

P. S. Если у Вас нет 20 рублей, пришлите сколько можете.

¹ *Баранов* Александр Павлович (1862—1918) — граф, окончил Московское пехотное юнкерское училище (1880), перечислен в запас в звании поручика (1890); женился на Анастасии Михайловне Баратынской, имел сыновей Михаила и Николая. Цель поездки не выяснена.

² Шер Дмитрий Владимирович (1885—1942) — брат Ольги и Василия, одноклассник Д. Д. Галанина (мл.), впоследствии вступил в брак с Н. С. Багатуровой, оставив первую жену с тремя детьми.

³ Галанин Дмитрий Дмитриевич (1886—1978) — полный тёзка своего отца, дружеское прозвище — Чмич; участник ИФСО и ХББ, заведующий редакцией РОБ, окончил физико-математический факультет ИМУ в 1910 г., автор работ по методике преподавания физики, член-корреспондент АПН РСФСР с 1944 г. В неопубликованных воспоминаниях, над которыми трудился многие годы (около 1000 машинописных страниц), о Братстве и соратниках не упомянул.

³ Оратория А. Г. Рубинштейна «Вавилонское столпотворение» (1869).

⁴ Наименьший брат (*лат.*). Ср. созданное в XIII в. Францисканским братством — Орден меньших братьев.

97. Б. Н. БУГАЕВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<23.11.1904. Москва — Сергиевский Посад>

Брюсов снял маску¹. Принимайте меры. Бугаев. Соловьёв.
P. S. Дать знать Свенцицкому.

¹ Возможно, подразумевается полученное А. Белым стихотворение В. Я. Брюсова «Бальдеру Локи», что явилось звеном поэтической дуэли между ними. Подр.: Контекст 1991. М., 1991. С. 10–12.

98. Д. Д. ГАЛАНИН (мл.) — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<29.11.1904. Москва — Сергиевский Посад>

Многоуважаемый Павел Алексеевич <sic>, Валент<ин> Павлович просил сообщить Вам, во-первых, что деньги он получил, а затем следующее: можете ли Вы прочитать Ваш реферат «Эмпирея и эмпиреи» в субботу, 4 дек<абря>, в 8 часов вечера в секции¹. Заседание назначено, если не можете, то известите телеграммой на мой адрес (Москва. Водоотводная, д. Протопопова. Галанину), поскорее...

Валентин Павлович будет сам на этом заседании и очень просил Вас не отказываться.

Уважающий Вас Д. Галанин.

¹ В июне 1904 г. Флоренский написал посвящённый Ельчанинову диалог «Эмпирея и Эмпирея» (Ф-I. 146–195). Судя по воспоминаниям А. Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 25 об.), на указанном заседании выступил с докладом «О суеверии и чуде» (Ф-I. 44–69).

99. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Б. Н. БУГАЕВУ

<01.12.1904. Сергиевский Посад — Москва>

Милый Борис Николаевич!

В. Б.<рюсова> в «Весах» не было, хотя мы ждали его довольно долго и хотя он *должен* был прийти, по словам Полякова¹. На нас это произвело впечатление такое, что В. Б. уклоняется от встречи. Записку и ваше письмо я оставил для него на столе редакции.

Мне кажется, что он снова принялся за Вас и что у Вас не совсем спокойно. Не обращайтесь, дорогой Борис Николаевич, внимания и идите своим путём мимо всех личин. Мы не дадим Вас. Хотя В. Б. и пристаёт, но я сознаю, что он надломился и теперь больше форсит, чем имеет подлинной силы.

Молюсь за Вас и искренно люблю. П. Флоренский.

¹ *Поляков* Сергей Александрович (1874—1943) — математик и переводчик, владелец издательства «Скорпион» и соредатор журнала «Весы».

100. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Я. БРЮСОВУ

<05.12.1904. Сергиевский Посад — Москва>

Валерий Яковлевич!

(Не пишу «многоуважаемый», т. к. теперь это — одна «скорлупа», стадо и личина, не имеющая внутренней сути; не пишу «дорогой», и это не из боязни шокировать Вас, а просто потому, что в отношении к *Вам* такой эпитет я могу употребить с ограничением: очень дорогой в одном и очень не дорогой в другом.)

Валерий Яковлевич! Только что вернулся из Москвы после нашего собрания у Бориса Николаевича, и меня потянуло написать Вам. Не «исправлять» наш вечер хочу я, а просто сказать иное, чем было говорено, потому что нельзя было сказать то, что хотелось.

Если распластываться на чисто эмпирической плоскости (а Вы, избегая столкновений в иных сферах, весьма часто спускаетесь до рассуждений, под которыми подписался бы любой из позитивистов), то многое из сказанного нами должно было показаться грубыми мальчишескими выходками; может тогда показаться, что Вы терпели эти выходки из одной снисходительности, и тогда мы, несомненно, окажемся виноватыми перед Вами.

Вот поэтому-то хочется привести в исполнение давнишнее намерение — написать Вам о своих отношениях к Вам; насколько я знаю, это не только моё отношение, но и наше общее. «Но какое мне дело до Ваших отношений?» — скажете Вы. Спешу согласиться, что Вы, с Вашей точки зрения, может быть, и правы; но моя, признающая безусловную ценность всякой личности, даже моей, заставляет действовать так, *как будто* Вам есть дело до этих отношений.

Итак, хорошо зная, что Вы пренебрежительно не заметите всего сказанного, я действую так, как будто Вы с терпением будете вникать в смысл письма и в его настроение.

Вы не признаёте слова «любовь»; это мне сейчас безразлично; я вполне искренно говорю, что люблю Вашу личность, чувствую её (это — главное) и ставлю её очень высоко. Но это — личность. Но есть ли у неё *своя* личина, своё проявление, этого я не знаю, — точнее, знаю, что этого нет. Я понимаю, что такое магия, и потому, быть может, вижу в таких уголках Вашей души, которые Вы не хотели обнаруживать; тут-то мне и делается Ваша личность дорогой, но вместе с тем (не возмущайтесь и не сердитесь слишком!) жалостной и порою даже жалкой. Магия не проходит даром. Она засасывает в себя, и в тот момент, когда маг торжественно кричит: «*Они* в моих руках», он сам бывает в руках *их*. Когда слышишь от Вас фразы наиболее мощные, то невольно улыбнёшься контрасту, и притом вовсе не тому, чтобы мощности в них не было. Нисколько не отрицаю известной доли мощи, но не могу не улыбнуться жалостливо, когда вижу, что такая сильная личность, как Вы, является в руках тёмных сил простым аппаратом для передачи воздействий. Только изредка, сквозь чужие слова прорываются струйки исстрадавшейся и измучившейся личности, и это так искренно и просто выходит, что готов в разговоре сказать «дорогой Валерий Яковлевич». Ваш поэтический талант, Ваши познания, Ваше умение схватывать суть дела и, главное, Ваша «потенция» сильно любить (настаиваю на этом, хотя Вы и отрицаетесь «любви и всех дел её») — всё это отнято у Вас, и награбленным пользуется тот легион, который Вы принимаете за легион «своих» душ. Души-то души, да не свои, а чужие. Вас эксплуатируют, над Вами издеваются, Вас гипнотизируют, Вас непрестанно днём и ночью мучают, щекотят и заставляют судорожно передёргиваться (эти передёргивания Вы принимаете за выражение удовольствия), — и Вы не замечаете или не хотите замечать всего этого, отдаётесь во власть истязателей. Неужели Вы не чувствуете, что многие стихи Ваши — Ваши только потому, что там Ваши рифмы, размер и т. д., но это самая сердцевина, «*душа*» стихотворения, то, что, собственно, и составляет продукт творчества, что это — не Ваше. Я лично уже гарантирован от того, чтобы поддаться чарам, через Вас (но вовсе не Вами) распространяемым, но именно благодаря этому обстоятельству смогу особенно ясно сознавать всю остроту их яда, и первым пострадавшим оказываюсь Вы.

Дорогой Валерий Яковлевич! На одну минуту проснитесь, скиньте власть гипноза и посмотрите, что *они* с Вами делают. Только на минуту очнитесь, и Вы, — я уверен в этом, — закричите нечеловеческим голосом из той тьмы внешней, которую Вы, как полагаете (а на самом деле не Вы, а *они* в Вас), так любите, осветите сумрак и <склонитесь перед Бальдером>². И тогда, когда слетит легион масок, надеваемый на Вас, когда Вы перестанете смотреть на всё через «мутную среду», — тогда Вы увидите, что у Вас — не враги, а искренно любящие Вас братья.

П. Флоренский².

¹ Слова перечёркнуты карандашом.

² Черновик. Вряд ли письмо было отправлено, поскольку отсутствует в архиве Брюсова.

101. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<08.12.1904. Женева — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Спасибо, что написали. Я очень и очень за вас рад и совсем успокоился. Живо представляю, что, как и в каком духе. Как это всё хорошо! Берёзовой кожицей вы доставили мне большое удовольствие. С одной стороны, у ней такой *тёплый* цвет, а с другой, повеяло берёзками Нестерова и вместе с ними дорогим духом, который живёт в наших лесах. Вы мне дали маленькую, но существенную точку опоры, и я буду знать теперь, как представлять себе вашу жизнь. Но если б вы написали подробнее и о всех — о Свен<цицком>, Буг<аеве> и Сол<овьёве>, — то очень бы меня одолжили. Ведь за всё время я не имел о вас никаких сведений, не считая, впрочем, тех, которые получаю во сне и... невыразимых, пришедших неизвестно как.

Завтра едет в Москву Иванов с супругой. Я уже писал о нём Свенцицкому. Очень-очень хотел бы, чтоб вы его узнали и оценили. Он очень простой и хочет с вами познакомиться — значит, всё устроится легко. Я его ставлю очень высоко; он самобытен, силён и Христос для него в конце концов самое главное. В нём много свободы и удивительного своеобразия. Я бы мог многое написать насчёт него, но вы скоро сами его увидите, а чтоб было видно моё отношение — скажу, что я *полюбил* и люблю его от души. Кроме того я ему очень обязан. Он, сам о том не зная, насчёт многого меня просветил. Жена его тоже очень хороший и интересный человек. Только, чтоб это увидеть, нужно близко познакомиться, а сначала она отталкивает. Так, Павлуша милый, я всеми силами, сколько могу, рекомендую их вашему вниманию.

Я встретился здесь с Люсей и сошёлся с ней. Какая она хорошая, какая добрая! Вся она горит беспокойством и так умеет незаметно помочь в трудную минуту. Она тайну большую носит в своей душе, я прикоснулся чуть-чуть и отношусь к ней теперь прямо с благоговением. Мне кажется, вы не знаете Люси и Люся вас. Странно это.

О себе мне не хочется писать. Как-то всё ещё волнуется и не застыло. А может быть, только начинается. Знаю только, что были бури и был покой, потом опять бури и опять покой. Вольно, просторно и страшно. Старое всё ломается, а на новое только надежда. Передайте всем глубокий поклон.

Обнимаю вас горячо.

Господь с вами!

Найдите минутку, напишите подробнее о своей жизни, о встречах. Очень уж мне интересно.

Любящий вас В. Эрн.

Оттисков ваших статей не получал. Очень об этом сожалею, потому что мне несколько раз хотелось их перечесть. Впрочем, я, пожалуй, тут могу достать.

102. С. Н. ДЕЛЕКТОРСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<15.12.1904. Нион — Женева>

Прошу Вас приехать ко мне (во вторник или четверг на той неделе). Надеюсь, что Вы не проскучаете, т. к. встретитесь здесь с интересными людьми: Маргарита Кирилловна Морозова¹, по убеждению Белого, принадлежит к числу трёх женщин, имеющих мировое значение, да и, помимо замечаний Белого, по моему убеждению, это очень хороший и глубокий человек, которого я очень уважаю. Мне хотелось бы, чтобы Вы познакомились с ней; такие люди удивительно хорошо действуют на душу. На Рождество Вы можете встретить здесь Александра Николаевича Скрябина², что и для Вас, и для него будет очень и очень полезно, а для меня радостно.

Любивший и любящий Вас С. Делекторский.

¹ *Морозова* Маргарита Кирилловна (1873—1958) — меценатка, хозяйка московского литературно-музыкального салона. Её секретарём в то время был врач Сергей Николаевич Делекторский.

² *Скрябин* Александр Николаевич (1871—1915) — композитор, пианист.

103. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<25.12.1904. Сергиевский Посад — Женева>

Христос родился, милый Володя! По этому случаю приветствуем и обнимаем Вас все мы — бархатные чёрные-чёрные сосны, что качаются важно возле Гефсиманского скита, и атласные, детские тельца берёзок, и подёрнутые серебряною тканью ледяных кристаллов гроздь коралловой рябины; посылают частицу радости искрящиеся пелены и кружевные пологи дерев; Вифлеемская звезда выжимает из волос своих влажный свет, — но он испарится, прежде чем дойдёт до Вас. Наконец, и нижеподписавшийся — осёл при яслях в пещере — желал обнять Вас.

А ещё, хотелось бы думать, «честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим» — Ясная улыбается Вам, и Новорождённый, однодневный Христосик с пухом-волосиками из яслей.

Сегодня за обедней солнце так восторженно разбивало свои струи о журчащее серебро подсвечников, так <трога>тельно глядели восковые свечки,

одухотворённые солнечным трепетом, так кротко и усмирённо теплились на них огнистые головки, так уютно распахивались врата при въезде Благословенного, так... одним словом, всё, что бывает в святые моменты, было так свято, что я стоял-стоял в церкви и потом позабылся, потонул в картинах. И представилась мне весна, ранняя-ранняя, когда солнышко чуть целует. Берёзовые рощицы замирали в порывах радости, миленькие листочки по цвету напоминали жёлтых смешных гусенят; ветви сквозили лазурью весны. Крупными каплями жемчуга ложились на атласной коже берёзовых телец круглые пятна свету. Мы с Сергеем Семёновичем <Троицким> шли гуськом по рощичной стёжке, оба в белых облачениях — из грубого, снежно-серебрящегося полотна, такого грубого, что отдельные сплетения нитей шелковились жемчужинами, мерцали загадочной улыбкой спокойствия. Сергей Семёнович шёл впереди; как священник он нёс развёрнутый антиминос из гранатно-красного бархата; он почти бежал своими широкими шагами. А — диакон его — я ковылял позади, нагруженный какими-то церковными принадлежностями; в правой руке была струя расплавленного серебра — ослепительно белая кадилница и нежное опалесцирующее облако — облако голубого фимиама расходилось от неё волнистыми струями. Мы шли, пробираясь по опушке, где виднелся какой-то не то камень, не то столб из дёрна. Зелень луга была такой свежей, такой ярко, ослепительно изумрудной, столько сочности было во всём, что хотелось выжать глазами алмазные и хризолитовые струи, потонуть в ласковой зелёности. Крупными дрожащими шариками были осыпаны травинки; весь луг был иссечён радужными пучками; тысячами оттенков вспыхивали и загорались трепещущие, как живые, бриллианты. А где-то далеко за мною серебрились переклики ребятишек в золотых венчиках: янтарные и медовые и льняные волосёнки их были взбиты и подняты, как лучи, порывами атласного ветерка — весеннего. Это были наши питомцы — Сергея Семёновича и мои, будущие «братья».

Вот мы вышли на прогалину, к сооружению, и вдали, на других концах её, показались Вы, Валентин Павлович <Свенцицкий> и Борис Николаевич <Бугаев>. Все вы шли по разным тропкам, из своих приходов в соседних деревнях. Все были в белых облачениях. Но не успели мы все собраться, как появились вдали ещё С. М. Соловьёв и Саша <Ельчанинов>, в бледно-серых, пепельных костюмах, в штатском; они вертели руками — о чём-то восторженно разговаривали. Это — все «братья» собирались послужить обедню. Я не знаю, что было далее, т. к. мне помешал кто-то внезапным разговором, и всё исчезло. Но *как-то* я узнал, что мы все часто собираемся из своих деревень для совместных обсуждений, для редакционных заседаний, для чтений. Узнал также (но только о себе, а о других ничего не знаю), что я довольно часто уходил из деревни странствовать и проповедовать «лето Господне благоприятное». А в вьюжные зимние вечера, когда бывали все в сборе для нашего заседания или когда собирались к нам ещё соседние мужики, то у нас неизменно откуда-то находилась белая лилия, цветущая, и только с одним атласным цветком.

Вот, милый Володя, что ещё *не* есть; а теперь к тому, что есть. Но давайте я буду просто рассказывать случаи. Выводы уж делайте сами.

На днях с Сергеем Семёновичем мы пошли пешком в скит, называемый «Параклитом»¹, именно для целей, соответствующих этому названию. <...> В «Параклите» мы провели несколько дней, причём большую часть суток (дня и ночи) — в подземной церкви. Службы долгие, но после них — как восковой: гибкий весь и усмирённый, а Вы знаете, как это мне необходимо. Время прошло очень хорошо, особенно когда можно было вместе молиться, не в церкви, а на дому. Этого я никогда не забуду; Вы помните, дорогой Володя, сколько раз я Вам указывал на необходимость теургизма, на его настоятельную необходимость для меня. Тут — начало его, маленькое начало, во многом неудачное (т. к. я не умею читать по-славянски и делал комические ошибки). Но даже при этих условиях, когда мне читал молитвы по большой писанной Псалтири Сергей Семёнович (прочитывать их полагается по уставу), то я окончательно убедился в необходимости именно *совместной* молитвы, и думаю, что она качественно отлична от индивидуальной, почему и последняя тоже нужна. Конечно, я ничего не могу сказать, как и что переживает Сергей Семёнович; но, когда мы причастились, тогда стало ясным, что я навек соединён с ним связью, которой не может порвать ничто эмпирическое. Пусть (делаю дикцию, сейчас непредставимую!) возникнут непоправимые недоразумения, но эта связь, помимо желаний, останется нерушимой, хотя никаких слов не было сказано, да и не будет. К чему? В силу такого единства со мною он соединён со всеми нами. Мы вынули «во здравие» Вас, Свенцицкого, Бориса Николаевича и С. Соловьёва просфору, которую за такую объединённость в одном хлебце многих лиц назвали «коллективной», и раздадим кусочки от неё всем, кроме Вас, т. к. трудно прислать кусок. Но мы повторим это самое в иной раз и тогда пришлём Вам просфору целиком.

Это — не личное; а что до личного, моего, то Сергея Семёновича я полюбил от *всей* души и уверен, что ещё больше полюбите Вы, тем более что во многом он близко подходит по направлению к Вам — во многом, но не во всём, конечно; это к моему удовольствию, т. к. я предпочитаю иметь всего по unicum'у, и за числом не гонюсь, и иметь Володю № 2, раз имеется № 1, мне нет надобности.

Вы спрашиваете о Свенцицком и других. К сожалению, я его вижу (особенно его) очень мало; изредка бываю в Москве, на заседаниях; но там мы заняты другим, а после как-то всегда и мне, и ему приходится торопиться. Борис Николаевич одно время был сильно измучен, но теперь как будто проходит; то же до известной степени с Соловьёвым. От Саши я получил одно, очень сильное письмо, но после того — ни слова. Не знаю, что это он не пишет; правда, что и я не пишу, но, Володя, у меня нет времени ни для чего, хотя я о многом думаю. Богу будет угодно — так *сразу* напишу сочинения для журнала, а теперь всё-таки хоть чуть-чуть, но работаю — успешно или нет, не знаю, да и мне, быть может, не следует знать. Что же касается редакционных дел вообще, то можно сказать следующее: Борис Николаев<ич> читал мне

свою 4-ю Симфонию — 3 части, а 4-я только набросана. Я в восторге, хотя на ней — налёт болезненности и отразилась его измученность. Кое-что читал и <С. М.> Соловьёв — одарён. Затем Сергей Семёнович знает много о расколе как теоретически, так, по преимуществу, практически, и прослеживает на новейших раскольниках, с которыми много беседует и спорит, «процесс выработки русского протестантизма». Я думаю, что он может доставить для журнала очень много ценного, и притом именно такого, чего у нас не хватает, — практического, конкретного знакомства с вопросом. Кроме того, он знает крестьянский быт и тут опять-таки может дать необходимое для журнала. Вячеслава Иванова я постараюсь повидать, но не знаю, удобно ли явиться к нему самому, да и адреса его у меня нету. <...>

Пусть Новорождённый хранит Вас!

In Co frat<er> Minimus.

¹ Скит в 8-ми верстах от Троице-Сергиевой лавры. *Параклит* (*гр.*) — утешитель, именование Св. Духа.

104. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<31.12.1904. Женева — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Сейчас получил ваше письмо. Прочёл раз — что-то конулось меня, но очень смутно. Я помолился — прочёл ещё раз и ещё раз вслух, и точно с усилием и нехотя раздвинулось и ушло всё задерживающее, и всё, что вы пишете, стало так близко, дорого и понятно. Страшно хочется обнять вас и как-нибудь выразить чувство глубокой любви к вам, и такой спокойной радости о вас. Мне так хорошо от вашего письма. Слышатся и чудятся в нём голоса и призывы, которые влекут меня к себе всё сильнее и сильнее. Странно! Как отлично по содержанию и форме всё, что пришлось и приходится переживать мне, — от того, что переживаете вы; и вместе с тем, читая ваше письмо, мне казалось, что всё это я пережил вместе с вами. Точно Господь дал нам каждому разную работу, разные муки и радости, а глазами позволил пользоваться сообща. Да, разными тропками идём на одну полянку. Поскорее бы придти и начать. Ах, Павлуша дорогой, страшно это сказать — страшно от радости, — но чувствуется, что Господь со всеми, всех ведёт таинственным шествием в горние селения. Господь и с нами и нас тоже ведёт Своими путями. Дивно, радостно и блаженно становится, когда видишь Его руку. Так верится теперь, что Господь был с нами, когда мы собрались тогда в вашей комнате поговорить о совместной работе. Как нежны и малы были мои мысли, когда мы в первый раз робко, стесняясь и таясь, стали говорить об этом. И как теперь всё стало расти и полниться. Точно в душу тогда был брошен новый росток, привитый Самим Виноградарем, и уже эмпирическое не имеет над ним власти. Но мне нужно много, много работать и страдать, чтобы росток рос и не заглошался.

Павлуша милый, не забывайте меня письмами. Они для меня очень важны и нужны. Господь с вами! Я вечером всегда молюсь, чтоб вам было хорошо. Целую вас крепко. Передайте глубокий привет всем и Сергею Семёновичу.

Любящий вас В. Эрн.

Р. С. Ивановы ещё не уехали. Уедут 3-4-го, это уже, кажется, окончательно. Я их узнал ещё ближе и полюбил их ещё больше. Он, наверное, поедет к вам в Лавру. Люся здорова, много работает, мы подружились и видимся часто.

105. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<13.01.1905. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Мне очень было приятно получить от тебя известия через этого студента, а писать мне хотелось тебе, но писать, когда погружён в самые глупые, обыденные переживания, к тому же писать тебе — прямо не могу.

Эти ужасы, которые происходили здесь¹, немного встряхнули меня. Я не хочу жаловаться, но чтобы ты знал, скажу тебе, что работаю я мало и без всякого увлечения, и не оттого, что у меня нет сил, нет интересов, а оттого, что я не вижу окончательного смысла всех тех дел, которые я могу делать. Я люблю и увлекаюсь всяким делом, за какое берусь, всё равно, столярное ли это ремесло, метафизика, пропаганда, и пока я не думаю, я живу этим, но стоит мне оглядеться, и руки опускаются. Не думай, что я ною, жалуясь, — у меня есть надежда, но мне до слёз жаль моих сил, которые, я уверен, росли бы в работе, а теперь гибнут без пользы.

Конечно, виноват и я, недостаток устойчивого внимания, воли, энергии мысли...

Напиши мне что-ниб<удь> утешительное, докажи мне, что всякий ищущий находит.

Всё, довольно о себе.

Пиши мне, когда найдёшь время, как ты живёшь; так приятно и утешительно смотреть на человека, нашедшего, что искал: это даёт надежду и другим. Я ничего не знаю об Эрне. Мне не хочется затруднять тебя, но все сведения о твоих друзьях для меня драгоценны.

Не приедешь ли ты в Питер? Мне так бы хотелось, чтобы ты увидел моих детей.

Ну, прощай. Твой С.

Ты знаешь, что моё безделье так мне надоело, что я готов нырнуть в «политику», как выражается Маня <Худадова>, которая, кстати, здесь и чувствует себя, как рыба в воде; даже помолодела.

¹ *Кровавое воскресенье* — 9 января 1905 г. в Петербурге крестный ход православного народа к царю с требованием установить жизнь в стране согласно с Божескими зако-

нами расстрелян по приказанию великих князей при попустительстве самодержца (более тысячи убитых и раненых). «Неслыханное от времён Грозного злодеяние» (С-II. 18); «Вернулись времена безбожного царя Иоанна» (Ф-Вк).

106. В. Ф. Эрн — В. И. Иванову

<23.01.1905. Женева>

Дорогие, любимые Лидия Дмитриевна и Вячеслав Иванович!

До свиданья. Я не могу оставаться, еду в Россию. Там люди сейчас слишком нужны. Не успел к вам зайти потому, что нужно спешить. Благослови вас Бог за всё, что вы сделали для меня.

Христос с вами!

¹ Вероятнее всего, спешность отъезда из Швейцарии объясняется получением письма от Свенцицкого. Ср.: «Он приехал в Россию, не в силах выносить за границей всех ужасов здешней жизни, в бездействии, не принимая в ней никакого участия. Он едва доехал до Москвы, как в бреду, тоскуя в вагоне три дня, и только приехал, сейчас же бросился ко мне...» (С-I. 93).

107. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<27.01.1905. Сергиевский Посад — Тифлис>

Дорогая мамочка! <...>

Сюда (в Москву) приехал Эрн, но до сих пор я виделся с ним всего только один раз, да и то при стольких свидетелях (всевозможных знакомых), что поговорить не удалось. <...>

Ты упрекаешь меня, мамочка, что я остаюсь в пустоте и со всеми разрываю. Это не так, и я сохраняю к тем, с кем не имею почему-либо личных столкновений, самые лучшие чувства. Но что же я буду делать, когда моё развитие неудержимо идёт вперёд (с твоей точки зрения — назад), когда каждый новый шаг излагает и новые обязанности, и новую работу, и когда те, с кем я был близок на известной ступени развития, остаются на старом и потому перестают понимать, чего мне нужно и какую новую сторону в мировоззрении я вновь нашёл. Для меня старое не откидывается, не выбрасывается за окно, а вечно сохраняется и утилизируется; но моё новое для близких моих всегда звучит странно. Сказано про истину: «Не мир, а меч принёс я на землю». И истина была вечным мечом. Этим я вовсе не хочу сказать, что один в истине, другой — во лжи и в заблуждении. Совсем нет, но то, что когда в сознании появляется новая сторона истины, то вместе с тем происходит... но по отношению к тем, которые этого момента не воспринимают, хотя бы они зато знали нечто другое, может, ещё более важное.

Если рассматривать историю ересей, то всегда оказывается, что еретики были в известном смысле правы, но ещё правее была католическая Церковь. И, помимо чьего-нибудь желания, происходила трещина. То же и в науке, то же и в общественной жизни. Думаю, что такова трагическая необходимость, рок всякого развития, всякой жизни, куда действительность не получила существенно новых свойств, пока не настанет преобразование всей природы, качественное, принципиальное — после которого в новом строе сгладятся все противоречия внутренние и внешние, исчезнут все раздоры и все недоумения, сами собою отпадут недоуменные вопросы и разлад действительности, лежащий глубоко внутри её, не прекратится и не прекратит тем трагичности развития. А до тех пор я могу, должен работать для этого всех ждущего порядка, думать и жить не случайными и мимо идущими явлениями, как таковыми, а лишь постольку, поскольку я в них усматриваю средство для водворения «новой земли», поскольку они готовят почву для нового, но не просто нового, послеидущего порядка, а нового принципиально, совсем другого. Есть уверенности бесконечно более крепкие, доказательства неизмеримо более твёрдые, чем все рациональные научные доказательства и уверенности. Это непосредственное переживание. Ничего не говорю дурного или непочтительного о других, более слабых доказательствах, касающихся, к тому же, совсем иных слоёв действительности. Но я не могу не думать и не хочу не работать над тем, что самое достоверное — над грядущим воскресением, которое так непонятно и дико звучит для неверующего в него.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Твой П.

108. А. БЕЛЫЙ. РАКУРС К ДНЕВНИКУ

<Конец января 1905>

Появление в Петербурге Эрнэ и Свенцицкого. Обсуждение обращения «к епископам», написанного Свенцицким¹ (у Мережковских). Выработка «радикальной» религиозной платформы у Волжского. Дебаты со Свенцицким и Эрнэ у Перцова (участвуют: Мережковский, Гиппиус, Перцов, Философов, Тернавцев, я, Свенцицкий, Эрнэ, Карташёв)². Обсуждение плана действий «Христианского братства борьбы» (я, Свенцицкий, Эрнэ).

¹ В воззвании «указывалось на необходимость немедленно, не дожидаясь, когда надвигающаяся буря стихийно охватит всю русскую жизнь, написать *окружное послание* в защиту всех справедливых христианских требований, выдвинутых освободительным движением, и тем встать впереди движения, сделать его христианским, сведя на нет силы революции». Примерно 27 января друзья прочли его еп. Антонию (Флоренсову). «На резко и прямо поставленный вопрос, что молчать в настоящую минуту, не обличать безумную власть, забывшую Христа и в своих зверствах ко-

шунственно прикрывающуюся авторитетом Церкви, — равносильно отречению от Христа, он с видимой внутренней борьбой сказал: „Да, это отречение от Христа... потому что я слаб, я связан, я связан какими-то цепями, как связана вся Церковь“» (С-II. 42–44; С-I. 97–106).

² Встреча состоялась в последних числах января 1905 г. в «Пале-Рояле» (Пушкинская ул., д. 20), где П. П. Перцов снимал квартиру.

«Прочли воззвание. Мережковский стал говорить. Горячо, сильно, я бы сказал, вдохновенно. Но слишком громко. По тогдашним временам (дело происходило в меблированных комнатах) при открытых дверях говорить о свержении самодержавия было небезопасно — и З. Н. Гиппиус предусмотрительно сказала: „Надо говорить потише!“ — „Я не могу говорить иначе!.. Закройте дверь, если это нужно“. Владимир Францевич говорил после Мережковского. Тихо. Не возвышая голоса. Но, когда он кончил, я видел, что Розанов и Тернавцев смотрят на него не спуская глаз, и я прочёл в них один и тот же вопрос: „Неужели можно в наше время так искренно верить в чудо?“ Розанов обзвизгивая: „Никто вас не послушает — скажут, молокососы приехали учить епископов“. А Тернавцев (чиновник особых поручений при Св. Синоде) с недоброй улыбкой сказал: „Нет, эти чудеса не для нас. Мы тяжёлые птицы. Сели — и отдыхаем. Нам не хочется лететь дальше. Попробуйте — вы помоложе. Не хотите ли, я вам устрою свидание с Саблером?“ — с явной иронией закончил он. Мережковский вспылел: „Люди приехали с святым делом, им надо, чтобы их услышала Церковь, — а вы лезете с Саблером!..“» (С-IV. 601–602). Воспоминания Свенцицкого см. также в Приложении 1.

«Розанов, нагло помалкивая и блистая очками, коленкой плясал; он осведомился пренебрежительно: „Свенцицкий... Поляк вы? Эрн — немец?“ — „По происхождению — да“. — „Поляк с немцем“. И выплюнул: по отношению к Синоду: „Навозная куча была и осталась; раскапывать — вонь подымать; навоняет в нос всем... И только...“ Проект... со всех позиций разобранный, был отклонён... как героизм совершенно бесцельный и вредный, срывающий подготовку к борьбе» (*Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 494–495). Встречу описал и Карташёв: «Всё было затушёвано шумным переходом к русскому чаю. И вся затея была забыта» (Православная мысль. 1951. Вып. 8. С. 50).

«Мы шли... от Д. С. Мережковского; у Литейного моста Свенцицкий остановился и стал развивать мне впервые возникающую в нём идею о Христианском братстве борьбы... Я шёл к Блоку. Свенцицкий пошёл машинально со мною, охваченный мыслями о новом братстве; так он попал к Блоку; и всем нам мешал; он сидел, теребя свою бороду; и обдумывал путь к осуществлению братства» (*Белый А.* Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 171). Уезжали друзья в Москву «не с подорванной верой, а с твёрдым сознанием неизбежности долгой и упорной борьбы» (С-IV. 602).

109. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<02.02.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Милый друг! Бугаев до сих пор не приезжал¹, — с «мими»...² опять канитель. Хлопочу с утра до вечера. Решил не приезжать. Из Петербурга приедут 5-го, 4-го я буду в Сергиеве. Не «всем» нам незачем видеться. Может быть,

Вы даже найдёте нужным все приехать сюда, вместо того чтобы ехать мне. Тогда телеграфируйте, чтобы не разъехаться.

Вал. Свенцицкий.

¹ Бугаев вернулся в Москву из Петербурга 5 февраля 1905 г.

² Мимеограф.

110. Б. Н. БУГАЕВ — А. А. БЛОКУ

<07.02.1905. Москва — С.-Петербург>

<...> Был у Котляревского, говорил о революции; виделся с Эрном, Свенцицким, едем в Троицу, где сходками всех студентов руководит... Петровский, который стал писать прокламации!!!!!! <...>

111. Б. Н. БУГАЕВ — А. А. БЛОКУ

<Февраль 1905. Москва — С.-Петербург>

<...> Наконец из Петербурга приехал зуборог Волжский¹ с охапкой религиозной общественности, и прошёл караван, мяся песок, — Флоренский, Свенцицкий, Эрн, Сыроечковский и др.

Я было изготавил ананас², чтоб пустить в небо, но Свенцицкий ласково прибрал ананас, сказав, что мы в своё время его скушаем, как десерт, а пока нужно устраивать зверинцы и экспонировать приехавшего зуборога. С утра сегодня пишу записки — приглашаю на зрелище³. Душою рвусь к Вам. Милый, не забывай.

Твой бесконечно любящий Боря.

¹ *Глинка* Александр Сергеевич (псевд. Волжский; 1878—1940) — литературный критик, публицист, в 1898 г. поступил на юридический факультет ИМУ, в 1901 г. за участие в студенческом движении выслан в Симбирск, участник ХББ.

² Ср. стихотворение А. Белого «На горах» (1903): «В небеса запустил ананасом».

³ «Мы каждую среду встречались у Астрова; на собраниях оказывалось всё больше народа; образовалось в те дни Христианское братство борьбы, под руководством Свенцицкого... помню, зашедший ко мне А. С. Волжский, шагая растерянно и сутуло по комнате, встряхивал пышной копною волос и посматривал на меня детски-добрыми, голубыми глазами: „Что ж, может быть и они низведут огонь с неба?“ „Они“ — В. Ф. Эрн и Свенцицкий» (*Белый А.* Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 174).

112. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<15.02.1905. С.-Петербург — Киев>

Дорогой Пётр Павлович!

Вчера совершилось важное событие, могущее отразиться большими последствиями. Мы были у митрополита в количестве 21 человека¹. <...>

«Свободны ли мы, члены господствующей Церкви?»

— Мы не свободны. Синод наш — раб светской власти. По существующему узаконению — фактически подтверждаемому, — постановления наших иерархов, не доложенные государю обер-прокурором, остаются недействительными. Наш оглаворяющий ц<ерковный> иерарх не имеет права доступа пред государём. Такое ужасное положение центрального церк<овного> управления отражается тяжело на всей церковной жизни. Чего ни коснись, во всё мы должны озираться на Литейный, где живёт о<бер>-пр<окурор> и его товарищ.

В Комитете министров нашу Церковь представляет не лицо священника, а мундир. И ныне, когда все винты нашей государственной жизни развинтились и когда мы накануне коренной реформы нашей госуд<арственной> жизни, мысль наша — о Церкви и её реформе. Кто же скажет о них? Просим Собора всероссийского. Пусть идея соборности прежде всего найдёт место там, где она издавна имела его...

М<итрополит> соглашается, хотя делает поправку: «Чем нас стесняет такой порядок?» (как-то иначе выразился).

Вступаю я:

— Нас обвиняют, и справедливо, в постоянной лжи, ибо мы говорим только и должны говорить однобокую правду. Возьмём существенный вопрос об отношении самодержавия и православия. Мы убеждены, что священник должен стоять выше политических партий. Мы убеждены в ложности положения, высказанного в адресе Рус<ского> собр<ания>, «о неразрывной святине самодержавия и православия». Зачем же нас заставляют говорить об особой святости самодержавия?

— Кто же Вас заставляет?

— Владыко! Ведь самодержавие у вас возведено на степень религиозной догмы. Позвольте развить далее мысль <...> о Соборе. Великую рану нашей Церкви составляет разрыв иерархов с иереями и мирянами. Епископы наши в деле управления церковного совершенно игнорируют нас. Разрыв этот простирается и на мирян. Просим Собора, но такого, какой был в Древней Церкви, где бы представлялась вся Церковь...

Далее нарушился порядок лицами, не бывшими на предварительном собрании. Перешли к синодальному посланию². М<итрополит> просит откровенного мнения. Говорю от лица всех отрицательное мнение: 1) это ссылка на англо-японские деньги.

— Но, о. К<онстантин>, ведь они же получали деньги.

— Получали, но из кассы социал-демократов.

2) Ни слова утешения и сожаления рабочим. Тут та же однобокая правда...

<...> М<итрополит> говорит очень откровенно и совершенно по-братски:
— В предстоящих занятиях особых совещаний предстоит рассуждение о реформе церкви. Я буду там. И благодаря Вам многие вопросы шире и иначе освещаются у меня. Спасибо. Я совершенно благословляю Ваши собрания... Нам нужно организовать. Я прошу, хотя раз в месяц, собираться у меня для такой же совершенно откровенной беседы. <...> Нам нужно организовать свою пастырскую кассу взаимопомощи, свой суд чести.

Точно он слышал наши мечты. <...>

¹ Описана судьбоносная беседа петербургских священников с митр. Антонием (Вадковским). Свенцицкий и Эрн действовали независимо, но в полном единомыслии с «группой 32-х».

² В Послании Св. Синода от 14 января 1905 г. люди русские, «подкупленные иноземными врагами отечества», обвинялись в том, что «решились скопом и насилем добиваться своих будто бы поправленных прав... многих оставили без куска хлеба, а иных из своих собратий привели к напрасной смерти», чем причинили «тяжкое горе Венценосному Вождю», который «неусыпно заботится об облегчении тяжкой их доли». Ср.: «Святейший синод издал своё знаменитое послание, повторивши клевету о подкупе русских рабочих. Воззвание, с циничной откровенностью обнаружившее, до какого полицейско-охранительного состояния дошла видимая историческая Церковь или, точнее, её высшие представители... Клевета эта была... потом официально опровергнута русским правительством, но Синод не смущаясь снова подтвердил эту ложь и разослал по всем церквам для прочтения» (С-И. 45, 587).

113. ХББ — Народу¹

<16.02.1905. Москва>

Православные христиане! Синод обратился к вам с увещанием не заводить в государстве смуты, не быть заодно с внутренними врагами и тем не служить японцам. Не таких слов ждали все истинно-православные люди в настоящее тяжёлое время. Кому неизвестно, какие грабительства и притеснения творят царские слуги. Они и ослабили Русскую землю, потому что измучили народ². А когда петербургские рабочие, с пением «Отче наш», шли умолять царя выслушать об их нуждах, в них стали стрелять солдаты <...> И после этого Синод, забыв истинную Апостольскую Церковь, увещевает вас, а не тех, кто довёл вас до крайности, кто губит Русскую землю и зверски убивает наших братьев. В такие минуты все ждали, что Церковь возвысит свой голос против обезумевшей власти, забывшей, что Царь всех царей — Господь и что царская власть ниже воли Господней³ <...>

Православные христиане! Перед вторым пришествием, по слову Божию, «мерзость и запустение станет на святом месте», т. е. большая часть Церкви христианской предастся в руки Антихриста⁴. Воззвание Синода, поддерживающее мучителей христианского народа, свидетельствует, что время близко!⁵

Так не искушайтесь же воззванием Синода, ибо на нём явная печать Антихриста!

¹ «Необходимо было распространить в народе, особенно в городском, наиболее восприимчивом населении, ответ на воззвание Синода. Одним из наилучших средств для распространения этого ответа члены Братства сочли расклейку воззваний на улицах. Воззвание было написано, город разделён на 10 участков. Ночью члены Братства отправились развешивать его по улицам. На листках воззвания стоял большой чёрный крест... Во время развески никто из Братства задержан не был. На некоторых улицах воззвания провисели до следующего дня, и около них всё время толпился народ» (С-И. 45–46).

17 февраля 1905 г. пристав 1-го уч. Мещанской части препроводил в Московское охранное отделение экземпляр воззвания, «обнаруженный наклеенным в 3 часа ночи на фасаде дома Рождественского монастыря по 4-й Мещанской улице». В этот день листовку находили приставы по всей Москве: на телефонном столбе по Красноказарменной ул. напротив Московского военного училища (3 уч. Лефортовской ч.); на заборе владения Лиснера по Кузнецкой ул. (1 уч. Пятницкой ч.); в 6 ч. 20 минут на заборе владения Генералова по Лялину пер. (2 уч. Яузской ч.); на ограде храма Вознесения по Вознесенской ул. и стене д. Озеровой по Гороховской ул. (1 уч. Басманной ч.); в 5 утра в Болвановском пер. на заборе д. Бахрушина и на заборе владения Трофимова по Шлюзовой наб. (2 уч. Пятницкой ч.); на Шаболовке и М. Серпуховской (2 уч. Якиманской ч.); в 8 утра на воротах д. Герасимова по Александровской ул. (3 уч. Сушёвской ч.); на ограде храма свт. Николая в Кузнецком пер.; на улицах Сушёвской и 3-й Мещанской (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 30, т. 4 (1). Л. 18–75). Документы опровергают подхваченную Е. В. Ивановой клевету мемуариста: «Клеили где придётся, — где меньше было риска быть захваченными... в укромных местах» (*Вишняк М.* Дань прошлому. Н.-Й., 1954. С. 99).

² Ср.: «Причина переживаемой нами смуты заключается не в ослаблении государственного начала, а наоборот, в чрезмерном развитии этого начала и в запоздании с его стороны уступок в пользу законных требований начал личного и общественного» (*Завитневич В.* О восстановлении соборности в Русской Церкви // Церковный вестник. 1905. № 14).

³ «При охватившем теперь всех смятении умов от страшных и грозных в жизни страны явлений... невольно взор общества обратился туда, откуда издавна Русь привыкла ожидать и получать утешение, вразумление, успокоение... Разумею голос церкви Божией в лице церковных учителей и молитвенников-пастырей... Но они молчали...» (*Феодор (Поздеевский)*, сщмч. Служба Богу и России. Статьи и речи 1904–1907 годов. М., 2002. С. 109). «Архипастыри наши молчат, будто не их дело обличать виновных детей Церкви, раз только они сильны... Они забыли тело Христово, если терпят общение с Церковью со стороны убийц-начальников, не желающих знать ни Бога, ни справедливости, если не налагают эпитимии на убийц-подчинённых, выслуживающихся пред теми. Да, пастыри забыли своё дело, если не призывают всех к покаянию, если не заставляют покаяться устраивающих бойни, если позволяют кровавым губам насильников касаться св. Причастия» (*Ф-Вк*). «Ни один священник не произнёс в церкви проповеди, откровенно направленной против террора правительства, ни один не отказал убийцам и палачам в причастии» (*Эри В.* Пастырь нового типа. М., 1907. С. 4). «Церковь должна властно и дерзновенно возвысить свой голос

и призвать сынов своих к покаянию. ...Обязана немедленно же наложить покаяние... на всех тех, проливавших кровь, кто именует себя христианами. Если же покаяние они отвергнут — отлучить от Церкви» (С-II. 68).

⁴ Духовный отец Свенцицкого прп. Анатолий (Потапов) Оптинский на вопрос: «Скажите, батюшка, в чём вы видите главную причину того, что возрождение православной Церкви так плохо подвигается вперёд?» ответил: «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи» (*Марцинковский В.* Записки верующего. Новосибирск, 1994. С. 39).

⁵ «Не понять тех сил, которые двигали рабочими... позорно оклеветать великое освободительное движение, по силе самопожертвования и по громадности значения которому не было равного в мире, — это было каплей, которая, казалось, должна была переполнить чашу гнева Господня. Вавилонская блудница открыто готова была воссесть на престоле и творить мерзости до срока... Разве не победа врат адовых над Церковью — наш „святейший“ Синод, наши холопствующие архиереи, разъезжающие в каретах на четверне и призывающие к погромам? Разве не дух ада вдохновляет всех этих пастырей и архипастырей, защитников смертной казни... с крестом сопутствующих на виселицу! ...Вся эта святая, невинная, братская кровь — позорным пятном ляжет на их христианскую совесть... Это с вас, с вас взыщется вся кровь, которой вы залили Русскую землю» (С-II. 45, 92–93, 282, 291). «Смотрите, чтобы не сбылись над нами слова Господа Иисуса: „Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле“» (Ф-Вк). Предсказанное участниками ХББ сбылось, и через 12 лет явился коммунизм — воистину бич Божий, и Церковь обогрилась кровью мучеников: «Воздайте ей так, как и она воздала вам, и вдвое воздайте ей по делам её... Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мучений и горестей. ...И будет сожжена огнём, потому что силён Господь Бог, судящий её... Возгорится гнев Господа на народ Его... и поднимет Господь Саваоф бич на него... и когда пойдёт всепоражающий бич, вы будете попрыганы» (Отк. 18, 6–8; Ис. 5, 25; 10, 26).

114. С. М. Соловьёв — А. А. Блоку

<24.02.1905. Москва — С.-Петербург>

<...> Сейчас у Астрова¹ произошёл ужасный разговор. Большая свора христиан (Боря, Астров, я, В. Ф. Эрн) затравливала одного демониста (Л. Л. Кобылинского²) и затравила, доказав ему его... нелогичность. Особенно хорошо говорил Эрн: сильно, строго, мистически. Я поражался, до чего каждое его слово выражало мою мысль. Кобылинский напал на плоть, Эрн возвеличивал её. Когда демонист был окончательно затравлен, мы пошли с Эрном и во всём соглашались. Но в результате он стал отстаивать *интенсивность* (sic) *плотской жизни*, восставая на *сладоэрастие* (sic) как на грех. Тогда я почувствовал желание бежать за врагом плоти и броситься ему на шею. <...> Пойми, что вреднее этого трудно себе что-нибудь представить, ибо они тормозят торжество религии святого сладоэрастия, которое я исповедую³ <...>

¹ *Астров* Павел Иванович (1866—1919) — юрист, публицист; с 1904 г. в его доме в Москве по средам проходили заседания религиозно-философского кружка.

² *Кобылинский* Лев Львович (псевд. Эллис; 1879—1947) — поэт, переводчик, теоретик символизма. Окончил юридический факультет ИМУ (1902), один из организаторов кружка «Аргонавты» (1903) и издательства «Мусажет» (1910).

³ 14 мая 1905 г. С. М. Соловьёв заявлял: «Эрна и Свенцицкого определённо не хочу и верую не по-ихнему и знаю, что отец мой тоже верил не по-ихнему». И в этом был совершенно прав, как и в противопоставлении «Брюсовских чертей и Свенцицких ангелов» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1981. С. 395, 397).

115. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<08.03.1905. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Получил твою открытку только позавчера. Мы вчера переехали и теперешний наш адрес такой: угол Пречистенки и Еропкинского пер., д. Сорокиной, кв. 15.

Очень прошу тебя: непременно побывай, когда будешь проезжать через Москву¹. Очень хочется с тобой поговорить и, если можно, дать поручение на Кавказ да и несколько утилизировать твои литературные силы. Между прочим, не можешь ли ты найти след «псевдосоловьёвца» Турчанинова? Он как будто был бы подходящим человеком. Дела наши идут. Мы работаем. Когда будешь ехать, дай наперёд знать открыткой.

¹ Ельчанинов встретился с друзьями, судя по тому, что перед отъездом из Москвы 13 марта 1905 г. в письме пояснял Флоренскому: «Вход с Пречистенки через писчебумажный магазин» (Архив семьи Флоренских).

116. П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну

<19.03.1905. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя!

1) У меня в руках письма некоего диакона, повествующего о преследованиях его за обличение весьма скандальных вещей. Могу дать для напечатания (это интересно) каким хотите способом. Желаете? Но подлинники прислать не могу, т. к. может пропасть. Не знаю только, когда смогу переписать. Думаю, что для Вас они важны. 2) Могу дать для печати письмо о. Серапиона (которое Вы читали)¹, но хотелось бы присоединить ещё кое-какие документы и биографию. Хотите?

Попросите Свенцицкого одолжить мне нужные для работы книги: 1) *Виндельбанд*: История философии, пер. Рудина и 2) *Виндельбанд*, История новой

философии. Если <не> можете доставить с кем-нибудь, <...> пришлите хоть бандеролью, пожалуйста.

У меня много было всякого горя. В числе других обстоятельств смерть отца Серапиона.

Ваш П. Ф.

¹ *Серапион* (Машкин; 1854—1905), архим. — богослов, окончил МДА (1896), настоятель Знаменского монастыря в Москве (1897—1900), уволен на покой с пребыванием в Оптиной пустыни; автор труда «Опыт системы христианской философии», где неоднократно упоминается В. Виндельбанд. Флоренский издал его биографию (*Ф-I*. 205—249) и письма (Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 174—220), использовал идеи в работе «Столп и утверждение Истины».

117. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<21.03.1905. Сергиевский Посад — Тифлис>

Дорогая мамочка!

<...> Занятия в академии возобновились и экзамены, по-видимому, будут, но мы думаем послать в Синод петицию относительно церковных и школьных реформ. Ходят слухи, что скоро будет учреждено патриаршество и собран поместный Собор. Первое, однако, при современном положении дела едва ли желательно и будет переходом из огня в полымя, тем более что есть основания думать, что управление захватит в свои руки партия «антонианская» — сторонников и учеников Антония Волынского, односторонне понимающего интересы Церкви¹. Во многом она очень хороша, по крайней мере, в неё входят наиболее умные и светлые головы из русского монашества, но, как бы ни была хороша партия, раз она партия, то она тем самым изменяет духовной свободе и христианству и, значит, нежелательна, — в особенности же нежелательна в Церкви.

С нашим ректором я теперь разошёлся — не то чтобы поссорился, но просто отдалился от него, воспользовавшись отъездом. Дело в том, что во время наших беспорядков он проявил себя с таких сторон, которые, будучи вполне понятны и объяснимы психологически, по-моему, не оправдываются. От человека, от христианина, и тем более от епископа, я думаю, можно ждать иного, высоты духа. До поры до времени человеку нужно доверять вполне; но если он не хочет оправдывать доверия, то не остаётся ничего, как отойти, потому что тут уж ничего не поделаешь. Зато я всё ближе схожусь с некоторыми из студентов — отчасти, из профессоров. Троицкого, о котором я писал тебе, непременно постараюсь привезти к нам, да и он хочет, если только позволят обстоятельства. <...>

¹ *Антоний* (Храповицкий; 1863—1936), митр. — архиеп. Волынский и Житомирский (1902—1914), один из организаторов Союза русского народа (1905). Аггеев в письме от 22 марта 1905 г. предостерегал «от этого епископа, по мнению которого, Церковь — монашество» (ВРХД. 2010. № 197).

118. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<22.03.1905. С.-Петербург — Киев>

<...> Наш кружок ширится, но... заметно ухудшается: затесались люди, с нами ничего общего не имевшие; затесались, потому что наша взяла... В следующее воскресенье я говорю речь с просьбой постановить: только те могу быть *членами* кружка, кто подпишет приготовленные мною тезисы. Не подпишешь, ходи, слушай, но членом кружка не можешь быть. <...>

119. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<27.03.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Сегодня с Бугаевым и Соловьёвым были у Рачинского¹ по поводу «Религиозно-философского общества», о котором я вам говорил. Дело очень налаживается. Все относятся горячо и деятельно. Решили уже в четверг <30 марта> на этой неделе в 8 часов вечера устроить предварительное совещание у Рачинского. Будет несколько *священников*. Сообща и выясним, *как и что*. *Очень просим приехать на это совещание — вас и Алексея Сергеевича*. Это не моя личная просьба — а *всех*.

Совещание это важно. От него зависит, быть может, судьба всего дела. Пожалуйста, приезжайте — как-нибудь освободите этот вечер. Я буду очень вас ждать.

Всего доброго. Ваш В. Э.

¹ *Рачинский* Григорий Алексеевич (1859—1939) — публицист, редактор собраний сочинений Ф. Ницше и В. С. Соловьёва, с ноября 1907 г. председатель МРФО.

120. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<02.04.1905. С.-Петербург — Киев>

<...> Присоединяюсь и присоединяюсь всецело к твоему желанию: как бы спасти Церковь от Антония (Храповицкого). Мой личный пиетет к нему заменился противоположным чувством, и я порываю с ним и внутренние,

и внешние связи. <...> Я имею основание винить его прямо в цинизме: убеждённый (сам от него слышал в присутствии 10 чел<овек> у о. Рождественского за обедом) в том, что самодержавие не имеет никакого оправдания в религии, он бахвалится тем, что пишет по поручению Синода проповеди противоположного характера. Прибавь — всё более растущий отвратительный апломб... Все у него дураки поголовно. Любви — помину нет. И его участие в деле церковной реформы для нас — по крайней мере, некоторых — полезно тем, что заставляет прать...¹

Инцидент с Никольским печальный². Мы все очень высоко ставили его и совершенно солидарны с ним. Большое спасибо С. Н. Булгакову³. На днях он после сношения со мной устроил при редакции «Вопросов жизни» заседание литературно-философского общества по вопросу церковной реформы. Я привёл на заседание из своих 10 человек. Через одного знакомого пригласил Никольского. <...> Целый час тузили бедного Николая Константиновича, всё же виноватого, несмотря на прекрасные мысли статьи. На заседании были Мережковский, Розанов, Бердяев, Волжский-Глинка, Аскольдов, Лосский, Философов, Минский и др. Председательствовать просили С<ергея> Н<иколаевича>. <...>

Мы подробно изложили ход дела. Неправ Никольский: мы все подписались, а дополнительные подписи с возражениями — моя, например, — не напечатана в «Новом времени», неизвестно почему.

В числе резолюций совещания: если будет собор из одних епископов, он нами не признан будет, и мы по долгу своей совести будем протестовать против него всеми явными, т. е. с подписями — способами. Движение против монахократии растёт так, что с ним придётся считаться. Боюсь, чтобы не вышло чего похуже. Завтра собираемся для редактирования нашей записки о необходимости хотя бы не полноправного участия в Соборе пресвитеров и мирян. Предвидим, что митрополит не разрешит печатать. Наступает первый шаг открытой борьбы... Наступает испытание и для нашего кружка, теперь механически разросшегося. <...>

На всех нас заседание р<елигиозно>-ф<илософского> общества оставило самое хорошее впечатление, а наши светские оппоненты кричали: «Говорите так, как теперь, мы за вами пойдём». Положено собираться по крайней мере два раза в месяц. Хотели еженедельно. Мы завопили. В следующий четверг будет заседание. Были стенографистки, мы все единогласно на запрос сказали: просим и стенографировать, и печатать вполне откровенно, только по предварительном прочтении, чтобы была возможность исправить ошибки. Говорили ведь горячо. Помню, когда я заговорил, то стенографистка беспомощно остановилась, опустив руки...

Мне трудно писать тебе о своих взглядах на интеллигенцию. Но есть между ними верующие. Мы, несомненно, теперь страдаем за нашу дружбу с политическими врагами наших интеллигентов. Мы, несомненно, страдаем, далее, за наше церковное. <...> Что же удивляться, что теперь на нас вымещается так долго бывшее наше господство и гонение на свободу? Разве ты

этого не чувствовал всегда, не предвидел? Теперь, ввиду своих институтских дел я более, чем когда-либо, сознаю естественность вражды к нам: подлинно — посеешь ветер, пожнёшь бурю... Конечно, не отрицаю того, что много среди интеллигенции нигилизма, отрицаемого мною во имя религии всей душой. Но ведь сей факт теперь лишь вскрывается: будущее, каково бы оно ни было, снимает лишь маску, прикрывавшуюся полицией. Мне ли говорить тебе об этом?!

Верую, что с оживлением церковной жизни придут к нам многие, донны не чуждые нам. Какой реферат на заседании закатил нам Мережковский: «Записке 32-х, — говорил, — ничего ещё подобного не было: одна она среди массы всевозможных записок ставит вопрос, волнующий всех, на самую глубокую почву в родном нам направлении».

¹ Жать, давить, переть.

² *Никольский* Николай Константинович (1863—1936) — профессор кафедры русской церковной истории СПДА. В статье «Почему 32?» (Новое время. 1905. 28 марта. № 10439) предъявил «группе 32-х» претензии в сокрытии имён.

³ *Булгаков* Сергей Николаевич (1871—1944), прот. — окончил юридический факультет ИМУ в 1894 г., экстраординарный профессор Киевского политехнического института и приват-доцент Киевского университета св. Владимира с 1901 г., один из создателей и член совета «Союза освобождения», с 1905 г. председатель и с 1907 г. член совета МРФО, депутат II ГД, профессор Московского коммерческого института в 1906—1918 гг., доктор политической экономии, член Поместного Собора 1917—1918 гг., иерей с 1918 г., протоиерей с 1921 г., выслан из РСФСР в 1922 г., профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, создатель учения о Софии-Премудрости Божией, признанного ересью Архиерейским Собором РПЦЗ и Московской Патриархией.

121. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<02.04.1905. Москва — Тифлис>

Дорогой Саша! <...> После твоего отъезда у нас довольно много событий. 1) От Морозовой получили средства и будем получать. 2) Технически наконец устроились¹. 3) Во Владимире объявилась целая компания, которая просит приехать, чтобы устроить там отделение. 4) Совокупными силами Рачинский, Дух<овная> акад<емия> и наша компания открываем Рел<игиозно>-фил<ософское> общ<еств>во памяти Соловьёва — где выступим с целым рядом рефератов на общ<ественные> темы, — прения, широкий доступ публики. Уже есть духо<вен>ство, рабочие, радикалы и профессора. Пока всё на частных квартирах, а параллельно с этим пойдут хлопоты об официальном разрешении².

Всего доброго. Как у вас в Тифлисе, пожалуйста, напиши. Большой привет Флоренским, если их увидишь.

¹ Ср.: «На даче под Москвой была поставлена своя типография, в которой печатались воззвания. Первое из них было расклеено нами ночью по улицам Москвы — и надо было видеть лицо Францыча, когда он с свёртком прокламаций, банкой клея и кистью в кармане уходил на это опасное предприятие!» (С-IV. 601). «Эрн... рассказывал, как в студенческие годы в Москве он соединился с друзьями... Они наняли сарай, где работали и спали на дощатом полу с большими щелями. Там он страшно разболелся и нажил себе хронический нефрит» (Иванова Л. Воспоминания. М., 1992. С. 51).

² «Помимо назревшей потребности разобраться в тех теоретических вопросах религии и философии, которые имеют первостепенное значение для жизни, Общество задаётся целью удовлетворить ту растущую духовную жажду, которая связана с повышенным темпом нашей общественной и политической жизни за последние годы.

Любопытна история его возникновения. Своим зародышем оно имеет религиозно-философскую секцию студенческого общества, возникшего по инициативе покойного кн. С. Н. Трубецкого. Эта секция, оказавшись наиболее жизненной из всех остальных секций студ. общества, с большим оживлением работала в стенах университета 2 года. При этом бывало так, что заседания секции происходили почти *еженедельно*. Весною 1905 года (университет был уже закрыт) у группы лиц, составляющих ядро секции, явилась мысль выйти из тесных рамок студенческого кружка и организовать на широких началах Рел.-фил. общество. Эта мысль нашла живое сочувствие в тех кругах общества, которые были близки названной группе лиц; в несколько вечеров был составлен устав и немедленно же послан на утверждение; а пока устроено было первое неофициальное заседание нового Общества (с приглашёнными гостями), на котором В. Ф. Эрн прочёл реферат на тему „Христианское отношение к собственности“. После октябрьского манифеста Общество открылось явочным порядком. В одном заседании В. П. Свенцицкий прочёл реферат под названием „Христианское братство борьбы и его программа“, а в другом Д. Д. Галанин прочёл реферат под названием „Мирозозерцание русского народа до XVII в.“. Все три названных реферата вызвали оживлённейшие прения, которые были особенно интересны тем, что в них принимали участие, с одной стороны, духовенство, а с другой — представители крайних партий. Дальнейших заседаний не удалось устроить вследствие того, что явочным порядком собираться было уже нельзя, а утверждения устава всё ещё не получалось. Устав утвердили только в августе 1906 г., несколько времени шла подготовительная работа, и с ноября Общество открыло самую оживлённую деятельность» (Новое общество // Стрела. 1906. 20 ноября. № 1).

122. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<03.04.1905. Москва — Тифлис>

Дорогой Саша! Получил твою открытку. Спасибо. Вести приятные. Соколовскому¹ не поддавайся. Вот бы его обморочить! У нас дела пошли совсем не дурно. Изготовили несколько важных вещей и сейчас заняты их мультиплицированием посредством ми-ми и ти-ти². При первом удобном случае вышлем. У нас не совсем спокойно. Носятся слухи о готовящихся избиениях.

Многого ждут в мае. Мы, конечно, откликнемся, как сумеем. Всего самого доброго.

¹ *Соколовский* Николай Иванович (1883—1926) — придерживался социалистических взглядов, с 1904 г. состоял под надзором полиции, после окончания СПУ преподавал в Царскосельском реальном училище, с 1919 г. в эмиграции.

² Имеются в виду мимеограф и типографский станок.

123. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<05.04.1905. Сергиевский Посад — Тифлис>

Дорогая мамочка!

Всё это время опять пришлось суетиться и не заниматься ничем, а теперь зато надо будет усиленно писать семестровое сочинение. У нас опять были сходки и разговоры о церковной реформе, о Соборе и т. п. Между прочим послали за подписями 102-х человек небольшую статейку в «Слово». Пришлось кроме того устроить комиссию по выработке петиции о реформе духовных учебных заведений. Сидели мы более недели с утра до вечера, выработали целую программу, а всё это требует времени и сил, тем более что всякого почти приходится подтягивать или подталкивать; идти же вперёд с обзომ утомительно.

В Москве целая большая компания (наша и ещё другие лица) думает устроить публичные религиозно-философские собрания для обсуждения разных религиозных и общественных вопросов. Туда войдут, между прочим, некоторые профессора, потому что даже профессора заинтересовались вопросами религии, — не слишком, но всё-таки заинтересовались. Там принимают, между прочим, ближайшее участие Эрн, Андрей Белый, несколько священников, один старообрядческий священник, быть может, будут пастор и патер. В общем, Москва настроена очень бодро. Вспоминается афоризм митрополита Филарета: «Непокойный век умножает дела». Все оживились и если не дело делают, то, по крайней мере, шегутятся и имеют вид делающих дело. И то хорошо, если сравнить с недавней чеховщиной и осенним шлёпанием калошами по грязным лужам. <...> Летом надо работать, и в трёх направлениях: заниматься науками и писанием, действовать в нашем Обществе и, главное для меня, хорошенько ознакомиться с деревней русской, может быть, даже кое-что сделать. Поэтому приезжать домой на все каникулы совершенно невозможно, и я не знаю ещё, лучше ли приезжать весной или осенью.

В голове масса проектов всяких дел и сочинений, но когда всё это сделаешь? Время приходится тратить на совсем другое, и часто бывают дни, когда я не прочитываю ни одной строки, а когда прочитаю в день 1 час, то бываю доволен. Видела ли ты Ельчанинова? Он гостил у меня около суток, и мы немного походили по окрестностям. <...>

124. ХББ — ЕПИСКОПАМ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

<Апрель 1905. Москва>

Теперь заговорили о церковной реформе. Надеются на созыв Поместного Собора. Газеты говорят об этом как о вопросе решённом. У всех верующих начинает подыматься радостная уверенность, что близится час освобождения Русской Церкви от векового гнёта, час наступления истинно церковной жизни, которой у нас не было, к позору нашему, целые столетия. Мы глубоко чувствуем всю ответственность и важность предстоящего устройства русской церковной жизни на канонических основаниях и потому думаем, что удачно реформа может быть проведена лишь в том случае, если она будет действительно отвечать на назревшие нужды и запросы, для этого необходимо, чтобы последние обозначились и стали для всех ясными. Нужды и запросы духовенства ещё более или менее известны, но нужды и запросы мирян неизвестны почти совсем, потому что до сих пор в церковном беспорядке своём миряне в церковной жизни не имеют никакого голоса. О запросах мирян, об их главных ожиданиях от Собора мы и хотим сказать в этом послании. Мы просим внимательно выслушать нас и смотреть только на существо дела.

1. Прежде всего, мы просим освободить нашу религиозную совесть от страшного соблазна. В чём этот соблазн, видно из нижеследующего.

По определению закона, самодержавная власть неограниченна. «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный»¹. Это — выражение закона, и значит, смысл его обязателен для всякого подданного Российской империи. И значит, когда в самые торжественные минуты богослужения нас приглашают молиться за самодержавного царя, мы должны молиться за него как за неограниченного монарха. А между тем мы не только не можем молиться за неограниченного монарха, но решительно не можем просто его признавать, ибо такое признание есть явное *отступничество от Христа и продажа своей христианской свободы*. Почему — это видно из дальнейшего. Признавать по совести царя своим неограниченным государём — это значит признавать, что он может делать с признающим так *всё, что захочет* (ибо власть его неограниченна), может приказывать ему *всё, что хочет*, и он должен повиноваться *всякому* приказанию, каково бы оно ни было, согласно обещанию, ибо обещание дано было по совести². Значит, если царь прикажет поклониться идолу или совершить богохульство, то и тут признающий царя своим неограниченным государём должен будет повиноваться согласно обещанию. Вот яркая иллюстрация: дословный разговор с офицерами после событий 9-го января.

— И вы могли стрелять, зная, что рабочие ни в чём не виноваты?

— Мы не могли не стрелять, потому что дали присягу исполнять всякое приказание государя.

— Всякое?

— Да.

— И если бы царь приказал расстрелять какого-нибудь святого, положим Серафима Саровского (ведь приказал же самодержавный царь Иоанн Грозный задушить святого митрополита Филиппа), и вы бы заведомо знали, что это — святой, вы бы всё же расстреляли?

— Да, расстреляли бы. Мы не можем не повиноваться.

— И даже если бы случилось так, что между нами появился Христос, и государь приказал бы вам Его расстрелять, и вы бы знали, что это Христос, что бы вы сделали?

Офицеры смутились, подумали немного, но потом один за другим ответили:

— Да, стреляли бы: мы обещали государю, мы уж несвободны.

«Мы уж несвободны»... В этом всё и дело. Ибо признание царя самодержавным равносильно утрате всякой свободы³. Признавший царя своим неограниченным государём тем самым окончательно теряет способность служить Христу, ибо такое признание включает в себе *потенциальное* утверждение, что в случае возникновения дилеммы — *царь* или *Христос* — нужно стоять за царя, а не за Христа. Признавший царя неограниченным государём навсегда и окончательно выбирает себе господина; но, выбрав в действительности одного господина, он уже теряет свободу и возможность служить всякому другому, т. е. не может служить и Христу. Ибо сказано Христом: «Никто не может служить двум господам» (Мф. 6, 24).

Таким образом, каждый акт согласия на признание неограниченной царской власти равносильно утверждению в далёких логических следствиях отпадения от Христа, т. е. признание самодержавия есть *скрытое* (а для тех, кто сознаёт это, и *явное*) *отступление от Христа*; и значит, с христианством такое признание абсолютно несоединимо и религиозною совестью неприемлемо.

На это могут сказать, что самая дилемма — царь или Христос — невозможна, ибо царь, по вере церковной и народной, является помазанником Божиим и исполнителем не своей воли, а воли Самого Бога. Но те, кто так утверждают, пусть зададут себе по совести такой вопрос: тем, что царь — помазанник Божий, отнимается ли у него возможность и отпасть от Христа? Если не отнимается, тогда сказанное выше сохраняет всю свою силу. Если же отнимается, если признаётся, что царь не только благочестив, но и выше возможности погрешить, т. е. выше всякого греха, тогда получается уже нечто совсем неподобающее. Вся условность человеческого существа снимается с царя, он становится безусловным — абсолют, человекобогом, богом. Остаётся воздвигать ему алтари и кадить фимиамом, воздавая божеские почести, как это делали в древнем языческом Риме. А в Писании сказано: «Да не будут тебе бози инии, разве Мене» (Исх. 20, 3). Наша Церковь считает за ересь папизм, но тут больше папизма, тут языческий необузданный цезарепапизм⁴, открытое поклонение «гению» императора, забвение святой крови всех мучеников первых времён христианства, и больше того: тут уже совершается поклонение ещё не пришедшему Зверю, ибо в самом *принципе* самодержавия лежит возможность *Антихриста*. Это понято народным религиозным созна-

нием. Изучающие раскол знают, как много места в нём занимает ужас пред антихристианским наклоном самодержавной власти⁵.

Сказанного было бы довольно. Но некоторые свою явно антихристианскую приверженность к самодержавию хотят оправдать мнимо-доказательными ссылками на произвольно выхваченные отдельные места из Святого Писания. Взявшись нечистыми руками, можно и снег замарать и создать иллюзию, что снег действительно грязен. Поэтому нужно разобрать «библейские» основания культа самодержавной власти. Часто приводят слова ап. Петра: «Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1 Пет. 2, 13–14). Из этого заключают: раз ап. Пётр заповедует покорность всякому человеческому начальству, то, значит, и покорность самодержавному царю. Сколько лжи и отступничества в таком формально правильном заключении, видно из следующего.

Когда тому же самому ап. Петру начальники, старейшины, книжники, первосвященники и «прочие из рода первосвященнического» приказали «не учить об имени Иисуса» — что сделал ап. Пётр? Повиновался ли во исполнение своих же слов: «Будьте покорны всякому человеческому начальству»? Конечно, нет. Вместе с ап. Иоанном, «столпом Церкви», он сказал: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога», и отказался повиноваться (Деян. 4, 5–20). В другой раз на второе запрещение Пётр вместе с другими апостолами (значит, это голос всех апостолов) сказал ещё яснее и резче: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29).

Значит, ап. Пётр учит нас повиноваться человеческому начальству не всегда и не безусловно, а *только* тогда, когда приказания этого начальства не противоречат нашей совести, и больше того — своею жизнью ап. Пётр учит нас быть непокорными и открыто не повиноваться человеческому начальству, когда оно запрещает делать то, что мы считаем нашим религиозным долгом⁶. И значит, у ап. Петра мы можем найти не защиту самодержавия, а совершенно ясный завет открыто заявить и исповедать религиозную неправду самодержавия и отказаться его признавать.

Но если словами ап. Петра злоупотреблять невозможно ввиду ясных других его слов, то, быть может, хоть с видимостью правдоподобия можно недобросовестно использовать следующие слова ап. Павла: «Всяка душа властем предрержащим да повинуется: несть бо власть, аще не от Бога» (Рим. 13, 1–2). К счастью, и этого сделать нельзя ввиду одного несомненного и бесспорного факта: как признаёт Церковь, ап. Павел, говоря словами мужа апостольского Климента Римского, «мученически засвидетельствовал истину перед правителями» (1 Посл. к Кор. Гл. 5), т. е. вместе с другими мучениками погиб за то, что отказался воздать императорской власти божеское поклонение. Этот факт прежде всего значит, что тот же самый апостол, который говорил: «несть бо власть, аще не от Бога», не только не считал возможным исполнять всякое приказание этой, по его же словам, Богом установленной власти, но даже

открыто не повиновался ей и не слушал известных её приказаний, за что и поплатился мученичеством. Этим ап. Павел учит, что из того, что власть установлена Богом, вовсе нельзя заключать, что она не имеет пределов, является *неограниченной* и может приказывать всё что угодно. Фактом своего мученичества апостол указывает, что императорскую власть в качестве *неограниченной*, т. е. посягающей на то, что ей не принадлежит, он не признавал. А если мы скажем, что в этом непризнании, т. е. в мученичестве, он, Богом вдохновенный святой апостол, поступал не по случайным соображениям, а действовал, как он считал *должным* действовать, то, значит, в его непризнании неограниченной императорской власти лежит прямой завет всем верующим — так же, как и он, её не признавать и открыто заявлять о своём непризнании. Если же мы вспомним, что в этом непризнании ап. Павел был не одинок, а с ним вместе не признавали целые тысячи святых мучеников и запечатлели своё непризнание мученической кровью, то получится, что вся эта святая кровь ставит нам тот же завет, что и святые апостолы:

Во имя Христа отказаться от признания нашей теперешней неограниченной царской власти — самодержавия.

После этих разъяснений, за неимением места, мы не будем останавливаться на других «библейских» основаниях языческого культа самодержавной власти и переходим к выводам.

По указанным соображениям, самодержавие абсолютно неприемлемо христианскою совестью. Сознательное признание его равносильно отступничеству от Христа, и потому Русская Церковь, не искушая более долготерпения Божия, должна первым своим сознательным и воистину церковным, т. е. Христовым действием сделать исповедание «истины перед правителями», другими словами — на предстоящем Соборе необходимо именно Церкви потребовать от царя отказа от самодержавия. И сделать это исключительно во имя *религиозных* соображений. Этим мы вовсе не говорим, что Церковь не должна была и не должна теперь бороться с самодержавием и как со злой политической и общественной силой. Но только делать это она должна не чрез духовенство, а *чрез мирян*, ибо «каждый должен служить сообразно с тем даром, который получил от Бога»⁷. На Церковном Соборе, созванном для устройства Церкви, мотивировка может быть только религиозная. Итак, вот чего мы ждём от Собора прежде всего. Только совершив это, Собор получит действительную свободу, без которой совершенно немислима созидательная работа по устройству Церкви на канонических основаниях.

2. Теперь перейдём к тому, какую реформу Церкви мы считаем безусловно необходимой. Безусловно необходимо то, что сказано и заповедано в Евангелии, и потому обратимся прежде всего к Евангелию⁸.

Что такое Церковь по Евангелию? Церковь, прежде всего, есть тело Христово — живой организм, отдельными членами которого являются верующие. «Вы — тело Христово, а порознь — члены» (1 Кор. 12, 27). Но, составляя, как и всякое тело, однообразную, бесформенную массу, Церковь носит в себе живые расчленения. «Тело же не из одного члена, но из многих». Эти разные

члены по самому существу своему несводимы друг на друга и один другой заменить не могут. Если один захочет вырасти за счёт других, их себе покорить и подчинить, то это незаконно, ибо тогда вместо многообразно расчленённого тела получился бы один член, и тело как таковое исчезло. «Если бы все были один член, — спрашивает апостол, — то где было бы тело?» «Если всё тело — глаз, то где слух? Если всё — слух, то где обоняние?» Значит, нормальная жизнь организма Церкви возможна только тогда, когда каждый член функционирует по-своему, развивает специфическую, ему присущую энергию, и значит, ставить препятствия этому функционированию, стеснять его и совсем запрещать — является совершенно невозможным со стороны одного члена по отношению к другому. «Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна, или также голова ногам: вы мне не нужны». Что же это за расчленения в теле Христовом — Церкви, говоря конкретно? Тот же апостол языков разъясняет это вполне: «Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1 Кор. 12, 14–28). Если мы вспомним, что пророчествовали, чудодействовали, учили, целили и говорили разными языками не особо поставленные апостолом люди, а все верующие (ярким доказательством этого служит вся 14-я глава 1-го послания к Коринфянам), т. е. миряне, то тогда становится совершенно ясным, что наряду с апостолами, т. е. священнослужителями и совершителями таинств, особым самостоятельным расчленением Церкви, по апостолу, являются миряне. Каждый из мирян является живым храмом Бога (1 Кор. 3, 16), «согражданином святым и своим Богу» (Еф. 2, 19), живым камнем строящейся Церкви, обладателем святого звания, «царственного священства» (1 Петр. 2, 5, 9; Отк. 1, 6) во исполнение древних пророчеств: «Вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх. 19, 6; Ис. 61, 6).

При таком внутреннем соотношении между главными расчленениями Церкви — священнослужителями и мирянами, и во внешней церковной жизни миряне необходимо должны быть не пассивными зрителями, а активными участниками. Так и было в Апостольской Церкви, потому что Апостольская Церковь была живым явлением Церкви Вселенской. Когда в иерусалимской общине жизнь выдвинула потребность в новой должности — «диаконах», которые бы «пеклись о столах», — что сделали апостолы? Поставили ли они этих диаконов без согласия верующих? Ничего подобного. Они собрали собрание «множества» верующих и, объяснив им, почему явилась нужда в новой должности, сказали: «Итак, братия, выберите из среды своей семь человек». Собрание верующих согласилось на это, как говорится в Деяниях, «и угодно было это предложение всему собранию». Приступили к выборам, избрали семь человек и, избравши, «поставили перед апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки» (Деян. 6, 2–6). Таким образом, в избрании священнослужителей проявилось в Апостольской Церкви органическое единство и взаимная обусловленность двух главных расчленений Церкви — священнослужителей и мирян, обусловленность, необходимо вы-

текающая из самого существа Церкви, о котором сказано выше. Миряне — церковный народ — свободно и самостоятельно выбирают из своей среды доверенных людей, апостолы рукополагают их и сообщают дары. Такое же органическое единство проявилось и в так называемом Апостольском Соборе, когда «апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили» (Деян. 15, 22) поднявшиеся вопросы. Вот что говорится и заповедуется о существовании церковной жизни в Новом Завете.

Но Церковь историческая постепенно забыла эти заветы, по примеру светских властителей стала закрепощать церковный народ, лишая его церковных прав и выводить из церковной ограды. Это длинная и печальная история, которой касаться мы здесь не можем. Но результаты её налицо: церковного народа в настоящее время не существует, живой Церкви — нет или, по крайней мере, она не совпадает с тем, что принято называть Церковью⁹. Это положение ввиду усложнения жизни, ввиду надвигающейся исторической грозы — становится совершенно невозможным. Часть духовенства это почувствовала и заговорила о реформе. Но если в духовенстве после столь долгого и позорного молчания воистину заговорил и ожил Дух Христов, то ограничиться и серьёзно удовлетвориться теми полумерами и «заплаточками», которые предлагаются в печати духовенством, — конечно, совершенно невымыслимо. В деле церковного строительства мирские соображения являются совершенно неуместными, а пренебрежение «главою угла» — Христом и Его Евангелием — есть отступничество и коллективное повторение отречения Петра. У Церкви только один путь жизни: это Христос и Его Евангелие, всё остальное — от лукавого и есть путь смерти.

То, что заповедано в Евангелии, для Церкви Христовой должно быть безусловной нормой, лежащей в основе церковной жизни, каноном, определяющим существенные черты её устройства. Конечно, Церковь как живая носительница Духа Святого, развиваясь и возрастая в меру возраста Христова, может и должна создавать новые нормы. Но эти нормы никак не могут противоречить тем безусловным и отменять их, а могут только дополнять, только находить конкретные применения их вечной сущности и живого Духа в зависимости от многообразия жизненных условий. Поэтому, как бы ни была богата церковная практика за всё время её исторического существования, уклад и правила церковной жизни, выработанные ею, для нас обязательны лишь в том случае, если они дополняют и разъясняют нормы и каноны, данные Евангелием, и ни в коем случае, если они им противоречат. И значит, если духовенство возревновало действительно о Церкви, а не о своём положении, которое станет вконец незавидным при установлении в России свободного режима, то, не смущаясь фактическим укладом обмирщённой и порабощённой государством Церкви, — необходимо вернуться ко Христу и Его Евангелию. Как смотрит Евангелие на существование Церкви и церковной жизни — мы сказали выше; теперь перейдём к тому, что же именно нужно сделать, чтобы построить нашу церковную жизнь на действительно канонических, т. е. евангельских, основаниях.

а) Прежде всего необходимо раскрепостить церковный народ, вернуть ему свободу церковной самодеятельности и церковного самоопределения. Это может быть достигнуто только путём восстановления истинно приходской жизни. Приход должен стать живой единицей, живущей полной церковной жизнью и органически объединяющей в себе духовенство и мирян. Для создания этого единения необходимо, чтобы священнослужитель не являлся в приход бог весть откуда, чужим, никому неизвестным лицом, назначенным канцелярским путём из далёкого Петербурга, а был бы по доверию избираем самую паствою¹⁰. Верующие, группируясь около храма, должны получить право сами, на месте и из своей же среды выбирать себе в священнослужители тех лиц, которых они знают, любят и считают наиболее подходящими и которым они действительно могут верить по свободному расположению столь важную и ответственную должность. Выбранные прихожанами лица, подготовившись к служению в течение известного времени, рукополагаются епископом и возвращаются в свой приход. Выбранные этим путём приходские священники, принадлежащие к одной епархии, съезжаются вместе и избирают архиерея из своей среды (т. е. архиерей может быть женатым, что не только противоречит, но даже требуется церковными канонами) или из монашества. Архиереи всех епархий Русской Церкви, съезжаясь вместе, выбирают опять из своей среды или из монашества патриарха. Только таким путём выбранный патриарх будет действительно связан со всей Церковью и явится истинным представителем и руководителем её в делах общецерковного характера, т. е. междуприходских и междуепархиальных, с одной стороны, и в отношениях к государству, с другой. Учредить же патриаршество, не обновив и не построив на евангельских началах самых низов и оснований церковного управления, является простым закреплением того позора, который совершается в Русской Церкви теперь, но так как это закрепление будет сознательным действием, то значит, это будет и новым, уже перед всеми открытым заявлением, что для Русской Церкви господин — не Христос, а кто-то иной.

б) Материальная сторона приходской жизни переходит в руки прихода. Все дела, связанные с доходами и расходами по храму, ведаются особо выбранными всем приходом лицами. Обязательность платы за требы уничтожается безусловно, и взимание добровольной платы производится не священнослужителями, а теми же доверенными лицами. Этим прекращается невозможная в Церкви торговля и барышничество — особенно сильное в деревне, которое превращает служителей Слова и совершителей таинств в откупщиков, что имеет результатом почти повсеместное или враждебное, или пренебрежительное отношение к духовенству. Кроме того, постепенно верующие должны взять на себя не только заведование обеспечением текущей приходской жизни, но и содержание самих священнослужителей, так чтобы священнослужители содержались не на счёт государства, а на счёт самого же прихода. Этим подготовится важный и крупный шаг, который рано или поздно всё равно придётся сделать, это — отделение Церкви от государства, мера, которая должна быть страстно желаемой искренно верующими¹¹. Только не-

обходимо, чтобы отделение это было совершено не по предложению государства, как это теперь во Франции, а по почину самой же Церкви. Церковь не должна ждать, пока её отделят насильно, по мирским соображениям, оставив её без содержания¹², а должна отделиться сама, во имя Христовой свободы.

в) Когда приход станет живой единицей, а священнослужители выборными и доверенными людьми, тогда сразу станет возможным уничтожить коренные недостатки теперешней Церкви. С одной стороны, в приходе верующие перестанут быть друг другу чуждыми людьми, случайно встречающимися на богослужении и совершенно не знающими друг друга. Храм станет центром, вокруг которого будут формироваться новые отношения и связи. Верующие станут друг к другу сторонами теперь нераскрытыми; из этого соприкосновения сначала затеплится, а потом и ярко разгорится жизнь, которая будет интимнее и глубже, чем самая высокая индивидуально-уединённая жизнь, и в то же время более любовная и более проникнутая единением, чем самая высокая семейная жизнь. Из отдельных посетителей храма — прихожан — верующие станут единой общиной, живущей коллективной жизнью. Индивидуальные действия и поступки, сплавляясь и очищаясь соборными переживаниями, превратятся в религиозное делание. Одним словом, зародится общинная жизнь. Тогда сам собой устранился среди верующих современный камень преткновения — социальный вопрос. В каждом приходе все бедняки, калеки, старики, сироты и все нуждающиеся станут общей тяготой и общей заботой. Горькое станет сладким и трудное лёгким, и, помогая им, будут радоваться, что могут излить любовь и восполнить от своего избытка их недостаток. И тогда можно будет сказать словами Деяний апостольских (Деян. 4, 32–35): у множества верующих будет одно сердце и одна душа, и никто из имени своего не будет называть своим, но всё у них будет общее; и не будет больше среди них нуждающихся, ибо всем будет уделяться, смотря по нужде каждого. Установится полное общение мыслей, переживаний и имуществ, как было в Апостольской Церкви¹³; только тогда это было потому, что близко было время, когда сам Господь приходил и обитал среди людей, а теперь потому, что близко уже время, когда мы увидим лицо Пресвятой Матери нашей, Церкви, и близко время, когда Господь придёт в силу и славе судить живых и мёртвых. Для общения имуществ и правильного распределения по нуждающимся необходимо, чтобы в Церкви возродилась благодать диакона. А так как женщинам свойственна особая мудрость к устройению имущественных отношений, то необходимо возродить в Церкви апостольский институт диаконис¹⁴.

г) Народ мистически связан с землёй. И потому духовенство, оторвавшись от церковного народа, постепенно перестало по-Божьему понимать всё земное. Монашество, бывшее когда-то сильнодействующим средством, — когда было принято в большой дозе и проникло во все стороны церковной жизни, как и всякое лекарство, принятое в большой дозе, стало действовать разрушающим образом и превращаться в яд, отравляющий Церковь. Оно окончательно угасило идею царственного священства мирян и окончательно лиши-

ло Церковь зрения на землю. Церковь, будучи высшей руководительницей в индивидуальной жизни, во всём остальном, в общественных и политических отношениях, была и есть беспомощно слепа. От этой слепоты и зависит длинный исторический ряд позорных соучастий представителей Церкви в общественных и политических, малых и крупных злодеяниях, соучастий, из которых последним и всем памятным было послание Синода по поводу событий 9 января и преступное молчание всего духовенства¹⁵. А между тем возрождение церковного народа, связанное с восстановлением истинно приходской жизни, исцелит Церковь от этой слепоты: земля опять попадёт в поле её зрения, и восстановится к ней истинное и должное отношение. Вся история и культура, все вопросы, которыми мучилось человечество прошлого и которыми болеет человечество современное, через мирян будут ставиться не перед отдельным сознанием отдельных более или менее высоких христиан, а пред соборным сознанием Церкви. Церковь как такая должна пережить всё, чем жили отдельные люди, и ответить на всё соборно, как истинное тело Христово, носящее в себе ум Христов. Этот ответ будет для людей новым откровением, потому что полноты Христовой истины мы не имеем в себе — не только в жизни, но и даже в сознании. Кроме того, начнётся общественное служение Церкви, т. е. действенное утверждение Христовой правды в чуждых ей политических, общественных и экономических стихиях¹⁶. Верующие миряне, утверждаясь в общинной жизни и прикасаясь в ней к идеалу истинно-христианских отношений, понесут свой опыт ко всем стоящим вне общины и не верующим и будут стараться всеми силами установить среди них справедливые отношения, помогая слабым против сильных, уничтожая безбожную эксплуатацию капиталом труда.

Итак, наши чаяния от будущего Собора сводятся к следующему:

1. Собор во имя Христово откажется признавать царя самодержавным и потребует от царя, как от одного из верующих, отказа от самодержавия.
2. Собор восстановит истинно-каноническую жизнь в Церкви созданием живой церковной единицы — прихода, ведающего весь свой внутренний распорядок и избрание священнослужителей.
3. На Собор в качестве равноправных с духовенством членов будут допущены миряне¹⁷.

Последний пункт мы считаем очень важным и потому скажем о нём в следующем обращении к епископам отдельно.

¹ «Свод законов Российской империи» (ст. 1); слово «неограниченный» упразднено 23 апреля 1906 г.

² Ср. всеподданнейший адрес К. П. Победоносцева Николаю II: «Ты властен творить по Твоему разумению и влечению Твоего сердца, Ты властен казнить и милловать своих верноподданных; Ты властен простирать Твою милость и Твой гнев на кого пожелаешь»; далее обер-прокурор Синода сетовал на «осмелившихся нарушить Твою священную истинно православную душу дерзновенными помыслами» о созыве Земского собора. Ср. также: царь — «высший представитель правды, носитель

Божественной воли, ответственен за свои деяния только перед Богом» (Тихомиров Л. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 539); «высший вершитель вопросов совести» (Катехизис для военно-учебных заведений).

³ О том же в мае 1906 г. писал Булгаков: «Вообще события показывают, что самодержавие не только искалечило тело нашего народа, но и глубоко ввелось в его душу, вытравив у многих на некоторое время способность и умение быть свободным и уважать чужую свободу» (Вильнюс. 1990. № 94. С. 160).

⁴ «Пленение церкви было естественным и неизбежным результатом развития ложного начала самодержавия... В петербургский период... православная церковь становится церковью бюрократического цезаропапизма» (Трубецкой С. Собр. соч. М., 1907. Т. 1. С. 478). «В основе русской абсолютной государственности лежало богоотступничество, человеческое самоутверждение... цезарепапизм есть... соблазн человечества, не принявшего ещё внутрь себя Христа и ищущего внешней опоры, а не особенная метафизика православия. Свенцицкий прав, когда говорит, что тут действуют „силы, противоположные Христу“. Папоцезаризм и цезарепапизм — два великих соблазна в христианской истории, две уступки князю мира сего, загнипнотизированность блеском его царства» (Бердяев Н. К вопросу об отношении христианства к общественности // Век. 1907. № 24). В 1917 г. очнулся и Евг. Трубецкой: «Царское самодержавие в России... поставило свою власть выше Церкви, и в этом было самопревознесение и тяжкое оскорбление святыни... Церковь издавна находилась в плену у самодержавия. Цезарепапизм — изначальный грех нашего церковно-государственного строя... Самодержавие оказалось сосудом дьявола» (Новый мир. 1990. № 7. С. 221, 227).

⁵ «И совсем не „обряд“, но „Антихрист“ есть тема и тайна русского Раскола... Весь смысл и весь пафос первого раскольничьего сопротивления не в „слепой“ привязанности к отдельным обрядовым или бытовым „мелочам“. Но именно в этой основной апокалиптической догадке» (Флоровский Г. Пути русского богословия. Гл. 3. §4).

⁶ Спустя век РПЦ возымела смелость формально подтвердить естественное человеческое право, т. о. признав правоту позиции и формулировок Братства: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. ...Должен открыто выступать законным образом против безусловного нарушения обществом или государством установленных и заповедей Божиих, а если такое законное выступление невозможно или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения» (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. Гл. III.5; IV.9). То же касается и отношения к самодержавию: «Христиане должны уклоняться от абсолютизации власти... По учению Церкви, сама власть также не вправе абсолютизировать себя... что может привести к злоупотреблениям властью и даже к обожествлению властителей. ...Переход к монархии свидетельствовал об ослаблении веры, отчего и возникла потребность заменить Царя Незримого царём видимым» (Там же. III.2; III.7).

⁷ 1 Пет. 4, 10; Рим. 12, 6-8; 1 Кор. 12, 4-10.

⁸ Ср. почти буквальное повторение чаяний ХББ: «Да не какая-то сотрясательная измышленная реформа требовалась, не излом, не поиск новейшего, — но вернуться в прежнее засорённое русло, восстановить, как оно было, и с чего начиналось христианство вообще. Процветание Церкви — не в роскошном украшении храмов, не в дорогих окладах и не в сильных хорах с концертными номерами. Нет, восстановить и укрепить навык христиан самим угадывать себе духовных вождей: духовенство

должно быть выборным. Только выборный священник и стужает в себе дух общины... Церковь должна перестать быть государственным ведомством. Восстановить весь воздух раннего христианства, — и где мешающая тому стена, кроме наших потерянных сердец? Под общей крышей отмолились, кивнули друг другу как знакомым и разошлись. Нет, оживить формальный приход в деятельную христианскую общину, где храмы открыты и светятся для встреч и бесед не только в часы служб; где дети воспитываются как равные христианские, независимо от состояния и положения родителей; и где безошибочней всего и необходимо передаётся помощь нуждающимся» (*Солженицын А. Красное колесо. Т. 8. М., 1995. С. 229–230*).

⁹ Здесь участники ХББ следуют за основателем сланофильства: «Церковь... обратила человека себе в раба и, вследствие этого, нажила себе в нём судью... А это всё оттого, что оно совершило самоубийство; оттого, что перестало быть Христианством, с тех пор как перестало быть Церковью; оттого, что приняло самую смерть в свои недра, когда решилось заключиться в мёртвой букве; оттого, что присудило себя к смерти, когда задумало быть религиозною монархией, без органического начала; оттого, наконец, что жить и противустоять действию веков и человеческих мыслей может только истинно живое, то есть только то, что в себе имеет начало неразрушимой жизни.... Государство земное заняло место Церкви Христовой» (*Хомяков А. Сочинения: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 43, 111–112*).

¹⁰ Ср.: «С сознанием ошибки, с самоотвержением должно отказаться от всех уклонений человекоугодливых, преступных в отношении к Богу... Восстановить древнейший обычай Церкви: епархия да избирает для себя архиерея, а приход — иерея, диакона и причетника, свидетельствуя о их благочестии. ...Уничтожить в духовенстве рабство, по мысли и указанию святых Апостолов (1 Пет. 5, 2–3). Для достижения сего необходимо уничтожение касты и приготовление в приходские священники избранных лиц приходом, а во епископы — епархией, по древнему обычаю Церкви и по преданию Апостольскому» (*Игнатий Брянчанинов, свт. О необходимости Собора... // Полное собр. творений. М., 2002. Т. 3*).

¹¹ «С государством должны быть порваны все связи, которые налагают какие-нибудь внешние обязательства и мешают внутренней свободе действия, и, таким образом, проведено *полное отделение Церкви от государства*» (*С-П. 60*). «Внутреннее отделение Церкви от государства при всяком внешнем положении Церкви должно быть для неё нормой», но необходимо и внешнее — «совлечение с неё государственного мундира, орденских знаков с аксельбантами и меча, навязанных самодержавием» (*Булгаков С. Церковь и государство // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 61, 77*). Через несколько лет к тому же пришёл и Евг. Трубецкой: «Религиозный идеал требует не подчинения государства Церкви и тем более — Церкви государству, а как раз наоборот — полного их взаимного освобождения. Чтобы быть действительной и совершенной выразительницей Царствия Божия, Церковь должна стать царством не от мира сего; для этого она должна окончательно отрешиться от всякой юридической связи с государственной властью» (*О религии Льва Толстого. Сб. 2. М., 1912. С. 59–76*).

¹² Увы, именно так и случилось 20 января 1918 г. по декрету Совнаркома. Есть в том вина Булгакова и Евг. Трубецкого, в очередной раз «полиявших» и выступивших на Поместном Соборе против отделения Церкви от государства; в результате 2 декабря 1917 г. было принято определение с комичным требованием: «Православная Церковь получает из государственного казначейства по особой смете, составляемой высшим церковным управлением и утверждаемой в законодательном порядке, ежегодные ассигнования в пределах её потребностей».

¹³ «Для нас предназначено скорее общее, чем отдельное, владение вещами, и оно более согласно с самой природой» (*Иоанн Златоуст*, свт. Творения. СПб., 1898–1906. Т. 11. С. 705). Так же считали мч. Иустин Философ, сщмч. Киприан Карфагенский, свт. Василий Великий.

Ср. находящуюся в конверте письма Флоренского от 10 февраля 1906 г. записанную Эрном цитату: «Тертуллиан. *Apologeticus*. XXXIX гл. „Мы братья, соединённые взаимною помощью друг другу своим имуществом, что у вас, напротив, разъединяет родных братьев. Составляя одно сердце и одну душу, мы не колеблемся нисколько в вопросе об общности имущества. Всё у нас общее, кроме жён. В этом одном пункте мы не признаём общения“».

¹⁴ Рим. 16, 1. Активными сторонниками восстановления душеполезного апостольского учреждения были игум. Екатерина (Ефимовская) и прмц. вел. кн. Елизавета; Предсоборное присутствие единогласно высказалось за институт диаконисс и включило выработанные правила в «Положение о приходах», согласился и Синод, но общему желанию воспротивился Николай II.

¹⁵ Еп. Платон (Рождественский) на пастырском собрании в Киеве 15 февраля 1906 г. молчание пастырей о текущих событиях назвал «по меньшей мере неуместным», а митр. Флавиан (Городецкий) вынес резолюцию: «Духовенству в настоящее время молчать не только нельзя, но и преступно» (*Церковный вестник*. 1906. № 2. С. 42). Ср. единый глас участников ХББ, взывающий и к нынешнему времени: «Теперь под страхом лишения некоторого благополучия заблудшаяся Церковь требует молчания от всех своих членов, и почти все молчат... С каждым днём молчание Церкви становится преступнее» (*С-П*. 12, 300); «Церковь православная опять не остановила кровопролития, опять... промолчала Церковь» (*Ф-Вк*).

¹⁶ «Православие имеет в себе необходимую силу всё упорядочить — и внутренний наш, и внешний мир, и политику, и всякую семейную, гражданскую и экономическую жизнь» (*Иоанн Крошадтский*, св. прав. Живой колос с духовной нивы. М., 1998).

¹⁷ При апостолах на Соборе присутствовала вся Церковь Иерусалимская — пресвитеры и братья (Деян. 15). «На Соборе должны быть депутаты: 1) от монастырского монашества русского, по избранию этого монашества; 2) от белого духовенства русского, по избранию этого духовенства; 3) от православных мирян, по избранию мирян. Примерно каждая епархия должна избрать по два депутата из каждого разряда» (*Игнатий Брянчанинов*, свт. Указ. соч.)

125. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<16.04.1905. С.-Петербург — Киев>

Целую Вас Пасхальным целованием. О, если бы эта Пасха была началом воскресения нашей Церкви!

<...> Я с сегодняшнего дня отдыхаю. Измучился я и физически, и ещё более нервно. Говорят, что очень похудел и пожелтел. Но дух бодр!

Мои служебные занятия прекратились. Наш институт, начиная с 3 кл<асса>, распущен до сентября. Свободного времени много, и я его хочу посвятить предполагаемому журналу.

В этом вопросе произошла небольшая хорошая эволюция. На днях я говорил с Мережковским — «мы с ним теперь приятели»¹ — даже и с Гиппиус, всегда одетой лилией. М<ережковск>ий тебя очень ценит, к слову сказать. Журнал-газета предполагается недельный, по направлению должен примыкать к «Церковному вестнику» и «Вопросам жизни». Особенность физиономии в сотрудничестве светских и духовных. Распорядителями дня будут духовные, а в числе постоянных сотрудников многие из редакции «Вопросов жизни». Редактор — светское лицо, что необходимо в делах церковных, при нём второй, негласный, — редактор духовный. Я лично намечаю редактором Александра Сергеевича Глинку-Волжского, если позволят (он из поднадзорных). Чрезвычайно милый, и я его считаю глубоким. По убеждениям, как и М<ережковски>й признаёт, наиболее подходит к нам. Мы бываем друг у друга. Вторым редактором сую себя: мне не хочется выпустить из своих рук это дело. Это совпадает с желанием большинства духовных и светских.

О. Петров² говорит, что если светские примут деятельное участие в журнале, то средства он даст: его одного слова достаточно Сытину³, и тот ссудит нас. Пред своим отъездом в Палестину о. Григорий заходил ко мне и сказал, чтобы на всякого рода издательское дело я располагал его средствами. «Если бы понадобилось сто тысяч на самое широкое распространение наших сборников, Вы не смущайтесь». Его мы ожидаем на Фоминой <неделе>⁴.

<...> Не увидишься ли с С. Н. Булгаковым? Передай ему. Во вторник на Пасху предполагалось в моей квартире заседание литературно-фил<ософск>ого общества. Но за отъездом Бердяева, Философова мы отложили до приезда С<ергея> Н<иколаевич>а, т. е. до Фоминой. Тогда надеюсь повидать его у себя.

¹ Цитата из романа Г. Сенкевича «Без догмата» (1890).

² *Петров* Григорий Спиридонович (1866—1925) — богослов, публицист. Окончил СПДА (1891), профессор богословия Политехнического института, автор книги «Евангелие как основа жизни» (1898), в 1906 г. сослан в Черминский монастырь, покинул его после избрания во II Государственную думу, за что был лишён сана. Редактор ежедневной газеты «Правда Божия», выходившей в Москве с 1 января по 6 июня 1906 г.

³ *Сытин* Иван Дмитриевич (1851—1934) — один из крупнейших российских издателей; прототип Титова из драмы Свенцицкого «Интеллигенция» (С-1. 324—421).

⁴ 24—30 апреля 1905 г.

126. Б. Н. БУГАЕВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<18.04.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой, многоуважаемый Павел Александрович, будьте непременно в Москве к среде. В среду <20 апреля> от 12—1 Вас очень хотят видеть Мережковские. Они остаются только два дня. В пятницу Д<митрий> С<ергеевич>

читает у Морозовой лекцию о церковной реформе¹. *Надо быть*. Если можно, пусть будут и академики. Цена с них 1 рубль. Для *Вас* можно так. Пожалуйста, дорогой, приезжайте. Важно для дела. Христос воскрес!

Любящий Вас Б. Бугаев.

¹ А. Белый записал об апреле 1905 г.: «Участие в беседе, устроенной у Морозовой (Мережковский, я, Свенцицкий, Эрн, Кречетов и др.)... Мой резкий отход от Христианского братства борьбы, которое заподозреваю в реакционности» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 28 об.).

127. А. С. ПЕТРОВСКИЙ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<18.04.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Христос воскрес!

Дорогой П. А. Приезжайте к пятнице. Мережковский будет читать лекцию. Сбор в пользу Э<рна> и С<венцицкого>, цена 2 р. (но и за 1 р. можно). Привезите, если можно, кого-нибудь (Ив. Вас. Попова?) из студентов. Спросите Махаева, кто и что его однофамилец священник Иверск<ой> общины в Москве¹. Приехал В. Иванов.

Люб<ящий> вас А. Петровский

¹ *Махаев* Николай Константинович (1883—1966) — однокурсник Флоренского, председатель совета старост студенческих организаций с 1905 г., окончил МДА (1908), редактор рукописей свт. Луки (Войно-Ясенецкого) в 1950-х; брат сщмч. *Сергия* (1874—1937), законоучителя и духовника в Иверской общине сестёр милосердия Российского общества Красного Креста, находившейся под попечительством вел. кн. Елизаветы Фёдоровны.

128. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<21.04.1905. С.-Петербург — Киев>

Христос воскрес!

<...> Вчера был у меня Волжский-Глинка. Приехал из Москвы с предложением нам объединиться в издании газеты по церковно-общественным вопросам. Они уже *имеют* 15 000 руб. А у нас почти несомненная поддержка Сытина. Проектируются два редактора. Отложили вопрос до приезда Петрова и Булгакова, т. е. конца Фоминой, когда мы соберёмся у меня для обсуждения этого вопроса. Дело, кажется, на рельсах!

<...> Центром второй записки¹ должно и несомненно будет служить прежде всего Слово Божие, а затем требования современной жизни. На качество

записки я не надеюсь, но она будет точным и ясным выражением нашего взгляда, недостаточно рельефно выраженного в записке.

<...> Современные условия жизни — епископ не ограничен: он не выборный и по статистике (ужасная) некоторые в 10 лет меняли 7 епископий!.. Итак, созвание Собора из одних епископов грозит расколом Церкви, и такие соборы останутся лишь съездами...

¹ О составе церковного Собора // Церковный вестник. 1905. 26 мая. № 21. Там же (17 марта. № 11) была опубликована первая записка «группы 32-х» под названием «О необходимости перемен в русском церковном управлении».

129. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<27.04.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! 4-го <мая> в семь часов вечера мы, т. е. Рачинский, Бугаев et cetera, предполагаем вкупе с духовенством устроить первое неофициальное заседание Рел<игиозно>-фил<ософского> общества, на котором я прочту свой реферат о хр<истианском> отношении к собственности¹. Мне очень хочется, чтоб были на реферате вы и Алексей Сергеевич <Петровский>, ибо в реферате я принципиально и по существу объясняюсь по поводу многих вопросов, которые слышны от окружающих. Попросите Сергея Семёновича <Троицкого> и вообще всех, кто интересуется Обществом. Если паче чаяния день заседания как-нибудь переменят, я уведомя. Впрочем, и так черкну вам открытку ещё раз.

¹ Эрн В. Христианское отношение к собственности. М., 1906. РОБ. Серия 1. № 3.

130. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<01.05.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Заседание произойдёт в среду 4 мая ровно в 7¼ веч<е-ра> на квартире Шер. Мы оставили для вас и для Алексея Сергеевича 10 билетов (билеты бесплатны). Если у вас не найдётся столько желающих, то, будьте добры, черкните открытку (адр<ес> мой: Пречистенка, д. Сорокиной, кв. 15). Если вы и Алексей Сергеевич не очень уж заняты, то я *очень* прошу вас приехать.

Всего доброго. В. Э.

131. Б. Н. БУГАЕВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<02.05.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павел Александрович! 4-го мая Эрн читает реферат о собственности у Христофоровой¹, и в то же время мы приурочили к дню этого чтения собрание будущего общества памяти Вл. Соловьёва. Пожалуйста, приезжайте с Алексеем Сергеевичем и, быть может, Троицким. Более 30-40 человек не будет. Будут только *действительно* интересующиеся. Глубокоуважающий Вас и любящий Б. Бугаев.

P. S. Зайдите ко мне.

¹ *Христофорова* Клеопатра Петровна — хозяйка московского салона, интересовавшаяся религиозными вопросами.

132. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<07.05.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Во вторник, 10-го в часов 8, «учредители» Общества соберутся к Рачинскому, чтоб: 1) подписать устав; 2) условиться насчёт 1-го заседания; 3) сообразить, кто что может написать летом; 4) вообще поговорить и выяснить сообща много недоговорённостей. Хорошо бы было, если бы вы и Алексей Сергеевич приехали. Это просит вам передать Рачинский. Всего вам самого лучшего. Когда вы думаете ехать в Тифлис?

Ваш В. Э.

133. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<09.05.1905. С.-Петербург — Киев>

<...> Вечером предположено было у меня маленькое собрание с участием из «Вопросов жизни» Булгакова, Волжского, Аскольдова¹, Карташёва². <...>

Вчерашнее собрание прошло очень хорошо и мило. <...> Читали мы нашу записку и корректурную статью Б<улгаков>а по поводу Собора и записки 32-х³.

Много говорили о сборнике и о еженедельной газете с участием, самым деятельным, «Вопросов жизни»⁴. <...>. Намечены редакторами свящ. Аггеев и Карташёв (между нами, он ведёт в «Вопросах жизни» «Религиозную хронику» под псевдонимом Уральского). Официальным будет кто-либо безвинный. Теперь я веду деятельные письменные сношения с о. Петровым: журнал м<ожет> б<ыть> изданием Сытина...

¹ *Алексеев* Сергей Алексеевич (псевд. Аскольдов; 1871—1945) — философ, специалист по гносеологии, первый председатель ПРФО (вышел из него в 1914 г.), профессор СПУ.

² *Карташёв* Антон Владимирович (1875—1960) — церковный историк, публицист, преподаватель в СПДА (1900—1905), участник Религиозно-философских собраний (1901—1903), председатель ПРФО с 1912 г., обер-прокурор Синода в 1917 г.

³ *Булгаков* С. Политическое освобождение и церковная реформа // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 491—522.

⁴ О попытке издания еженедельника см.: *Колеров* М. Не мир, но меч. СПб., 1996. С. 164—170.

134. В. Ф. ЭРН — Б. Н. БУГАЕВУ

<15.05.1905. Москва — Москва>

<...> Серг. Ник. Трубецкой очень охотно согласился быть членом Религ<иозно>-фил<ософского> общества и обещал *непрерывно* прочесть воспоминания о Влад. Соловьёве. Лопатин тоже согласился и тоже обещал приготовить свои воспоминания.

Устав уже, кажется, двинут в ход.

135. В. В. ТРЖЕЦЯК¹ — П. П. ШУВАЛОВУ²

<06.06.1905. Москва>

Совершенно секретно.

Представляя при сём распространённые ныне в обществе и среди русского духовенства воззвания вновь образованного преступного сообщества, именуемого «Христианским братством борьбы»: 1) «К обществу», 2) «К епископам русской Церкви», 3) «О задачах Христианского братства борьбы»³, доношу Вашему Превосходительству, что меры к выяснению агентурным путём личного состава названной организации мною приняты и о последующем имеет быть представлено дополнительно⁴.

¹ *Тржецяк* Владимир Валерианович (1865— после 1919) — подполковник, исполняющий должность начальника Отдела по охране общественной безопасности и порядка в Москве с 22 апреля по 22 августа 1905 г.

² *Шувалов* Павел Павлович (1859—1905) — граф, генерал-майор, московский градоначальник с 18 апреля по 28 июня 1905 г.

³ С-II. 13—38.

⁴ Согласно материалам заведённого охранкой дела, ни один участник ХББ установлен не был.

136. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<22.06.1905. Кореиз — Черныевка>

Дорогой Александр Сергеевич!

<...> Я и не работаю, и не отдыхаю: не работается от волнения по поводу происходящего и угрызений по поводу своего бессилия и неучастия, а уж, конечно, и отдыха нет, так что напрасно трачу судьбой отсчитанные дни. Всё-таки готовлю статью о Фейербахе¹. Я ведь был проездом в Москве на совещании о проектируемом там Соловьёвском обществе. Познакомился там со Свенцицким и им очаровался. Это огромная величина и сейчас уже, а что из него выйдет! Да и оба они так чисты, так хороши. Эрн дал статью о собственности², она мной принята уже. Не всё в ней хорошо, но всё-таки она замечательна по силе духа и убеждения. <...>

У меня есть ещё план, осуществление которого я предлагаю взять в свои руки Москве: дешёвой народной христианско-демократической газеты (типа «Рабочей газеты»). Это насущнейшая необходимость при теперешнем положении вещей, если только печать освободится. Не знаю, согласятся ли они (проект собственной газеты ими оставлен). Идейная и внутренняя связь этой газеты с петербургской очевидна. У меня нет веры в серьёзность и прочность газеты, во главе которой стоит теперь Лашнюков в Киеве и в которой он убеждает меня принять участие³. Но в благоприятном случае ваше жительство в Киеве могло бы оказаться полезным и для этой газеты.

Поправляйтесь и отдохайте. Пишите. Возможно, что в июле мне-таки придётся ехать на север из-за политики. Но сейчас не знаю. Ваш С. Б.

¹ *Булгаков С.* Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Вопросы жизни. 1905. № 10/11. С. 280–289; № 12. С. 74–102.

² *Эрн В.* Христианское отношение к собственности // Вопросы жизни. 1905. № 8. С. 246–272; № 9. С. 361–382.

³ *Лашнюков Владимир Николаевич* (1874—?) — публицист, поэт. В 1892 г. привлекался к судебной ответственности за прокламацию «К голодающим», содержащую призыв к борьбе против самодержавия. В 1903 г. привёл ко Христу В. В. Зеньковского, считавшего его «подлинным миссионером, вдохновенным, искренним, всецело живущим верою». Ведущий сотрудник газет «Юго-Западная неделя» (1904), «Голос Юга» (1905), журнала «Христианская мысль» (1916) и др. За редактирование газеты «Народ» осуждён на год крепости; автор книги «В плену (Из тюремных воспоминаний)» (К., 1909). С 1908 г. член Киевского РФО (в 1915 г. избран в Совет), где в 1915–1917 гг. выступал с докладами «О ценности жизни», «Ум Христов», «Церковь и социализм», изданными в книге «Из религиозных переживаний» (К., 2004). В 1918 г. чиновник министерства исповеданий в правительстве Украины, редактор газеты «Слово», ставившей целью распространение идей христианизации жизни.

137. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<14.07.1905. С.-Петербург — Киев>

Дорогой Пётр Павлович!

Прости за долгое молчание. Дела журнала в таком положении. <...> 3–5 августа постараемся собраться в Москве — Булгаков, Карташёв, Волжский и я. Там, совместно с Сытиным, окончательно решим все вопросы и двинем дело. <...> Хочу предложить в редакторы *трёх* лиц, т. е. добавляю к прежним Волжского. При такой комбинации будут налицо три работника, более или менее свободные для дела. <...>

С Булгаковым мы письменно уясняем все стороны дела. Между прочим, он настаивает чуть не на *пяти* печатных листах еженедельных: на такой обширный материал надеется он... Я тоже думаю, что в обилии материала журнал обеспечен: отчасти «Церк<овный> вестник» говорит за это. <...>

138. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Б. Н. БУГАЕВУ

<15.07.1905. Тифлис — Москва>

Дорогой и многоуважаемый Борис Николаевич!

Хотя Вы, кажется, и сердитесь на меня за наши разногласия этою зимою и хотя в *результатах* наших, действительно, разногласия, но я всё-таки считаю Вас так близким к себе и по цели, и даже по путям, что пишу. Близким считаю потому, что знаю одинаковость наших основных настроений (сказочность) и исходных пунктов развития. Поэтому, мне кажется, я в каждом Вашем движении понимаю Вас и, быть может, каждую минуту мог бы сделать его сам, если бы с самого начала не стал обрабатывать своих переживаний иначе, чем делаете это Вы. А во многих случаях я спорю с *Вами*, и жестоко, но это — видимость; на самом деле я разговариваю с самим *собою*, и отсюда — жёсткость приёмов. <...>

За последнее время я всё собираю материалы для «Софии»¹. Собрать очень трудно, т. к. приходится внимательно прочитывать груды сырья, просматривать кучи икон, рисунков и т. д., чтобы выловить несколько жемчужин. Но есть у меня в материалах (это — один из перлов моих) икона совершенно апокалиптическая, где — «Жена, облечённая в солнце», Богородица, Зверь из бездны и т. д. Работа будет закончена не скоро, работа в высшей степени неблагодарная, т. к. масса энергии уходит безрезультатно, но для С<офии> «жалеть ли мне рук»? Пусть всё остальное не идёт, как следует: но уяснить то, что необходимо теперь всем, заставить согласиться — это так важно, что надо забыть об остальном. <...> Конец при дверях, но не в дверях, и я не верю, чтобы мог наступить конец до тех пор, пока каждый не получит всего «важного» в столь разжёванном виде, чтобы мог сказать вполне сознательно с волею: «я хочу этого» или «я не хочу этого»². Если же возможны рацио-

нальные соображения и эмпирические возражения, то ещё — не конец. <...> А конец, разрешение всех противоречий, высшее счастье, сделался бы для меня невыносимым насилием над миром, если бы предлагался миру, не дозревшему до сознательности к нему. <...>

Если увидите с Мережковскими, то кланяйтесь им от меня и передайте сердечный привет. И Зинаиде Никол. <Гиппиус> также: хотя я видел её всего несколько часов, но многое понял в ней, и прежде всего то, что она неизмеримо лучше, чем кажется. Я знаю, что если бы я только и видел её, что в обществе (напр<имер>, у Рачинского), то она бы возбуждала некоторую досаду и недоумение. Но когда я увидел её в интимном кружке, то стало ясно, что в конце концов то, что способно возбудить досаду, есть результат известной внутренней чистоты, внешняя изломанность — проявление внутренней боязни сфальшивить. Это странно как будто, я даже не могу объяснить Вам толком, что именно хочу сказать, но я хорошо знаю, что бывают такие люди, которые, боясь неестественности, надевают маску неестественности, — такую неестественность, которая не искажает подлинную природу личности, а просто скрывает её. Зинаида Ник. при нашем свидании сказала мне такую характеристику меня, которая в высшей степени тяжела, скажу более, оскорбительна, хотя я сильно боюсь, что Зин. Никол. во многом права. Она сказала то, подозрение чего меня мучило и мучает непрестанно, хотя я этого никому не скажу. Но вместе с тем в самой Зин. Ник. я увидел столько скрытого боления и деликатности, что чувствую себя с ними обоими близким, хотя знаю, что оба они, особенно Дм. Сер., ни за что этого теперь не признают и что они сердятся на меня все из-за того же, из-за исторической Церкви.

Я хорошо понимаю, почему в этом отношении я расхожусь со всеми, почему я разошёлся в некоторый момент и с самим собою. Тогда я подходил к Церкви, смотря на неё объективно, «как на мать ребёнок, который отделился от её организма» (Дм. Серг.). И тогда я видел тысячи недостатков, видел толстейшую кору, под которой для меня не было ничего, кроме выдохшихся символов. Но не знаю что — толкуйте как хотите, — что-то поставило меня против воли моей в субъективное отношение к народу, а вместе с ним и к Церкви, которую он любит. Я зашёл внутри всех скорлуп, стал по ту сторону недостатков. Для меня открылась жизнь, быть может, чуть бьющаяся, но жизнь, открылась безусловно святая сердцевина. И тогда я понял, что уже не выйду оттуда, откуда увидел всё это, — не выйду, потому что не верю в духовную *generatio spontanea*³, не верю в возможность «устройства» Церкви. Церковь «наша», сказал я себе, либо вовсе нелепость, либо она должна вырасти из святого зерна. Я нашёл его и буду растить теперь его, доведу до мистерий, но не брошу на пожранье социалистам всех цветов и оттенков. Если я виноват, Борис Николаевич, что воспринимаю жизнь и святость за толстой корой грязи (которая для меня, может быть, кажется гораздо толще, чем для других, потому что она мне делает больно), если грешно любить святое, то я действительно виноват

перед всеми, кто расходится со мною. Но только могу сказать им: я могу притвориться, но не могу перестать чувствовать то, что чувствую. Делайте что хотите и как хотите. Ваше осуждение сделает больно, но любовь только усилится от них...

<...> Желаю Вам всего хорошего и, главное, не оставаться нравственно одному. Ваш П. Флоренский, искренно любящий.

¹ Глава «София» вошла в книгу «Столп и утверждение Истины».

² Ср.: «Безусловная внешняя свобода — необходимое условие, чтобы всякий свободно и окончательно определился к Добру или Злу, а это самоопределение необходимо для победы Добра над Злом, в которой весь смысл мирового процесса... Жизнь ожидает новое откровение, или, правильней, новые силы для уразумения, притяия и раскрытия откровений, частью не понятых, частью не изжитых. Это будет новое великое благовещение!» (С-II. 441; С-III. 108).

³ Естественное порождение (*лат.*).

139. В. П. Свенцицкий — И. А. Беневскому¹

<15.07.1905. Москва — Дубровка>

Нам передал Б. Н. Буг<аев>, что Вы желали бы войти в более тесное общение с ХББ и для этого хотели бы подробнее ознакомиться с теоретической и практической стороной деятельности Б<ратства>.

С этой целью к Вам может приехать лицо, близко стоящее к делу, между 10 и 15 августа. Если Вы ничего против этого не имеете и время это для Вас удобно, не откажите известить. В письме, кроме того, сообщите, пожалуйста, с какими изданиями Вы знакомы.

Письмо адресуйте: Рязанско-Владимирская жел<езная> дорога. Станция Спас-Клепики, имение Шер, Валентину Павловичу Свенцицкому. Пишите обязательно *заказным*. Ответить просим возможно скорее.

¹ *Беневский* Иван Аркадьевич (1880—1922) — участник ХББ, друг Свенцицкого, многократный посетитель и корреспондент Л. Н. Толстого, который говорил о «его глубокой религиозности, милой доброте, особенности: придаёт значение крестному знаменю». Считал, что «обладание землёй как собственностью несогласно с евангельским учением» (Новая Земля. 1912. № 13/14; Жизнь для всех. 1912. № 2. С. 349—351). В 1910 г. отказался от прав на полученное по наследству имение (пос. Дубровка, Орловская губ.), передал землю сельскому обществу и организовал на ней сельскохозяйственную общину, где работали все члены семьи Беневских; с 1915 г. там действовала колония для детей-сирот.

140. А. В. КАРТАШЁВ — К. М. АГГЕЕВУ

<17.07.1905. С.-Петербург>

<...> Я всё более и более отдаюсь хлопотам и думаю о церковно-реформационном журнале. На этой неделе приедут Сытин и С. Н. Булгаков, и мы подадим прошение о разрешении. На роль офици<иального> редактора не находится никого кроме меня. <...> Дело, вероятно, не может начаться ранее декабря. Однако ищем и сотрудников и других работников. <...>

141. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — Ю. А. ФЛОРЕНСКОЙ

<23.07.1905. Тифлис — Берлин>

<...> Для вас всех, любящих «справедливость», требующих «права», стремящихся к городскому шуму и «электрической жизни», для вас, одним словом, американцев и американок, я столь чужд со своим стремлением к деревне, к тихой, бестребовательной любви. Вы хотите благодетельствовать «простой народ»; а мне крестьянин дорог так, как он есть. Для вас он нечто низшее вас, обладающих «научным мировоззрением» и пренебрежительно смотрящих на «материал», над которым надо поработать. Я же думаю, что крестьянин мне равный, у которого я могу очень многому научиться и которому могу очень немного дать взамен. Одним словом, я хочу обращаться как равный к равному, и всякое иное отношение считаю оскорблением крестьянину, а потому и себе, потому что я с ними, а не с нашими европеизирующими.

Я не осуждаю последнего направления, быть может, во многом даже одобряю его. Но одобряю, так сказать, формально, со стороны: не лежит у меня сердце к «реформаторам».

Я знаю: то, чего я хочу, то, что мне и народу моему дорого, — это кажется вам жалким, отсталым, наивным. Ну, а я хочу лучше быть наивным с народом, чем современным с западниками. Скучно и холодно с ними; будто ходишь в паркетной зале. А мне дорога земля, чёрная, сочная, рассыпающаяся и дышащая остро-пахнувшими облаками. <...>

Я уважаю тех, кто стремится водворить в странах родимых «яркое небо»; но единство и любовь (смешанную с жалостью, т. к. жалеть = любить, на народном языке) чувствую к тем, кому дороги небеса наши, «полияные и унылые». <...> Я не хочу отнимать от них права сознавать всё то хорошее, что есть. Но, говорю я, не лежит ко всему этому моё сердце, а пред мужиком, пьянствующим и безобразничающим, преклонюсь, и преклонюсь без всякого насилия над гордостью, без надлома, т. к. вижу, что в какой-нибудь момент, миг — у него появляется тоска по Богу, появляется плач. Может быть, мне это дорого так именно потому, что в себе самом я нахожу такую черту — может быть, единственное хорошее...

<...> Всю эту зиму пришлось столько нервничать всем, что когда летом нагрянули свои беды, то все переутомились нравственно. Кровь, озлобление, дикость со *всех* сторон... Я знаю, что надо изменить внешний порядок; но знаю также, что то, что делается, невозможно, что это — хаос и зло. Я вполне понимаю озлобление людей, понимаю, что не смогли терпеть; быть может, тайне сочувствую многому, т. е. в том смысле сочувствую, что знаю, что будь я несколько иным, я бы и сам стал так же действовать. Но, понимая психологию всего этого, я решительно отказываюсь признать нормальность того, что происходит. Это — такой хаос, какого не видала русская земля, кажется, никогда, разве только в Смутное время.

142. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<29.07.1905. Кореиз — Черныевка>

Дорогой Александр Сергеевич! <...>

Мне бы очень хотелось и нужно бы повидаться теперь с Вами и обсудить несколько практических вопросов о предстоящих на этот год начинаниях. У меня назревает ещё один план, связанный с литературными надеждами, основание «Союза христ<ианской> политики» (несколько изменённая идея легального «Братства борьбы»), и теперь обдумываю доклад на эту тему в петербургском кружке¹. Кроме того, у меня явилась мысль, если осуществится газета, не присоединитесь ли Вы в редакцию? Наша молодёжь идеальна как работники, но ещё нуждается в совете. Если Вы не можете оставаться на зиму в деревне, то в случае неудачи с Киевом, м<ожет> б<ыть> поселитесь в Москве? Однако пока не удалось сделать никаких шагов относительно Сытина, а на него все надежды. Я сильно надеюсь на поддержку Петрова (во влиянии на Сытина), которого хочу заинтересовать идеей народной газеты, и вообще, издательства. Относительно Киева вы правы: Лашнюков неустойчив и «стечкиных» легион², но надо ещё выяснить дело. Напишите мне, по получении этого письма, приедете ли Вы сюда, а я извещу Вас о своём отъезде, если таковой скоро и неожиданно состоится, телеграммой по указанному адресу.

На север я не ездил, и рад этому, делать нечего было там. Мой политический кризис, вероятно, ещё больше углубится со введением представительства. А какую тучу брошюрной литературы выпустили марксисты! Всякую залежавшуюся немецкую дрянь перепирают! Но это, конечно, медовый месяц цензурного послабления!

В религиозно-общественную хронику на август пойдёт интересная корреспонденция Эрн о движении грузинского духовенства и мой постскрипту³, но могут застрять в цензуре.

На сентябрь напишет Карташёв. С большинством Ваших возражений и замечаний о Бердяеве я вполне согласен. Жду Вас или ответа.

В случае решения известите о дне приезда. Ваш С. Б.

¹ *Булгаков С.* Неотложная задача (О союзе христианской политики). М.: Т-во И. Д. Сытина, 1906. РОБ. Серия 1. № 1.

«Булгаков написал статью... где в pendant к ярко революционным, но в строго христианских тонах статьям Свенцицкого и Эрна (а позднее — на Пасху 1906 г. и о Флоренского в его проповеди „Голос крови“) развивал идеи социального христианства, идеи христианизации социальных и политических отношений. Именно эти идеи и привлекали меня особенно к этой группе... идея христианизации общественных отношений, высказанная с такой яркостью (хотя и недостаточно) Влад. Соловьёвым в его „Оправдании добра“, была мне очень дорога» (*Зеньковский В.* Из воспоминаний // ВРХД. 1983. № 139. С. 118). «Булгаков... опубликовал брошюру... где обратился уже не к духовенству, а ко всем гражданам-христианам, приглашая соединяться в „Союз христианской политики“ (в развитие Христианского братства борьбы Эрна — Свенцицкого)» (*Карташёв А.* Мои ранние встречи с о. Сергием // Православная мысль. Париж, 1951. Вып. 8. С. 51).

² *Стечкин Владимир Николаевич* — журналист, с 1915 г. редактор киевской газеты «Южная копейка».

³ Вопросы жизни. 1905. № 8. С. 273–295.

143. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<04.08.1905. Толпыгино — Тифлис>

Дорогой Володя!

Перед отъездом я 2-3 раза заходил к Вам, но не застал, т. к. Вы уехали. Сейчас я в деревне. Думаю подготовиться (это между прочим) к газете, о к<ото>рой мы говорили с Вами летом. Поговорю с крестьянами etc. Между прочим, мне надо поснимать фотографии с интересных типов, раскольников, бегунов etc. Быть может, часть моего материала (равно как и часть кавказских снимков) можно будет использовать для газеты. А у меня есть очень интерес<ые> снимки для копий etc. Посмотрим.

Дайте непременно знать о себе, когда Вы поедете в Москву и т. п., главное же — адрес московский. Числа до 20 я наверно буду тут, а после уезжаю в Оптину пустынь редактировать сочинен<ия> о. Серапиона. <...> Пусть Саша <Ельчанинов> напишет хоть ½ слова о себе и адрес. Ведь это безобразие уже, как он манкирует своими обязанностями.

Ваш П. Поклон Вашим.

144. Б. Н. БУГАЕВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<14.08.1905. Москва — Сергиевский Посад>

<...> Я признаюсь: я всё растерял, все критерии, знаю одно: 1) чувство *несказанного* знакомое и близкое, 2) гносеологический критерий. Вот два несоизмеримых друг с другом моих оплота, а всё прочее — *под вуалью*. Эта зи-

ма (2-е полугодие) меня очень изменила: я ещё раз усумнился во всём, что я считал ценностью, усумнился в искусстве, в символе, в Боге, в Христе, *но и:* в пренебрежительном отношении к социологии, к тенденции, к террору и т. д. В результате: презирал в себе Андрея Белого, захотел стать Андрюхой Краснорубахиным. И т. д. В результате стал серьёзно относиться ко всем мнениям и не мог примирить друг с другом и с собой различных людей. Устал смертельно и возненавидел беспричинно всех. Вопросы о *религии* стали для меня тошнее касторки: слишком много весной собирались и говорили, говорили, говорили. И всё с пылом, с жаром, с нервами. Могу сказать, что общение с вопросами «Х<ристианского> б<ратства> б<орьбы>» выбило из меня на несколько месяцев всякую религию, а оторваться от Э<ллиса> и С<оловьёва> не могу, потому что вижу в них пылающих *ревностью о Боге людей*. И браню их, и устал от них, а всё-таки принимаю их серьёзно и значительно. Но что мне делать: всё не-сказанное во мне стыдливо спряталось в такую глубину, что для неё нет слов (там, *кажется*, и Христос, и счастье, и радость), но только для слов всё это «*ни о чём*», а на словах могу только быть скептиком и *гносеологом* (Риккерт для меня откровение, хочу основать на нём всю эстетику). И не знаю, усталость ли это или отврат от религии. Кажется, усталость, потому что как только «*вопросы*» выкину за борт, так начинается интимная мистерия в жизни. Эта мистерия называется «ни о чём». Но мистерий «ни о чём» не бывает: стало быть, *мой* путь углублённо интимный. И вот делюсь на две половины: одна собирается говорить, исследовать, писать рефераты, собирается производить всё это с одушевлением в обществе «Памяти Вл. Соловьёва» (Гр. Ал. Рачинский уж мне ставит категорические императивы в этом смысле), а другая половина называет это воодушевление машинным воодушевлением и, наоборот, в интимной глубине «*Ни о чём*» отдыхает неслезанно. <...> Стихов не пишу. Христос с Вами. Надеюсь, скоро увидимся. Глубокоуважающий и любящий Вас. Б. Бугаев.

Р. S. Всё-таки я думаю, что всё осталось по-прежнему, и я — христианин, хотя за эти 2 месяца со мной произошёл ряд переворотов. Несомненно, что-то очистилось. Письмо от Вас было для меня очень хорошим и радостным знамением: спасибо за него. Я как-то вдруг живо Вас почувствовал и успокоился почему-то. О Вас в последнее время я ничего не знал, и мне думалось, что если увижу Вас, то вдруг... не узнаю. Но теперь ясно, ясно вижу Вас и страшно хочу Вас видеть.

Господь да хранит Вас. Преданный Вам всей душой Борис Бугаев.

145. П. А. Флоренский — А. И. Флоренскому

<17.08.1905. Толпыгино — Тифлис>

Дорогой папочка!

<...> Отдыхаю тут в почти полном бездельи, разве только что поковыряю в физической работе или в книге. Беседую с крестьянами, хотя и того не

очень много, т. к. теперь самый разгар страды, и все заняты. Написал одну большую проповедь и прочёл её крестьянам; но насколько она удачна, ещё не знаю. В Церкви тут хорошо. Со священником — мы в приятельских отношениях <...> Книг тут, слава Богу, немного, газеты приходят очень редко и «благорастворение воздухов» полное. День пролетает так неожиданно, что к вечеру кажется, будто только что пили утренний чай. <...>

146. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<02.09.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Я только что приехал из Тифлиса. Привёз Вам большую кошёлку винограда — по поручению Ваших — как Вы о том просили. Не знаю теперь, как быть. Может быть, Вы приедете за ней. Виноград может испортиться через несколько дней. Газета налаживается. Если приедете, то будет очень хорошо, потому что сейчас переговоры с Сытиным находятся в периоде окончательности. Здесь Волжский. Приезжайте! Мой адрес: Нащокинский пер. (он идёт из Гагаринского), д. Яковлевой, кв. 16.

Ваш В. Э.

На днях приедет Саша Ельч<анинов> — будет работать с нами.

Немедленно напишите, как быть с виноградом.

147. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<04.09.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Волжский просил меня передать вам, что 8-го утром в Москву приедут петербургская компания (свящ<енник> Аггеев, Карташёв и т. д.) совещаться здесь о петербургской ежедневной религиозной газете, которая уже налажена *совсем*. Они очень хотят, чтоб были вы. Приезжайте, потому что и насчёт нашей газеты есть много чего, о чём нужно вам рассказать и сообщить. Как мне быть с виноградом? Он портится. Если вы не приедете за ним, то он весь сгниёт. Лучше напишите, и я тогда отдам кому-нибудь другому. Если вы не приедете непосредственно, то сообщите мне адрес Люси. Она, кажется, в Петербурге. Адрес ваших (в Петербурге) я тоже не знаю. Всего вам доброго. Хорошо было бы, если б вы приехали. Тут пока Волжский.

Ваш В. Э.

148. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<06.09.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Я не знаю, может быть Вы почему-нибудь не приедете 8-го в Москву, и значит, мы тогда не увидимся, а мне до 10-го непременно нужно узнать петербургский адрес ваших, т. е. Вашей мамы и сестры, и кажется, туда уже приехала Люся. 10-го я еду в Петербург для подачи прошения — для хлопот о газете. Хотелось бы забежать к вашим и, особенно, увидеть Люсю. У меня есть дело. Пожалуйста, напишите их адрес. Я очень прошу, не забудьте.

Мой адрес повторяю: Москва, Сивцев Вражек, Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16.

Ваш В. Э.

149. К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву

<10.09.1905. С.-Петербург — Киев>

Дорогой Пётр Павлович!

Давно я не писал тебе: измотался уже в начале года. Вчера только возвратился из Москвы, куда ездил на два дня.

Дело нашей газеты в таком положении. 1 сентября подано прошение в Главное управление по делам печати. «При нормальном порядке, — говорили чиновники, — к половине октября нужно ждать разрешения». При ускоренности делопроизводства надеемся получить разрешение к 1 октября. В течение сентября собираем материал. <...>

В Москве к моему приезду — со мной был и Карташёв — собрались у Павла Васильевича — Попов¹, Громогласов², Смирнов³, Мышцын⁴. Всё это ядро М<осковской> академии с полной охотой примыкает к нашему органу. На другой день были у Эрн и Свенцицкого — стипендиаты С. Н. Трубецкого⁵. Карташёв по моему отъезду должен был переговорить с Бугаевым (Андрей Белый), Соловьёвым и Рачинским. Как только получится разрешение, в Москве состоится общее собрание сотрудников, на котором будет и С. Трубецкой.

В Москву я приехал 6 сентября. Пробыл там до 8-го вечера. Согласно моему письму приехал туда о. Григорий. Дело о журнале порешено. Наиболее вероятная комбинация такова. У Сытина есть в запасе орган «Русская правда»⁶. Придётся искать лишь редактора. В последние дни у меня явилась мысль выставить третьего редактора, который будет таковым и фактически. За болезненным состоянием Глинки останавливаюсь на Аскольдове. Послал письмо к Булгакову с вызовом его в Петербург. К тому времени приедет А. В. Карташёв. Немедленно приедет и Сытин. Здесь порешим детали вопроса, и с Богом — за дело... С меня о. Григорий взял «нравственную ответственность» за сотрудников. <...>

Москвичи читали нам проект церковных реформ⁷, которые они думают разослать по академиям. Проект обнимает все наши с тобой пожелания⁸. <...>

¹ *Попов* Иоанн Васильевич (1867—1938), сщмч. — экстраординарный профессор МДА, редактор журнала «Богословский вестник» (1903—1906), член Поместного Собора 1917—1918 гг., расстрелян.

² *Громогласов* Илия Михайлович (1869—1937), сщмч. — доцент и с 1909 г. профессор МДА, член Поместного Собора 1917—1918 гг., расстрелян

³ *Смирнов* Сергей Иванович (1870—1916) — преподаватель и с 1914 г. профессор МДА.

⁴ *Мышцын* Василий Никанорович (1866—1936) — экстраординарный профессор МДА, с 1906 г. профессор Демидовского юридического лицея (Ярославль).

⁵ Справедливо только в отношении Эрна. О визите Свенцицкий вспоминал: «Как сейчас помню, входят к нам петроградские гости: проф. Карташёв и свящ. К. М. Аггеев. Оба поражены нашей „францисканской жизнью“, и Константин Маркович, добродушно улыбаясь, говорит: „Вот вы какие диогены...“» (С-IV. 601).

⁶ Через неделю о. Константин писал: «Если он не отдаст нам „Русской правды“, то подаём прошение о новом журнале „Наши думы“».

⁷ «Проект краткой программы Христианского братства борьбы» (С-II. 54—64).

⁸ Ельчанинов резонно замечал: «Общие и частные положения прогрессивной церковной реформы, намеченные Братством, вполне соответствуют желаниям и чаяниям всех истинных сынов Церкви, ожидающих обновления церковной жизни» (Церковно-общественная жизнь. 1907. № 29. С. 904).

150. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<16.09.1905. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя! <...>

Получился № 8 «Вопр<осов> жизни». Прочёл я Ваши статьи. Первая из них... Впрочем, сообщу сначала то, что просил передать преосв<ященный> Евдоким. Он «не забыл и помнит» Вас и выражает свои симпатии. Если Вы сердитесь <на> него (это всё его слова), то перечтите те страницы Ев<анге>лия, где советуется противное. Статья Ваша «о собственности» ему очень нравится, и он, как всегда делает, сделал из неё выписки. Весьма доволен статьёй Тареев¹. Итак, первая из них мне показалась «хорошей» (независимо от содержания), и в известном смысле — в применении к практике — я, как Вам известно, согласен с основными мыслями её, настолько согласен, что не нашёл ничего нового для себя, кроме поддержки в своих собственных мыслях и словах. Но мне думается, что психологически у Вас естественное, хотя и нежелательное явление: центр тяжести настолько переносится в известную практику, в приближённый и временный способ реализаций христианск<ого> сознания, что незаметно для Вас он делается безусловным и вечным. Впрочем, это ещё не так важно. Но как будто Вы совершенно не слыхали о мерзковистых во-

просах, и это меня поразило. Если бы *все* были христианами, то, *быть может*, сказанные вопросы были бы ещё разрешимы экономическим устройством апостольск<ого> века. Быть может. Но при неоднородности сознания современного общества и при невозможности христианам изолироваться экономически и культурно от «мира» вопрос страшно усложняется.

Конечно, можно разрубить мерещковистые узлы, отказавшись от культуры. Но если мы не откажемся, то мы, община, Церковь, как хотите, — вынуждены иметь *капитал*, доколе имеют капитал окружающие «миряне», а имея капитал, вынуждены терпеть и все его прелести. Конечно, субъективно, для прихожан, капитал прихода более нравственен, чем капитал личный, но всё же это капитал. Какое бы отношение не было бы у нас к марксизму, нельзя не признавать в нём значительной доли правды; какова бы ни была его общесоциальная историческая ценность, для *нашей* эпохи он удачно объединяет экономические факты; это и понятно, разумный человек отвлекает свою теорию от *нашей* экономическ<ой> действительности. Тут-то вот и встречается роковое затруднение, разрешимое весьма легко в пределах сколь угодно большой общины или Церкви, но не разрешаемое таким способом (экономическ<им> устройством Церкви по образцу первых веков) для экономических отношений Церкви с не-Церковью. Может ли Церковь изолироваться? Если она достаточно велика, то я допускаю возможность для неё жить самостоятельной культурной жизнью. Но это только под условием, чтобы *всё* население страны было в Церкви или, иными словами, чтобы Церковь образовала вместе с тем и государство. Тут незаметно прокрадывается вместе с Церковью и Великая Блудница — социализм, мысль о которой отравила для меня у Соловьёва все его сочинения, кроме «Трёх разговоров». Идея устройства *людьми* теократии, в ясной форме или чуть видной струйкой, проползает у Соловьёва всюду и делает его таким двойственным, что только «Повесть об Антихристе» успокаивает, что же всё-таки было для Соловьёва главным. В других же произведениях так и жду, что далее вот он провозгласит многолетие Великой Блуднице. Вот почему я говорю (*отчасти* потому, а отчасти и по более серьёзн<ым> мотивам), что Ваши мысли я признаю ценными как практическое решение — решение наилучшего устройства *общины* и общины общин, но не безусловного исключения понятия капитала, а умственного рынка христианства. А последнее должно, если не быть (думаю, что не будет до конца), то делаться, бывать; тут, думается, Вы, со своей упрощённой постановкой, запутаетесь.

Напишите о газетах (обеих). Мне необходимо распределять свои занятия, и я, не зная о газетах и о работе для них, не могу действовать зряче. Между прочим: у меня намечен ряд статей (предварительн<ая> работа для «Софии») «об Ангелах», «о свете от святых», «об изменении имён», «о возрастании типов», «София в иконографии» и т. д., думаю, интересных по общему замыслу; но не знаю, подойдут ли они к газете. Форма их будет изящная (т. е. сравнительно, для меня): учёности мало — вернее, она останется в моих тетрадах. Но всё-таки вопросы, может быть, кажутся слишком специальными, хотя они мне необходимо нужны. Кроме того, имеются проповеди, и будет их много ещё².

Я так до сих пор не знаю в точности, на какого читателя рассчитывает газета. Главное же — меня интересует газета народная. Как она? *Быть может*, для Соловьёвского общества я предложу одну из трёх статей: «София в иконографии», «О вере через насилие» и «Первое начало философии о. Серапиона»³. Вторая из них будет без всяких источников и содержит в себе изложение новой фазы моего религиозного развития, но, конечно, обработанное теоретически. И тут снят пункт, из-за к<ото>рого я поссорился с Соловьёвым: он только в последний, кажется, год понял этот вопрос, а до тех пор, по-видимому, даже не замечал его.

<...> Если кто-нибудь придет из вас сюда, то, пожалуйста, привезите мне книжку (брошюра небольшого формата) «Les anges et les demons selon Thome d'Aquiens»⁴ (в серой обложке) из книг Свенцицкого. А если не слишком затруднит, то и сундук: положительно некуда деваться от собственных *Opera edita atque inedita*⁵. Приходится перекладывать с места на место.

<...> Целую Вас. П. Флоренский. Поклон от Сергея Семёновича. Что Саша?

¹ *Тареев* Михаил Михайлович (1867—1934) — профессор кафедры нравственного богословия МДА с 1902 г. Сменил Флоренского в должности редактора журнала «Богословский вестник» в 1917 г.

² Гомилетическое наследие священника Павла Флоренского // *Ныне и присно*. 2006. № 3/4. С. 154—184.

³ Под такими названиями статьи не публиковались. Ср. записи Флоренского от апреля 1905 г.: «Христос не делал насилия ни над кем, даже благодеяния оказывал... спрашивая на то позволения... Это — полное уважение к личности... Он всегда как бы говорил: „Ты — вполне свободен. Ты можешь остаться на своём, и Я вовсе не перестану любить тебя. Только помни: если ты почувствуешь острый приступ неудовлетворённости, то... попробуй придти ко Мне; помни, что у тебя всегда есть плечо, на которое ты сможешь опереться“» (Павел Флоренский и символисты. М., 2004. С. 356).

⁴ «Ангелы и демоны согласно Фоме Аквинскому».

⁵ Труды изданные, а также неизданные (*лат.*).

151. В. Ф. ЭРН — ГУДП

<17.09.1905. С.-Петербург>

Желая издавать в г. Москве новое повременное издание без дозволения предварительной цензуры под названием «Народная газета», имею честь покорнейше просить Главное управление по делам печати испросить на то разрешение г<осподина> Министра внутренних дел.

Издание это я предполагаю выпустить по следующей программе:

1. Руководящие статьи по вопросам текущей жизни.
2. Статьи и заметки по вопросам внутренней и иностранной жизни, экономической, социальной и культурной.

3. Корреспонденции внутренние и внешние.
4. Фельетоны литературные, научные и религиозно-нравственные.
5. Телеграммы.
6. Телефон.
7. Театр и зрелища.
8. Судебная хроника.
9. Церковная хроника.
10. Городская хроника
11. Критика и библиография.
12. Новости науки, искусства и литературы.
13. Среди газет и журналов.
14. Смесь.
15. Объявления.

Срок выхода в свет — ежедневный.

Подписная цена с доставкой и пересылкой на год — 3 рубля; на полгода — 2 рубля; на три месяца — 1 рубль; на один месяц — 35 копеек; без доставки и пересылки — по одной копейке за номер.

Издание будет печататься в типографии т<оварищест>ва Кушнерёва.

Редакцию издания принимаю на себя я, издатель, Владимир Францевич Эрн.

При сём прилагаю документы о личности моей: 1) засвидетельственную копию с вида на жительство; 2) свидетельство о полученном мною образовании.

Потомственный дворянин Владимир Францевич Эрн.

Жительство имею: Москва, Сивцев Вражек, Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16.

¹ Через месяц временно управляющий МВД утвердил программу газеты, и разрешение к выпуску её в свет было получено. 31 октября 1905 г. ГУДП выдало Эрну соответствующие свидетельства № 12227 и 12228 и уведомило об этом Московский цензурный комитет (РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2092. Л. 8–13). См. об этом также: *Носов А. К цензурной истории религиозно-общественной печати (1905–1906 гг.) // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 37.*

152. О. В. ШЕР — В. Ф. ЭРНУ

<19.09.1905. Москва — С.-Петербург>

Многоуважаемый Владимир Францевич!

Валентин увёз свою рукопись с собою и сказал, что пришлёт её мне с тем, чтобы я её отдала переписать. До сих пор он мне не присылал. Я в тот же день отдала её переписывать, но вряд ли она может быть готова до Вашего отъезда из Петербурга, если Вы пробудете только до 23-го.

Мы получили три письма на Ваше имя, и я их Вам пересылаю. Мы их получили давно, но не знали Вашего адреса и не могли переслать. От Валентина пока никаких известий нет. Ваша О. Шер¹.

¹ Шер Ольга Владимировна (1888—1963) — сестра Владимира и Дмитрия, участница ХББ, впоследствии жена Д. Д. Галанина (мл.).

153. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<23.09.1905. С.-Петербург — Киев>

Со дня на день ожидаем разрешения и через две недели после него пустим в ход машину. В течение этих двух недель — нанимаем квартиру и обставляем её. Редакция будет местом для заседаний пастырского кружка и будущих литературно-философских собраний. В течение же этих двух недель должна быть разослана всем буквально священникам и учителям декларация о журнале с перечнем предполагаемых статей.

Я лично собираю в настоящее время адреса священников по всем епархиям, которым будем высылать безвозмездно первые №-а. Хотелось бы собрать до тысячи.

Пастырский кружок наш стал на твёрдую почву самоопределения. Всё ведение дела передано в бюро. Ему предоставлено выработать устав союза, входить в сношения с провинцией и готовить доклады для общих заседаний. <...>

На днях был из Москвы Эрн, автор Р<елигиозно>-ф<илософской> хроники за август в «Вопросах жизни». Состоялось у меня маленькое редакционное собрание. <...>

154. ХББ — РАБОЧИМ

<24.09.1905. Москва>¹

Братья христиане! По всей России началась забастовка². Народ требует свободы. Требует, чтобы чиновники не творили самоуправств; чтобы не расхищали казны; чтобы давали отчёт народу в истраченных деньгах; чтобы можно было сходиться и обсуждать свои нужды; чтобы народ избрал людей, которым доверяет, и на учредительном собрании решил сообща, как править страной³. Забастовка одна может принудить чиновников уступить. Забастовщики никого не хотят убивать, не хотят проливать ничьей крови. А правители, забыв Бога и совесть, безоружных расстреливают, невинных избивают шашками⁴. Но им этого мало. Книжники и фарисеи, распявшие Христа, подстрекают ещё и вас бить «забастовщиков», «студентов», «крамольников». Да не будет! Вспомните Бога! Забастовщики идут спасать Россию. Все

христиане пусть встанут на их сторону⁵. Последнее средство — мученичество. К мученичеству за Христа мы вас и призываем⁶. Ибо за теми, кто страдает, — Христос, а все те, кто терзает народ, от дьявола.

Христианское брат<ство> борьбы.

¹ 24 сентября 1905 г. пристав 1 уч. Пятницкой части препроводил в Московское охранное отделение экземпляр прокламации, из числа брошенных во время сходки рабочих завода Товарищества Добровых в механических мастерских. Над текстом стоял крест (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 30, т. 4 (3). Л. 239).

² Всероссийская забастовка началась 19 сентября 1905 г.

³ Прошло больше века — требования всё те же...

⁴ Ср.: «Волны крови затопают родину. Тысячами гибнут сыны её — вешаются, расстреливаются, тысячами переполняют тюрьмы... Под видом „умирения“ избиваются мирные крестьяне и рабочие. Людей, неимущих куска хлеба, расстреливает живущий за счёт их трудов» (Ф-Вк).

⁵ Ср. сказанное митрополитом Московским 30 октября 1906 г.: «<Церковь> не должна нападать на то, что есть в этом социал-демократическом движении справедливого и основательного. Протестовать против правды и истины она никогда, ни при каких обстоятельствах не может. Стремление рабочего и вообще низшего сословия к улучшению своего тяжёлого быта нельзя считать дерзостью и беззаконием, захватом чего-то ему не принадлежащего, но его необходимо только вставить в надлежащие рамки, направить на законный путь. ...Мы не должны осуждать справедливые желания и домогательства рабочих» (Владимир (Богоявленский), сщмч. Проповеди, слова, поучения. М., 2008. Т. 3. С. 121–150). «Владыка приходит к тем же выводам, что и некоторые светские деятели (Булгаков, Бердяев, Эрн, Свенцицкий)» (Церковно-общественная жизнь. 1907. № 20).

⁶ Очевидно, что называющие ХББ «экстремистской организацией» современные исследователи прямо противоречат фактам.

155. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому
<26.09.1905. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Мережковские просили меня передать Вам, что они очень хотели бы Вас видеть. Они будут завтра (во вторник, 27-го) в Москве, остановятся в «Славянском базаре», т. е. где и в прошлом году. Пробудут в Москве завтра и послезавтра, а может, и ещё один день.

Ваш Володя Э.

Дорогой Павля! Выезжаем 28-го числа. Если тебе не трудно, пожалуйста, *встреть* нас. Эрн заходил к нам. Мы пробудем в Москве 2 дня. Целую тебя. Тв. Люся¹.

¹ Приписка Ю. А. Флоренской.

156. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<03.10.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Прости, что не еду до сих пор — ты знаешь, как трудно прерывать занятия (а в Питер, небось, уехал, каналья, думаешь ты). Всё же надеюсь быть у тебя дней через 5–7, т. к. хочется. Помнишь, ты предлагал мне поместить куда-то моего Сперанского? Обстоятельства мои, и гл<авным> образом семейные, таковы, что за гонорарий (какой угодно) я готов отдать мою работу опять-таки куда угодно, тем более что ты почти убедил меня в прошлый раз, что вреда от помещения этой работы в дух<овном> журнале не будет¹.

Ну, прощай, надеюсь скоро увидеть. Твой С.

¹ *Ельчанинов А.* Мистицизм М. М. Сперанского (Предисл. П. Флоренского) // Богословский вестник. 1906. № 1. С. 90–123.

157. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<03.10.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Петербургские просили меня осведомиться у вас (я забыл вам сказать об этом), не можете ли вы отдать им для напечатания в ихней ежедневной газете письмо о Серапиона. Им это весьма было бы желательно. Помните, что у них и тени нет каких-нибудь задних соображений. И для издания сочинений о Серапиона это было бы хорошо. Всё же его фигура стала бы интересной для многих, привлекла бы к себе внимание. Если можете, сообщите. Я пришлю вам ихний адрес. Или же перешлите заказным мне. Всего вам доброго от души.

Ваш Володя.

158. П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну

<06.10.1905. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя!

1) Письма о Серапиона вышлю Аггееву, когда получу его адрес. Письма эти только надо будет проредактировать и переписать.

2) Саше передайте, что «Сперанского» я отдал в редакцию для просмотра. Только — не знаю, как быть — я куда-то запрятал его «материалы» и копию с них и не могу отыскать. Впрочем, *покуда* это и не важно.

3) Пришлите адрес Аггеева.

4) У нас беспорядки, занятия прекращены и т. д. Быть может, придётся уехать отсюда.

5) Хочет ли Саша, чтобы я приделал к «Сперанскому» несколько примечаний и вступление?

6) Плата в «Бог<ословском> вестн<ике>» 20 р. с листа, но лист разгонистый.

7) Если будет «Сперанский» печататься, то сколько заказать оттисков? Может быть, для отдельной продажи? И сброшюровать как следует? Это стоит недорого и будет вычтено из гонорара.

П. Ф.

159. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<07.10.1905. Киев — Симбирск>

Милый Александр Сергеевич!

<...> Неответченные письма лежат ворохами, и Ваша рукопись¹, которая сначала ожидала моего приезда, потом ждала своей очереди. Теперь, едва успев пробежать её бегло, посылаю Вам, боясь и без того, что задержал. По моему — интересная и полезная статья. Она и по внешности лучше Ваших последних статей (проще, хотя всё-таки по моему вкусу недостаточно проста) и, главное, местами даёт религиозные апокалиптические настроения, так что я её приветствую и ничтоже вопреки глаголю. Но помимо её, так сказать, художественной стороны, со стороны отвлечённо рационалистической, я, как и раньше не был убеждён или даже, точнее, не понимал Ваших возражений против соловьёвских (и моих) рассуждений о зле, так и теперь вижу здесь какое-то недоразумение. Главное, Вы думаете, что своими указаниями на переживаемое зло и мистически-молитвенное его преодоление, ссылками на Достоевского возражаете Соловьёву (и мне), между тем как я вполне с Вами здесь соглашаюсь (и Соловьёв согласился бы), и никакой противоположности, даже разницы между Соловьёвым и Достоевским тут нет, просто они в разных плоскостях, говорят на разных языках, но не противоречат. В интересах исторической полноты обращаю Ваше внимание на то, что у Вас отсутствует ссылка на французскую книгу Соловьёва², а между тем там изложение космогонии, падения злых духов, грехопадение и под<обное> изложены полнее и даже несколько иначе, чем в «Чтениях о богочеловечестве», так что это м<ожет> б<ыть> отчасти звеном между «Чтениями» и «Тремя разговорами», хотя ближе к «Чтениям». Не горела ли у Вас рука, когда Вы коснулись вопроса о вечных муках? Не рано ли об этом писать? Мне ещё страшно. Я об этом постоянно и пристально думаю много лет, но жду озарений. То, что Вы написали, меня не шокирует нисколько, так что вопрос мой не надо понимать в отношении литературном.

В вопросе о либерализме и Соловьёве Вы переборщили и, мне кажется, не соблюли перспективы. Я думаю, что отношения Соловьёва к «Вестнику Европы» объясняется так же, как мои к «Освобождению»³: то и другое религиозно нейтрально и терпимо. Это не есть, конечно, достоинство с религиозной точки зрения, но здесь нет и ненависти к религии, которая всегда была и есть в партиях революционных (хотя она там и соединяется со своеобразной религиозностью).

Для Соловьёва «Вестник Европы», как и для меня Союз освобождения, есть только временная политическая квартира, без которой, однако, нельзя обойтись пока. Ограничусь этим.

<...> Я решил, если в половине октября поеду в Москву, поговорить прямо, по душам с Сытиным и думаю, что если «Вопросы жизни»⁴ должны существовать, то будут деньги. Эрн уже подал прошение, Карташёв тоже, так что эти дела налаживаются. <...>

Как поразила всех смерть С. Н. Трубецкого! Я оплакиваю в нём философа-соловьёвца. Придётся написать о нём⁵. Обнимаю Вас. Всего Вам доброго. <...>

¹ *Волжский*. Ст. Пшибышевский и Вл. Соловьёв о смысле любви // Вопросы жизни. 1905. № 10/11. С. 51–70.

² *Soloviev V. La Russie et l'Eglise universelle*. Paris, 1889.

³ «Освобождение» — нелегальный журнал «Союза освобождения» (ядра конституционно-демократической партии), издавался с июля 1902 г. по октябрь 1905 г. в Штутгарте под редакцией П. Б. Струве.

⁴ «Вопросы жизни» — ежемесячный литературно-общественный журнал, издававшийся в 1905 г. в Петербурге при ближайшем участии Булгакова.

⁵ «Я мало знал покойного Сергея Николаевича, но тем не менее должен засвидетельствовать, что немало ему духовно обязан. Его звезда ярко светила на моём духовном небосклоне, указуя путь, радуя, ободряя. В ту пору, когда я переживал ломку мировоззрения, проходя свой длинный путь от марксизма к христианству, кн. Трубецкой, в числе других религиозных мыслителей, являлся тою крепкою и мужественной опорой, которая так нужна человеку, пробирающемуся через чашу совершенного неверия или чаще всего религиозного индифферентизма» (*Булгаков С. Кн. С. Н. Трубецкой как религиозный мыслитель* // *МЕ*. 1908. № 14. С. 11).

160. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<03.10.1905. С.-Петербург — Киев>

<...> Смерть князя Трубецкого меня поразила страшно. Не так давно я слышал от П. В. Тихомирова, насколько религиозен был почивший: ведь это был минус в его личности в глазах многих, и он никогда не прятался с ним от русского прогрессивного общества.

В последнее время Трубецкой — символ разумно-освободительного движения в нашем обществе. И такое или иное отношение к нему со стороны духовенства имеет важное общественное значение.

Вот главные мотивы — помимо непосредственного порыва сердца, — почему я взял на себя руководящую роль по чествованию князя со стороны нашего кружка. <...>

161. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — А. И. ФЛОРЕНСКОМУ

<01-09.10.1905. Сергиевский Посад — Тифлис>

Дорогой папочка!

<...> У нас тут в академии и в Москве кипение проектов и начала разных дел, вернее, разных сторон одного дела. Теперь целый ряд внешних условий складывается, по-видимому, так благоприятно, что практическое осуществление наших планов кажется возможным гораздо ранее, чем можно было мечтать, — настолько ранее, что мы едва ли успеем подготовиться. В числе других дел на мне лежит редактирование сочинения о. Серапиона, о котором я уже писал тебе. Там очень много интересного и ценного, но с внешней стороны это сочинение очень неудовлетворительно.

Как идут дела в Москве — я знаю мало, т. к. давно там не был, да и некоторые из моих знакомых сейчас отсутствуют. В общем — беспокойно и постоянно бывают волнения, хотя, кажется, не особенно интенсивные. <...>

Я теперь живу вдвоём с Троицким, в комнате невероятной высоты. Потолки — сводчатые, комната длинная и узкая, так что в академии была ранее известна под именем «щели», а потом — под именем «фермопил».

Прошло уж не знаю сколько времени с тех пор, как начато это письмо. <...> У нас в академии сильные волнения из-за автономии. Мы послали петицию в Синод, а в подкрепление её устроили забастовку. Приехал митрополит, но профессора его отчитали, изругали неслыханным образом, студенты отказались выслушать и, в заключение всего, выехав из Посада, он застрял посередине дороги к Москве, т. к. забастовали железные дороги. Мы действуем дружно, и профессора всецело на нашей стороне. Чем всё это кончится — не знаю, быть может, придётся выехать из академии. Через каждые 5 минут можно услышать новые вести, меняющие всё дело. Хотя одно верно: наша забастовка продолжится до ответа Синода и остановить дело теперь нет никакой возможности.

Занятия в академии приостановлены на «неопределённое время» «по распоряжению митрополита» (а на самом деле нашими усилиями). Сходки происходят раз 5 в день, депутации к ректору, в Совет профессоров и т. д. бегают туда и сюда, и нормальный ход жизни совершенно нарушен.

Ещё через 2 дня.

Из академии предложено уезжать на неопределённо-долгий срок. Куда я поеду — ещё не знаю. Быть может, что с Троицким приедем в Тифлис. Но пока ничего неизвестно.

Целую тебя, дорогой папочка. Сейчас положительно невозможно писать — твой П.

162. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<21.10.1905. Сергиевский Посад — Тифлис>

Дорогая мамочка!

<...> В академии пока положение неопределённое. Вследствие нашей энергической деятельности и вследствие забастовки жел<езных> дорог, нас ещё не погналы, хотя и старались, из академии. Но теперь, по всей вероятности, уж придётся уезжать. Профессора соединились с нами и тоже послали мотивированную петицию в Синод о необходимости коренной реформы духовных учебных заведений. Но пока что нас всё-таки, кажется, погонят. Если это будет так, то я ещё не решил, куда ехать. Вероятнее всего, останусь в Посаде и займусь своими делами. <...>

Собственно теперешнее движение в академии вызвано возбуждённым нами вопросом об автономии. Но целый ряд мелких и крупных беспактностей со стороны инспекции осложнил то, что было достаточно просто. Дело дошло до того, что мы экстренно собрали по особому приглашению своих профессоров, чтобы посоветоваться с ними — случай небывалый, кажется, в летописях академии. <...>

163. К. М. АГГЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ

<21.10.1905. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Владимир Францевич, вчера получено разрешение на бесцензурное издание «Вестника жизни». Обращаемся к Вам с усердной просьбой:

Побывать у И. Д. Сытина и попросить его дать нам возможность немедленно начать дело. Ни Антон Владимирович <Карташёв>, ни я не обладаем никакими капиталами: вдвоём не можем дать суммы, нужной в качестве задатка за квартиру. О другом нечего и говорить. Сегодня вечером едет в Москву о. Г. С. Петров. И это письмо пишу на вокзале в ожидании о. Григория. Мог бы я всё нижеследующее передать Сытину через него. Но о. Григорий устраняется, каким-то холодком постоянно обдаёт нас. У меня при разговоре о журнале просто язык прилипает к гортани. Помогите Вы нам. Разьясните И<вану> Д<митриевичу> то, что по неизвестным мне причинам неясно о. Григорию: наш журнал единственный в своём роде.

Ведь он берёт в себя всё реформационное движение Церкви. Как же ему не пойти... Подогрейте Сытина!

Я буду ожидать от Сытина телеграммой разрешения нанимать квартиру. В данном пункте у нас планы широкие. Нам хотелось бы при редакции иметь залу для заседаний «Союза церковного обновления» (бывший кружок «32-х») и для собраний по религиозно-общественным вопросам. То и другое мы начинаем «явочным порядком». Квартира нужна в 2–3 тысячи. Проектируем — это по совету о. Григория — организовать собрания с платой за вход по 20 коп. Предложите Сытину, не найдёт ли он возможным нанять квартиру, а весь сбор с заседаний будет идти уже в пользу издателя. Предложите это с предваряющим зондом почвы, постоянно памятуя, что все мы беднота!..

Шлите нам свои статьи. <...>

Целую Вас и Валентина Павловича. Любящий свящ. К. Аггеев.

Ожидаю от Вас писем.

164. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<23.10.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Во-первых, что это вы скрылись совершенно с горизонта и не подаёте о себе знать? Кто-то нам говорил, что вы, кажется, собираетесь ехать в Тифлис. Тогда побывайте у нас. Мы хотим дать вам несколько тем для нашей газеты, чтобы вы, значит, написали. Во-вторых, может быть, как-нибудь вы могли бы доставить нам «Северные цветы»¹, потому что нам с Сашей хотелось бы их прочесть, а уже нужно возвращать Ивановым. Я ведь взял их у Ивановых с тем, что возвращу. Прощайте, всего доброго.

Ваш В. Эрн.

P. S. Сообщите адрес Алабиной.

¹ «Северные цветы» — литературный альманах, выходивший в Москве под редакцией В. Я. Брюсова в 1901–1904 гг.

165. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<27.10.1905. Киев — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич! <...>

Итак, конституция! Стало быть, идём в открытый бой с драконом, и да укрепит Бог наши слабые силы! Я сейчас, несколько опомнившись от окружающих ужасов, всецело захвачен мыслями о союзе христ<ианской> политики (интересные письма по этому поводу получаю), об организации учреди-

тельного съезда, вообще этой черновой, но неотложной деятельностью. Даже курс полит<ической> экономии с христ<ианской> точки зрения хочу писать, надо дать такую книгу сельскому духовенству. Последнее растёт на глазах, как я в этом убедился здесь, в Киеве, во время епархиального съезда.

Равным образом меня заботит петерб<ургская> газета, моск<овская> газета и народная литература. Этого по крайней мере на полгода хватит. Ввиду этого я легко помирился бы с временным закрытием «В<опросов> ж<изни>», например на год или на полгода. Да и вообще по изменившимся условиям печати теперь надо изменять тип журнала. У меня опять неудовольствие накапливается против «В<опросов> ж<изни>» и Г. Ив. <Чулкова>¹, и вот моё последнее слово. Для поддержания «В<опросов> ж<изни>» в теперешнем их виде я не ударю пальцем о палец, говорить же и убеждать Сытина мне не позволит *совесть*. Если журнал продолжится помимо меня, я выставлю условие своего участия в редакции — перенесение её в Москву, куда перееду при первой возможности (весной или осенью). Г. Ив. нужно подчинить определённой конституции. Если же журнал не осуществится, то я буду убеждать и надеюсь убедить Сытина издавать (м<ожет> б<ыть> при Соловьёвском обществе) «Соловьёвский вестник», журнал христ<ианской> философии и христ<ианской> политики, без беллетристов и без позитивистов, с широкой терпимостью, но всё же свой. За такой журнал я буду распинаться, и нужен — в дополнение к другим нашим органам — именно такой журнал, а не сецессион, к которому я лично всё-таки холоден. Напишите, дорогой мой, или лучше телеграфируйте, можете ли Вы в начале ноября или в начале декабря быть в столицах для налаживания всех дел наших.

Без Вас обойтись-то можно, но совет Ваш и для дела, и для меня дорог. Обнимаю Вас. Ваш С. Б.

¹ Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — прозаик, поэт, теоретик мистического анархизма, в 1906—1908 гг. издатель литературного альманаха «Факель».

166. К. М. АГГЕЕВ — В. П. СВЕНЦИЦКОМУ

<31.10.1905. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Валентин Павлович.

Сию минуту получил Ваше письмо. Я только могу от всего сердца благодарить Вас за приглашение, столь мне приятное. Я был бы счастлив, если бы чем-либо мог помочь делу, связанному со столь дорогим мне именем...¹

Завтра у нас совещание у о. Григория. Приглашён И. Д. Сытин. На моё письмо по поводу газеты и совершенно неожиданного поворота о. Гр<игорий> ответил мне сегодня: «Газета будет, как говорит об этом полученное мною письмо от И. Д.». Целую Вас и В. Фр. <Эрна>.

Священник К. Аггеев.

Сегодня или завтра приезжает в СПб С. Н. Б<улгаков>². Подробнее напишу на днях.

¹ Речь о приглашении участвовать в МРФО.

² Видимо, это произошло позже, поскольку 31 октября 1905 г. Эрн из Москвы писал Глинке: «Завтра приезжает Булгаков», а на следующий день: «Говорили много об осуществлении „Союза христианской политики“» (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 314. Л. 2, 4).

167. К. М. АГГЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ и В. П. СВЕНЦИЦКОМУ

<04.11.1905. С.-Петербург — Москва>

Дорогие Владимир Францевич и Валентин Павлович.

Сергей Николаевич посвятил меня в ваше настроение по отношению к о. Григорию¹. А сам о. Григорий передавал мне о заседании у Астрова, оставившем в его душе «столь неприятный осадок». Мне почудилось в передаче о. Григория какая-то смущённость, нечто вроде сожаления о бывшем. Представьте: мне самому почему-то стало его жалко. Это, быть может, чисто субъективное.

Как бы то ни было, мне очень хочется перекинуть отсюда к вам, в ваш флигелёк, ветку примирения. Нас так мало, что всякий разрыв тяжёл — а с лицом, сделавшим несомненно многое для торжества Христовой истины, особенно...

Есть и особые обстоятельства, дающие мне смелость просить Вас вменить бывшее в небывшее. О. Григорий целый год находился в исключительных условиях: целый год все носят его на руках. Петербург и провинция соперничают в восхвалении его. Ну как не закружиться голове от этого вихря? Позволительна в таких случаях снисходительность?

Вы, дорогие друзья, простите меня за это письмо, которое я вам пишу после беседы с С. Н. Б<улгаковым>, который тоже разделяет мои чувства при согласии с Вами по существу. Кстати, письмо в «Руси» о Кронштадте написано о. Григорием исключительно *по собственной инициативе*.

Вчера составили первый № «Вестника жизни». Ваша статья «Деморализация войск» вошла в него. Ожидаем с часу на час приезда И. Д. Сытина и примемся за дело.

Вопрос о народной газете с редакторством С. Н. Б<улгакова> не нужно считать отрицательно решённым: такое я вынес впечатление из беседы с о. Григорием. Подробнее напишу на днях.

При «Вестнике жизни» можно будет учредить Петербургский секретариат партии Христианской политики. Во всяком случае Антон Владимирович <Карташёв> и я рады будем служить этому делу.

Любящий Вас всей душой свящ. К. Аггеев.

Хорошо было бы хотя бы для второго № получить от вас обоих что-либо.

При случае сообщите о. Петру Петровичу², что мой адрес не Стремянная 20, как он пишет, а Смольный. Я тоже буду писать ему. Его ввёл в заблуждение конверт, в котором за отсутствием чистых шлюю своё письмо.

¹ Ср: «Подлинное религиозное чувство, которое волновало и будило в первый период деятельности свящ. Петрова, сменилось газетными фельетонами... которые обращали на себя внимание только своей либеральной, политической стороной... Петров-пастырь стал Петровым-фельетонистом» (С-П. 420)

² *Поспелов* Пётр Петрович (1874—1938), прот. — окончил КДА (1898), иерей (1903), преподаватель в Московской духовной семинарии (1898—1903), член Общества любителей духовного просвещения, член-учредитель МРФО, служил в храме св. Василия Кесарийского на Тверской (1900—1911), настоятель храмов апп. Петра и Павла на Н. Басманной (1911—1923) и иконы Божией Матери «Знамение» (1925—1931), полковой священник (1914—1917), расстрелян.

168. В. Ф. Эрн — Г. П. Медему¹

<05.11.1905. Москва>

Его Превосходительству господину Московскому Градоначальнику заявление.

Честь имеем довести до сведения Вашего Превосходительства, что нами предположено к открытию в г. Москве Религиозно-философское общество памяти Вл. С. Соловьёва.

Устав при сём прилагается.

Члены учредители: священник К. М. Аггеев, А. Н. Булгаков², проф. С. Н. Булгаков, Д. Д. Галанин³, А. В. Ельчанинов, пр.-доц. С. А. Котляревский, проф. Л. М. Лопатин, В. П. Свенцицкий, М. И. Сизов⁴, С. Синельников, Б. Сыроечковский, В. Сыроечковский, священник П. П. Поспелов, М. В. Штандель, Д. В. Шер, оставленный при У<ниверсите>те В. Ф. Эрн, оставленный при У<ниверсите>те И. М. Херасков⁵, Г. А. Рачинский.

За всех подписал: остав<енный> при Моск<овском> Университете (Сивцев Вражек, Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16) Вл. Фр. Эрн.

Устав Религиозно-философского общества памяти Вл. С. Соловьёва⁶

І. Цель Общества

§ 1. Общество имеет целью разработку вопросов религии и философии.

§ 2. Для достижения этой цели Общество:

- а) Устраивает заседания, библиотеку, читальню и издаёт труды Общества.
- б) Предпринимает издание книг и *периодических изданий*.
- в) Организует лекции на общих *началах*.
- г) *Образует специальные секции.*

II. Состав Общества

§ 3. *Общество находится в Москве, но район его деятельности распространяется на всю Россию.* Общество составляют члены: почётные, действительные и члены-соревнователи.

§ 4. Почётными членами могут быть лица, известные своей деятельностью или трудами в области религиозно-философской, *избранные по предложению Совета большинством голосов действительных членов.*

§ 5. Действительными членами являются члены-учредители и те из членов-соревнователей, которые будут избраны в действительные члены.

Примечание. Никто не может быть избран прямо в действительные члены.

§ 6. Членами-соревнователями могут быть все лица, желающие принять участие в деятельности Общества. Они избираются действительными членами, закрытой баллотировкой, большинством голосов.

§ 7. Действительные члены избираются только из членов-соревнователей, по рекомендации двух действительных членов, большинством не менее 2/3 голосов.

III. Средства Общества

§ 8. Средства Общества состоят из:

1) Из членских взносов в размере трёх рублей в год.

Примечание. а) Почётные члены освобождаются от всяких взносов. б) Лица, не имеющие возможность внести членский взнос, освобождаются от него по заявлению Совету.

2) Добровольных пожертвований.

3) Сборов с платных лекций и рефератов.

4) Доходов с изданий, предпринимаемых Обществом.

IV. Организация Общества

Совет

§ 9. Совет Общества находится в Москве и состоит из Председателя Общества, Товарища его, секретаря и не менее 3-х членов Совета.

§ 10. Председатель, его Товарищ и члены Совета избираются в закрытом собрании на один год, абсолютным большинством голосов, закрытой баллотировкой.

§ 11. Совет из своей среды избирает секретаря, библиотекаря и казначея.

§ 12. Для действительности заседания Совета необходимо присутствие не менее 2/3 его членов.

§ 13. Совет может приглашать в свои заседания, с правом совещательного голоса, как членов Общества, так и посторонних лиц.

§ 14. К предметам занятий Совета относятся:

1) Рассмотрение докладов членов-соревнователей и гостей.

2) Заведывание текущими хозяйственными, издательскими и административными делами Общества.

Примечание. Совет выделяет из себя комиссии, в которые, по мере надобности, приглашает членов Общества и посторонних лиц, полезных для деятельности Общества.

3) Исполнение постановлений общих собраний.

- 4) Созыв общих собраний.
- 5) Составление отчётов для представления общему собранию.
- 6) Объявления *заседаний* закрытыми и публичным.

Секции

§ 15. Решение об организации специальной секции принимается на закрытом заседании Общества не менее чем 2/3 присутствующих действительных членов.

§ 16. Первоначальный состав секции — почётные или действительные члены — избирает из своей среды Председателя, его Товарища, секретаря и не менее двух членов Совета.

§ 17. Совет секции: 1) Рассматривает доклады, представленные специально в секции.

2) Объявляет заседания открытыми или закрытыми.

3) Представляет на усмотрение Совета Общества свои издательские предложения и все прочие дела, касающиеся не только внутреннего распорядка секции, но и всего Общества.

§ 18. Членами секции могут быть все желающие действительные члены Общества.

§ 19. Действительные члены, вошедшие в состав какой-либо секции, имеют право избирать в секцию членов-соревнователей. Но секционные собрания не вправе избирать в действительные члены Общества.

§ 20. Деятельность секции прекращается по постановлению закрытого собрания Общества не менее чем 2/3 голосов присутствующих действительных членов.

Общие собрания

§ 21. 1) Общие собрания происходят не менее одного раза в год, и на них присутствуют почётные члены, действительные члены и члены-соревнователи (а также члены-соревнователи отдельных секций).

Примечание. Члены-соревнователи пользуются правом лишь совещательного голоса.

2) Председательство на общих собраниях принадлежит специально для того выбранному председателю.

3) Из состава Совета никто не может быть председателем общих собраний.

§ 22. 1) Общее собрание рассматривает отчёты и сметы Общества.

2) Избирает ежегодно ревизионную комиссию из 3-х членов.

Примечание. В состав ревизионной комиссии не могут входить члены Совета.

Заседания

§ 23. Заседания могут быть закрытые, открытые и публичные.

а) Закрытые заседания состоят из почётных и действительных членов и членов-соревнователей.

Примечание. На закрытые заседания Совет имеет право приглашать лиц, мнение которых он считает важным по данному вопросу.

б) В публичные заседания допускаются гости.

в) Представители печати допускаются на общие собрания и публичные заседания, на закрытые же заседания лишь с разрешения Председателя.

§ 24. Вопросы об изменении Устава, исключении членов или ликвидации Общества решаются на закрытом заседании 2/3 голосов действительных членов, находящихся в г. Москве.

§ 25. Общество имеет свою печать.

¹ *Медем* Георгий Петрович (1849—1911) — барон, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов в 1903—1905 гг., московский градоначальник с 16 июля по 30 декабря 1905 г., генерал-лейтенант с 1906 г.

² *Булгаков* Алексей Николаевич — брат С. Н. Булгакова.

³ *Галанин* Дмитрий Дмитриевич (1857—1929) — историк математики, преподаватель в 1-й московской мужской гимназии, статский советник, член Совета МРФО в 1905—1908 гг.

⁴ *Сизов* Михаил Иванович (1884—1956) — биофизик, переводчик, литературный критик. Поступил на физико-математический факультет ИМУ в 1903 г., участник секции истории религии ИФСО, кружка «аргонавтов», сотрудник издательства «Музагет».

⁵ *Херасков* Иван Михайлович (1878—1963) — публицист, литературный критик, приват-доцент по кафедре истории ИМУ, с 1908 г. в эмиграции, автор статей в журнале «Новый Град». Летом 1902 г. в компании со Свенцицким и др. путешествовал по Волге и Кавказу.

⁶ Текст приводится по типографскому оттиску из архива семьи Флоренских, курсивом выделены вставки по сравнению с приложенным к письму первоначальным вариантом (*Носов А.* От «соловьёвских обедов» — к религиозно-философскому обществу // Вопросы философии. 1999. № 6. С. 92—93). Устав продавался на публичных заседаниях МРФО, в т. ч. 31 января 1907 г. (Церковный голос. 1907. № 9. С. 277).

169. Г. П. МЕДЕМ — ПРИСТАВУ 2 уч. ПРЕЧИСТЕНСКОЙ ЧАСТИ

<09.11.1905. Москва>

Проживающий по Сивцеву Вражку, в Нашокинском пер., в доме Яковлевой, кв. 16 Вл. Фр. Эрн заявлением, поданным мне 5 ноября с. г., довел до моего сведения, что им, совместно с другими лицами, поименованными в его заявлении, предположено открыть в Москве «Религиозно-философское общества памяти В. С. Соловьёва».

К своему заявлению г. Эрн приложил никем не утверждённый устав этого Общества.

Принимая во внимание, что существующий порядок утверждения разного рода Обществ и утверждения их уставов не отменён, предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить г. Эрну, что открытие действий упомянутого Общества может быть признанным законным лишь по утверждении составленного учредителями устава, для какового утверждения надлежит представить устав Министру Внутренних Дел.

Расписку г. Эрна в объявлении сего доставить мне¹.

Генерал-майор Г. П. Медем.

¹ Эрн дал расписку 22 ноября 1905 г. Устав был утверждён и МРФО зарегистрировано канцелярией московского градоначальника 1 августа 1906 г. (ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 73. Д. 142. Л. 25).

170. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<09.11.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Сейчас я был в «Весах». Полякова не было, была девушка. Она сообщила, что рукописи твои у Полякова на просмотре, что задержка произошла от необходимости всунуть туда чертёж (или рисунок), что она сообщит Полякову о твоём желании или видеть статью напечатанной сейчас же, или получить её обратно¹. Твой адрес они знают. Помнишь ли ты о твоём обещании и моей просьбе — полесские монастыри Ефимовской? Недавно проглядел три неплюевских тома² и не одобрил.

¹ Вероятно, так и неизданная статья «Гамлет».

² Собрание сочинений основателя Крестовоздвиженского православного трудового братства Николая Николаевича Неплюева (1851—1908).

171. К. М. Аггеев — В. Ф. Эрну и В. П. Свенцицкому

<14.11.1905. С.-Петербург — Москва>

Дорогие Владимир Францевич и Валентин Павлович, после мучительно нерешительных недель, истерзавших нас обоих, «Вестник жизни», переименованный в «Свободу и религию», близок к появлению на свет Божий. Сегодня у А. Вл. К<арташёва> были Сытин и солидный петербургский книгоиздатель <Пётр Петрович> Сойкин и заявили, что берут совместно наш орган в свои руки.

В самых первых числах декабря выйдет первый номер. А раньше будет публиковаться составленный С. Н. Б<улгаковым> и принятый всеми нами проспект издания. Мы ожили со вчерашнего дня. Трудно в достаточной степени изобразить вам пережитую душевную муку: свыше полугода жить идеей журнала и вдруг по каким-то роковым стечениям событий потерять его...

Григорий, к слову сказать, от издания и даже сотрудничества пока устраняется: по его желанию в объявлении его фамилии значится не будет. Это слова о Григория — для возможности писать о нём.

Обращаемся к вам с горячим призывом — объединиться около нашего новорождённого детища и отдать ему свои силы...

«Народная газета» в Москве будет издаваться Сытиным. Главным деятелем в ней будет о. Григорий, который даже, как мне передавали, переезжает на жительство в Москву. Было бы, конечно, очень хорошо и ваше участие, но боюсь я за его возможность: чисты вы для компромиссов и не захотите идти по указке людей, несколько чуждых вам. Во всяком случае, не откажите поделиться сведениями о предстоящем народном органе, если они у вас имеются.

Ожидаем статей. В первом № будет отзыв о вашем сборнике¹. А я, надо полагать, посвящу ему не одну статью.

Антон Владимирович очень просит сообщить имя и отчество Флоренского. Попросите его при свидании о статьях.

Всего вам хорошего! Преданный свящ. К. Аггеев.

¹ Свободная совесть. Литературно-философский сб. Кн. 1. М., 1906.

172. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<14.11.1905. С.-Петербург — Киев>

Дорогой Пётр Павлович!

Целые три недели переживал ужасные душевные страдания: порою терял голову. И не думал, чтобы так мог пристраститься к нашему журналу. Душевная мука мешала и писать тебе.

Наш «Вестник жизни» чуть было не умер до рождения. Сытин в последний месяц потерял в делах свыше 300 000 р. А к тому же о. Григорий подливает пессимизму. Нужно сказать тебе, что о. Петров с самого начала зарождения идеи о журнале стал к последнему в скептическое отношение. И мне с августа по сей день приходилось выносить это дело на своих плечах. Горячее спасибо С. Н. Булгакову и москвичам, его друзьям, которые поддерживали меня в неравной борьбе. <...> «Теперь нужно открыто выставить единение духовенства и интеллигенции — того требует исторический момент». Какая вера глубокая у С<ергея> Н<иколаевича>. Нам всем бы такую! Кн<язь> Е. Трубецкой присылает статью для первого №: «Памяти Вл. С. Соловьёва». Разве с такими людьми нельзя дела сделать!..

<...> Главный мотив нашего органа — борьба с с<оциал>-д<емократическим> м<атериализмом>, который у нас в проспекте назван драконом. Признавая практическую сторону с<оциал>-д<емократов>, мы с тем большим отрицанием относимся к его атеизму! <...>

¹ Ср.: «Церковь... должна признавать и освящать всё то положительное, ценное и истинное, что есть в программах отдельных политических и общественных партий, отделяя зерно от мякины» (*Трубецкой Е.* Церковь и современное общественное движение // *Право.* 1905. № 15. С. 1173). «Вырабатывать заново конкретные требования или практическую программу христианской политики для нашего времени не приходится, ибо это давно уже сделано гуманистическим движением, хотя и чуждым религии, но бессознательно выразившим именно её требования, нужно прямо учиться у него. ...Принять и усвоить основную программу, уже выставленную нашими демократическими социалистическими партиями в их практической, так сказать, деловой части» (*Булгаков С.* Неотложная задача. М., 1906. С. 19–20). «Христианство и должно воспользоваться долгим опытом крайних партий, выработавших себе наилучшие приёмы борьбы, и принять и использовать их. Программа-тактика христиан — это программа крайних партий, с исключением из неё убийства» (*С-II.* 114).

173. К. М. АГГЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ и В. П. СВЕНЦИЦКОМУ

<03.12.1905. С.-Петербург — Москва>

Валентин Павлович, Владимир Францевич, Вам теперь известен финал нашей газеты. Больно, но рук покладать не стоит.

Я делаюсь более или менее постоянным сотрудником «Церковного вестника» и, если только смогу быть полезным, — Вашей библиотеки¹. Прошу Вас располагать всеми моими статьями, как напечатанными, так и имеющими появиться на свет, делать в них редакционные изменения по своему усмотрению. В прошлом году, в конце, была напечатана в «Церковном вестнике» моя заметка «Нужды деревни», имеющая принципиальное значение, написанная по поводу книги «Нужды деревни» изд<ательства> «Право». Не будет ли она полезна Вам? «Московские ведомости» окрысились на неё: значит, в ней есть нечто достойное внимания. В начале 1906 года будут напечатаны «Церковь и государство»², «Смертная казнь перед судом христианского сознания». Возможно, редакция их немного кастрирует, тогда я пришлю Вам оригинал...

Откликнитесь о ходе Вашего издательского дела. Боюсь, что мои письма до Вас не доходят. Напишите, можно ли мне будет пристроить куда-либо (разумею «Нашу жизнь») «Деморализацию войск». В Вашем книгоиздательстве, уверен, примут участие мои киевские друзья. Повторяю: напишите поподробнее. Как был бы я рад Вашей народной газете. Помните и об этом. Целую Вас.

Свящ<енник> Аггеев.

Примемся с А. Вл. К<арташёвым> за р<елигиозно>-фил<ософские> собрания.

¹ *Религиозно-общественная библиотека* — серии книг (для народа, интеллигенции, сб. статей, переводы), издававшихся участниками ХББ.

² *Аггеев К.* Церковь и государство // Полярная звезда. 1906. № 6. С. 433-437.

174. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<05.12.1905. С.-Петербург — Киев>

Дорогой Пётр Павлович!

Сообщаю горькую весть: журнал наш пока не увидит света. Сытин, по его словам, почти банкрот. Может быть, есть тут и иные мотивы, но можно и поверить его словам. Ввиду общего положения дел — «Русское слово» прекращается, «Русь» полный банкрот, даже «Новая жизнь» почётно умирает, соединяясь с «Началом». «Где же тут, — говорят, — начинать новое издание?» Я лично уже перестрадал этот факт, и теперь мне кажется, справедлив был ты, кто считал наше предприятие опасным. Утешение, конечно, слабое. <...>

Наши московские друзья — ученики Трубецкого — Эрн, Свенцицкий предприняли религиозно-философскую библиотеку. Издателем у них Сытин.

Они просят всех нас принять участие. Пришли, пожалуйста, и ты. Материалом может быть и уже напечатанное, и будущее. Это второе.

Эрну и Свенцицкому Морозова дала 20 000 р. для издания народной христианской газеты. Это будет конкуренция народной газеты, предпринимаемой о. Петровым «Правда Божия». Говорю — конкуренция: явится она ввиду отрицательного отношения Эрна и Свенцицкого к о. Григорию. Эрн и Свенцицкий очень просят об участии. Я лично не мастер для этого, хотя попробую. Убедительно прошу тебя.

<...> С января приступаю к изданию отдельной книги своей под одним заглавием «Христианство и его отношение к земной жизни» (Сборник статей)¹. <...> Книга выйдет размером самое меньшее 300 страниц. Издать её согласился Эрн, если бы я сам не справился с этим делом.

<...> Действия революционеров — совершенное самодержавие, попрание свободы, порою инквизиция. Отныне я лично отказываюсь сказать, как прежде: я на стороне наличного освободительного движения...

¹ Сборник не вышел. Его часть выросла в магистерскую диссертацию Аггеева «Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства» (К., 1909).

175. П. А. Флоренский — О. П. Флоренской

<05.12.1905. Толпыгино — Тифлис>

<...> Здоровы ли вы, дорогая мамочка? <...> Что Ельчанинов и Эрн? Они, как оказалось, неожиданно для меня, уехали в Тифлис на праздники.

Пишу тебе из Толпыгина; хотелось сколько-нибудь отдохнуть от всех событий и дел, но это удаётся плохо. Всё время приходится разговаривать о политике и положении Церкви, спорить, доказывать и волноваться. Заниматься — почти не занимаюсь, а всё разговариваю или вовсе бездельничаю. Что будет в академии — неизвестно. С автономией нас явно обманывают, но невозобновление занятий вносит очень серьёзные осложнения, главным образом для новопоступающих. Как устроятся дела, стараюсь пока не думать, тем более что всё равно ничего не придумаешь. Но мои церковные интересы принимают всё более и более живую и жизненную форму.

<...> Больше всего меня занимает изыскание сокровенных корней религии и отношение религии к быту, к обыденной, к повседневной и еженочной жизни. И если экономическую сторону и физиологию, как говорят, можно прослушать повсюду, то для меня более очевидна та мысль, что религиозные начала проникают собою всё существование человека, даже когда он не знает и не подозревает о них. То, что сначала кажется чисто практическим делом, то потом оказывается пронизанным традицией и обрядом; то, что сперва

можно было бы принять за утилитарность, то самое скрывает в себе культ и ритуал. Мне нужно выявить эти религиозные начала жизни и показать связь их с религиозными системами.

<...> Мне бы хотелось и оставить всякие занятия, и академию, и всё, и уйти странствовать или поселиться в лесу. Куда ни оглянешься, нет полной честности, бескорыстия и объективного отношения к вопросам и делам. Этим я не хочу сказать, что я сам не таков; нет, но жаждется видеть таких людей. Впрочем, кое-кого, пожалуй, я знаю, но этого мало.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Твой П.

176. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<17.12.1905. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

1. Немудрено, что мы не откликнулись на твои письма — мы не получали их, т. к. была забастовка, сначала почтовая, потом ж<елезно->д<орожная> — всего месяц.

2. То же относится и к «Весам», в которых я был (я писал об этом) по твоему делу.

3. Деньги мне нужны, т. к. мы с Эрном собираемся домой, пришли, если можешь и если надеешься скоро получить за Сперанского.

4. О «кризисах детского развития» в *научной* литературе нет ничего: что есть, то только в беллетристике, романах и т. д.; впрочем, если под кризисом разумеешь переход<ный> возраст, то об этом есть много эксперим<ентальных> работ, библиографию и материал о которых см. у Stanly Holl'a в *Adolescentia*.

5. С пожаром сытинской типографии¹ дело с газетой становится неопределённым вполне.

6. «Вообще» мы имеем: было два заседания религ<иозно>-фил<ософского> общества², приходят попы, завязываются связи.

7. Мы получили «Монадологию»³, за которую и благодарим; Лопатину его экземпляр будет доставлен сегодня.

8. О «Критике отвл<ечённых> н<ачал>» я скажу Валентину, как увижу.

9. Перевод Sohм'a идёт и будет напечатан немедленно по окончании перевода⁴. Опубликовано о нём будет в следующей же нашей брошюре. К тебе собирается Петровский, который расскажет подробности.

Твой Саша Е.

¹ Типография И. Д. Сытина сгорела 11 декабря 1905 г. во время вооружённого восстания в Москве.

² «18-го ноября состоялось учредительское собрание религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва. Председателем общества избран проф. С. Н. Бул-

гаков, товарищем председателя — В. П. Свенцицкий, членами совета: профессор С. А. Котляревский, В. Ф. Эрн, Д. Д. Галанин, А. В. Ельчанинов. Канцелярия общества, Остоженка, Зачатьевский пер., д. Шер, открыта ежедневно от 12 до 2 час. дня» (Русское слово. 1905. 21 ноября; Московские вести. 1905. 21 ноября). На первом открытом заседании МРФО 21 ноября Свенцицкий выступил с докладом «Христианское братство борьбы и его программа» (С-П. 40–64), в прениях участвовали священники Н. И. Боголюбский и П. П. Поспелов. «На другом заседании был прослушан доклад Д. Д. Галанина „Христианское мировоззрение до XVII века“. Автор доклада пытался найти в мировоззрении русского народа, поскольку оно выразилось в памятниках допетровской эпохи, — ответ на злободневные вопросы современности. Славяно-фильски-народническая точка зрения автора вызвала горячую критику г. Кузнецова (прис. пов.), г. Гантунга (прис. пов.), В. Эрна и свящ. П. П. Поспелова. Общество обещало развернуться очень широко; через несколько недель число членов возросло до 150 человек, но введение чрезвычайной охраны положило конец начавшейся деятельности общества, и оно временно прекратило своё существование» (О. М. По России. Москва // Народ. 1906. 2 апреля. № 1).

³ Перевод Флоренского «Физической монадологии» И. Канта (Богословский вестник. 1905. № 9. С. 95–127).

⁴ *Зом Р.* Церковный строй в первые века христианства / перев. А. Петровский, П. Флоренский. М., 1906. РОБ. Серия 3.

177. ДНЕВНИК В. П. СВЕНЦИЦКОГО¹

<Декабрь 1905>

Дорогой бесценный друг мой! Я пишу это только для одного тебя, чтобы ты понял меня, простил, если я грешен, и помолился обо мне. Они мучают народ; знаешь ли ты, чувствуешь ли ты это, как я? Я не могу больше... пойми ты это! Сегодня я прочёл, как у Крымского моста два казака кружились вокруг лежащей на земле женщины и хлестали её, полумёртвую, нагайками. Кровь её на меня брызнула, она жжёт меня, душу, мозг, сердце. Я понял, что жить больше не могу, не могу, не должен, понимаешь ты, не должен. Я молился всю ночь об одном, чтобы Господь лишил меня жизни. О Господи, ведь я не могу воскресить её, не могу спасти её. Тело её дорогое, родное мне, как моё собственное, Христом прославленное, они терзали, мучили, и я ничего не могу, ничего не в силах, так, стало быть, я не достоин жизни, которую Ты дал мне. И мне казалось, что Господь не может не услышать меня, что Он сжалится над слабостью моей и пошлёт мне смерть...

А утром, когда я встал, не знаю, как, но ясно понял, что мне нужно убить их. Прости меня за это слово, родной мой, брат мой; тебе страшно слышать его из моих уст, ты кроткий и чистый сам, но, Господи, дай мне сил передать тебе то, что на душе моей. Я одно могу, мне одно дано, не могу духом убить, то разреши хоть рукой своей уничтожить жизнь тех, кто терзал её. Пойми, что я люблю эту валяющуюся под нагайками женщину больше, гораздо больше, чем себя. Если бы я мог её спасти самоубийством,

я бы сделал это с восторгом². Бог видит, как я люблю, Бог простит меня, я знаю, что простит.

О, только теперь я понял, какое великое искушение было послано мне Господом! С радостью и благоговением вижу, что Он спас меня. Как всё расширилось, исполнилось духом в моей душе: вижу всё, весь мир как единое прекрасное божественное творение. Новой мукой страдаю и жалею новой жалостью сестру мою, поруганную женщину. Боже мой, как мог я не видеть, как поругана, обесчещена душа терзавших её казаков!³ Убить их — это было хуже, чем добить умирающую женщину. Они стали мне ближе её. Всё во мне рвётся к ним. Пойду, обязательно пойду, разыщу их, на колени перед ними встану и всё-всё расскажу. Бог поможет мне. Теперь только понял я, что за моей любовью к женщине стояло человеческое отчаяние, а теперь за любовью к казакам стоит божественная надежда. Пусть они не покаются — молиться буду! Принимаю в душу свою их грех и вместе с ними всей жизнью своею буду искуплять его. Для одного Тебя, Боже мой, хочу жить, всё для Тебя отныне.

¹ Включено Свенцицким в статью «Террор и бессмертие» с оговоркой: «Две странички из дневника одного христианина, решившегося на террористический акт (который не состоялся в силу случайности) и затем понявшего всю глубину искушения, которое ему пришлось пережить». Вторая часть предварялась замечанием: «А через некоторое время этот же человек писал в своём дневнике следующее...» В заключение автор писал: «В этом живом документе, можно сказать, с кровью вырванном из сердца, с яркостью видна черта, отделяющая любовь человеческую, высшей точкой которой является желание ради спасения ближнего убить мучителя, и любовью христианской, которая поднимается надо всем, даёт силы вместить в душу свою страдание жертвы и грех мучителя» (С-II. 253–255).

² Оправданию этого порыва посвящён рассказ Свенцицкого «Старый чорт» (С-I. 512–519). Ср.: «Я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по плоти... Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей» (Рим. 9, 3; Исх. 32, 32); «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

³ В другом отрывке «Из дневника» Свенцицкий писал: «Покойный С. Н. Трубецкой как-то сказал мне: „Вы умеете воспринимать боль и ужас тех, *которых* убивают, — но вы слишком мало чувствуете ужас тех, которые убивают“. Тогда я согласился с ним, но последний год научил меня видеть другое... Послушайте, все должны понять это: гибнут не только те, которых убивают, — но ещё больше те, которые убивают. Потерять Бога в душе своей, потерять уважение к человеческой жизни, перестать чувствовать человеческую боль — это больше чем смерть... Ничто так не развращает душу, как чувство власти, но если власть давать безграничную над жертвой беззащитной — то это значит толкать в самый омут грязи и преступлений... Ужас этой *вечной* смерти, сжавший в руках своих десятки тысяч душ, страшнее самых ужасных казней» (С-II. 270–271). Ср. сказанное в те же дни: «Людей убивают, христиан терзают. Жалко, невыносимо... Но другое, братья и сестры, другое ужаснее. Христиане убива-

ют, христиане терзают, христиане православные проливают кровь повсюду» (Ф-Вк). «Христиан убивают... Но есть ещё более ужасное — христиане убивают» (Лаиников В. Белый террор и Церковь // Страна. 1906. 23 ноября. № 220).

178. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<28.12.1905. Киев — Симбирск>

Милый Александр Сергеевич!

Как давно от Вас нет известий и как хотелось бы, как внутренне нужно свидеться. Не нужно рассказывать, как переживались и мною и Вами эти томительные дни предварительного антихристового разгула¹. Можно сказать здесь только одно: в терпении спасайте души ваши! В то же время как поучительны эти ужасные дни, как выжигают они «солому» в душе, обесценивают тленные ценности и заставляют искать только нетленных.

Литературные дела наши окончательно расстроились. Так как я полтора месяца почти отрезан, то имею только самые скудные сведения. «Вопросы жизни» окончательно разложились. <...> Еженедельник наш хотели издавать Сытин с Сойкиным (?!), но, очевидно, в конце концов отказались, и я приписываю это враждебному влиянию Петрова, иначе нельзя это понять². Впрочем, я этого не знаю.

<...> Из нашей народной газеты родилась кошунственно-безбожная — по проспекту и названию — «Правда Божия», редактируемая священником Петровым! Как верен был Ваш инстинкт относительно него, теперь для меня ясно, что Вы были правы. У москвичей остаются ещё какие-то надежды и комбинации. Впрочем, в данный острый момент реакции нельзя было начинать газету. Вообще же я внутренне всё-таки как-то успокоился в вере, что у нас будет орган, а если не сейчас, значит, ещё не нужно.

Как Ваше здоровье? Боюсь, что смерть «Вопросов жизни» произведёт у Вас финансовый крах. Как бы нам повидаться? Не могли бы Вы без ощутительных для себя потрясений приехать в Москву или Петербург в 10-х числах января? Я бы Вас известил телеграммой о точном сроке своего выезда.

Нужно бы всем сообща посоветоваться относительно съезда «христиан», как говорят москвичи, или «Союза христианской политики», как его организовать и проч. Есть практические предложения, и ввиду церковного собора это получает важное значение. Если не можете приехать, то напишите о себе, о здоровье, о занятиях, о настроении. Желаю Вам всего лучшего, больше всего здоровья.

Весь Ваш С. Б.

¹ Имеется в виду разгром вооружённого восстания в Москве.

² Ср.: «Петров вступил в дело с тем, чтобы поставить под свой контроль, возглавить или, на худой конец, торпедировать совместные проекты Сытина и каких-либо иных... представителей религиозной общественности» (Колеров М. Не мир, но меч. СПб., 1996. С. 176–177).

179. С. Н. Булгаков — М. Э. Здзеховскому¹

<30.12.1905. Москва — Краков>

<...> Вообще у нас в литературно-издательском мире с новым законом о печати и благодаря революционной эпохе происходит целая революция, возникают и гибнут предприятия ежечасно, и сейчас ещё не выяснено, в какой форме я и мои друзья будем работать в наступающем году. Между прочим, есть проект церковно-общественного еженедельника, в котором предполагено участие лиц светских и духовных. Я участвую в редакции и, до известной степени, определяю направление. Как видите, это предприятие совершенно новое и симптоматически оч^{чень} интересное, которое, вероятно, будет иметь значение для религиозно-общественного движения. В программу издания, между прочим, входит христианский сверхконфессиональный универсализм и идеал соединения церквей (хотя среди нас нет сторонников того воззрения, которое в своей французской книге развивал Соловьёв, и мы все сторонники соборного строя Церкви). <...> С светской стороны там участвуют сотрудники «В<опросов> ж<изни>» определённо христианского направления и, кроме того, некоторые профессора духовных академий, из духовных — передовые представители духовенства, разделяющие программу.

¹ *Здзеховский* Мариан Эдмундович (1861—1938) — историк литературы, публицист, профессор Ягеллонского университета в 1899—1918 гг., действительный член Венгерской АН с 1928 г.

180. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<04.01.1906. Москва — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Давно я не видал Вас, но я всегда чувствую Вашу близость, и если не писал Вам, то не потому, что забыл об Вас, а потому, что сил не хватило *говорить* пером. И сейчас ничего не прошло, ничего не изменилось, по-прежнему живёшь на краю пропасти и молишь Бога об одном, чтобы Он послал *Своих* сил, ибо сил *человеческих* не хватает и с минуты на минуту ждёшь, что психический аппарат не выдержит.

Тиски кругом давят и мука нечеловеческая заставляет в иные минуты молиться о том, чтобы скорей Он взял к Себе, скорей позволил перешагнуть через черту, зачем-то ещё удерживающую в этом диком огне, который называется жизнь.

Но видит Бог, духом я не падал.

«Последняя лесть»¹, самая безбожная, самая глупая подделка христианства, которая всё более и более нагло захватывает «передовое» духовенство, безобразная морда зверя, которую теперь могут не видеть только слепые, —

всё это не отчаяние вызывает во мне, а вызывает сейчас — и не ведомую мне доселе огненную веру в близко грядущую Церковь. Антихрист придёт. Но для того, чтобы он пришёл, надо, чтобы было, с кем ему бороться. Край светлой ризы Жены, облечённой в солнце, ослепительным светом уже загорается над миром.

Вот что в душе.

А «дела» по-прежнему неопределённые. «Правда Божия» была для нас не неожиданность. Задолго до её появления до нас доходили слухи о том, что Петров затевает «Народную газету». Нужно Вам сказать, что Сытин всё время затягивал дело и наконец сказал так: если вы достанете тысяч 15–20, я стану издавать газету. Мы напрягли все свои силы, и нам удалось склонить Морозову дать 20 т<ысяч> р<ублей>. Тогда Вл<адимир> Фр<анцевич> пошёл к Сытину и сказал ему, что вот Морозова согласна, но что его смущают слухи о том, что Петров собирается издавать газету, тогда Сытин заявил, что Петров действительно будет издавать газету, но что это *никакого отношения* к нашей газете не имеет и что нашу газету, раз Морозова согласна дать 20 т<ысяч> р<ублей>, он будет издавать. Но тут началось восстание, сгорела Сытинская фабрика, деятельность которой начнётся лишь с марта месяца, — и временно опять мы ни с чем.

Но в настоящее время другое дело — съезд христиан, о котором Вам писал Булгаков, — притягивает меня не меньше газеты. По поводу созыва съезда необходимо выяснить очень много вопросов, и если Вы имеете возможность, и особенно, если вообще собирались в Москву или Петербург, то было бы так хорошо повидать Вас. Пожалуй, лучше всего было бы приурочить Ваш приезд к приезду сюда Булгакова. Он прислал мне телеграмму, что будет в Москве или Петербурге около 10-го.

Покуда прощайте, до скорого свидания. Горячо целую и обнимаю Вас.
Вал. Свенцицкий.

¹ Мф. 27, 64. В церковно-славянском переводе: «...и будет последняя леть горша первья».

181. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ <08.01.1906. С.-Петербург — Киев>

Ужасный период времени! <...> Теперь надежды на Эрна и Свенцицкого, да кроме того затеваем свою газету от «Общества веры и милосердия», от которого мы ведём беседы с рабочими. Сегодня у нас маленькое по этому поводу совещание. <...>

У митрополита <Антония> вели ещё долгие беседы по делам нашего Союза, — отстояли его, но оо. Егоров¹, Чельцов², Аггеев — выходят: моё предположение перейти на практический путь работы — организация лекций-собе-

седований, чтение с рабочими и т. п. — не встретило сочувствия, а проводить вечера в говорении — смысла не находим. <...> Уход наш равносителен уничтожению Союза, но не остановимся и перед этим: я не вижу резона бытия. <...>

Митрополит вчера по моему адресу сказал очень лестное слово: «Я старик уже и пришёл к такому убеждению: нужно бояться не тех людей, которые бранятся, как Аггеев и Чельцов, а тех, которые ласкаются». Удивительный он человек. <...>

¹ *Егоров* Иоанн Фёдорович (1872—1921), прот. — окончил СПДА, кандидат богословия (1898), иерей (1899), участник Религиозно-философских собраний (1901—1903), «группы 32-х» священников и БРЦО.

² *Чельцов* Михаил Павлович (1870—1931), сщмч. — магистр богословия, с 1903 г. настоятель храма сщмч. Симеона при Институте гражданских инженеров, участник «группы 32-х» священников; расстрелян.

182. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — О. П. ФЛОРЕНСКОЙ

<21.01.1906. Сергиевский Посад — Тифлис>

<...> Правда в том, что для меня семья — вовсе не всё. Папа и ты хотели бы сделать из семьи бога, который бы поглощал всё существо. Я не стану сейчас оспаривать такое желание, но скажу словами Ибсена: «Можно умереть за жизненную идею другого, но нельзя оставаться жить для неё»¹. Когда мне говорите вы: сделай то-то и то-то, это твоя обязанность, я принимаю ваши слова во внимание и, поскольку другой дом или моя слабость не мешают мне, стараюсь делать. Так делают решительно все, но ваша идея — сделать семью всем, центром, высшим началом, и заставляет вас не удовлетворяться этим и требовать не дела, а души. Вы не то говорите: сделай дело, вот это, а говорите: хоть грехи, хоть не делай дела, но принеси душу свою, всего себя на алтарь нашему богу. И я отвечаю: «Если нужно, я готов умереть за вас, готов делать всё, что хотите, но души своей не дам, потому что считаю идолопоклонством отказаться от Бога и кланяться вещи очень хорошей, очень высокой и святой, но не абсолютной, не составляющей всего». Если бы я был сейчас женатым, то мог бы привести в исполнение свои заветные планы, сделаться священником. Может быть, из-за неисполнения их вся жизнь моя будет сломлена. И всё-таки, я говорю, что никогда в жизни не женился бы, потому что знаю, что это свяжет совесть и, сознаваясь или не сознаваясь себе, я на место Бога поставлю на первый план семью. Тут не то важно, что нужно дело делать. Дела я не боюсь, да и не боялся, а важно то, что самое дело придётся счесть за что-то безусловное. Папа хорошо говорит: «Я не могу чувствовать иначе».

Думаю, и ты бы сказала это. Ты думаешь, я не понимаю вашего положения? Думаешь, мне не больно за вас? Напрасно так думаешь: и понимаю, и больно с сердцем, но считать его за высший подвиг тоже не могу. Мне боль-

но, что вы настолько отказались от высшего, что все эти чувствования, хорошие, святые и честные, но не высшие, заняли первое место в вашем сознании. Посмотри: матери древнего мира с радостью благословляли своих детей на борьбу с дикими зверями в цирке или на костёр. А вы разве сделали бы так? Этим не то я хочу сказать, что я, мол, таков, как их дети; далеко нет, но то, что моя задача в том, чтобы меня укрепляли и поддерживали в подвиге и чтобы сами просили у меня помощи и опоры, а не то, чтобы ослабляли и связывали, каждый день навязывая по паутинке или по ниточке и создавая, в общем, такую цепь, что только Самсон порвёт её.

Единство тела (семья) высоко, но ещё выше — единство духовное, и ещё выше — единство с Абсолютным. Ты меня пугаешь одиночеством. Во многом опять-таки соглашаюсь с тобой. Но ты сильно ошибаешься, думая, что я «могу остаться в одиночестве». С самого детства я был всегда одинок. Я ли тут виноват, другие ли, это особый вопрос, но это — факт. С самого детства я жил всегда какой-нибудь идеей и отдавался ей весь, хороша ли она или плоха, умна или глупа была, но в этом своём основном настроении я всегда был одинок. Ты мне говорила, что я не думаю ни о ком. Положим, что это — так. Но поверь, и о себе, как о себе, я не думаю, потому что, право же, моя жизнь, как жизнь личная, и не богата, и не весела, и кроме вечных дум, мучительных, утомляющих, да статеек, которых не только никто не понимает, но которые даже и печатать решительно негде, я ничего не имею. Ты думаешь, мне лично так уж и не хотелось бы иногда просто повеселиться или просто пожить для себя?.. Когда моё одиночество нарушается, я принимаю это, как дар Неба. Но в общем, быть одиноким мне суждено от рождения, и тут ни слова, ни сожаления твои или мои не помогут. Я люблю вас и думаю о вас, и знаю, что вы заботитесь обо мне незаслуженно много; мне стыдно, что я не могу сейчас отплатить за заботы заботами, искренне прошу уменьшить ваши заботы, чтобы не наваливать на меня лишнего бремени и лишних смущений. Но я знаю хорошо, что святыня души моей чужда для вас, что вы её даже за святыню не почитаете. Мне больно это, но не могу же я отказаться от совести. <...>

Целую вас всех. Целую тебя, дорогая мамочка, твой П.

¹ Неточная цитата из 5-го действия драмы Г. Ибсена «Претенденты на корону»; в издании 1896 г.: «Человек может пасть из-за жизненной задачи другого; но, если он остаётся жив, он должен жить ради своей собственной».

183. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<24.01.1906. С.-Петербург — Киев>

<...> Владыка <Антоний> сказал <...>: «Вы, о. К<онстантин>, священник, и я священник, будемте откровенны. Я пока боюсь Вас взять к себе. В Вас,

по моему пониманию, мятежный дух. Вы можете мне наделать многое. Не к осуждению Вашему говорю это...»

Сообщаю ему, что мною получено предложение обмена на место настоятеля одного прихода в Москву (Плющиха. Был батюшка сам. Хлопочут там Пospelов, Эрн и Свенцицкий).

— Я препятствовать не буду. Но ведь там, примите во внимание, митрополит Владимир.

— В этом, — говорю, — для меня главная причина: я не хочу менять Вас на Владимира, переменюсь только в крайности.

Относительно моей судьбы остановлюсь на любом другом учебном заведении, и среднем, и высшем. <...>

М<итрополит> сказал между прочим: «Мой опыт: аристократ всегда останется аристократом и простых не любит». <...>

Нет, дорогой Пётр Павлович, аристократия — крепостники. Ни в какой воде его не отмоешь. Мне становится понятной психология социалистов-революционеров. К примирению не зови: правда на моей стороне. <...>

184. П. А. Флоренский — Б. Н. Бугаеву

<31.01.1906. Сергиевский Посад — Москва>

<...> Всюду какие-то серые перегородки, и об них хоть лоб расшиби, а всё не проломишь бреши. На науку, философию и всё такое я давно уже махнул рукой, не стал их рассматривать, как «всё». А смысл и цель деятельности тогда стал видеться в общении с личностью, — и не в «деятельности любви» и не в «служении ближним» (и на них я не смотрел и не смотрю, как на «всё»), а в прикосновении голой души к голой душе. Если чего можно достигнуть положительного, то только в и чрез такое слияние, так чтобы всегда хотя бы два человека до конца, до дна понимали друг друга, чтобы каждый из двоих представлялся другому бесконечностью. Я увидел, что в таком единстве — основание всего и оно постулат всякой жизни. Но возможно ли оно? — Это для меня роковой вопрос. И если в отдельные моменты оно вполне реально, то в другие — бесследно тает, и являются грани между личностями. Начинает казаться, что все усилия выйти за них, за грани, остаются мучительной потугой... Но нужно не друга, хотя бы гения, не умных, не утончённых и переутончённых отношений, а просто Друга, просто близких, всецело человеческих, тех отношений, которые дают себя, а не своё, и берут меня, а не моё. Это возможно ли? Если нет, то вся жизнь окрашивается безвыходно-мрачным покровом, потому что без этого представляется невозможным и всякая деятельность. «Дела» же сами по себе, не освящённые личными отношениями, мне кажутся слишком ненужными; всякие «дела» для меня ценны только символически, поскольку они выражают и служат для личного общения, не для периферических прикасаний, но для внутренних объединений.

Может быть, я по-философскому и по-литературному говорю сейчас слишком наивно и слишком плоско. Но не до «глубин», когда жизнь уходит и ничего из нужного не делаешь. Я не хочу «глубин», не хочу литературы, не хочу «дел», хотя бы даже мог сделать гениальное. Безусловная ценность, знание Бога — не наше, не «зерцалом в гадании» — в зыблущихся и крутящихся символах поэзии и философии, не вкрадчивые улыбки Софии, а всё — или ничего! Рукой щупать Бога — думаю, что если это можно, то не иначе как чрез душу *другого*, Друга, — всё наполнить сознанием незыблемости, рукой схватиться за «мышцу Сильного»... Остальное всё благословенно, свято, хорошо, но не есть, а *будет* только тогда. Только начнёшь *видеть*, налетит туман, и всё заволочено. Только пойдёшь бодрым шагом, и... стена. Я знаю, что грешен, знаю, что недостойн, я не бурчу и не жалуясь. Но... тяжело, хотя «да будет Воля Твоя». <...>

Вот опять письмо, обрываемое десятки раз, пролежало несколько недель. Это не по лени: я думаю и работаю, Борис Николаевич. Но я одичал и ушёл в себя за последнее время. И возвращаться-то назад не хочется: то, что кажется важным и живым, когда живёшь в Москве, принимает довольно мизерный вид при взгляде издалека. Самохвальство же всяких «направлений» и «течений» невыносимо, не потому невыносимо, что раздражало бы, а потому, что становится жалко людей, жалко до боли и до слёз. Вот проходит вся жизнь, совершается бесповоротная и невозвратимая потеря возможности сделать то, что можно сделать только в жизни. Кажется, будто в пустыне мы жаждем, а бесценные капли протекают сквозь пальцы, впитываются жадным песком, и, как ни сдавливаешь пальцев, вода всё каплет. Об этом забываем мы и губим себя. Я не о смерти как о смерти говорю, потому что не верю в смерть и не боюсь смерти. Но сознание долга мучает, потому что смерть не позволит уже выполнить долга. Мы, христиане, чувствуем себя слишком свободно, чтобы не быть слишком ответственными за каждый вздох, за каждый взгляд, за каждое мгновенье. Никто не насилует нас; никто не тянет нас. Мы — в полной, безусловной свободе самоопределения.

На нас Отец не хочет производить даже давления, не хочет нас даже уговаривать. Он хочет, чтобы мы сами, свободные, пришли к Нему. И вот это-то полное доверие, это полное уважение к нашей личности, к нашим желаниям заставляет быть до конца серьёзным...

Желаю Вам бодрости и радости. Христос с Вами. Искренно любящий Вас П. Флоренский.

¹ «Формула ибсеновского Бранда „Всё или ничего“ была встречена с необычайным энтузиазмом. ...Была как раз той формулой, которая выражала основные стремления того времени» (С-IV. 554). Любопытно, что в статье «Религиозный смысл „Бранда“ Ибсена» Свенцицкий этих слов вообще не упомянул, сосредоточившись на требовании «Выбирай — ты на распутье!».

185. А. В. БЕЛЬГАРД — П. К. КАМЫШАНСКОМУ

<06.02.1906. С.-Петербург>

Господину прокурору С.-Петербургской судебной палаты.

С.-Петербургский цензурный комитет, рассмотрев напечатанную в № 8 журнала «Полярная звезда» статью под заглавием «В. Свенцицкий. Открытое обращение верующего к Православной Церкви», нашёл, что статья эта заключает в себе признаки преступления, предусмотренного п. 5 ст. 129 Угол<овного> уложения (Отд<ел> 9 Закона 24 ноября 1905 года).

Вследствие сего Цензурный комитет постановил привлечь редактора этого журнала Петра Бернгардовича Струве (Вознесенский пр. 31, кв. 8), а равно и других лиц, могущих оказаться виновными по настоящему делу, к уголовной ответственности по силе п. 5 ст. 129 названного Уложения.

О таком постановлении Цензурного комитета Главное управление по делам печати, на основании ст. 1213 Уст<ава> Уг<оловного> Суд<а>, считает долгом сообщить на распоряжение Вашего Превосходительства.

№ 8 журнала «Полярная звезда» при сём прилагается.

Начальник Главного управления по делам печати Бельгард.

186. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<10.02.1906. Сергиевский Посад — Москва>

Книжку («Полярн<ая> звезда») получил. Со статьёй Свенцицкого согласен вполне¹.

+ + +

Написать бы о необходимости привлечь к обсуждению религиоз<ных> вопросов крестьянство. Выяснить почву антагонизма с духовенством etc. Быть может, я пришлю Вам статейку для какой-ниб<удь> газеты. Хорошо бы послать её коллективно.

+ + +

О «взыскующих града» не успел справиться. Мне говорят, что это слово специально принадлежит *бегунам*, а не старообрядцам вообще, и потому едва ли может быть найдено в старообрядческой литературе; взято из посл<ания> к Евреям 13, 14. У меня в бумагах (материалы) имеется «Паспорт бегунов», но там «взыскующие града» не помещены. Думаю, что в документах подобного рода Свенцицкий найдёт нужную справку. Впрочем, я порасспрошу ещё.

+ + +

Напишите, какого мнения Вы о «Догматизме»?²² Мне хочется дать целый ряд статей на эту тему, исследуя некоторые основные догматы, и предварительно интересно знать ваше (московское) мнение. Жду ответа. Деньги за январскую половину Ельчанинова получу на днях. Что с ними делать? Оттиски 2-й половины будут скоро. <...>

+ + +

Нельзя ли к письмам о. Серапиона «присовокупить» его портрет? Карточка у меня имеется на время.

+ + +

В предисловии *непрерывно* упомянуть просьбу ко всем читателям говорить о *съезде* крестьянам. Говорится обо всём, кроме того, что первое — о желаниях паствы. Ратующие за соборность подменяют олигархию высшего духовенства деспотией «интеллигентных» (?) христиан. Нужно знать подлинные желания крестьян, хотя этим, конечно, не исключается и параллельность известной проповеди. Но если будет церковная реформа проведена благодаря стараниям кого бы то ни было и вопреки или не в согласии с свободными решениями *настоящей* паствы (в интеллигенцию, как целое, я не верю в этом смысле; каждый из интеллигентов хорош, но все в общем «моему праву не препятствуй»; каждый желал бы ломать Церковь по-своему, а если это сразу не выходит, то сейчас же начинаются разговоры об устройстве «истинной» (!) церкви, как будто Истинную Церковь, какова бы она ни была, можно выращивать при помощи чисто человеческих средств, чудо *generatio spontanea*), то, как бы идеально хороша она ни была, да будет она проклята. Крестьян обижают все решительно. И не то ещё важно, что их грабят или заставляют скверно жить, а то ужасно, что им хотят «благодетельствовать», не считаясь ни с личностями, ни с желаниями и, главное, со святынями... Итак, необходимо по возможности привлечь к съезду не интеллигенцию, а крестьянство; если невозможно иметь дела с большим количеством лично явившихся, то необходимы хотя бы письменные сношения... Снесться с батюшками по сёлам, *кабы* они помогли. А? У крестьян нет денег для проезда. А ежели бы добыть некоторые суммы для этого?

Второй мой вопрос — о старообрядцах разных толков. Им Собор важнее всего (клятвы). Как с ними снесться? Хорошо бы с редакцией ихнего журнала. Может, она согласилась бы провести идею общеправославного съезда в своём журнале? Во всяк<ом> случае, предала бы гласности, может быть, даже сочувственно настроила бы... Старообрядцы (не беспоповцы) настроены самодержавно. Как тут? И т. д.

+ + +

Когда будете делать посылку мне, то пришлите конспект «Крит<ики> отвл<ечённых> нач<ал>» и рисунок Распятия Веласкеза, взятое у меня Свенцицким. Последний (рис<унок>) ведь дан мне на память.

+ + +

Говорил с С. С. Глаголевым, профес<ором>, относительно статьи для сборника:

1) он гов<орит>, что неудобно (ему как проф<ессору>) писать на данную тему;

2) он по существу не согласен с неперемной теоретической необходимостью отделять Церковь от госуд<арства>. Необходима «автономия церковных общин», необходимо, чтобы на Церковь не было давления со сторо-

ны госуд<арства>, но это не исключ<ает> возмож<ности> для государства считаться с указан<иями> Церкви. Впрочем, он сам сказал, что тут *более* речь о словах. Путь революционный в этой области он считает могущим привести к... (не помню, как он сказал). Необходимо предварительно подготовить население. Общины содержать священ<ников> могут, но *сейчас* им придётся выбирать священ<ников> *не* из своей среды, и это представляет ту опасную сторону, что без развития населения может развиваться кондотьерство и расплодятся священники-авантюристы, предлагающие свои услуги на сходных условиях etc. Я не могу передать нашей беседы: долго. Почти во всём я лично с ним согласен. Относительно статьи (но *не* под предложен<ным> заглавием, а под другим) — даст статью через неделю, т. к. должен уехать. По моим соображениям, нам выгоднее всего иметь статью именно от Глаголева, т. к. иначе может случиться, что мы получим либо статью слишк<ом> общую, либо консервативн<ую> в плох<ом> смысле, либо же *просто* прогрессивную. С. С. Глаголев человек верующий и в то же время специалист по истор<ии> религий. Это даёт ему много широты и терпимости и в то же время помогает сознательно воспринимать превосходство христианства.

+ + +

О Серапионе подготавливаю. Писем дам много, т. к. все интересны. Но надо будет оговорить, что мы не со всем, им высказываемым, согласны. Это важно, т. к. иначе взвалят на нас то, в чём мы неповинны. Напишите насчёт портрета и автографа.

¹ *Свенцицкий В.* Открытое обращение верующего к Православной Церкви // Полярная звезда. 1906. № 8. С. 561—564 (С-II. 65—68). Знаменательно, что началась статья словами «Я не могу молчать», через 2,5 года ставшими популярными после выступления Л. Н. Толстого. А единомыслие Флоренского со Свенцицким ярко выразилось в проповеди «Вопль крови», произнесённой спустя месяц в МДА. Очевидное сходство поступков и чувствований в обращениях к христианскому народу, многочисленные текстуальные совпадения (подр.: Новый журнал. 2011. № 264) и данное письмо доказывают, что о мифической «оппозиции» или неприятии Флоренским ХББ на тот момент не может идти речи. См. также прим. 3 к письму № 202.

² Работа «Догматизм и догматика» была написана Флоренским во время Московского восстания и произнесена 26 января 1906 г. на заседании философского кружка при МДА (Ф-I. 550—570).

187. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — А. И. ФЛОРЕНСКОМУ

<10.02.1906. Сергиевский Посад — Тифлис>

<...> Мы издаём в Москве сборник <<Вопросы религии>>, посвящённый предсоборным вопросам¹. Думается, что он будет интересен. Туда войдут

письма о. Серапиона с написанным мною очерком его личности, статьи Булгакова, Волжского, Карташёва, мои, Свенцицкого, Эрн; может быть — Мережковского, Философова, Евг. Трубецкого, Рачинского и Глаголева². Это люди всё с более или менее яркими убеждениями, хотя во многом далеко не совпадающими. <...>

¹ «Широта и глубина мысли, жгучий характер трактуемых вопросов, смелый правдивый их анализ, художественная живая форма изложения, мн. др. достоинства — всё это делает „Вопросы религии“ книгою, имеющею право на исключительный интерес, особенно в настоящее предсоборное время. Она является наилучшей апологией христианства и хорошим источником для всякого, кто хочет и стремится уяснить подлинное значение и сущность церковных вопросов в России» (Церковно-общественная жизнь. 1906. № 51. С. 1702).

² *Глаголев* Сергей Сергеевич (1865—1937) — богослов, ординарный профессор МДА с 1902 г., член Поместного Собора 1917—1918 гг.; расстрелян.

188. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<13.02.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Ты спрашиваешь, что тебе делать с деньгами, которые ты получишь за мою статью. Я думаю, самое лучшее будет выслать их нам, удержавши что следует переписчику, корректору и на все прочие расходы. Оттиски я получил, за что очень тебе благодарен. В. П. <Свенцицкий> и Эрн постараются к четвергу выполнить твои поручения.

Прощай. Твой С.

189. К. М. Аггеев — В. П. Свенцицкому

<15.02.1906. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Валентин Павлович.

По поводу Вашего «Обращения» мною было послано Вам 3 письма. Получены ли они (2 письма и бандероль)? Во всяком случае простите за медленность исполнения поручения¹.

На днях я получил из редакции 22 р. за Вашу статью, каковые деньги высылаю Вам завтра. Получил их во время перевозки своей на новое место, потому и замедлил несколькими днями. И сейчас ещё не знаю, где в новом месте обитает почта. Во всяком случае на этой неделе они будут в Москве.

Перешёл я на должность законоучителя самой «буйной» гимназии *Ларинской* и настоятелем гимназической церкви. Чувствую себя отлично.

Не так давно получил письмо от князя Е. Н. Трубецкого, чрезвычайно поразившее меня. На другой же день послал ему письмо с изъявлением полной готовности быть полезным, чем смогу. На днях посылаю ему ещё с указанием нескольких подходящих сотрудников. — Отзовитесь вы с Владимиром Францевичем.

Пока — в периоде устройства своего угла. Надеюсь со второй недели заняться кое-чем в области вопроса о т. н. христианском социализме.

Целую Вас и Владимира Францевича. Любящий свящ. К. Аггеев.

Мой теперешний адрес: Вас<ильевский> Остров. 6 лин<ия>. Ларинская гимназия.

¹ «В начале истекающего года идеалист-христианин В. П. Свенцицкий прислал мне нервами истрадавшей души написанное „Открытое письмо“ по поводу тех ужасов, которые пережила Москва за неделю вооружённого восстания. Глубоко возмущённый тем, что кровь лилась с одной стороны во имя Христа... В. П., для которого вера во Христа — всё, умоляет Церковь прийти на помощь его страданиям: научить его, успокоить своим святым голосом по поводу бывших страшных событий — сказать, что убийство и Христова вера не имеют между собою ничего общего, наложить на своих чад духовное наказание в виде епитимьи, поста... В. П. просил меня поместить его письмо в одном из периодических изданий. Я замедлил исполнением его просьбы. Через несколько дней я получил второе письмо с той же просьбой, а на другой день он пришёл ко мне с своими друзьями. Подождите, говорили мы, лучшего времени. Теперь вы не услышите голоса Церкви, а если и ответят вам от имени последней, то это могут быть самозванные речи. — „Я не знаю, в каких эмпирических формах услышу я голос Церкви, но я верю, что его услышу. Я не могу ждать более, психологически не могу“. — Мы замолкли. Мне казалось и тогда и теперь, что всем нам было как-то стыдно; пред нами сидел человек той веры, которая способна горы двигать, а мы холодным скептицизмом невольно усиливали боль его души» (Аггеев К. Доколе... // Век. 1906. № 7. 24 декабря. С. 84–85).

190. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому¹

<24.02.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Спасибо большое вам за справку. Вы простите меня: я до сих пор не мог исполнить ни одного из ваших поручений. Дело в том, что у меня разболелось ухо и выходить на воздух мне почти нельзя. Как я ни кутаюсь, но после каждого невольного выхода оно начинает болеть сильнее и мешает мне работать. О новостях наших расскажет вам Валентин. Он же привезёт газет, книг и рукопись *Зомы*. Дело в том, что встретилось неожиданное затруднение: в типографии нашей разгром, нет *греч<еского>* шрифта, а в Зоме много цитат по-греч<ески>. Теперь из открытки Ал. Серг. <Петровского> уясняется, что все цитаты должны быть переведены. Что же

касается отдельных слов (терминологического характера), так ведь их можно написать *латинскими* буквами. Так пишут даже в иных немецких сочинениях, а лат<инского> шрифта в типографии много. Сообщите об этом Ал. Серг<ееви>чу. Скажите ему ещё, что цензура в Москве столь медлительна, что ни об одной из наших брошюр, поданных в конце *января*, доселе не дала *никакого* ответа. Конечно, и Зома она может точно также похоронить в себе на целые месяцы. <...>

Ну, всего доброго, пока! Прощайте. Кланяйтесь Троицкому и Ал. Серг. Господь с вами!

Любящий вас В. Эрн.

Вы просили сообщить «московское» мнение о вашей статье «о догматизме». Я скажу о себе лично, что она поразила меня неприятно. Мысль ясная и простая, но зачем этот исковерканный, истерзанный — искусственно — язык? Ведь всё это придумано, ведь это *не ваш* язык. Если б вы были в бреду, вы бы никогда так не говорили. Или не стали бы молиться таким языком. Это не органически, не от души. Это какая-то безлично-механическая мешанина, а не трепетно-личное, живое отражение и выражение *вас*. На днях мне попала ваша статья из «Весов» «Об одной предпосылке». Я бессознательно потянулся к ней, прочёл с увлечением её всю и невольно и с болью подумал, насколько *больше Павлуши* тут, чем там, в «Догматизме». Я теперь припоминаю такое же смутное впечатление, когда, помните, вы читали мне в академии свою «проповедь» на какой-то текст из Библии².

Не рассердитесь, простите, но ведь вы сами просили сказать моё мнение. Я говорю, что действительно почувствовал. Вы же простите, если вам это неприятно!..

¹ Конверт исписан Флоренским (видимо, это первый набросок «Вопля крови»): «Дубасов насосался крови и, как комар, вспух от крови; и губами, с которых течёт кровь, марают иконы и — ужас! — может быть, без епитимии, без малейшего раскаяния, осыпаемый похвалами, принимает Св. Дары. Таких много, и наши пастыри молчат, умывая руки в крови. Как говорим мы — нам указывают место: мы должны молчать. Но и сами молчат. Они могут добиться, они могли бы умиротворить всю страну, но они молчат. <нрзб.> тем яростней убивали <нрзб.> которых об смерти <нрзб.> значит, христиане убивают без <нрзб.>».

² Проповедь «Начальник жизни» на Песн. П. 2, 10–14.

191. К. М. АГГЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ И В. П. СВЕНЦИЦКОМУ

<02.03.1906. С.-Петербург — Москва>

Дорогие Владимир Францевич и Валентин Павлович, вчера получил Ваше письмо. Сегодня отвечаю на него. Вероятно, потому, что за последнее время ввиду суеты я отдалился от жизни, но Ваше письмо удивило ме-

ня. Неужели и теперь могут быть затруднения цензурного характера? Ведь духовной цензуры нет. А «Взыскующим града», вероятно, религиозно-общественного содержания...¹ Во всяком случае, я готов, чем могу, служить Вам. Боюсь только, буду не особенно полезен: в светской цензуре у меня особенных ходов нет. Могу лишь торопить обычным путём. Если имеет силу духовная цензура, и если Ваше произведение можно провести через неё одну, то могу быть более полезен. Председатель цензурного комитета (бывшего) — мой знакомый, знаменитый отец Матфей, который, надеюсь, сделает всё возможное...

Итак, шлите статью. С нею отправлюсь по назначению в первый же вечер по получении. Почему вы не хотите напечатать её предварительно в «Еженедельнике» князя Трубецкого? Ведь он выйдет на днях. Оттиски в количестве 200 экземпляров — бесцензурны... Впрочем, вам виднее.

Чувствую себя на новом месте отлично. Постом занят очень. У меня церковь открытая для посторонней публики, и при ней развита приходская жизнь. Я служу ежедневно, исключая только понедельник.

Напишите мне о том, принимаете ли вы участие в «Еженедельнике». Почему вы не поименованы в предварительном объявлении? Простите за спешное письмо: сейчас после долгой службы. Крепко целую вас.

Любящий свящ. К. Аггеев.

¹ *Свенцицкий В., Эрн В.* Взыскующим Града. М., 1906. РОБ. Серия 1 (С-II. 119–161).

Г. Д. Векилов и Ельчанинов писали в сб. «Вопросы религии» (Вып. 2. М., 1908. С. 404): «Брошюра эта представляет из себя интересную попытку христианской публицистики. В ней одинаково с точки зрения вечной ценности рассматриваются и вопросы сегодняшнего дня, и коренные вопросы человеческой жизни... Будучи по времени издания одним из первых произведений так называемой „московской группы христиан“, эта брошюра в зародыше содержит почти все темы, которые потом уже более подробно разрабатывались в отдельных книжках».

Церковный публицист В. П. Ильинский, рассматривая также издание «ХББ и его программа», отмечал: «Свенцицкий и Эрн по своим воззрениям примыкают к Вл. С. Соловьёву. Проникнутые сами искренним религиозным чувством, они хотят сделать христианство всесторонним жизненным фактором, чтобы люди не только веровали, но жили и действовали по учению Евангелия. Осуществление практического христианского учения, христианской морали, как в частной, так и в общественной жизни, или так называемая христианская общественность, составляет, впрочем, минимум их требований, как необходимое условие совершенствования личности или — как первый шаг по пути истинно-христианского её развития. Раскрытию требований христианской морали в их надлежащей полноте и чистоте и посвящены поименованные книги... В них нет ничего еретического и нет никакой уклончивости в суждениях, маскировки, натянутости и софизмов. Авторы пишут так, как представляется дело простому и ясному здравому смыслу, не искуившемуся в хитросплетениях слова и чуждающемуся всяких кривых путей. В ряду сочинений по церковно-общественным вопросам эти книги, несомненно, являются наиболее интересными и способными вызвать наиболее сочувственный отклик в сердцах искренне ищущих» (Странник. 1907. № 4. С. 959–960).

«Лучшие и наиболее чуткие люди из интеллигенции поняли, какая мерзкая жизнь окружала их, они ужаснулись той пошлости и грязи... и решили найти новый град... в котором человек мог бы расправиться во всю естественную мощь, красоту и гармонию своего существа... Свенцицкий и Эрн... считая себя нашедшими этот град, открывшийся им в подлинном христианстве... пришли не к самодовольному почиванию от дел, а к стремлению открыть этот святой град людям, ищущим его и нередко гибнущим в своих исканиях. ...Показать во всей красоте, величии и привлекательности этот святой град, указать правильную дорогу к нему, указать и на те уклонения с этой дороги... и есть та задача, которую взяли на себя авторы... Идеалистическая точка зрения... искренность тона, живой и увлекательный язык, прямолинейность в суждениях — всё это привлекает внимание читателя к этой книжке» (*Матаковский Евг.* Церковно-общественная жизнь. 1906. № 37. С. 1245—1246).

В «Книжной летописи» брошюра не значится, на титульном листе отмечено: «Дозволено цензурою. Ростов н/Д., 30 ноября, 1905 г.». Через 2,5 года после выхода она вызвала негодование цензора А. И. Генуа. На его запрос ростовский инспектор по делам печати 11 февраля 1909 г. сообщил, что разрешительную надпись следует считать подложною, поскольку никаких сведений о дозволении этой брошюры, как и ещё 52-х отпечатанных в типографии А. П. Поплавского, в делах его канцелярии не имеется. 10 марта МКДП наложил на брошюру арест и 25 апреля, найдя в ней признаки преступлений, предусмотренных ст. 128 и пп. 3, 5, 6 ст. 129 Уголовного уложения, просил прокурора возбудить против виновных лиц судебное преследование. По завершении следствия МСП 11 ноября определила дело прекратить, т. к. «брошюра выпущена ранее 17 октября 1905 г. и на виновных в её издании распространяется действие п. 1 Высочайшего Указа от 21.10.1905»; а спустя полгода постановила уничтожить попавший в цензуру экземпляр (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 97. Д. 53; Ф. 31. Оп. 3. Д. 1023; Ф. 46. Оп. 4. Д. 16; Ф. 131. Оп. 75. Д. 100, 101. РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 2. Д. 242).

192. С. Н. Булгаков — М. О. Гершензону¹

<04.03.1906. Киев — Москва>

Милый Михаил Осипович!

В Киеве возникает ежедневная христианская газета под моей редакцией (и Волжского), т<ак> сказать, Соловьёвского и, уж несомненно, в общ<ественно>-полит<ическом> отношении самого прогрессивного направления, замышляется как орган всероссийский². Если Ваша теоретическая совесть не воспрепятствует Вам участвовать и быть в числе сотрудников открыто и решительно христианской газеты, то я был бы искренно рад иметь Вас в числе их. <...> Над нами висит драконовская цензура, и лишь это омрачает перспективы. <...>

¹ *Гершензон* Михаил Осипович (1869—1925) — литературовед, публицист, член МРФО, инициатор издания сб. «Вехи» (1909).

² В. Н. Лашнюков в феврале 1906 г. «задумал издавать религиозно-народническую газету „Народ“. Мы... решили, что если обещает своё сотрудничество С. Н. Булга-

ков... то стоит взяться за дело... Булгаков не дал нам сразу решительного ответа, так как он должен был списаться с тогдашними своими друзьями — Бердяевым, Волжским, Свенцицким, Эрном. ...Ко второй половине марта было получено согласие группы Булгакова, причём в Киев должны были приехать Волжский и Свенцицкий. Булгаков становился фактическим редактором (официально числился В. Н. Лашнюков)... В начале Страстной недели приехал Волжский. ...Обнаружилось, что издатель не может предоставить тех средств, которые он обещал... В Святой четверг приехал в Киев Свенцицкий, слава которого тогда была очень велика и к которому питали благоговейное чувство и Булгаков, и Волжский. Обоим им он — наиболее пылкий из „троицы“ (ещё Эрн и Флоренский) в Москве — чрезвычайно импонировал, в нём до известной степени они видели пророка. ...На 4-й день Пасхи стало ясно, что денег никаких нет, что дальше 7-8-го № газета продержаться не может» (*Зеньковский В. Из воспоминаний // ВРХД. 1983. № 139. С. 116–121*).

193. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<11.03.1906. С.-Петербург — Киев>

В ожидании личного свидания не пишу ничего о своих делах. Живу отлично, но страдаю общим страданием. «Дурново запретил служить панихиды по Шмидту»¹ <...> А Антоний (Храповицкий) выразился: «Если на Соборе будут вонючие попишки, то мы Собора не признаем».

Время ужасное: нельзя ручаться за день. Ко мне в церковь пришли курсистки с просьбой отслужить панихиду по Шмидту. Директор просил меня убедить их отказаться от просьбы ввиду того, что этот факт послужит для гимназистов возбуждающим обстоятельством. Я лично, сознавая всю опасность, не мог отказаться служить, но предложил найти нейтральное место — Вольно-экономическое общество. На следующий день должна была состояться панихида. Но накануне о. Чельцов сказал мне: «Служить Вам панихиду после всего бывшего значит собирать свои пожитки. Я убедительно прошу наладить курсисток ко мне. Я рискую меньшим». Я так и сделал. Есть же и у меня в Петербурге приятели... Но будет. Много есть о чём поговорить, — всего не напишешь. Приедешь, отведём душу.

Любящий свящ. К. Аггеев.

¹ *Шмидт* Пётр Петрович (1867—1906) — возглавил стихийное восстание Севастопольского гарнизона осенью 1905 г., требовал немедленного созыва Учредительного собрания, будучи противником насилия, старался избежать кровопролития; казнён, несмотря на общественную кампанию за его помилование.

Ср.: «Лейтенант Шмидт от Церкви отлучён не был, перед смертью принял причастие и горячо молился за родину. Почему нельзя молиться за человека, которого Церковь удостоила крови Христовой?» (Народ. 1906. 7 апреля. № 4). «Церковь не отвергла их при жизни. Как же может она отвергнуть их ныне, как может она не молиться за убитых? Мы должны помолиться не раз, и не два за душу убиенных, за душу казнённых» (*Ф-Вк*). «Когда правительство убивает революционера — оно запрещает служить

панихиды... боится, что Бог услышит молитвы и простит убийцу. Оно принимает административные меры, чтобы грешник попал в ад!..» (С-II. 284).

194. Д. В. Философов — А. С. Глинке

<12.03.1906. С.-Петербург — Симбирск>

<...> Я их <Эрна и Свенцицкого> не знаю и совсем не прикоснулся к их душе. Очень я их уважаю, но не люблю, т. е. не люблю их не отрицательно, в смысле нехорошего чувства, а в смысле положительном, в смысле отсутствия во мне определённого *чувства* по отношению к ним. Слишком я их принимаю религиозно-мистически, как, впрочем, мне кажется, их принимать и можно. <...>

195. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<13.03.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Флоренский! Если у Вас готовы письма Серапиона и вступительная статья к ним, не будете ли Вы так добры прислать её немедленно по получению этого письма.

Сборник уже начали печатать, остались несданными письма Сер<апиона> и Ваша вступительная статья к ним, да моя статья¹. Я кончу к воскресению, если у Вас ещё не готово, хорошо бы, чтобы и Вы кончили приблизительно к этому времени.

Отвечайте, пожалуйста, на это письмо Вл. Фр. <Эрну>. Я не в Москве². Ваш Вал. Свенцицкий.

¹ «Христианское отношение к власти и насилию» (С-II. 162–187). За 20 лет до популярной работы И. А. Ильина здесь решался вопрос о допустимости насилия как ограничения злой воли и был выведен до сих пор не осмысленный критерий, по ценности сравнимый с категорическим императивом Канта и просящийся в основу общественных отношений: «Всякое насилие, в котором ограничивается человеческая *свобода*, есть насилие недопустимое». Речь шла не о вольном выборе, которым можно воспользоваться и для рабства, когда действия человека определяются внешними силами зла, но о *свободе духа* — «состоянии, которое было задушено грехом и восстановлено искуплением», содержанием которого является святость.

² Во время голода весной 1906 г. Свенцицкий обратился к В. Г. Кристи с просьбой оказать помощь крестьянам Тетюшского уезда. «И вот он давал деньги. Много денег. И извинялся, страдал, стыдился, что мало даёт, потому что деньги не его, надо брать у отца» (С-III. 634). На эти деньги Казанский комитет помощи голодающим учреждал бесплатные столовые, в т. ч. в особо пострадавшем Тетюшском уезде, но был закрыт полицией как не имеющий устава.

196. В. Ф. Эрн — А. С. Глинке

<14.03.1906. Москва — Симбирск>

<...> Я отправился к Ефимову¹, который с удовольствием взялся за издание всей «Религ<иозно>-общ<ественной> библи<отеки>» с тем, что через цензуру все брошюры проведёт он *сам*. У него есть ходы в Петербурге. Сборник как бесцензурный он уже *сдал в набор*. <...>

¹ *Ефимов* Дмитрий Панфилович (1866—1930) — московский издатель и книгопродавец, возглавлял товарищество «Контрагент печати».

197. С. Н. Булгаков — П. А. Флоренскому

<15.03.1906. Киев — Сергиевский Посад>

Многоуважаемый Павел Александрович!

Поторопитесь, пожалуйста, высылкой обещанных адресов для рассылки объявлений.

Если у Вас имеется уже какой-л<ибо> литературный материал для газеты «Народ», прошу Вас присылать его немедленно в редакцию или, пока, лучше мне. Сейчас нам особенно нужен такой.

Ваш С. Булгаков.

198. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<16.03.1906. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша!

Видишь, не успел ты уехать, а я уже пишу.

1. Была Ивашёва¹. Спрашивала между прочим: был ли ты в *Саду* и узнал ли что-нибудь о нём, пожалуйста, *напиши*. Мы с ней поговорили сегодня очень хорошо, как давно не говорили. Серёжа просил передать, что хотел вас спросить о *дьяволе*. Ивашёва читала «Церк<овь> Апост<ольскую>»² Агаше³. Та поняла *всё* — выказала это в вопросах. Была очень довольна.

2. Приходил Боголюбский (сын)⁴. Как пришёл, прямо заговорил о Церкви. Очень милый и хороший юноша. Рассказал о том, как пришёл к Христу. Мы говорили много и долго. Расстались совсем друзьями. Это что-то бесконечно удивительное — как люди с разных сторон подходят к одному и тому же. Мы почти всё время говорили об общине. Он тоже о ней мечтает и хочет *дела*. Ещё увидимся с ним.

3. Твоё «Житие» меня совсем очаровало⁵. Я думал о нём и, между прочим, вспомнил такую вещь: отчего ты ничего не написал о *стигматах*. Ведь это же очень характерно для Франциска — такое чувство страданий Христа?

Или, может быть, у тебя были свои соображения. Мне почему-то кажется, что это вышло у тебя *случайно*.

Пока прощай. Господь с тобой и с Соней. Любящий тебя В. Э.
Не забудь справиться о «Fioretti» для «Библиотеки»⁶.

¹ *Иваиёва* Пелагея Александровна (1879—?) — окончила 5-ю московскую женскую гимназию, воспитывала сына Сергея, домашняя наставница; с Эрном познакомилась осенью 1901 г., к концу 1904 г. написала драму и опубликовала рассказ, участник ХББ, редактор-издатель газеты «Стойте в свободе!» (1906. Вып. 2).

² *Эрн В.* Апостольская Церковь, или Как нужно жить христианам. М., 1906. РОБ. Серия 2. № 7.

7 марта 1909 г. МКДП наложил на брошюру арест и возбудил против виновных лиц судебное преследование по п. 5 ст. 129 Уголовного уложения, поскольку «она по содержанию своему представляет социалистически-анархический трактат», а автор на примерах преступления Христовых заповедей показывает, что люди угасили в себе дарованную им свободу, покорились внешним властям и в вере, и в жизни, сделались рабами государства. 2 июля 1909 г. МОС арест утвердил, а 17 августа 1910 г. МСП постановила: уничтожить издание брошюры, т. е. несколько конфискованных экземпляров давно разошедшегося тиража (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 2. Д. 229).

³ Прислуга в доме Шер.

⁴ *Боголюбский* Сергей Николаевич (1885—1976) — окончил ИМУ (1909), зоолог, доктор биологических наук (1934), член-корреспондент АН КазССР (1946).

⁵ *Ельчанинов А.* Житие святого Франциска Ассизского. М., 1906. РОБ. Серия 2.

⁶ Имеется в виду перевод «I Fioretti di San Francesco» («Цветочки святого Франциска»).

199. П. А. Флоренский — С. Н. Булгакову

<18.03.1906. Москва — Киев>

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Эрн посылает Вам собранные мною адреса священников, остальные и текст «послания» вышлю на днях. Лица с NB отличаются особенной живостью или пописывают, их можно иметь в виду как сотрудников. Рекомендованы они товарищами. Некоторым посланы по несколько экземпляров плаката и послания для распространения, кое-кому уже дано знать.

Куда направлять ихние письма? В академию ли, к Вам ли? Пришлите и мне плакатов штук 30 и посланий штук 50.

На днях Эрн вышлет Вам моё кое-что. Попрошу только: если можно, то приготовьте мне оттисков или пришлите номера газеты. И вообще, будьте добры присылать мне по несколько (до 25 экз.) штук, что будет печататься из моего.

Профессоров потороплю и попрошу прислать что-нибудь теперь же. Если будут у товарищей подходящие статьи (кажется, есть кое-что), присылать ли?

Стихи присылаю по настоянию Эрна, хотя великолепно знаю, что они скверны. Но если Вы захотите печатать их, то подпишите так: Ф. П.

Готовый к услугам П. Флоренский.

200. С. Н. Булгаков — В. В. Розанову

<21.03.1906. Киев — С.-Петербург>

Добрейший Василий Васильевич! <...> Приступая вместе с Волжским к опыту издания ежедневной религ<иозно>-общественной газеты в Киеве, мы просили бы Вас уступить нам статью Вашу об Иисусе etc., отиск к<ото>рой у меня есть. В случае Вашего согласия статья эта будет анонсирована в первом (пасхальном) номере. Кроме того, если Вы признаете возможным придать вид внешней законченности и самостоятельного целого (хотя в какой-л<ибо> степени) окончанию статьи о письмах Соловьёва¹, то и она может найти себе приют на наших страницах. <...>

Ваш С. Булгаков. Обязете скорым ответом.

¹ *Розанов В.* Из старых писем. Письма В. С. Соловьёва // Вопросы жизни. 1905. № 10/11. С. 377–390. Окончание: Золотое Руно. 1907. № 2/3.

201. П. А. Флоренский — С. Н. Булгакову

<22.03.1906. Сергиевский Посад — Киев>

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Постараюсь прислать Вам что-нибудь, как только немного освобожусь. <...>

Говорил Мышцыну о необходимости поторопиться статьёй. Обещал заняться ей в скором времени, как только покончит для «Бог<ословского> вестн<ика>». Неудобство в том, что мы все (он жаловался на это обстоятельство) плохо представляем, как распределены у нас ампулы, и потому могут быть совпадения или, наоборот, важное останется неосвещённым.

Настоящее письмо написано более чем неделю тому назад, но некоторые личные обстоятельства, бывшие вполне неустраимыми, помешали отправить это письмо вовремя¹.

Прочёл плакат «Народа» и... весьма удивлён, именно отделом беллетристики. Перед произведениями Брюсова, отчасти — Сологуба, Ремизова — стою с восхищением. Но это стояние превращается в столбняк, когда мне объявляют, что программу «Народа» будут реализовывать и подобные сотрудники. Сологуб и Соловьёв. Общего тут только «Сол.», а в остальном поклонник Зла (может быть, самый далеко идущий из всех мне извест-

ных) Сологуб, с почти гениальным умением напитывающий злом художественные образы, представляет собою антипода Соловьёва. Я тут не вхожу в какие-ниб<удь> общие рассуждения «двух путей», «двух бездн» и т. п. Я высказываю только практические соображения, что, в известном смысле уважая Брюсова и др. и, во всяком случае, не отрицая за ними каких-то, для меня непонятных, прав на самоопределение ко злу, я решительно не понимаю, как Вы, многоуважаемый Сергей Николаевич, склеиваете эти несовместимости. «Плевелы и пшеница»... Но ведь плевелы-то (и, может быть, великолепные: дурман, амарантус, лопух и по-своему восхитительный репей) посеял Враг ночью, воспользовавшись сном земледельцев. Вы же, по-видимому, сами намерены полными пригоршнями разбрасывать семена и плевел, и пшеницы.

Простите, Сергей Николаевич, если я, не зная в точности дела, может быть, наговорил лишнего. Я не думаю, что Ваше и Волжского мнение в данном вопросе могло по существу расходиться с моим, и, стало быть, сговориться можно. Может быть, завтра же я пойму, в чём дело, и откажусь от утверждения факта, который теперь, раз он мне представляется существующим, я не могу не обсуждать. Но сейчас я положительно не вижу даже эстетического согласования в таких комбинациях, как «церковная соборность» и «Ремизов», «Соловьёв» и «Чулков», «нужды сельского духовенства» и «Брюсов»².

Ваш П. Флоренский.

Р. С. Об этом я не говорил с московскими. Но глубоко убеждён, что мои слова о несовместимости или, лучше сказать, о нелепости некоторых совмещений плаката подтвердили бы и Эрн со Свенцицким, и, вероятно, священники.

¹ Отправлено 31 марта 1906 г., датируется по содержанию.

² Никто из упомянутых лиц в «Народе» не публиковался.

202. С. Н. Булгаков — П. А. Флоренскому

<23.03.1906. Киев — Сергиевский Посад>

Многоуважаемый Павел Александрович! Спасибо за стихи и за Ваши произведения, которые я получил. «Слово»¹ пойдёт, вероятно, в пасх<альном> номере. О стихах решит Волжский, который ещё не приехал; мне они нравятся, особенно «In расе»². Надеюсь, что они тоже скоро у нас появятся. Дальнейших присылок Ваших ждём. Текст обращения Вашего опоздал для рассылки, но если он окажется удовлетворяющим общим нашим желаниям, то его можно поместить в виде обращения в пасх<альном> номере³.

Оттиски изготовлять Вам едва ли можно по типограф<ским> соображениям. Газета Вам будет, конечно, высылаться; если Вам нужно большое

количество экз<емпляров> газеты, где будет напечатано Ваше, прошу Вас обращаться с специальной просьбой в контору газеты, п<отому> ч<то> я не надеюсь на свою в этом отношении точность и не всегда в состоянии следить.

Ваш С. Булгаков.

¹ *Флоренский П.* Начальник жизни. Слово, сказанное в Покровском храме Московской духовной академии 18 апреля 1905 г. за литургией второго дня Святой Недели // Народ. 1906. 2 апреля. № 1 (под сокращённым заглавием).

² *П. Ф.* In расе. Посвящается похороненной 23 февраля 1905 г. на деревенском кладбище // Народ. 1906. 9 апреля. № 6.

³ Открытое обращение студентов Московской духовной академии к архипастырям Русской Церкви // Народ. 1906. 9 апреля. № 6. Флоренский записал его проект 12 марта 1906 г. и был арестован именно за организацию состоявшейся в тот же день студенческой сходки. Сходство названий и содержания говорит о прямой преемственности с вышеупомянутой статьёй Свенцицкого, с которой Флоренский был «согласен вполне». Подр.: *Флоренский П. В.* «Через подвиг же и крест...» // Новый журнал. 2006. № 243.

203. Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — А. С. ВОЛЖСКОМУ

<23.03.1906. С.-Петербург — Киев>

<...> Могли бы и мы спросить вас — т. е. не Вас лично, а тех, с кем Вы и кому Вы верите больше, чем нам, и от кого не требуете «дела», как «знамения», — т. е. Булгакова, Эрна, Свенцицкого и пр.: где же Ваше дело? Вы толчётесь на месте гораздо безнадежнее, чем мы: Вы не порвали с Церковью православной окончательно и не вошли в неё окончательно, — вы даже этого не «сделали», хотя уж это-то вы прежде всего обязаны были сделать! И что у вас у всех — кроме «слов», насколько «красивых» — об этом спорить не будем — это пусть другие рассудят — будущие историки русской литературы? Вы скажете: наши слова — тоже дело <...> Слова Булгакова, Эрна, Свенцицкого — не их собственные слова; вы все не пошли дальше Вл. Соловьёва; ваши слова — не ваше, а *его дело*. <...>

204. В. Ф. ЭРН — А. С. ГЛИНКЕ

<24.03.1906. Москва — Симбирск>

<...> В. П. <Свенцицкий> будет в Москве в пятницу 24 марта. Должно быть, дождётся здесь Вас. <...>

205. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<26.03.1906. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Булгаков прислал письмо, где умоляет о присылке статей. Вспомни о Ламеннэ! Кроме того, может быть, сочтёшь возможным написать ещё раз в Тифлис о присылке корреспонденции оттуда непременно к первому же №. Твоё письмо получил. Ефимов ещё ответа не дал. У нас целая вереница гостей. Рабочие, м<жду> п<рочим> тот художник, Грифцов², Сизов, гр<афиня> Баранова, Чми. Между прочим на другой день после твоего отъезда приходила Оля Шер, чтобы позвать тебя ехать к Королёвым в Пителино³. Пока прощай. Всего доброго!

Твой В. Эрн.

¹ *Ламенне* Юг-Фелисите Робер (1782—1854) — французский богослов и публицист, аббат, один из основоположников христианского социализма. Возможно, имеется в виду неизданная рецензия на диссертацию С. А. Котляревского «Ламеннэ и новейший католицизм» (М., 1904).

² *Грифцов* Борис Александрович (1885—1950) — критик, переводчик, литературовед, искусствовед.

³ «В женской гимназии А. Д. Алфёровой, где училась сестра Шера, её подругами были сёстры Королёвы, Варя и Маруся. Через них познакомились с семьёй Королёвых Шеры, а через Шеров и мы — Свенцицкий, Орлов и я. Семья состояла из вдовы Александры Васильевны, энергичной и властной, не без самодурства, большой почитательницы Льва Толстого, а потом кадетской партии, — матери семерых дочерей и малолетнего сынишки. Королёвой принадлежали два небольших именища, в 40–50 верстах от Москвы, в Звенигородском уезде. И в течение многих лет на Святки, на Масляную и на Пасху, а то и на неделе в свободное время, наезжали мы в Коренево и Пителино. ...Размещались в тесноте, но в полном довольстве. Целые дни проходили в шуме, смехе, пении, беседах, спорах, играх, изошрялись в остроумии. Питались просто, но обильно, пили — не спиртные, конечно, напитки: хозяйка не зря считала себя поклонницей Толстого, — а чай, много чаю со сливками, самодельными вареньями и мёдом. Летом ходили по грибы, зимой ходили на лыжах при луне, а то ездили в гости к соседям или просто прокатиться... В такой атмосфере естественно возникали и лёгкие увлечения, и серьёзные романы. В частности, для Шера и Орлова знакомство с Королёвыми привело к тому, что они породнились: женились на Тане и Марусе Королёвых» (*Вишняк М. Дань прошлому. Н.-Й., 1954. С. 54–55*).

206. В. Ф. Эрн — Е. Д. Эрн

<26.03.1906. Москва — Царские Колодцы>

Вчера вечером пришёл ко мне один академик и сообщил мне, что П. Флоренский, бывший когда-то мне очень близким человеком (и теперь очень дорогой мне), арестован. 12-го марта в академической церкви он произнёс про-

поведь (это уж у них такой обычай, чтобы студенты произносили проповедь), в которой с большим религиозным чувством он говорил о совершающихся теперь расстрелах, казнях и убийствах¹. Был составлен протокол. Академики, т. е. студенты, встретили проповедь его восторженно (это как раз было в тот день, когда пришло известие о казни Шмидта) и решили издать её бесцензурно на свои собственные средства, что и сделали. А 23-го вызвали Павлушу повесткой власти и, арестовав, переслали в Москву в Таганскую тюрьму. В этой тюрьме сидят В. Шер и Орлов. Всё это произошло страшно неожиданно, потому что Павлуша Ф<лоренский> был очень враждебно настроен к какой бы то ни было общественной деятельности и говорил всегда, что можно влиять лишь на отдельные личности, и в этом пункте как раз очень расходился с нами, а в остальном мы всегда были очень близки в воззрениях. И теперь вдруг этот самый Павлуша так удивительно и неожиданно выступил в роли проповедника. Проповедь поражает глубиной и искренностью чувства и производит даже при чтении сильное впечатление. А в церкви это, должно быть, совсем было удивительно. Пойду сейчас узнавать о подробностях, а главное, узнать, что ожидает Павлушу и нельзя ли ему как-нибудь помочь. Проповедь я тебе пришлю. Меня всё это поразило, потому что, по-моему, это знамение Возрождения Церкви и подлинно христианской жизни не может обойтись без гонений, и потому арест Павлуши говорит моему сердцу очень много².

¹ «Безбожное дело, убийство Сына Божия... свершилось. И этот урок, казалось бы, ужасом пред насильственной смертью должен наполнять душу всякого царя, всякого правителя, всякого священника, всякого патриота, всякого потатчика убийству. Своею казнью Христос казнил всякую казнь. Своим осуждением Христос осудил всякого вершителя чужими жизнями... Иль вы не понимаете, что это вновь и вновь Христа расстреливают и вешают, и бьют и оскверняют? Не понимаете, что каждый выстрел направлен в тело Христово?» (Ф-Вк). Ср. написанное тогда же Свенцицким: «Отныне убивать людей — это значит издеваться над страданиями Христа... В великих словах „Воистину воскрес“ — ваше вечное осуждение! ...Ведь Христос приходит на землю и теперь в виде голодных и обиженных людей. Вы не помогаете им, вы стреляете в них — вы стреляете в Христа» (С-II. 269, 49).

² Приписка Е. Д. Эрн: «А 1-го апреля он пишет: „Относительно Павлуши Флоренского выяснилось вполне достоверно, что его отпустят в пятницу, т. е. через 5 дней“». После прошения ректора МДА московский генерал-губернатор В. Ф. Дубасов распорядился освободить Флоренского в Страстной Четверг (30 марта), дабы он мог, «как подобает христианину, встретить и провести Светлый праздник».

207. В. Ф. Эрн — Е. Я. Архиппову¹

<Апрель 1906. Тифлис — С.-Петербург>

<...> Павлушу Флоренского посадили в Бутырки за проповедь. Но он сидел там всего 5 дней. <...> Виделся с ним за несколько дней перед тем, как его

посадили. Тогда он был удивительно мил, весь светился тихим внутренним огоньком. Прямо приятно было на него смотреть. Но вообще настроения у него довольно тёмные. Он всё ещё ищет <...> своего Града. <...>

¹ *Архиттов* Евгений Яковлевич (1880—1950) — поэт, литературный критик, однокашник Эрн и Флоренского по гимназии и ИМУ (окончил в 1906 г.).

208. А. С. Волжский — А. В. Карташёву

<01.04.1906. Киев — С.-Петербург>

<...> Здесь, в Киеве, мы затеваем в широких размерах свою газету, не областную, а всероссийскую. Не знаем, что выйдет, но хочется большого, настоящего. И вот я боюсь, что Вы (так страшно, так больно нужный нам человек) окажетесь если не окончательно, то временно — не с нами (не в смысле, конечно, переезда в Киев, а в смысле интимно-вдохновенного отношения к делу)... Помните, как-то давно-давно, тяготясь своей «академией», Вы говорили: «Куда угодно, в атеизм, в „Мир Божий“, в толстовство, но только отсюда». Не начинает ли Вас нами, всем нашим, в виде Сборников «от всей души», журналов, газет и т. п., так же нудно томить, как «академией». <...>

209. В. П. Свенцицкий и В. Ф. Эрн — Предсоборному присутствию

<01.04.1906>

Подготовительные работы по созыву в России церковного Собора поручены вам, гг. членам комиссии¹.

Зная, что в числе вас находятся люди, к которым мы привыкли относиться с доверием и уважением, и потому полагая, что вам будут нужны всякие указания, могущие сделать вашу деятельность действительно плодотворной и нужной, мы позволим себе сказать ясно и определённо, что ждёт от вас русское общество и русский народ, что вы можете и *что вы пред Богом должны немедленно сделать*.

Церковный Собор, сделавшийся в наши дни религиозно-нравственною необходимостью², конечно, не может быть делом какой-нибудь частной группы церковного общества; будучи церковным — он должен быть делом всей Церкви. Каждый сознательный и живой член Церкви должен внести сюда долю своего призвания и своих дарований. Запросы и большие, и малые, *как они понимаются самою Церковью*, т. е. всеми верующими, взятыми в совокупности, должны быть представлены на Соборе в чистом и неискажённом виде.

Для этого необходимо, чтобы ещё до начала Собора эти вопросы — эти большие вопросы оформились; чтобы потребность в Соборе была осознана

всей массой верующих и чтобы Собор был лишь *голосом* — лишь *выражением* чего-то гораздо большего — пробуждающейся и пробудившейся церковной жизни.

Скажем прямо и откровенно, вы, гг. члены комиссии, не имеете никакого права вершить судьбами будущего церковного Собора. Не церковная власть вас призвала, не церковным народом облечены вы полномочиями, не Святой Дух вдохновляет вас каждого лично на это дело. Одна лишь случайность, личные связи и сила неразумной традиции поставили вас во главе дела, на которое вы имеете право не больше, чем *всякий* из верующих. Остерегайтесь поэтому воспользоваться случайностью вашего положения, не вздумайте, что вы в самом деле имеете власть что-нибудь связать или что-нибудь разрешить. Знайте, что в таком случае вы заранее осудите себя на религиозное бесплодие и свою работу лишите какого бы то ни было церковного минимума.

У вас есть только один путь, и, если вы христиане, если вы считаете действительно братьями всех живущих верою во Христа, вами могут быть сделаны только один шаг и только одно действие, которые, однако, могут иметь колоссальные последствия. *Вы можете и вы должны потребовать у тех, кто вас призвал, немедленного уничтожения какой бы то ни было духовной цензуры.* Вы должны требовать и настаивать, чтобы за каждым из верующих было признано право без всяких стеснений печатно обсуждать *все вопросы, касающиеся церковного Собора*³, чтобы без всяких препятствий могли организовываться на местах кружки, устраиваться собрания, чтения, публичное обсуждение, съезды по районам и съезды *всероссийские*⁴ — всё для той же единой цели: для пробуждения церковной мысли, церковного сознания — церковной жизни, пробуждения безусловно необходимого для того, чтобы стал возможным самый Собор.

Вы должны потребовать, чтобы выяснить все преграды и все препятствия, и если вас слушать не станут, если вам скажут — это не ваше дело, если реакционная вакханалия захочет надеть намордник и на вас, то вы немедленно же должны выйти из состава комиссии, заявив, что для пробуждения церковных сил нужна прежде всего *свобода*⁵.

Вспомните, что вы стоите у дела, которого ждали с напряжением целые поколения подвижников веры, которого смутно жаждут все лучшие элементы русского народа, — и найдёте в себе силы и мужество сделать то, чего требует от вас ваша христианская совесть:

Требуйте свободы для Церкви или уйдите, чтобы не быть сообщниками гасителей Духа!

¹ Николай II 14 января 1906 г. утвердил состав Предсоборного присутствия под председательством митр. Антония (Вадковского) для обсуждения вопросов церковной реформы. В течение года в работе участвовало более 40 человек (назначенных, а не избранных), в т. ч. Н. П. Аксаков, А. А. Киреев, Ф. Д. Самарин, Д. А. Хомяков, архиеп. Сергей (Страгородский), еп. Антоний (Храповицкий), еп. Арсений (Стадницкий). Подр.: *Георгий Ореханов*, иерей. На пути к Собору. М., 2002. С. 143–198.

² Ср. написанное за 40 лет до этого: «По настоящему, затруднительному положению Всероссийской Церкви, созвание Собора сделалось решительной необходимостью. ...На Соборе должны быть депутаты: 1) от монастырского монашества русского, по избранию этого монашества; 2) от белого духовенства русского, по избранию этого духовенства; 3) от православных мирян, по избранию мирян. Примерно каждая епархия должна избрать по два депутата из каждого разряда» (*Игнатий Брянчанинов*, свт. О необходимости Собора... // Полное собр. творений. М., 2002. Т. 3).

³ Ср.: «Попадаемые на Соборе мнения должны быть записываемы, как то было на Вселенских Соборах, после каждого заседания поверяемы, и, по окончании Собора, оглашены печатно во всеведение» (Там же).

⁴ Ровно о том же говорил на первом заседании 8 марта Евг. Трубецкой, призывая к свободному обсуждению в епархиях на совместных съездах мирян и духовенства (Журналы и протоколы заседаний высочайше учреждённого Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. 1. С. 282).

⁵ В. О. Ключевский сразу отказался от участия (см. прим. 2 к письму № 307); по видимому, так же поступил затем Евг. Трубецкой.

210. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<05.04.1906. Тифлис — Москва>

Дорогой Саша! Сегодня получил 2 твои открытки и 2 пересланных тобою письма. Большое спасибо. Доехал я хорошо, в 4 суток без одного часа. <...> Я был у твоих в первый день Пасхи. Они взяли 20 экз. Павлушиной проповеди, остальные взял свящ^{енник} Иона Брихничёв¹, который, помнишь, написал письмо Городцову² в «Вестник возрождения». Он с несколькими другими лицами затевает здесь издание еженедельной газеты для народа в рел^{игиозно}-прогр^{ессивном} направлении в противовес агитации о. Городцова. Сегодня мы совещались, и они очень просили участия *нашего* вообще. Я обещал, потому что хочется им помочь — дело симпатичное³. С Булгаковскими оттисками и Павлушиными брошюрками поступай, как знаешь. Что же, Павлушу дорогого выпустили наконец? <...>

Господь с тобой. Твой Володя.

Я много пишу для киевской газеты. Посылаю «Заявление».

¹ *Брихничёв* Иона Пантелеймонович (1879—1968) — поэт, публицист. Будучи иереем, критиковал государственную церковную политику и черносотенное духовенство; приговорён к году тюремного заключения и лишён сана (1906), один из основателей движения «голгофских христиан» (1909). Член РКП(б) в 1917—1925 гг., секретарь Центрального совета Союза воинствующих безбожников с 1924 г., член Белорусской АН с 1932 г.

² Варфоломей (*Городцов* Сергей Дмитриевич; 1866—1956), митр. — окончил СПДА, иерей (1892), служил в Тифлисе, активист Союза русского народа. С 1943 г. возглавлял Новосибирскую и Барнаульскую епархию.

³ Брихничёв при ближайшем участии Ельчанинова и Эрна (автор статьи «Гражданские свободы и государство») выпустил в Тифлисе 27 апреля, 7 и 14 мая 1906 г. три номера еженедельного журнала «Встань, спящий!» (издатель С. Г. Островская), ставившего целью «пролить свет в тёмные массы народа и противодействовать распространению хулиганствующих изданий». 13 мая тифлисский генерал-губернатор распорядился издание приостановить и экземпляры его конфисковать, против виновных было возбуждено уголовное преследование по ст. 128 Уголовного уложения, «в особенности за напечатание передовой статьи под заглавием „Дума“, объяснявшей факт непринятия государём её депутатии с адресом. 21 мая журнал вышел с подзаголовком «Наша мысль», 5 июня — «Ходите в свете» (издатель В. М. Брихничёва, супруга о. Ионы, ответственный редактор Ельчанинов, против которого было возбуждено уголовное преследование), 11 июня — «Маяк» (Тифлисский комитет по делам печати неоднократно упоминает о трёх выпусках под этим заглавием; возможно, речь идёт об обещанном редакцией переиздании двух первых номеров), 18 июня — «Встань и ходи», 25 июня — «Вы ещё спите?». 21 июня Брихничёв был арестован, а затем осуждён и лишён сана, несмотря на просьбу тифлисского духовенства принять меры к его освобождению. На запрос Государственной думы начальник тифлисского жандармского управления 30 июня ответил, что священник заключён в крепость «за революционную агитацию, желание возбудить войска местного гарнизона к открытому неповиновению и непрекращающееся печатание статей, возбуждающих неуважение к верховной власти» (РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. 2. Д. 172, 237, 250; Кавказ. 1906. № 111. 16 мая. С. 4; *Базанов В.* Трудная биография // Звезда. 1979. № 12. С. 180, 182).

211. В. П. Свенцицкий — И. С. Бланку

<08.04.1906. Киев>

Письмо г. Ветрова¹ к С. Н. Булгакову чрезвычайно интересно в том отношении, что в нём с большой яркостью обнаруживается одна из крупных причин тех недоразумений, которые обычно возникают при обсуждении вопросов, связанных с христианством.

Если христианское отношение к политическим и социальным вопросам критикуется людьми, вполне определённо относящимися ко всякой религии как к отжившему суеверию, то совершенно очевидно, что не может быть и спора о том, насколько правильно решаются эти вопросы с *христианской* точки зрения.

Но когда в основу критики кладётся христианство и доказывается внутреннее противоречие общественно-политических взглядов с духом Евангелия, тогда совершенно необходимым условием, во избежание каких-либо недоразумений, является признание центральной идеи христианства, без которой никакое учение, самое идеальное, не вправе себя называть этим именем.

Вскрыв противоречия между религиозной основой и решением социальных и политических вопросов, нельзя под христианством разуметь всё, что

вздумается. Если выводы какого угодно автора ставить в зависимость от *собственных* предпосылок, то, конечно, в самом логичном и стройном построении можно найти «внутренние» противоречия.

Центр христианского учения — Христос, Богочеловек, распятый, искупивший грехи мира и в третий день воскресший. Без веры во Христа, в Богочеловечество и воскресение, может быть, возможно гораздо более «здоровое» учение, для многих оно, может быть, будет несравненно выше и идеальней, — но во всяком случае оно уже не будет христианским².

Г-н Ветров как раз и стоит на точке зрения христианства без Христа, человечества — но не Богочеловечества.

«Религиозный человек может быть только индивидуалистом, — пишет г. Ветров, — и всякая извне навязываемая форма иерархии лишь оскорбляет святую свободу его души». Вот первое утверждение, которое стоит в полном противоречии с христианством и признав которое уже нельзя критиковать С. Н. Булгакова, якобы стоя с ним на одной плоскости.

Христианство учит, что, где двое или трое соберутся во Имя Иисуса, там и Он посреди них. Религиозное чувство для верующих — не запертая для других драгоценность, «личное дело», а общее достояние, которое должно нести к людям. Христианство в корне уничтожает все перегородки, отделяющие людей друг от друга, оно зовёт к жизни «единым сердцем» и раскрывает внутреннее единство всего мира. Христианин, индивидуализирующийся в своём религиозном чувстве, — овца, отпавшая от своего стада Христова. Наш великий грех современной религиозной жизни именно в том, что в ней слишком много уединенья, — но это не может возводиться на степень подлинной правды, — наоборот, в этом причина упадка церковной жизни³. И в тех усилиях сбросить тяжесть внутреннего религиозного «монастыря», которые переживает теперь большинство верующих людей, — залог и первые признаки грядущего религиозного возрождения.

Положив в основу своей критики совершенно антихристианский взгляд религиозного индивидуализма, г. Ветров напоминает С. Н. Булгакову, «что существование духовенства, как специального класса якобы духовных пастырей, необходимо связано с мёртвым формализмом обрядности, которая не укрепляет, а убивает религию и неминуемо влечёт за собой тот клерикализм, от которого вы с такой энергией открещиваетесь».

Ещё можно было бы понять столь категорическое заявление г. Ветрова, если бы он имел в виду *фактическое* положение вещей, — но он своё отношение к «духовным пастырям» возводит в принцип, что ясно из следующего места: «...как ни формулируйте духовенства, как сословие профессионально верующих, вы получите те же результаты, что и от реформы корпуса жандармов».

Если бы г. Ветров представлял себе действительный христианский идеал Церкви, то он из того положения, когда «иерархия навязана извне», не предложил бы «единственный» выход для всякого священника в виде «отказа от своего звания».

Для христианина иерархия не является чем-то навязанным *извне*, и если это фактически так в настоящее время, то из этого вовсе не следует, что такое положение лежит в самом существе дела.

Священнослужители должны выбираться всей Церковью. Они должны быть избранниками церковного народа — должны быть совестью его и его вождями. Если среди верующих должно быть единое сердце, если все должны быть братья и сёстры, жить общей жизнью, общей молитвой, — то выборный из такой среды вождь духовный должен быть отцом в высшем смысле этого слова.

Мысля Церковь как тело Христово, состоящее из разных членов, которые несут каждый своё назначение, христианин видит в избрании отца духовного, всем церковным народом указанного, преемственно апостолами рукоположенного, — божественный акт вручения особому лицу особых полномочий.

Иерархия — не власть, в смысле организованной принудительной силы⁴, это *особый* вид служения, столь же ответственный, сколь ответственно *всякое* служение членов Церкви. Здесь связь не внешнего принуждения, а внутреннего, нравственного и божественного, авторитета. Вот потому-то и возможно такое утверждение. Церковь, признавая иерархию, — в то же время в своём внутреннем строе полагает идеал абсолютного безвластия⁵.

Вопрос о государственном строе также решается г. Ветровым совершенно внешне. «Анархический коммунизм, — говорит он, — как социально-политический факт, есть лишь удобное средство для того, чтобы сделать возможным процветание высших, вечных философско-религиозных начал духа».

А причину, почему до сих пор анархический коммунизм не воцарился на земле, г. Ветров видит не в коренной порче человеческой природы, а «просто в силу того, что человек ещё недостаточно додумался до наилучшей формы социально-политического устройства».

Во всём этом рассуждении совершенно ясно полное отсутствие идеи богочеловечества. Христианин не может отбросить апостольское учение о власти, он должен найти в нём тот высший смысл, который бы разрешил те внешние противоречия в этом учении, на которые часто указывают.

Этот высший смысл заключается в идее *богочеловечества*.

Апостолы установили двоякое отношение к власти — практическое и принципиальное.

Первое имеет в виду повиновение властям, но до тех пор, покуда власти требуют возможного для христианской совести. Это ясно из Деяний апостольских, где рассказывается о том, как начальники требовали от Петра и Иоанна не учить об имени Иисуса. «Справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» — отвечали апостолы и продолжали проповедь⁶. Таким образом, вопрос о повиновении властям разрешился практически в относительном смысле (недаром же почти все апостолы погибли за неповиновение власти).

Что касается вопроса второго, принципиального, то здесь апостолы учили о святости и божественности всякой власти. Смысл этого учения лежит в том,

что власть признавалась апостолами как святая сила в богочеловеческом процессе. Предупреждая соблазн *принципиального* осуждения власти, апостолы раскрывали ту великую историческую роль, которая ещё предстояла политической организации в историческом процессе. Власть от Бога — потому что в богочеловеческом процессе, в борьбе добра со злом, которое совершается в нём, она, как необходимое условие культуры, делает своё дело.

Если признать такой смысл в апостольском учении о власти, тогда станет ясно, что христианство благословляет эволюцию политических форм и видит конец возложенной на власть миссии только там, где начинается Церковь.

Лучший для христиан тот политический строй, который совершенно служит идее государства как становящейся Церкви. Никакой формы государства христианин не может ни признавать, ни отрицать как *абсолютное*, за исключением того случая, когда этот строй *принципиально* противоречит Евангелию.

Такое положение мы имеем только в одном случае: при самодержавном неограниченном образе правления⁷.

Признание самодержавия есть уже отречение от Христа, ибо признать власть *ничем* неограниченную, значит принципиально допустить, что в случае, если власть потребует явно безбожного дела, я как *признавший* её неограниченность должен повиноваться ей, а не Богу. Малюта Скуратов, задушивший святого митрополита Филиппа, должен был или отречься от признания царского самодержавия, или отречься от Христа, — он избрал последнее.

В таком же положении оказывается всякий и современный опричник.

В письме г. Ветрова попутно затрагивается много очень серьёзных вопросов, которых я пока касаться не буду. Скажу только, что я совершенно не согласен с г. Ветровым, что будто бы, по мнению Мережковского, «добро и зло должны быть признаны по крайней мере равносильными стихиями», и тем более не согласен с тем, что «при свободе печати можно ожидать, что Толстой, по крайней мере на некоторое время, займёт всё внимание большинства русского народа».

По моему же глубокому убеждению, Толстой в своей вере не народен, и потому, когда народ его *действительно* узнает, он за ним не пойдёт.

¹ *Бланк* Израиль Соломонович (псевд. Книжник-Ветров Иван Сергеевич; 1878—1965) — публицист, историк; исповедовал анархизм, затем перешёл на позиции толстовства и христианского социализма. Цитируется его письмо «К вопросу о „Союзе христианской политики“» (Народ. 1906. 7 апреля. № 4). Булгаков в своём ответе отмечал, что стоит «в религиозно-догматическом вопросе на той же точке зрения, которая выражена в ответе В. П. Свенцицкого» (Народ. 1906. 9 апреля. № 6).

² Например, учение Л. Н. Толстого, которое Свенцицкий рассмотрел в статье «Религия „здорового смысла“» (С-П. С. 339—351).

³ Ср.: «Грехи исторического христианства в социальной области велики и многочисленны, их не надо замалчивать, их надо сознать в целях самоисправления... Эти грехи связаны не только со слабостью или порочностью воли, но отчасти и с односторонним пониманием христианства, с тем, что можно назвать индивидуалистическим гипераскетизмом, устраняющим само понятие истории, а следовательно,

исторических задач и обязанностей» (Булгаков С. Два града: исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 205).

⁴ Внешней принудительной силой, механизмом внешнего принуждения славянофилы называли государство.

⁵ Ср.: «Истинная Церковь внутри себя упраздняет всякую власть, внутри Церкви нет власти, но царит любовь и свобода» (Булгаков С. Церковь и государство // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 62). Через три года после журнальной полемики со Свенцицким (подр.: С-П. 443–455, 711–714) идеи ХББ повторил Евг. Трубецкой на заседании МРФО 30 ноября 1910 г.: «Идеал Царствия Божия не теократичен, а анархичен: ибо вместе с миром в нём окончательно исчезает всякая мирская власть... <В Церкви> не должно оставаться места для какого-либо принудительного властвования. В этом и заключается та правда религиозного анархизма, о которой говорится в Евангелии» (О религии Льва Толстого. Сб. 2. М., 1912. С. 59–76). Тогда же признал необходимым для религии принцип «всё или ничего», переняв и взгляды оппонента на насилие и государство.

⁶ Деян. 4, 19.

⁷ Имеется в виду форма правления, а не государственная идеология.

212. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<14.04.1906. Новосиль¹ — Киев>

Дорогой Александр Сергеевич! Я нахожусь в большой внутренней тревоге: внешние обстоятельства мешают мне расположить время, как бы мне хотелось.

Из Москвы идут не очень утешительные вести — ефимовские издания затягиваются. «Взыскующих» до сих пор нет корректуры — Ельчанинов не может получить денег, чтобы уехать, — Галанин написал какую-то брошюру, которую без нашего редактирования хочет сдать в набор...² А ко всему этому жена Шера (только что родившая) очень больна³. Поездка по Волге, оказывается, не может состояться раньше конца мая. Ввиду всего этого я буду в Москве около 20, — а там увижу.

Пишите, пожалуйста, насчёт газеты и вообще. Если Винокуров⁴ паке чаяния будет платить, присылайте мою долю в *Москву* на имя Ольги Вл<адимировны> Шер.

Прощайте — Вал. Свенцицкий.

Р. С. Галанин пишет, что Францыч прислал письмо, в котором между прочим говорит, что в Тифлисе будет выходить газета такая же, как «Народ» (!).

¹ В Новосиле Тульской губ. в 1900–1909 гг. жили брат Свенцицкого Вячеслав и их мать Елизавета Федосеевна.

² В РОБ под псевдонимом Д. Рябинин вышли брошюры Д. Д. Галанина (мл.) «Восьмичасовой рабочий день» и «Зачем нужны рабочим союзы?» (Серия 2. № 8. М., 1906). Рассмотрев последнюю, 24 февраля 1909 г. МКДП «нашёл в её содержании нижеследующее: Д. Рябинин, охарактеризовав бедственное положение рабочих и выяснив их полную экономическую зависимость от фабрикантов и вообще хозяев,

разъясняет, что для успешной борьбы с последними у рабочих существует вполне целесообразное средство, именно — стачка, для удачного проведения коей рабочим, однако, необходимо действовать настойчиво и дружно, соединяясь в союзы, всегда имеющие возможность поддерживать рабочих во время стачки и, таким образом, дающие средства для облегчения положения рабочих. Хотя рабочие окончательно освободятся от тяжёлой зависимости от фабрикантов-хозяев лишь тогда, когда общество будет устроено так, что все будут работать на общую пользу, тем не менее в настоящее время рабочие могут улучшить, в той или иной степени, своё положение единственно лишь с помощью стачек, поддерживаемых профессиональными союзами, о заключении коих рабочим, следовательно, и надлежит прежде всего заботиться, тем более что правительство всегда держит сторону фабрикантов-хозяев». 23 марта МСП возбудила против лиц, виновных в напечатании брошюры, судебное преследование по п. 6. ст. 129 Уголовного уложения, и 19 марта 1910 г. автор был осуждён на 4 дня (!) тюрьмы (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 2. Д. 207).

³ Татьяна Николаевна Шер (в девичестве Королёва) в апреле 1906 г. родила сына Васю. Роды прошли тяжело, затем семья для поправки перебралась из Москвы в своё имение, где младенец скончался. Второй сын также был назван Василием (ср. письмо № 460).

⁴ В. И. Винокуров обещал финансировать ежедневную газету «Народ» и получил свидетельство на право её издания, но обещанных средств не предоставил.

213. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<14.04.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша! Присылай лучше свою статью, т. к. я не могу отсюда уехать: каждый день я трезвоню в телефон, хожу сам к Ефимову и каждый раз получаю ответ — завтра, т<ак> ч<то> должен ждать. Кроме того, я ужасно здесь засиделся, прямо тошно до неимоверности, готов плакать от злости и отчаяния. Ефимову о твоих условиях скажу — они вполне выполнимы. Мне бы очень хотелось к вам, но не могу сейчас, а когда освобожусь от корректуры, страшно хочется сейчас же домой.

Ну прощай, поклон Серг. Сем. <Троицкому>. Твой Саша.

214. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<15.04.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Я почти уже уехал; во всяком случае после 12 ч<асов> 50 м<инут> 15-го апреля меня уже не будет в Москве.

1) Все дела переданы Дм. Дм. Галанину.

2) Главная квартира остаётся там же — Нашок<инский> пер., д. Яковл<е-вой>, кв. 16, куда и пиши и прочее.

3) Мой адрес отныне: Тифлис, Великокн<яжеская>, 40.
 4) В «Весах» я не был, в чём искренне каюсь.
 Ну, прощай, тв<ой> Саша.

215. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<15.04.1906. Сергиевский Посад>

Дорогой Володя!

Со мною советовался Мякшин¹, и я обещал ему написать Вам. Дело в том, что Вы у него брали 500 штук «проповеди», кстати, Саша брал ещё 200, а он издавал их на свои деньги и теперь не сводит концов с концами. Он собирался их *продать*, и поэтому ему необходимо уплатить за них. Я бы сам расплатился, да у меня деньги на прожитьё здесь летом, и никакого источника дохода я вообще не имею, разве что получу рубля 1½ за сахар и чай да вот справлю корректуры статьи Саши. Поэтому Вы либо соберите с тех, кому Вы давали брошюру, либо как-нибудь устройте дело. Больше *моих* брошюр нет вовсе, кроме небольшого количества авторских экземпляров и, как я говорил Вам, я тут совсем стою в стороне.

Ваш П. Флоренский.

Я не знаю, на каких условиях Вы брали брошюры.

P. S. На лето, вероятно, останусь тут.

¹ *Мякшин* Григорий Трофимович — сокурсник Флоренского по МДА в 1904—1908 гг., издатель брошюры «Вопль крови. Слово в неделю Крестопоклонную» (М., 1906) с проповедью Флоренского, сказанной 12 марта 1906 г. в домовый церкви МДА.

216. В. П. Свенцицкий — С. Н. Булгакову

<15.04.1906. Новосиль — Киев>

Дорогой Сергей Николаевич! Вы, вероятно, знаете от Волжского, что я буду в Москве числа 20; ввиду этого, если Вам пришлют корректуру моей статьи для сборника, пожалуйста, перешлите её в Москву на имя Ольги Влад<имировны> Шер.

Затем следующее. Галанин (сын) написал брошюру о профессиональном движении, которую одобрил Ельчанинов и которую он хочет сдать прямо в набор. Я написал ему по этому поводу очень решительное письмо, в котором указывал, что ни Ельчанинов, ни я, ни Фр<анцыч> в этом вопросе ничего не понимаем — рекомендую послать брошюру для предварительного заключения Вам. Что он, вероятно, на днях и исполнит.

По моему мнению, печатать в нашей библиотеке такую брошюру имеет смысл только в том случае, если она действительно хороша, а наводнять ры-

нок политической дребеденью — не имеет смысла. Я думаю, что галанинская брошюра не плоха, — но во всяком случае я лично очень бы Вас просил отнестись к ней поостроже.

Мне не даёт покоя вопрос о том, чем должна быть литература и что она такое¹, — в настоящее время я прихожу к заключению, что Вы с Волжским совершенно не правы, что Вы не судьи в этом вопросе, потому что сами *испорчены* (!). Имею данные и из области эмпирии и эмпирии...² Написал для второго номера «Взыскующих» главу под заглавием: «Нечто о литературе, смирении и авторитетности» — Волжский будет ругаться!!

Здесь весна в самом начале, — всюду радость какая-то, в душе словно лёд сходит, жизнь чувствуешь такую хорошую, чистую. С ума не идут слова послания «Всегда радуйтесь!» И хочется всем говорить: Христос воскрес! Но говорить людям сил нет, и идёшь в лес, и христосуешься с деревьями, и плачешь от бесконечного счастья.

Христос воскрес, дорогой мой Сергей Николаевич.

¹ «Публицистика, всякое частное мнение по частному вопросу должны быть органически связаны не только с мирозерцанием теоретическим, но и со всей внутренней жизнью, как они связаны в живом человеке. Литература не должна умышленно или неумышленно лгать, разрывая эту внутреннюю связь, но должна сохранять её во всей её действительной полноте. ...Литература только тогда будет действительно отвечать своему великому назначению, когда она будет живым лицом. Для этого она должна стать подлинно выражением лучших, страдальческих минут жизни писателя» (С-II. 125–126).

² Намёк на Флоренского, автора диалога «Эмпирейя и Эмпирия» (Ф-I. 146–195).

217. В. П. Свенцицкий — С. Н. Булгакову

<Апрель 1906. Москва — Киев>

Дорогой Сергей Николаевич!

Ивашёва передала мне, во-первых, о Вашей просьбе снестись с Морозовой по поводу «паёв». Не зная, в каком положении киевские проекты о паевой компании, я не решаюсь дать ход этому делу, особенно ввиду своего несочувствия использовать этот единственный в своём роде источник для газеты «Народ»¹ — надо испробовать все возможные пути и тогда только обращаться к Морозовой, т. к., раз обратившись, мы уже лишаем себя этого источника навсегда.

Во-вторых, она же сообщила мне, что у неё были Пятикрестовский² и Пospelов, узнавшие о том, что одна из причин прекращения газеты — финансовые затруднения. Они предложили *помочь делу деньгами*. Я Ивашёвой сказал, что этот источник необходимо утилизировать. Но для этого необходимо опять-таки знать, в каком положении киевские дела.

Ввиду всего этого немедленно по получении этого письма известите меня, в каком положении газета. Если дело можно изложить кратко, например, «надо три тысячи», или что-нибудь в этом роде, — то лучше телеграфируйте — мне по адресу Шер.

С Ефимовым у нас начинает возникать путаница. Он что-то всё затягивает, говорит, что очень велик гонорар, что он ещё не знает, как будет расходоваться «Библиотека» и т. д.

Если газета «Народ» начнёт выходить в начале мая, то я с удовольствием приехал бы недели на две в Киев — так как свободен до 20 мая. Напишите мне об этом. Прощайте. Вал. Свенцицкий

¹ Далее зачёркнуто: «10 тысяч».

² *Пятикрестовский* Александр Михайлович (1870—1938), прот. — окончил МДА, кандидат богословия (1895), настоятель московских храмов Спаса Нерукотворного Образа на Пречистенке (с 1902 г.) и Спаса Преображения на Б. Спасской (с 1919 г.), где в 1920-х часто служил и проповедовал Свенцицкий; расстрелян.

218. Н. А. БЕРДЯЕВ — Д. В. ФИЛОСОВУ

<20.04.1906. Киев — Париж>

Мой дорогой, родной Дмитрий Владимирович!

<...> В Петербурге меня доводили до тошноты «мистические анархисты», а здесь тошнит от православных христиан¹. <...> «Народ» временно прекратил своё существование, но кажется, что скоро возродится. Я очень рад, что газета эта появилась, но высочайшие указы Свенцицкого и Эрнэ мне не нравятся, я не выношу религиозного самодовольства и религиозного бюрократизма. <...> Даже Булгакова это смущает, а Волжский совсем под влиянием этих инквизиторов. <...> В сборник <<Анархия и теократия>> нужно пригласить Булгакова и Волжского, равно как и Розанова, но не нужно приглашать Эрнэ и Свенцицкого. <...>

¹ О тогдашнем духовном помрачении Бердяева свидетельствует его доклад «Мистика и религия», произнесённый 14 декабря 1906 г.: «Особенно противоречит христианской религии аскетизм... В аскетизме нет положительного содержания. Сущность его в прославлении смерти, в самоумерщвлении... Жертва Христа освобождает человечество от жертвоприношений» (Церковно-общественная жизнь. 1907. № 1. С. 22); тот же дух проявился в книге «Новое религиозное сознание и общественность» (СПб., 1907): «Жестокий и кровожадный... аскетизм, пессимистический и враждебный мировой жизни... находится ближе к чорту, чем к Богу». Через 10 лет «оригинальнейший философ» в работе «Смысл творчества» (гл. 7) заявлял: «Аскетика есть общеобязательный формальный метод всякого религиозного и мистического опыта. Путь аскетический... есть возврат в лоно Божье». Более того, в статье «Религия воскрешения» (Русская мысль. 1915. № 7. Гл. 6) упрекал других в отказе от этого пути, «на котором

неизбежно прохождение через вольную смерть, через таинственную жертву... без которой нет творчества».

219. Н. А. Бердяев — З. Н. Гиппиус

<22.04.1906. Киев — Париж>

<...> Не знаю, что хуже, православное ли христианство Булгакова и Волжского, на котором почил дух Свенцицкого, или беспочвенность и безнадежность Шестова¹!... «Народ» погиб, денег нет и возродиться что-нибудь может только к осени. Я иногда мог бы писать в «Народ», но всё-таки это чужое мне дело. <...>

¹ *Шварцман* Лев Исаакович (псевд. Шестов; 1866—1938) — философ-экзистенциалист, автор книги «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)» (1905).

220. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<28.04.1906. Тифлис — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Я лично взял 75 экз. ваших брошюрок. И хотя деньги за них получены не все, но я посылаю следуемые деньги сполна: $75 \times 7 = 5 \text{ р. } 25 \text{ к.}$ Я не спешил высылкой только потому, что студент, вручавший мне брошюрки, говорил *определённо*, что с деньгами я могу не спешить. Прощайте, от души всего вам доброго.

Ваш В. Эрн¹.

¹ Записка на отрезном купоне о почтовом переводе.

221. П. А. Флоренский — С. С. Троицкому

<29.04.1906. Сергиевский Посад — Москва>

Серёжа, братик мой ясный. Вот что я хотел написать тебе за всеобщей сегодня: ты только будь здоров и радостен. Разве ты не видишь над собою покровы Пречистой, что думаешь о завтрашнем дне. Я много раз так ясно видел его над тобою, что не беспокоюсь за тебя: ты в надёжных руках. Только побольше беспечности! Это о тебе.

По временам я так ясно сознаю в своей душе какую-то, будто стальную вещь, сторону, силу — не знаю, как назвать это, но что-то беспощадно твёрдое, с острыми режущими углами, может быть, даже с острыми «губами», как у «острогубца», способными перекусить моментально какую угодно проволоку. Этот твёрдый предмет при всяком движении рвёт и терзает мою душу, рвёт и делает больно всякому, кого я прижму к груди. И в то же время, я знаю, что в этом — то, что во мне узнают все другие, посторонние. То, что ужасно для меня, является силой для других; что дорого мне — не видно другим. И я знаю, как я мучаю себя, — может быть, ты и сам не понимаешь, чем именно; перед Богородицей говорю, что и я тоже почти ничего не понимаю, что я хочу тебе самого хорошего, чистого, радостного, жизненного и светлого, готов всё сделать, чтобы тебе было только хорошо. Но... не выходит...

А после этого, после жизни с другим, мне желательно только одно. Поговорить о моей жадности. Может быть, это и так. Я сейчас объясню, как обстоит дело. Меня удовлетворило бы только одно — это непрерывный подвиг, требующий напряжения всех сил души, не дающий ни минуты подумать и в ближайшем будущем заканчивающийся крестом. Но я хорошо сознаю, что вполне недостоин этого, и мучаюсь своим недостойнством и знаю, что лучше стать могу не иначе, как через подвиг же и крест. Тут я путаюсь и терзаюсь.

222. П. А. ИВАШЁВА — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<05.05.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Павел Александрович!

Валентин Павлович говорил мне, что можно попросить у Вас то, что Вы написали относительно причастия, — если можно, пришлите мне, пожалуйста, эту рукопись. Адрес — это квар<тира> Влад. Францевича: Нащокинский переулок, д. Яковлевой, кв. № 16. Пелагее Александровне Ивашёвой. На лето Вл. Фр. <Эрн> передал мне квартиру.

223. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<09.05.1906. Тифлис — Сергиевский Посад>

Дорогой и милый Павлуша! Последнее время много думаю о разных вещах, гл<авным> обр<азом> о любви и символическом познании. Я думаю, что если буду упорно думать, то выясню всё, но, знаешь, мешает мысль, что ты уже знаешь всё это, и просто забирает ужасное желание поскорее узнать, поскорее взять выводы. Я многое здесь чувствую, и, думаю, правильно, но мне страшно хочется, чтобы знали об этом люди...

Скажи, думаешь ли ты писать об этом, и скоро? Я был бы невероятно счастлив, если бы ты в виде сжатого конспекта изложил бы мне о символическом познании — это было бы тем маленьким кристаллом, который кристаллизует раствор. Впрочем, я знаю, что времени у тебя мало, и только сильнейшее желание позаимствоваться из сокровища, которое лежит готовым, заставляет меня просить тебя. И ведь я имею некоторое право на твои сокровища; я, во-первых, люблю тебя, во-вторых, сам думаю и думаю, в-третьих, я глубоко уверен, что истина одна, что она лежит где-то под землёй как драгоценная залежь и надо только ударами кирки явить её миру. Вы только благовестники истины, которой вы удостоены, конечно, за свои качества, но и мы хотим увидеть, чтобы работать потом с вами, потому что нет муки сильнее, чем видеть жаждущего и не иметь, что дать ему. В смысле нравственной подготовки к принятию истины я делаю всё... нет! не всё, но стараюсь делать всё, что могу, и клянусь тебе в самом серьёзном отношении к тому, что ты скажешь, как всегда это и было.

Прости за бестолковость — ты ничего, должно быть, не понял.

Я думаю, что символическое познание это даже не совсем то, познания здесь мало, т. к. дело идёт о таком же специфическом свойстве, как музыкальное творчество и т. д. Не познание, а восприятие мира символически. Тут масса вопросов: отношение этого к мистике, музыке, поэзии; символы истинные и фальшивые и т. д., отношение к математике. Суть символического познания я понимаю как такое состояние психики, когда весь видимый мир и когда отдельные предметы перестают быть ограниченными, тёмными, начинают просвечивать, по выражению Белого, и открывают бесконечные перспективы, — вплоть до мира умопостигаемого; собственно, платоновская мысль, но я не знаю, говорил ли Платон о *восприятии* мира как отражения идей — пожалуй, говорил в *Συμπόσιον*¹.

Всё это пишу, чтобы ты увидел, как я понимаю это и понимаю ли что-нибудь.

Ну, прости ради Бога, если трудно, не отвечай, но я хочу, чтобы ты ответил; может быть, ты найдёшь более полезным для меня просто дать несколько пояснений, чтоб легче мне было думать самому.

Твой Саша. Поклон Сергею Сем. <Троицкому>.

¹ Диалог Платона «Пир».

224. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<14.05.1906. Коренево — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Вот уже больше двух недель прошло, а «издательские» наши дела всё в прежнем положении, прямо-таки руки опускаются! Ничего писать не хо-

чется, как подумаешь, что всё это дойдёт до читательского слуха через 3-4 месяца!

«Взыскующ<ие>» всё ещё «завтра выйдут наверное», корректур никаких новых не имеем, и первые листы «сборника» всё ещё «печатаются». Неужели же это всегда так бывает? Или мы только находимся под «чьим-то» особым покровительством!!

Я напрягаю все силы, чтобы 2-й № «Взыскующ<их>» сдать в набор в начале июня — тогда будет надежда, что к осени он выйдет, — предполагаемое содержание его таково: 1. Террор и бессмертие 2. Что такое «мистический опыт» 3. Наша вина 4. Нечто о литературе, смирении и «авторитетности» 5. По поводу книги Ренана «Жизнь Иисуса» 6. Социалистический сон¹.

Центр тяжести моей жизни лежит сейчас совсем не в литературе, и «Взыскующ<им>» поэтому так притягивают меня к себе, что здесь, может быть, и «иллюзорно», но мне чудится нечто отличное от литературы². Не подумайте, что мои «настроения» могут вредно отразиться на поисках денег для «Еженедельника»³. Всё возможное я сделаю, это особенно облегчается предположением Францыча довольно рано приехать в Москву (он писал Галанину, что приедет в июне).

Живу я во внешнем отношении очень тихо — деревня, лес, речка, даже пастух на свирели играет! — Но во внутреннем отношении со мной что-то «делается». И я чувствую какую-то странную связь этого «что-то» с своим пребыванием в Киеве...

Мне как-то в *одно и то же* время кажется совершенно очевидным и бесповоротным, что будет Соловьёвское общество, «Еженедельник» и т. д. и что я осенью поселюсь в маленькой-маленькой пещере, как «заколоченные» пещеры в Киеве, и там *беспрерывно* буду в Нём, с Ним и для Него. Буду любить Его, как любишь иной раз ночью или в тихом лесу, словно жмёшься к Нему, хочется Его ласки святой, целуешь раны Его, слышишь силу Его и плачешь от восторга и счастья.

Как же это будет всё сразу? Не знаю я, но только сразу этим *двоим образом и живу* — да ещё *третьим*, который зовётся *другим*, но он теперь как *нёс* лежит и чешется у меня в передней: я дальше его не пускаю. Он царапается, но я кричу на него: молчать! И мне *жалко* его униженного воя.

Я такой «тройственный союз» объясняю тем особым состоянием, которое было отчасти и в прошлом году перед началом моих «Записок стран<ного> челов<ека>»⁴. По возвращении с Волги я засяду за 2-ю часть — но меня тянет уже и сейчас. Я, кажется, никогда так не чувствую своё *спасение*, как думая об этой вещи, — и сейчас, дорогой мой Алексей Сергеевич, — не назовите это гордостью — во мне всё так ясно говорит мне, что спасение моё близко. И мне хочется зачем-то уйти в пещеру, для радости какой-то, для какого-то конца, чтобы конец стал началом. Всегда радуйтесь!⁵

Мне так хотелось бы *посмотреть* на Вас, когда я поеду по Волге. Я из Москвы выеду 23, значит, из Нижнего 24, на меркурьевском⁶. Рассчитайте сами, когда я буду в Симбирске. Если что-нибудь изменится, я Вам телеграфирую.

Крепко Вас целую. Вал. Свенцицкий.

Р. С. Адрес мой на Шеров. А Фонд<аминского>⁷ следующий *на наружном конверте*: Петербург, Гусев пер., д. 1, кв. 30, Софье Абрамовне Шабат; *на внутреннем*: для Бунакова.

¹ Похожий список содержится в анонсе так и не вышедшего сборника, но там отсутствуют пп. 4 и 6, зато упомянуты статьи «О правде и лжи», «Христианская общественность», «Партийная работа и освободительное движение», «Об одном романе» (Стойте в свободе! 1906. 17 июля. Вып. 2).

² Подр. см. заглавную статью «Взыскующим Града» (С-II. 119–136).

³ Участники ХББ выпустили в Москве два номера еженедельной газеты «Стойте в свободе!» (1906. 9 и 17 июля) и в Петербурге газету «Два пути» (1906. 25 октября).

⁴ Свенцицкий В. Антихрист (Записки странного человека). М., 1908 (С-I. 58–225).

⁵ I Фес. 5, 16.

⁶ «Кавказ и Меркурий» — в нач. XX века одно из крупнейших пароходств на Волге.

⁷ *Фондаминский* Илья Исидорович (псевд. Бунаков; 1880—1942) — приятель Свенцицкого по гимназии, член партии эсеров с 1902 г., комиссар Черноморского флота в 1917 г., редактор журнала «Новый Град» в 1930-х, казнён в Освенциме, канонизирован Константинопольской Православной Церковью.

225. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<17.05.1906. Кореиз — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Как Вы поживаете? Как Ваше здоровье? Есть ли что новое?

Давно собираюсь Вам писать, да лень и хандра мешали. На Ваше имя прислана из Петербурга рукопись «<нрзб.>», очевидно, Эрна, она у меня лежит до дальнейших указаний, кому её передать. Письмо распечатал, но, конечно, не читая, прилагаю. Из киевских газет я узнал, что «Народ» остановлен был постановлением судебной палаты ещё 17 апреля¹; почему-то нам об этом не сообщили своевременно. История эта у меня совершенно затянулась, если не считать «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» (примечание для моих хулителей: это Пушкин, посвящ<ение> «Е<вгения> Онегина»).

Я убедился и почувствовал с несомненностью, что издавать газету было великим соблазном и безграничной дерзостью при нашей слабости религиозной, и особенно милость Божия проявилась в том, что газета прекратилась в силу внешних условий, и вообще эксперимент прошёл сравнительно нешумно, обнаружив перед нами только слабость нашу.

Не поражает ли Вас ещё, что ведь всё-таки отозвалось в конце концов поразительно мало из всех наших адресатов. Это наводит меня на пессимистические мысли и об еженедельнике. Судя по намёкам <Е. Н.> Трубецкого, трещать начинает и его «Московский еженедельник». Впрочем, что ещё будет до осени!

Я переживаю отчаянные приступы политической лихорадки, живу от газеты до газеты, пропадаю от своего бессилия и бездействия. Подлое состояние, не пожелаю и врагу. Надеюсь, что это минет с минованием критического момента. Вы не должны этого презирать. Хорошо, если стоишь выше и действителен, если же этого нет, болит совесть, а м<ожет> б<ыть>, и сатана искушает. Что-то теперь переживаете Вы?

Я получил от Мережковского преувеличенно ласковое письмо, которое, однако, всё-таки меня порадовало. Я продолжаю очень чувствовать связь с ними, и в этом духе ответил. Он пишет про сборник, чтобы статьи были к сентябрю, и Вам поручает это передать. Хорошо бы, если бы они успели, только я не верю, а сборник очень жалею. Обещаю им тему: Христос и Антихрист в современном социализме. Д. С. <Мережковский> просит меня снести с Флоренским и просить его описать свои переживания в тюрьме etc. (?) Здесь приходится поставить только вопросительный и восклицательный знак перед такой непроницательностью даровитого беллетриста. Я отвечаю, что едва ли Флоренский согласится и излишне просить его об этом. Но вообще, списываться с ним взялся. В списке сотрудников есть все, кроме Свенцицкого и Эрнана, — Мережковский не может им простить, да и те сами не пошли. Как это грустно! Не попытаетесь ли уладить это Вы? Впрочем, не стоит.

<...> Писать я ничего не могу, думать тоже. Писать курс политической экономии совсем не в состоянии, испытываю это как непролазную скуку и ложь, и это меня тоже обескураживает, тем более что половина работы сделана.

Кажется, будет революция у нас настоящая! О Соборе вести в газетах беспокойные. Хочу писать об этом у Трубецкого. Удручает очень дальность от центров.

Сборник наш, очевидно, снова застрял, — я, пока что, не имел ещё ни одной страницы корректуры. Скверно!

Обнимаю Вас. Ваш С. Б.

¹ Решение Киевской судебной палаты о приостановлении газеты «Народ» и возбуждении против Лашнюкова уголовного преследования по ст. 128 и 129 было вынесено 19 апреля 1906 г. Глинка объяснял А. Белому 23 апреля: «Газета наша, в которую я Вас приглашал, после семи №№ встала: обманулись в издателе, давила и цензура». Эрн 4 мая в письме к Глинке сетовал: «Я знаю, что есть массы людей, которым такая газета очень нужна» (*Колеров М.* Не мир, но меч. СПб., 1996. С. 221).

«На её немногих страницах в течение всей Святой недели оживлённо дебатировались вопросы о христианском мирозерцании, о возрождённой Церкви, как основе политической реформы, о недостаточности марксистского мирозерцания... о религиозной общественности. Нечего говорить, что часть местной публики, близкая к общественным задачам религиозности, с захватывающим интересом перечитывала новые статьи невиданной газеты. Для неё это был двойной праздник: воскресение Христа совпадало с пробуждением церковно-общественного творчества... Христианство... представилось читающей публике в качестве символа свободы, но никак не реакции... Газета была закрыта за то, что она решила подойти к вопросам политики с той стороны, которая более всего представляется у массы неприкосновенной. ...Со-

знательный интерес к направлению „Народа“ мог быть только у тех, для кого вопрос об отношении христианства к политике представляется насущным. А таких, нам думается, меньшинство. ... Поэтому закрытие оригинальной газеты встречено было так холодно... В октябре состоялся разбор дела редактора В. Лашнюкова, который осуждён на год в крепостное заключение. ...Так будет до тех пор, пока существующее состояние Церкви в государстве будет пребывать неизменным» (МН. Неудачи пропагандистов христианской социализации общества // Церковный голос. 1906. № 46. С. 1272–1274).

226. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<22.05.1906. Москва — Симбирск>

М<илостивый> г<осударь> Александр Сергеевич.

Сим извещаю Вас, что открытки Ваши получены!!! Редактор Вал. Свенцицкий.

Секретарь: Дм. Галанин. Сторонний читатель: В. Эрн.

(Продолжение в ближайшем №.)

Заведующий редакцией «Рел<игиозно>-общ<ественной> библиотеки»
Д. Д. Галанин.

227. Д. Д. ГАЛАНИН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<24.05.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Долгое отсутствие всяких вестей о Вашей статье, наверное, Вас беспокоит, поэтому спешу сообщить, что, наверное, не позднее конца следующей недели корректура будет готова, и я тотчас пришлю её Вам. Сейчас готова корректура Вл. Фр. <Эрна>, а Ваша статья следует за ней¹. Зом ещё пролежит без движенья, наверное, очень долго.

Вал. Пав. <Свенцицкий> разыскал Ваш сундук. Волжский прислал 50 номеров «Народа», где Ваши стихи. То и другое можете получить в Нашокинском у Пел. Алек. <Ивашёвой>.

Всего лучшего. Д. Галанин.

¹ Имеется в виду сб. «Вопросы религии» (Вып. 1. М., 1906).

228. П. А. ИВАШЁВА — В. Ф. ЭРНУ

<05.06.1906. Москва — Царские Колодцы>

Владимир Францевич! Напишите, получили ли посланные Вам экземпляры. Мы с Чми посылаем братские листки¹, «Что нужно крестьянину»²

и «Взыскующим» через Г<осударственную> д<уму> священнику Афанасьеву³. Как Ваши дела вообще? Серёжа кланяется. Всего, всего хорошего.

Ваша Ивашёва.

Вл<адимир> Фр<анцевич>, χαίρετε!⁴ «Взыскующим» вышли. 20 кн<иг> послано в Царские Колодцы. Чми⁵.

¹ Воззвания ХББ (С-II. 13–39).

² Свенцицкий В. Что нужно крестьянину? М.: Т-во И. Д. Сытина, 1906. РОБ. Серия 2. № 1; 2-е изд.: Д. П. Ефимов, 1906 (на обложке без знака вопроса); С-II. 73–80.

Е. И. Булгакова писала в газете «Стойте в свободе!» (1906. 9 июля. Вып. 1): «В этой книжке очень просто и ясно рассказывается, что нужно крестьянину: ему нужен прежде всего хороший приход и священник, но хороший приход не может быть, пока крестьяне неграмотны и тёмны, значит, крестьянину нужно просвещение, нужны школы. На школы и другие нужды крестьян, живущих сейчас чуть не впроголодь, нужны средства. Все средства крестьянин получает от земли, и потому третье, что ему нужно, — это земля. Сейчас правительство, чиновники и помещики всячески притесняют крестьянина и не дают ему возможности достать себе земли, поэтому последнее, что нужно крестьянину, — это хорошее, выборное правительство и начальство».

Рукописный текст (ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 674А), поданный 2 ноября 1905 г. в Московский цензурный комитет, 5 ноября был запрещён к изданию. 5 декабря без всякого разрешения был отпечатан тираж в 20 тысяч, но 11 декабря пожар в типографии Сытина уничтожил его часть. Один экземпляр был представлен в Комитет 28 января 1906 г. и снова запрещён 4 февраля на заседании по письменному докладу цензора А. А. Венкстерна. Тем не менее, тираж был пущен в продажу и успешно разошёлся. ГУДП спохватилось только 5 апреля 1908 г., по его инициативе МКДП 7 июня наложил на брошюру арест (в книжных магазинах было конфисковано 165 экз.) и возбудил уголовное преследование против виновных в издании лиц. 23 августа к дознанию приступил судебный следователь по важнейшим делам Н. Н. Всесвятский и 15 декабря признал брошюру возбуждающей к ниспровержению существующего общественного строя, хотя «при осмотре обнаружилось, что автор указывает ряд мер... которые необходимы, чтобы жизнь крестьян стала хоть сколько-нибудь похожей на человеческую» (вероятно, именно за это М. А. Колеров в книге «Не мир, но меч» (СПб., 1996. С. 273–274) назвал её «брошюрой подрывного характера»). И. Д. Сытин на допросе 23 декабря виновным себя не признал: «В 1905 г. имел разговор с киевским профессором Булгаковым относительно издания целой серии брошюр под заглавием „Религиозно-общественная библиотека“. Булгаков указал Эрна, как человека, который будет заведовать делами издания этих брошюр и состоять посредником между авторами и издателем. Эрн доставил 4 брошюры, постоянно являлся в типографию, брал корректуры, с ним производились денежные расчёты. Только он один принимал участие в издании брошюры, так как я доверился вполне авторитету Булгакова... Свенцицкого совсем не знаю... В Цензурный комитет брошюру не представляли по манифесту 17 октября. Толковали свободу печати как отмену всех цензурных законов». Признанный соучастником в издании брошюры Эрн на допросе 17 января 1909 г. всю вину возложил на Свенцицкого, который 20 января и был привлечён в качестве обвиняемого, но разыскать его властям не удалось.

В мае 1909 г. подсудимым вручили повестки, но 1 июня Эрн попросил отложить суд, ссылаясь на болезненное состояние, вследствие которого лето и осень ему надо

провести на Кавказе. Приговор МСП вынесла 30 марта 1910 г.: «Признать невиновными за недоказанностью учинения преступления». 12 апреля он был утверждён, конфискованные экземпляры подлежали уничтожению, но цензура недоумевала, «к какому именно изданию брошюры относится приговор — к первому или ко второму», ведь параллельно шло ещё одно расследование...

10 февраля 1909 г. Московский отдел цензора по иностранной цензуре препроводил 2-е издание брошюры в МКДП, который 16 февраля наложил на неё арест и 5 марта просил прокурора возбудить судебное преследование против виновных в напечатании лиц. 16 сентября МСП постановила: «За смертью обвиняемого <sic> и давностью прекратить следствие». Спустя три года 1078 экз. обоих изданий «были преданы огню» (РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 1798; Ф. 776. Оп. 16, ч. 2. Д. 203. ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 2. Д. 792; Ф. 31. Оп. 3. Д. 920, 1004; Ф. 46. Оп. 3. Д. 168; Ф. 46. Оп. 4. Д. 16; Ф. 142. Оп. 17. Д. 2064; Ф. 131. Оп. 74. Д. 817, 818; Ф. 131. Оп. 75. Д. 44, 45). Любопытно, что в феврале 1981 г. последнее дело выдавалось во временное пользование в Верховный суд СССР Глазунову М. М.

³ *Афанасьев* Клавдий Иванович (1875—1920) — иерей, организатор митингов в поддержку освободительного движения (1905), депутат I Государственной думы (фракция кадетов), за подписание Выборгского воззвания лишён сана и заключён в тюрьму.

⁴ Радуйтесь! (*гр.*)

⁵ Абзац написан Д. Д. Галаниным (мл.).

229. Б. Е. СЫРОЕЧКОВСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<08.06.1906>

<...> Не особенно хорошо издана книжка <«Взыскующим Града»>: и обложка, и формат могли быть лучше. Надо желать скорейшего появления следующих номеров, чтобы яснее многое было, чтобы избежать лишних недоразумений, как раз в среде «взыскующих» слева. Я думаю, следует разослать кое-куда на рецензию, но опять-таки зараз с «Вопр<осами> религии» и с «Хр<истианским> бр<атством> б<орьбы>». <...>

230. С. Н. БУЛГАКОВ — А. С. ГЛИНКЕ

<10.06.1906. Кореиз — Симбирск>

<...> От Валентина П<авлови>ча я письма *не* получил, значит, затерялось (если знаете его адрес, упомяните ему об этом), и о плане Пятикрестовского догадываюсь только по Вашим намёкам, да видно, что это зыбкий песок. Возлагал надежды на приезд в Москву Эрнэ в связи с Морозовой, к чему подал повод Галанин, но тоже не подтвердилось. Наоборот, из слов Галанина я заключил, что он полон литературных планов на основании кавказского опыта, который производился без денег. Это скорее устрашает. Всё это, в связи с полнейшей неопределённостью политического положения, заставляет меня смотреть на положение дела в этом году пока безнадежно. Дай Бог,

чтобы этот пессимизм получил фактическое опровержение. Жаль огорчать Вас, но нечем и утешить.

Получил вчера «Взыскующих», перечёл и сегодня просто отравлен ими. С тоской думаю, что это — ошибка молодости или «прелесть» и во что обещает это развиваться. И всё у меня стоит образ огромного креста в их квартире¹, на который мне всегда было почему-то неловко глядеть... Когда я сталкиваюсь непосредственно с В. П. <Свенцицким>, и живое чувство любви заглушает всё, мне не страшно, а когда читаешь, тяжело... Боюсь думать о судьбе этой брошюрки и о том значении, которое она может получить для движения... Нетрудно угадать, и лучше не будем угадывать. Интересно, какое впечатление у Вас получилось.

Относительно московского сборника я думаю, что лучше выпустить его в августе, да м<ожет> б<ыть>, так и выйдет и естественным путём, при помощи забастовок и под<обного>. Относительно Бухарева² Вы меня всё-таки несколько разочаровали, я ожидал большего увлечения и заражения этой музыкой-молитвой, какую являются все его произведения, какую были лучшие страницы у Соловьёва. А Вы, всё-таки, мне кажется, литературничаете больше, чем следует. И, кроме того, относительно его литературности для современности: не только прямо по идеям, особенно относительно религиозного участия в общественности (а что такое иная «религиозная общественность» — это ещё очень большая проблема, м<ожет> б<ыть>, именно не современная, ибо сверхсовременная), но ещё больше по факту такого типа религиозного опыта, который, будучи исключительно подлинным и сильным, в то же время по своему относительному размаху был для своего времени ничуть не уже, чем наш размах, пока бессильный. Словом, для меня, для моей души (а не головы) он дал по-своему так же много, как Соловьёв и Достоевский. Этим, я понимаю, как много сказано, и, однако, говорю. Когда-нибудь православная церковь канонизирует трёх неравнозначных, хотя и равнозначительных, «отцов и учителей»: Александра (Бухарева), Феодора (Достоевского) и Владимира (Соловьёва). Не знаю, доживём ли мы, но это будет.

Я ответил Мережковскому и теперь получил хорошее письмо от Дмитрия Владимировича <Философова>. В конце его он дружески предостерегает нас от писаний Э<рна> и Св<енцицкого> с их «варварской святостью». Я знаю, *что в их устах значит это*, но здесь, в его устах, меня это не шокировало, а по существу это то же самое, что и мы говорили. Пожалуйста, спишитесь же с Флоренским, я им так и скажу, что Вы это взяли на себя. У них уже есть французский и немецкий издатель. Что же, пускай издают! Заглавие — «Меч»!!³

<...> От сердца политическая боль в таком виде, как она была у меня в первое время, слава Богу, отлегла, и я получил относительную ясность духа, хотя вообще, как я Вам рассказывал, жить здесь трудно. Политические события идут всё грандиозней. Всё-таки тяжело быть «лишними людьми» в такую минуту, и лично, и исторически, но воля не наша.

Я тоже, кроме этого сборника, задумываю статью «Церковь и общественность»⁴. Вопрос этот и мучит, и сверлит, и я снова склоняюсь к дуалистическому его решению, т. е. при признании того большого и подлинного, что может проявиться только в ограде церковной и явится истинной религиозной общественностью, нужно и религиозное участие в общественности вне церковной ограды, т. е., огрубляя эту мысль, нужна и церковная партия, и моя идея «Союза христианской политики» тоже верна как относительное историческое средство. Её нужно понести, м<ожет> б<ыть>, не как дар Духа, вольный и радостный, а как тяжесть жизни, с которой, хоть и тягостно, но и обязательно «считаться». Иначе уж в монастырь что ли прямо!..

Не знаю, преимущество ли или недостаток Ваш, вернее всего, и то и другое в разных отношениях, что Вы так, мне кажется, спокойно не участвуете в «жизни», а я несу это неучастие не только как тяжесть, но и как грех, находясь в постоянном неравновесии, переходящем по каждому поводу в истерику...

Пока прощайте. Пишите сюда. Весь Ваш С. Б.

¹ Ср. описание тогдашнего жилища Свенцицкого: «Голые стены, на столах разложены издания Религиозно-общественной библиотеки, вместо кровати — нары из досок, кажется, без подушек, в углу большое распятие, рядом портрет Влад. Соловьёва и гравюра, изображающая Венеру Милосскую, и больше ничего не было» (*Русов Н.* Из жизни церковной Москвы // Накануне. 1922. 3 сентября. № 124).

² *Бухарев* Александр Матвеевич (в монашестве Феодор; 1824—1871) — богослов, профессор МДА с 1852 г., архимандрит. После запрещения Синодом в 1862 г. публикации его труда «Исследование Апокалипсиса» подал прошение о выходе из монашества и был лишён сана.

³ Сборник не вышел. Подр.: *Колеров М.* Не мир, но меч. СПб., 1996. С. 181—197.

⁴ Статья под таким названием не была издана.

231. Д. Д. ГАЛАНИН (мл.) — А. С. ГЛИНКЕ

<18.06.1906. Москва — Симбирск>

Многоуважаемый Александр Сергеевич.

<...> Мой адрес лучше всего такой: Москва, Сивцев Вражек, Нащокинский пер., д. Яковлевой, кв. 16. По нему меня письмо скорее всего найдёт.

Затеваем в Москве еженедельную газету для народа, не знаю, писал ли Вам об этом Вален<тин> Пав<лович>. Как начнёт выходить, так вышлем, конечно, Вам. С Ефимовым дела вошли в обычное течение, и хотя медленно, тише черепахи, но продвигаются вперёд. Надо сознаться, что беспокойство о медленности зависело от того, что забывали о том, что всё эмпирическое располагается во времени.

Всего хорошего. Ваш Д. Галанин.

232. А. В. Ельчанинов — А. С. Глинке

<28.06.1906. Москва — Симбирск>

Нас разогнали из Тифлиса, чему мы, пожалуй, были и рады, т. к. представляется возможность поставить газету здесь. Вал<ентин> П<авлович> с восторгом отнёсся к этой идее, Флор<енский> тоже, словом, газета идёт и 8-го будет первый номер¹. Мы очень просим вас устроить всё возможное для распространения газеты в Симбирске и губернии, там, где можете. Сколько вам выслать? 100? 1000? <...> На первый раз печатаем 30 т<ысяч> — хотя, по моему, это мало. <...>

¹ Стойте в свободе! 1906. 9 и 17 июля. Вып. 1–2.

В день выхода первого номера московской еженедельной газеты с подзаголовком «Ходите в свете» (редактор-издатель Ельчанинов) цензор Сергей Иванович Соколов подал начальству доклад, где указывал, что это «почти от первой до последней строки крайне преступное революционное издание... нельзя не преследовать. Кошунственно опираясь и также кошунственно толкуя в революционных видах Евангелие, оно представляет собою кошунственный и революционно-боевой народный листок. ...Доказывает, что можно не повиноваться властям и т. п.». Найдя в содержании газеты наличие состава преступления, страж престола пытался конфисковать тираж в типографии, но все экземпляры были уже переданы заказчику. 10 июля МКДП просил прокурора МСП привлечь редактора к судебной ответственности и ходатайствовал о немедленной приостановке издания газеты. 11 июля министр внутренних дел П. А. Столыпин потребовал от московского градоначальника немедленно принять самые решительные меры в отношении газеты и признал «совершенно недопустимым при наличии чрезвычайной охраны возможность её дальнейшего появления». 13 июля московский генерал-губернатор наложил подтверждающую резолюцию на ходатайство градоначальника о совершенном прекращении издания («крайне вредное направление, особенно ярко выразившееся в статье „Со святыми упокой!“»). 15 июля началось предварительное следствие по обвинению Ельчанинова за напечатание статей «Что можно и что нельзя» («во второй части коей содержится возбуждение вражды между отдельными частями населения») и «Стойте в свободе», автором которых был Свенцицкий (С-И. 276–286).

16 июля вышел следующий номер газеты под названием «Духа не угашайте» (редактор-издатель Ивашёва), набранный в типографии Мамонтова и отпечатанный в типографии Торгового дома Печковского и Буланже без всякого разрешения. 17 июля градоначальник по приказанию генерал-губернатора приостановил издание, «волнующее население и возбуждающее к беспорядкам», распорядился тираж конфисковать и произвести обыск на снимаемой сообща Ивашёвой и Ельчаниновым квартире (см. прим. к письму № 242). Арестовать тираж в типографии властям снова не удалось. 26 июля МСП определила издание газеты приостановить впредь до судебного приговора.

12 августа началось следствие в отношении Ивашёвой, но она 31 июля выбыла из д. Яковлевой, не указав адреса, и только 7 ноября зарегистрировалась в д. Шер; Ельчанинов до поры на повестки также не откликался. На допросах 12 декабря оба вину свою не признали и были отпущены под залоги по 150 руб., внесённые на следующий день. Ивашёва и на повторном допросе 22 января 1907 г. обвинения отрицала и нико-

го не выдала, но 15 ноября заявила МСП, что действительным редактором издания не состояла, предъявила вещественные доказательства и настаивала на допросе новых свидетелей. 27 ноября дело было отправлено на следствие (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 95. Д. 310; Ф. 31. Оп. 3. Д. 514. Л. 1–4; Ф. 131. Оп. 92. Д. 182. Л. 4–67; Ф. 131. Оп. 92. Д. 185. Л. 24–26; Ф. 16. Оп. 95. Д. 310. Л. 1–36. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 26. Д. 21. Л. 108–130. РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 102, 110).

233. Д. Д. ГАЛАНИН (мл.) и А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ —
П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<01.07.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Многоуважаемый Павел Александрович!

Петровский прислал открытку, где просит *Зом* всего прислать корректировать ему для единства терминологии. Не разберу из его открытки, спрашивал ли он Вас. Если согласны, пришлите мне открытку. Пишите для нашей газетки, предполагаем в следующее воскресенье выпустить 1-й №.

Ваш Д. Галанин.

Милый Павлушенька, умоляю о статье, о Сенаторове² и прочем — Сенаторову и я писал уже. Дела наши очень хороши в общем. Позволишь упомянуть тебя в объявлении?²

¹ *Сенаторов* Пётр Ефремович (1853—?) — купец, депутат Самарской городской думы, гласный Самарского губернского земского собрания и член Земской управы, автор книги «Проснитесь, архипастыри! Письма митрополиту Антонию С.-Петербургскому и другим епископам» (М, 1906) и «О ритуальных убийствах» (Самара, 1913).

² Последний абзац написан Ельчаниновым.

234. С. Н. БУЛГАКОВ — А. С. ГЛИНКЕ

<01.07.1906. Кореиз — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич! <...>

Должен поведать Вам своё решение, окончательно сложившееся у меня после долгих и мучительных колебаний, не оставляющих и теперь: я *переезжаю в Москву*. Это прыжок в неизвестность и, конечно, не весьма рассудительный поступок, если рассуждать обывательски. Но беспокоиться за этот год, кажется, у нас нет оснований (кстати, я печатаю политическую экономию¹) благодаря тому, что за это время образовался тонкий слой жира, а в течение года надеюсь приискать работу. Причина в том, что для меня всё больше выяснялась невозможность и даже унижительность и двусмысленность возвращения в Киев и в Политехникум, где мне нечего делать! Я не обольщаю себя

и Москвою, но думаю, что там я нужнее, больше могу сделать для основания органа. А если и разочаруюсь, то всё же надо пойти и на это разочарование. Словом, надеюсь, Вы меня поймёте и благословите. <...> Валентину Павловичу об этом я ещё не писал. В первой половине июля еду в Киев ликвидировать свои дела, и — в Москву искать квартиру. Надеюсь, что и для Вас это удобнее будет, да вообще для всего нашего дела.

Из Парижа пока ничего нет. Я написал статью «Церковь и социальный вопрос» (1,5 л<листа>), которую хочу непременно навязать в сборник, ибо это часть того, что там напечатано². Однако удастся ли — не знаю. Всё равно пускать сборник в июле нет смысла.

<...> Если Вы захотите сообщить мне что-либо в Москву, то напишите или на В. П. <Свенцицкого>, или Остоженка, д. 5/15, кв. 63.

Обнимаю Вас. Ваш С. Б.

Пересылаю без комментариев полученное сюда письмо Лашнюкова, на момент вскрывшее старые раны³.

¹ Булгаков С. История политической экономии. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1907 г. М., 1907.

² Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 298—334.

³ После закрытия властями газеты «Народ» Булгаков бежал из Киева. «В октябре состоялся разбор дела редактора В. Лашнюкова, который осуждён на год в крепостное заключение. Пред судом фигурировал только один Лашнюков... „Киевская речь“ в открытом письме одного из сотрудников взывала к христианскому чувству проф. С. Н. Булгакова, призывая его к идейной поддержке своего товарища по перу и в несчастье. Но пропагандист „христианской общественности“ был в это время далеко от суда: оставивши неудачливый Киев, он перенёс свою публицистическую деятельность в Москву» (Церковный голос. 1906. № 46. С. 1273).

235. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<02.07.1906. Царские Колодцы — Москва>

Дорогой и милый Саша! Я страшно обрадовался, получив сегодня твою открытку. Я уже было забеспокоился о тебе. <...> Отчего ты не написал, что с отцом Ионой?¹ Где он и почему он не с тобой? Я ничего не знаю. Я очень жалею, что я не с вами и не могу приложить и своих стараний к газете. Я уже чувствую, что, когда я приеду, от газеты будут одни лишь воспоминания. Ну ничего, у вас сил достаточно. Я просил Валентина написать мне, когда по совести он считает *нужным*, чтобы я приехал в Москву. Спрашиваю теперь и тебя. До получения твоего ответного письма из Царских вряд ли выеду. Так что пиши на Царские — в крайнем случае перешлют. Мне очень приятно, что ты чувствуешь себя хорошо. И страшно жалко, что ты пробыл в Царских всего один день. Впрочем, этот день совсем как-то особенно вошёл в мою

душу, и я испытываю большое удовлетворение от того, что ты взглянул хотя бы мельком на мою невесту. Она тронута, что ты её не забываешь, и просит передать тебе искреннейший привет. Если Валентин не выслал ещё мне денег (кстати, я не могу сообразить, за какую статью вышло мне 246 р.), то попроси его переслать эти деньги не по тифлисскому адресу, а по следующему: Царские Колодцы, Евгении Дав<ыдовне> Векиловой. Это я делаю для того, чтоб деньги эти сохранились. Иначе они у меня расплывутся, так что я не замечу даже. Беспokoюсь о Валентине. Передай сердечный привет Пелагее Александровне, Серёже, Чмичу, Валентину. Я с вами душой, часто думаю о вас. Не пишу для газеты, потому что слишком велико расстояние. Пока прощай. Христос с тобой! Крепко тебя целую.

Всем сердцем твой, В. Э.

¹ Как и Булгаков из Киева, Ельчанинов бежал из Тифлиса, бросив товарища. О его предательствах на следствии см. примечания к письмам № 371, 451, 453.

236. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<03.07.1906. Царские Колодцы — Москва>

Дорогой Саша! Сегодня получил ответную открытку от сестры твоей, где она пишет, что о. Иону посадили в Карскую крепость, а жену его выслали в Уфимскую губ. Меня всё это страшно поразило. Не буду говорить о своих чувствах, а скажу только о практической стороне дела. Может быть, и даже почти наверное, жена Брихничёва нуждается в средствах. Тогда ведь ей нужно непременно помочь, и как можно скорей. Имеешь ли ты её адрес, т. е. знаешь ли точно, куда её выслали? Я думаю: 1) чем-то мог бы помочь Валентин — у него всегда есть возможность достать деньги на благотворительные цели¹; 2) можно было бы произвести сбор среди моск<овского> духовенства при помощи Пятикрестовского и Пospelова; 3) если всё это окончится недействительным, можно будет взять 100 р. из полученных за мои статьи, т. е. если вы деньги ещё не выслали, а если выслали — дайте немедленно знать — тогда я пришлю эти 100 рублей обратно.

Во всяком случае я сегодня же опять спрошу письмом твою сестру, не знает ли она точно место высылки Брихничёвой. Узнавши её адрес, пошлю его тебе, для того чтоб всю переписку с ней насчёт средств *вёл ты*, ибо из Уфимской губ. до Москвы расстояние небольшое, а до Царских Колодцев письма будут идти целую вечность. Она так может раньше умереть с голоду.

Я так взволнован всем этим, что решил написать об о. Ионе для 2 № «Взыск<ующих>»². Об этом передай Валентину. Кланяюсь всем до земли. Очень буду ждать твоих открыток, ибо горю нетерпением узнать, как идут у вас дела.

Всем сердцем твой, В. Э.

¹ См. прим. 2 к письму № 193.

² Историю тифлисского еженедельника Эрн изложил в брошюре «Пастырь нового типа» (М., 1907. РОБ. Серия 1. № 7). 28 ноября 1906 г. МСП постановила: уголовного преследования против составивших и напечатавших её лиц не возбуждать и наложенный на неё МКДП 2 ноября арест отменить (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Д. 923. Л. 2–3).

237. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<05.07.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша! Я пошлю тебе 100 экз. первого номера. Ты с ними поступай след<ующим> образом. Часть можешь раздать даром и разослать, что можешь, продай, очень будет хорошо, если штук 50 ты отдашь в тот книжный магазин, который предлагал тебе издать твой «Вопль», можешь уступить ему по 3½ коп. Вот и всё. Я получил письмо Сенаторова — должно быть, воспользуемся для 2-го номера, а оригинал, конечно, вернём. Твоих статей очень ждём. Если напишешь о впечатлении от номера, мне будет очень важно.

Прощай, твой Саша.

238. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<11.07.1906. Царские Колодцы — Москва>

Дорогой Саша! <...> На ваш вопль: «статей!» я вчера же откликнулся, написав статью «Сила уходит», и сегодня послал её уже заказной корреспонденцией. От сестры твоей получил утешительный ответ, что жену Брихничёва не высылали — она на даче — и в деньгах совершенно не нуждается. «Освящение пулемётов» и «По поводу „Жизни Иисуса“ Ренана» — это для «Взыскующих».

Из Царских в Тифлис я выезжаю 16-го июля. Уже так решил. В Тифлисе пробуду с нашими недели полторы и двинусь в Москву. Если я буду нужен скорее, можете прислать телеграмму.

Пока прощай. Сердечный привет всем! Я настроен писать как можно больше. Искренне любящий тебя, негодный корректор.

239. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<12.07.1906. Москва — Толпыгино>

Дорогой Павлуша!

1. Выслали тебе 100 экз. на твоё полное распоряжение.

2. «Вопр<осы> рел<игии>» ещё не вышли и, конечно, будут высланы тебе немедля по выходе¹.

3. По поводу человека, которого ты хотел устроить при редакции, скажу, что мы сидим без денег и пока не можем ничего.

4. Спасибо за Исаева: он очень пригодился; Глаголеву напишу.

5. Напиши, когда уехал в Костр<ому>.

6. Очень ждём статей, стихов, всего.

7. Нашу литературу мы Исаеву дали.

8. Получил ли ты моего Франциска, если нет, пришлю заказным.

9. Мне будет очень жаль, если ты уедешь, не захав к нам.

10. О 2-м вып<уске> «Вопр<осов> рел<игии>» говорить рано.

11. Сюда приезжает 13-го Булгаков *навсегда*.

12. С Сенаторовым вступили в прямое сношение.

Твой Саша.

240. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<17.07.1906. Москва — Толпыгино>

Дорогой Павлуша! Мы посылаем тебе, как ты просил, II-й номер, конечно, даром, если ты так хочешь. Только очень прошу тебя, дай сейчас же знать открыткой, что получил, т. к. и II-й номер под запретом.

Познакомился я с Еловым¹, II-й номер он взял уже 100 экз<емпляров>.

Ждём твоих статей. Газета идёт хорошо, особенно в провинции². Печатаем 30 т<ысяч>.

Прощай, поклон Сергею Сем. <Троицкому>.

¹ *Елов* Михаил Савельевич (1862—1930-е) — владелец книжного магазина вблизи Троице-Сергиевой лавры, издатель, в 1928 г. староста Успенского храма в Сергиеве, проходил по одному делу с Флоренским, осуждён на 3 года высылки.

² Газета действительно разошлась по всей империи: например, 7 августа о её появлении в продаже сообщал иркутский генерал-губернатор (РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 102. Л. 9).

241. А. В. Ельчанинов — И. А. Беневскому

<17.07.1906. Москва — Дубровка>

Многоуважаемый Иван Аркадьевич!

Согласно вашему требованию мы послали Вам в Дубровку 500 экз<емпляров>, в Харьков 200 и в Полтаву 200. Т<ак> к<ак> мы не имели никаких сообщений, дошёл ли до места груз и сколько надо II-го номера, то посылаем

теперь (II вып<уск>) только в Дубровку 100 экз<емпляров>. Наша газета идёт хорошо, только денег мало. II-й номер печатали 30 т<ысяч>.

С уважением, А. Ельчанинов.

242. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<19.07.1906. Тифлис — Москва>

Дорогой Саша! Вчера приехал из Царских. Застал дома твою открытку. <...> Жене о. Ионы позволили жить в Тифлисе. В Царских много писал для «Взыск<ующих>». «Стойте в свободе» мне очень понравилась. Статьи Валентина превосходны. Только меня как-то неприятно поразил несколько *нервный* тон их. «Беседа с читателем» совсем не подходит. Сумбурно. Я очень прошу: оставляйте для меня номеров по 5 каждого выпуска, в том числе и первого. Мне нужно кой-кому послать. В Москву думаю ехать скоро. Выезжаю числа 27-28-го. Известие о переезде Булгакова меня страшно порадовало.

Ну, до скорого свидания. Помогите Вам Господь. В. Э.

243. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<20.07.1906. Тифлис — Москва>

Дорогой Саша! Наконец-то на четвёртый раз застал в «Возр<ождении>»¹ кого нужно. Результаты такие: вы очень плохо запаковали экз<емпляры> (нужно непременно в рогожу). По дороге бумага продралась, жандармы, узнав, что в тюках, хотели арестовать того, кто придёт за ними. Но не <нрзб.> хотя вместо 5000 получили 4100 — остальные были растащены. 700 у них сейчас осталось. Остальные направлены в Батум, Кутаис, Баку и т. д. Экспедитора самого не застал. Он уехал в Турцию. Гойта в это дело не вмешивался. Так что денег за разошедшиеся экз<емпляры> не с кого было получить. Во всяком случае помощника экспедитора я просил деньги выслать как можно скорей. Они сумеют дальнейшие выпуски присылать непременно. О приостановке «Ходите в свете» прочёл в «Речи». И кроме того о распоряжениях относительно типографий. Так что я очень надеюсь на то, что вы сможете выпустить много номеров. Денег, о которых ты писал, я всё ещё не получил. Это меня тревожит, потому что в них я *очень* нуждаюсь.

Выезжаю 27-28-го. Пока прощай.

¹ «Возрождение» — ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в Тифлисе с 1 октября 1905 г. После закрытия властями в феврале 1906 г. выходила под другими названиями до 1914 г.

244. Д. Д. ГАЛАНИН (мл.) — А. С. ГЛИНКЕ

<20.07.1906. Москва — Симбирск>

<...> Наши брошюры выходят страшно медленно, но мы очень заняты и не остается ни сил, ни времени торопить. Ефимов любезен и деньги платит. Если Вам нужно получить за «Сборник», это можно сейчас же. Мы этого не делаем лишь из некоторых тактических соображений. В последнем письме Вашем Вы об этом ни слова не пишете — из этого я заключаю, что деньги Вам не очень нужны. Последние дни на нас обратил внимание «police» и беспокоит по ночам, пока вежливо и без ущерба¹. У нас приобретается всё большая издательская ловкость и связи, на № 3 требований больше чем на 50 т<ысяч>.

Пока всего хорошего. Ваш Д. Галанин.

¹ «Протокол. 1906 года июля 17 дня вследствие приказа Его Превосходительства господина Московского Градоначальника и отношения Особой Охраны от 17 сего июля за № 8418 исп. об. пристава 2 участка Пречистенской части подполковник Дзержинский, в 6½ час. вечера, прибыв в д. Яковлева по Нащокинскому переулку в квартире 16, занимаемой сыном подполковника Александром Викторовичем Ельчаниновым, где в присутствии двух нижеподписавшихся сторонних свидетелей, произвёл самый тщательный всесторонний обыск, во всей квартире господина Ельчанинова, причём по обыску ничего предосудительного не обнаружено. Отобрано 352 экземпляра газеты „Духа не угашайте“, по поводу которой г. Ельчанинов объяснил, что он состоит секретарём этого издательства и означенные экземпляры у него остались нераспроданными. О чём положено записать в сей протокол». Через полчаса был составлен следующий протокол с идентичным началом: «...№ 16, где домашняя наставница Пелагея Александровна Ивашёва сообща вместе с г. Ельчаниновым снимает квартиру, произвёл там в её комнате, так и в вещах её Ивашёвой в отсутствии её, но в присутствии г. Ельчанинова с двумя сторонними свидетелями самый тщательный всесторонний обыск, причём по обыску ничего не обнаружено. Об отсутствии госпожи Ивашёвой г. Ельчанинов заявил, что она на несколько дней выбыла куда-то на дачу по Виндавской железной дороге, но куда, ничего не знает» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 26. Д. 21. Л. 130, 126).

245. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<21.07.1906. Москва — Толпыгино>

Дорогой Павлуша! Дм. С. Мережковский очень просил передать тебе просьбу его прислать что-ниб<удь> в его трёхязычный сборник «Меч». Он не обратился лично, т. к. не знает твоего адреса. Чтобы ты знал, что и кто, то вот, что я знаю о сборнике. Участвуют: Мер<ежковские>, Философов, Успенский, Карташёв, Белый, Булгаков, Волжский, Розанов, Бердяев. Статьи приibl<изительно> следующие: Отделение церкви от госуд<арства>, Теософия (Философов), Христианство и анархизм (Мер<ежковский>), Лю-

бовь по Розанову и Соловьёву (Герцык), Теократия и анархизм, Хр<истос> и Антихр<ист> в социализме (Булгаков) и прочее. Срок присылки материала 15-го августа. Оповещение так запоздало, потому что Мер<ежковский> просил Булгакова ещё в мае дать тебе знать, но он почему-то не сделал этого. Вчера только он передал эту просьбу, и я пишу тебе. Мы живы и здоровы (Валентин не совсем). Ждём ареста; но 3 № выпускаем всё же 31-го июля (пропустя неделю).

Всё. Саша.

246. Д. Д. ГАЛАНИН (мл.) — А. С. ГЛИНКЕ

<23.07.1906. Москва — Симбирск>

<...> Газета наша задержалась. На № 3 у нас сначала не доставало разрешения, а теперь грозит типографская забастовка. № 2 разошёлся с большим эффектом, есть ещё требования, на кот<орые> не хватает экземпляров. Печатали 30 т<ысяч>. Очень досадна эта задержка, т. к. она много повредит увеличению тиража тысяч этак до 60-70. Надежд много. Сейчас в Москве Серг. Ник. <Булгаков> нашёл квартиру себе, но что мало нашёл денег для еженедельника, ну об этом он сам напишет Вам.

Пока всего хорошего. Д. Галанин.

Р. S. Когда выйдут Ваши брошюры, сказать трудно, особенно при забастовках; вышли «Христианское братство борьбы» Валентина Павловича и Вл. Францевича Эрна «Христианское отношение к собственности»¹, на днях вышлем Вам.

¹ Брошюры вышли в составе РОБ (Серия 1. № 2 и 3. М., 1906). Ельчанинов и Г. Д. Векилов писали о работе Эрна: «Пока вопрос об отношении христианства к миру решался отрицательно, он, естественно, не дифференцировался, и отрицающее мир христианство отрекло оптом, огулом все вопросы „мира“ — брак, собственность, политику, науку, искусство. Поворот христианских умов в сторону положительного отношения к жизни вызвал детализацию вопросов, но, к сожалению, вся область вопросов раньше игнорируемых и теперь остаётся почти вовсе без освещения с христианской точки зрения. Поэтому глубоко ценна всякая работа, пересматривающая ту или иную область жизни при свете христианской философии. Такой работой является рассматриваемое сочинение. Написанная живым языком, с волнением, которое передаётся и читателю, работа эта решает вопрос радикально: отречение от личной собственности и обуздание „экономической похоти“ других — вот христианское отношение к делу. Положения эти подробно и основательно мотивированы философскими, почти всегда оригинальными соображениями» (Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 405).

В марте 1909 г. МКДП наложил на брошюру арест и возбудил против виновных лиц судебное преследование по пп. 5 и 6 ст. 129 Уголовного уложения. Поводом послужил призыв Эрна наполнить новым духом и сделать христианскими выработанные

во всех странах мира формы борьбы с неправдой экономических отношений (стачки, забастовки и устройство профсоюзов). 12 июня 1909 г. МОС арест утвердил, а 23 марта 1910 г. МСП постановила издание уничтожить (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 2. Д. 230).

Той же теме Эрн посвятил отдельную работу — «Семь свобод» (М., 1906. РОБ. Серия 2. № 5). В марте 1909 г. МКДП наложил арест на брошюру и возбудил против виновных лиц судебное преследование по ст. 281 Уложения о наказаниях и п. 6 ст. 129 Уголовного уложения. Недовольство цензуры вызвало то, что автор, доказывая неотъемлемость основных прав гражданина (неприкосновенность личности, свободу совести, слова, печати, собраний, союзов и стачек), разъяснял, что Иисус Христос Своим примером и учением освятил эти свободы, что посягать на них преступно и противно Его заветам, поэтому необходимо добиваться их признания государством, ибо Евангелие настойчиво требует, чтобы люди жили в свободе, и лишь при наличности всех семи свобод, требуемых Христовою свободою, русский народ может начать строить свою жизнь по-Божьему. 5 мая 1909 г. МСП постановила: уголовного преследования не возбуждать и арест брошюры отменить (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 2. Д. 216).

247. Д. Д. ГАЛАНИН (мл.) — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<24.07.1906. Москва — Толпыгино>

Дорогой Павел Александрович!

Сегодня прочёл Вашу статью о «типах возрастания»¹, кот<орую> Вы при-
слали Саше и Володе. Мне хочется выразить Вам какое-то смутное, но хоро-
шее и доброе чувство, кот<орое> у меня от неё осталось.

Сейчас я не смогу ничего путного написать по существу, но мне очень
хочется послать Вам хотя несколько строк, т. к. я сильно боюсь, что не сделаю
этого потом, после того, как рассеется первое впечатление...

Сейчас поздно, а завтра утром много дел...

В будущем у меня есть планы заняться приведением естественных наук
в связь (если не зависимость) с философией и вообще христианским миро-
воззрением. Если эти планы осуществляются, мне хотелось бы иметь возмож-
ность поучиться у Вас и узнать подробнее некоторые Ваши взгляды. Но это
в будущем, а кто может сказать, особенно в теперешнее время, что будет
в будущем...

Пока большое спасибо за те хорошие минуты, когда я вникал в вашу ста-
тью.

Ваш Д. Д. Галанин.

Р. S. Несколько слов о делах. Через неделю, наверное, выйдет № 3 нашей
газеты, его задержало отсутствие разрешения и забастовка. № 2 очень быстро
разошёлся в 30 т. экз. В Москву скоро приедет Володя Эрн. Хотелось бы от
Вас известий, туда же ли посылать и как идёт №.

¹ *Флоренский П.* О типах возрастания // Богословский вестник. 1906. № 7 (Ф-1. 281–317).

248. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<25.07.1906. Москва — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Спешу и буду краток. Ваших опасений не разделяю, но основания для Ваших предположений есть. Религиозная общественность есть проблема, и то «Царство Божие», которое ни здесь, ни там, но внутри нас, и как его найти — в «уединении» или на людях, — сказать трудно. А религиозное участие в общественности — долг перед жизнью. Решение переехать вызвано тем ясно сознанным убеждением, что этого требует наша политическая чреда, и если суждены разочарования, то необходимо всё же-таки разочароваться, пойти навстречу. Это Вы, конечно, поймёте. Не скрою, конечно, что здесь играли роль и мотивы личные — утомление Киевом и полная безнадёжность там. От политической экономии, кажется, не освобожусь и здесь. Очевидно, «Народ» всё-таки сделал своё дело. Приезжайте в середине сентября. Если будут начинания, Вы здесь мучительно нужны.

С Валентином Павловичем мы сходимся в стихии «Стойте в свободе»¹, но по-прежнему и непримиримо расходимся в понимании задач журнала (что символизируется в вопросе о Мережковских). Он настроен по-прежнему сектантски, и это очень тяжело, как-то тесно. Обсуждаем вопрос о съезде, разные проекты так и роятся. Прелестен Ельчанинов. Вообще всё-таки здесь завёртывается узел. О журнале ничего нового нет. Попы — дрянь и ерунда — ничего не сделали и едва ли сделают. Ефимов платит, несколько увлечён успехом (действительно большим) «Стойте в свободе», но ждёт убытка от сборника, а я ещё больше, чем он. Для Вас деньги получены Галаниным за брошюры пока. С Сытиным я говорить готов, но говорят, его дела плохи, а кроме того, он принял на себя «Еженедельник» Трубецкого. Совсем потерял голову этот человек. <...>

Опыт журнала при моём переезде, несомненно, будет сделан, но внутренне без Вас это будет мука, и, м<ожет> б<ыть>, прямо для меня непосильная, вследствие сектантства. Хотя и временно, но мы Вас вызовем.

Я Мережковским ничего ещё не написал и рад, что и Вы ещё не готовы. Напишу «Христос и Антихрист в социализме», но опоздаю. Я нахожусь, как Вы верно угадали, опять в полосе «религиозного участия в общественности», лето дало себя знать. Огорчу Вас до конца: если будут выборы, в чём сомневаюсь, пойду в Думу, не так, как весной собирался, а именно во имя этих настроений, религиозно-общественных. Валентин Павлович меня понимает и одобряет². Конечно, не надо преувеличивать своих сил, трудности велики, но надо испытать. <...>

По-видимому, осенью будет не до литературы и не до выборов. Вообще, волна подымается, почва колеблется. Как меня огорчает Ваше здоровье, Валентин Павлович тоже совсем болен (сердцем), ходит, как старик.

Обнимаю Вас. Ваш С. Б.

¹ В статье «Индивидуализм или соборность?» (Народ. 1906. 9 апреля. № 6) Булгаков свидетельствовал, что стоит в религиозно-догматических вопросах на той же точке зрения, которую выражал Свенцицкий.

² Безосновательно и нелепо измышление о том, что Свенцицкий «косвенно, но прозрачно осудил» депутатство Булгакова и его выступления против правительственного (!) террора (*Колеров М.* Не мир, но меч. СПб., 1996. С. 255). Наоборот, в речи на 8-м заседании II Гос. думы Булгаков, единодушно со Свенцицким (*С-П.* 298–300), возмущался введением военно-полевых судов.

249. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<03.08.1906. Москва — Толпыгино>

Дорогой Павлуша!

1. № 3 газеты не вышел и долго ещё не выйдет за полным недостатком редакторов.

2. Приехал Володя Эрн¹.

3. Нужно ли тебе что-ниб<удь> из наших брошюр для распространения и посылал ли я тебе своего «Франциска»? Я пришлю всего экземпляра по три. Можно ли посылать к вам заказным?

4. Недавно здесь была Маня <Худадова> — поехала домой.

5. Получили «О типах», спасибо большое, много хочу написать тебе об этом.

6. Я очень жалею, что не знаю адрес Мережковского, а то ты мог бы снестись прямо с ним.

7. У нас большие дела. Завязали связи с штундистами, «свободн<ыми> христианами», толстовцами; собеседования, прения и т. д.² Есть серьёзное намерение открыть магазин³. Очень часто вспоминаем тебя: ты часто бываешь необходим; напр<имер>, в разговорах с сектантами приходится говорить о таинствах, а этот вопрос теоретически не совсем ясен Вал<ентину> и Володе. Когда ты приедешь?

<...> Твой С.

¹ Эрн собирался выехать в Москву 26 июля 1906 г. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 84).

² Ср.: «Третьего дня состоялось собрание вновь возникшего общества Христианского братства борьбы. Цель этого братства, как выяснилось на собрании, состоит в следующем: „мирная борьба для достижения правды в людских отношениях“; осуществление выборного начала при замещении епископов, священников и т. п. Осуществление среди верующих полного уничтожения частной собственности и перехода к общему владению землёй и орудиями производства. Братство стремится к переходу всей земли в руки демократически организованных сельских общин и территориальных союзов. По рабочему вопросу это общество считает необходимым введение восьмичасового рабочего дня, государственного страхования рабочих, организацию рабочих в профессиональные союзы» (Свободная жизнь. 1906. № 11. 1 августа). «Вчера состоялось

собрание членов общества Христолюбивых братьев борьбы. Выступало на собрании несколько ораторов, которые в своих речах призывали к мирной борьбе, к тому, чтобы обходиться без кровопролития и насилия. Цели общества следующие: 1) Уравнение земельного пользования. 2) Улучшение жизни рабочих. 3) Власть народа над страной. 4) Проведение всех реформ в жизнь. Собрание постановило свято идти по стопам Христа» (*Мельников Ф.* Новое общество // Народная газета. 1906. 1 августа. № 176).

³ Книжный магазин «Братство» был открыт в 1907 г. по адресу: Москва, Тверская ул., д. 28 (Олсуфьева), против Брюсова пер.

250. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<19.08.1906. Москва — Тифлис>

Дорогой Саша! Ты просишь *по правде* сказать тебе, насколько ты нужен в Москве. Ты страшно нужен. Но это не значит, что ты должен приехать. Духом ты с нами и мы с тобой, так что речь может быть лишь о необходимости твоего *физического* присутствия. Ну вот мне и кажется, что это вовсе не так уж нужно. Постепенно я вошёл вполне в практическую сторону дела и с помощью Чмича (который стал исполнять поручения с большей готовностью) справляюсь с хождениями по Ефимовым, <нрзб.>, градоначальникам, типографиям и пр. и пр. Конечно, с тобою всё это было бы значительно проще и с меньшим трением. Но всё же мы справляемся удовлетворительно. Во всяком случае, дело не останавливается. Так что ты не мучайся и оставайся с Соней, сколько будет нужно и, впрочем, сколько будет *можно*. А это «можно» определится для нас, когда: 1) получится разрешение (его ещё нет), 2) когда мы будем готовы к открытию «кружков» (а мы ещё совсем не готовы — нужно выработать программу, сговориться и пр., что нами ещё не сделано). А когда это всё обозначится, мы напишем тебе или в крайнем случае дадим тебе телеграмму. А пока не беспокойся. Тебе следует больше отдохнуть от сутолоки, которая окружала тебя здесь. Ведь всё лето ты был усиленно занят. Я очень радуюсь за тебя и за то, что финляндская природа так хороша.

Пока прощай. Я спешу. П. А. <Ивашёва>, должно быть, напишет тебе о новостях.

Искренний привет Соне. Всего доброго тебе.

Весь твой В. Э.

251. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<04.09.1906. Кореиз — Симбирск>

<Бердяев> страшно ругает «Взыскующих». Ещё бы! Я в Москве буду, вероятно, 18-го. Я-таки заделался на политическую экономию в Вольный коммерческий университет¹, увы и ура! Так что буду при своей тачке, но обеспечен.

Получил и прочитал наш сборник <<Вопросы религии>> и нахожусь ещё в периоде острого им отравления. Объективно я им всё-таки доволен, потому что в корявой форме он содержит здоровое и даже значительное зерно. Это если не событие, то, всё-таки, — факт и знамение. Но вижу, что сектантский догматизм москвичей так значителен, разногласия — при действительном единстве настроения — так велики и неустранимы (сравните хотя последнюю мою статью и Эрн), что с этим надо считаться². И я впервые вижу и чувствую, что мы, пожалуй, общего журнала вести и не можем, иначе расплзётся хуже. М<ожет> б<ыть>, я и ошибаюсь, но сейчас мне кажется, что этот журнал, о котором мы с Вами думаем, может вести Бердяев, подобно тому как Иерусалимом лучше всего владеть туркам, а не одному из вероисповеданий, в интересах христианской веры. Обо всём этом много будем говорить лично. Сейчас для меня бесспорен тип «Трудов Соловьёвского общества со стенографическими отчётами». «Стойте в свободе» особь статья, здесь я с Вами всё-таки не согласен, и уж очень Вы омонастырились, — правильно ли это? А всё-таки в сборнике есть жар души, а это главное!

Пока кончу. До свидания! Целую Вас. Ваш С. Б.

Представьте себе, что как ни тяготит меня политическая экономия, но теперь, ввиду призывов к «общению имуществ» и прочей детской белиберды, я должен чувствовать себя экономистом и хочу быть экономистом³. Ибо или к чорту культуру, или же науку надо тоже уважать, иначе лашнюковщина выходит!

¹ Ныне — Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова.

² Гиппиус в рецензии «Без мира» (Весы. 1907. № 1) чётко определила основу сборника («вера каждого в Личность Христа») и разницу в миропонимании его участников: у Булгакова — мягкость, нежность и терпимость, тихие мечтания; у Свенцицкого, верующего во Христа так же искренно и более пламенно, — суровость, беспощадность, резкость, похожая на жестокость. «За словами его так и чудится строгий коричневый лик со сжатыми бровями, с тяжким золотым нимбом, мерцающим в лампадных лучах. ...Христиане, вроде Булгакова, непременно должны пугаться и трепетать, когда он говорит. Пока говорит. Он для них неубедителен, но — внушительен». Один призывает фабрикантов и рабочих оставаться «мирно тем, что они есть, исподволь пропитывая свою жизнь христианским духом»; другой сурово осуждает похоть, которая растлевает человечество, и зовёт бороться с экономическим гнётом. Один отрицает в самой идее церковно-хозяйственные общины, которых не знает и в первые века христианства; другие (в т. ч. Эрн) ставят «общение имуществ» идеалом экономической жизни христиан.

³ Всего лишь годом ранее Булгаков в брошюре «Неотложная задача» (С. 15) признавал «общность имуществ... нормой имущественных отношений». Ср. другой характерный пример: «Я был всегда и остаюсь непримиримым противником самодержавного строя» (Булгаков С. Церковь и государство // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 54); а спустя 17 лет: «Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие... хотел Россию только с Царём» (Булгаков С. Тихие думы. М., 1996. С. 331–332). Таких учёнейших мужей Свенцицкий называл «шалунами» (С-III. 22–25).

252. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<Сентябрь 1906. Москва>

Дорогой Флоренский!

Когда Вы ушли, я сообразил, что мне очень бы хотелось прочесть Вам (покудова ещё неоконченную) «Правду о земле», книжку для народа¹. Вы приехали из деревни, читали там наши вещи, и мне очень было бы важно, найдёте ли Вы доступным моё изложение.

Мне оказалось нужным быть в одном месте к 8, так что приходите часам к 5½.

Ваш Валентин.

¹ «Правду о земле» (М., 1907; *С-П.* 81–118) анонс изданий РОБ для народа объявлял «общим, принципиальным основанием для них всех... Остальные брошюры служат развитием отдельных глав и пунктов брошюры Свенцицкого» (Вопросы религии. 1908. Вып. 2. С. 405). «Внешняя законченность вполне соответствует внутреннему, строго-продуманному и прочувствованному содержанию, и является как бы следствием целостности последнего... Автор доказывает верующим христианам, что в задачи и цели их земной жизни должна входить забота и стремление просветить землю и сблизить с небом, приготовить к грядущему Царствию Божию... За каждой строчкой, написанной по поводу любой области разбираемой автором земной действительности, чувствуется единая глубокая основа, этой основой является принимаемая всецело Свенцицким христианская истина, как она дана нам во Христе и Его Евангелии. Пронизать и осветить ею всю нашу жизнь призывает нас автор. ...Подчеркивает принципы, которые должны лежать в основе земной деятельности христианина, члена Церкви и члена государства, и даёт приблизительные нормы этой деятельности» (*Михаил (Семёнов)*, еп. // Старообрядец. 1907. № 6. С. 714–715). «В этой книжке впервые в систематической сжатой и понятной форме даны ответы на вопросы о религиозном смысле освободительного движения, о том, что говорит слово Божие о его нуждах, о земле, о свободах... Автор показывает, почему христиане должны принимать участие в политической и экономической борьбе... и переходит к учению о Церкви, её роли как собирательницы всего Добра, находящегося в мире. Последние главы выясняют, каковы должны быть Церковь, государственный строй и социальные отношения для того, чтобы эти три силы наилучшим способом служили Добру в его постоянной борьбе со злом» (Век. 1907. № 13. С. 168–169).

253. П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну

<01.10.1906. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя!

Будьте добры, по возможности скорее сообщите мне, кто из профессоров (кроме Ключевского) по русской истории в университете считается наибо-

лее талантливым, учёным и всё прочее; если можно, укажите нескольких и сообщите приблизительно их направление, и главное, их политическ<ое> направлен<ие> и их отношение к деятельности¹. Это очень нужно для академии — для чего, объясню после. Каков Кизеветтер?² И как к нему относится полиция?

Затем попросите Сашу поскорее прислать мне рукописи о Гамлете и о Флобере. Они мне необходимы для заседания в ближайшем будущем. Вместе с ним, пожалуйста, доставьте сколько есть листов Зома. Остальное Вы знаете.

Тут, в академии, идут такие дразги, такая борьба, что я совсем погрузился в уныние и отчаиваюсь в человеках вообще. Ничего особенно скверного (увы!!) и без конца «мелких бесов». Поистине: «Так был изгрызен мышами Гаттон»³. Удивительно, насколько в каждом из человеков много святого, если посмотреть *sub specie имярек* (уж не знаю чего: не *deitatis*⁴ ли?). И ещё удивительнее, откуда берётся столько мелкого беса. Мерзее же всего, что в самом себе я не могу справиться с этим насекомым⁵. И кажется, что чем больше бьёшься, тем хуже идут дела. «И падая стремглав я пробуждался»...⁶

Деятельность Вас всех? Да, мило, хорошо. Но именно мило — не свято. Я это не в смысле упрёка говорю, напротив, с ласкою. Моё несчастье, что я не перевариваю революционеров и их теорий и пр. А то бы чего лучше, как быть в какой-ниб<удь> дружине. С досады, кажется, скоро придётся ходить по гостям и наподобие какой-то водевильной дамы (не из Чехова ли?) восклицать: «Дайте мне восторгов, поэзии!.. Дайте мне бури!»⁷

Гнусно жить без подвига. А медленный подвиг, действительно начинаемый как подвиг, в моих руках мало-помалу всегда выдыхается, и каждый раз требуется новая встряска. Знаю, конечно, до тошноты знаю, что тут сейчас начинается разговор «о процессе», об Апокалипсисе, о постепенном созидании Тела и обо всём прочем. Всё признаю, всё подтверждаю. Знаю как дважды два. Но хочу вопреки, наперекор, сверх всякого знания. Хочу «вдруг». Верю во «вдруг». Говорю о процессе, о будущем, а живу и верю в нутре души только одним «вдруг», только одним «настоящим». Жажду чуда, жажду «теперь». Моя *disciplina arcana*⁸ — «прошибай стену лбом!», и может быть, я с высшей точки зрения всё-таки неискренен, когда делаю вид, что соглашаюсь на кирпичи, ломы и всё прочее. Всем сердцем верю в чудо и не весьма доверяю работе. Ну, да Бог с ним всем. Помолитесь обо мне.

Напишите, если найдётся времени, о своих делах. Я в тот приезд так и не имел времени (всё время кто-нибудь присутствовал третий) спросить Вас как следует об этих предметах. Как здоровье Свенцицкого?

В одном только я завидую вам всем. Хотя вы бегаєте ногами, но можете стоять духом. А я сижу в комнате, но духу разные внешние обстоятельства (визиты и т. п.) не дают успокоиться. Волей-неволей приходится «нести сидя».

Напишите, о чём можете. Вы знаете ведь, что мне интересно знать о Вас всё. Но я как-то ужасно боюсь приставать с вопросами: вопросы всегда ка-

жуются какими-то неделекатными навязываниями. А ответ, добытый через насилие, теряет для меня всю свою ценность. Пишите же сами, что и как знаете.

Ну, прощайте. Целую Вас. Поклон всем.

П. Флоренский.

¹ Скрытое обозначение освободительного движения.

² *Кизеветтер* Александр Александрович (1866—1933) — магистр русской истории (1903), член «Союза освобождения» (1904) и ЦК партии кадетов (1906), редактор журнала «Русская мысль» (1908—1910).

³ По преданию, во время голода 914 г. архиепископ Майнцский Гаттон II приказал сжечь бедняков в амбаре, и в наказание был съеден мышами. Цитируется перевод баллады Р. Саути «Суд Божий над епископом» (1799).

⁴ Божество (*лат.*).

⁵ Митя Карамазов тоже чувствовал, как растёт, разрастается в душе жестокое насекомое: «И мы все... такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живёт, и в крови твоей бури родит» (*Достоевский Ф.* Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 14. С. 100). Его действия подробно описал Свенцицкий в романе-исповеди «Антихрист»: «Но я ничего не знаю отвратительнее насекомых под названием „наездники“. Они кладут свои яйца в живых гусениц других насекомых, гусеница не умирает, она продолжает жить, но внутри неё уже живёт другая личинка, питается, растёт и наконец выводится вместо настоящей... Я чувствую, что я именно такая гусеница с лицом человеческим и что меня проколол *другой*, и живёт во мне, и ест душу мою» (*С-И.* 108).

⁶ Цитата из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов».

⁷ Цитата из пьесы А. П. Чехова «Свадьба».

⁸ Тайное учение (*лат.*).

254. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<06.10.1906. С.-Петербург — Киев>

<...> Об учебнике¹ письмами получаю хорошие отзывы. Один из самых хороших — от княгини Трубецкой, «знакомой со всей учебной литературой». Свенцицкий жалеет, что мало философ<ско>-апологетич<еского> материала: «Неверие начинается с 2-3 кл<асса> гимназии!» Письма дают материал для статьи — ответа на отзывы.

Вчера 3 часа провёл у Трубецкого, где был и Струве. «Разругали» Струве за то, что сына своего не крестит. Ему уже год. Предстоит у меня крещение. <...>

¹ *Аггеев К.* Христова вера: Изложение христианского вероучения и нравоучения в понимании Православной Церкви, приспособленное к умственному развитию учащихся в 4-5 классах мужских и женских гимназий, 3-2 классах женских институтов. Ч. 1. СПб., 1907.

255. И. П. Брихничёв — В. Ф. Эрну

<06.10.1906. Тифлис — Москва>

<...> Основываясь на прежних Ваших сообщениях, я порассказал здесь о скором выходе новых номеров «Стойте в свободе»¹, и все ждут с нетерпением... Когда же? Просил я ещё Вас прислать мне некоторые брошюры, избранные Вами совместно с «Валентином», как Вы его называете, Александром Викторовичем и другими, а также — программу Христианского братства борьбы и книгу «Против смертной казни»².

¹ Согласно подписи, автор письма был «арестантом Метехского замка» (тюрьмы в Тифлисе). В вып. 2 «Стойте в свободе!» было опубликовано стихотворное послание Брихничёва от 23 июня 1906 г. из Карской крепостной тюрьмы.

² Против смертной казни. Сб. статей. М., 1906.

256. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<13.10.1906. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Дорогой, милый Павлуша!

Прежде всего отвечу на ваши прямые вопросы. Сколько мне известно, в университете, помимо Ключевского, достойны внимания только три преподавателя по русской истории: 1) Кизеветтер, 2) Богословский¹, 3) Рожков². Кизеветтер как лектор безусловно талантлив, иногда прямо блещет удачными выражениями, особенно хорошо знает XVIII век с административно-хозяйственной стороны. По убеждению кадет, и ярый кадет. Часто выступает на кадетских собраниях против с<оциал>-демократов и, судя по газетным отчётам, бывает очень силен как оратор. Теперь, кажется, затевает большую газету наподобие петербургской «Страны».

2. Богословский очень знающий и серьёзный лектор с своеобразным изяществом, получающимся от глубокого изучения. Специалист тоже по XVIII веку. По политическим убеждениям «октябрист». По личным впечатлениям моим, как личность — мало симпатичен. Нет идеи, нет убеждений. Помню, при мне у Протопоповых говорил, атеистически аргументируя, что православие подлежит полному уничтожению вместе с самодержавием, — это когда-то, а теперь в качестве члена Союза 17 октября принимает участие в заседаниях по церковной реформе...

3. Рожков — специалист по экономической истории старой Московской Руси. Знает, в каком месте мыши объели «Писцовые книги», а в каком месте оставили след. Несколько туповат. Но смел и решителен как практически, так и теоретически. По убеждениям — соц<иал>-демократ и ярый большевик. Сидел в тюрьме как редактор «Светоча»³, недавно выпущен. Одна любопытная подробность: когда второй № «Стойте в свободе» по-

пал в тюрьму и Орлов по общей просьбе стал читать его вслух, — Рожков вместе со всеми другими очень остался доволен и говорил, что теперь только такими газетами и можно что-нибудь сделать. Ну вот! Есть ещё приват-доценты и магистранты, но такие жалкие и ничтожные, что я, право, ничего не могу о них сказать, хотя я видал их и даже забегал на практические занятия. Забыл проф<ессора> Любавского⁴. Это уже просто дубина «стоеросовая».

Простите, дорогой Павлуша, приходится письмо прервать. Неожиданно понадобилось мне ехать в Берлин — отвезти больную belle-soeur в клиники⁵. Еду всего на неделю. Потом напишу. Хотелось Вам много сказать. Откликнулось много в сердце на Ваше письмо. Пока прощайте. Господь с Вами, милый Павлуша. Целую и обнимаю Вас. Привет Троицкому.

Всем сердцем Ваш Володя.

¹ *Богословский* Михаил Михайлович (1867—1929) — приват-доцент (1898) и доцент (1908) по кафедре русской истории ИМУ, доцент (1908) и ординарный профессор (1912) МДА, академик РАН (1921).

² *Рожков* Николай Александрович (1868—1927) — приват-доцент ИМУ (1898—1906), член РСДРП(б) с 1905 г., затем перешёл к меньшевикам, постоянный оппонент В. И. Ленина, который писал: «этот человек есть и будет... нашим врагом до конца»; товарищ министра почт и телеграфа (лето 1917 г.), пропагандировал идеи нэпа с 1918 г., директор Государственного исторического музея (1926).

³ «*Светоч*» — московская ежедневная газета, приостановлена властями в мае 1906 г. за «вредное направление».

⁴ *Любавский* Матвей Кузьмич (1860—1936) — приват-доцент (1894), ординарный профессор (1902), ректор ИМУ (1911—1917), член-корреспондент РАН (1917), академик (1929).

⁵ Будущую жену Евгению Давыдовну.

257. Д. Д. Галанин (мл.) — П. А. Флоренскому

<15.10.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павел Александрович!

Дело вот в чём. Петровский уехал и оставил неконченной корректуру Зома. Вести её очень трудно, т. к. он что-то исправляет и изменяет. Так как перевод делали и Вы, то, может, можно посылать корректуру Вам, если исправление Вас не затруднит. Подлинник Петровский, кажется, оставил. Сейчас нет в Москве ни Вл<адимира> Ф<ранцевича>, ни Саши (один уехал в Питер, а другой в Берлин)¹, поэтому никто не может вести корректуру с исправлением.

Если Вам это трудно, то, может, можно это дело дать кому-ниб<удь> из Сыроечковских; летом Борис, кажется, хотел вести корректуру Зома. Ответьте возможно скорее.

Дела в застое. Газета, может, скоро будет печататься в Питере, но возможно, что разные случайности задержат.

Приехали в Москву Булгаков и Волжский. Велись переговоры с Ефимовым о двухнедельном журнале. Он обещал помощь, но самостоятельно не берётся вести его. Вл. Ф. вернётся дней через 10 в Москву, и тогда, наверное, откроется Соловьёвское общество. Как Вы поживаете?

Всего лучшего. Д. Галанин. Адрес: Мал. Толмачёвский, д. 2, кв. 22. Д. Д. Г. (сыну).

Р. С. Вы знаете, что Володю из избушки (в Нащокинском пер.) выгнали, они живут теперь — Троицкий пер. (на Пречистенке), д. Санина, кв. 4.

¹ В письме от 19 октября 1906 г. Галанин уточнял: «В Берлине не Ельчанинов, а Володя по личным делам (кажется, из-за медицинского пособия кому-то из близких родственников). Ельчанинов — в Питере печатает газету <„Два пути“>, так сказать, № 3 „Стойте в свободе“. Здоровье Свенцицкого ничего хорошего. „Вопросы религии“ расходятся прилично» (Архив семьи Флоренских).

258. В. Н. Лашнюков — Пастырям Церкви¹

<17.10.1906>

<...> Мы примыкали к программе требований социализма, но ни в коем случае не сливаясь с ним. <...> Или мы неправильно понимали христианство, тогда моё преступление религиозное и я подлежу духовному, а не светскому суду. Или мы правильно понимаем христианство, но тогда другое неразрешимое противоречие: в христианском ли государстве христианский суд может осудить меня за то, что я христианин? Неужели же в нашей несчастной родине дело дошло уже до этого? <...>

¹ Открытое письмо Лашнюкова под заголовком «За что я осуждён?» опубликовали газеты «Страна» и «Русское слово» (1906. 17 октября. № 254). «Нам представляется несколько странным, с одной стороны, <что> потерпевший редактор взывает к чувству христианской правды священника, а с другой — протест против правительственного насилия над его религиозною совестью, выразившегося в осуждении его на заключение в крепость. ...Ужели для него не очевидно, что широкая политическая перспектива, вроде, например, программы „Народа“, есть только теоретическая иллюзия, неспособная стать правдой до тех пор, пока существует наличное соотношение Церкви и государства?... Духовенство не хочет знать социализации общества... А „Народ“ и его редактор верят в социализацию христианского общества на церковных началах!» (Церковный голос. 1906. № 46. С. 1274).

259. А. В. БЕЛЬГАРД — П. К. КАМЫШАНСКОМУ

<25.10.1906. С.-Петербург>

Господину Прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты.

С.-Петербургский Комитет по делам печати, усмотрев в напечатанном в № 1 повременного издания, озаглавленного «Духа не угашайте. Два пути», рассказ «Бог или Царь?»¹ признаки преступления, предусмотренного п. 5 ст. 129 Угол<овного> Улож<ения>, постановил привлечь редактора-издателя названного издания С. Синельникова (Коломенская ул., д. 25, кв. 27) к уголовной ответственности по п. 5 ст. 129 Угол<овного> Улож<ения> и на основании п. «а» ст. 9 отд<ела> VII Закона 24 ноября 1905 года, наложить арест на № 1 повременного издания «Духа не угашайте. Два пути»².

О таком постановлении С.-Петербургского Комитета Главное Управление по делам печати, на основании ст. 1213 п. 5 Уст<ава> Угол<овного> Суда, считает долгом сообщить Вашему Превосходительству, присовокупляя, что о наложении ареста на прилагаемый при сём № 1 вышеназванного издания распоряжение уже сделано.

Начальник Главного Управления по делам печати Бельгард.

¹ Автором был Свенцицкий: подписанные псевдонимом «Омега» короткие рассказы (С-Л. 509–511; Новый журнал. 2010. № 261. С. 133–140) предполагал объединить в брошюре для РОБ под названием «Солдат задумался» (Век. 1907. № 22. С. 348). В номере публиковалось ещё три его статьи.

² От столичного градоначальника 23 октября 1906 г. было выдано свидетельство на выпуск в Петербурге еженедельной газеты «Два пути» по следующей программе: 1) статьи по вопросам теологии, религии и политики; 2) романы, повести, очерки, рассказы и стихотворения; 3) библиография; 4) смесь; издателем и ответственным редактором значился сын потомственного дворянина Сергей Николаевич Синельников, проживавший по адресу: Николаевская наб., д. 29, кв. 14 (РГИА. Ф. 777. Оп. 7. Д. 469. Л. 1). С.-Петербургская судебная палата 3 ноября 1906 г., «не усматривая в напечатании инкриминируемой статьи каких-либо признаков преступных деяний», отменила арест газеты (РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 315. Л. 5), но соответствующее распоряжение градоначальника уже было сделано и продолжить издание участникам ХББ не удалось.

260. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<25.10.1906. С.-Петербург — Киев>

<...> На днях был у меня Ельчанинов, секретарь московской компании. С ноября издаётся в Москве еженедельник «Свобода и религия» под редакцией С. Н. Булгакова при деятельном участии Карташёва и моём. Уверены в твоём сотрудничестве. Предполагается издание «цензурное». Деньги даются Ефимовым, издание берётся всецело им.

Сегодня заседание по поводу «обновлённого» органа «Век». Редактор Никольский¹ (Карташёв дал только имя) просит — вёл переговоры с момента возникновения мысли — тоже принять участие, в какой бы форме я ни пожелал.

Возвратился с заседания. От редакционного участия отказался за полным недосугом. Но статьи обещал. Ни Карташёв, ни я органом не захвачены, хотя желаем ему успеха. Залог последнего — в необыкновенной газетной деловитости Никольского и скромности расходов редакционных: Никольский и его жена — редактор, конторщик, корректор, экспедитор и т. д. <...>

¹ *Никольский* Владимир Александрович (1870—?) — публицист, редактор-издатель журнала «Век» и директор-распорядитель общины его собственников.

261. В. П. Свенцицкий — К. М. Аггееву

<Конец октября 1906. Москва — С.-Петербург>

<...> Меня иногда неотразимо тянет уйти куда-нибудь в египетскую пустыню и там отдаться всем сердцем и душою служению в Духе, — это бывает особенно сильно, когда внешняя, косная, бездушная эмпирия стоит здесь на пути религиозного дела. Теперь я не чувствую этого — и мне хочется служить Господу Богу моему в самой жестокой, самой суетной жизненной борьбе. <...>

262. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<01.11.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

В воскресенье, ты это узнал, должно быть, из газет, у нас было учредительное собрание¹. В следующее воскресенье, т. е. 5-го, будет публичное заседание — Булгаков прочтёт реферат «Достоевский и современность»². Ужасно бы хотелось, чтобы был ты с Серг. Сем. <Троицким>, но уж если не можете, то известите других студентов и профессоров — начало в 7 часов вечера, М. Знаменский пер., д. Мазинга.

Володя уже приехал из Берлина, сегодня.

Получил ли ты нашу газету? Я послал тебе 100.

Сколько собираюсь к тебе и всё не еду; уж ты прости. У нас несколько новых затей, увидимся, расскажу. Все наши ужасно хотят тебя видеть.

Ты как-то писал, что у тебя есть статья. Не согласился бы ты прочесть её в закрытом или публичном собрании, и если да, то когда. Если скажешь точно, то мы разошлём уже повестки.

Ну прощай, ужасно хочу видеть тебя. Твой Саша.

Нет ли у тебя возможности исходатайствовать даровую присылку нам в Общество «Богосл<овского> вестн<ика>» и всё что возможно? Адрес общества: Остоженка, 1-й Зачатьевский, д. Шер, кв. 1.

¹ На учредительном собрании МРФО 29 октября 1906 г. председателем был выбран профессор С. Н. Булгаков, членами совета: Д. Д. Галанин, А. В. Ельчанинов, С. А. Котляревский, В. П. Свенцицкий, Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрн.

² *Булгаков С.* Достоевский и современность // Полное собр. соч. Ф. М. Достоевского. Юбилейное (шестое) издание. СПб., 1906. Т. 1. С. III–XL.

263. В. П. Свенцицкий — Суду присяжных <04.11.1906. С.-Петербург>

Господа судьи и сословные представители! Ко мне предъявлено обвинение в том, что в статье «Открытое обращение верующего к Православной Церкви», напечатанной в № 8 «Полярной звезды», я призываю войска к неповиновению законной власти.

Я заявлял на предварительном следствии и повторяю здесь: виновным себя не признаю; войска к неповиновению не призывал; обращался к одной только Церкви.

Защитник господина Струве, разбирая вопрос с юридической стороны, бегло коснулся и тех психологических мотивов, которые руководили мной, когда я писал своё «Обращение». Но защитник меня совершенно не знает, и потому его психологический анализ вряд ли достаточно убедителен для вас.

Я хочу, чтобы о той душевной жизни, которая стоит за моей статьёй, вы услышали от меня самого. Для того чтобы вы могли действительно понять меня, я считаю нужным затронуть несколько общих вопросов. Особенно нужным, даже необходимым, я считаю это потому, что господин прокурор обнаружил прямо чудовищное непонимание религиозных идей. Господин прокурор заявил, что, если бы я желал обратиться не к войскам, «а действительно к Церкви», я никогда не напечатал бы статьи в журнале с тиражом в 15 000, «где её может прочесть всякий, а написал бы письмо митрополиту, обер-прокурору или в Св. Синод».

Господин прокурор не имеет даже смутного представления о том, что такое *Церковь*: называть Церковью обер-прокурора — равносильно кощунству!

Я не знаю вас, господа судьи, так же как и вы не знаете меня, а потому вы должны понять мою боязнь, что весь состав суда впадёт в то же заблуждение, в которое впал г. прокурор. Между тем настоящее дело в конце концов сводится к вопросу: *что такое Церковь?*

Вопрос этот настолько сложен и глубок, что говорить о нём почти невозможно, особенно на суде, без привычки к этой тяжёлой атмосфере: но я не

имею в виду вполне решать вопрос — мне необходимо передать лишь общее настроение.

Ввиду этого я прошу вас, г<осподин> председатель, не прерывать меня, если что-нибудь вам покажется не относящимся к вопросу: дослушайте до конца, и я уверен, что вы сами увидите, как необходимо всё, что я скажу, для выяснения существа настоящего дела.

Христианство имеет свой особенный взгляд на мировую историю как на богочеловеческий процесс. Совместными усилиями Бога и человека, путём жесточайшей борьбы со Злом, мир готовится к абсолютному воплощению Божественной Идеи. Прогресс мировой жизни заключается не в постепенном приближении к всеобщему земному благополучию, а в дифференциации, в абсолютном разделении Добра и Зла, разделении, которое завершится окончательной борьбой Христа и Антихриста¹.

В этом мучительном богочеловеческом процессе борется и действует бесконечное множество разнообразных сил. Всё имеет свой разумный, великий смысл, своё особое назначение. Особое назначение имеют Церковь и государство.

Церковь — тело Христово, это центр Добра: всё положительное стремится к ней, всё она принимает в себя. Только святое, Любовью соединённое, апостольским служением проникнутое, может входить в эту Святую, Соборную, Апостольскую Церковь. Вне Христа, вне Церкви не может быть ни Истины, ни Добра, ни Красоты. Я знаю, это безгранично расширяет границы Церкви, но и безгранично суживает их. В них может не войти оберпрокурор и найдёт своё место творчество Бетховена. Мир в своей борьбе стремится к этому творческому источнику жизни — к Церкви. Мир — становящаяся Церковь!²

Невидимая для ослеплённых глаз, сияющая незримым божественным светом, она одна абсолютное начало жизни.

Вот к какой Церкви я обращался; вот какую Церковь умолял я спасти меня от тяжёлого кошмара. И вот почему я не послушался священника Аггеева и других, когда они уговаривали меня не печатать «Обращение к Церкви». Я сказал им — и готов повторить это здесь, ибо веры своей не постыжусь, — я сказал им: «Не знаю, как ответит мне Церковь эмпирически, — если настало время, огонь сойдёт с неба»!³

Господин прокурор усиленно добивался от свящ<енника> К. М. Аггеева, не хотел ли я, чтобы «Обращение» распространилось возможно шире. Заявляю — пусть слышит господин прокурор: да, хотел! Хотел, чтобы узнал о нём весь мир, чтобы прочли его и все солдаты⁴. Хотел потому, что верю — только путём совместной молитвы, личного подвига, братской помощи Церковь из невидимой может стать видимой, как в первые века.

Но из такого отношения к Церкви следует ли, что я не признаю государства? Нет, несколько.

В среде нецерковной, языческой, государство имеет великое, культурное, истинно религиозное назначение. Признаю власть божественной, потому что

в среде языческой она необходимая организующая сила, потому что в богочеловеческом процессе ей принадлежит положительная роль.

Потому и вас, господа судьи, представителей языческой власти, считаю исполняющими святой религиозный долг здесь на суде. Я признаю за вами право, поскольку я не только член Церкви, но и гражданин государства, требовать от меня повиновения закону; равным образом как и за собой признаю право не повиноваться вашему закону, раз он идёт вразрез с законами Христа.

Теперь мы и пришли к окончательному вопросу: я, в данной статье, исполняя то, что мне приказывала религиозная совесть, нарушил ли интересы государства? Категорически отвечаю — нет. В данной статье, обращённой к Церкви, я не мог призывать войска *не повиноваться* присяге, так как умолял Церковь *снять* присягу; может быть, в этом я и не прав, но уж это вопрос религиозный.

Я кончил. В заключение повторяю ещё раз: перед государственной властью виновным себя не признаю. А в вопросах религиозных данный суд считаю некомпетентным⁵.

¹ Ср.: «Именно революции способствуют разделению добра и зла, выявляя и то и другое в наиболее яркой форме. И, как процессы очищения добра от выявившегося зла, они с религиозной точки имеют некую печать благодетельности и в сущности наиболее реализуют религиозный смысл истории, состоящий именно в разделении добра и зла в их созревших формах» (*Аскольдов С. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. М.-Пг., 1918*).

² Одна из центральных идей Свенцицкого, подр.: *С-II. 15, 438*. Через 10 лет её активно использовал Евг. Трубецкой: «Сама вселенная должна стать храмом Божиим. В храм должны войти всё человечество, ангелы и вся низшая тварь. ...Преображение вселенной во храм... — тот космический идеал, который должен вывести из плена действительный космос; чтобы дать в себе место этому царственному узнику, которого надлежит освободить, храм должен совпасть со вселенной: он должен включить в себя не только новое небо, но и новую землю» (*Трубецкой Е. Умозрение в красках. М., 1916. С. 8, 12, 32*). А ещё позже воспринял и другой оппонент: «Церковь есть охристовлённый космос» (*Бердяев Н. Новое средневековье. Берлин, 1924*). Причём оба не стеснялись буквально повторять Свенцицкого: «Нашедшим Град открывается великая задача... Смысл жизни в преобразении космоса, и в вечной жизни всех окончательно воссоединившихся с Творцом... восстановлении божественной гармонии» (*С-II. 135, 495, 258*). «Космос дан как задача... осуществить божественную гармонию... т. е. свободное бытие всех существ в их окончательном соединении в Божестве» (*Бердяев Н. Философия свободы. М., 1911. С. 149, 144*). «Открывшийся святой Град призывает к великой, окончательной борьбе за новое небо, за новую землю преобразённого космоса» (*С-II. 135*). «Только человек, занявший место в космосе, уготовленное ему Творцом, в силах преобразить космос в новое небо и новую землю» (*Бердяев Н. Смысл творчества. М., 1916. С. 67*).

³ Ср.: 4 Цар. 1, 10–12; Лк. 9, 54; Деян. 2, 3.

⁴ Свенцицкий просил всех сочувствующих перепечатать «Обращение» в своих изданиях, но никто не дерзнул — страх превозмог совесть. «Увы, его воззвание останется без ответа нашей официальной церкви, несмотря на сочувствие всех веру-

ющих. Нити церковно-государственных отношений крепко окутали церковь... Все мы знаем, что клятва и убийство безусловно запрещены Христом, но... практическая польза присяги очевидна, убийство иногда считается необходимым, и в результате... их освящение Церковью, защищаемое даже катехизисом» (Церковно-общественная жизнь. 1906. № 10. С. 372).

⁵ Судебная палата вынесла Свенцицкому оправдательный приговор.

264. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<06.11.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павел!

Тебе следовало 325 р. Из них 150 мы у тебя заимообразно удержали, т. к. рассорили на газету — надо было покрыть важные долги.

Как разбогатеет, вышлем. Саша.

265. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<07.11.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша! Очень прошу тебя, обрати внимание на Валю Погирева¹, который должен был приехать в Посад 7-го вечером. История обычная, ищет Бога; недели две назад он был в полном отчаянии, а сейчас морит себя свирепым аскетизмом, не спит, не ест. Я знаю, что у тебя в этом большой опыт, — помоги ему как можешь или направь к кому-нибудь. Если он был уже у тебя, то ты знаешь его намерение: не есть до воскресенья и абсолютно молчать.

Ну вот и всё, прости. Саша.

¹ Однокашник Ельчанинова, Флоренского и Эрнэ по гимназии в Тифлисе.

266. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<10.11.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Отвечаю на те пункты твоего письма, на которые могу ответить

1. Образцы обложки Серг. Сем. <Троицкого> негодились; они сделаны не в том формате, в котором мы издаёмся, и малозаметны — понимаешь, надо, чтобы бросилось в глаза, выделялось среди других обложек.

2. Для Петровского и вообще никаких переводов нет, т. к. Ефимов больше печатать ничего пока не хочет. Если бы и был перевод, мы бы взяли его сами, ибо совсем обеднели. По совести скажу, что, не мечтая уж о такой роскоши,

как целые башмаки, галоши, пальто, мы давно уже не можем купить даже копеечной брошюры; денег едва хватает на еду, да и то не всегда, так что мы сами жаждем переводов.

3. Напиши сейчас же, не можешь ли ты наверное прочесть реферат о Церкви в закрытом собрании в ближайшее воскресенье (17-го, кажется¹).

4. Семёнова мы записали в члены-соревн<ователи>.

5. На Наумова обратили внимание².

6. Тарееву повестки посылать будем.

7. Если не приедешь в это воскресенье — ничего, лишь бы хоть на публичные заседания приезжал.

Прощай, поклон Серг<ею> Сем<ёновичу>. Саша.

¹ На самом деле 19 ноября 1906 г.

² Вероятно, речь об архим. Михаиле (Семёнове) и Сергее Николаевиче Наумове-Сергиеве, окончившем МДА в 1909 г.

267. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<11.11.1906. С.-Петербург — Киев>

<...> Не пришлось увильнуть от участия в редакционном комитете «Века»: упросили Карташёв и Никольский. Заседание и составление № каждую среду. В ближайшем № появится начало моей самой дружественной полемики со Свенцицким. Недавно он был у меня. Я фигурировал на суде по делу Струве (письмо Свенцицкого)¹. Св<енцицкий> усерднейшим образом просил меня начать полемику. Речь о его первой статье в «Вопросах религии»².

Процесс Свенцицкого был удивителен. Когда он произносил речь, палата (разумею публику, состоящую из адвокатов и писателей) слушала её с затаённым вниманием и... увлажнёнными глазами. Свенцицкий вырос в великую фигуру религиозного человека, и как это победило всех! Прокурор палаты начал речь так: «После показания свящ<енника> Аггеева, раскрывшего мотивы помещения Св<енцицким> своего письма, мне нужно было бы отказать от обвинений. Но я поддерживаю его: письмо Св<енцицкого>, неправильно понятое, могло породить восстание против власти. И далее: зачем Св<енцицкий> со своим письмом, если он решил услышать голос Церкви, не обратился к об<ер>-пр<окурору> Св<ятейшего> С<инода>». И разделал же его Св<енцицкий>: «Мы слышали чудовищное недоразумение, граничащее с чудовищным кощунством» и т. д. Речь С<венцицк>ого передана в «Веке».

С<венцицк>ий способен при всей своей крайности приводить в восхищение. Накануне суда у меня были Струве и Св<енцицк>ий. Втроём провели вечер. Св<енцицк>ий с рел<игиозной> точки зрения стоял за крайние партии⁴. Мы со Струве против. Неправ он, — но во всяком случае лично он ближе ко Христу, чем были мы. Как-то чувствовалось это!

Просил меня Св<енцицк>ий устроить для него рефераты с обменом мнений о бессмертии. Приедет из Москвы. Одно плохо: мешает нам полиция. У себя на курсах устрою. Как только уладить вопрос относительно «посторонних»!

В свою очередь меня просят приехать при необходимом условии оплаты расходов в Москов<ское> Соловьёв<ское> общество предложить реферат. Хочу приготовить об Андрееве, который меня всё больше притягивает к себе: изучение Ницше виною тому. Последняя вещь Андреева, думаю, нечто замечательное⁵. Если приготовлюсь, сначала с благотворительной целью предложу у себя на курсах. Но приготовлю ли?..

¹ Процесс состоялся 4 ноября 1906 г. «В судебной палате с участием сословных представителей слушалось дело по обвинению редактора журнала „Полярная звезда“ П. Б. Струве и студента В. П. Свенцицкого по 5-му п. 129 ст. Угол. Улож. за статью последнего „Открытое обращение верующего к православной церкви“, напечатанную в № 8 журнала „Полярная звезда“. В статье этой прокурор усмотрел преступный призыв к войскам. Свенцицкий заявил, что обращение его было направлено к церкви. Вызванный в качестве свидетеля о. Аггеев подтвердил, что мысли, высказанные в инкриминируемой статье, вполне соответствуют делу и учению православной церкви. Товарищ прокурора поддержал обвинение, находя, что, если бы автор хотел своё обращение направить к церкви, а не к войскам, он направил бы его в виде письма на имя обер-прокурора святейшего синода. Защищал обвиняемых прис. пов. А. С. Зарудный. Суд признал Свенцицкого невиновным, а П. Б. Струве — виновным в неосмотрительности по 7-й ст. 8-го отдела временных правил о печати и приговорил его к 100 руб. штрафа или аресту на 1 месяц» (Книжный вестник. 1906. № 41. С. 989).

² Аггеев озаглавил статью, как и Свенцицкий: «Христианское отношение к власти и насилию» (ME. 1907. № 24/25. С. 16–27). Его слова, увы, никогда не потеряют актуальности: «Кому неизвестна та путаница понятий, а порою явная недобросовестность, какая происходит на наших глазах при практическом разрешении проблемы власти и насилия: обрушиваясь со всею силою на террор слева, большинство христиан частью одобрительно, частью снисходительно относится к убийству справа, считая власть полномочною во всех отношениях на эту хотя бы и „печальную необходимость“». По мнению о. Константина, «в литературе нашей мы не можем указать лучших строк», раскрывающих религиозный смысл власти и условия её обязательности для христианина, чем в работе Свенцицкого, а вопрос о насилии подвергнут им «блестящему анализу». Частные расхождения мыслителей были рассмотрены в ответной статье «На общем берегу» (С-II. 443–455).

³ «Свенцицкий защищал себя сам. В отделении публики сидели литераторы и адвокаты, давно в большинстве покончившие с вопросами веры. За судейским столом были лица, для которых церковь равнозначаша с обер-прокурором Синода, и для которых всё данное дело имело очень узкий определённый интерес. И в то же время, когда Свенцицкий проникновенным голосом начал свою защиту — всё обратилось в одно внимание... Я убеждён: никакое ораторство не могло так покорить, как покорило это проникнутое необыкновенной силой религиозного убеждения слово скромного студента университета безрелигиозную залу: я видел на глазах многих трудно скрываемые слёзы...» (Аггеев К. Доколе... // Век. 1906. № 7. 24 декабря. С. 84–85).

⁴ «Нельзя же *дело* называть дурным только за то, что его делают неверующие люди. ...Пора начать христианам такую же пламенную борьбу за ту же святую свободу, за ту

же правду, за которую борются те, кого злобно зовут крамольниками и безбожниками... В крайних партиях есть много уродливого, но живой нерв их всё же — неосознанное подлинное стремление к *праведной жизни*. ...Я считаю крайние партии самыми близкими ко Христу, несмотря на тактику, как будто бы явно с христианством несовместимую. Они ближе всех, потому что любят всем своим человеческим сердцем. И ихняя жизнь — это сплошной подвиг, они бросают всё своё личное благополучие и беззаветно отдаются служению народу. Без Христа не может быть полной правды, и грех их только в том, что они этой полной правды не знают, а поскольку правда открыта их сердцу, служат ей они до конца» (*С-П*. 84, 434, 266). Ср. мысль основателя славянофильства: «Не Его ли ученик, сам того не ведая, тот, чьё сердце отверсто для сострадания любви? Не единственному ли Учителю, явившему в Себе совершенство любви и самоотвержения, подражает тот, кто готов жертвовать счастьем и жизнью за братьев?» (*Хомяков А. Сочинения: В 2 т. М., 1994. С. 172*).

⁵ Осенью 1906 г. была опубликована пьеса Л. Н. Андреева «Савва» о чудотворной иконе Спасителя.

268. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<14.11.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Вся наша компания просила довести до твоего сведения следующее:

1. 1-го декабря выходит наш еженедельник «Христианство и социализм». Нам удалось после долгих трудов найти издателя¹.

2. Размер брошюр средней величины широкого формата, 3 листа очень убористого шрифта (40 строк). При таком объёме статьи предполагаются не более чем в 6-10 страниц, ц^{ена} 15 к^{опеек} номер.

3. Наша усердная к тебе просьба присылать побольше всего, самого разного. Подробности — при личном свидании.

4. Извести при первой возможности, как ты думаешь, можно ли у Елова, через Наумова и пр., устроить продажу №№ у вас и какое колич^{ество} может пройти. Я видал сегодня Наумова, но утром, а вопрос о журнале решался вечером.

5. Не знаешь ли ты лиц, особенно священников, которые могли бы писать корреспонденции для отдела «Церк^{овной} хроники», который мы хотим поставить очень полно.

Ну вот и всё. Особенно важно — твои статьи и точные цифры нужного для Лавры колич^{ества} экземпляров.

В это воскресенье у нас опять будет закрытое заседание — Эрн прочтёт о «das Wesen des Christentums» Harnack². Тареева мы записали в члены — скажи ему об этом как о предложении. Может быть, ещё есть профессора, которые не отказались бы быть членами?

Вчерашний вечер — реферат Галанина старшего — прошёл очень живо³. Реферат сам был невероятно плох, но краток — единственное его достоинство. Зато прения были очень оживлённые и интересные.

Пока всё. Прощай. Саша.

¹ Журнал вышел под названием «Живая Жизнь» 27 ноября 1906 г. Редакционные статьи гласили: «Наш журнал хочет стать *органом критического сознания современности*. ...Будет стараться по мере всех сил своих содействовать критическому осознанию того, что в современности подлинно, вечно и ценно, и того, что является только накипью, только обманным туманом нездоровых испарений мысли и чувства... Давно уже просвещёнными христианами чувствовалась великая потребность в таком органе, который бы, стоя на почве непоколебимой веры, придерживаясь начал Вселенского христианства, отзывчиво относился ко всем запросам современности, отвечал на все мучительные вопросы жизни. ...Существующие богословские журналы уже больше не удовлетворяют. Интеллигенция их не читает. Они сухи, отвлечённые и бледно отражают бурную жизнь современности, с её болями, с её страстным исканием Истины и Справедливости. На страже интересов Церкви должен стать более зоркий наблюдатель, более мудрый апологет, более страстный искатель Правды. „Живая Жизнь“ хочет ответить назревшей потребности: *современными средствами служить вечной цели — торжеству Христовой Истины*» (С-II. 321–323).

² Доклад «Методы исторического исследования и „Сущность христианства“ А. Гарнака» в МРФО 19 ноября 1906 г. (Эрн В. Сочинения. М., 1991. С. 245–264).

³ На закрытом заседании МРФО 12 ноября 1906 г. Д. Д. Галанин (ст.) сделал доклад «Моё религиозное мировоззрение».

269. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<15.11.1906. Москва — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Письмо к Галанину ещё не отправлено, не удалось ещё добыть адреса. Отправляю. Надо бы Вам писать много, лень и не сумею. Потому буду протоколен. Общество открыли и пока удачно, точнее, не неудачно. На моём реферате было много народа, — хорошая публика, — слушали терпеливо и с интересом прения на непривычные темы (по содержанию мало интересные)¹. Хотя и поругивают, но есть и похвалы и большой интерес. На Галанинском реферате (закрытое заседание) были оживлённые разговоры. Не без смущения думаю о публичном реферате Валентина Павловича о терроре и бессмертии, однако внутренне боюсь. Затем до Рождества имеется на публичном заседании Аггеев (предлагающий о пессимизме у Андреева и Метерлинка!!! Надеюсь, переменит) и Бердяев².

Вообще, это дело началось и, надеюсь, пойдёт. Эх жаль, Вас нет, как Вас мучительно не хватает. Но важнее и труднее другое дело, с журналом. Ефимов меня не вызвал и сначала отказался Эрну от журнала. А затем при одной комбинации выразил Эрну готовность в виде пробы издать номеров пять журнала «Христианство и социализм» (с 1-го декабря) с тем, чтобы, если клюнет, поставить дело широко. Эрн пришёл ко мне с готовым предложением

нием, отказаться от коего невозможно. Дело теперь стоит так. Объявление, по моему предложению (чтобы избежать худшего), таково: «Издаётся при постоянном участии нас, сотрудников „Вопросов религии“, Аггеева, Карташёва, Успенского, Зеньковского, Ельчанинова». Буду настаивать, что подробный список будет опубликован впоследствии. Пока не из-за чего огород городить. В редакционной статье будет указано, что у нас нет редакционной точки зрения, как это и было предположено. Проект её составил я, надеюсь облагодобразить извне это внутреннее неблагообразие. Дальнейшее привлечение «еретиков» не возбуждает, да при такой постановке дела и не должно возбудить скоро, я однако это ещё оформлю. Сейчас ответственным редактором — Валентин Павлович, издателем — Ефимов. Я думаю, это ничего. Первые действия, которые мы должны предпринять, если журнал пойдёт, это выписать Вас (примерно в январе), а затем повысить гонорары, которые пока 50 р. за лист (в сорок тысяч букв!), при трёх листах в номере. Внешность будет приличная. Рекламу будто бы Ефимов будет ставить широко. Вчера мы обсуждали проект содержания пяти номеров. Можно сносно поставить своими силами с постоянными отделами. Конечно, слишком много будет нелитературного материала, но я с этим временно мирюсь, может быть, так даже легче зацепиться. Очень просим Вас все, и я в особенности: если можно, — поскорее, возможно скорее, — несколько статей небольшого размера (не более 10-ти стр<аниц> нашего 40-тыс<ячного> буквенного листа), темы по Вашему усмотрению: м<ожет> б<ыть>, дадите то, что прочили в «Еженедельник», а м<ожет> б<ыть>, напишете то письмо ко мне о христианской общественности, что предполагали; или даже, например, о «Взыскующих», м<ожет> б<ыть>, это даже будет особенно кстати (вообще к внутренней полемике придётся часто прибегать). <...>

Мне одному будет (уже есть) и трудно, и тяжело, но внутренне я спокоен. Во-первых, с неудачей этого опыта для меня внутренне уже очень мало связано, не то что с «Народом», во-вторых, я считаю возможным успешное развитие дела, в-третьих, если в результате выяснится и окончательная для нас невозможность работать вместе литературно, то я надеюсь, что это только и ограничится литературой. Но всё-таки всякое соприкосновение с тем, что Вы вполне справедливо называете «вымогательством чуда», тяжело для обеих сторон. Однако я настроен так, что страдать надо, и трение будет всегда, лишь бы что-нибудь вышло. Конечно, страшно не хватает Вас, но что делать. <...>

¹ На I публичное заседание МРФО 5 ноября 1906 г. собралось более 500 человек. «В напряжённой борьбе, которую приходится вести всему русскому обществу, выдвигаются новые запросы сознания. Чувствуется потребность отыскания источника новых жизненных сил, — углубить и уяснить до конца те идеи и принципы, которые в сущности и составляют всю непобедимую силу освободительного движения. В таком духе говорил при открытии Общества его председатель проф. С. Н. Булгаков» (Новое общество // Стрела. 1906. 20 ноября. № 1). В прениях по его докладу «Достоевский и современность» участвовали И. М. Трегубов, Грифцов, Гартунг, Евг. Трубецкой, Галанин (ст.), Свенцицкий.

«Булгаков был тогда „левый“... Он не признавал за консерватизмом Достоевского „мистической сущности“ и всё сводил к тому, что Достоевский, веровавший и любивший русский народ-„богоносец“, боялся, что в случае введения конституционного образа правления распорядиться этим народом начнут „беложилетники“, атеистическая интеллигенция, не понимающая народ и глубоко оторванная от него. Спор, в конце концов, свёлся к очень неожиданному вопросу. Если бы Достоевский пережил всё то, что пережили за последние годы мы, мог ли бы он по-прежнему остаться консерватором или превратился бы даже не в либерала, а в самого крайнего революционера-террориста? ...Очень горячо спорили... И замечательно, что никому не казалось странным это „или-или“» (С-IV. 38–39).

² Намеченный на 11 декабря 1906 г. доклад Бердяева «Великий инквизитор» не состоялся. Аггеев выступил на публичном заседании МРФО 27 марта 1907 г. с докладом «Голгофский крест и принцип Бранда „всё или ничего“».

270. В. Ф. Эрн — Е. Я. Архиппову

<22.11.1906. Москва — С.-Петербург>

<...> Скоро осуществится одна из заветных мыслей наших. С начала декабря получаем возможность издавать еженедельный журнал, посвящённый вопросам христианской общественности, под названием (если разрешат такое название) «Социализм и христианство». Журнал будет носить серьёзный, не агитационный характер. Будем вести журнал Свенцицкий, Булгаков и я, а непостоянными сотрудниками будут почти все сотрудники «Вопросов жизни». <...>

271. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<30.11.1906. Москва — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Вы имеете все основания сердиться на меня за молчание, но я так устаю и у меня так мало времени, что трудно собраться написать письмо. Ваше последнее письмо получил и перечувствовал, да чувствовал и раньше, сами знаете. В одном Вы оказались неправы: дело это устанавливалось прочнее, чем Вы думали. Ефимов увлёкся и сказал, что он будет издавать год, и решил широко поставить рекламу (о списке сотрудников не беспокойтесь, я много думал, и придумал компромиссный исход, который не обидит, надеюсь, никого). Но не успел Ефимов согласиться, как получил известие, что Сибирская ж<елезная> д<орога> сдана обманным образом вместо него какому-то черносотенцу, и это так его подорвало, что он сразу отказался и от журнала, и от «Религиозно-общественной библиотеки». Теперь, однако, существует серьёзная надежда, что торги будут опротестованы и права его восстановлены, тогда он будет издавать журнал на прежних началах. <...>

В Соловьёвском обществе очень интересно (страшно жаль, что нет Вас с нами), многое здесь, конечно, тоже болит, характер, вообще, «московский», но всё-таки хорошо. Только начинаются придирки администрации, вряд ли удастся устроить намеченный реферат Бердяева, закрытые заседания происходят каждую неделю с интересными прениями¹. Всё-таки это пока является единственным, что чуть-чуть оправдывает жизнь здесь, поналезло лекций, суеты и мелочей. Характер наших отношений тот же, скорее лучше, сживаемся, на общем деле срослись, пожалуй, уже, хотя на манер сиамских близнецов!

Относительно журнала не беспокойтесь, всё, что Вы пишете и чувствуете, я знаю и стараюсь осуществлять по мере слабых своих сил, хотя мне одному и трудно. В «Веке» уже перегрызлись и расплевались² <...> Тернавцев чрез Успенского обратился ко мне (а косвенно и к Вам) с предложением хлопотать о приглашении меня на Собор, чему он придаёт большое значение (симптом его отчаяния и растерянности). Меня сильно взволновало это, но взять на себя заведомый грех неделания я не решился. Отвечаю сегодня так, что я не бойкотирую собор принципиально из-за того, что он принадлежит церкви «Петровой», а не «Иоанновой», участие же или неучастие в этом лже-соборе есть вопрос тактики, который сейчас я решить не могу, а решу лишь в последнюю минуту.

Для того, чтобы хлопотать, если находит нужным, Тернавцеву достаточно, по-моему, и этого ответа, да едва ли это не фантазия всё³.

Читали ли Вы истерический выпад Михаила в «Товарище» об его принадлежности к народно-социалистической партии?⁴ Окончательно растрепался монашёнко⁵, да, вероятно, не долго и удержится на нём монашеский клубок. Но что же будут делать с ним власти? Во всяком случае положение любопытное.

С моими выборами вопрос открытый, конечно, хотя моё настроение остаётся прежнее и я предполагаю активно участвовать. <...>

¹ На закрытом заседании МРФО 26 ноября 1906 г. П. Серебровский сделал доклад «Христианство и социализм».

² Итогом стал выход Карташёва из редакции (Век. 1906. № 6. С. 76).

³ «Верховный покровитель» Православной Российской Церкви Николай II трижды высказывался о несвоевременности созыва Поместного Собора: 31 марта 1905 г., приняв формулировку К. П. Победоносцева; 25 апреля 1907 г., по наущению П. А. Столыпина; 2 марта 1912 г., согласуясь с мнением Г. Е. Распутина. Ср.: Мф. 26, 34. Эпохальное событие в жизни Церкви произошло только после его отречения от престола; Булгаков был избран от Таврической епархии членом Поместного Собора 1917–1918 гг. и вошёл в Высший Церковный Совет.

⁴ *Михаил* (Семёнов; 1874–1916), еп. — богослов, публицист, прозаик. Окончил СПДА (1903), архимандрит, профессор канонического права, участник Религиозно-философских собраний (1901–1903), группы «32-х» священников, БРЦО, МРФО и ПРФО, автор книги «Как я стал народным социалистом (М., 1907). 29 ноября 1906 г. уволен из СПДА и отправлен в Задонский монастырь, в 1907 г. присоединился к Ста-

рообрядческой церкви белокриницкого согласия, с 1909 г. епископ Канадский. Один из организаторов движения голгофских христиан.

⁵ В те же дни Булгаков писал: «В его статьях и брошюрах чувствуется подлинная религиозность, палящее дыхание религиозной муки, напряжённость постоянных религиозных исканий, тревога мятущейся мысли. Его душе близки социальные нужды нашего времени, и ему свойственно понимание социальных задач христианства, сложных и трудных задач, так называемого христианского социализма. Его ухо слышит те стоны нужды и горя, к которым так глухи чиновники в митрах и клобуках» (Товарищ. 1906. 6 декабря). Ср.: «Неужели не шалун С. Булгаков... Хороший, умный, учёный, только... шалун!» (С-III. 24–25).

272. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<31.11.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Есть возможность пригласить прочесть в одном из заседаний Общ<е>ства Мар. Здзеховского, профессора Краковского унив<ерсите>та, об отношении католичества к православию. Но Булгаков считает необходимым для этого обставить прилично прения, т. е. чтоб в заседании этом присутствовали лица, могущие быть достаточными оппонентами краковского профессора. Но для этого необходимо, чтоб была «представлена академия», т. е. были бы Вы, проф<ессора> Тареев, Тихомиров¹ и, может быть, другие. Так вот спросите себя и названных профессоров — могут ли присутствовать на реферате Здзеховского, который предполагается так 17–21 дек<абря>². Пожалуйста, напишите ответ скорее, ибо от вашего ответа и будет зависеть предлагать Здзеховскому окончательно или нет.

Прощайте. Привет вашим близким. Христос с Вами!

Любящий Вас В. Э.

¹ Тихомиров Павел Васильевич (1868—1937) — богослов, философ. Окончил МДА (1893), доцент и экстраординарный профессор по кафедре философии МДА (1898—1906).

² Реферат не состоялся.

273. МРФО — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<02.12.1906. Москва — Сергиевский Посад>

В понедельник 4-го декабря состоится публичное заседание в помещении Техн<ического> общ<е>ства (Рождественка, д. Хлудова, кв. 60).

В. П. Свенцицкий прочтёт реферат на тему: «Ценность человеческой жизни в связи с идеей бессмертия»¹.

Начало в 7½ час<ов> веч<ера>.

¹ На других выступлениях и в печати доклад назывался «Террор и бессмертие» (Вопросы религии. 1908. Вып. 2. С. 3–29; *С-П.* 246–267).

274. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<03.12.1906. Москва — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Снова придётся Вас разочаровать. Сегодня узнал, что Столыпин телеграммой запретил сдавать Сибирскую дорогу Ефимову, и дело наше окончательно провалилось. Ужасно больно сообщать Вам об этом, потому что для Вас это новое разочарование и последняя надежда зацепиться за Москву. Да кроме того, Вы уже, я вижу, известным образом настроились, отбились от работы о Достоевском, начали писать, обдумывать... Нет над нашими начинаниями благословения Божия. У меня самого очень смешанное чувство и вместе с горечью есть некоторое облегчение. Во-первых, я не был увлечён, а трения давали себя чувствовать; во-вторых, я слишком устал и раздёрган, и хочется думать и писать что-нибудь более серьёзное, после голодухи, во время лекций. <...>

Завтра реферат «Террор и бессмертие» Валентина Павловича. Я не спокоен, как пройдёт всё, хотя вообще надеюсь на лучшее. Его речь сильна, я люблю его слушать и люблю его говорящим (хотя и не всегда). Но вообще мы видимся не по делам редко (вследствие занятости), и я не чувствую, чтобы наше сближение шло в ногу с географической близостью, но зато нет никакого отдаления. Незаметно срастаемся. Конечно, страшно не хватает Вас, я часто теоретически это соображаю, как много бы это давало. <...>

Обнимаю Вас. Ваш С. Б.

275. К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву

<04.12.1906. С.-Петербург — Киев>

<...> Наш «Союз» чуть не испарился¹. Избраны новые члены Совета, новый секретарь. Я не был на собрании, думая окончательно отойти. И вдруг! всё дело переложено на нашу «троицу» — Егорова, Чельцова и Аггеева. С ними Аскольдов, <Н. П.> Аксаков и др. Секретарём согласился быть Егоров. О моём отказе не может быть речи: только в предположении моего согласия Е<горов> и Ч<ельцов> согласились войти в Совет. Было экстренное заседание. Первое дело нашего Совета — оставить в Петербурге о. Михаила <Семёнова>, ссылаемого в захолустный монастырь за открытое заявление о принадлежности к «народно-социалистической партии». <...> Наше требование: Вы можете его лишить службы в академии, но никакого, даже формального, не имеете права

ссылать. Я уже обеспечил ему место на наших курсах (Цер<ковное> пр<аво>), о чём была речь по моему предложению на факультетском заседании.

По первому заседанию видно: у нас будет принцип разделения труда. На меня возложена обязанность — организовать лекции, доклады. <...> Свенцицкий просит организовать для него лекции с обменом мнений на курсах или в др<угом> высшем уч<ебном> заведении. Я предложил в П<оли>техн<ическом> и<нституте>. Там принята мысль с радостью. Луначарский организует оппозицию. Я — ассистент Свенцицкого. Тема о бессмертии... Вот я и думаю всё это делать от имени Союза. <...>

Москвичи издают еженедельник «Социализм и христианство». Но, конечно, опять заминка. Первый № должен был бы выйти 3 декабря.

¹ *Союз церковного обновления* (Братство ревнителей церковного обновления) — объединение православных священников и мирян, выросшее из «группы 32-х» и также ратовавшее за восстановление канонического церковного устройства.

276. В. Ф. Эрн — А. Я. Архиппову

<Декабрь 1906. Москва — С.-Петербург>

<...> Наши дела идут хорошо, открыли Общество... Общество пользуется громадным успехом. Его посещают одновременно: сенаторы, толстовцы, священники, курсистки, студенты, рабочие и представители крайних партий. Прения носят исключительно интересный и напряжённый характер. Этим детищем своим мы гордимся. Нечто необычайное происходит на заседаниях.

<...> Заседания становятся всё многолюднее. На последнем было около 600 человек. <...>

277. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<09.12.1906. Москва — Сергиевский Посад>

Павлуша, пожалуйста, извести кого можешь и прими сам к сведению, что реферат Бердяева (11-го декабря) запрещён.

Тарееву мы пишем отдельно. Саша Е. <печать МРФО>

278. А. В. Ельчанинов — Следователю

<12.12.1906. Москва>

По предъявленным статьям виновным себя не признаю. <...> Революционно и Евангелие, призывающее людей к новой жизни, к преобразованию всего мира в Царство Небесное. <...> В статье «Со святыми упокой!» не говорится

о том, что мы призываем бороться средствами насилия и убийства, но ясно говорится, что убийство — грех. Революцию же мы понимаем исключительно духовно, как считаем величайшей революцией христианство. <...> Идея статьи «Что можно и что нельзя» состоит в том, что Христово учение ещё не принято современной культурой, настолько не принято, что за его точное исполнение грозят определёнными карами. <...> Говоря об отступлении Церкви от христианского учения, автор имеет в виду не только Россию, но и все страны¹.

¹ Ср.: «Христианская проповедь разрушила всё, что сковывало жизнь... Мы веруем во Христа и исповедуем учение Его. И мы всех, в ком не заглохла эта вера, зовём на славную борьбу за Его свободу... Евангелие — это сплошное пламенное обличение всех наших высших и низших властей, всех собственников, фабрикантов, помещиков, купцов, всех угнетателей и поработителей народа... Бог сказал „не убий“ — и мы веруем, что всякое убийство грех» (С-II. 277, 281, 284).

279. П. А. ИВАШЁВА — СЛЕДОВАТЕЛЮ

<12.12.1906. Москва>

<...> Не признаю себя виновной. <...> Мы имеем в виду евангельскую точку зрения в её применении к практической жизни и не понимаем, почему за приведение слов Христа газета была конфискована. Ведь Евангелие же и имеет в виду именно действительную жизнь, т. е. применение в этой жизни своих заветов, о чём только мы и говорили в нашей газете. <...> Убийство признаётся нами нехристианским деянием <...> Только напоминание о завете Христа — завете христианской любви друг к другу людей — имелось в виду при издании газеты, и только слова Христа «Не убий», завещавшего людям жалеть друг друга, лежат в основе этой статьи. <...> Христова свобода — свобода от греха.

280. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<14.12.1906. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя!

Никол. Феод. Каптерев и Мих. Мих. Тареев согласны читать в Нар<одном> унив<ерситете>. О последн<ем> Вам известно, а о первом можно сказать след<ующее>: он хочет читать о судьбах правосл<авия> и старообрядчества в XV–XVII веках, разбивая и то, и другое. Но обоим, т. е. Каптереву и Тарееву, необходимо скорее знать вообще об университете и т. д. и о том, что, как тут читать им. Для этого необходимо собраться переговорить. Они просят

по возможности скорее. Напишите, когда и где собраться. Хорошо было бы собраться до заседания. Каптерев и Тареев хотят побывать на одном из ближайших заседаний. Может быть, и я приеду после 15-16-го.

Напишите скорее. Сейчас же занят.

П. Флоренский.

Р. С. Тареев давно уже внёс в общество 3 р., но я всё не соберусь переслать Вам.

281. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<14.12.1906. Москва — Симбирск>

Милый Александр Сергеевич!

Я получил Ваше последнее письмо, тяжёлое оно, больно с Вами душой и люблю Вас, но поделаться ничего не могу. Журнал, как Вы уже теперь знаете, окончательно лопнул. Сейчас я лично этим положительно доволен. Во мне совершенно определилось, что если что и будет, то не сейчас и не скоро. К «агитации» церковной сейчас не чувствую влечения, а, в меру нужды, могу удовлетворить её в «светских» газетах, а что до внутреннего, то хочется именно подумать, заглянуть в себя (благо лекции остановились) и не дрожать в журнальной горячке. Кроме того, надвигается Дума, в которую попасть я имею шансы (хотя и почти не верю в её результаты). <...>

Соловьёвское общество постигла первая неудача. По поводу доклада Валентина Павловича возникло целое дело. Был сделан кем-то донос, что он проповедовал террор (в действительности он, конечно, его отрицал, но так, что имеют основания доносчики, и не только внешние; Вы это, впрочем, сами знаете). Уличный «Век» (здешний) пустил слух, что Валентин Павлович арестован, и это пошло гулять по всем газетам¹. Меня вызывал для объяснения градоначальник и спрашивал, верно ли это обвинение и как ему относиться к Обществу. Я представил положение дела. Он был вполне вежлив. Предстоит ещё объяснение Валентину Павловичу, которому, по словам градоначальника, предстоит «наказание» (как и полицейскому, за то, что находился во время чтения в соседней комнате). Из-за этого реферат Бердяева запрещён. Я, однако, надеюсь, что сейчас это уладится и нам разрешат следующее заседание², но не думаю уже, чтобы Общество было долговечным, на что, впрочем, нельзя было и рассчитывать.

Я, однако, *ожидал всё время* от этого реферата Валентина Павловича таких осложнений и внутренне (боюсь, что м<ожет> б<ыть> и из малодушия, но во всяком случае не из-за него одного) ему противился, но наружно этого не выражал, ибо не имел оснований, да это было бы и бесполезно. Надо, впрочем, сказать, что для своей темы реферат был ещё цензурен, прения — менее. Однако, м<ожет> б<ыть>, эта история послужит и обществу на пользу в общественном мнении.

Читали ли Вы безвкусную и недобрую выходку Д. Вл. <Философова>, в которой совершенно определённо слышатся супруги Мережковские, против «Века» и «институток»?³ Мне было больно читать, и эта отчуждённость опять почувствовалась. Статейка произвела своё впечатление на заинтересованных лиц. Даже Аггеев, который вообще, как сам пишет, «теряет почву», взволновался. Я дал-таки после второго письма Никольского совершенно никчёмную и пустую статейку в «Век», навеянную именно статьёй Дмитрия Владимировича (хотя в ней и нет прямой полемики)⁴. Подписка идёт хорошо, по словам Аггеева, более 1500 подписчиков. Нет, этот орган может пойти, он погибнет от недостатка сотрудников, а не подписчиков!

Относительно Тернавцева и Собора Вы правы, да ведь я и не дал согласия, оставив решение за собой, я ответил только, что принципиально согласен и оставляю руки Тернавцеву свободными.

Что Вам сказать насчёт Думы? Остаётся в хладном сне и бессилии. Я испытываю сейчас только потребность самоуглубления. Внешние мелочи и суета, даже «кадетские» комиссии меня не тяготят, даже, очевидно, нужны для какой-то стихии, как и Дума нужна, и пусть! Вообще же я всё больше проникаюсь настроением, что мы стоим ещё накануне таких великих событий, перед которыми и Государственная дума, и наши практические замыслы — сущие пустяки. И всё больше начинает казаться, что хотя религиозно и неправ Мережковский, но он может оказаться исторически прав, т. е. что вся историческая черносотенная церковь пойдёт на слом, история заставит забыть о ней раньше, чем станет ощутительно явление Церкви. Не знаю почему, поэтому или по другому, но мне легче сейчас в светской среде, своего рода настроение Антона Владимировича <Карташёва>. Впрочем, это случайно и временно. Я принимаю Ваше предложение о Лашнюкове, но он сейчас, по словам Зеньковского, скрывается⁵, и я ему не посылаю сейчас. Вот что, Александр Сергеевич, не испытываете ли Вы сейчас какого-либо острого кризиса? Имейте в виду, что у меня Вы можете перехватить сколько Вам нужно, безо всякого ущерба для меня.

Ну, Христос с Вами!

¹ Век (газета). 1906. № 66. 9 декабря. С. 4 (перепечатано: Книга. 1906. № 7. С. 22). Опровержение последовало на следующий день: «Вал. Свенцицкий просит нас сообщить, что... заметка о его аресте и об обыске у него лишена основания, равно как и сведения о переписке его с Гапоном и Толстым. В редакцию эти сведения были доставлены якобы от религиозно-философского общества. Кому понадобилась такая грубая мистификация?».

² Следующее публичное заседание МРФО с докладом Бердяева (Вопросы философии и психологии. 1907. Т. 86. С. 1—36) состоялось 31 января 1907 г.

³ *Философов Д.* Бунтующие институтки // Товарищ. 1906. 8 декабря; *Его же.* О «Братстве церковного обновления» // Товарищ. 1906. 9 декабря. Автор приглашал «обновленцев» присоединиться к нехристианскому освободительному движению.

⁴ *Булгаков С.* Временное и вечное // Век. 1906. № 7.

⁵ К тому времени Лашнюков уже 2 месяца должен был пребывать в тюрьме.

282. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<14.12.1906. С.-Петербург — Киев>

Пишу тебе, дорогой Пётр Павлович, экстренное письмо. Я окончательно вошёл в состав редакционного комитета «Века». Еженедельно в среду от 9 ч <асов> в <ечера> <до> 3 ч <асов> ночи — вчетвером составляем уже № 6 наш. С него судите всё об издании. В № 6 — и моя статья, не совсем удавшаяся¹. Зато в № 7 будут 2 статьи: 1. «Подлинно русским людям». 2. «Доколе, Господи!» (по поводу ареста Свенцицкого и изгнания о. Михаила) — что называется, «вырвались»². <...>

Подписка при нашем ожидании 500 чел<овек> уже приближается к 2000 лиц. Аудитория благодарная — священники, персонал уч<ебных> заведений. И представь: одобрительными письмами закидывают нас. «Только боимся, как бы не закрыли...» <...>

Никольский — незаменимый техник, он бывший секретарь «Слова»³ — часто на одних своих плечах выносивший номера. Скромный в своих требованиях донельзя. Уже разрабатывает проект кооперативного владения «Веком». <...>

¹ *Аггеев К.* То же фарисейство // Век. 1906. № 6. 17 декабря. С. 66–68.

² *Аггеев К.* Доколе... // Век. 1906. № 7. 24 декабря. С. 84–85.

³ «Слово» — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, издававшаяся в С.-Петербурге в 1903–1909 гг.

283. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<25.12.1906. С.-Петербург — Киев>

<...> Было два редакционных собрания при моём участии, и на душе какой-то прогрессирующий осадок. Чехов писал как-то Дягилеву, что руководителем журнала должно быть одно лицо¹, — и слова его глубоко справедливы. В нашем «Веке» два течения: одно — дать «ходкий товар», рассчитанный на большинство публики. Хлёсткость на манер борзописцев «Речи» и ей под<обных>, часто непроверенные (заведомо) сенсационные сообщения, «побольше жизненного (в специальном смысле) материала», поменьше тяжеловесности — таковы стремления первой партии, представителем которой является сам редактор Никольский. Вторая партия тоскует о *принципах*. На стороне первых <нрзб.> успех: письма из провинций благодарят за ту сторону «Века», которая порою вызывала у нас смущение. Повторяется вечная история <...>

Причина «неудачности» (приметьте: подписчики не нахвалятся) «Века», конечно, глубже. <...> Да, вероятно, нам нечего сказать. И в некоторой доле виною тому наше, по крайней мере, моё, затруднительное положение на

«хребте» вроде партии «Мирного обновления», членом коей сделался я. С т. н. Пр<авославной> Ц<ерковью> мало, чтобы не сказать более, связей у меня, хотя по-Соловьёвски я убеждённый — не боюсь произнести это слово — христианин. Но ведь Соловьёв и Пр<авославная> Ц<ерковь> — целая бездна! Я задался целью обострить вопрос: в следующем № будет помещена моя «Реформа и реформация»² по поводу статьи Карташёва в «Стране» «Безжизненность Церкви». Статейка-вопрос не теряет своего резона после заметки А. В. <Карташёва> в вышедшем № «Века»³. Хочется с какою-то болью уяснить самому себе пока не совсем ясное положение. По какой стороне «водораздела» окажусь после этой полемики — не знаю. <...>

Вышедший вчера номер «Века» усилил моё неприятное настроение. Вот, на нём нисколько не сказался праздник Рождества Христова: точно он в нас не зашевелил ни одной струны. А кто виноват? Просили написать меня. Но всё, что бы я мог написать, было бы не речью о мире, а — в моём теперешнем настроении — о самой ожесточенной борьбе, на которую сам при детях не решился бы пойти. Развести же «мармелад» (слова Философова) сумел кое-как и Никольский («Звезды горят»), который может писать подобные вещи хотя бы на каждый день, не говоря уже о неделе. Моя статейка «Доколе», исковерканная нами, и насколько ею был я доволен прежде, настолько же теперь как-то стыдно за неё. Дело в том, что Свенцицкий не арестован, и я хотел снять набранную «Доколе», но все настояли поместить её в неизменном виде. И вышло Бог знает что. Моя статья «туманна». Ну, а Карташёв «К полемике»? <...> Здесь — принцип, мука душевная. Опять — тяжело и грустно!

А подписчики плывут: кажется, за 2500 перевалило! <...>

15-го еду в Москву в Солов<ьёвское> общество — доклад о Петербургском ф<илософском> обществе (4 лекции на тему «Евангелие для современной нравственности»). Отказываться не могу.

<...> За это время мы особенно сблизились с И. В. Поповым. Долго с ним как-то беседовали на кладбище Ал<ександро>-Невской лавры. Известный довод в пользу вечности мучений нами признан нелепым: путь в Царство настолько тесен во всех отношениях, что вечность мучений совершенно не может быть принята. <...>

¹ «Как картину пишет только один художник и речь говорит только один оратор, так и журнал редактируется только одним человеком» (*Чехов А.* Полное собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 11. Письма, июль — декабрь 1903. М., 1982. С. 234).

² *Аггеев К.* Реформа или реформация? // Век. 1907. № 1. С. 1–2.

³ *Карташёв А.* Безжизненность Церкви // Страна. 1906. 19 декабря; *Его же.* К полемике с Д. В. Философовым // Век. 1906. № 7. С. 85–86.

284. С. А. АЛЕКСЕЕВ — А. С. ГЛИНКЕ

<27.12.1906. С.-Петербург — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Я как раз собирался Вам написать, как получил Ваше письмо. Последнее время я Вас часто вспоминал, между прочим, читая Вашу статью в «Вопросах религии»¹, которую, как и весь сборник, прочёл с большим интересом. Сегодня же посылаю о нём рецензию в «Книгу»². Я, подобно Вам, живу довольно одиноко и редко кого вижу, в последнее время довольно часто выдаюсь со священниками-обновленцами, отчасти по делам братства <БРЦО>, отчасти в философском обществе, куда они вошли в большом числе. Там интересные заседания на тему о значении Евангелия для современности.

Изредка выдаюсь с Чулковым. Его мистический анархизм с идейной стороны меня мало трогает, да и к тому же это довольно безобидная штука, сам же он бывает иногда приятен своей духовной взъерошенностью, особенно после того, как я себе набью оскомину на каких-нибудь позитивистах. Впрочем, он для меня, как человек, во многом неясен. Гораздо больше меня возмущают и идеологические, и личные проявления неохристианства мережковского толка (скажу между прочим, что Вас я к ним не причисляю, хотя Вы и близки Мережковскому и, несомненно, испытали его влияние). Я глубоко возмущён фарисейской, наглой и по существу пустой статьёй Философова в «Товарище» об обновленцах. И какое право имеет этот лакированный барин третировать свысока этих, быть может, незаметных и не сильных духом людей, но во всяком случае честных. Чем он-то их превзошёл, скажите, пожалуйста. Грустно мне было читать в «Веке» и защиту Философова Карташёвым, которого я из ближайших мережковцев наиболее уважаю. Неужели этот умный и чуткий человек не понимает, что статья Философова неоправдываема никакими литературными условиями, что она внутренне пуста и только ловко пересыпана словами, взятыми на прокат у Мережковского. Жалею, что не имею времени ввязаться в этот спор. Вообще у меня есть зуб против духа мережковского неохристианства; быть может, мне удастся его литературно обнаружить. Мне очень важно знать, не собираетесь ли Вы в скором времени приехать в П<етербур>г?

Поклон от меня Елизавете Михайловне и всем Вашим.

Ваш С. Алексеев.

¹ *Волжский А.* Проблема зла у Вл. Соловьёва // Вопросы религии. Вып. 1. М., 1906. С. 221–297.

² «Не с ораторским пафосом и лирическими излияниями приходится здесь считаться нашим фарисеям и книжникам во христианстве, но с неотразимой аргументацией, основанной на первоисточниках христианства, отрицать которых они не осмеливаются. Впрочем, не для оживления этих мертвецов предназначен сборник, но для прозревающих и оживающих к новой религиозной жизни. Вопросы христианской общественности, поставленные в сборнике, имеют, однако, не один религиозный интерес. И людям безрелигиозным нельзя не считаться с общественными

идеалами обновляющегося христианства и не проверить через них своё отношение ко Христу. Прошла пора, когда можно было отмахиваться от христианства, как от религии попустительства всякого насилия и порабощения. Идеиное отделение христиан Христа от христианства синодального теперь уже произошло... Та связь дела Христа со всею человеческою культурой, которая так ясно обнаружена именно в настоящем сборнике, не должна ли заставить всех работников этой культуры лишний раз задуматься над основаниями теоретического отрицания христианства?» (Книга. 1907. № 11. 18 января. С. 15–16).

285. К. М. АГГЕЕВ — П. П. КУДРЯВЦЕВУ

<Конец декабря 1906. С.-Петербург — Киев>

<...> Свенцицкий — человек страдательно переживающий собственную вину и полный религиозной любви к людям. Я жалею, что внешняя форма его статей недостаточно обнаруживает эту его сторону. Свенцицкий — всецело отдал себя до полного самоотречения на проповедь о христианском Боге. Нужно видеть, как заживо горит этот человек.

Любящий священник К. Аггеев.

286. В. П. СВЕНЦИЦКИЙ — В. П. СВЕНЦИЦКОМУ

<Декабрь 1906>

Я знаю, ты будешь читать моё письмо в полном одиночестве, тебе некуда будет укрыться, не за кого спрятаться. Тебе будет совестно смотреть мне прямо в глаза, в суровые и острые, которых ты так боишься.

И не думай просить о снисхождении, лепетать что-нибудь о том, что все грешны, о том, что ты ещё молод и когда-то — там, в будущем — достигнешь чего-то прекрасного. Уйди прочь от меня с своим дряблым, трусливым, лживым, фарисейским лепетом.

Я знаю тебя, ты прекрасно умеешь говорить, интонация твоя так искренна, так подкупает. Но я-то, о, я слишком хорошо знаю тебя, и я призван безжалостно вонзить нож в твою страшными язвами покрытую душу, душу жалкого раба, прикрытую золотою парчою, потихоньку украденною у Господина.

Я знаю всё наперёд, что ты скажешь мне в своё оправдание. Молчи лучше, не открывай своих лживых губ, я всё скажу за тебя. Подкарауливая меня ночью, когда, ты знаешь, я становлюсь добрей, сколько раз уже испуганно заглядывая в мои глаза, ты говорил мне, как трудно жить, как ты одинок, как тебя «не понимают», а потому и грех твой уж не так непростителен, уже не так беспросветен.

Унижаясь, подлизываясь, как щенок, ты хотел вымолить у меня подачки своей безумной, похотливой, развращённой, самодовольной душе.

Ну, что же ещё хочешь ты прибавить к этому?

Воспитание! Изнеженность, барство, разврат старших, которые ты видел, как только помнишь себя, впечатлительность природы, яркость воображения?

Довольно. Слушай и знай: нет тебе спасенья в жалких бутафорских укреплениях, куда ты хочешь забиться от гнева Господня. Ты должен со смирением принять то, что я буду говорить тебе; покаяться искренно, не на один час, и начать новую жизнь.

Ты думаешь, можно проплакать ночь у подножья креста Господня, а потом залезть по горло в грязь и воображать, что ты двигаешься к какому-то совершенству!

Так слушай же.

Ты говоришь и пишешь о реформе Церкви; в тебе вызывает пламенный гнев то, во что превращена христианская жизнь. Ты прав, никто не в силах здесь спорить с тобою: не оставлено камня на камне от древних катакомб, от древних братских молитв, от древней любви, от древней святой, радостной, блаженной жизни христианских общин.

Но постой, а ты? Что сделал ты, чтобы вернуть эту любовь, эту радость? Как смеешь ты произносить имя Христово?

Я знаю, ты будешь говорить, что никогда не произносишь имени Его без благоговения, что в минуты упадка никогда не осмеливаешься говорить о Нём. Минуты упадка! Часы, месяцы, годы, а не минуты. Да знаешь ли ты, что слово твоё бессильно даже тогда, когда ты весь горишь любовью ко Христу, бессильно твоим прошлым и позорным будущим, которое, ты прекрасно знаешь, будет позорным. Ведь никогда, даже в минуты наивысшего подъёма своего, ты не веришь, что не упадёшь снова в грязь.

Ты загнипнотизировал себя и близких тебе крайностями своей природы. Словно так и быть должно, что ты или горишь огнём Божиим, или распляешься огнём сатаны. Ты приучил себя к мысли, что иначе не может быть, и без ужаса думаешь о том, что и в будущем ждёт тебя такая же жизнь безумных колебаний.

О, да и как не привыкнуть! У тебя такая роскошная память. Ты помнишь, как, будучи ребёнком семи-восьми лет, ты потихоньку от всех мучил животных, упивался преступным чувством власти над беззащитным бессловесным созданием и мечтал тогда, что всё лежит у твоих ног, весь мир пропал из глаз твоих, одно лишь несчастное животное было перед твоим жадным взором, и, кощунствуя, с диким хохотом ты, маленькое чудовище, как взрослый Антихрист, говорил, обращаясь к Богу: я выше Тебя, выше! хочу — всё растопчу!

А потом, так же потихоньку от всех, с жгучим чувством стыда и страха бежал в тёмную, холодную церковь и там рыдал до потери сознания.

И так всегда, и так во всё.

Скажи по совести, как перед Богом, есть ли на свете человек развратнее тебя, кто бы так упоительно, так неистово предавался своей похоти?

Нет, постой, я должен тебе сказать всё это. Это моё право, моя обязанность. Чтобы ты не смел с какою-то гнусною гордостью говорить, что ты прошёл путь «от публичного дома до Голгофы». Ты должен перестать наслаждаться своею сложностью, воображать, что твоя гнусность даёт диплом на звание великого человека, и, вместо искреннего, глубокого и окончательного покаяния, чтобы ты не купался в своём собственном самолюбии¹.

Да, это правда, ты превзошёл многих в своём грехе, ибо оргии твои всегда были с участием демонов. Ты шёл на разврат, как на бой с Господом своим, и ярость и бешенство твоё не знали пределов.

Я знаю, что ты потом, как потерянный, брал посох и, не находя *себе* места, начинал ходить по монастырям, ты до крови простаивал свои колени, ты морил себя голодом, ты бил и терзал плоть свою, мстя ей за поругание святыхни. Но пора наконец понять тебе, что не оправдание можешь найти ты в этих изломах, а лишь высшее осуждение.

Только тогда прошлое не будет накладывать на жизнь твою своей мёртвой руки, когда ты сможешь, прямо смотря в глаза Христа, сказать, что этому прошлому не повториться никогда.

Но ведь бывали же такие пламенные, такие восторженные вспышки религиозного чувства, скажешь ты: я так близко ощущал Христа моего, Он так звал меня, я так любил Его.

Скажу: тем хуже, тем ужаснее, тем позорнее грех твой. Многие, бесконечно достойнейшие тебя, уже давно стали бы святыми, если бы они хоть раз так близко были к Нему; а ты искушаешь долготерпение Господа, ты не идёшь, когда зовут, ты падаешь, когда тебя держат.

Слушай, ты должен немедленно, теперь же, начать новую жизнь, гибель ожидает тебя, бич Господень уже занесён над тобою, и только по бесконечному милосердию Своему Господь ещё не призывает тебя к окончательному суду. Начни новую жизнь, святую, радостную жизнь во Христе: в ней, и только в ней одной, великий, непреходящий смысл.

Помни: дьявол отец лжи². Ложь — это мнимая сила в тебе, это стальная воля, обман наслаждения плоти, обман — вся сладость греха. Мишура, фальшивый блеск — вся эта гордость людская, вся трескотня мира. Шумиха, пыль, прах! Нет большего геройства, как смирение, большей силы воли, как отречение от воли своей, большей властности, как отказ от всякой властности, нет большего счастья, большей победы, большего величия, как всего себя отдать высшей Воле. Пусть враги Его, жалкие, ничтожные рабы смерти, в безумии своём провозгласившие себя героями, принимают игрушечное величие за подлинное геройство. Ты должен знать ему цену. Сердце их ударит в последний раз, и герой превратится в труп, царь — в кусок земли, жалкий раб — в жалкое ничтожество. Не может клеточка отрываться от организма — разложение и смерть поразят её.

Как мал, как смешон этот крикливый герой, принимающий безумие своё за силу, по сравнению с великими подвижниками, которые, как уходящие вдаль великаны, безмолвно и торжественно стоят на всём пути мировой истории.

Нет, не издёрганный, в шутовской наряд героя одевшийся безумец должен стоять перед твоим умственным взором! Дьявол — отец лжи: он подводит к пропасти, расстилает миражи и толкает вперёд! Остановись, шаг твой — погибель твоя, обман, безжизненный обман расстилается перед тобою.

Посмотри в глубь веков, каким ореолом красоты, силы, величия блистают венцы мучеников, смиренных, всё прощавших старцев, героев юношей и девушек, бестрепетно шедших на костры, молившихся за своих истязателей. Проклятье — подделка под силу, ибо смерть не побеждается проклятием; сильнее смерти — только любовь.

Тихий голос великих печальников гремел на весь мир; благодатная радость осушала моря человеческих слёз; и до сих пор мы, слабые и большие духом, живём их крепостью, согреваемся их светом. О, они не кричали о себе на всех перекрёстках: мы всё можем! Самого Господа вызываем на бой! Но подлинно всё могли; и если вызывали на бой Господа, то боролись с Ним в глубоком безмолвном уединении. Это бывала святая борьба, Господь приходил и святою десницею Своею участвовал в ней.

А к этим шутам Господь не удостоивает прийти, одни демоны окружают их и создают обман, мнимую борьбу с Господом, мнимую победу мнимой силы.

Разорви же вокруг себя железный круг обольщений и прорвись туда — в святую, таинственную, исполненную силою духа жизнь.

Я знаю, последнее время ты начал задыхаться в этой атмосфере лжи, полуправды, подделок, мишурного геройства. Крепкие цепи держат тебя, но уж что-то рвётся к новой земле и новым небесам. Не заглушай святых призывов в душе своей, не обрезай крыльев, которые готовы поднять тебя. Не искушайся соблазном силы своей, не искушайся своим убогим величием, которое для тебя кажется так несомненно в уединении твоём. Ты ещё ни шагу не сделал вперёд, но всю жизнь свою шёл назад. Брось, сложи все доспехи шута, которые люди провозглашают драгоценностями, и надень новое, роскошное убранство, роскошь которого видят немногие, которое рубище для большинства.

Я знаю, последние дни ты чутко прислушиваешься к моему суровому голосу, и сейчас готов с уст твоих сорваться вопрос: что же делать?

У каждого свой путь к единой вечной правде. Твой путь один. Не пугайся его, не отворачивайся от него, любовь, безмерная любовь к тебе заставляет меня сказать тебе это прямо: иди в пустыню! Да-да, иди скорее прочь от мира, в котором ты погибнешь сам и будешь соблазном для многих.

Послушай, я знаю, ты будешь говорить эти фарисейские слова о любви к ближним, о служении людям, о грехе одиночества. Это сеть фарисейских слов, орудие пытки и гибели в руках сатаны.

Тебя кто-то держит здесь во имя любви к людям, а любовь не даётся тебе только потому, что ты не уходишь!

Иди в пустыню, брось всё. За мёртвыми словами «служить ближнему» прячутся чудовища, которые на самом деле и держат тебя. Тебе жаль бросить мир, который ты любишь, как можно любить только сладкую грёзу, ты любишь борьбу, сознание силы, победу, у тебя есть земные привязанности, жгучие, страстные до муки!

Уж сколько раз разбивался ты о какую-то дьявольскую твердыню в душе своей, падал и снова шёл, покуда не разбивался снова. Твердыню эту разрушит только отшельник! Тебе нет другого пути, кроме самоотречения, созерцания, безмолвия, одиночества. В безмолвной пустыне, брошенный всеми и всех бросивший, прислушиваясь к каждому звуку в душе своей, мыслью, чувством, волею своею восходя к Единому Отцу своему, ты пронижешь светом всё тёмное до основания. И тогда загорись и не потухнешь никогда; загорись светом всепрощенья и любви, и оттуда, из одиночества своего, придёшь и отдашь всё, что имеешь, своим страдающим, погибающим братьям.

Не слушай голосов, когда они, лстя, говорят, что такие люди, как ты, нужны в миру, что грешно теперь оставлять жизнь, что духовное сибаритство толкает тебя к созерцанию и подвигу.

Да, люди нужны, да, мир бросать грешно. Но люди нужны не такие, как ты, а такие, каким ты *здесь* стать не можешь.

Не ради своей победы, не ради своей гордости и своих духовных наслаждений уходи прочь из мира. Уходи в одиночество не ради одиночества, а ради борьбы с одиночеством, разрозненностью и разложением в мире.

Уходи, чтобы прийти. Но прийти новым человеком, сильным своим самоотречением, непобедимым своею победою над самим собою!

Иди в пустыню! — таков твой путь.

Никто, о, никто, как *я*, не знает твоих грехов, твоих душевных язв, и кому же, как не мне, сказать тебе о них. Тебе приходится слышать упрёки и обличенья, но от кого? Или от тех, кто погряз в пошлости, кто обличает твои *дьявольские* грехи, потому что сам окружён *мелкими бесами*, обличает не во имя высшей правды, а во имя *менее заметной* неправды. Или от тех, кто обличает, но не любит.

Ты должен послушать голоса моего, ибо кто же любит тебя, кто же знает тебя лучше, чем тот, кто пишет самому себе?!

¹ «В миру эта расколотовость души, создающая в человеке единоборство самых противоположных мыслей, желаний, настроений, считается почти достоинством. Это именуют „сложностью натуры“. Этим хвастаются, это выставляют напоказ. Считают неизбежным свойством „натур одарённых“. Вступающий на путь духовной жизни сразу видит, какую тяжёлую болезнь выносит он из жизни мирской — именно в виде этой восхваляемой миром „сложности“. Большая часть усилий его идёт на то, чтобы освободиться от „двоящихся мыслей“, от этой „сложности“ и стать простым, т. е.

цельным, ибо где духовность, там простота и цельность» (*Валентин Свенцицкий*, прот. Монастырь в миру. Т. 1. М., 1995. С. 69). По мнению же его идейного противника, именно люди духовные «более раздраются внутренними противоречиями и с большим трудом достигают внутренней цельности и единства с окружающим миром» (*Бердяев Н.* Философия свободного духа. М., 1994. С. 18).

² Ин. 8, 44.

287. Б. А. Грифцов — В. П. Свенцицкому

<03.01.1907. Москва>

Дорогой Валентин Павлович.

На будущей неделе придет в Москву один сектант, который хотел бы поговорить с Вами. Я его знаю очень мало, но мне о нём рассказывали как о человеке глубоко и мучительно пережившем религиозный вопрос и влиятельном в его среде. Он с Кавказа, зовут его Иосиф Николаевич Карякин. Сообщите мне, пожалуйста, в какое время дня можно будет ему повидать Вас в среду 10.1 или в четверг.

Мне кажется, что вы можете оказаться очень нужными друг для друга.

Ваш Б. Грифцов.

288. В. Ф. Эрн — А. С. Глинке

<14.01.1907. Москва — Симбирск>

<...> Валентин только что вернулся из Новосиля. А 20-го выезжаем вместе в Петербург. 22-го Валентин прочтёт в союзе «Церковное обновление» свой реферат «Террор и бессмертие»¹. <...>

Вал<ентин> Павл<ович> на Рождество был занят писанием реферата о Толстом и «Писем ко всем»². Эти «письма» даются ему страшно дорого. Он ещё перемагается. На днях кончит. <...>

¹ Доклад Свенцицкого на собрании БРЦО в Петербурге 22 января 1907 г. был назван «Ценность личности с христианской точки зрения». Апологет и миссионер Д. И. Боголюбов свидетельствовал: «Говорил докладчик не спеша, с весом — и в тоне его голоса слышалась непреклонность, даже как будто проповедническая аподиктичность» (Церковный голос. 1907. № 8. С. 228). Главным посылом было показать, что в основе любви лежит признание *факта* человеческого бессмертия.

² «Письма ко всем (Памфлет)» (С-II. 361–407) — одна из духовных вершин не только в творчестве Свенцицкого, но и всей русской литературы XX века. Автор забрал тираж из типографии 14 июля 1907 г. В тот же день МКДП наложил на брошюру арест, сделал распоряжение об изъятии её из обращения до суда и 18 июля просил возбудить судебное преследование против автора, который, по мнению цензора А. И. Генуа, «показывает себя человеком глубоко религиозным, что, однако,

придаёт особо опасное значение брошюре — автор во имя Христа проповедывает социализм... нападает на духовенство за то, что оно появляется при смертных казнях». Не согласившись с этим, прокурор МСП 17 августа предложил уголовное преследование не возбуждать и арест брошюры отменить. Хотя 3 августа московский генерал-губернатор оставил арест в силе, 4 сентября предложение было утверждено, но 15 сентября МКДП на основании п. 4 ст. 26 Положения о государственной охране постановил брошюру от ареста не освобождать (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 597. Д. 53; Ф. 31. Оп. 3. Д. 816; Ф. 131. Оп. 71. Д. 2472. РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 1448; Д. 1531. Л. 27 об.).

Критик и религиозный публицист Е. А. Матаковский так охарактеризовал книгу: «Среди всеобщего хаоса... отрадно услышать искренний, прочувствованный голос, смело и безбоязненно указывающий нам путь к добру, истине и красоте, предостерегающий нас от обвалов и засасывающих трясин позитивизма, хотя бы и покрытых наружно красивыми цветами, правдиво вскрывающий все недостатки и слабости нашей собственной природы и настойчиво зовущий к активной борьбе со злом в нас самих и в окружающей действительности. Такой искренний, полный болезненных томлений за все уродливости и аномалии нашей жизни, голос В. Свенцицкого особенно настойчиво звучит в последние годы... Чуждая претенциозности, фальшивых, неискренних нот, книга эта вносит свежую и бодрящую струю идеализма в замутившийся поток всевозможных учений, обильно расплодившихся в последнее время» (Церковно-общественная жизнь. 1907. № 40. С. 1249). В других рецензиях отмечалось: «Все шесть писем — к самому себе, духовенству, буржуазии, рабочим, будущим людям и бывшему другу — написаны на современные темы, написаны идейно, горячо, местами патетически, и каждому из адресатов указывается в них средство излечения от обдержавшей его болезни» (Церковный вестник. 1908. № 6. С. 177–178); «Автор хотел сказать об уклонении от христианства всех общественных классов, но чтобы смягчить суровость тона своей речи, он начал с обличения себя самого... от лица своей совести» (Странник. 1907. № 9. С. 312).

289. В. П. Свенцицкий — В. В. Шеру

<Январь 1907>

Могу ли я, когда пишу «ко всем», не написать тебе! Ты знаешь, что я люблю тебя, знаю это и некоторые нам обоим известные люди; но *как я люблю* и чем ты был для меня — этого не знает никто!

Я не могу не написать тебе о всех тех уединённых страданиях, которые истерзали мою душу и которые — я знаю — не заживут никогда, ибо в них слишком много моей *вины*, искупить которую задача всей моей жизни.

Но прежде чем говорить о своей *вине*, я хочу, я должен сказать тебе о своей любви и о том, почему ты стал для меня «бывшим».

Я встретился с тобой в тяжёлый, трудный момент своей религиозной жизни¹. От самого беспощадного отрицания всего и всех своим сознанием и от самого дикого самоутверждения своей волей я рвался к Спасителю, к новой жизни, к тихой радости, к самопожертвованию и всепрощению.

Христианство было для меня ещё туманной светлой полосой где-то далеко-далеко. Но я уже знал и предчувствовал, что, сколько бы ни падал в пути, приду туда, в этот дальний, свободный, радостный край. Всё было во мне неясно, туманно, юношески-наивно, я не мог выбросить из души своей всей тяжести, всего сора, — но уже бывали моменты, когда при звуке церковного колокола вдруг беспричинные слёзы восторга начинали душить меня, и я вбегал в церковь, забивался куда-нибудь в угол и целовал грязный холодный пол, чувствуя, как в сердце моём всё обновляется и оживает. За пением хора мне ясно слышались *иные* голоса, из алтаря в самую глубину души падали лучи такой радости, что я едва сдерживался, чтобы не броситься обнимать всех находящихся в церкви. Из церкви я уходил, словно узнавши какую-то тайну, такую дорогу, такую светлую, что никому об ней нельзя будет сказать никогда.

Я ещё не был верующим, но уже предчувствовал радость веры. И мне хотелось скорее, скорее приблизить время настоящей религии. Мне доставляло невероятное счастье мечтать о деятельности миссионера, говорить о своей вере, называть себя христианином, исполнять все внешние признаки христианства. Я изнурял себя постами, спал на досках, или, вернее, не спал вовсе, а, как только все засыпали, вставал на колени и простаивал ночи с надеждой и радостью, ожидая — когда Господь пошлёт мне веру.

В это время умерли два моих друга. Смерть одного из них казалась мне особенно несправедливой и *безбожной*². Помню, когда несли открытый гроб, я шёл у изголовья и мне было видно его лицо — такое знакомое, такое милое, только добрые прекрасные глаза были закрыты...

Я стал молиться, чтобы Господь воскресил его. Я требовал, я просил, умолял. Я почти не мог идти от волнения и ужаса, который охватывал меня тем больше, чем больше я просил и требовал.

Друг не воскрес.

И я там же, на могиле, решил больше никогда не произносить имени Христа³.

Но Господь спас меня. И ты был орудием этого спасенья. У гроба умершего друга началась наша дружба. Твоя святая, прекрасная душа коснулась моего надрыва, и я стал оживать. Прошло не много времени — а ты уже был мне необходим, как воздух, как свет. Только в твоём присутствии я воистину жил. В твоих глазах я видел сияние Божие, и мог молиться при тебе, и действительно тайно от тебя молился почти всегда. Часто с благоговением и радостью мне хотелось целовать твои руки, и жизнь твоя слилась для меня с моей жизнью безраздельно.

Так прошло несколько лет. В прямой зависимости от тебя, но в полной для тебя неизвестности свершался мой духовный рост. Ты был неверующим. Мы избегали говорить об этом. Это было больно и тебе, и мне. Ты черпал из меня чувства и мысли, научался любить и думать — я по-прежнему созерцал твою душу и в этом черпал новые силы для постоянного движения вперёд.

Прошло несколько лет. Эти годы были для меня целой вечностью, столько самых противоположных и взаимно исключаящих религиозных состояний мне пришлось пережить, но всегда в минуты самых тёмных периодов моей жизни ты был для меня какой-то маленькой-маленькой светлой точкой, которая совсем не исчезала из глаз никогда.

Два года назад ты заболел и был при смерти⁴. Боролась смерть не только с *твоей* жизнью, она боролась и с моей. Я внутренне решил тогда, что *без тебя жить не буду*.

Ты выздоровел — и это был последний момент нашей дружбы. Здесь, на краю могилы, твоя душа должна была сказать: да или нет. Душа твоя сказала *нет*.

Душа твоя сразу ограничилась, потемнела, погас нездешний свет в твоих глазах. Друг ушёл от меня — ты стал бывшим другом!

О, как я был одинок тогда! Какое отчаяние преступное и жестокое овладело моей душой. Мне хотелось в безумии и исступлении — смешать себя с грязью, осквернить всё самое святое в душе. Это было позорнейшее время моей жизни, о котором я не могу вспоминать без ужаса и отвращения.

Я не только отрёкся от Христа — я решил сознательно предаться во власть Антихриста. Мёртвая тень легла на мою душу, и я превратился в живой труп.

Не было у меня прежнего друга. Но прежнего друга я забыть не мог. Я любил его ещё сильнее, ещё мучительней, чем раньше. Я боялся встречи с тобой, чтобы ты не осквернил прежний образ, оставшийся в моей душе. Мне казалось, что, если увижу тебя, я уже никогда не *верну* прежнего друга. Встреча с тобой была для меня равносильна не только духовной, но и физической смерти.

О, поверь мне, что никто, никогда тебя не любил и не может любить, как я, ибо ни для кого ты не был тем, чем ты был для меня.

И даже сейчас я часто вижу тебя во сне, точно всё по-прежнему, точно по-прежнему сияют твои глаза, душа по-прежнему чиста и бьёт в ней по-прежнему ключом источник божественной жизни. Будто бы я иду, по обыкновению измученный и ослабший, а ты, как бывало, подходишь ко мне и говоришь: «Ты устал. Дай руку, пойдём вместе». — И радость и счастье охватывают меня, я не могу выдержать и плачу, плачу, покуда не проснусь, — а когда проснусь, то плачу снова мучительней, неутешней уже не от радости, но от горя.

Недавно я в сотый раз перечитывал твои письма. В них меня поразили два места, точно совсем новые, только что сейчас твоей рукой вписанные — так неожиданно открылся их новый смысл. Несколько лет назад ты писал мне: «Мне прямо жутко становится от моего неверия — ведь, в сущности, без веры никакой почвы — тогда вся нравственность никуда. Неужели же нет твёрдого здания. Ах как бы мне хотелось! Но я не падаю духом и надеюсь, да и ты поможешь мне».

А в другом месте ты говоришь: «У меня нет религиозного чувства — это со временем придёт, *да и, может быть, оно уже есть*».

В первый раз за все эти годы, перечитывая вот это письмо, которое я давно уже знал почти наизусть, я спросил себя: да почему же, почему я не помог

ему? Почему я ни разу не открыл ему своей *религиозной души*? Кто же виноват, кроме меня, в его духовной смерти? Кто? И мне сразу до самой последней черты стало ясно, что я, один только я. Я уничтожил своими собственными руками образ того, кто спас меня, кого я любил всеми силами, на какие способно моё сердце, я уничтожил своего светлого, как ангел, друга, я сделал его «бывшим».

Моя вина, вина моего религиозного уединения, стала предо мной во всём своём страшном значении.

Это открытие было новым и — верую — последним, окончательным поворотом моей жизни.

Отныне для меня становилось ясным, что за эту вину свою я должен заплатить постоянной, пламенной борьбой с религиозным уединением, черпая силы для этой борьбы в тех страданиях, которые никогда не заживут во мне, которые каждый раз даже с новой, с большей силой вспыхивают при мысли о том, что это я, я сам оттолкнул тебя, родной мой, единственный мой друг! Я жил, черпал в тебе силы познавать Бога, идти ко Христу, но я ревниво, болезненно, как вор, прятал от тебя малейшее религиозное чувство.

Я не пускал тебя в своё святое святых, я не молился при тебе, я ни разу не плакал пред тобой от счастья и радости, я ни разу не рассказал тебе того, что говорил мне мой Христос, мой Спаситель. Крадучись, пряча от тебя свою драгоценность, ночью, один, как безумный скупец, наслаждался я в своём уединении дивными, прекрасными, несказанными сокровищами, которые загорались во мне и вокруг меня!

А между тем для меня очевидно, мучительно очевидно, что, если бы ты хоть раз пережил со мной великую радость любви к Христу, если бы увидел душу мою, когда в ней загорался подлинный свет и открывалась ей вечная красота, — душа твоя коснулась бы нетленного мира и ты чистым сердцем своим не мог бы не принять моей веры.

Ты принял бы ту прекрасную, вечную жизнь, которая раскрывается в любви к Божеству, ту радость, которую даёт единение со всеми и с миром.

Для меня теперь ясно, что ты бы почувствовал всем существом своим, какая *абсолютная* правда заключена в Христе. Как преображается вся жизнь, сиротливая и ненужная, когда измученная душа узнаёт своего Отца. Как оживает всё от дивных слов «Христос воскрес!». Как рушатся цепи рабства и смерти, какой восторг и счастье — знать, верить и любить Христа!

О, если бы я мог, вместо всех наших долгих разговоров и споров, хоть раз сказать: «Верую в Господа Иисуса Христа», как говорил я это в своём уединении, в своём одиночестве. Ведь тебе не нужно доказывать, что мир существует. Ты веришь в это. Он сам говорит за себя. Но та правда, которая была в душе моей в часы молитвы, ещё очевиднее, ещё менее нуждается в доказательствах. Ты не мог бы не увидеть её. Ты не мог бы её не принять!

Моя вина и вина всех верующих во Христа — в их религиозном уединении, главный источник которого — эгоизм, самоутверждение⁵.

«Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (Мф. 18, 20).

Но кто собирается во имя Его? Кто приходит на общую молитву, забывает имя *своё*, не противопоставляет себя Ему, не остаётся со своим прежним *я*, тёмным, оторванным от единого Сущего? Никто. Ибо для этого вся жизнь должна стать иной, без рабских эгоистичных привязанностей и страстей, — только свободный, любовью Христовой проникнутый, может жить и молиться не в *своё*, а во имя Христово.

Нет общей молитвы, потому что нет подлинного единства, — а его нет потому, что единство не может быть при *самоутверждении*.

Но если мы, отгородившиеся друг от друга железными стенами, не можем собраться во имя Его, — то в часы нашего уединения у нас всё же иногда хватает силы и любви отдаться Христу, если не всей душой, то хоть малою частью её.

И Христос посещает нас, измученных уединением, не даёт задохнуться нам в нём. Он открывает нам далёкие горизонты вечности. Мы, слепые, начинаем как в тумане различать что-то, и в мёртвых душах наших пробуждается радость жизни! Неспособные к общей молитве, мы всё же способны к молитве уединённой.

Я понял это. И вместе с тем понял, что отныне моей главной задачей жизни будет победа над религиозным уединением! Я знаю всю трудность этого, знаю, с какими муками свершается работа Господня, какого подвига требует борьба с уединением.

И я иду, иду, с радостью беря на себя этот крест!

Не сразу даётся мне торжество. Я не обманываю себя. Нельзя единым актом воли выбросить, разрушить своё самоутверждение и начать жить во Христе, — но видит Бог, что все силы свои, как умею, отныне направлю на то, чтобы разорвать заколдованный круг, войти из индивидуальной религиозной жизни в жизнь общую, церковную. Я искуплю свой великий грех, мой дорогой ушедший друг, искуплю его тем, что буду всеми силами своими бороться против того, что оттолкнуло тебя от меня.

Буду, не стыдясь, заставляя себя открывать душу свою перед всеми, жить религиозной жизнью не только наедине с собой, — но всюду, публично, не ночью только, но и в собраниях, при свете электрических ламп.

Я знаю, сколько страданий, внутренних искушений ожидает меня на этом пути, — но я иду на него с радостью и от всего сердца своего — зову и буду звать на него других!

Будем бороться с уединением, будем готовить себя к новой жизни, будем служить возрождению вселенской Церкви — будем вместе жить, вместе любить и вместе молиться!

¹ Свенцицкий переехал в 1895 г. из Казани в Москву после смерти отца, 12 августа поступил в 4-й класс 1-й Московской классической гимназии, 24 апреля 1896 г. был оставлен на второй год по болезни и осенью попал в класс, где учился Василий Шер; близко сошёлся с ним не ранее 1898 г., а настоящая дружба завязалась в 1900 г.

² Кузнецов Борис (08.06.1880—22.12.1899) — сын купца, православный, учился в 1-й Минской гимназии, в августе 1894 г. поступил во 2-й класс 1-й Московской классической гимназии (оставался на второй год по болезни), с сентября 1896 г. учил-

ся со Свенцицким в параллельных классах, 2 мая 1897 г. без экзаменов переведён в 5-й класс с наградой II степени. Ему посвящены «Письма ко всем».

³ Подобный соблазн описан в рассказе Л. Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» (1904).

⁴ Зимой 1903 В. В. Шер болел сыпным тифом. Ср. о начале 1904 г.: «Наиболее сильная перемена произошла с Шером: он самоопределился как экономист марксистской школы. Влияние Свенцицкого на сей раз оказалось бессильным, и ему пришлось довольствоваться язвительными насмешками над неразумным, одурманенным и ослеплённым Васей» (*Вишняк М.* Дань прошлому. Н.-Й., 1954. С. 85–86).

⁵ Через 10 лет Мережковский в работе «Зачем воскрес? (Религиозная личность и общественность)» также ополчился на лукавого и скрытного врага Христа и спасения — «религиозный индивидуализм», понимаемый именно как эгоизм.

290. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<17.01.1907. Москва — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич! <...>

Моя предвыборная агитация в Ливнах состояла только в том, что я там показался и кой с кем поговорил. По городу, кажется, я пройду, пройду ли по губернии, — не знаю. На меня уже начинает по ночам нападать кошмар иногда, но идти надо, да, м<ожет> б<ыть>, это и легче, чем не идти. <...>

«Взыскующие» очень милы, и я счастлив, что очень люблю их последнее время; хотя всё-таки радуюсь, что нет журнала, и не желаю его сейчас.

Эрн женится в январе. На Валентина Павловича был довольно интересный донос в «Московских ведомостях»¹. Разрешат ли нам заседание Религиозно-философского общества теперь с Бердяевским рефератом, я не знаю. <...>

Лашнюков в больнице, всё болеет. К Рождеству я получил от него чудное письмо. В. В. Зеньковский тоже констатирует очень хорошее его настроение. Я счастлив, что снова люблю его, как и раньше (хотя это — маниловщина, — забывать так легко то, что не следует). Я посылаю ему понемногу денег.

Эрн привёз из Петербурга проект реорганизации «Века» на кооперативных началах. Уже за три тысячи подписчиков, преимущественно — духовенство. Уже это одно налагает на нас обязанность его поддерживать. Пишите туда хоть иногда по самым принципиальным вопросам Церкви, всё-таки стоит. Например, хотя бы в вопросах, затронутых Философовым. <...>

Пирожков² отказал издать второй выпуск «Вопросов религии», ссылаясь на то, что с осени он будет издавать журнал — уж не знаю, какой. М<ожет> б<ыть>, здесь обида на меня. Переговоры велись через Могилянского³ и Эрна.

Говорят, Сергей Соловьёв поместил в «Перевале» враждебную рецензию о «Вопросах религии»⁴. Я его не знаю лично, но очень к нему заочно расположен, и мне это больно, тем более что здесь приходится расхлёбывать чужую кашу. <...>

¹ *Никольский Н. В.*, свящ. «Свенцицканство» // Московские ведомости. 1906. 23 декабря. № 309.

² *Пирожков* Михаил Васильевич (1867—1927) — владелец издательства в Петербурге.

³ *Могиланский* Михаил Михайлович (1873—1944) — адвокат, публицист, его мать Мария Николаевна работала секретарём в издательстве М. В. Пирожкова.

⁴ С. М. Соловьёв брызгал слюной: «„Теплохладная семинарщина“ — название, гораздо более подходящее к сборнику... Это книга вредная... Теплохладная пошлость г. Эрнэ и компании липкими комьями насаждает на драгоценный ковчег церковной истины» (Перевал. 1906. № 2).

291. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<20.01.1907. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя! Прежде всего, почему Вы ничего не даёте знать о себе, хотя бы открыткой? Вот уже больше месяца я не имею никаких известий из Ваших сфер. Я недавно вернулся из деревни и сейчас занят многими делами, особенно журналом «Христианин», к<ото>рый будет издаваться преосв<ященным> Евдокимом. Он, преосв<ященный> Евдоким, даёт мне возможность работать весьма свободно (во мног<их> отношен<иях>), и я намереваюсь произвести ряд религиозных исследований-анкет. Если у Вас будут какие мысли, сообщите.

Напишите мне, почему не шлёте корректуру Зомы? Я ведь так и не получил ничего.

«Бог<ословский> вестн<ик>» Вы будете получать с января. Я говорил о нём Андрееву¹.

Когда будете издавать «Вопросы религии» № 2? Очень попрошу Вас взять у Орлова или с его квартиры (он как-то писал мне о том, чтобы я зашёл на его квартиру за этим) какие есть у него мои математ<ические> и физич<еские> книги (и особенно, №№ «Enzyklopadie der Mathematik») и как-ниб<удь> доставили их мне. Мне они очень нужны. Я сижу тут как без рук и начатые работы по религии и по математ<ике> так и приходится бросать за невозможностью добыть сведения и справки. Особенно мне нужно сейчас Enzyklopadie. Очень попрошу об этом.

Скажите Свенцицкому, что я в деревне читал и давал читать «Правду о земле», и она произвела большой фурор, даже отшибала социал-демократов (чему я страшно радовался в душе). За неё все благодарили. Очень просили доставить им неск<олько> экземпляров. Если можно, как-ниб<удь> пришлите, что отпечатали, экземплярах в 5-10. Очень важно распространить книжку именно теперь, пред выборами. Она может <нрзб.>. Находили непонятными 2 пункта: 1) объяснение термина «богочеловеческий» и 2) греховность убийства. Последний, по-моему, прямо слаб у Свенцицкого, и поэтому приходилось очень много объяснять, прежде нежели выяснить дело, да и то не по Свенцицкому. Термин «богочеловеческий» объяснён плохо, и ранее я предупреждал о том автора. Дело

в том, что это не ходячий и даже малобогословский термин, а по преимуществу философский. Итак, пришлите мне сколько можно экземпляров «Правды о земле». Вместе с тем пришлите по 1-2 экземп<ляра> всего, что вышло из переводов, и по несколько экземп<ляров> для народа (*новых изданий*).

Наши друзья из деревни, которые узнали о всех вас по рассказам, кланяются всем вам и благодарят за «литературу». С 25 января тут, в академии, прочтёт несколько (курс) лекций *Неплюев*. Если Вам интересно, то приезжайте.

Поклон всем. П. Флоренский.

Почему никому из профессоров (Тарееву, Каптереву) Вы не пишете об Университете? Ведь получается очень неловкое положение: они готовились, беспокоились, и их даже известить не хотят. Мне как-то стыдно даже на глаза им показываться, хотя я и не виноват.

А что посланные Вам брошюры? Продаются ли?

От Троицкого поклон.

Вы как-то говорили мне, что Волжскому негде печататься. Его литературно-крит<ические> статьи подойдут к «Христианину», и я мог бы устроить его в качестве сотрудника. Напишите, хочет ли он. Только, думается, слишком большие исследования нежелательны: хорошо было бы статьи, идущие целиком в одном номере.

¹ *Андреев* Иван Дмитриевич (1867—1927) — экстраординарный профессор МДА по кафедре новой гражданской истории, редактор журнала «Богословский вестник» в 1906—1907 гг.

292. С. Н. Булгаков — В. Ф. Эрну

<21.01.1907. Москва — Москва>

Дорогой Владимир Францевич! Не имея почтового адреса Валентина Павловича, обращаюсь к нему через Ваше посредство. Передайте ему, что я прошу его дать мне возможность познакомиться с текстом его реферата *заблаговременно*, как это делал он в прошлом году. А сверх того, хорошо бы по этому поводу вообще с ним поговорить.

Ваш С. Булгаков.

293. П. А. Ивашёва — В. П. Свенцицкому

<21.01.1907. Москва>

Валентин Павлович!

Не надо ли поместить объявление в газетах относительно бердяевской лекции? Кроме того, ведь многие не возвратили своих билетов и, раз эти билеты

недействительны, то, может быть, и об этом сделать какое-либо объявление? То, что вы записали, я сделала.

Сейчас получила повестку — вызывают на завтра, т. е. на 22-е к следователю «для допроса», как помечено в повестке.

Ваша П. Ивашёва.

294. В. А. Никольский — А. С. Глинке

<21.01.1907. С.-Петербург — Симбирск>

Посылаю Вам правила (временные) трудовой общины, в надежде, что Вы не откажетесь быть с нами¹. «Нас» пока 11 человек: А. В. Ельчанинов, Эрн, Карташёв, о. Гр. Петров, А. С. Судаков (Т. Асов в «Веке»)², Ф. Н. Белявский³, В. В. Акимов (В. Чембарский), К. М. Аггеев, И. Ф. Егоров, К. К. Дегтярёв⁴ и я. Чаю, что Булгаков и В. П. Свенцицкий не откажутся быть с нами.

Членский ценз в 2000 строк может, конечно, смутить Вас величиной. Но и Вам, как С. Н. Булгакову, нечего бояться этого. Из Ваших работ Вы легко можете выбрать что-нибудь объёмом в 1-2 печ<атных> листа и дать в «Век», не смущаясь тем, что это было уже напечатано. <...>

Дело идёт. Подписчиков более 3000 и почти исключительно священники. Вся задача теперь — удержаться в смысле цензурном.

¹ Глинке 5 мая 1907 г. был отправлен договор как «пожелавшему вступить в трудовую общину» (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 8).

² Судаков Анатолий Семёнович — окончил СПДА, кандидат богословия (1902), помощник инспектора С.-Петербургской духовной семинарии, член ПРФО.

³ Белявский Фотий Николаевич (1873— после 1917) — историк культуры, публицист, окончил СПДА (1897), автор книги «О реформе духовной школы» (СПб., 1907).

⁴ Дегтярёв Косьма Каллистратович — окончил СПДА, кандидат богословия (1904), член Училищного совета, старший секретарь Синода, делопроизводитель канцелярии Поместного Собора 1917–1918 гг.

295. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<21.01.1907. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Милый, дорогой Павлуша! Шура¹ показывал мне сейчас твоё письмо о крестьянском университете. Не буду писать сейчас, как он мне понравился, а сделаю тебе след<ующее> предложение. При «Веке», как тебе известно, издаётся «Библиотека Века» — маленькие брошюры от одного до двух листов. Если ты напишешь о своём проекте, то редакция, думаю, с удовольствием напечатает это у себя; это представит то преимущество, что

сделать затем отдельные оттиски в обложках будет стоить невероятно дёшево, след<овательно>, можно будет пустить в магазине и т. д. Если согласен, пиши поскорей. Твой проект мне нравится чрезвычайно, и я, конечно, чем могу, буду содействовать его осуществлению и процветанию. Как видишь, я в Питере, во исполнение твоих слов о том, чтобы быть с теми, кого любишь. Я буду видаться часто с Шурой. Мне приятно, что у него есть доверие ко мне; он просил, по крайней мере, меня бывать у него почаще и т. д. Пока всё. Мой адрес: Лиговка, 72, 3. Поклон Серёже <Троицкому>. Я так жалею, что не простился с тобою перед отъездом в Питер.

¹ *Флоренский* Александр Александрович (1888—1938) — брат П. А. Флоренского, в то время студент СПУ.

296. П. А. ИВАШЁВА — СЛЕДОВАТЕЛЮ

<22.01.1907. Москва>

Журнал «Духа не угашайте» имел своей единственной целью проповедь Евангелия. Христос всех людей называл детьми Отца Небесного, — почему же исключать слуг кесаревых из числа этих детей, не давая им принять участие в общей работе всех людей — в раскрытии тайн Царства Божия, в разрешении сокровенного смысла Его святых заветов?

297. П. А. ИВАШЁВА — В. Ф. ЭРНУ

<22.01.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Владимир Францевич! Прежде всего мне хочется сказать Вам, что мне очень-очень понравилась Ваша статья «Наша вина»¹. До чего это всё верно, что Вы там в ней написали, — ох, до чего верно! По-моему, ни разу не писали Вы так хорошо. Я прочла и перечла её, и чудно то, что после этой статьи точно ниточка какая-то протянулась от Вас ко мне. Ужасно хорошо, что Вы так написали!

А теперь вот: была сегодня у присяжного поверенного. Он говорит, что это дополнительное обвинение, которое ко мне предъявляется, плохо тем, что оно предъявляется прокурором. Оно по 103 статье и грозит каторгой. Присяжный поверенный говорит, что он думает, что всё это можно будет свести к году крепости, причём на кассацию надеяться нечего, так как теперь приговоры Судебной палаты всегда подтверждаются.

Кланяйтесь от меня Евгении Давыдовне. Всего Вам доброго, всего хорошего от самой-самой души.

Ваша П. Ивашёва.

Опять хочется мне повторить Вам, что почему-то особенно как-то дошла мне до души Ваша статья, и мне очень хочется сказать Вам настоящими словами то настроение и то отношение внутреннее к Вам, которое она во мне вызвала. И я думаю, что если я и не сумела всё это передать Вам словами, то Вы всё равно почувствуете это.

¹ *Эри В.* Наша вина // Век. 1907. № 3. С. 34–35.

298. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — С. Н. БУЛГАКОВУ

<27.01.1907. Сергиевский Посад — Москва>

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Николай Николаевич Неплюев читает в академии ряд лекций о христианстве и его проведении в жизнь. Мне кажется, что было бы интересно устроить чтение Н. Н. и в Фил<ософско>-рел<игиозном> общ<естве>¹. Сам Неплюев согласен на это, но оставаться в Москве не может долго. Думаю, в следующее воскресенье было бы хорошо. Лекция Неплюева будет интересна, особенно если он будет касаться вопросов практики. Если Вам не придётся увидеться с Неплюевым лично и переговорить, то сообщите мне в академию или ему самому (в академию мне, для передачи ему), думаете ли устроить заседание и как именно. Лично я на заседании едва ли смогу быть. <...>

Уважающий Вас П.Флоренский.

¹ Н. Н. Неплюев в МРФО не выступал.

299. И. П. БРИХНИЧЁВ — В. Ф. ЭРНУ

<1907>

Дорогой Владимир Францевич! Давно уже, очень давно я не беседовал с Вами... Такая полоса пошла... С одной стороны, внешние неприятности... С другой, нервность и какое-то расплывчатое неопределённое настроение... Много раз порывался написать Вам хоть несколько строк... Но всякий раз, как брался за перо, так и оставался с пером в руках нередко по несколько часов, глубоко задумавшись, а затем, конечно, перо снова ложилось на своё обычное место и письмо откладывалось...

Может быть, это отчасти происходит и оттого, что слишком большие вопросы встают передо мною, когда я начинаю писать Вам, о многом существенном и назревшем необходимо поговорить с Вами лицом к лицу... Да, большие, грозные вопросы ставит мне и Вам, и всем, кто *получил много*, — жизнь. И в частности, Церковь, общество верующих. Необходимо немедленно

отвечать и ответить... Нельзя медлить... Врачам жизни нельзя медлить. Большая жизнь метается в агонии... Необходима скорая, немедленная помощь... В политике у народа есть вожди... Но в вопросах *жизни и смерти*, в вопросах быть или не быть — не заметно. *Всё пустые места*. Или там, где место пророку, — сидит крикливый и продажный фарисей... Они есть, вожди. Но замесались в толпе. Они зовут, но не всею силою данного им голоса...

Простите, Владимир Францевич, это к Вам последние слова — к Александру Викторовичу, Валентину Свенцицкому, Булгакову, Ивашёвой и др. Громче, господа. Громче. Хорошо. Умно... Но пишите нам о Христе так, чтобы жгло нас — жгло сильно, горячо... Очень уж мы заскорузли. Нас не легко донять. Имейте это в виду. Далее. Помощь нужна не только в Москве, где Вы сложили своё богатство, но и в Тифлисе, и на Камчатке. А между тем я, священник, и не скажу, чтобы не интересовался религиозными вопросами, и только месяца два тому назад познакомился с «братской» литературой... Вы и Александр Викторович так близко стояли ко мне и ни одним словом не обмолвились о существовании где-то в Москве, у книгопродавца Ефимова, этого сокровища. Точно вы боялись говорить обо всём том, что написано в этих драгоценных книгах. Точно Вы не придавали им никакого значения.

Дорогой Владимир Францевич, как это случилось? И всегда ли это так случается? Несколько книг «религиозно-философской» библиотеки я, прочитав, передал в известные мне кружки — и ведь слышу, что люди очарованы тем новым освещением «вопросов религии», которое предложено в этих книгах. Прочитав эти книги, каждый хочет читать и мыслить дальше в этом направлении. <...>

Затем, попросите всех «братьев» даже для интеллигенции писать попроще, каждое сочинение священника Петрова проникло и в «нищую хату, и в царский чертог» и разошлось в сотнях тысяч экземпляров, главным образом, благодаря этому качеству — простоте. Читал Вашу брошюру обо мне¹. Хотелось бы, дорогой Владимир Францевич, быть тем, чем Вы уже меня нарисовали, а пока, думаю, что сказано больше, чем есть...

¹ Эрн В. Пастырь нового типа. М., 1907.

300. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому <02.02.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Я только что вернулся из Петербурга, где была моя свадьба¹. Этим и объясняется, почему я отвечаю Вам не сразу. Может быть, Ваше письмо ждало меня несколько дней. Пишу наспех. Поэтому только о главном.

Мы думаем, что «богословский вольный факультет»² пора уже открывать. Хлопоты перед администрацией начнём немедленно. Свенцицкий на

днях собирается ехать в Посад, для того чтобы переговорить окончательно с Вами и с «профессорами». Как они могут сердиться, когда мы находились всё это время по отношению к «Университету» в таком же точно положении, как и они: готовились духом, но практических шагов каких-нибудь не предпринимали. Даже не обсуждали дома этого сообща. Теперь пришло время, вот и устроим совместное совещание. На последнем публичном заседании Общества Свенцицкий объявил во всеуслышание о предполагаемых курсах и на этом же заседании записалось желающих 45 человек³. Так что аудитория, по-видимому, обеспечена. Саша в Петербурге и останется там всё время. О том, что было в Петербурге, расскажет Вам Валентин. Мы успели сделать довольно много. Между прочим решили принять довольно близкое участие в «Веке». Может быть, у Вас есть что-нибудь для него. Или напишете?

Пока прощайте. Христос с Вами. Целую Вас.

Привет Троицкому. Любящий Вас В. Эрн.

У меня адрес новый: Плющиха, угол Грибоедовского и Полуэктовского, д. Поповой, кв. 1.

¹ Венчание совершил о. Георгий Шавельский 28 января 1907 г. в Александро-Невском храме при Николаевской военной академии Генерального штаба.

² Вольный богословский университет при МРФО. Опыт Свенцицкого и Эрна был повторен в 1919 г. Бердяевым в Москве и А. Белым в Петрограде, создавшими организации со схожими названиями и спецификой.

³ Это произошло 31 января 1907 г. «Сочувствия же к этому делу не занимать! По крайней мере, мы заметили, что как только секретарь Общества объявил о предварительной подписке на предполагаемые лекции, как многие из публики, преимущественно же дамы и девицы, устремились к столу „записываться“... Вот сила, которой могли бы воспользоваться наши пастыри в своём пастырском делании! ..Но, к сожалению, наши пастыри или не хотят или попросту не умеют привлечь на свою сторону этих современных „пророчиц интеллигенции“» (Церковный голос. 1907. № 9. С. 277).

301. А. В. КАРТАШЁВ — З. Н. ГИППИУС

<06.02.1907. С.-Петербург — Париж>

<...> Бердяев только что приехал из Москвы. Читал там реферат в РФО. Затекает открыть такое же и здесь...¹

Булгаков поразил Бердяева. Уже критически относится (и даже очень) к Эрну и Свенцицкому. Не может ходить в правительственную церковь, враждует с аскетизмом, носится с Песнею Песней, говорит о значении пола в религии² (чем даже «терроризировал свою жену»), говорит о новом откровении и не ждёт многого от попов.

¹ «Фактическая сторона дела такова. Прошлой зимой у основателей Московского религиозно-философского общества явилась мысль основать подобное же общество в Петербурге. Мысль эта встретила большое сочувствие в Петербурге. Весной 1907 года был выработан устав (по образцу московского), а с осени общество смогло начать свою деятельность как легализованное» (*С-И*. 481–482). Т. Н. Гиппиус записала в дневнике 15 февраля 1907 г.: «Уже было собрание устроителей. Тернавцев, Ельчанинов, Эрн и Свенцицкий, Успенский, будет Булгаков, Карташёв, Розанов, Вяч. Иванов... Хотели сделать филиальное отделение московского Соловьёвского общества, но потом кто-то предложил назвать именем Достоевского. Булгаков приезжает восемнадцатого. Тернавцев в восторге и говорил, что это именно то, чего он всегда желал пламенно. Попов не будет. Потом, конечно, будет публика, общественность, открытые собрания... Однако из московских собирается общество-то!» (Вячеслав Иванов и его время. Франкфурт н/М., 2002. С. 389).

² Подр.: Неопубликованные письма С. Н. Булгакова к В. В. Розанову // Вопросы философии. 1992. № 10.

302. МРФО — М. О. ГЕРШЕНЗОНУ

<06.02.1907. Москва>

В пятницу 16 февраля 1907 в помещении Польской библиотеки (Мясницкая, Милютинский пер.) состоится публичное заседание Общества.

В. П. Свенцицкий прочтёт реферат «Религиозный смысл Бранда»¹.

Начало в 7½ ч<асов> веч<ера>. Господа члены пользуются правом бесплатного входа (стоят), но если желают занять пронумерованные места, уплачивают 50% стоимости билета.

Билеты просят брать заблаговременно. Цена нумерованных мест от 50 к<опеек> до 3 руб<лей>.

¹ *С-И*. 189–212. Присутствовало около 600 человек. А. И. Добкин отмечал, что доклад «стал крупным событием даже в насыщенной интеллектуальной жизни России того времени» (Минувшее. Вып. 1. М., 1990. С. 296). К сожалению, воспоминания Н. С. Арсеньева о вечере в Москве (Мосты. 1959. № 3. С. 369–370) изобилуют фактическими ошибками: при входе в зал мемуарист якобы купил и читал перед началом книгу «Антихрист» (вышла полгода спустя), а приват-доцент и председатель МРФО (!) истерично выкрикивал на разные лады «Всё или ничего» (в тексте на эти слова нет и намёка). Критик не удосужился ознакомиться и с самой «достаточно истеричной» пьесой (по его мнению, герой «замёрз и умер от голода на какой-то горной вершине»), но утверждал, что Свенцицкий «не понял или не хотел понять» её смысл, лекцию характеризуя набором квазитерминов: «проповедь интрансингентной, почти бездушно-человеконенавистнической ультракальвинистической морали».

Столь же ошибочно было голословное утверждение 22-летнего Б. А. Грифцова, никогда не занимавшегося философией, о «поспешности работы и местами философской наивности, напр. в трактовке вопроса о свободе» (Перевал. 1907. № 7. С. 63). Напротив, именно здесь Свенцицкий последовательно изложил свою философию

свободы и представил творчество как её феномен. «Он установил формальные признаки свободы — вечность и беспричинность (качества Творца бытия); различал её внешнее условие (свободную волю) и внутреннее содержание (святость); первым её выражением полагал ничем не обусловленный творческий акт — хотение, осуществляемое путём воли. При истинной свободе хотение следует не низменным началам души, а совершенному закону, при всяком же его нарушении, грехе (поскольку он рабство похотям), свобода (залог бессмертия человека) заменяется причинностью. Достигнуть совершенства — значит очистить свой дух от всякого зла, т. е. стать абсолютно свободным. Но это недоступно одному: только любовное единение свободных людей, сознающих себя сынами Божиими, дает простор индивидуальным силам человека» (Русская философия. Энциклопедия. М., 2014. С. 547–548). О влиянии этой работы на построения Бердяева см.: *Чертков С. Судьба идей В. П. Свенцицкого // Альфа и Омега. 2012. № 64/65. С. 451–476.*

303. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<08.02.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Пишу тебе большое письмо, потому что очень хочется, чтобы ты знал о том очень большом, что нам пришлось пережить за последние дни.

Произошло объяснение с П. А. <Ивашёвой>. Ты знаешь, что оно назревало уже давно. Сложность и запутанность наших отношений с П. А. становилась с каждым днём всё мучительнее. П. А. сама захотела поговорить с Вал. П. <Свенцицким>; В. П. с радостью отозвался на это её предложение, но поставил ей такое условие: чтобы при его разговоре с ней присутствовали я, Надя, Оля и Чми¹. Вал. Пав. считал это необходимым, потому что только при таких условиях разговор этот мог носить окончательный и *исчерпывающий* характер. Иначе П. А. могла бы свести его на один из тех обычных для неё разговоров, которые она вела, кажется, со всеми, причём почти всем говорила разное. П. А. согласилась на это условие. Присутствие Нади было необходимо потому, что, как только Надя приехала, П. А. сразу же посвятила её во всё, конечно, в своём освещении, выставив себя жертвой, нами мучимой, и это сильно задело Надю. К нам она стала относиться с враждебностью. Для Чми это было необходимо для того, чтобы поставить последнюю точку на свои отношения.

Пришли мы все к П. А., как условились заранее, в среду вечером. Валентин, спросивши предварительно, считает ли П. А. возможным, чтоб он говорил *всё*, без обиняков, и с такой резкостью, с какой это им действительно переживается, и, получивши от П. А. утвердительный ответ, стал говорить о том, *каковы* наши (т. е. его и мои) отношения к П. А. и почему мы к ней относимся именно так, а не иначе. Начал издали и спокойно. Говорил, что с самого первого знакомства ощутил в её душе пустое место. Но никому об этом не говорил, до самого последнего времени, когда и другие стали заме-

чать это же самое, как постепенно это пустое место стало расти и душа её *мертветь*. Когда начинались её отношения с Чми — последние остатки жизни в ней погибли, и теперь душа её темна, без проблеска, как какая-то чёрная зловещая птица, омертвевшая совсем, — что она подошла теперь к глухой стене, и её ничто теперь не может спасти, если она сама не покается и не начнёт новой жизни.

Говоря это, Валентин всё с большей и большей мукой произносил слова. Такое страдание слышалось в его словах, что становилось жутко.

П. А. на это каменным голосом и со сдержанной злобой сказала, что она не чувствует правды в его словах, что каяться ей не нужно и никакой новой жизни начинать она вовсе не хочет.

Валентин вдруг зарыдал: «Не чувствует, не чувствует... Господи, Господи!..» Выбежал из комнаты, упал на постель — стал метаться в рыданиях.

Мы все в страхе вскочили. Я стал молиться. Он прямо бился. Через несколько минут перестал, с усилием встал, шатаясь, пришёл опять в комнату, попросил снова всех сесть и стал уже говорить более резко и властно. Сказал между прочим, что П. А. всё может сделать. У ней нет внутренних сдержек. Она может украсть.

П. А. с какою-то наглостью сказала: «Неправда!..»

Валентин тогда вскрикнул, как ужаленный: «Неправда? А Агаше Вы заплатили?» (П. А. брала из Общества 9 рублей в месяц Агаше и ничего ей не заплатила — Агаша позволила это сказать.)

И тут уже зарыдал с судорогами, потому что действительно упорство П. А. было какое-то нечеловеческое. Потом выбежал из комнаты. Я ему накинул пальто. И он, чуть не падая, сбежал с лестницы. Вся эта сцена носила тягостнейший характер. Чмич выбежал. Надя заплакала. А у П. А. вид был прямо демонический. Такой злой, такой недобрый, что прямо что-то невероятное.

Мы вышли с Олей. Я пошёл к ним, за Валентином. Валентин лежал в изнеможении на постели в самом истерзанном виде и что-то шептал. Ему многое виделось в эти минуты, и он почти стонал и почти не сознавал, что делается кругом. Я побыл с ним немного — как раздался звонок, и вбежала в комнату Надя. Свалилась головой на грудь В. П. и, рыдая, сказала: «Не то, не то, Валентин Павлович!..» Валентин поднялся, стал целовать её руки и твёрдо сказал: «Нет — *то*, Надя, *то*!» Надя откинулась, упала на пол и ломала с плачем руки. Валентин опять поднялся, привлёк с любовью к себе её голову и стал утешать её. Надя утихла, поднялась, отошла к окну и горько плакала, шепча: «Как больно, как больно!..» Я подошёл к ней. Утешал её, но она всё продолжала плакать. Валентин вдруг позвал меня и, очевидно, не сознавая даже хорошо, как в бреду, стал говорить, что он видит страшное. Потом стал плача говорить: «Отчего меня Бог зовёт? Во мне столько грязи, порочности. Я недостойн. Отчего Бог не является к тем, кто Его призывает? Францыч, отчего?» Потом опять лёг. Всё это долго тянулось. Я подошёл к Наде и говорю: «Пойдёмте». Она послушно встала за мной и пошла. Валентин окликнул её. Она вернулась. Он ей заговорил с ещё большей мукой,

чем мне, что он недостойн. Зачем он видит так ясно. «Господи, возьми мою жизнь, чтобы мне не грешить». Надя закричала: «Не нужно, не нужно, Вы должны жить!»

Валентин хотел её перекрестить, но она вся перекосилась, и только сделав видимое усилие над собой, дала себя перекрестить. Она вышла в шеровскую гостиную тёмную и там продолжала всхлипывать. Я пошёл за ней. Она всё плакала, потом захотела воздуха, но окно не открылось, и она выскочила на улицу. Я пошёл к Валентину. У него было очень странное состояние. Точно он откуда-то издалека-издалека возвращался к нашей действительности и не мог в ней сразу ориентироваться. Становился всё радостнее. Тут между нами было сказано много такого, о чём я не могу даже писать. Отмечу только, что он становился всё радостней и светлей. Вошла Ольгуша, и он отнёсся к ней с большой любовью. Из него прямо лила любовь. Светлые и радостные были эти минуты. Много непосредственно открывалось из того, что нас окружало, и становилось прозрачным и ясным. Такая глубина жизни почувствовалась и близость. Посидели мы так, а потом оставили Валентина одного. Когда я вышел, из тёмной гостиной выбежала Надя с удивительно светлым лицом и еле сдерживаемым смехом.

«Я вас ждала, чтобы Вы перекрестили меня!» Я перекрестил её, и она в таком же радостном настроении ушла домой.

Это позавчера.

А вчера П. А. пришла переговорить с Валентином. Валентин лежал совершенно больной, но позволил П. А. войти. Никого больше в комнате не было. П. А. со страшной злобой стала Валентина оскорблять, назвала негодеем, мерзавцем. Он лежал беспомощным, но всё же приподнялся и сказал ей таким голосом: «Вон!», что она повернулась и ушла. Валентин впал в обморочное состояние и как сквозь сон помнит, что П. А. возвращалась несколько раз и что-то всё продолжала ему говорить, но он уже не мог прийти в себя.

Сегодня Валентин получил самое резкое, бранчивое письмо от жены доктора <С. И.> Преображенского (которая с ним незнакома). П. А., очевидно, трубит о всём происшедшем по всем знакомым. Расползается клевета. Она обещала — мстить².

Многое, очень многое выяснилось окончательно.

Валентину лучше. Мы чувствуем себя бодрыми и крепкими. Очевидно, ещё предстоит много неприятностей, но во всяком случае громадная тяжесть спала, потому дело уже развязалось.

Пока прощай. Я утомлён до последней степени.

Христос с тобой и Соней! Любящий тебя Володя.

¹ Н. С. Багатурова, О. В. Шер и Д. Д. Галанин (мл.).

Багатурова Надежда Сергеевна (Багатрян Егинэ Саркисовна; 1890—1976) — детская писательница, переводчица, редактор. После окончания 2-й Тифлисской женской гимназии (1906) поступила на историко-философское отделение Московских высших женских курсов (специальность «русская литература»), где значилась как

Елена Сергеевна Багатурова, но избрала себе другое имя, и все московские друзья знали её как Надежду. Через однокурсницу О. В. Шер познакомилась со Свенцицким и в 1908 г. родила от него дочь в гражданском браке, поскольку была армяно-григорианского вероисповедания. После разрыва с ним окончила курсы Герье (1912), жила с семьёй Эрнов в Италии, вышла замуж за Д. В. Шера.

² Что и было ею сделано в конце 1907 г. на следствии (см. письмо № 371). Но сперва Эрн избрал мечь экономическую, отказавшись выплатить Ивашёвой гонорар за перевод «Искушений св. Антония» Г. Флобера (М., 1907. РОБ. Серия 3).

304. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<10.02.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Пав<ел> Ал<ександрович>. Мы открыли предварительную записку на лекции, курсы Ваш¹, Тареева и Кап<терева>² озаглавлены так: философское введение в христианскую догматику; философия Евангельской истории и церковный раскол в XVI и XVII вв. Заглавия приблизительны, можно их и изменить.

Немедленно ответьте на следующие вопросы.

1) Могут ли проф<ессора> и вы начать читать с первого марта?

Если *да*, то имейте в виду, что 1 марта (четверг) читаю я и Франц<ыч> по часу. Хотелось бы, чтобы вы трое читали тоже в один день — какой, назначьте сами, — значит, ваша первая лекция может прийти 4-го, 5-го или 6-го.

2) Наши «Курсы» с Фр<анцычем> рассчитаны на 10 лекций, — не могут ли на этом остановиться и профессора, и вы?

3) Каждое записавшееся лицо уплачивает за каждый полный курс (10 лекций) 2 р. Деньги, за вычетом 10% в пользу помещения, идут лектору — согласны ли вы на эти условия? Если нет, то назначьте сами.

4) Если вы не согласны на наши заглавия, то пришлите свои.

Сейчас же по получении от Вас ответа мы подаём градоначальнику заявление. Если нужно выяснить ещё что-нибудь, *телеграфируйте*, я приеду в Сергиево.

Предварительная записка дала уже 80 чел<овек>. На некоторые лекции будет, разумеется, больше, на некоторые меньше. Думаем сделать публикацию в газетах.

Покудова прощайте, крепко целую Вас, всего вам доброго. Вал. Свенцицкий.

P. S. Пишите в канц<елярию> Общества.

Письмо архим<андриту> Мих<аилу> передадим.

¹ Флоренский в ВБУ не выступал (см. письмо № 315).

² *Каптерев* Николай Фёдорович (1847—1917) — окончил МДА (1872), доктор церковной истории (1897), заслуженный профессор МДА (1898), член-корреспондент АН (1910).

305. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<12.02.1907. Москва — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Ужасно давно нет о Вас известий, и меня это беспокоит. Отзовитесь. 17-го я выезжаю в Питер. Избрание в Думу легло на меня такой тяжестью, что я и не ожидал, хотя и стараюсь настроить себя так, чтобы идти туда во имя Господне. Но гнутся мои слабые плечи...

Вл. Ник. <Лашнюков> — плох, он болен нервным расстройством, граничащим, по словам В. В. З<еньковского>, с помешательством (уже однажды у него бывшим). Духовное же его состояние, насколько можно судить по письмам, очень просветлённое¹.

Здесь был о. Михаил, читал и у нас, спорили, но без меня². Читал Бердяев. Кажется, будет читать Шестов. С «Веком» продолжается ерунда. Его можно сделать приличным, лишь взяв совсем в свои руки, но кому!? Я познакомился с Новосёловым³, он очень мил и подлинно религиозен, Вам бы понравился. «Взыскующие» благополучны. Затеваются ряд лекций, зародыш богословского факультета, пока без меня. Вообще, хотя и медленно, но дело развивается.

Не приедете ли Вы на север?

Целую Вас. Пишите.

¹ После освобождения из тюрьмы Лашнюков выступил в Киевском РФО 4 ноября 1908 г. в прениях по докладу П. П. Кудрявцева, утверждая, что религиозным исканиям должен сопутствовать личный подвиг, а философскому оправданию христианства — религиозное творчество; опубликовал в газете «Киевские вести» (1909. 8 января) статьи «Наша жизнь. Л. Н. Толстой» о неприложимости к жизни учения о непротивлении злу злом и «Двойное кощунство (1909. 1 мая).

В 1917 г. писал Глинке: «В мае 1908 г. вышел из годичной крепости... запыл, в 1909-м сумасшедший дом, скитался по ночлежкам. Все усилия друзей (а их было много!), вся любовь некоторых были напрасны. Меня одевали, я пропивал с себя всё, меня лечили в дорогих лечебницах — я выходил и принимался за старое. Да, многое всё-таки видел тогда Валент. Павлович! Вы помните?» (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 241). Ср.: «Булгаков, Волжский и Свенцицкий были в редакции и взволнованно говорили о том, что дело расстраивается, — и когда вошёл туда Лашнюков, с которым до того времени не виделся Свенцицкий, но о котором, конечно, уже слышал от Булгакова... то Свенцицкий... истерически взвизгнул: „Чорт...“ и упал без сознания на пол. Я не был при этой сцене и знаю её лишь со слов Лашнюкова, на которого она произвела самое гнетущее и долго в нём не умолкавшее впечатление. Очевидно, напряжение было у всех велико... Булгаков быть может и дорожил и почитал в Свенцицком эту напряжённую чувствительность» (*Зеньковский В. Из воспоминаний // ВРХД. 1983. № 139. С. 120*). Впоследствии помог падшему тот самый издатель газеты «Народ»: «В конце 1913 года меня на улице оборванного, пьяного подобрал Винокуров, запер в своей комиссионной конторе, кормил, одевал».

² Архим. Михаил (Семёнов) на заседании МРФО 6 февраля 1907 г. сделал доклад «О будущем типе христианства» (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 84), неделей раньше ту же лекцию прочёл в литературно-художественном кружке.

³ *Новосёлов* Михаил Александрович (1864—1938), мч. — окончил ИМУ (1886), последователь учения Л. Н. Толстого (до 1892 г.), участник Религиозно-философских собраний (1901—1903), издатель «Религиозно-философской библиотеки» (1902—1917), в 1907 г. создал в Москве «Кружок ищущих христианского просвещения», с 1927 г. активный участник движения иосифлян, расстрелян.

306. О. А. ФЛОРЕНСКАЯ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<15.02.1907>

Ты пишешь о «пьяности» на горных высотах¹. О той же пьяности Богом говоришь и в одной из статей. Пьяность... Не есть ли это то же вакхическое начало, только в области духовной? Пьяность — то состояние, когда человек теряет себя, способность объективно и ясно смотреть вокруг, видеть все цвета в совокупности как они есть, а не через очки какого-либо цвета. Так зачем же эта пьяность? Ведь тогда только *временная, кажущаяся* близость к Богу. Разве Христос был когда-либо опьянён? <...>

¹ Имеется в виду стихотворение Флоренского «На высотах (Песнь восхождения)».

Ср. обличение этой духовной прелести: «Сущность её в том, что богосозерцание превращается в „богонаслаждение“, в „пьяность Богом“. Здесь страсти не побеждаются, а... обращаются на Бога. Вся грязь, похоть, все страстные желания свои человек обращает внутрь себя и в форме созерцаний предаётся, по существу, „богоопьянению“» (С-П. 498).

307. С. Н. БУЛГАКОВ — М. Э. ЗДЗЕХОВСКОМУ

<17.02.1907. Москва — Краков>

<...> Ваши представления об архиерейском «либерализме» преувеличены, и вообще, за совершенно единичными исключениями наш епископат отличается пороками бюрократического властолюбия, и этим определяется и его позиция, занятая относительно участия мирян в Соборе¹. Отрицать это право, стоя на почве даже самой консервативной церковной ортодоксии, невозможно, но епископат в Церкви стремится свести влияние мирян к нулю, наделив их «совещательным» (!) голосом.

Прения Предсоборной комиссии изобличают всю безжизненность церковной бюрократии и это стремление², хотя вполне возможно, что с католической точки зрения некоторые мнения, которых не решаются опровергать открыто даже наши охранители, покажутся смелым новшеством. <...> Мнения более либерально настроенных церковников (отнюдь не выходящих за пределы существующего учения Церкви) Вы найдёте в изданном в Москве сборнике «Перед церковным собором» (Москва, 1906).

Надежды церковной бюрократии удержать власть и для этого фальсифицировать Собор тесно связаны с поддержкой теперешнего правительства и рушатся с его крушением. Я лично надеюсь, что Собор как лжесобор совсем не состоится (за внутренней ненадобностью). Но если переменятся к лучшему политические условия России и клерикальная бюрократия потеряет опору со стороны бюрократии светской, то великие препятствия к реформе Церкви будут в значительной степени устранены, а как велики внутренние препятствия, об этом мнения среди нас расходятся, и вопрос этот ещё не ясен, может быть ясен только для веры.

¹ «С устранением соборного самоуправления в Церкви и внутрь её вносится то же бюрократическое начало с характером абсолютизма, что и в жизни государственной. Место нравственного авторитета заступает авторитет внешний, авторитет силы... Верующие лишаются законной свободы, этой родной сестры соборности. Власть церковная порывает с ними нравственную связь... Она перестаёт печаловаться о нуждах своих и думает главным образом о сохранении власти» (*Мышцын В.* Из периодической печати // Богословский вестник. 1905. № 5. С. 199–200).

² О необходимости созыва Всероссийского церковного собора Синод высказался 17 марта 1905 г. Предсоборное присутствие работало с марта по декабрь 1906 г. Назначенный, но отказавшийся от участия в нём В. О. Ключевский, не надеясь на христианское отношение верхушки «полицейско-политического учреждения» и фактического главы «рясофорного отделения государственной охраны», обличал их цель: «...успокоить наивно верующие совести одних и зажать крикливо протестующие рты других. Обе эти цели приводят к третьей, самой желанной для правящей церковной иерархии, это полное равнодушие мыслящей и спокойной части общества к делам своей местной церкви: пусть мёртвые хоронят своих мертвецов» (*Ключевский В.* Сочинения. М., 1990. Т. 9. С. 344–345).

308. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому <19.02.1907. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Я сейчас очень был удивлён. Прислали нам статью (кто-то из ваших академиков), отзыв о журнале еп. Евдокима «Христианин», обнаруживающий, во-перв<ых>, сплошь чёрное направление журнала и, во-вторых, некрасивое ведение дела — вся передовая «Наши задачи» списана с «Христианское бр<атство> борьбы и его прогр<амма>» Свенцицкого¹. Сейчас мы получили проспект издания, составленный в крикливом, рекламном тоне, с упоминанием корреспондентов по всему миру, с подчёркиванием того, что «в нашем портфеле есть такие произведения, которые никем ещё до сих пор не были обнаружены» (?).

Я бы не обратил бы на всё это внимания, если бы меня не спрашивали, каким обр<азом> в списке сотрудников вместе с Неплюевым стоит твоё имя. Напиши, пожалуйста, как это вышло.

Прощай пока. Твой Саша.

¹ В. «Христианин» еп. Евдокима // Век. 1907. № 8. С. 98–100. Примеры дословных совпадений занимают 1,5 страницы.

309. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<19.02.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Отвечаю на твой вопрос: в Церк<овном> обновл<ении>¹ 26-го февраля будет читать Валентин о Бранде². В Соловьёвском обществе это чтение уже состоялось и прошло хорошо. По всей вероятности, и я привезу в Петербург готовый реферат о жизненной правде³. Если это действительно будет так, то я готов читать студентам, курсисткам и пр., где будет можно. Хотелось бы читать *раз*. Валентину же выступать не в Церк<овном> Обн<овлении> *не хочется*. Но если у меня не будет готов реферат, то он готов читать о Бранде в другом месте. Что касается о. Михаила, то Вал<ентин> самым решительным образом возражает против печатания «Господ и рабов»⁴. Завтра высылаю тебе статью для «Века»: «Таинства и возрождение Церкви»⁵. Эта статья, я думаю, ответит на твоё желание «основоположит<ельных> и серьёзных» статей. У меня она написалась вдруг. Здесь был Павлуша 2 дня. Пока прощай.

Твой В. Э.

¹ Братство ревнителей церковного обновления.

² «Слушатели — молодёжь, представители духовенства и богословской науки. Аудитория внимательная, чуткая. Доклад был посвящён характеристике того пути ко Христу, который избрал Бранд; пути чисто-евангельского — „брось всё и иди ко Христу“, вот путь Бранда, который докладчик считает верным и вполне приемлемым для нашей ищущей Христа интеллигенции. Путь Бранда труден, но ведёт к цели. Путь Бранда требует подвижничества, но вне его — нет спасения. Докладчику возражали, и эти возражения были интересны. Кристально-яркую мысль докладчика пытались окутать флёром, спорили о значении „Бранда“ как литературного произведения, отрицали христианство, провозглашая анархизм. Аудитория в лице оппонентов — явно испугалась указываемого Брандом пути ко Христу, испугалась необходимости крутой перемены жизни, необходимости „всё“ оставить, чтобы идти за Христом. И в особенности испугались этого представители официальной Церкви, выдвигавшие и защищавшие старые пути „постепенщины“, защищавшие, в сущности, возможность только по воскресеньям взглядывать на небо, а остальные дни недели жить без Христа. Один из оппонентов прямо заявил, что современную усталую интеллигенцию нельзя „тащить“ ко Христу через горы и ледники. Нашей интеллигенции, по идее возражавшего, более по силам был бы путь восхождения ко Христу на резиновых шинах, так сказать, путь наших епископов — в каретах, с лакеем на козлах... Оппонент, как это выяснилось, не совсем понял докладчика, приняв символические горы и ледники за действительные, но не в этом суть. Дело в самом понятии, в самом страхе пред трудностями пути ко Христу. Оппонент только выразил

общее течение, существующее в душном и фарисейском петербургском обществе, выше всего ценящем департаментские стулья, электрические звонки и автомобили. Если это нельзя сохранить на пути ко Христу, не надо и Христа... И в этом ясно сказалось, что страшная болезнь Церкви нашей уже заразила и общество, и верующих. Архиерейские кареты и тысячные митры не остались без воздействия на массы. И действительно нужны Бранды для того, чтобы развеять эту сотканную над ликом Христа фарисейскую паутину» (*Кент. Из жизни // Век. 1907. № 9. С. 110*).

³ Впервые Эрн сделал доклад «О жизненной правде» в БРЦО 2 марта 1907 г. (Церковное обновление. 1907. № 10. С. 78–79).

⁴ С основным тезисом доклада о. Михаила (Семёнова) на заседании МРФО 6 февраля 1907 г. — «Стать сильным, как всемогущий Бог» — Свенцицкий не мог согласиться. Ср.: «Всё величие, всё счастье человека заключается в том, чтобы найти своё маленькое место у подножия престола Господня!» (*С-П. 401*).

⁵ Эрн В. Таинства и возрождение Церкви // Церковное обновление. 1907. № 9. С. 65–66.

310. В. Ф. Эрн — А. С. Глинке

<23.02.1907. Москва — Симбирск>

<...> На днях мы поедем с Валентином в Петербург¹. <...> 16-го на его реферате «О религиозном смысле Бранда» было около 600 человек. <...>

В Вольном богословском университете Флоренский будет читать «философское введение в догматику». <...>

Женюру успели полюбить почти все из моих друзей. Особенно Валентин. <...>

311. В. Ф. Эрн — Е. Я. Архиппову

<24.02.1907. Москва — С.-Петербург>

<...> Есть возможность, что журнал этот <„Век“> будет почти совсем нашим, а с будущего года и совсем. Но это выяснится на днях в Петербурге, куда мы специально за этим поедем с Свенцицким. <...>

312. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<05.03.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! У меня тяжесть на сердце, которую хочется снять. Я был в полной уверенности, что ты и Соня не вошли в вагон потому, что вам хотелось погулять наедине с *Надей* <Багатуровой>. Я думал, что вы, погулявши, войдете, и совершенно не знал, что вас в вагон не пустили (обыкновенно пускают). Когда Надя пришла одна и на мой вопрос: «Где Саша?» ответила, что, кажется,

вы ушли, я выбежал на платформу, оглядел её в обе стороны, но вас уже не было. Мне же хотелось проститься с тобой (есть же в этом потребность, ведь не формальность же это пустая) и мне было прямо *больно*, когда оказалось, что тебя уже нет. То же самое и Валентину. Пожалуйста, дорогой Саша, прости мне мою недогадливость и восприми правильно это недоразумение.

Пока прощай! Я только что приехал и ещё совершенно не знаю, что делается в Москве.

Всего же доброго тебе и Соне. Твой В. Э.

313. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<08.03.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! На моём заседании¹ из 50 №№ «Века» продано 33. Остальные разойдутся (по всей вероятности), но на будущее время попроси Никольского присылать в Общество по 40 экз<емпляров>. Расчёт будет месячный, а то неудобно каждый раз посылать по 2 р. 50 к.

Пока прощай. Твой В. Э.

¹ На публичном заседании МРФО 5 марта 1907 г. Эрн сделал доклад «О жизненной правде» (Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 29–61).

314. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<12.03.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Я был несколько дней болен и потому не мог быть у Ефимова. Вчера был у него и сказал, чтобы он написал *Цукерману* о выдаче тебе книг на комиссию. Он сказал, что непременно напишет. Только Цукерман может выдавать не с 30% скидкой, а с 25%. Завтра высылаю тебе «Правду о земле», блокнот и свои 2 рецензии¹.

¹ На книги Бердяева «Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные» и Свенцицкого «Правда о земле». (Век. 1907. № 13. С. 167–169).

315. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<12.03.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Мне бы очень хотелось знать, как у Вас обстоят дела с «Христианином». Переходит ли он всецело в Ваши руки? А то в том виде,

как он существует, в нём зазорно участвовать. Будет ли напечатан мой рассказ?¹ Присылать ли Вам другой? На какой гонорар можно рассчитывать? Если можно, черкните на эти вопросы открытку.

Пока прощайте. Ваш Володя.

¹ Неизвестно, о каком произведении идёт речь.

316. МРФФ — М. О. ГЕРШЕНЗОНУ

<14.03.1907. Москва>

Совет Рел<игиозно>-фил<ософского> общества памяти Вл. Соловьёва доводит до Вашего сведения, что с 15 марта при Обществе открывается серия курсов. Лекции будут читаться два раза в неделю.

По четвергам (в помещении Польской библиотеки, Мясницкая, Милютинский пер.): В. П. Свенцицкий «Лев Толстой и Вл. Соловьёв» от 7-8 ч<асов> веч<ера>; В. Ф. Эрн «Социализм, анархизм и христианство» от 8-9 ч<асов> веч<ера>¹.

По понедельникам (в помещении Общества): проф<ессор> Н. Ф. Каптерев «Старообрядчество и Церковь в XVII в.» от 6-7 ч<асов> веч<ера>; проф<ессор> М. М. Тареев «Христианская проблема и русская религиозная мысль» от 7-8 ч<асов> веч<ера>².

Цена каждого курса (10 лекций) 2 руб. Разовые билеты (при входе) по 30 к. Господа члены на эти курсы правом скидки не пользуются.

Канцелярия открыта от 10 ч<асов> дня и до 5-7 ч<асов> веч<ера> (Остоженка, 1 Зачатьевский пер., д. 6, кв. 1).

¹ В марте и апреле 1907 г. Свенцицкий и Эрн прочли в ВБУ по пять впоследствии опубликованных лекций (С-II. 246–267, 324–351; Эрн В. Сочинения. М., 1991. С. 157–219).

² По свидетельству Тареева, Великим постом 1907 г. он прочитал «пять лекций о Толстом и Достоевском» (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 167. Л. 44), материал вошёл в его книгу «Основы христианства» (Сергиев Посад, 1908).

317. В. Ф. ЭРН — А. В. ЕЛЬЧАНИНОВУ

<16.03.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! <...>

Вчера мы с Валентином открыли чтения наших курсов. Публики было более 200 человек. Удачно и хорошо.

Пока прощай.

318. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<17.03.1907. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя!

Вы спрашиваете о «Христиан<ине>». Сейчас в наши руки он не переходит, и когда перейдёт — не знаю, но я бы и не взял его. В том, что он не переходит в руки, нет беды, т. к. ректор слушается советов, да и намерения имеет добрые, хотя и абсолютно не умеет многое соображать. Вы по второму № (неужели Вы так и не получили его?) увидите, что журнал совсем не так худ, как кажется по первому. В № 2 особенно обращаю Ваше внимание на работу Муретова¹. № 2 уже давно вышел. № 3 печатается и, думаю, будет ещё приличнее. Вообще, не торопитесь с осуждением. Подрастёт — выровняется². <...>

Насчёт Вашего рассказа пока ещё не знаю ничего определённого, но если можете, пришлите вообще что есть у Вас и при том может лежать у меня, не будучи нужно Вам. Журнал заинтересован в духовенстве, подписчиков уже теперь свыше 1000, и я надеюсь, что в будущем, при терпении и старании, журнал можно будет сделать не только не неприличным, но и интересным. Уже теперь в редакцию присылаются от людей совсем чужих интересные материалы.

Но и вы все поддерживайте журнал и материалами, и советами. Не требуйте *сразу* многого, а требуйте многое постепенно! О рассказе Вашем я как-нибудь<удь> сообщу, когда дело выясню. Дело в том, что я приберегаю его на всяк<ий> случ<ай>, равно как и свои статьи.

Присылаю Вам для продажи 50 оттиск<ов> «Радость навеки»³. У меня их очень много (1000), так что, когда понадобится, могу прислать, равно как и «Антония».

Я забыл, как зовут гостившего у меня Вашего помощника⁴. Он говорил со мною целый вечер и часть ночи очень откровенно о разн<ых> делах, главн<ым> образом о ваших взаимоотношениях. Ему кажется, что до его внутрен<него> мира вашей компании нет дела, и он чувствует себя одиноким. Я лично думаю, что это правильно. Много раз я намекал всем вам об этом вопросе (хотя не в отношении именно его), а именно, что все вы (а особенно Вал<ентин>) недостаточно *вызрели*, недостаточно окрепли и, несмотря на доброе желание, делаете действия форсированные, насильственные и потому искусственные. Главн<ым> же образ<ом> это влияет на то высшее, ради чего идёт работа, на реальное взаимодействие личностей. Человек окрепший и в 1000 дел сможет вкладывать личность и к 1000 людям отнесётся как к личностям. Но у вас на это не хватает сил, и вместо того, чтобы делать истинно-христианск<их> 5-10 дел и относиться по-христиан<ски> к 5-10-ти человекам (а вы бы могли это), вы берётесь за 1000 дел и 1000 человек и не получаете ни одного истинного дела. Знаете ли, Володя, ваша общая бегодня, «занятость» на меня производит очень тяжёл<ое> впечатление. Мне часто кажется, что у вас не хватает религиозн<ых> сил и начинаются чисто

эмпирическ<ие>, американск<ие> хлопоты, прикрывающиеся формами религиозными. По крайней мере, всё время непосредствен<ное> чувство такое же, как когда человек с малым голосом тщится взять слишком высокую для него ноту: «а вдруг, вот-вот сорвётся».

Вот, в частности, с «университетом». Право же, у нас у всех *нет* сил сейчас, имея кроме того множество других дел, читать лекции, да ещё при том не просто лекции, а религиозн<ые> лекции. И я чувствую, что дело уже *сорвалось*, что каждый из вас в глубине души думает то же, что я. Ведь это получается уже самовольство, а не Божье дело. Меня *совесть* мучает за мои сборы к лекциям, я из-за этого молиться уже не могу спокойно, потому что сомнения осаждают меня. Я рад, что дело не удаётся, что на лекции не записываются. Вы не думайте, что говорит во мне самолюбие, что мало, мол, слушателей у меня. Нет, я искренно рад заниматься с возможно меньшим числом, и настоящая моя сфера начинается лишь на исповеди, в уроках с глазу на глаз, интимная. Но тут я решительно чувствую, что это не Бог меня посылает, а я сам, по-человечески не решился отказаться. И теперь я решительно отказываюсь от чтений, потому что я прямо болен — не от занятий, а от беспокойства, что делаю что-то неладное.

Созреть, выстояться в тиши и тогда явиться людям, хотя бы на 1 месяц — это для меня кажется более важным, чем всю жизнь кричать с охрипшим голосом (Бранд) о Боге. А во мне нет силы, во мне нет света, а есть слабость да скверна⁵. Даже чисто научно я ни к чему не готов — не читать же мне такую невежественную пошлость, как випперовский «Свет с Востока»⁶ и т. п.

По Вашему совету я был на «Бранде», и он произвёл действие прямо противоположное тому, что Вы хотели. Я только уверился в своих мыслях и насчёт него, и насчёт Вас (незрелость). Для меня Бранд — типичный случай «прелести» и самозванного пророчества — человек низшего, безблагодатного типа, который *выдаёт* себя за тип высший, одним словом, человека, впавшего в состояние самоослепления по чудовищной гордости (Толстой тоже) пред Богом, гипнотизирующего себя и других. В нём нет благодати. Он сам сознался и в начале, и в конце, что он не христианин⁷. Как же *смеет* такой самозванец делаться пастырем, да ещё вдобавок ломать чужие души. Он, сам не знающий, слепец, берущийся вести других слепцов! В его речах много правды — *антихристовая* полуправда. Но Вам ли напоминать, что не только полуправда *речей*, но и полная правда в христианстве — ничто, и всё составляет лишь благодать. Бранд богохульствует, выдавая себя за пророка, он бы стал полным *Антихристом* (вместо антихриста, каковым я всё время воспринимал и воспринимаю его), если бы только не *преждевременность* желания Герд поклониться ему. Это только его спасает и несколько отрезвляет. Да, мож<ет> б<ыть>, в конце Бранд протирает глаза и начинает смутно-смутно видеть Христа. Но он не погиб *не* потому, что шёл своею дорогою, но потому, что вовремя успел ещё отказаться от неё. Конечно, Ибсен, сам плохо знающий религиозную жизнь, сам находящийся в прелести,

многое напутал. Но, Володя, посмотрите аскетическ<ую> литературу — не одного, а всех, любого святого, и Вы не сможете не почувствовать, что я говорю правильно. Мож<ет> быть, я путаю детали, но мне осязательно ясно, что Бранд — отрицательное явление, человек высший, но заболевший духовною болезнью, потому что хотел *своими* силами, без смиренной молитвы к Богу, без сознания своего неключимства пред Богом-Христом вырвать себе высший тип силою⁸. Это *типичнейший нищиеанец*, не исповедующий Христа во плоти пришедшего — не желающий исповедовать Его, потому что он *себя* ставит на место Христа. И Ницше сумасшедший говорил, что он искупает мир своею кровью⁹.

Боюсь за вас всех, как и боялся ранее, особенно за Свенцицкого. Он говорит о Христе, но я вполне представляю, как он может сказать: «Я — Христос»¹⁰ и полетит в пропасть. Когда говорят это новые поэты, то всё это не так уж опасно, т. к. они рассматрив<ают> Христа с эстетическ<ой> стороны¹¹. Но тут дело похуже¹².

Пока прощайте. Поклон и привет Вашей Женюре, с которой я так и не познакомился. Ваш П. Флоренский.

Вам и Вал<ентину> Павл<овичу> поклон от Серг<ея> Сем<ёновича>.

¹ *Муретов* Митрофан Дмитриевич (1851—1917) — богослов, публицист, профессор МДА с 1893 г.

² В связи с дальнейшим потоком обвинений напрашивается совет Козьмы Прутова: «Врачу — исцелился сам».

³ *Флоренский П.* Радость навеки // Христианин. 1907. № 2. С. 248—251.

⁴ Возможно, Д. Д. Галанин (мл.).

⁵ Ложное смирение Флоренского, разбирая «Столп и утверждение Истины», обличали Свенцицкий и Бердяев: «С первых страниц, даже с эпитафии, начинается это неубедительное уверение в том, что он, автор, очень плохого о себе мнения и ничуть ничем не гордится... Ведь если человек *действительно* полон смирения, ему и в голову не придёт объявлять об этом во всеуслышанье, раза два об этом своём смирении перечитывать в корректуре, печатать и, наконец, пускать на прочтение в публику. *Публичное* говорение „о глупой своей неумелости“ — это уже такая степень гордости, что для всякого ясно, что тон этот — смиренный для „стиля“, потому что, мол, и святые православные так писали и, если вся книга написана в духе православия, как же обойтись без уничижительных слов! Но Флоренский унижает не только себя, но вообще значение и духовные права человеческой личности» (С-IV. 560—561). «Оплевание человека в себе... для выдержанного стиля смирения может оказаться унижением паче гордости... При такой стилизованной тихости и смиренности можно всюду открывать ереси, можно анафематствовать и недоброжелательствовать ко всему не „своему“: ...Ревность хочет иметь собственность только для себя, любит только своё... рождает притязание, что Дух дышит не там, где хочет, а только у „нас“» (*Бердяев Н.* Стилизованное православие // Русская мысль. 1914. № 1. С. 109—125).

⁶ Историк-позитивист Р. Ю. Виппер 2 ноября 1906 г. прочёл в Москве публичную лекцию «Свет с Востока» (М., 1907).

⁷ В начале своего крестного пути Бранд действительно не дерзает называть себя христианином, но затем проповедует чтить христианство не в теории, а в самой

жизни; признаёт, что в рай можно попасть только со Христом, а в конце уподобляет Его учение солнцу.

⁸ Этим инвективам в поэме предостаточно опровержений.

⁹ Ницше, а тем паче Бранд такого не говорили.

¹⁰ Изумительный логический скачок, подобный извивам кровавой 58-й статьи.

¹¹ В отличие от вымышленных богохульств бывших друзей, реальные поэтические кощунства огульно прощаются. Но истинному христианству чужда разная нравственная оценка людей творческих и прочих, как и деление человечества на «высший» и «низший» типы.

¹² Ср. обвинения Флоренским в неправославии С. Н. Трубецкого и А. С. Хомякова. Лишь после отповеди М. А. Новосёлова в 1916 г. оговорщик обещал: «Я больше не буду заниматься богословием».

319. К. М. АГГЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ и В. П. СВЕНЦИЦКОМУ

<17.03.1907. С.-Петербург — Москва>

Дорогие Владимир Францевич и Валентин Павлович, московские лекции бросают в озноб «раздувающегося иерея»: пока минуты мне не дают для неё. Съеду больше на Бранда: будет легче¹.

Поездке своей придаю другое значение. Одновременно с сим пишу о. Поспелову. Прошу его собрать куда-либо — лучше было бы к вам в Общество, в понедельник вечером — отцов Добронравова², Боголюбского³, Пятикрестовского для беседы, — между прочим и по делам «Века»: иначе я не успеваю с каждым из них поговорить. Помогите о. Поспелову устроить это и отдайте сами им вечер.

Статей, статей, статей: иначе грозит «морозовщина» и вообще никольщина...⁴

Целую вас. Любящий свящ^{енник} К. Аггеев.

¹ На публичном заседании МРФО 27 марта 1907 г. Аггеев сделал доклад «Голгофский крест и принцип Бранда „всё или ничего“» (Парус. 1907. № 38).

² *Николай* (Добронравов; 1861—1937), свт. — окончил МДА, магистр богословия (1885), член Общества любителей духовного просвещения, еп. Звенигородский, викарий Московской епархии (1921), архиеп. Владимирский и Суздальский (1924), расстрелян.

³ *Боголюбский* Николай Иванович (1856—1926), прот. — окончил МДА (1880), иерей (1883), магистр богословия (1887), ректор Самарской духовной семинарии (1897—1902), профессор богословия в Московском сельскохозяйственном институте (1902—1909) и ИМУ (1911—1918), член Московского духовного цензурного комитета с 1907 г.

⁴ Метафоры дилетантизма и демагогии. *Морозов* Николай Александрович (1854—1946) — член исполкома организации «Народная воля» (1879), автор книги «Откровение в грозе и буре» (М., 1907), уничтожающий разбор которой сделал Эрн 7 октября 1907 г. на закрытом заседании МРФО (отд. изд.: М., 1907). В. А. Никольский — редактор-издатель журнала «Век».

320. А. В. КАРТАШЁВ — З. Н. ГИППИУС

<21–25.03.1907. С.-Петербург — Париж>

<...> Эрн, Булгаков и прочие не «обманывают себя», стремясь к освобождению церкви от черносотенства, а *искренно думают*, что это возможно¹. Наше сознание, что это невозможно так же, как невозможна была любовь Христова в Ветхом завете, им *совершенно непонятно*. Это факт поразительный. И прямо страшный. Почти никто этого не понимает и не способен понять. Для этого надо иметь что-то в крови. Вот почему и страшит меня наше одиночество, наша «кружковщина», что никому в мире не приходит в голову, что земная жизнь, свобода, культура мистически несоединимы с евангелическим Христом. Эрн и компания собираются изобличить и проклясть эту ересь в «Век». Написаны Эрном уже две статьи против Бердяева (без упоминания имени) и скрытно против всего направления Мережковского. Открывается систематическая кампания и ждут ответов. Решили поэтому (а сначала отказали) напечатать и статью Дмитрия Владимировича². Спрашивают ваш адрес с тем, чтобы посылать «Век» в Париж. Свенцицкий и компания всё более берут «Век» в свои руки. <...>

Как тут быть в полемике с Эрном и православием? Детский лепет тут недостаточен. Значит, полемика на словах и в печати ещё невозможна, а по идеалу и она должна быть доступна, хотя я отлично понимаю, что правда может быть и на стороне детского лепета. Однако грустная сторона этого факта ещё и в том, что нет никаких сил сказать что-нибудь похожее на логичность перед Эрном и компанией, а в лице его и перед всем народом. <...>

¹ Спустя четверть века Булгаков назвал одной из задач ХББ «идейное и практическое преодоление традиционной идеологии, сливавшей и отождествлявшей политический абсолютизм с православием» (*Александр Ельчанинов*, свящ. Записи. М., 2001. С. 17). Свенцицкий определял самодержавие как «страшно болезненный нарост на православии», не подтверждаемый догматами и никакого отношения к таинствам не имеющий, а коренным разногласием с кружком Мережковского считал «утверждение о необходимости прекратить общение с православной Церковью (в таинствах), дабы вступить в сферу новых религиозных процессов, в Церковь Трёх... Я же жду новых откровений там, у Пречистой Его Чаши... и отталкивание от Церкви считаю не первым признаком новой жизни, а тем стихийным стремлением „отсечься“, которое „новое религиозное сознание“ превращает в „новое сектанство“» (*С-П*. 426, 428).

² *Философов Д.* Церковь и революция // Век. 1907. № 18. С. 251–253.

321. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<23.03.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша!

Ужасно приятно получать большие письма. Но как трудно писать! Лекции у нас идут как по маслу. Как это ни невероятно, но действительно кладётся первый реальный камень к будущему, думаю, гордому и величественному зданию Вольного богосл<овского> ун<иверсите>та. Но зато я страшно устаю. Приходится писать невероятно много и ведь всё на темы самые трудные и ответственные. Параллельно с этим приходится поглощать массу «литературы», и с каждым днём я чувствую себя всё более господином своего предприятия. Вчера было наше второе выступление с В. П. С<венцицким>¹. Народу было опять более 200 человек. Лекции сошли ещё удачнее, чем в первый раз. Настроение было очень хорошее. В понедельник 18-го начали в помещении общества читать Каптерев и Тареев. Каптерев читал интересно. Но Тареев прямо «сногшибательно». Это талантливейший человек. Публики было немного, около сорока. И то Валентину и мне пришлось почти насильно заставить придти всех шеровских и королёвских девиц. Но зато теперь уже будет дело иначе. От лекции Тареева все, в том числе и девицы, пришли в такой восторг, что решили не только сами посещать его аккуратно, но и пропагандировать его возможно шире и создать ему действительно достойную его аудиторию. 25-го реферат Бугаева «Социал-демократия и религия»², 26-го лекция Тареева, 27-го реферат Аггеева, 29-го лекции Валентина³ и моя — в результате выходит, что мы прямо бомбардируем московскую публику заседаниями. И ведь ходят и платят покорно за билеты и не ропшут. Прямо чуть ли не стыдно становится.

На твои вопросы я могу ответить следующее:

1. По всей справедливости жалованья себе ты можешь прибавить.

2. Я сдержу своё обещание и буду присылать статьи раз в 2 недели наверно, а может быть и больше. Вот и сейчас шевелятся в мозгу несколько статей. Да уж физика не выдерживает. Я последнее время немилосердно из себя выкачиваю. Выкачал «Жизненную правду», выкачал 2 лекции и выкачаю ещё три до Пасхи. Душе-то ничего. Даже удовольствие от такой чрезмерности. Чувствует, что летит. А вот тело еле-еле справляется с таким напором. И бывают минуты, что я лежу совсем без движения. По совести упрёк в лени от себя отстраняю.

3. Скажи, пожалуйста, что ты подразумеваешь под «осенним пальто»? У меня имеется такая шерстяная «требуха», та самая, в которую ты облакался в бытность твою в Москве и в которой ты выглядел истинным пролетарием, но я всё же сомневаюсь, что ты имел в виду именно её; может быть, ты целишь на «летнее» пальто, которым завладел Валентин? Тогда нужно будет дело повести дипломатично. Во всяком случае, напиши немедленно, *что* именно я должен передать Аггееву, иначе выйдет нечто вроде истории с ковром.

4. Ты пишешь, что на Пасху, может быть, будешь в Москве. Это в высшей степени хорошо. Имей в виду, что у меня квартира в *четыре* комнаты, так что

ты можешь устроиться с полным комфортом. Если приедет и Соня, это будет большая радость. И мне, и Женюре очень хочется побыть с Соней вблизи.

Ты скажи Соне, что я скоро ей напишу.

Лето своё я думаю расположить таким образом:

К 15-му мая мы кончим свои лекции. В это же время разливается Волга. Валентин без Волги жить не может, и мы думаем проехаться вместе по Волге до Астрахани. Мы с Женюрой, может быть, только до Царицына, а оттуда — в Ессентуки, где собирается вся векиловская семья. Устроив Женюру там, я думаю поехать к своим в Тифлис, пробуду с месяц у них и вернусь в Ессентуки. Из Ессентуков, может быть, с Кристи⁴, Беневским и Валентином — совершим религиозное хождение, во-первых, по сектантам, а во-вторых, к *Толстому*⁵. <...> Я думаю приехать в Москву не раньше начала сентября.

Летом поработаю над второй, положительной частью «Социализм, анархия и христианство», посвящённой проблемам христ<ианской> общественности⁶. Кроме того буду усердно работать для «Века».

Пока прощай, дорогой, Господь с тобой и Соней. Привет ей от души.

Твой В. Э.

Я послал тебе брошюру Флоренского⁷, напиши о ней рецензию. Ты умеешь тонко писать о его вещах.

¹ Темой второй лекции Эрн в ВБУ 22 марта 1907 г. было «Время и смерть».

² *Бельй А.* Социал-демократия и религия // Перевал. 1907. № 5. С. 23–25.

³ Свенцицкий в ВБУ 29 марта 1907 г. прочёл доклад «Террор и бессмертие».

⁴ *Кристи* Владимир Григорьевич (1882—1946) — толстовец, друг Свенцицкого, в 1917 г. комиссар Временного правительства в Бессарабии, затем директор внутренних дел в местном правительстве, с 1920 г. в эмиграции. «Я не встречал человека более мягкого, тихого, всё и всех прощающего. ...Он принадлежит к числу настоящих искателей Бога. Такие люди в конце концов всегда находят то, что ищут» (С-III. 634).

⁵ В сентябре 1906 г. Свенцицкий отказался от предложения Беневского поехать к Л. Н. Толстому. «Из „любопытства“ посещать Толстого для меня было невозможно. Поездка могла иметь только один смысл: встать перед ним лицом к лицу. Совесть к совести. А так как я исповедую другие религиозные и философские взгляды, то это значило, кроме того, — „исповедовать“ свою веру и обличать веру Толстого... Этого я и боялся. Меня пугала не „мировая слава“ Толстого. „Как, мол, он признанный гений, а я никому неведомый студент“. И не преклонение перед ним (я скорей „не признавал“ и не любил Толстого), наконец, не самолюбивая „трусость“ быть при других разбитым и пристыженным... Нет. Причины были и глубже, и лучше. Подробно говорить не к чему: скажу только, что вопреки доводам разума и всевозможным благоразумным соображениям — ехать к нему противопоставлять веру его вере было стыдно» (С-III. 558).

⁶ *Эрн В.* Социализм и общее мировоззрение // Богословский вестник. 1907. № 9. С. 35–60; *Его же.* Социализм и проблема свободы // Живая Жизнь. 1907. № 2. С. 40–87.

Последняя статья вышла и отдельным изданием. 30 января 1908 г. МКДП наложил на брошюру арест и просил прокурора МСП возбудить судебное преследование против виновных в её составлении лиц по ст. 132 или п. 2 ст. 129 Уголовного уложе-

ния. 8 февраля М. В. Никольский, указав на основную мысль автора: «Социализм и анархизм или должны отказаться от всех слов о свободе, от всех стремлений своих реально освободить человечество, или же перейти на почву такого мировоззрения, которым осмысливается и обосновывается и возможность факта бессмертия, и возможность уничтожения смерти как внешнего факта; такое мировоззрение открывается в христианстве», констатировал: «Автор обосновывает свой взгляд чисто философски, с знанием и философии, и христианства, и говорит тоном полного убеждения, с полною серьёзностью. ...Более радикального опровержения смысла социалистических и анархических учений я не встречал». Вывод члена совета ГУДП был таков: «Можно только изумляться действию Московского комитета по делам печати... Ведь выходит, что проповедовать идею уничтожения смерти и христианское учение о бессмертии — значит покушаться на ниспровержение существующего строя. Бесмысленно и незаконно». 27 февраля начальник ГУДП Бельгард, приведя множество цитат, указал МКДП, что тот «отнёсся к этому произведению поверхностно, не уяснив себе его истинного смысла и значения», а возбуждение судебного преследования «является совершенно непонятным». 21 марта МСП отменила арест брошюры, но московский генерал-губернатор признал необходимым оставить таковой в силе на всё время действия Положения о чрезвычайной охране в Москве (РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Д. 1729).

⁷ *Флоренский П.* Антоний романа и Антоний предания. Сергиев Посад, 1907 (*Ф-1*. 490–527). Опубликованная ещё до отсылки письма рецензия подписана «С.» (Век. 1907. № 11. С. 137), возможно, её автором был Свенцицкий.

322. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<23.03.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Ваше письмо получил. Признаться, я многому удивлялся, читая его. О многом Вы всё же говорите, *не зная*. Оправдываться и защищаться я не буду. Вы поймёте, конечно, что это и не нужно. Скажу Вам только одно. Я *перед совестью своею* задал себе вопросы, которые Вы ставите мне и Валентину, и по совести чувствую, что нет правды в ваших упрёках. «Не судите по внешности». А если б Вы знали, что за «внешностью», Вам известною, стоит и переживается нами, Вы бы не сказали ничего из того, что сказали.

2-й рассказ мой переписывает Женюра, потому что так он неудобочитаем, когда она перепишет, я сейчас же пришлю. У меня имеется довольно много стихотворений о. Ионы <Брихничёва>. Хотите, я Вам пришлю их? Может быть, Вам пригодятся? Только подписывать его именем *нельзя*. Потому что они присланы из тюрьмы. Его лишат свиданий и домашнего обеда, если узнают, что он пишет.

В понедельник читали Каптерев и Тареев. Каптерев понравился всем. Но Тареев вызвал прямо восторг. С следующего раза аудитория у них значительно возрастёт. Я ужасно доволен лекцией Тареева. Редко приходилось слышать такого тонкого, умного и, главное, творческого лектора.

Павлуша дорогой! Мы, конечно, настаивать не можем. Если Вас расстраивает так сильно перспектива читать, тогда хорошо — не читайте.

Пока прощайте. Женюра просит передать Вам привет. Поклон Сергею Семёновичу.

2-й № «Христианина» я видал только мельком. Но, сколько мог разглядеть, того, что было в первом №, в нём нет, и он заметно стал лучше.

Ну, всего доброго!

Ваш В. Э.

323. В. Ф. ЭРН — А. В. ЕЛЬЧАНИНОВУ

<04.04.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша!

1. Валентин просит, чтобы ты 200 экз<емпляров> его «Бранда»¹ переслал по почте немедленно, потому что он хочет продавать его на публичном заседании 9-го апреля². Остальные пусть перешлют ж<елезной> д<орогой>.

2. Мы с Валентином самым решительным образом *протестуем* против затевания новых дел, подобных «Гол<одному> году»³. Передай это Ник<ольскому>.

3. Насчёт принятия Попова и Глаголева⁴ в «общину» — *полагаемся на тебя*. Если *ты* находишь их подходящими, мы не имеем ничего против.

4. О. Ионе <Брихничёву> мы послали 40 р.

5. К пасх<альному> № Валентин приготовит статью заранее⁵.

6. Я уже стал писать брошюрку для Библ<иотеки> «Века» «*Что нужно делать в ожидании Собора*»⁶. Она выливается из души.

7. Статью Философова⁷ печатайте непременно. Я насчёт неё напишу, поставлю несколько кардинальных вопросов всем неохристианам.

8. На статью И. Осипова⁸ отвечу по существу.

9. Сейчас дописываю 4-ю лекцию. Страшно устал. А Валентин заболел.

10. О своём *решении* немедленно сообщи.

Пока прощай.

¹ Брошюра Свенцицкого «Религиозный смысл „Бранда“ Ибсена» была выпущена 29 марта 1907 г. как приложение к № 16 журнала «Век» (Б-ка «Век». Вып. 8. 24 с.), а затем переиздана (СПб., 1907. Тип. «Отто Унфуг». 31 с.).

² По-видимому, заседание было перенесено

³ Объявленное в «Веке», но несостоявшееся издание сб. «Голодный год».

⁴ К трудовой общине собственников журнала «Век» присоединились: *Понов* Александр Васильевич (1881—1965) — окончил КДА, кандидат богословия, с 1906 г. учился на историко-филологическом факультете СПУ, с апреля 1907 г. ответственный редактор журнала «Век», член ПРФО; *Глаголев* Михаил Фёдорович (1879—?) — член ПРФО, законоучитель в столичном Коммерческом училище, делопроизводитель Страхового отдела Хозяйственного отдела Синода, член Поместного Собора 1917—1918 гг.

⁵ Вместо неё вышла статья Эрн «О чём говорят пасхальные дни» (Век. 1907. № 16. С. 214–215).

⁶ Эрн В. Что делать? // Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 62–91.

⁷ Философов Д. Церковь и революция // Век. 1907. № 18. Аскольдов С. По поводу поучений Д. В. Философова // Век. 1907. № 19. С. 273–275.

⁸ Осипов И. «Таинства и возрождение Церкви» // Век. 1907. № 13. С. 154–155.

324. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<04.04.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Сейчас была у Валентина П. А. <Ивашёва> и сообщила, что ей вручён обвинительный акт по делу о «Стойте в свободе». Следовательно сказал, что такой же акт будет вручён в течение трёх дней и тебе, и таким образом сейчас же будет обнаружено, что тебя нет в Москве. Залог равносителен подписке о невыезде. И раз ты уехал, не уведомив следователя, твоё отсутствие будет рассматриваться как *уклонение от суда*. Решая вопрос о том, являться ли на суд или нет, прими во внимание, что следователю каким-то неведомым для нас образом известно, что ты в Петербурге и работаешь в «Веке». Таким образом, если ты решишь уклониться, тебе *немедленно* нужно выехать из Петербурга. Иначе уклонение будет безрезультатным. Советовать тебе какое-нибудь *определённое* решение мы не можем. Но во всяком случае имей в виду следующее:

1. О «Веке» не беспокойся. Через 1½ недели может приехать в Петербург Валентин. И таким образом твоё отсутствие не отразится на «Веке» пагубным образом.

2. Поэтому ты можешь выехать из Петербурга и поехать туда, куда тебя всегда тянет. Там, я думаю, ты будешь в полной безопасности. Когда же первый пыл тех, кто ищет тебя, уляжется, ты снова можешь приняться за своё дело.

Таким образом, *необходимости* непременно являться на суд нет.

325. И. Ф. Егоров — В. П. Свенцицкому

<05.04.1907. С.-Петербург — Москва>

Глубокоуважаемый и дорогой Валентин Павлович!
и Владимир Францевич!

Поднялся спрос на сочинение С. Н. Трубецкого. Многие искали «Учение о логосе»¹ в Москве, Петербурге, Одессе, не могли достать.

Есть знакомые у меня, которые желали бы видеть «Учение о логосе» во втором издании. А один даже готов взять на себя расходы по изданию.

Будьте добры, ответьте поскорее. Кому принадлежит право на издание сочинений С. Н. Трубецкого и согласится ли он на то, чтобы сочинение «Учение

о логосе» было издано человеком, желающим принять расходы по изданию на себя.

Очень жалею, что не придётся увидиться с Вами и Владимиром Фр<анцевичем>.

Я переутомился, бросил многие дела и стараюсь сидеть дома. Пока плохо удаётся...

Дух мой бодр. Несмотря на разочарование в некоторых людях и начинаниях, смотрю вперед довольно бодро.

Больше чем вопрос, что «возрождение» назревает...

В Петербурге не понимают меня, и, чтобы не обидеть меня, говорят, что я очень индивидуалистичен. И если бы не было Вас и начинаний Ваших, вероятно, я не так бы бодро смотрел вперед.

Далёкий телом, но близкий духом к Вам и с Вами свящ<енник> И. Егоров.

¹ Трубецкой С. Собрание сочинений. Т. 4. Учение о логосе в его истории: Философско-историческое исследование. М., 1906.

326. В. Ф. Эрн — А. С. Глинке

<13.04.1907. Москва — Симбирск>

<...> Как это ни дерзко, мы с Валентином взяли за чтение лекций. <...> Прочли вчера по пятой лекции. <...> Бывает 250–280 человек, и большей частью постоянных слушателей¹. У Валентина на шее образовался довольно болезненный нарыв, и он возится с ним уже недели три. Иногда бывает жар. Последние дни ему стало заметно лучше, но вот сегодня стал появляться новый нарыв в другом месте шеи. Валентину болезнь мешает. Сейчас особенно много дел надвигается, а с этими нарывами ему, по предписанию доктора, приходится сторониться от всякого умственного и душевного переживания.

На днях приезжал из Петербурга Саша Ельчанинов. Ему вручили обвинительный акт по делу о «Стойте в свободе». Но самый суд будет вряд ли раньше осени. <...>

¹ «Публика — разнообразная. И молодёжь, и пожилые люди, много женщин, падают нарядные дамы, и несколько батюшек. <...> Свенцицкий и Эрн производят впечатление людей, несомненно, убеждённых, людей искренно верующих. И аудитория у них внимательная и серьёзная: ни хлопков, ни посторонних разговоров. <...> Здесь бьётся то живое религиозное чувство, которое давно уже течёт мимо официальной церкви» (Любош С. О жизни и смерти // Парус. 1907. 15 апреля. № 55).

327. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<13.04.1907. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя!

Сейчас я страшно занят и освобожусь не ранее Святой¹. Тогда немедленно сяду за статью². Сейчас же она не даёт мне покоя и мучает даже ночью, потому что слишком много разных мыслей, задевающих меня за живое, будет сконцентрировано в ней. В нек<отором> роде это будет синтез моих заветных дум, нечто вроде исповеди. Я чувствую, как уходят силы, и потому те мысли, которые я хотел изложить обстоятельно, с экзегезисом и систематически, и которые берёг, изложу теперь как попало, неучёно, часто, мож<ет> быть (с моей точки зрения), догматически: я тороплюсь. Думаю, что эта статья будет моей лучшей и, весьма возможно, последней, если только придёт пора сделать то, что надо сделать. Об этом не знаю, конечно, но самому мне она кажется содержательной и большой по объёму. Пишу это вот для чего. Если Вам и прочим не слишком тяжело, подождите меня: мне бы хотелось напечатать её именно в «Воп<росах> рел<игии>». Если же не можете ждать, то тогда я пошлю её Мережковским. В ином месте мне абсолютно негде будет напечатать её — и по цензурным условиям, и по редакционным.

Всего хорошего. Поклон от Сер<гея> Сем<ёновича>.

П. Флоренский.

¹ В 1907 г. православная Пасха пришлась на 22 апреля.

² *Флоренский П.* Столп и утверждение Истины (Письма к другу). I–VIII // Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 223–384.

328. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<14.04.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Вы не беспокойтесь. Мы Вашу статью всё равно будем ждать, хоть если Вы напишете её даже к лету, даже к осени. А если Вы её сдадите нам к двадцатым числам мая, то это будет совсем хорошо, потому что к половине мая будут уже набраны те три статьи, которые сданы.

Отчего что-то мучительное и беспокойное звучит в Вашем письме? Отчего Вы называете эту статью свою — *последней*? Мне тревожно за Вас. Павлуша дорогой, если Вам не трудно говорить и писать, скажите, что у Вас на душе? Я Вам может быть ни в чём не помогу, но мне всегда *очень* близки те внутренние страдания, которыми усеян Ваш путь и которые я чувствую в Вас часто, хотя Вы молчите о них. Мне хочется быть с Вами и принять в свою душу то, что мучает Вас. Буду молиться о Вас, как молюсь иногда.

Христос с Вами, прощайте! Привет Сергею Семёновичу.

Ваш Володя.

329. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<25.04.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Я ничего не имею против того, чтобы взять на себя написание указанных тобою листков¹, но... прежде всего мне нужно знать *срок*, т. е. к какому времени должны они быть готовы. Если до 10-го мая — я не могу. Если к второй половине мая — то могу — по крайней мере, хоть один-два листка.

Пожалуйста, не забудь мне написать, как имя, отчество и настоящая фамилия *Аскольдова*, а также адрес его. Мне нужно ему кое-что написать. Отвечать И. Осипову, Мережковск<ому>, Роз<анову> и Фил<ософову> — я буду *сразу*², может быть, в отдельной брошюре. Хочу сконцентрировать. Хотелось бы о многом тебе сказать. Но сейчас я чувствую себя физически плохо.

Прощай. Твой Володя.

Сердечный привет Соне. Очень жаль, что вы не приехали.

¹ Ельчанинов затеял издавать при «Веке» листки для народа, с просьбой написать их обращался и к Флоренскому.

² *Розанов В.* О таинствах (Письмо в редакцию) // Век. 1907. № 17. С. 233–235; *Мережковский Д.* Ответ на вопрос // Век. 1907. № 19. С. 272–273; *Эрн В.* Христианство и мир (Ответ Д. С. Мережковскому) // Живая Жизнь. 1907. № 1. С. 15–46.

330. П. П. Кудрявцев — В. П. Свенцицкому

<Апрель 1907>

С напряжённым вниманием прочитал Ваше «Письмо к духовенству»¹ от начала до конца, да нельзя его читать без живого интереса тому, кому хоть сколько-нибудь дорога, хоть сколько-нибудь близка Церковь Христова... Вы хорошо подметили и то, что плохо, и то, что нужно. Да, в современном приходе нельзя узнать христианскую общину первых веков. Да, нет в храме общей молитвы. Да, у пастыря нет связи с теми, кого он якобы пасёт. Да, архиереи больше похожи на военных генералов или чиновных бюрократов, чем на апостолов Христовых... Всё это верно, ужасно верно, как верно и то, что «необходимо создать религиозную организацию не во внешнем смысле слова, а во внутреннем», что «все наличные религиозные силы, разбросанные по разным углам, должны взойти в взаимодействие, в взаимообщение, почувствовать себя участниками единого общего дела» Так! Именно так! Верно сказано и — убеждённо, сильно... И всё-таки, дорогой Валентин Павлович, мне больно было читать Ваше письмо: я сразу почувствовал в нём дух ревности — дух Илиин, но я не ощутил в нём духа Иоаннова — духа любви...²

«Что вы сделали с Церковью?» — не раз восклицаете Вы, обращаясь к духовенству, и Ваше письмо переходит в такое резкое обличение духовенства,

какого ему до сих пор, может быть, не приходилось ещё слышать. «Вы ушли от жизни — вы заперли свои квартиры от холода и ветра — равнодушные, трусливые, жалкие» и т. д.³ Тут есть всё, что хотите, и негодование, и презрение, но любовь... я, по крайней мере, её здесь не слышу, не чую...

«Что вы сделали с Церковью?»... А мы, дорогой Валентин Павлович, *мы*-то что с ней сделали? Да разве Церковь — духовное ведомство?! Да разве духовное строительство — дело одного только духовенства?! Да разве не все мы — смиренные делатели на великой ниве Божьей?! Откуда ж у Вас эти *мы* да *вы*?! И кто Вам дал нравственное право разыскивать виновных и тащить их на суд, — мало того: произносить самый суд, решительный и грозный? Кто ты, чтобы судить чужого раба (а твоего брата), перед своим господином стоит или падает...

«Что вы сделали с Церковью?!» Вы! всё *вы* да *вы*! Но ведь Вы же сами, Валентин Павлович, знаете, что «одно из ужаснейших искушений — это чувствовать себя одиноким воином, который один в поле», и что — наоборот — «коль скоро каждый будет *видеть*, что он не сам по себе, а вместе с другими приступает к работе Господней», — в этом ощущении он найдёт мощную поддержку и ободрение... А пастыри это видели? Ощущали? Нет, они видели, они слышали пренебрежение и насмешки, они встречали страшную отчуждённость, и те из них, которые с истинным благоговением приступали к работе Господней (бывали и такие!), в большинстве случаев были мучительно одиноки... Винить ли их в том, что порою у них опускались руки и подкашивались ноги... Кто сам без греха — пусть бросает в них камнем...

Сами, скажете, виноваты? Неужели и *это* скажете?! Но ведь это было бы жестоко! Неужели же не ясно до очевидности, что при тех условиях, в каких уж много-много лет (не одно столетие!) протекает церковная жизнь, надо дивиться не тому, что наши священники «ушли от жизни», «погрузились в мёртвый покой смерти» и т. д. (Ваши слова), а тому, что «у нас встречаются сельские священники, и число их не мало, в тишине и смирении совершающие своё святое дело, за которое никто никогда не скажет им спасибо» (слова покойного Рачинского)? «Для многих ли из нас, — продолжу словами того же Рачинского, — вопросы веры — вопросы жизни? Принял ли хоть один из нас эту должность священника, о важности и святости которой мы так охотно толкуем? Что я говорю! Многие ли из нас пошевелил пальцем, чтобы удержать его в нём? — И им жалуемся на то, что священники наши плохи!»⁴

Право, когда вспомнишь всё это, — решительно отпадает охота выискивать виновных, чтобы тащить их к судейскому трибуналу, на котором восседаете Вы с своим грозным: «Что вы сделали с Церковью»? И хочется сказать вместе с старцем Зосимой: «Все за всех виноваты», а высчитывать, кто виноват больше, кто меньше, — теперь, право, не до арифметики (в церковных делах), а главное — раз пошли счёты да расчёты — этот на того, а тот на этого, раз стали перекидываться местоимениями *вы* да *мы*, — из этого толку не выйдет по той простой причине, что эти счёты да перекидывания говорят об оскудении духа любви и всецело обусловленного им духа взаимного

понимания — о поддержке уж и не говорю, — а где нет взаимной любви, где царит не *вместе*, а *врозь*, — какое там созидание?! Какое творчество?! Ведь сами же Вы говорите — и хорошо говорите, — что «все истинно любящие Христа и Святую Соборную Церковь Его должны найти друг друга, чтобы рука об руку во имя Его встать на защиту Его царствия». Да, нужно найти друг друга, нужно работать рука об руку — только боюсь, как бы Ваше письмо — суровое, даже жестокое — не отпугнуло от Вас тех, которые «истинно любят Христа и Святую Соборную Церковь», хотя, может быть, и не говорят об этом... И больно мне за тех одиноких подвижников, которые «в тишине и смирении совершают своё святое дело»: ведь удары Вашего бича хлестнули и по их нервам, а нервы у них чуткие... Больно им!..

Нет, дорогой Валентин Павлович, вместо того, чтобы судиться друг с другом, не лучше ли — в сознании общей вины — всем нам, кому больно видеть язвы на теле Христовом, — и пастырям и мирянам, — протянуть друг другу руки, чтобы вместе идти на работу? А то Вы готовы на пастырей, среди которых, конечно, много, и очень много, не проснувшихся или растерявшихся, взвалить такое бремя, которое, право же, им не под силу, — великое бремя трёх «святых дел»! Служения полному политическому освобождению, полного — без каких-либо компромиссов — самоотречения и христианского решения общественных вопросов, вопросов науки и культуры... Можно бы подумать, что Вы смеётесь, если бы не безумно было предполагать смех в речи о таком деле, как возрождение Церкви...

Довольно!.. Простите, если сказал что-либо лишнее. Если бы не был убеждён, что перекидывание словечками *вы* да *мы* пагубно в том святом деле, которое нам с Вами близко и дорого, — не взялся бы за перо... Чем ближе мне Ваши мысли о церковных язвах и наших задачах, тем больнее тон Вашего письма — решительно не христианский⁵. Хотелось бы думать, что он был произвольным выражением временного настроения...

¹ Ранний вариант второй части «Писем ко всем» публиковался без подписи в газетах «Два пути» (1906. № 1. С. 4–7) и «Новоторжский голос» (1906. 29 октября. № 102); близкий к окончательному — в журнале «Век» (1907. № 14. 8 апреля. С. 174–177).

² Получается, что христианству противны Илия и совершавший служение в *духе* и силе его Иоанн Креститель... Истинно сказано: когда убьёт зверь двух свидетелей Божиих, люди «будут радоваться сему и веселиться», потому что пророки «мучили живущих на земле» (Отк. 11, 10).

³ Ср.: «Иереи Мои, — глаголет Господь, — любят спокойствие, негу, деньги, одежды богатые, квартиры роскошные и великолепные убранства, отличия и награды земные, а овец Моих не пасут, себя пасут, а не овец Моих... Иереи Мои — псы немые, не могущие лаять (Ис. 56, 10) по причине пристрастия своего к тленным благам, расточили овец Моих, и волк расхищает их (Ин. 10, 12)» (Иоанн Кронштадтский, св. прав. Творения. Дневник. Т. 6. М., 2012. С. 74–75). «Современный священник для прихожанина, особенно деревенского, является лицом, ничего не делающим иначе, как за плату, хотя бы и малую: духовного общения нет» (Хомяков Д. Соборное завершение и приходская основа церковного строя. М., 1906).

⁴ *Рачинский С. А.* Заметки о сельских школах. СПб., 1883. С. 33–34. Перед этим утверждалось: «Да, священники наши плохи. Наше духовенство чахнет и гибнет, гибнет медленной, позорною смертью, похожею на самоубийство».

⁵ Ср. оценку Д. И. Боголюбова, не раз критиковавшего работы Свенцицкого: «Статьи молодого автора не свободны от крайностей, но всегда свежи по трактуемым предметам; в них много смелости, литературной яркости, „досказанности“; однако все они определённо-христианского взгляда и характера; на всех лежит печать своеобразного религиозно-идеалистического и даже мистического одушевления» (Отдых христианина. 1908. № 11. С. 67).

331. В. П. Свенцицкий — П. П. Кудрявцеву

<Май 1907>

«Если бы не был убеждён, — пишете вы в своём письме ко мне, — что перекидыванье словечками *вы* да *мы* пагубно в том святом деле, которое нам с вами близко и дорого, не взялся бы за перо».

Если бы я не верил в искренность ваших слов, я не стал бы отвечать вам.

Первый и основной упрёк, который вы делаете мне, состоит в том, что я будто бы всю вину в отношении Церкви сваливаю на духовенство, заставляю его нести тяжёлое бремя трёх «святых дел», что я в «Письме к духовенству» спрашиваю, что сделало оно с Церковью, и не задаю другой вопрос, что сделали с Церковью *мы*. Вы спрашиваете: «Откуда ж у вас эти *мы* да *вы*?!»

Я останавливаюсь пред вашим вопросом с полным недоумением. Разве *сознание* личной вины лишает человека права, даже обязанности, указывать вину тому, кто её не сознаёт? Разве сознание общности греха кладёт запрет на открытое, без всяких замалчиваний, обличение беззаконий?

В другом месте по другому поводу я говорил, и буду говорить, о вине перед Церковью и мирян, и даже о своей собственной вине, но это нисколько не лишает меня ни права, ни обязанности сказать то, что я сказал в отношении духовенства.

Впрочем, даже из «Письма к духовенству» видно, что я признаю вину мирян. Вспомните следующее место: «Бесчисленными устами, как затверженный урок, *мы* говорим: верую в Святую Соборную Апостольскую Церковь... „Церковь — собрание верующих“, — *мы* повторяем это, как надоевший урок, но переживается ли хоть одна миллионная доля того, что значит „собрание верующих“? Прямо говорю: нет, не переживается, не чувствуется, ибо, если бы одна миллионная доля переживалась, ужаснулись бы пред тем, во что превращена Церковь, и без колебаний отдали бы всю жизнь свою на то, чтобы кровавыми слезами омыть опозоренное тело Христово».

Как видите, здесь говорится о *нашей* вине, правда, говорится мельком, но вполне понятно, что в «Письме к духовенству» я прежде всего и должен был говорить о вине духовенства, тем более что всё же действительно полагаю некоторую разницу между *мы* (мирянами) и *вы* (духовенством).

Какого бы вы обо мне мнения ни были, поверьте мне в одном: сейчас я никогда не надел бы рясы. Не надел бы именно потому, что не считаю себя внутренне, пред Богом, готовым выступить в *назорейской одежде* проповедовать Его Имя, вязать и отпускать Его Властью.

Вина *наша*, мирян, громадна, вина *пастырей* велика вдвойне. Кому больше дано, с того больше и спросится¹. Пастырю дана *особая* сила, *особая* власть, он должен ответ дать за неё не только пред Богом, но и пред людьми.

Но мне кажется, вас больше всего задела не принципиальная сторона. Вы признаёте, что я верно указал на язвы нашей церковной жизни и правильно понял очередные её задачи². Дело в другом.

Вы пишете: «Чем ближе мне Ваши мысли о церковных язвах и наших задачах, тем больнее тон вашего письма *решиительно не христианский*».

В этом, очевидно, вся суть. *Мы и вы* не столько отталкивает вас как принципиально недопустимое разделение, сколько как показатель моей ветхозаветной суровости и антихристианской гордости.

Нет ничего труднее, как *писать о тоне*. Печатное слово не устная речь. Но всё-таки скажу прямо: смиренный тон, в обычном словоупотреблении, считаю самой опасной язвой нашего религиозного движения.

Не должно быть никакого снисхождения, никакой пощады греху³. Кто бы ни грешил, кто бы ни осквернял Церковь, кто бы ни плевал на пречистое тело Христово — я ли, само ли духовенство, миряне ли, — нет у меня других мыслей, других чувств, других слов, кроме тех, в которых вам угодно было усмотреть «дух Илии»⁴.

Верьте или нет, как хотите, но если бы это могло иметь для кого-нибудь какое-нибудь значение и я написал бы всё то, чем всякий час обличаю себя, вышло бы письмо «К самому себе», несравненно более «жестокое», чем письмо к духовенству.

Вы хотите, чтобы я мягко говорил о безобразных язвах на нашей жизни! Поймите, можно стараться лечить язвы безболезненно. Но если больной упорно не хочет их видеть, сознать во всём их роковом значении, то здесь нужны не мягкие, успокоительные слова, а слова, соответствующие тому чувству жалости и негодования, которые поднимаются в душе, когда видишь, как любимый человек губит себя своими собственными руками.

А духовенство наше именно губит себя, губит жизнь, губит Церковь, оно *не понимает*, к какому подвигу обязывает современный момент, оно *не чувствует*, что только мученичество может создать «церковное обновление», оно думает, что дело как-то тихо, смиренно, «само собой» уладится⁵. А тем временем тело Господа рвут в клочки и топчут в грязь!

И вы требуете, чтобы я говорил не так резко и не бил «по нервам». Да знаете ли вы, что нет на человеческом языке тех огненных слов, которыми должно быть обличено всё беззаконие, всё падение нашей религиозной жизни⁶.

Вы, далее, не усматриваете духа любви, духа Иоаннова в моём письме. Пусть так. О том, люблю ли я людей, люблю ли тех слабых священников,

которых так обличаю, я здесь говорить не стану, ибо словесные заявления для вас, конечно, не имеют никакого смысла.

Скажу лишь, что я считаю *самые жестокие обличения необходимым следствием подлинной любви*. Конечно, можно обличать и не любить, но нельзя любить и не кричать от ужаса и боли, когда видишь, как позорно живёт твой любимый человек. Пусть я сам грешник. Пусть я не могу не бичевать Христа своей подлой жизнью! Но я люблю Его. Люблю всем сердцем своим, всеми помыслами своими, всей душой своей и потому, сам грешник, не могу не обличить позор всех мучителей Его, весь современный синедрион и современного Пилата.

Отсюда ясен ответ и на последний ваш вопрос: «Кто дал вам нравственное право разыскивать виновных и тащить их на суд?»

На суд тащить никто мне права не давал. Но «на суд» я никого и не тащу. А преступление назвать преступлением даёт мне право моё христианство. Да, не боясь быть снова уличённым вами в гордости, заявляю: я *христианин*.

Пусть я хуже и грешнее всякого язычника, но самый грех мой уже другой, ибо я мучаюсь им *как христианин*. Я утверждаю, что только ложное смирение может внушать кощунственную боязнь называть себя христианином, учеником и последователем Господа нашего Иисуса Христа. Раз вы принимаете Таинства, ходите в Церковь, этим уже признаёте себя христианином, т. е. *членом Церкви Соборной, Апостольской и Святой*. Значит, есть и в вас *святость*, значит, есть и у вас *нравственное право*, чтобы и вы могли говорить об имени Его как «власть имущий».

В заключение позвольте сказать следующее. Вы считаете пагубным перекидываться словечками *вы да мы*, а я считаю бесконечно более пагубным ту мягкость, которую вы незаконно называете духом Иоанна.

В вашей совершенно правильной идее «*все виноваты*» люди слишком привыкли видеть убежище для своей совести. На миру, мол, и смерть красна. Где нам быть героями, когда все грешны! В сознании общности греха немногие с *большой* остротой начинают чувствовать свой *личный* грех, большинство, наоборот, свой грех стремится растворить в сознании общности греха. И я уверен, что, прочтя ваше письмо, многие, к кому оно относилось по всей справедливости, облегчённо вздохнут и скажут: «В самом деле, с чего это обращать внимание на такое письмо, разве сам-то автор не грешен, да и кто дал ему право тащить меня на суд?»

И так рассуждающий будет глубоко неправ. Я сознаю свой грех, и именно потому, что сознаю, и имею право обращаться с обличением к тем, кто в принцип возводит свою слабость; *указывать* другому то зло, которое он не видит, или *сваливать* это зло на другого — не одно и то же.

Если я в чём грешен, пусть обличат меня⁷. Только указывая друг другу язвы, без всяких снисхождений, без всяких робких вопросов «имеешь ли на это право?», обличая друг друга в меру сознания собственных грехов, можно воистину совершать работу Господню⁸.

Вот всё, что я могу ответить на ваше письмо. Во всяком случае, спасибо за него. Резкость вашего тона принимаю без обиды, ибо чувствую, что она

вырвалась от любви. Я не согласен с вашим письмом, но оно мне дорого, потому что вы в нём пытаетесь выполнить самое нужное в настоящее время: «...подать друг другу руки, чтобы вместе идти на работу».

¹ «И от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12, 48).

² «Напомним красноречивые страницы И. С. Аксакова и В. Соловьёва, которые раскрыли с такой силою язвы нашей государственной Церкви с её антиканоническим управлением, отсутствием независимой духовной власти и церковной свободы... И при взгляде на её упадок и запустение, на невежественное, коснеющее духовенство, получающее дикое, безобразное воспитание и не способное ни понимать, ни удовлетворять духовных запросов своей паствы; при виде глубокого отчуждения от Церкви всей образованной части общества и постоянного отпадения религиозных народных масс, влекомых духовной жаждой; при виде всей этой немощи и бессилия, оскудения духа, принижения, деморализации иерархии, порабощения Церкви, что должен чувствовать истинно верующий, православный человек, видящий в Церкви положительную, зиждующую основу не только государственности, но и жизни? Что должен чувствовать верный, искренний ревнитель Церкви, движимый стремлением охранить ее от святотатственных посягательств, от осквернения, распаденья? Сквозь золото риз он видит цепи, сковывающие Церковь, и, как верный сын её, он молится за её освобождение...» (*Трубецкой С.* Собр. соч. Т. 1. М., 1907. С. 477–478).

³ Ср.: «Ибо возмездие за грех — смерть» (Рим. 6, 23)

⁴ И здесь проявилось единомыслие участников ХББ: «Не боясь никаких гонений... Церковь должна... с истинным дерзновением обличить весь позор существующего порядка» (*С-ИИ.* 5–6); «В суд, в осуждение — в страшное осуждение будем принимать мы св. Тайны Господни, доколе не прекратятся в Церкви злодеяния, доколе члены её, от царя и его помощников до последнего нищего, будут, по нашему попустительству, оставаться не обличёнными» (*Ф-Вк*).

⁵ Ср.: «Вы ещё не до крови сражались, подвизаясь против греха» (Евр. 12, 4).

⁶ «Энергическое учительство верующих православных мирян всегда проявляется в такие только периоды, когда либо бездействуют имеющие непосредственную обязанность учить, либо отступают в своём учительстве от безусловной простоты вверенного предания» (*Аксаков Н.* Духа не угашайте! М., 2002. С. 14).

⁷ Ср.: Ис. 58, 1; Мф. 18, 15; Пс. 140, 5; Ин. 8, 46.

⁸ См.: Еф. 5, 11; 1 Тим. 5, 20; 2 Тим. 4, 2; Пр. 10, 17; 19, 20. «Истинная вера каждого сопровождается заинтересованностью в вере всех, заботою о вере всех... равносильна радению о вере других. Вот уже и повод к учению от ближнего и наставлению ближнего, к заботе о душах других и о всей Церкви» (*Аксаков Н.* Указ. соч.).

332. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<04.05.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Мне нужно повидаться с Вами по нескольким делам. Напишите мне, пожалуйста, застану ли я Вас в академии, если приеду в чет-

верг или пятницу, т. е. 10 и 11 мая, и вообще до каких пор Вы думаете быть в Сергиеве? Может быть, приедете до 14-го в Москву? Тогда мне будет незачем ехать. Прощайте.

Ваш Володя.

333. В. А. Никольский — В. П. Свенцицкому

<05.05.1907. С.-Петербург — Москва>

Милостивый государь Валентин Павлович.

По постановлению трудовой общины, честь имею препроводить при сём копию договора общинников от 1 марта с. г. о принятии в собственность еженедельника «Век», с просьбою подписать таковую (имя, отчество, фамилия) и вернуть обратно в редакцию «Века».

По произведённым расчётам, издание «Века» материально обеспечено по 1 декабря сего года, и есть основания предполагать, что продолжающаяся подписка пополнит ныне недостающую сумму (около 1500 рублей) на издание «Века» и в декабре. Договор заключён домашним порядком и оглашению не подлежит.

При невозможности по каким-либо причинам подписать договор прошу возвратить прилагаемую копию.

С истинным уважением, директор-распорядитель общины Никольский В. А.

334. В. А. Никольский — В. Ф. Эрну

<05.05.1907. С.-Петербург — Москва>

Посылаю Вам, многоуважаемый Владимир Францевич, и Вал. Павловичу копии договора. Если не рассчитываете скоро быть в Питере и совершить рукоприкладство на самом договоре, — воспользуйтесь копией.

Засим: решено избрать ревизионную комиссию из 3-х лиц для еженедельных проверок кассы и фактической ревизии годового отчёта (я, конечно, в избрании не участвую). Не пришлёте ли имена 3-х избираемых Вами на моё имя, а также и Валентин Павлович.

Р. С. Такие же предложения посылаются оо. Добронравову, Цветкову¹, Боголюбскому и Поспелову. Может, они обратятся к Вам за справками и т. п.

Готовый к услугам В. Никольский.

¹ *Цветков* Николай Васильевич (1862—1942), прот. — окончил МДА, кандидат богословия (1886), настоятель храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы на Варварке в Москве с 1888 г., член Поместного Собора 1917—1918 гг.

335. Н. С. БАГАТУРОВА — В. Ф. ЭРНУ

<07.05.1907. Казань — Москва>

Пароход Казань — Астрахань. Мы в Казани. Будущие биографы В<алентина> П<авловича> прославят этот город как родину великого мужа В. С<венцицкого>. Смотрели на трамвае Казань: отличительная черта — изобилие татар и грязи. Волга превосходна. В. П. ест целый день, спит без конца, пьёт, переживает, «ощущает»!

А Надя съела все конфеты и перемигивается с каким-то пьяным студентом!!!!¹

Врёт, всё врёт!!!! В. П. невероятно потолстел и душится для прельщения дам о-де-колоном.

В. П. решил, что он красив, и потому усталил всю каюту зеркалами и всё время смотрится в них, я боюсь, что у него на этой почве создаётся — мания величия. Что тогда делать с сумасшедшим. Придётся в <конец текста>

¹ Выделенное курсивом написано Свенцицким.

336. С. Н. БУЛГАКОВ — А. С. ГЛИНКЕ

<07.05.1907. С.-Петербург — Симбирск>

<...> Я начал снова «линять» и не знаю, до чего долиняю. Бердяев покачивает головой, а я знаю, хотя и в бездне греховной валяясь, что «жив Господь Бог мой», и это всё. Прощайте. Да хранит Вас Господь!

В Думе я — внешний человек, <нрзб.> как умею.

Ваш С. Б.

337. В. Ф. ЭРН — А. В. ЕЛЬЧАНИНОВУ

<10.05.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша!

Я действительно занят «неистово». Так что объяснений, почему не писал, приводить не буду. Писать нужно очень о многом, а времени совсем мало, и потому буду писать «по пунктам» и кратко.

1. Прежде всего о *Соборе*. Мне кажется всё тут настолько ясным, что, кажется, нет ни одного сомнения. Собор, созываемый Синодом, в его теперешней обстановке, т. е. со всеми антицерковными ограничениями, — мы никогда не можем признать Собором¹. Значит, бойкот? Нисколько. Для нас² синодский собор — это *съезд*, состоящий из епископов, священников и мирян. Съезд, могущий иметь громадные последствия, а потому: а) мы должны в нём принять возможно более деятельное участие, б) пропагандировать, что съезд этот, не будучи Собором, *может* создать условия для осуществления истинного Со-

бора. Это создание условий состоит целиком в *раскрепощении* церковных сил, в *снятии всяких пут*, в предоставлении не словесной, а настоящей и полной свободы религии, т. е. права проповедовать, писать, говорить все религиозные идеи, свободы создания религиозных общин и общественности, свободы съездов и т. д.³ Словом, идейное и религиозное отрицание синодского собора, признание его только в качестве *съезда*, это с одной стороны. А с другой — *положительное и активное* отношение к нему как к *съезду*. Так и будем советовать всем прогрессивным и радикальным батюшкам: «Идите на собор, но только как на съезд». Необходимо чтобы на «соборе» был хоть *один* голос истинно христианский. Его услышит *вся Церковь* и своим одобрением *post-factum* делает его голос соборным голосом пробуждающейся Церкви, хотя бы на этом «соборе» — большинство закидало его митрами и шапками⁴.

2. Брошюрку о Соборе напишу в первую голову, как приеду в Ессентуки. Я очень хочу её написать. Значит, числа 30-го мая уже пришло.

3. Валентин с Надей уехали по Волге 4-го мая — так что всё теперь лежит на мне.

4. 3-го мая было заседание с моим рефератом «О прогрессе»⁵. Прения были удручающие.

5. На днях получил от отца Ионы печальнейшее письмо. У него туберкулёз кишок. Доктора говорят, что, если он сейчас же, как его выпустят, не уедет в Абастумани на месяца 3-4, он умрёт. Ergo, ему необходимо ехать. Ergo, нужно достать 200-300 рублей. Я кое-что собрал. Но это гроши. Напишу Егорову и Аггееву, пусть дадут рублей по 10 и дадут тебе (я так им напишу), и ты перешлешь мне в Ессентуки по адресу, который я тебе оттуда пришлю. Но и этих денег мало. Я решил печатать открытки. Пробовал в типографиях — никто не берёт. Чмич, как всегда, отвливает безжалостно. Приходится печатать самому. Сегодня напечатал 150 штук. Завтра и послезавтра думаю напечатать 850, итого 1000 по 20 коп. — 200 руб. <...> Саша, дорогой, постарайся их распространить и, собравши деньги, вместе с теми, которые (по всей вероятности) получишь с Аггеева и Егорова, пришли мне в Ессентуки. Присылай в Ессентуки, ибо это сборный пункт. Если их не собрать, они разойдутся по мелочам. Открытки выходят очень недурно.

6. Я еду, если успею, 17-го или 16-го. По Волге. По всей вероятности, вместе со Штанделем, «невестой» его и Синельниковым.

7. Сегодня уехала в Финляндию нанимать дачу *Ольгуша* <Шер>. Последнее время, особенно после отъезда Нади и Валент<ина>, мы с нею сдружились.

8. Последним № «Века» я *очень* доволен. Твоя статья мне *положительно* нравится⁶. Чувствуется, впрочем, что она была бы яснее, если бы не «цензура». Частности в ней лучше и сильнее, чем целое. Тебе не трудно было её писать. С внешней стороны кажется, что начало написано разом. А над второй половиной ты как будто помучился, так ли? Статья Бердяева после памфлета Амфитеатрова мне показалась слабой, но приятно было увидеть его на страницах «Века»⁷. Розанов привёл меня в умиление⁸. Изумительно искренняя и точная передача своих мыслей и чувствований! (И. Осипову,

Розанову, Мережковскому и т. д. я отвечу сразу в отдельной брошюре «Церкви мистич<еская> и историч<еская>»⁹.) Но всего больше мне понравилось письмо Кудрявцева. Удивительно глубоко и верно написано. Валентину будет полезно прочесть. С авторитетом написано. Хроника очень хорошая, и приятно, что стало много корреспонденций. Хотя «Жажда перемен» проникнута немного пасквильным духом. Такого сорта писаний нужно как можно меньше.

Саша дорогой! Передай Соне, что и мне несколько раз очень хотелось написать ей, но, видно, до Эссентуков ничего не выйдет. О, Эссентуки! Сколько уже надежд связано у меня с этим неизвестным мне местечком! Дел у меня до бесконечности, и самого неожиданного свойства. Всё почтальоны огорчивают. Я теперь боюсь распечатывать письма; с ужасом думаю: новое дело!.. В общем, все дела эти чепуха; ими занята только верхняя оболочка, а под нею веселие духа — какое-то тайное ликование. Прощай, целую тебя. Искренний привет Соне. От меня и от Женюры.

Твой В.

¹ Например, по высочайше утверждённому 25 апреля 1907 г. порядку, делегатов на Собор из выдвинутых церковным народом должен был отбирать епархиальный архиерей. Ср.: «Под именем будущего собора обещают провести тёмное, не церковное крепостническое учреждение, без мирян и с безопасными священниками, избранными также юмористически, как члены Государственного совета... Почти не прикровенно звучит обещание фальсифицировать собор» (*Михаил (Семёнов)*, архим. Программа обер-прокурора // Товарищ. 1907. 17 февраля. № 194. С. 3).

² Общую для редакции «Века» точку зрения выразил Свенцицкий: «Мы, во имя религиозной правды, восстаём против мёртвых начал, положенных в основу предполагаемого Собора. Но мы были бы глубоко несправедливы, если бы ограничились... только протестом против правил, изданных Синодом. ...Призываем всех, воистину любящих Церковь Христову, к самому горячему участию в предстоящем Соборе... Пусть подлинный религиозный голос останется на нём в меньшинстве... какое значение для религиозного сознания и для церковного возрождения будет иметь этот голос меньшинства, знает один только Бог» (*С-П.* 312–320).

³ Ср.: «Вековые преступления против свободы совести тяжёлым свинцом лежат на исторической совести русской церкви» (*Булгаков С.* Неотложная задача. М., 1906. С. 7).

⁴ Ср.: «Они считают нас за полчеловеков, которые думать и рассуждать не умеют и не должны. А мы... заявим твёрдым голосом, что, мол, если желаете затевать перемены, оставляя старое, устроять новое, то извольте пригласить и нас, извольте послушать и наши рассуждения» (*А. Х-ъ.* За права человека // Церковное обновление. 1907. № 9. С. 69).

⁵ Доклад назывался «Социализм и христианство в их учении о прогрессе». В 1908 г. под другими названиями он снова звучал на заседаниях МРФО и ПРФО, а затем был опубликован (*Русская мысль.* 1909. Т. 2. Отд. 2. С. 142–159).

⁶ *Ельчанинов А.* Опасный путь // Век. 1907. № 17. С. 229–230.

⁷ *Бердяев Н.* Нигилизм на религиозной почве // Век. 1907. № 17. С. 231–233. *Амфи-театров А., Аничков Е.* Победоносцев. СПб., 1907.

⁸ *Розанов В.* О таинствах // Век. 1907. № 17. С. 233–235.

⁹ *Эрн В.* Историческая церковь // Церковное обновление. 1907. № 11. С. 81–83.

338. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<17.05.1907. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Где ты будешь летом? Высылать ли тебе «Вопль» и куда? Не можешь ли ты испросить в конторе «Христианина» высылать нам журнал и *листки*, а мы будем в обмен высылать своё. Об этом сообщи мне по адресу редакции «Века»: Невский, 40-42, кв. 26.

До какого числа ты будешь в Сергиеве? Мы издаём при «Веке» листки для народа; я думаю, они тебе пригодятся для толпыгинских крестьян. Твоя «Радость на веки» мне очень нравится¹.

Прощай пока, мой адрес — «Век».

Всего тебе хорошего. Саша.

¹ *Флоренский П.* Радость на веки. Слово, сказанное за литургией 7 янв. 1907 г. в храме села Толпыгина Нерехтского уезда Костромской губернии // Христианин. 1907. Т. 1. № 2. С. 248–257.

339. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<22.05.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой П<авел> Алек<сандрович>.

У меня к Вам следующие дела.

1. Сообщите (по адресу: С.-Петер<бург>. Васильевский остров, 6 линия, 15, свящ<еннику> К. М. Аггееву для В. П. Свенц<ицкого>), будете ли Вы в Сергиево 10 июня.

2. Рукопись Вашу для Сборника пошлите на моё имя по адресу Соловьёвского об<ще>ства.

3. Куда посылать Вам корректуру?

4. Напишите в Петербург её заглавие (для объявлений).

5. Посылаю Вам очень плохой рассказ, который Вы читали 3 года назад. Если можно, напечатайте его в «Христианине» за подписью «Омега»¹. Знаю, что рассказ очень слаб, но, во-первых, всё же в нём есть кое-что путное, а главное, пишу вполне откровенно, мне *очень* нужны деньги. Поэтому печатайте в том только случае, если «Христианин» *хотя бы очень мало*, но платит. Напишите об этом в Петерб<ург>.

6. Не должен ли я предпринять каких-либо шагов для зачисления меня в вольнослуш<атели> академии?²

7. Крепко Вас и Троицкого целую и желаю Вам всего доброго.

8. Сегодня уезжаю в Петербург.

9. Писать по пунктам научился у Саши <Ельчанинова>.

10. Ваш Вал. Свенцицкий.

¹ Произведения с такой подписью в журнале не печатались.

² Свенцицкий ещё в 1904 г. намеревался параллельно с учёбой в ИМУ слушать лекции в МДА, а С. Н. Трубецкой горячо убеждал его не делать этого; спустя два года ездил туда для изучения древнееврейского языка (С-II. 324; С-IV. 554).

340. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. П. СВЕНЦИЦКОМУ

<Май 1907. Сергиевский Посад>

Дорогой Валентин Павлович!

Рукопись ещё не написана, и я прямо в отчаянии, т. к. экзамены отбили всё время. Насчёт корректуры напишу, когда пришлю рукопись для сборника, которую я не начинал. Ваш рассказ передал в редакцию. Но когда будет напечатано — не знаю. Впрочем, может быть, напишу на днях.

Относительно вольнослушательства Вашего надо будет подать прошение, но не сейчас, а, кажется, к концу июля. Об этом объявляется, насколько знаю.

Заглавие моей статьи: «Столп и утверждение Истины».

341. В. Ф. ЭРН — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<25.05.1907. Эссендуки — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

1. Когда я был у Вас, я совсем забыл поговорить с Вами о Вашей статье во второй выпуск «Вопросов религии». Что с нею? В каком она положении? Дело в том, что отданные в типографию три статьи (Валентина, свящ^{ен}ника Егорова и моя) *уже набраны*. И значит, задержка, выходит, за нами. Пожалуйста, Павлуша, поспешите с своей статьёй. В сборнике будут ещё статьи Бердяева, Аскольдова, Волжского, но все эти статьи будут представлены к 1 июля. Не могли ли бы Вы свою статью кончить к 15 июня? Иначе с сборником будет большая задержка.

2. План книги «История религии»¹ такой:

- а) П. А. Флоренский. Дохристианская религия. 27 стр.
- б) А. В. Ельчанинов. Буддизм. 10 стр.
- в) Проф^{ессор} Мышцын. Религия Израиля. Религиозная история еврейского народа. Пророки. Библейская критика. 12 стр.
- г) В. Эрн. Первоначальное христианство. 50 стр.
- д) Карташёв. Русская Церковь. 12 стр.
- е) Проф^{ессор} Каптерев. Раскол. 5 стр.
- ж) А. В. Ельчанинов. (?) Сектантство. 7 стр.
- з) Свенцицкий. Христианство и современность. 37 стр.

Вы не удивляйтесь, что страниц стало меньше. Раньше я считал 240 стр., а теперь 160 стр., но число букв останется прежнее, т. е. 400 000 букв всего. Так

считать легче. Каждая страница по теперешнему счёту имеет 2500 букв. Так что Ваши 27 стр. имеют 2500 × 27, т. е. 67 500 букв.

С издателем мы переговорили уже *окончательно*. Между прочим он сказал, что вместо 400 р. за всю книгу он заплатит 500 р. Я забыл Вам сказать, что в тексте могут быть *иллюстрации*, и довольно много: штук 70. Это Вы имейте в виду. Можно даже штук 6 иллюстраций во всю страницу — на отдельных местах.

Напоминаю Вам: Вы обещали переговорить с проф<ессорами> Каптеревым и Мышцыным. Пожалуйста, не забудьте!

3. Как у Вас идут карточки о Ионы? Если продали все — деньги перешлите мне. Мой адрес: Ессентуки (Кавказ), Курсовая ул., дом Мандалова.

Когда Вы будете в Тифлисе? Я буду числа 10-12 июня.

Пока прощайте. Всего доброго Вам! Пишу так нескладно, потому что очень разбит с дороги и вдобавок ещё заболел.

Женюра просит Вам передать привет. Вы совсем очаровали её своими познаниями по фотографии.

Любящий Вас Володя.

¹ Ельчанинов А. История религии. М., 1909.

342. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<26.05.1907. С.-Петербург — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Ваш фельетон пойдёт. Обсудив Ваше предложение, «Редакция» (!) «честь имеет» довести до Вашего сведения следующую резолюцию:

- 1) Просить Вас писать 1 раз в 3 недели.
- 2) Общий подзаголовок «Литературные письма».
- 3) Платить будем 5 к<опеек>.
- 4) Размер до 400 строк.
- 5) Об Иуде не пишете, есть уже статья Аскольдова...¹

Вот и всё о делах. С. Н. <Булгакова> видел — отказываюсь от всего, что говорил с Вами, он действительно «линяет» и переживает. Кричит, но совсем в другую сторону — в сторону уединённого аскетизма.

«Век» встаёт на ноги, Никольского помаленьку сокращаем, только беда с летом — все разъезжаемся и остаётся хозяйничать Никольский. Боимся, что наделает бед.

Присылайте статью для «Вопр<осов> религии», не забудьте.

Вал. Свенцицкий.

P. S. Виделись ли с Франц<ычем>?

¹ Аскольдов С. Иуда и «другие» в понимании Леонида Андреева // Век. 1907. № 23. С. 358–362.

343. С. Н. БУЛГАКОВ — А. С. ГЛИНКЕ

<27.05.1907. С.-Петербург — Симбирск>

Милый Александр Сергеевич!

Вчера получил Ваше любящее и беспокойное письмо. Оно очень взволновало меня. Хотя Валентин Павлович (который уже здесь) говорил мне о тех предположениях, которые Вы оба делали относительно моего «линяния», но я отнёс это больше к нему, который мог за это принять и несомненное от него религиозное отталкивание, весной особенно обострившееся во мне. Ваши теперешние опасения суть, конечно, прямое зеркало моей религиозной слабости, которую сознаю всеми силами, всеми глубинами своей души. Очевидно, слабость эта так велика и впечатления от неё так сильны, что даже и Вы, с которым меня соединяет самое, м<ожет> б<ыть>, большее внутреннее взаимопроникновение в религиозной жизни, стали опасаться, что я — переводя на язык грубый и резкий — возвращаюсь к атеизму. Я знаю, что только любовь и забота обо мне Вам это подсказывает, но возможность этих опасений вселяет острую печаль в моё сердце. Ради Бога, не считайте это упрёком, Вы сами понимаете, что иначе это и быть не могло.

Нет, милый А. С., Вы не правы. «Линяние» моё совершается в совершенно противоположном направлении, в направлении, если кратко и условно выразиться, к «православию» с его аскетической, мироотрицающей философией. Думские впечатления (подобно впечатлениям от «Народа») дали мне огромный душевный и жизненный опыт, под впечатлением которого у меня закипела — неожиданно — внутренняя работа новой переоценки ценностей и самопроверки. Сами собой стали знаки вопроса (хотя ещё и нет ответа) над старыми догматами христианской «политики», «общественности», культуры etc. Думать некогда, да и нельзя ускорить этого, работа души идёт сама собой, но кое от чего я освободился уже окончательно (как, например, от христианской политики или братства борьбы), почему и «окадетился» окончательно. За это время мне пришлось — хотя и мало — знакомиться с аскетической и святоотеческой литературой, на Святой я проникался Тихоном Задонским, и мне давало это так много, так открывало внутренние очи и обнаруживало кривость и религиозную неподлинность многого. Вы думаете, что я для мира отказался от Бога, ради тех его прелестей, которые открылись мне в Государственной думе, — нет, м<ожет> б<ыть> даже слишком мир всё утрачивает для меня абсолютную ценность, обескушивается, я всё сильнее чувствую правду и глубину розановской альтернативы в статье об Иисусе Сладчайшем: или мир — или Христос¹.

Всё для меня ещё вопросы, а не утверждения, но в таком состоянии я не могу писать по религиозным вопросам, ибо не могу повторять старые формулы, которые перерос, а нового не нашёл. Я думаю, что Вы, в конце концов, мне близки сейчас, несмотря на некоторую Вашу литературность (вкус к которой я всё больше утрачиваю, а писать по серьёзным вопросам становится всё труднее и мучительнее), понимает меня и Антон Владимирович Карташёв, — и в сущности разделяет (несмотря на свою гиппиусовскую прививку

и отраву), очень сблизился я за это время с Новосёловым, в котором много подлинной церковности. (К радости, многое понял и Валентин Павлович, которому я говорил.) И тем самым я стал ближе к «исторической» Церкви, стал ещё больше «православным». Вот обо всём этом я и хотел с Вами много, много говорить, в этом и состоит то «линяние», под влиянием которого (а также некоторых жизненных впечатлений) я действительно отчуждился от москвичей.

Конечно, это намёки, боюсь, что теперь я перегнул палку в другой конец, но это неизбежное следствие общения в письмах. Теперь о политике. Я втянулся в думскую работу и несу её — по долгу — как верный раб. Я знаю, что на этом пути «спасти» в подлинном смысле ничего нельзя, это — подёнщина, от которой нельзя уклониться. Моё отношение к политике теперь совершенно внешнее, и хотя я никогда столько не был занят ею, но и никогда не был так внутренне от неё свободен. Работу эту я считаю и своим патриотическим долгом перед страной, — у меня историческое почти отчаяние в сердце, но я считаю, что в порядке эмпирическом и историческом надо делать всё, чтобы предотвратить, что можно. Я полагаю, что мы обязаны это перед Богом. Политически я независим, очень поправел (зову себя черносотенным кадетом), страшно ещё раз разочаровался в себе и своих силах, и чему действительно учит и авантюра с «Народом», и Дума — это смирению, вытекающему из опытного сознания своего бессилия. Никогда заповедь о нищете духовной, всегда мне близкая, не была так близка, как здесь. <...>

Конечно, во всём этом грязнишься, мельчаешь и пошлеешь, я бесконечно чувствую силу греха в мире и в себе и бессилие без помощи Свыше спастись от него. Я признаю, что высший путь — уйти от мира к Богу, путь православных святых, но знаю, что для тех, кто не может, обязательна эта работа и суета! И пока я жив и духовно остаюсь в «миру»², может быть всю свою жизнь, я не отойду от своей запряжки. Во всяком случае, это лучше, чем читать политэкономии для заработка. Грешен я и окаянен, живу в смрадном грехе, но нет у меня никакой святыни, кроме религиозной. Вот Вам корявая исповедь моей души, надеюсь, угадаете.

«Реформировать» Церковь я уже не собираюсь, я хотел бы быть в законодательстве лишь пономарём, чистить стёкла, мести пол, — да и вообще — говорю, и не только о себе — нельзя вымогать чуда, нельзя ставить условия Богу, а это делается. Ответьте, понимаете ли Вы и как относитесь к моему действительно «линянию». Простите мне это письмо, не подумайте, что я обиделся или хочу Вас обидеть. От парижан я имел пасхальное приветствие.

Бердяев уехал, он был из немногих, с кем я делился всем. Часто выдаюсь здесь с Тернавцевым. Очень меня огорчают думские политические попы и вся история их, зато я утешаюсь церковностью еп. Евлогия³.

Целую Вас. Господь с Вами. Любящий Вас С. Б.

¹ Розанов В. Об Иисусе сладчайшем и горьких плодах мира // Русская мысль. 1908. № 1. С. 33–42.

² Страшные слова. Ср.: «К созиданию невидимого монастыря в миру нас побуждает полная невозможность строить нашу внутреннюю, духовную жизнь, не отгородившись внутренне от безбожного нас окружающего мира. ...Ныне должно уничтожаться вошедшее в самую плоть и кровь нашу служение двум господам, смешение двух противоположных стихий — мирской и духовной» (*Валентин Свенцицкий*, прот. Монастырь в миру. Т. 2. М., 1996. С. 9–10, 79).

³ *Евлогий* (Георгиевский; 1868–1946), митр. — окончил МДА (1892), еп. Холмский и Люблинский (1903–1913), депутат II и III Государственной думы, где 12 апреля 1907 г. сделал доклад о ненормальном положении крестьянства, выступал за уменьшение власти обер-прокуратуры. В книге «Путь моей жизни» писал о том времени: «Синод не имел лица, голоса подать не мог и подавать его отвык. Государственное начало заглушало всё. Примат светской власти подавлял свободу Церкви сверху до низу» (М., 1994. С. 181).

344. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<31.05.1907. С.-Петербург — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Судьба, верно, чтобы Вы обругали Чулкова, письмо Вам опоздало, статья была уже набрана и номер составлен¹ (ей-Богу, не вру, спросите К. Мар. <Аггеева>).

Насчёт Францыча недоумеваю — с Волги не имею ни одного письма². «Весы» он взял, чтобы передать Вам.

Сегодня я уезжаю из Петербурга — в «Веке» ничего, много уладили.

Статью в Сборник посылайте в Москву: Остож<енка>, Зачат<ьевский>, дом и кв. Шер, мне.

А письма по следующему адресу: М<осковско>-Николаевская жел<езная> дор<ога>, ст<анция> Крюково, деревня Кутузово, мне.

Там же будет жить Ал. Вас. <Попов>.

Прощайте, крепко целую Вас. Вал. Свенцицкий.

Волжский А. Литературные заметки. Несерьёзное о несерьёзном («Факелы», вып. II) // Век. 1907. № 21. С. 320–323.

² Эрн с женой 28 мая 1907 г. прибыли в Эссендуки после путешествия по Волге (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 329).

345. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<04.06.1907. Эссендуки — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Я был очень обрадован, получив твою открытку, ибо очень хотел знать, где ты и что с тобой. Пожалуйста, напиши подробнее. Брошюру о Соборе я пишу. Она будет готова через неделю, и немедленно я пришлю её вам.

Пожалуйста, напиши, где ты будешь в это время и к кому я должен обратиться с точными инструкциями, в каком количестве печатать, на какой бумаге и т. д. Затем, пожалуйста, *немедленно* сообщи, получал ли ты какие-нибудь деньги для Ионы от К. М. <Аггеева> или Егорова и что ты успел собрать за открытки. *Немедленно* перешли все остающиеся у тебя деньги мне в *Тифлис*. Я буду в Тифлисе дня через три и пробуду там недели три, а затем вернусь в Ессентуки.

Пожалуйста, пиши, я так жажду от тебя известий. Привет тебе и Валентину. Целую вас.

346. К. М. АГГЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ

<04.06.1907. Льви — Москва>

Дорогой Владимир Францевич, письмо Ваше к Валентину Павловичу переслано мне сюда. Отвечаю Вам непосредственно по содержанию его.

Мною передано Саше 60 р. для о. Ионы.

Я был у о. Г. С. Петрова. Он дал 300 руб. На 100 руб. выдал доверенность Валентину Павловичу, каковую я переслал ему.

Деньги будут получаться ежемесячно по 50 руб. им же.

Полагаю, что это письмо придёт к Вам по получении 160 рублей.

С «Веком» дела обстоят хорошо. Во время пребывания Валентина Павловича мы оформили договор нотариально. На лето разобраны все передовые и корпусные статьи: для хулиганства места оставлено очень мало. Ближайшее заведывание на летние месяцы поручено Никольскому и Глаголеву.

Объявлены мною 4 курса:

Бессознательные искатели Бога (Ницше и др.); Толстой; Достоевский и Соловьёв; «Новое религиозное сознание».

В данную минуту сижу над «Несвоевременными размышлениями» Ницше. Как много у него истинно-религиозного!..

Летом меня охватывает та умственная жадность, с которой так воюет Ницше. Чего-чего я только ни навёз сюда! В июне предполагаю побывать в Кутузове. А в июле жду к себе Валентина Павловича и «милого Сашу».

Пишите мне, дорогой Владимир Францевич. Привет супруге.

Любящий свящ<енник> К. Аггеев.

347. А. В. БЕЛЬГАРД — П. К. КАМЫШАНСКОМУ

<02.07.1907. С.-Петербург>

Господину Прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты.

С.-Петербургский Комитет по делам печати, усмотрев в напечатанной в № 23 за 1907 г. журнала «Век» статье под заглавием «Церковные програм-

мы»¹ признаки преступления, предусмотренного п. 3 ст. 129 Угол<овного> Улож<ения>, постановил привлечь редактора означенного журнала Александра Васильевича Попова (Караванная, 14) к уголовной ответственности по п. 3 ст. 129 Уг<оловного> Улож<ения> и, на основании п. «а» ст. 9 Отд<ела> VII Закона 24 ноября 1905 г., наложить арест на № 23 журнала «Век»².

О таком постановлении С.-Петербургского Комитета Главное Управление по делам печати, на основании ст. 1213 п. 5 Уст<ава> Уг<оловного> Суда, считает долгом сообщить Вашему Превосходительству, присовокупляя, что о наложении ареста на прилагаемый при сём № 23 вышеназванного издания распоряжение уже сделано³.

Начальник Главного Управления по делам печати Бельгард.
Правитель Дел Садовский.

¹ С.-Петербургский комитет по делам печати 1 июля 1907 г. довёл до сведения столичного градоначальника, что в № 25 «Века» в статье «Ответ Н. А. Бердяеву» Свенцицкий «выражает своё сочувствие революционерам и утверждает, что среди них есть мученики, страдающие за правду», усмотрев в этом признаки преступления, а на следующий день обратил особое внимание на публикацию церковных программ ХББ и БРЦО. 8 июля счёл «проникнутыми враждебным отношением к правительству» и другие статьи из № 22, 24 и 26 (РГИА. Ф. 777. Оп. 7. Д. 422. Л. 3–6).

² С.-Петербургская судебная палата 13 июля 1907 г. оставила это распоряжение в силе, а 26 февраля 1908 г. оправдала А. В. Попова за отсутствием состава преступления и отменила арест журнала На заседании с участием народных представителей выступали Аггеев и Никольский (свидетели), товарищ прокурора Крылов, считавший «возбуждающим к неповиновению закону» пункт программы ХББ об «отказе от принятия Церковью присяги у отбывающих воинскую повинность, поступающих на высшую и государственную службу, а также... в суде», и защитник подсудимого Зарудный, зачитавший порицающие клятву и подтверждающие позицию ХББ цитаты из свт. Иоанна Златоуста, свт. Григория Богослова, прп. Иеронима Стридонского и Феофилакта Болгарского (РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1348; Ф. 776. Оп. 9. Д. 849. Л. 3–16). Таким образом, государственный закон был официально признан противоречащим Новому Завету.

³ «Имею честь уведомить Канцелярию Главного Управления по делам печати, что № 23 журнала „Век“ был отпечатан в типографии Отто Унфуга (ул. Гоголя, 21) в количестве 4200 экземпляров, которые и были отправлены в редакцию, где полицией было арестовано 256 экземпляров. Пристав 1-го участка Спасской части сообщил, что все остальные экземпляры разосланы подписчикам. По справке из газетных артелей, означенный номер газетчиками не продавался. И. о. Старшего Инспектора типографий и т. п. заведений, а также книжной торговли в С.-Петербурге Тихонович» (РГИА. Ф. 777. Оп. 7. Д. 422. Л. 6).

348. К. М. АГГЕЕВ — А. С. ЗАРУДНОМУ

<1907. С.-Петербург>

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич.

По рассмотрении всех условий, при которых появилась инкриминируемая статья, пришёл к тому убеждению, что фактическим редактором её был В. П. Свенцицкий, от которого зависело помещение её. Делом, совершенно согласным с правдою, будет название его. Никакого сомнения не может быть, что и сам В. П. будет стоять за полное обнаружение правды, не считаясь с тем фактом, что в результате возможно привлечение его на скамью подсудимых вместо А. В. Попова.

Соблаговолите сообщить чрез А. В., когда мне приходится к Вам для беседы перед судебным разбирательством.

Ваш покор<ный> слуга свящ<енник> К. Аггеев.

349. В. Ф. ЭРН — А. В. ЕЛЬЧАНИНОВУ

<07.07.1907. Тифлис — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Уведомляю тебя с Валентином: завтра выезжаю в Ессентуки и буду в Ессентуках всё время до конца августа.

Володя.

350. В. А. НИКОЛЬСКИЙ — А. С. ГЛИНКЕ

<10.07.1907. С.-Петербург — Симбирск>

<...> На основании положения об усиленной охране исп<олняющий> долж<ность> С.-Петербургского градоначальника 9-го июля *приостановил издание «Века»*. Ходатайствовать о снятии запрещения можно будет по приезде самого градоначальника Драчевского 19 июля. <...>

Приостановка в экономическом смысле во всяком случае для нас выгодна. Мне кажется, если приостановка продлится месяц или около того, что подписчиков можно вознаградить не выпуском №№ задним числом или повышением размера, а выпуска особого сборника статей, хотя бы под названием «Религия и жизнь». Материалов листов на 8-10 у нас наберётся и сейчас. <...>

351. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<23.07.1907. Крюково — Боржом>

Дорогой Павлуша! Мне очень стыдно, что я пишу тебе по делу и только по делу; но ты поверишь мне, что я очень часто хотел видеть тебя и писать тебе (ты, опять-таки, знаешь, как я не умею приводить в исполнение своих желаний). Сейчас пишу под давлением обстоятельств. Одновременно с сим посылаю одну статью. Не можешь ли ты устроить её в «Христианин», если там платят хоть сколько-ниб<удь>? Если нет (т. е. не платят или ты не можешь её устроить, или то и другое вместе), то верни мне обратно. Прости, что беспокою. <...> Здесь сейчас Эрн (на два дня). Если эта статья пойдёт, могу ещё.

Твой Саша Е. Ст. Крюково, Николаевская ж. д., дер<евня> Кутузово.

352. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<02.08.1907. Кутузово — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич.

Вы, вероятно, получили уже от Никольского рассылаемый от имени Свенц<ицкого>, Эрна и Ельч<анинова> проект возобновления «Века» в Москве (с изменением формата), а не в Петербурге. Даже и скучно писать обо всех этих делах — Вы в общем, вероятно, сочувствуете этому изменению (Ник<ольского> мы приглашаем в Москву, и он обиды не терпит), ввиду этого, т. к. может возникнуть масса всяких мелких дел, которые при дальности расстояний затруднительно решать голосованием, мы очень просим Вас написать Никольскому, что Вы уполномочиваете при решении всех дел пользоваться правом Вашего голоса Вал. П. Свенц<ицкого>. Ничего решительного, разумеется, не списавшись с Вами, мы не предпримем. Уполномочиваете именно меня, пот<ому что> я буду в Петербурге.

Дорогой Александр Сергеевич! Мне хочется написать Вам, как я счастлив! Наконец я *начал нутром* понимать, как много в подлинном христианстве пассивности, допущения, прощения, «принимания» — и сколько силы в слабости! Для меня словно новая земля открылась, и так *просто* и светло на сердце!

Я кончил своего «Антихриста» и, кончив, понял, что, каковы бы ни были его литературные недостатки, я *должен* предать его гласности. Мне посчастливилось, и Ефимов согласен издать его. К 15 сентября он выйдет¹. Я пришлю Вам его в корректуре. Я хочу просить Вас написать об нём в «Рус<ской> мысли». Я знаю, что если Вы и осудите его, то мне не будет больно. Ведь я как сумасшедший люблю своего бедного уroda, автора странных записок!

Я как к ребёнку-калеке мучительно привязан к своему Антихристу. Он до сих пор со мной — в сердце моём, в душе моей, но уже совсем по-другому. Я «нянчаю» его, ухаживаю за ним, убаюкиваю его — моего родного бесценного страдальца².

Всё это, кажется, глупо у меня выходит, но Вы поймёте, «товарищ Волжский» (так Вас будут некоторые называть на докладе в Сол<овьёвском> об<ще>стве³), и глупость, — это не всякому дано!

Пишите мне. Мне так хочется знать, что делается с Вами. Христос с Вами. Такой Вы бесконечно слабый и близкий мне, совсем рядом. Прощайте. Целую. Адрес мой: по Николаевской ж. д. ст. Крюково, дер<евня> Кутузово, мне.

¹ 1-е издание романа-исповеди Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)» выпустило в начале ноября 1907 г. издательство Д. П. Ефимова (176 стр.), несколькими месяцами позже вышло 2-е издание с послесловием (188 стр.).

² Автор в 1925 г. говорил: «В этой книге мною ставился один общий духовный вопрос: можно ли узнать Христа, не пережив антихриста? Если бы я писал эту книгу теперь, я многое не написал бы так, как тогда. Но это основное положение я и теперь утверждал бы так же: нельзя узнать Христа, не пережив антихриста. В этом утверждении не заключается ничего идущего вразрез с учением Святой Церкви и святых отцов. Говоря так, я вовсе не разумел и не разумею, что для того, чтобы познать Господа Иисуса Христа, нужно обязательно отдаться во власть антихриста. Но... обязательно сей дух антихриста преградит человеку путь ко Христу, и если не очистить внутренним своим борением себя от этого препятствующего Богопознанию духа, не может воссиять нам и истинный свет Христов... И Церковь ни с чем иным борется в своём славном шествии, как всё с тем же препятствующим ей духом антихриста. По мысли, выраженной в моей юношеской книжке, дух антихриста в разные эпохи меняется, ибо он как бы растёт, как бы зреет, дондеже явит себя миру в образе рождаемого зверя. А пока сроки и времена не исполнились, различные лики и образы его являются нам в жизни» (*Валентин Свенцицкий*, прот. Монастырь в миру. Т. 1. М., 1995. С. 36–37).

Ссылался о. Валентин на слова св. прав. Иоанна Кронштадтского из книги «Моя жизнь во Христе» (Запись 111): «Не испытываешь на себе действий злых козней духа злого — не узнаешь и не почтишь, как должно, благодеяний, даруемых тебе Духом благим; не узнавши духа убивающего, не узнаешь и Духа Животворящего. Только по причине прямых противоположностей: добра и зла, жизни и смерти — мы узнаём ясно ту и другую; не подвергаясь бедам и опасностям смерти телесной или духовной, не узнаешь сердечно и Спасителя, Жизнодавца, избавляющего от этих бед и от духовной смерти».

³ На XII публичном заседании МРФО 15 октября 1907 г. в Польской библиотеке Глинка сделал доклад «Жизнь Достоевского и её религиозный смысл» (Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 123–192).

353. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<14.08.1907. Москва — Симбирск>

Дорогой Ал<ександр> Сер<геевич>. Цитировать меня и обозначением фамилии, разумеется, можно вполне.

Найдёте ли место для Ваших очерков? Ведь если очень хвалите Мережков<ского>, Трубецкой, пожалуй, не пропустит?

Статью Вашу для «Вопросов религии» не читал, т. к. спешил сдать её в типографию. В начале сентября, я уверен, что корректура будет у Вас. 16-17 августа я буду в Москве и справлюсь. 20-го августа приезжает Франц^{ыч}. Думаю, что и Булгаков^{ыч} приедет скоро. Тогда мы наметим план деятельности Соловьёвского общества и напишем Вам, когда удобнее всего было бы для нас пустить Ваш доклад. Я думаю, что если в сентябре — то числа 25, если в октябре — числа 10. Лекции при Обществе читаться будут¹, но впредь не в виде правильных курсов, вероятно, опять придётся устроить «серии лекций», а это даст возможность выбирать сроки по усмотрению лекторов. Но и об этом тоже напишу, как только выяснится в подробностях. «Век», вероятно, возобновится в начале сентября.

Вал. Свенцицкий.

¹ В новом сезоне деятельность ВБУ не возобновилась.

354. В. А. Никольский — А. С. Глинке

<16.08.1907. С.-Петербург — Симбирск>

<...> Мыслью о реформировании внешнего вида «Века» поделился с А. В. Ельчаниновым и в ответ получил от него, В. П. Свенцицкого и В. Ф. Эрн следующее предложение, которое, согласно их желанию, подвергается письменному голосованию всех членов общины.

1. Изменение внешнего вида журнала должно сопровождаться и реформированием внутреннего содержания в смысле большей солидности статей и отделов.

2. Последнее возможно *лишь в том случае*, если журнал будет перенесён в Москву, где в нём смогут принять постоянное и близкое участие Булгаков, Эрн, Свенцицкий и Ельчанинов.

3. В пользу переноса дела в Москву говорит следующее: 1) возможность получить в Москве годичный кредит на бумагу; 2) надежда приобрести подписчиков и розницу в Моск^{овском} соловьёвском обществе; 3) существование в Москве готового разрешения на журнал на имя одного из близких вопрошаемым лиц.

<С Аггеевым> хлопочем о возобновлении «Века». Новым редактором будет брат киевского проф^{ессора} П. П. Кудрявцева. <...> В случае безуспешности хлопот — думаем взять разрешение на новый журнал «Религия и жизнь»¹. <...>

¹ От столичного градоначальника 4 сентября 1907 г. было выдано свидетельство на выпуск в Петербурге журнала «Религия и жизнь»; издателем и ответственным редактором значился Григорий Фёдорович Говоров (Б. Подъяческая ул., 30), контора располагалась по адресу: Невский пр., д. 40, кв. 26. В статьях первого же номера С.-Пе-

тербургский комитет по делам печати 18 сентября усмотрел «нападки на церковную власть» (РГИА. Ф. 777. Оп. 8г1907. Д. 192. Л. 1—2). Те же авторы, что и в «Веке», успели выпустить три номера, а затем издание еженедельника было приостановлено «по распоряжению петербургского градоначальника на основании чрезвычайной охраны» (Русские ведомости. 1907. 22 сентября. № 216).

355. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<04.09.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Пожалуйста, как можно скорей сообщи адрес Марии Семёновны¹. Пиши мне по адресу Общества. Я только что приехал. Раньше не было поездов. Как устроюсь, напишу тебе, ибо о многом нужно с тобой поговорить. Не в счёт обещаний, т. е. не ожидая моего письма, пожалуйста, напиши мне о себе, что ты думаешь делать, почему внезапно с Соней уехал из Москвы, как дела с «Веком». Собственно, мне необходимо было с тобой повидаться. Ну ничего. Может быть, это ещё выгорит.

Соне передавай привет. Целую тебя. Твой В. Э.

¹ *Ланге-Поздеева* Мария Семёновна — жена брата Ельчанинова Николая (с 1909 г.).

353. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<13.09.1907. Крюково — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич! Пишу Вам о делах.

1. Набор Вашей рукописи почти окончен, и, надеюсь, корр<ектуру> пошлют Вам. Если бы даже Вы её не получили вовремя, не беда: можно на время чтения взять рукопись из типографии. Сократить, я думаю, успеете и в Москве, ведь для этого надо 2-3 ч<аса> времени.

2. Ваш доклад хорошо бы устроить 10 окт<ября>. Это будет второе заседание, первое состоится 26-го, читает Зелинский «Характер античной религии» по сравнению с христианством»¹.

Отвечайте *немедленно*, можете ли приехать к этому, и если не можете ровно десятого, то приблизительно какого числа можете. Нам это необходимо знать, чтобы заранее снять залу и пр.

Что касается лекций при Об<ще>стве, то мы решили их устраивать в виде *серии* лекций, ещё менее связывая одного лектора с другим, чем в прошлом году. Если бы Вы захотели прочесть такую «серию», думается, удобнее об этом сговориться с Вами в Москве.

«Антихрист» выйдет в конце сентября. Только моя просьба к Вам написать об нём для «Рус<ской> мысли», кажется, платоническая, т. к., говорят, «Рус<ская> мысль» доживает последние дни.

Пишите обязательно, когда Вас ждать в Москву. Прощайте. Вал. Свенцицкий.

P. S. Вы, верно, уже знаете, что «Век» ожил, — посылайте туда что-нибудь, мало материалов.

Зелинский Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством // Русская мысль. 1908. № 2.

357. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<21.09.1907. Москва — Симбирск>

Дорогой Александр Сергеевич!

Вчера ходил в типографию, оказалось, они послали Вам одну корректуру, я взял у них другую и сегодня посылаю её Вам.

Насчёт заседания — не робейте: зала маленькая и публика добрая. Решать вопрос о заседании нельзя, не дождавшись Вашего приезда, — нужно распродать билеты и пр. Ввиду этого мы 27-го сентября подаём заявление градоначальнику, что, мол, А. С. Волжский 10 октября прочтёт реферат на тему: «Жизнь Достоевского и её религиозный смысл»¹, в то же время появится и публикация в газете.

Если что-нибудь придумали о дне приезда, немедленно по получении этого письма *телеграфируйте* в дом Шер мне (Остоженка, 1-й Зачатьевский). Что касается «трёх лекций» о Братстве, Мережковском и пр., это лучше выясним при свидании, — если решите выступить с ними, пока съездите в Питер, можно организовать.

Насчёт денег думаю, что Ваш реферат, с вычетом расходов, даст 100 руб. Мы можем то же условие с Вами и заключить, что, мол, 100 руб., а что сверх того — то в пользу Общества.

«Антихрист» ждёт бумаги и фабрики, говорят, скоро.

Прощайте, до скорого свидания. Ваш Вал. Свенцицкий.

¹ Этот доклад Глинка сделал 15 октября 1907 г. на XII публичном заседании МРФО в Польской библиотеке (Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 123–192).

358. П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну

<22.09.1907. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя! Говорил с Тареевым об его книгах. У него вышел 1-й том собрания и есть ещё (не войдёт в собрание): «Христианство и социализм», «По вопросам гомилетики». Есть уже «Смысл жизни»,

«Уничужен<ие> Хр<иста>»¹. Он сам доставит в «Братство», но просит, чтобы ему уплатили теперь же. Сколько экзempl<яров> взять? Его книги очень ходки и почти всё уже распродано из старого. Напишите скорее.

Сколько экзempl<яров> и чего доставить моего?

У Мышцына есть только «по церк<овно>-общ<ественным> вопрос<ам>»². Остальное распродано. Сколько экз<емпляров> взять?

Я просил высылать в Общество болгарск<ий> дух<овный> журнал «Духовну пробуду» — вроде «Века». Редактор его очень сочувствует «Бр<атству> борьбы». Думаю, необходимо завязать связи, тем более что он буд<ет> переводить на болгарск<ий> яз<ык> Я *свой* номер получил, вероятно, получило и Общество. Условия высылки — обмен изданиями. Вышлите же поскорее им что можно по адресу: Bulgarie, Tomarie, г. Пловдив. Петко Беловеждов, книжар, за г-на Д. Бонскова³. Я своё им уже послал. Далее, по адресу Bulgarie, Болгария, София, Дух<овная> семинария, Георг<ию> Харалампиевичу Поп-Харалампиеву⁴ вышлите 2 экз<емпляра> «Писем ко всем». Деньги Вам он пришлёт.

Говорил с Поповым о брошюрах. Привезу сам 10 экз<емпляров>. Скажите Вал<ентину> Павл<овичу>, что его приняли в академию, пусть приезжает слушать лекции⁵.

Буду у Вас в понедельн<ик> вечером. П. Ф.

¹ *Тареев М.* Основы христианства (Система религиозной жизни). Т. 1–5. Сергиев Посад, 1908–1910; *Его же.* Религиозная проблема в современном освещении // Богословский вестник. 1909. № 1–3; *Его же.* По вопросам гомилетики. Критические очерки. Сергиев Посад, 1903; *Его же.* Цель и смысл жизни. М., 1902; *Его же.* Уничужение господ нашего Иисуса Христа (Филип. II, 5–11): Экзегетическое и историко-критическое исследование. М., 1901.

² *Мышцын В.* По поводу статьи свящ. Дим. Силина «К вопросу об оживлении церковно-общественной деятельности» // Богословский вестник. 1905. № 11. С. 463–473.

³ Редактор болгарского перевода работы Розанова «Место христианства в истории» (Пловдив, 1906).

⁴ Волонтёр Самоковской духовной семинарии, учился в МДА (1903–1907), участник философского кружка при МДА, переводчик на болгарский язык работы Флоренского «Догматизм и догматика». Скончался 4 ноября 1908 г. в Сергиевском Посаде, Флоренский во время заупокойной литургии произнёс посвящённую ему проповедь.

⁵ Сведений об учёбе в МДА пока не обнаружено.

359. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<24.09.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Ты, наверное, сам понимаешь, что постыдно молчу я только оттого, что *действительно* совершенно не имею возможности писать. Причина, конечно, в «делах».

На твоё письмо я отвечу, как только дорвусь до своего стола. Пока только уведомляю, что мною в самом непродолжительном времени будут присланы 2 брошюрки для «Рел<игии> и жизни». Пусть это имеется в виду. Я это пишу, переговорив с Вал<ентином> Павл<овичем>, т. е., другими словами, мы вместе решили, что этими двумя моими брошюрками вытесняются *его* (о Толстом).

Несколько статей тоже напишу в самом ближайшем времени. Пока прощай.

Привет Соне. До скорого след<ующего> письма!

Твой В. Э.

360. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<28.09.1907. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Летом, во время приостановки «Века», я послал тебе в Боржом одну свою небольшую статью. Так как ты снился сегодня мне, то я и вспомнил о ней. Напиши, что с ней, и если не нужна, то перешли мне. Я так забочусь о ней не потому, чтобы считал её важной, а исключительно по той причине, что с меня требуют статей, а писать неохота, если есть написанное. Если, паче чаяния, её напечатали, то нельзя ли требовать с редакции гонорар. Прощай пока. Я был бы рад каждой твоей строке (не деловой), но не надеюсь совсем — мы так давно не видались.

Твой Саша.

СПб. Свечной пер., д. 16, кв. 15.

361. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<28.09.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Пожалуйста, передайте в «Бог<ословский> вест<ник>» мою просьбу, чтоб причитающиеся мне деньги выслали как можно скорей, лучше всего немедленно¹. Простите за беспокойство.

Мой адрес: Девичье поле, 2-й Воздвиженский пер., д. Бом.

Не станут ли мне присылать теперь «Бог<ословский> вестн<ик>» как сотруднику?

Ваш Володя.

¹ Речь о публикации статьи Эрн «Социализм и общее мировоззрение» (Богословский вестник. 1907. № 9. С. 35–60).

362. И. П. Брихничёв — П. А. Флоренскому

<07.10.1907. Егорьевск — Сергиевский Посад>

Дорогой Павел Александрович!

Травля, какой меня подвергали по пустякам, я думаю — и более крепкого человека сделает рассеянным...

Впрочем, я мог не пометить адреса в расчёте, что Вы просто будете писать на Егорьевск, тем более что городок небольшой.

Но кроме первого письма, о котором Вы упоминаете, я послал ещё второе письмо, заказное. Ужели и оно без адреса? Или Вы его не получили?¹ Ведь при моём положении возможно, что письмо и не дошло.

О чём жалею, что отрываю Вас от Вашего прямого дела ради себя. Но Вы меня великодушно простите.

Если люди, подобные Вам, не в состоянии будут удовлетворить мою просьбу, то, конечно, этого не сделает какой-нибудь капиталист.

В Тифлисе я совсем было устроился. Должен был дня через два вступить на должность. И вот — снова высылка с проходным свидетельством². Впрочем, всё это, конечно, пустяки по сравнению с совестью.

Но тем не менее жить надо...

Однако хотелось бы всё-таки, чтобы место, какое может найтись, оплачивалось не менее как рублей на *шестьдесят*. Сами знаете, что я называю минимум для семейного человека.

Благодарю, что потрудились.

Любящий Вас Иона Брихничёв.

Егорьевск, Рязанской губ., Мещанская улица, дом Ветлиной.

Р. S. Во втором письме к Вам я просил Вас, если возможно, прислать мне «Психологию таинств» архимандрита Михаила³ и затем просил Вас высказаться о самих таинствах православной Церкви. Последнее мне крайне важно знать. При современной ломке всего старого, когда всюду созидаются новые основы жизни, чувствуется, что нужно говорить, «как власть имеющий», а не как книжники и фарисеи... Вот почему по таким важным вопросам, как поставленный, имея своё определённое убеждение, мне хотелось бы знать именно Ваше, тем более что Вы говорили, что Ваше «Введение в догматику»⁴ является новым словом в этой области. Горячо прошу Вас не отказать мне и в этом.

¹ Оба письма от 27 сентября и 4 октября 1907 г. были получены Флоренским; кроме прочего, Брихничёв сообщал: «Выслали меня за речь к сектантским избирателям, сказанную мною семнадцатого сентября. В Тифлисе встречались с Троицким — он жизнерадостен и доволен своим делом»; «Я выслан административным порядком из Тифлиса. Летом Вы обещали мне подыскать должность в Посаде. Удалось ли Вам? Будьте добры, ответьте немедленно». А 23 ноября выражал признательность за хлопоты: «Мне сообщили, что то место, о котором Вы писали мне, останется за мною. Очень Вам благодарен. Охотно приму. Не откажите только сообщить, когда оно освободится» (Архив семьи Флоренских).

² Особое удостоверение личности, выдававшееся полицией на время пути лицам, ссылавшимся в определённую местность.

³ *Михаил (Семёнов)*, архим. Психология таинств (Психологические этюды из области «тайного и великого»). М., 1905.

⁴ *Флоренский П.* Вопросы религиозного самопознания. Сергиев Посад, 1907 (Ф-1. 528–549).

363. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<16.10.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Пишу Вам, а не прямо в редакцию, потому что не знаю имени отчества Андреева.

1) Я просил бы сделать мне 1500 оттисков моей статьи. Цена 20 к. Спросите, можно ли сделать клише заглавия? Если можно, тогда я немедленно пришлю Вам обложку в том виде, как она должна быть напечатана. Если же клише в Лавре сделать нельзя, то клише закажу я здесь сам и пришлю готовым. Терпит ли время? Ответьте открыткой.

2) Мы с Вами было стали говорить о прочтении Вами реферата в закрытом заседании Общества. Не могли бы Вы прочесть несколько писем из тех, которые печатаете в «Вопросах религии»? И притом не особенно откладывая, так 30 или 31 октября. Если сможете, то ответьте скорее, ибо нам нужно знать заранее. А хотелось бы *очень*. Очень хочется послушать Вашу тихую речь, полную внутреннего огня. В области теоретической мысли, в области созерцания Вы неотразимо сильны. Здесь у Вас всегда учишься. Здесь Ваши слова *волнуют*.

Павлуша дорогой, прочтите реферат!²

Любящий Вас В. Э.

P. S. Забыл, Павлуша, сказать Вам. Вы будете держать корректуру моей статьи³. Пожалуйста, на первой странице к заглавию сделайте *примечание*: «Реферат, читанный в закрытом заседании Рел<игиозно>-фил<ософского> об<ще>ства памяти Влад. Соловьёва 7 октября 1907 г.».

Склад изд<ания> в кн<ижном> маг<азине> «Братство», Тверская, д. Алсуфьева, против д. генер<ал>-губерн<атора>.

¹ На закрытом заседании МРФО 17 декабря 1907 г. Флоренский сделал доклад «Абсолютный скептицизм и его разрешение» (НИОР РГБ. Ф. 746. К. 38. Ед. хр. 56).

² *Эрн В.* Откровение в грозе и буре // Богословский вестник. 1907. № 10. С. 282–311. Требуемое примечание было сделано.

364. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<17.10.1907. Москва — Москва>

Дорогой Володя! С Вашей корректурой не могли справиться и наградили его меня. Андреев просит провести её. Я прокорректировал первую часть, но там масса ошибок по части знаков. Грубейшие исправил, а более мелкое оставляю на Вашей совести (признаю вообще индивидуальность правописания). Кроме того, есть несколько астрономических промахов, которые я позволил себе исправить. Напишите скорее, если имеете против, или же в крайнем случае пришлю Вам корректуру, хотя задерживать неудобно. Двух слов вовсе не понимаю, а именно: 1) *где* сидела Бардина («Ишилич.» — набрали в типографии) и 2) по поводу «кто при звёздах» Вы пишете: «Эти стихи обозначают пребывание Марса в *Венере* etc.»¹. Во-первых, хотите ли Вы указать на любую случайную комбинацию, или же Вы действит<ельно> что-ниб<удь> вычисляете, раз ссылаетесь на сентябрь 1845 года? Во-вторых, Марс не может быть в Венере, ибо и то и другое планеты. Скорее напишите, я исправлю в след<ующей> корректуре. Только скорее. Пришлите скорее обложку и указание, сколько делать отдельн<ых> оттисков.

Ваш П. Флоренский².

¹ В публикации исправлено: «С. И. Бардина... четыре года провела ссыльной в Ишиме»; «Марса в Козероге».

² На лицевой стороне открытки надпись: «Не дозвонился».

365. ЕКАТЕРИНА (ЕФИМОВСКАЯ) — В. П. СВЕНЦИЦКОМУ

<Октябрь 1907>

О Христе чадо, пишущий самому себе¹ и посылающий себя в пустыню, что искать идёшь ты туда? «Бога, — ответишь ты, — радости о Господе, единой неизменной, истинной радости и совершенства». Ты хочешь отказаться от преходящих земных радостей мира, чтобы обрести эти высшие вожеленные радости. Так погоди. Не для тебя пустыня и затвор. Не дадут они тебе того, чего ты ищешь. Ты говоришь самому себе: «Тебе жаль бросить мир, который ты любишь. У тебя есть земные привязанности». Так не бросай мира и люби, если не греховна любовь твоя. Ты забыл слова Христа: «Милости хочу, а не жертвы». Твои страдания не нужны Богу. Не думаешь ли ты, что святые, подобно факирам, стремились подвигами умерщвления плоти обрести блаженство в созерцании Божества? Увы, те, кто уходили в пещеру с такими побуждениями, выходили из неё разбитые душою и телом, если не помешанные (см. Киевский патерик. Жит<ие> преп. Исаакия): ибо во имя Христа искали *нехристианского Бога*. Ты хочешь заставить себя не любоваться солнцем, не радоваться красотой природы. Для чего? Если можешь радоваться велелепоте

мироздания — радуйся, благоговей пред Создателем, поклонись Ему и воздай хвалу, «вся премудростию сотворившему». Не грех это, а путь к добру и Богу, указанный тебе твоей природой.

Ты, как и всякий, знаешь различие между грехом и не грехом. Говоря о земных привязанностях, ты, конечно, говоришь не о похоти греховной. Неугоден Богу только грех, как источник страдания. Если человек чисто и свято любит и станет мужем любимой женщины — не грешит, и его любовь, и верность, и неразлучные с земною любовью страдания вменяются ему в праведность. Как смеешь ты говорить, что «служение ближнему» есть мёртвое слово. Это слово Самого Христа и есть источник жизни. Только в сфере этого служения и возможна борьба с самим собою, своими греховными страстями, преодоление своего узкого эгоизма, самолюбия, «барства» и всех упоминаемых тобою страстей и пороков.

Ты говоришь, что молился, и плакал, и морил себя голодом, и истязал своё тело, и — снова падал. Оттого и падал, что всё это делал *для себя, ради себя*, думая только о *себе*. О, если бы ты голодал потому, что отдал последний свой кусок голодному брату, или измучил своё тело, облегчая его страдания, думая только об этих его страданиях, *забывая о себе*, — ты ощутил бы тогда в сердце небесную радость, ибо в тебе был бы Христос. Только при таких условиях, трудясь самоотверженно среди людей, может человек преодолеть самого себя, побороть свои страсти, своё самоутверждение. Пустыня и одинокая келия отшельника не место для борьбы. Кто уходит туда для борьбы, падает ещё ужаснее. Потому-то богомудрые отцы и установили общежитие и запретили юношам искать уединения.

Но, скажешь ты, шли же возлюбившие Бога в пустыню и затвор и выходили оттуда великими светильниками миру. Да, шли. Тысячи шли, а выходили единицы. Увы, как редки были они, и как далеки мы от них. То были избранные сосуды благодати, носящие в сердцах своих такую пучину любви и страдания, какую мы не в силах вместить. Их приобщил Господь божественной любви Своей. Ужасна эта любовь для брэнного человеческого сердца. Это — огонь палящий. Это — тот раскалённый уголь, который вложил Серафим в грудь пророка. Несчастный! Сколько раз в приступе нестерпимой муки бьётся он о сырую землю головой и, как апостол Пётр, взывает к Богу: «Изыди от мене, Господи, я человек грешный». К тебе в часы покаяния приходит воскресший Христос Искупитель, чтобы утешить тебя, — кроткий, радостный. К нему приходит Он в венце терновом, Христос Гефсиманского сада и приобщает его слезам и поту кровавому.

Вдумывался ли ты когда-нибудь в Гамлета? Понял ли его, непонятого даже гением Гёте, столько веков непонятого никем? Пойди на киевские высоты, спустись в тёмные пещеры угодников. Ты там поймёшь его. С той минуты, как добродушный, беспечный, всеми любимый, кроткий Гамлет внезапно понял сердцем (не умом — умом все понимаем) грех и страдание мира, ему опостылел этот мир и померкла вся красота его. «Это прекрасное солнце, — говорит он, — для меня тускло и не радует меня». Забыта любовь,

жизнь стала нестерпима. «Быть или не быть», — восклицает Гамлет. «Не быть», — говорит угодник. И он бежит в пустыню, он зарывается в пещеру подальше от людей — безумцев, от их злобы и страдания. Не радостей ищет он, а забвения. Телесными подвигами хочет он заглушить сознание греха и страдания мира, которое его преследует и там. В ушах его немолчно гудит зловещий отзвук человеческих воплей. Он голодает с голодающими. Помочь им он бессилён: он сам слаб и грешен. Молиться. Другого нет облегчения. И он молится.

Видал ли ты мать, молящуюся над страдающим ребёнком своим? Читая кровавые страницы истории, думал ли ты не только о несчастных жертвах безумия, жестокости и злобы человеческой, но и о том, что эти страдалцы имели родных, друзей, матерей, отцов? Думал ли ты о их душевных страданиях? Они хуже телесных. От этих страданий седеют волосы, от них сходят с ума, от них умирают, потому что застывает от ужаса сердце. Вот подвиг угодника, вот что несёт он в затворе. Какая тут борьба со страстями? Они молчат перед такою скорбью. Их спалит божественный огонь в истерзанном душевной мукой сердце. Тебе жаль расстаться с миром, а он хотел бы забыть его. Не отречения от мирских радостей, не добровольного лишения себя земного счастья для приобретения лучших, нетленных радостей «на лоне Авраама» ищет угодник. Разве можно назвать это отречением от самого себя? Нет. Страдать за мир, мучительно сознавать своё бессилие помочь ему и в молитве за него искать утешения — вот удел отшельника. Так чрез любовь и страдание приближаются к Творцу великие печальники мира. Они не только хотели бы умереть телесно, но, как Моисей и ап. Павел, готовы быть отлучёнными от Бога и вычеркнутыми из «книги Живота» для спасения Израиля.

Но эта вольная смерть великой силой Божией правды уже здесь, на земле, становится источником новой, бесконечной, нетленной жизни в Боге. Приходит час, и под мрачным могильным сводом тёмной пещеры затворника проносится «глас хлада тонка», в котором «Бог» (3 Цар. 19), и орошает струёю благодати пылающее сердце страдальца. Открываются очи его к зрению чудес, к видению пророческому; ум познаёт великую тайну божественного домостроительства, сердце ощущает неземную радость, — венец, награду, апофеозу любви, великое дерзновение предстательства. Таков от века «человек Божий» — печальник и заступник грешного мира.

Игуменья Екатерина.

¹ Умудрённая опытом подвижница, твёрдо веровавшая, что «надо не только спастись от мира, но и спасти этот мир», откликнулась на первую часть «Писем ко всем». Ответ оказался созвучен с мирочувствием адресата и повлиял на становление идеи монастыря в миру, выдвинутой о. Валентином в 1920-х гг.

366. В. П. Свенцицкий — Следователю

<01.11.1907. Москва>

На предложенный мне вопрос: «Признаю ли я себя виновным в том, что в феврале 1907 года в г. Москве составил и издал брошюру „Правда о земле“, содержащую в себе призыв к учинению бунтовщических деяний и ниспровержению существующего в государстве общественного строя?», — отвечаю: я не признаю себя виновным. Объяснения по существу содержания предпочитаю дать на суде. Ещё я должен сказать, что я был автором брошюры, но издал таковую не я. Указать издателя я не нахожу возможным. Следственное производство мне предъявлено¹.

¹ МКДП 24 февраля 1907 г. распорядился наложить арест на вышедшую в РОБ (Серия 2. № 10) брошюру, а 8 марта просил прокурора МСП возбудить судебное преследование против лиц, виновных в её напечатании. 12 марта арестовать тираж в типографии не удалось, поскольку он был полностью передан заказчику. 20 марта судебный следователь 3-го уч. Москвы начал предварительное следствие. После допроса 1 ноября Свенцицкий был привлечён в качестве обвиняемого и отпущен под залог 50 руб. (внёс на следующий день в Московское губернское казначейство). На очной ставке 22 ноября хозяин и конторщик типографии заявили, что Свенцицкий им совершенно неизвестен. 4 декабря следствие было окончено и дело передано прокурору МОС, но 11 января 1908 г. возвращено на исследование для обнаружения издателя. На допросе 27 марта Свенцицкий такового назвать не пожелал. Через месяц дело снова было представлено прокурору МСП с обвинительным актом. 5 августа Свенцицкий получил его копию, причём «в трёхдневный срок обязан был довести до сведения МСП об избрании защитника и желании вызвать свидетелей», но от дальнейшего общения с царским правосудием уклонился.

24 февраля 1909 г. «Московская судебная палата, по особому Присутствию, в 1 час пополудни открыла публичное заседание по делу о меш. г. Казани Валентине Павлове Свенцицком, обв. по 1, 2 пп. 129 ст. Уголовного Уложения. Защитника подсудимый не имел. Объявив заседание открытым, Председатель приказал ввести подсудимого. Судебный Пристав доложил, что подсудимый не явился. Секретарь доложил, что повестки Свенцицкому не вручены. <...> Особое Присутствие определило: признав причину неявки Свенцицкого незаконной, а его самого разысканным, залог, как внесённый, обратить в казну; <...> потребовать от него залога в сумме трёхсот рублей, а до представления такового заключить его под стражу; <...> произвести розыск его через полицию, дело слушанием отложить. Заседание закрыто в 1 час 10 мин. пополуночи».

Такое нарочно не придумаешь. В другом документе постановление сформулировано более чётко: «Ввиду неявки подсудимого дело слушанием отложить... В случае розыска заключить его под стражу». 1 марта 1913 г. все уголовные преследования против Свенцицкого были прекращены вследствие амнистии политическим преступникам по случаю 300-летия царствующего дома Романовых (РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 1384. ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 867; Ф. 46. Оп. 4. Д. 81; Ф. 46. Оп. 17. Д. 175; Ф. 131. Оп. 71. Д. 2451, 2452, 2473; Ф. 131. Оп. 73. Д. 143, 144; Ф. 131. Оп. 92. Д. 184; Ф. 142. Оп. 17. Д. 2020, 2022).

367. В. П. Свенцицкий — Следователю

<01.11.1907. Москва>

На предъявленный мне вопрос: «Признаю ли я себя виновным в том, что в 1905 году составил и издал брошюру „Христианское братство борьбы и его программа“, как заключающую в себе дерзостное неуважение к верховной власти, оскорбляющую особы Царствующего Императора и, кроме того, возбуждающую к учинению бунтовщических деяний, ниспровержению существующего в государстве общественного строя и к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы — и в том, что названную брошюру читал 21 ноября 1905 года в г. Москве в Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьёва», — *отвечаю*: я не признаю себя виновным. Названную брошюру действительно я составил и я же читал её на одном из собраний Общества, но издателем брошюры я не был. Назвать издателя я не нахожу возможным. Я не могу считать себя ответственным за содержание брошюры потому, что последняя не составляет чего-либо измышленного мною, а является сводкою разного бывшего у меня в руках материала, печатавшегося в то время в разных изданиях. Ввиду этого я не счёл нужным скрыть ни своего авторства на брошюру, ни того, что она читалась в Религиозно-философском обществе. По поводу последнего я должен заметить, что Общество это в то время только возникло, и чтение докладов происходило на частной квартире в кругу небольшого числа знакомых мне лиц. Назвать этих лиц я не могу, так как не помню, кто тогда присутствовал. Следственное производство мне предъявлено. Добавить к сказанному в настоящее время не имею¹.

¹ В «Книжной летописи» вышедшая в РОБ брошюра (Серия 1. № 2. М., 1906.) не значится, на обороте титульного листа отмечено: «Дозволено цензурою. Ростов н/Д., 27 августа, 1905 г.». Машинописный текст с исправлениями и дописками был подан в Московский цензурный комитет 28 января 1906 г. и запрещён им 25 февраля. Тем не менее, издание состоялось: хозяин типографии Александр Петрович Поплавский часто изготавливал подложные обозначения дозволений.

После запроса курского вице-губернатора ГУДП 4 ноября 1906 г. предложило МКДП рассмотреть брошюру и поступить в дальнейшем согласно требованию закона, «принимая во внимание, что, по сообщению Ростовского-на-Дону инспектора по делам печати, сведений о её разрешении в делах означенной инспекции не имеется и что цензурное дозволение, если бы оно и было дано, не может уменьшить преступности названного произведения». МКДП 15 ноября «усмотрел в нём признаки преступного деяния, предусмотренного ст. 103 и 129 Уголовного уложения, и постановил возбудить против виновных лиц судебное преследование по указанным статьям, а на брошюру... наложить арест», о чём и уведомил московского градоначальника, прося «изъять из обращения находящиеся ещё в книготорговле гор. Москва экземпляры и сообщить сведения об авторе». На следующий день обратился с соответствующим отношением к прокурору МСП (12 декабря та утвердила арест), а через два дня отчитался о проделанной работе перед ГУДП, отметив, что «факт действительного разрешения означенной брошюры Ростовскою-на-Дону цензурою подтверждается

хранящимися в типографии Поплавского, во-первых, оригиналом названной брошюры с постановленною на нём дозвожительною цензурою надписью и, во-вторых, выданным тою же цензурою на выпуск этой брошюры в свет позвожительным билетом». Тогда же Поплавский сообщил, что брошюра была выпущена 17 сентября 1905 г. в количестве 10 тысяч экз., но «кто такой Свенцицкий, как его подробное звание и где таковой проживает, ему неизвестно, т. к. он более заказчиком не состоит», а брошюра по месту жительства не доставлялась и была получена им в типографии.

По представлению прокурора МОС 29 ноября 1906 г. судебный следователь 3-го уч. Москвы приступил к производству предварительного следствия. 31 декабря на повторном допросе Поплавский «припомнил, что Свенцицкий приходил в сопровождении священника». 6 февраля 1907 г. следователь отправил запрос об МРФО в канцелярию московского градоначальника, а та после долгого молчания (5 июня прокурор просил её поторопиться) ответила, что устав Общества был зарегистрирован только 6 августа 1906 г. Это давало право предъявить обвинение и в участии в незаконном собрании. 15 февраля 1907 г. выяснилось, что в делах Ростовской цензуры нет сведений о разрешении брошюры и выдаче на неё выпускного билета. Поиски и не думавшего прятаться Свенцицкого длились до осени. Канцелярия ИМУ 22 сентября удостоверила, что он числится студентом, а 13 октября Д. Д. Галанин (мл.) на допросе указал место его проживания: снимаемая на имя Правления МРФО кв. № 1 в доме Шер.

Свенцицкий на допросе 1 ноября 1907 г. поначалу отрицал своё авторство, сославшись на случайное совпадение имени и фамилии, стараясь прежде всего скрыть существование в 1905 г. МРФО, тогда ещё официально не разрешённого. Затем перестал отпираться и записал в протокол приведённый текст. В итоге был привлечён в качестве обвиняемого по пп. 1 и 2 ст. 129 Уголовного уложения и отпущен под залог 50 руб.; в тот же день уволен из ИМУ под предлогом невзноса платы за осенний семестр.

22 ноября на очных ставках конторщик типографии и Поплавский заявили, что Свенцицкий им совершенно неизвестен (издателем брошюры последний его также не признал). 16 января 1908 г. допрошенный в Ростове бывший ответственный цензор коллежский советник Н. Г. Мордар свидетельствовал, что брошюра действительно была им просмотрена и разрешена, равно как и наложены казённая печать и подпись, а соответствующая запись не сделана по ошибке.

25 января следственное производство было предъявлено Свенцицкому, снова не признавшему себя виновным и теперь ссылавшемуся на цензурное разрешение, а дело направлено товарищу прокурора 5-го уч. Москвы. Только 25 июля оно поступило к товарищу прокурора 11-го уч. МОС, а 5 сентября было представлено прокурору МСП с проектом обвинительного акта. 5 ноября Свенцицкому отправили его копию, но оказалось, что с августа он проживает не в д. Котельникова по Софийской наб., а в д. 4 (Белова) на Остоженке. Допрошенный 28 ноября тамошний дворник заявил, что Свенцицкий уехал в Петербург, а вещи его перевезены на Зубовский бульвар (дом неизвестен). Петербургское Охранное отделение в ответ на запрос сообщило, что таковой выбыл в Москву ещё 21 июля.

16 января 1909 г. помощник начальника Московского охранного отделения подполковник И. И. Пастрюлин просил всех городских приставов сообщить, где проживает беглец, но на жительстве в Москве таковой не значился. 2 марта МСП поручила полиции разыскать Свенцицкого и собрать сведения о его приметах; 5 марта решено было дознаться о них от его брата, жившего в Рязске, Рязанская губ. 10 марта нотариус Борис Павлович Свенцицкий показал: «Брат мой имеет от роду 28 лет, роста сред-

него, брюнет, глаза зеленовато-синие, особых примет никаких». Вряд ли это помогло в розыске... В тот же день Казанская управа сообщила, что видов на жительство пропавшему не выдавала; о том же 18 марта свидетельствовала Санкт-Петербургская сыскная полиция, но за появлением его в столице установила наблюдение. 18 апреля МСП сделала определение о розыске через публикацию в ведомостях, заметки появились в газетах «Московские губернские ведомости» (1909. 21 апреля. № 37), «Санкт-Петербургские ведомости» (Прибавления. 1909. № 96–98), «Сенатские объявления» (1909. 18 мая. № 40. Д. II, разд. XIV, ст. 10668).

22 января 1910 г., по истечении установленного законом 6-месячного срока после публикаций, МСП по Уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством А. А. Циммермана, в составе В. И. Грекова и Т. Д. Руднева, при товарище прокурора Н. Я. Чемадурове и секретаре Н. А. Терновском, определила: «суждение об обвиняемом отложить впредь до явки его или задержания, а с имуществом его поступить по правилам, предписанным в отношении безвестно отсутствующих». 2 декабря МСП признала брошюру преступным изданием и приговорила уничтожить хранящиеся в доме градоначальника 1572 конфискованные экземпляра (решено обратиться к исполнению 4 февраля 1911 г.). Уголовное преследование было прекращено 1 марта 1913 г. по амнистии (ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 97. Д. 53; Ф. 31. Оп. 3. Д. 628; Ф. 31. Оп. 2. Д. 845; Ф. 131. Оп. 73. Д. 142–144; Ф. 142. Оп. 17. Д. 2021; Ф. 418. Оп. 317. Д. 999; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 27. Д. 59. Л. 74; Ф. 63. Оп. 29. Д. 59. Л. 24, 30; Ф. 102. ДП-VII (1913). Д. 7. Л. 233; РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 930).

368. П. А. Флоренский — В. П. Свенцицкому

<02.11.1907. Сергиевский Посад>¹

Дорогой Валентин Павлович! Хочу написать Вам, но сам не знаю — что; это уже давно, хотя всё время не удавалось по всяким внешним причинам. Может быть, главная причина желания — это то, что я вот уже почти три года, если не более, ясно чувствую Ваше трудное положение и свою вину перед Вами — в том, что редко молился за Вас. Я знаю, что если бы у меня хватило сил сказать Вам (с тем самым чувством, с каким я переживаю в себе и с каким мог бы сказать С. С. Троицкому): «Я не могу убедить тебя, но давай помолимся вместе», если бы была сказана одна эта фраза, то могло бы не быть многого, что есть теперь. Мой грех перед собою и перед Вами именно в том, что я не могу этого сказать сейчас, боюсь, не преодолеваю себя. И это тем мучительнее, что я слишком живо помню, что когда я был в затруднительном (или Вам казалось так) положении, то, как могли, Вы помогли мне.

Теперь стараюсь исправить свою вину, стараюсь не лениться в молитве за Вас. Только не подумайте, что это по долгу. Долга я (кажется) почти не признаю и не считаю с ним. Нет, по живому сознанию, что как бы мы ни ссорились друг с другом и ни негодовали взаимно, известные вещи связали нас настолько, что теперь порвать эти связи едва ли можно, — даже если бы явилось такое желание.

Во-первых, напишу насчёт «Антихриста» (кстати сказать, я очень негодую на Вас за выпуск его в свет, но сейчас не в том дело)². Нового он мне дал мало, т. е. я это всё в вас чувствовал и видел из отдельных разговоров и т. д. Но мне думается, Вы не замечаете самого скверного — книги. Говорю «скверного». Это не верно. Я не знаю, были или не были случаи, описанные в «Антихр<исте>», да и всё равно это. Если бы Вы под присягою показали мне, что всё это было, я ни на одну йоту не изменил бы своего отношения к Вам. Но мне не то тяжело, что это было (мало ли что бывает!), а то, что Вы носитесь с гадостью, словно любуетесь ею, да и других соблазняете.

Я вижу, что и теперь, и ранее Вы больны, и болезнь Ваша не столько в том, что бродят скверные мысли, а в том, что Вы им придаёте слишком важное значение. И тут много способствуют вреду разные теории. Если бы Вы постарались временно, хотя бы на месяц, сказать себе: «Просто *ничего* не хочу думать обо всём этом, после разберусь», и воспользовались бы этим временем, чтобы исповедаться (опять-таки просто, без особенных покаяний, «просто») и приобщиться, то, я уверен, дело пошло бы на лад. Но... я пишу и сейчас же думаю: «Ведь слова-то мои только сердят его». И всё-таки скажу: не теоретизируйте о возможностях и невозможностях, а попробуйте, но относитесь по-мещански, не беря штурмом Бога.

Во всяком случае, не сердитесь. Кроме доброго ничего Вам не хочу, а говорю не более, нежели глупости.

Целую Вас. Павел Флоренский².

¹ Черновик. Возможно, письмо не было отправлено.

² В книге «Столп и утверждение Истины» (Письмо 7) Флоренский писал: «Слепая похоть и бесцельная лживость — вот что остаётся от личности после её развращения. В этом смысле, развращённость есть двойничество... Психологически же разбор относящихся сюда переживаний находим в некоторых литературных произведениях». Далее ссылался в т. ч. на роман-исповедь Свенцицкого «Антихрист».

369. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<03.11.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша! Твою статью об Обществе получил¹. Она хороша своим объективным тоном. До сих пор разрешения нет². Так что дело пока стоит. 31-го я подал на всякий случай прошение на своё имя. С Валентином нам страшно трудно. Все мы в спутанном состоянии. Твоё письмо получил. Господь с тобою.

Твой В.

¹ А. В. Е. В религиозно-философских обществах: В Москве // Религия и жизнь. Сб. статей. М., 1908. С. 92.

² Разрешение на издание журнала «Живая Жизнь» было получено 12 ноября 1907 г., о чём Эрн телеграммой известил друга.

370. А. В. Ельчанинов — В. Ф. Эрну

<09.11.1907. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Володя! Завтра посылаю тебе пук рецензий. Напиши, пожалуйста, будешь ли ты писать о «Суб специе» <Бердяева>. Я очень прошу тебя писать самому, т. е. просто использовать свою рецензию в «Веке». Недавно мы постановили оплачивать проезд Валентина 25 р., а твой 50 р.¹ Вчера у нас был доклад Мережковского². Теперь хочет возражать Тернавцев, что займёт ещё один вечер. Числа 26-29-го устраиваем реферат в большом зале (человек на 400-500). Можешь ли ты приехать в понедельник (26) или тяжело в праздник?³ (я забыл, прости). Если не можешь, то попроси Валентина, т. к. во все ноябрьские праздники зал занят. Пока всё это предположительно.

¹ Совет ПРФО ассигновал 7 октября 1907 г. для приезда Свенцицкого на II публичное заседание 15 руб., а в заседании 5 ноября постановил: «Приезд лекторов из Москвы оплатить по второму классу. Свенцицкому — 25 руб., Эрну (с женой) — 50 руб.» (РФОП. С. 20, 23).

² На III публичном заседании ПРФО 8 ноября 1907 г. Карташёв зачитал доклад Мережковского «О Церкви грядущего».

³ 26 ноября — день освящения храма в честь вмч. Георгия Победоносца в Киеве, который Ярослав Мудрый заповедал ежегодно праздновать во всей Руси.

371. В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову

<09.11.1907. Москва — С.-Петербург>

Дорогой Саша!

Я к тебе с делами. Завтра будет разрешение. Это почти наверное. Рукович¹ прибегнул к «финансовому воздействию».

Я тебя прошу возможно скорее сделать следующее:

Во-первых. Сегодня пришёл счёт Ефимову из типографии О. Унфуг (за «Антихриста») на 447 руб. 50 коп. На счёте написано: «получить В. А. Никольскому». Я могу получить эти деньги от Ефимова только при двух условиях: 1) чтобы В. А. Никольский написал мне засвидетельствованную доверенность, 2) чтоб О. Унфуг снова написал этот счёт *за свою подписью*, ибо счёт, присланный Ефимову, ничем не скреплён и подписан какой-то фамилией, ему неизвестной.

Это дело очень серьёзное потому, что иначе Ефимов перешлёт деньги по счёту в *типографию Унфуг* (он так сказал), а не Никольскому, и тогда деньги могут пропасть. Унфуг нам не заплатит, и мы с журналом сядем в калошу.

Кроме того, узнай от Никольского, в каком положении находятся 150 рублей, которые должны были быть им получены с *почты*. Если они получены, пусть он мне перешлёт. Если же не получены, пусть он с ними поторопится.

Во-вторых. Я тебя умоляю приехать. За это говорит *всё*. Я без тебя как без рук. 1) Не знаю, как быть с рассылкой (Валентин сейчас совершенно негоден для практики). Она меня приводит в ужас. 2) Судьба журнала зависит от того, как мы поставим дело с *подпиской*. Нужно действовать скоро, энергично и использовать *все пути* (напр<имер>, через Струйского² можно достать адреса тысячи возможных наших подписчиков и разослать им проспект). <И. П.> Гайгаров обещал взять 100 экз. Нужно бы сговориться и с другими газетчиками. Нужно вовремя устроить обмен объявлениями и т. д., и т. д. Я много здесь нащупываю, но всего охватить не могу. А между тем, от умелой постановки этой стороны дела зависит вся внешняя судьба журнала. 3) Хотя внутренняя сторона для меня ясна, но я страшно нуждаюсь в тебе, для того чтобы «делать номер». Боюсь впасть в субъективизм. Хочу с тобой советоваться обо всём.

Кроме того, духовный кризис Валентина — есть кризис и *всех тех дел*, с которыми Валентин связан кровно (а это значит, почти всего нашего дела). Очень и очень многое у нас должно принять *новые формы*. К этому убеждению я прихожу всё сильнее и сильнее. Ты понимаешь, что это заставляет меня страшно хотеть твоего присутствия.

Это всё заставляет меня просить тебя самым настойчивым и убедительным образом приехать. 8-го будет у вас реферат. Приезжай 10, 11-го и пробудь до следующего вашего реферата. А этот следующий реферат назначь вместе с Аскольдовым возможно *позднее* (чтобы пробыть у нас дольше). Деньги на дорогу получишь из денег «вековских». Бога ради приезжай. Завтра, как только я получу (и если получу) разрешение, я тебе дам *телеграмму* с одним словом: «Приезжай».

Если ты согласен приехать, пожалуйста, *телеграфируй* мне об этом. Выезжай же только тогда, когда получишь мою телеграмму (о получении разрешения). Перед отъездом сюда непременно устрой с Никольским всё нужное, чтобы я мог получить с Ефимова деньги по счёту О. Унфуга.

Итак, Саша, если есть *какая-нибудь* возможность, приезжай. Буду ждать с нетерпением твоей телеграммы. Телеграфируй по моему адресу.

Ещё раз прошу тебя: приезжай!

Христос с тобой.

Твой В. Целую тебя.

Р. S. Я *очень нуждаюсь* в твоём приезде.

¹ *Рукович* Владимир Антонович — редактор-издатель журнала «Живая Жизнь», могилёвский мешанин.

² *Струйский* Пётр Петрович (1862—1925) — актёр, режиссёр; держал антрепризы в крупных провинциальных городах.

372. С. А. АЛЕКСЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ

<10.11.1907. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Владимир Францевич!

Вдвойне благодарен Вам за присылку денег. Конечно, возместите это из гонорара за статью. На Ваше приглашение написать что-нибудь для «Ж<ивой> Ж<изни>» не могу не ответить утвердительно (хотя это, в сущности, слабоволие — надо бы учиться). Не уверен только, удастся ли ко 2-му № или уже к 3-му. Я бы очень хотел о Серафиме Мережковского¹, да узнал, что Вы уже написали². Но то, что я, собственно, хотел сказать об этой статье, я могу высказать самостоятельно. Тогда тема будет такова: «Святость и христианство»³. <...>

Ваш С. Алексеев.

¹ *Мережковский Д.* Последний святой // Русская мысль. 1907. № 8—9.

² *Эрн В.* Христианство и мир (Ответ Д. С. Мережковскому) // Живая Жизнь. 1907. № 1. 27 ноября. С. 15—46.

³ *Аскольдов С.* Святые как выразители христианства // Живая Жизнь. 1908. № 2. 30 января. С. 12—30.

373. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<11.11.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Вы очень хорошо сделали, Павел Александр<ович>, что предупредили меня насчёт батюшки с его союзом детей¹. Он вёл себя так, как будто бы совершенно близкий Вам человек и дело его общее с Вами дело. Я его *даже* пригласил сидеть за нашим <нрзб.> столом, т. к. там было очень много пустых стульев!

Его просьба, собственно, сводилась к тому, чтобы легализировать ихнюю деятельность, приняв её под официальный флаг Соловьёвского общества.

Теперь мы этого не сделаем и ограничимся просто деловыми отношениями, которые, я думаю, прерывать не нужно.

Всего Вам хорошего. Вал. Свенцицкий.

¹ «Союз детей» — создан в ноябре 1906 г. участниками Пастырско-просветительского братства при МДА с целью образования и воспитания беспризорных детей. Составил устав, выработал учебно-воспитательную программу и привлекал благо-

творителей студент II курса иерей Иоанн Михайлович Васильев (1862—?); с 1909 г. он служил законоучителем в Полоцком кадетском корпусе, принял постриг с именем Григорий.

374. П. А. ИВАШЁВА — МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЕ

<15.11.1907. Москва>

<...> Став фиктивным редактором «Духа не угашайте», я была убеждена, что, дав свою подпись для продолжения издания, я, хотя и пассивно, буду этим способствовать великому делу устройства России по требованиям христианской любви. Слова о Христе, применявшиеся ко всему без разбора, постоянные ссылки на действительную во имя Христа любовь — всё это как бы загнипнотизировало меня. Я признала возможным дать свою подпись на выпуск газеты, нисколько не претендуя на действительную роль редактора-издателя. От меня нисколько не зависел выбор статей и допущения того или другого их содержания. <...> Была в состоянии увлечения идеей служения и помощи ближним, или, правильнее, в состоянии особого гипноза. <...> Но мало-помалу моё увлечение остывало, я начала как бы прозревать и мне становилось всё яснее, что газета, которая должна была служить органом людей, старающихся преобразить государство по требованиям христианской любви, в действительности давала место политиканствующей религиозности, смешивала политику с христианством, извращая христианство в угоду политике. <Издатели> являются в моих глазах лишь людьми, сбившимися с толку и способными вводить в заблуждение других. Мне теперь ясно, что они совершают дело, к которому я не только не имею никакого расположения, но и считаю его во многом вредным¹. <...>

¹ Как будто по сговору, и Ельчанинов на допросе 28 декабря 1907 г. заявил, что «не был фактическим редактором, а только официально числился, материал отбирал редакционный комитет», в чём представил двух свидетелей. 11 января 1908 г. то же твердила и Ивашёва: «Редактором не была, критически не относилась к статьям, поступавшим фактическому редактору, долг которого самому объявить себя. Вся ответственность лежит на нём». 19 января допрошенный по её просьбе Сергей Иванович Преображенский (33 года, врач) показал: «Первенствующая роль принадлежала главе этого дела Валентину Павловичу Свенцицкому, как члену совета Религиозно-философского общества в память Вл. Соловьёва. ...Выбор материала для газеты главным образом зависел от Свенцицкого: он являлся главой и душой этого издания». Ивашёва подтвердила, что он был фактическим редактором газеты и заведовал делами редакции. 25 января вызванная по её просьбе Вера Васильевна Шер (56 лет, вдова коллежского секретаря) отказалась назвать лицо, фактически заведовавшее делами редакции. Ивашёва добавила: «Местожителство Свенцицкого неизвестно, думаю, что живёт без прописки; недавно читала объявление в газете, что Свенцицкий читал реферат в РФО»; эти слова В. В. Шер подтвердила. 26 января судебный следователь посчитал дело законченным и направил к товарищу проку-

рора, а тот 7 февраля предложил привлечь Свенцицкого в качестве обвиняемого (ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 92. Д. 184. Л. 78–89).

375. С. А. АЛЕКСЕЕВ — А. С. ГЛИНКЕ

<15.11.1907. С.-Петербург — Симбирск>

<...> На меня очень удручающе подействовало Ваше предположение о быстром разложении Московского религиозно-философского общества. Для нас это был ободряющий пример. У нас последнее заседание прошло удачнее, хотя неподготовленность публики и ораторов к религиозным вопросам вопиющая. Для многих нужно начинать с азов. Печать всё происходящее по-прежнему перевирает до неузнаваемости¹. <...>

¹ «Как образец газетной безграмотности можем указать на статью об Обществе в № 265 „Руси“, где анонимный автор умудрился понять „как раз наоборот“ всё, что происходило на заседании, перессорил между собой единомышленников, объявил основателем новой религии философа Аскольдова, который весь свой реферат направил именно против „новой религии“» (С-И. 481). Поразительно, что столь явный подлог, представлявший Свенцицкого защитником «нового религиозного сознания», повторяется до сих пор, например, С. М. Половинкиным (Православная энциклопедия. Т. РПЦ. С. 481) и И. В. Воронцовой в многочисленных статьях и книге «Русская религиозно-философская мысль в начале XX века» (М., 2008. С. 212), причём последняя объявляет и Булгакова примкнувшим к этому движению «неохристианином».

376. МРФО — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<20.11.1907. Москва — Сергиевский Посад>

В воскресенье, 25 ноября, в помещении Общества (Остоженка, 1-й Зачатьевский переулок, № 6, кв. 1) состоится *общее собрание*. Предметы занятий: 1) выборы председателя и 7-ми членов совета, 2) отчёт о деятельности Общества, 3) доклад ревизионной комиссии¹.

А. На основании примечания к § 21 Устава правом решающего голоса пользуются только действительные члены.

Б. На основании Устава заседание считается действительным при всяком количестве действительных членов.

Начало в 12 часов дня.

В воскресенье, 25 ноября, в помещении Счетоводных курсов Ф. Езерского (Тверская-Ямская, 18) состоится XV публичное заседание. *В. Ф. Эрн* прочтёт

реферат на тему «Христианство и мир» (критика отношения Д. С. Мережковского к христианству)². Нач<ало> в 7½ ч<асов> веч<ера>. Билеты от 20 коп. до 3 руб. в книжном магазине «Братство» (Тверская, д. Олсуфьева, прот<ив> Брюс<ова> пер.) и в канцелярии Об<щест>ва ежедневно, кроме праздников, от 12-ти до 2-х ч<асов> дня.

С 7 ноября при Рел<игиозно>-фил<ософском> об<щест>ве открыта библиотека (Остоженка, 1-й Зачат<ьевский> п. № 6, кв. 1) на следующих основаниях:

Книги выдаются членам Об<щест>ва на две недели, в количестве не более двух экземпляров. Выдача книг производится ежедневно, кроме праздников, от 12-ти до 2-х ч<асов> дня, а также от 5-ти до 7-ми ч<асов> веч<ера> по воскресеньям, средам и пятницам.

При библиотеке организуется Отдел взаимного обмена, куда поступают книги от членов Об<щест>ва во временное пользование.

Библиотека гарантирует целостность книг и переплетает наиболее ценные из них. Книги поступают в Библиотеку на неопределённый срок и возвращаются владельцу по первому требованию. В случае, если какая-нибудь книга окажется занятой, Библиотека в двухнедельный срок обязуется её доставить.

Библиотечная комиссия просит Вас, Мил<остивый> Гос<ударь>, не найдёте ли Вы возможным содействовать развитию Отдела взаимного обмена, доставить Библиотеке список книг, которые могли бы быть переданы Вами во временное пользование Библиотеки.

¹ «Были заслушаны доклад ревизионной комиссии и отчёт о деятельности общества. За истекший год состоялось 15 публичных заседаний и 7 закрытых, было прочтено 16 публичных лекций. Число членов возросло с 50 до 350. Перед выборами проф. С. Н. Булгаков сказал, что он снимает свою кандидатуру в председателя общества по личным мотивам, не предполагая прекращать в обществе своего посильного участия. Затем были произведены выборы. Председателем избран Г. А. Рачинский, членами совета: проф. С. Н. Булгаков, Д. Д. Галанин, Н. Ф. Езерский, С. А. Котляревский, В. П. Свенцицкий, проф. кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрн» (Раннее утро. 1907. 28 ноября. № 9. С. 4).

² Опубликовано: Живая Жизнь. 1907. № 1. С. 15–46.

377. Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — А. С. ГЛИНКЕ
<26.11.1907. С.-Петербург — Симбирск>

<...> А Свенцицкий!.. Мы только что прочли его «Антихриста»¹. Мы не нашли в нём «потрясающего ужаса», книга эта показалась нам глубоко ни-

чтожной, в религиозном смысле, бесконечно жалкой, ребячески беспомощной². И он достоин лучшей участи. Тут нет никакого «антихриста», а есть лишь образная сторона «православного житья-бытья». Удушья одиночества. И кто из вас ему помог?

Ужас не в нём, а в том, что, уже будучи со всеми вами в церкви, он не нашёл защиты от этого ужаса. А теперь не ужасаться надо, а успокоить его, принять грех его на себя, полюбить ещё сильнее. Как Вы не видите, что всё это вздор (т. е. всё, что он взвалил на себя в этой проклятой книжонке), что он *всегда верил и продолжает верить в Христа* ничуть не меньше Новосёлова с монахом Илиодором и еписк<опом> Евлогием и митр<ополитом> Антонием, а гораздо больше. Вы испугались больного ребёнка и корчи от родимчика приняли за корчи бесноватого и разбежались, покинув его в действительном, теперь уже в действительном ужасе³. Вы готовитесь к смерти, а Булгаков любезничает с Новосёловым. А ведь Свенцицкий, хотя и одинок, *но не один*. Таких, как он, множество. Он очень обыкновенный *средний* человек своего поколения (Леон<ид> Андреев, Ремизов, зелёная опасность⁴ и проч., и проч.). Вы все — безнадежные праведники, а ведь Христос пришёл не для праведников.

<...> Но говорю я, что нам друг друга ни полюбить окончательно, ни проклясть не за что и что наше назначение в теперешнюю минуту в России, между Свенцицким и Новосёловым — тихое житьё-бытьё и тихая «кончина живота». <...>

¹ Результатом внимательного прочтения стала глава «Меч» в сб. Мережковского «Не мир, но меч» (М., 1908): в разделах IV–V подробно изложен ход мысли героя романа-исповеди (С-II. 110–115), в т. ч. утверждавшего, что не воскресший Христос — «не сын Божий, а сын Смерти, не спасший, а обманувший мир» (ср.: «Если Христос не воскрес... Он обманул человечество, утверждая, что Бог есть Отец Небесный»); что без реальности вечной жизни «вся культура, все хлопоты людские — ничто; смерть стоит поперёк дороги» (ср.: «Ежели смерть есть, то всё — ничто»). Характерно и трижды повторённое определение апостолов — «ничтожная горсть людей»; у Свенцицкого — «ничтожная кучка людей». И в других главах многое почерпнуто у него, но преломлено антицерковным сознанием (например, о взыскании интеллигенцией Града грядущего и отрицании настоящего, о религиозном смысле русской революции).

² Большинство критиков дали противоположную оценку. Я. Л. Розенштейн полагал: «Эта книга — вещь огромного интереса и огромного ужаса. В ней выведен человек страшного раздвоения: пророк внешне, заставляющий преклониться в прах своих апостолов, и внутри — слуга антихриста, игрушка тёмных страстей, лукавый раб» (Новости сезона. 1910. 29 ноября. № 2085).

³ Н. Гиппиус считала, что автор рассказывает о самых крайних и ярких переживаниях людей, начинающих мыслить и жить, задающих коренные и серьёзные вопросы: что мне делать с собою? что такое «я»? Христос я или Антихрист? Он «самый обычный юноша, из десятка, а может быть, из тысячи... сама книжка кричит об этом, каждая страница её — лик не одного, а многих таких же, так же томящихся смертной тоской о себе, о своём „я“, о котором, „если не решить, что оно такое —

жить нельзя“... Однородное, схожее страдание у многих, хотя каждый из этих многих ещё одинок. Подлинное страдание у автора „Антихриста“... И страдание воистину смертное... Страдания, ошибки, борьба юного поколения нашего обращения к будущему, — потому что это страдания живых людей и трепет живых мыслей» (*Гиппиус З.* Собр. соч. Т. 7. М., 2003. С. 306, 312–313).

«Самым талантливым произведением последнего времени» назвал роман еп. Анастасий (Грибановский): «Идее Антихриста, разрабатывавшейся ещё Достоевским, Вл. Соловьёвым и Мережковским, Свенцицкий даёт совершенно новое, оригинальное и глубоко толкование. По Свенцицкому — Христос — это жизнь и стремление к свету, а Антихрист — извечная боязнь смерти, страх небытия. И трагизм человека в непрестанной борьбе в его душе этих двух непримиримых начал» (*Путь жизни.* 1908. № 3. С. 48).

Сходную оценку дал Н. Н. Русов: «Замечательная книга... написанная с силой почти равной Достоевскому. В ней с потрясающей искренностью изображено разложение человеческого Духа на две силы, враждебные друг другу: одна из них — ложь и чувственность, другая — правда и чистота. Две женщины олицетворяли эти силы, и душа странного человека раздирается между ними, то падает, то поднимается и непрестанно мучается в этом борении» (*Накануне.* 1922. 3 сентября. № 124). Современники вспоминали: «Повесть произвела на меня впечатление не только очень интересной, но и очень искренней вещи» (*Стенун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 202); «Один из самых показательных памятников эпохи, замечательная и, к сожалению, замолчанная книга — документ первостепенной важности для характеристики религиозно-философского движения» (*Святополк-Мирский Д.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // *Вёрсты.* Т. 2. 1926. С. 252). Большое влияние оказала на Г. Г. Селецкого: будущий игумен Иоанн читал её на фронте в 1914 г.

Духовно потрясён был рецензент, скрывшийся под псевдонимом *В. Ставрикаев*: «Посетил меня Антихрист и два вечера держал над бездной страха и восторга. Сначала, конечно, мне не верилось. В двадцатом столетии, рядом с телефоном, электричеством, воющими автомобилями, — и вдруг живой доподлинный Антихрист. Однако, когда развернулись предо мной в ужаснейшей красоте судороги помрачённой души и корчи необычайного, пронзающего ума, сомнения мои поколебались... Талантливая книга так же, а иногда и ярче, трепещет живой душой писавшего, нежели иная душа в говорящем и двигающемся теле. Вот почему я, не мистифицируя, говорю, что меня два вечера держал в сладком и мучительном страхе посетивший меня Антихрист... Автор и хочет, и не хочет, чтобы видели его собственное лицо и его собственную смятённую и ужаснувшуюся душу. ...Со времени Достоевского мне не приходилось видеть ни в какой книге такого судорожного и крайнего обнажения души. А заглянуть в такие тёмные и мучительные глубины души и жутко, и благотворно» (*Слово.* 1908. 9 апреля. № 427).

Н. И. Петровская также констатировала: «Свенцицкий... хочет дать документально точное изображение собственной души во всех её проявлениях до самого глубокого и тёмного дна, — и в дерзновенно правдивых строках „Записок“, действительно, запечатлён скульптурно точный образ души, только не живой, а в окончательном процессе её разложения... Вопрос бессмертия, преследующий Свенцицкого до кошмара и бреда, — этот страстный вопль к неизвестности каждого живого человеческого сердца». Но будущая самоубийца была уверена, что на этом пути христианство не ведёт к добру, а искание абсолютной истины губительно для слабых; цель и смысл

главного вопроса книги ей оказались недоступны: «Если в этом вопросе таится даже подлинная надежда на возрождение... она не озарит уже никакого будущего» (Весы. 1908. № 2. С. 85–88).

Почти буквально совпадали мысли А. А. Блока, не менее в тот период далёкого от Христа. Он полагал, что христианство не даёт выхода из противоречий Ивана Карамазова, восклицая «о, как опасно искать этих выходов!», а рассуждения Свенцицкого о необходимости идеи бессмертия для сознания ведут к пустоте. Однако признавал, что от его книги «сохранилось только похожее на воспоминание о физической боли, на сильное и мимолётное впечатление, с которым не расстанешься» (Блок А. Собр. соч. в 8 т. М.; Л., 1963. Т. 5. С. 486, 610). Уничжительно отозвался о романе неверующий в личное бессмертие И. Ф. Анненский (Книги отражений. М., 1979), боровшийся, по словам Н. С. Гумилёва, «за своё право не верить с ожесточённостью пророка».

А. К. Закржевский в книге «Религия. Психологические параллели» (К., 1913. С. 388–406), изыясняя диалектику искусства и реальной жизни, счёл произведение далёким от «литературного» (в вульгарном смысле), увидел «нечто большее, чем обычный роман с началом и развязкой... почувствовал в нём настоящую трагедию наших дней, крик огненной боли, крик безумия в крошечной тьме». Роман трактовался как символ болезни века: «Потому он и интересен, что в нём открыто, обнажён и пламенно говорится о том, о чём привыкли все молчать, хотя и каждый носит в своей душе этот ад... В кровью написанной книге человек среди этого молчанья вдруг закричал, и крик его исходит именно из тех глубин, из которых кричал и Достоевский... Это правда, сущая правда, это страшная правда нашей жизни... Вокруг нас и среди нас много таких „героев нашего времени“, и они молчат, и никто не знает о той ужасной, убийственной игре лжи и самообмана, которую они исполняют не по своей воле, а по воле сидящего в них демона двойственности».

Несмотря на убеждённость Гиппиус и Петровской в документальности повествования и попытку вывести его за рамки художественной литературы, анализ показывает, что большая часть «Записок» не соответствует видимой стороне действительности, хотя они абсолютно правдивы в духовном плане. С точки зрения фактов, это искусный художественный вымысел — не мистификация типа Черубины де Габриака, не жизнь, превратившаяся в театр, а символ в его истинном понимании — образ естества. Это духовный реализм — изображение внутренней, сокровенной жизни и всех глубин души человеческой; «не простое воспроизведение насущного, чем, по уверению многих учителей, исчерпывается вся действительность» (Достоевский Ф. Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 27. С. 65; Т. 11. С. 237), но постижение средствами искусства сущности происходящего.

Расхожее ныне мнение о том, что единомышленники Свенцицкого узнали себя в персонажах романа и публикация стала поводом к его исключению из МРФО, не имеет под собой *никаких* оснований.

³ Из опубликованных отзывов и рецензий (см.: С-1. 695–705) это самое глубокое проникновение в душу автора.

⁴ «Недавно заговорили о „зелёной опасности“; в газетах появились дневники и письма гимназистов из „подполья“, которые поступают в общество „огарков“ и стреляются, потому что не решили мировых вопросов» (Мережковский Д. Собр. соч. Грядущий хам. М., 2004. С. 263).

378. В. А. Никольский — В. Ф. Эрну

<27.11.1907. С.-Петербург — Москва>

Многоуважаемый Владимир Францевич,

Как быть с «Антихристом»? Я писал уже Вал<ентину> Павловичу о том, что переплётчик не доставил Цукерману¹ ни одного экземпляра и не хочет выпускать 2-е издание (оно, кстати, без обложки и потому портится), пока не получит денег.

Он ходит почти каждый день и одалживает меня разговорами. Типографщик — сидит в тюрьме, типография запечатана.

Нельзя ли как-нибудь выяснить это дело. Переплётчик собирался писать Ефимову насчёт уплаты денег, но я пока удержал его от этого. Боюсь, не вышло бы какой-нибудь ерунды...

Объявление «Живой Жизни» сдано, но неизвестно ещё, будет ли напечатано. Как получится ответ — сообщу.

Как дела с № 1-м? Усердно прошу (если вошла моя статья²) выслать не один, а три экземпляра.

Готовый к услугам В. Никольский.

¹ На обложке книги значилось: «Склад издания: С.-Петербург, книжный магазин „Луч“ С. Цукермана, Александринская площ., 5; Москва, книжный магазин Д. П. Ефимова, Моховая, д. Бенкендорфа».

² *Никольский В.* Из истории наших религиозных движений: Стригольники. Жидовствующие // *Живая Жизнь.* 1907. № 2. С. 88–107.

379. И. Ф. Егоров — В. П. Свенцицкому

<04.12.1907. С.-Петербург — Москва>¹

Глубокоуважаемые Валентин Павлович, Владимир Францевич и Александр Викторович!

Вчера получил первый номер «Живой Жизни». Имел свободное время — и сейчас же прочитал. И спешу поделиться своею радостью. От всего журнала веет христианским духом, твёрдо и ясно сознанныю христианскою мыслью, горячею ревностью по Боге и правде Божией.

Нет газетной легковесности, суетливости, мелкой партийности, тщеславной гневливости, самолюбивого мальчишеского задора... Думаю, что будут читать с интересом не сочувствующие делу, но и враги великого дела возрождения церкви Христовой в душах и жизни людей. И может быть, враги с большим интересом: за журналом чувствуется большая духовная сила. Видно, что люди пишут не для того, чтобы не показаться отрезанными от модных движений и идей. Нет подлаживания к модным настроениям. Чувствуется,

что люди имеют сказать своё большое, ясное твёрдое. Без вопросов, модно это или нет...

Нет, я в восхищении от журнала. Пусть он для большой публики, для интеллигентов... Но я думаю, уверен, что Вы дадите этим журналом то, о чём я мечтал и что считаю необходимым...

После прочтения книжки я ожил. И мне опять захотелось писать. Есть смысл работать, вносить и свою малую лепту в дело... Пришлю *тоже* статейки. Пусть благословит Господь ваши труды! Продолжает осолять ваши силы Своею всемогущей мудростью!..

С любовью, свящ<енник> И. Егоров.

¹ Надпись на полях: «Это письмо было прислано на моё имя в Братство и переслано мне сюда. В. Св<енцицкий>».

380. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому
<10.12.1907. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

1. Ваш реферат переносится с воскресенья на понедельник (17-го) и в помещение Об<ше>ства (т. е. 1-й Зачатьевский пер., д. № 6 Шер, кв. 1). Напишите открытку, чтобы мы знали, что Вами письмо это получено и что Вы согласны на понедельник.

2. Типография отказывается делать те громадные вправки, которыми испещрены поля Ваших гранок. Если есть какая-нибудь возможность — не делайте вправок, не вставляйте новых текстов и рисунков. Иначе сборник не выйдет и к Рождеству, а это вследствие постоянных настояний Ефимова почти невозможно!

Итак, буду ждать Вашей открытки.

В среду получится Ваш реферат, т. е. первые «письма» в свёрстанном виде, и тогда Саша пошлёт их Вам.

Всего доброго. Ваш В. Эрн.

¹ Второй сб. «Вопросы религии» был издан в июне 1908 г.

381. М. Е. Трабинович — В. П. Свенцицкому
<12.12.1907. С.-Петербург — Москва>

Я обращаюсь к вам как к автору книги «Антихрист. Записки странного человека». Я получил эту книгу из типографии для сброшюрования и с арестованием типографа я решительно потерял все нити для отыскания владельца

этой книги. В данный момент я завален такой громадиной и занимает у меня много помещения, а посему покорнейше вас прошу безотлагательно сделать распоряжения для окончательного со мной расчёта и приёмки от меня вашей книги, и притом объявляю вам, что я насчитываю на вас за помещение.

В ожидании от вас ответа, М. Трабинович¹.

¹ Письмо на бланке: «Переплётная футлярная и брошюровочная мастерская М. Е. Трабиновича. Фонтанка, д. 133, уг. Никольского пер.».

382. В. Ф. Эрн — А. С. Глинке

<12.12.1907. Москва — Симбирск>

<...> Заседание с рефератом Валентина вовсе не было очень тяжёлым¹. Он себя очень взнуздal. Реферат вышел сухим и скучным, но зато *минимально* лживым. Вся лживость свелась к тому, что он всё-таки не отказался читать его. Теперь он вот уже около двух недель как уехал и пишет только деловые открытки. После его реферата у меня с ним было сильное столкновение. И в этом столкновении родилась какая-то большая хорошая сила, зажёгшая нас обоих и прожёгшая *всё*, что между нами тогда наслоилось. Много мы плакали оба слезами любви, всё растаяло, всё стало ясным, и на него снизошло откровение. Но через несколько дней у него опять началось мучение, а у меня некоторое раздражение и холодность, опять продвинулась между нами стена. Стыдно за слабость свою. Но сил нет. Вот соберусь с силами и напишу ему что-нибудь утешительное, без укоров, с любовью. Тот вечер — то примирение наше — для меня является в известном смысле *окончательным*. Валентина, *таким, как он есть*, я принял в душу свою, и больше не усумнюсь в нём, в его <нрзб.> и в своей любви к нему. Хотя тот свет, который засветил тогда, часто заслоняется мутью рассеянной обыденной жизни. <...>

¹ На XIV публичном заседании МРФО 8 ноября 1907 г. Свенцицкий сделал доклад «Смысл любви».

383. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<13.12.1907. Москва — Симбирск>

Милый Александр Сергеевич!

<...> Ваши чувства при получении письма М<ережков>ского я понимаю и разделяю. Стараюсь настраивать себя на любовь и прощение, но постоянно срываешься с этого. О В<алентине> П<авлови>че ничего нового, а следовательно, и ничего внутренне утешительного сообщить не могу. Доклад его

протёк внешне прилично и бесцветно. После он выглядел сначала смущённо (но и только), а затем и это прошло, по видимости, по крайней мере. Теперь уехал, но будет, как я и предполагал, готовить «лекции». Я чувствую к нему преступную холодность неверия и не в силах растопить этого льда (не «испуг», а бессилие любви, смерть души).

Эрн делает, по-моему, героические усилия, чтобы не чувствовать того же, и прекрасен в этих усилиях. Если Вы читали письмо М<ережковско>го к В<алентину> П<авловичу>, то поймёте, как должен был быть ошарашен «Антихристом» М<ережковск>ий, стоящий притом вне нашей психологии и дрызг.

Председателем Религиозно-философского общества согласился быть Рачинский, пока это служит к общему удовольствию и всех устраивает, но может быть, это спокойствие кратковременно и объясняется отсутствием *pervus regum*¹.

<...> Может быть, будет возможность мне занять у нас в Коммерческом институте, не оставляя политической экономии, кафедру «богословия» (точнее — философии религии, два часа в неделю). Поручить некому, кого бы стали слушать студенты, а мне и хочется и колется, и боязно превысить свою компетенцию (не в книжном, а внутреннем смысле), и хочется дать, что можешь, и помочь кому-нибудь. Конечно, задача эта исключительно апологетическая, «умовая». Флоренский отказался. Напишите, как Вам кажется, если кажется что-нибудь: держать ли хотя бы в виде опыта временного? Возможны, впрочем, и внешние препятствия. <...>

¹ Побуждающая причина (*лат.*).

384. П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну

<13.12.1907. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя! Я получил Ваше извещение относит<ельно> заседания. Если ничего не случится, приеду вовремя. Реферата корректуру жду. Очень жаль насчёт типографии. По 1) я опирался на *Ваши* слова, потому что Вы же мне доказывали, что типографии платят особо за правки, что я могу делать сколько угодно исправлений и т. д., — из-за чего я и поторопился со сдачей р<у>к<о>-п<иси>. 2) Чертежей я не вставлял. Всего-навсего один и есть «чертёж», да и тот был в р<у>к<о>п<иси>, но его почему-то не напечатали. Множество поправок *отчасти* обусловлено небрежностью типографии, кот<ор>ая решительно не желает считаться не только с орфографией (напр<имер>, прописные буквы); но и со смыслом, заменяя одни слова другими, как будто подходящими, но на деле извращающими смысл. Постараюсь делать поправок поменьше, хотя это очень неудобно. Уж лучше бы я переписал окончание статьи в закончен<ном> виде. Вторую половину во всяком случае я отделаю обязательно.

Ваш П. Флоренский.

385. А. В. Ельчанинов — В. В. Розанову

<Декабрь 1907. Москва — С.-Петербург>

Многоуважаемый и дорогой Василий Васильевич, Вы, может быть, помните меня, Ельчанинова, а если не помните меня, то уж, наверное, помните нашу троицу (Вы часто смешивали меня то с Эрном, то с Свенцицким). Так вот от имени этой троицы я и обращаюсь к Вам.

Вы получаете, конечно, «Живую Жизнь». Пока она издаётся на деньги погибшего «Века», но деньги уже кончились, а мы хотим, чтобы «Ж<ивая> Ж<изнь>» продолжалась и в будущем году¹. Подписка у нас уже идёт², но её надо поддерживать публикациями. Так вот мы и просим Вас, не могли бы Вы сделать нам рекламу, каким-нибудь из двух нижеследующих или обоими способами:

1) Не могли бы Вы убедить контору «Нов<ого> вр<емени>» обменяться с нами объявлениями.

2) Не дадите ли Вы в «Нов<ом> вр<емени>» или «Рус<ском> сл<ове>» заметки о нашем журнале (№ 2, в котором Свенцицкий пишет о Вас³, посылается Вам в понедельник).

Собственно, на первый пункт мы не надеемся, но второе! Я уверен, что в душе своей Вы реагируете как-ниб<удь> на наш журнал, а тогда и написать Вам совсем просто; ведь мы не просим непременно одобрение — лишь бы был упомянут журнал.

Пока всё.

Остаюсь с большим к Вам уважением, Александр Ельчанинов.

Москва, Девичье Поле, 2-й Воздвиженский пер., д. Бом, кв. В. Эрн.

¹ М. К. Морозова в письме к Эрну 7 декабря 1907 г. отказала в финансовой помощи журналу (НИОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 99).

² К концу декабря 1907 г. у журнала уже было 400 подписчиков (РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 314. Л. 27).

³ Статья «В защиту „максимализма“ Бранда» была частью острейшей полемики двух мыслителей. Розанов в статье «Наброски» обрушился с критикой на «культ личности и дела Бранда», якобы провозглашённый Свенцицким: причём сперва отметил, что все христианские Церкви «в ортодоксальной основе своей... хотят всего того, и ничего более, чего хотел Бранд и чего он требовал от людей, от родных», а затем, приняв «на себя роль вовсе неверующего», заявил: «Бранд вовсе не „служитель Бога Вышнего“... Лично вас, пастор Бранд, считаю служителем бесовским; но ещё и позволю себе призвать вас с вашим „Богом“ — или, по-моему, бесом — к суду» (*Розанов В. Среди художников. М., 1994. С. 259–264*).

Свенцицкий указал на «обвинения, взаимно друг друга исключают», определив манеру оппонента: «У Розанова всегда так: сначала приласкает, потом укусит. Иногда наоборот»; и, приняв вызов, отвечал от имени Бранда: «Вы боитесь не верить, вы лижете руки Господина, перед которым ползаете, и только тогда, когда вам начинает казаться, что Он отвернулся от вас, вы предательски, исподтишка норовите кусить Его, как можно глубже и мучительней. Нет, вы верующий, — но с другого

конца!... Вы не смеете сказать: Бога нет! Христа нет! Вы предпочитаете клеветать на Него... как неблагодарный раб, шёпотом ругаете своего Владыку „злым бесом“ за то, что Он даровал вам свободу» (С-II. 456—464).

В статье «Ещё о вечной теме» Розанов, «с прискорбием» находя у Свенцицкого проповедь «прикладной религии», на своём примере доказывал, что отрицание бессмертия души никак не сказывается на нравственности; напротив, повышают цены в магазинах и жгут людей на кострах именно верующие в загробную жизнь, они-то её и выдумали. Ненавистник монастырей требовал воскресить мёртвых, а пока этого не увидит, «Осанна сыну Давидову» не пропоёт и со Свенцицким разговаривать не станет (Розанов В. Во дворе язычников. М., 1999. С. 364).

Кульминацией дискуссии стало очное противостояние на заседаниях ПРФО. Свенцицкий в докладе «Мировое значение аскетического христианства» обвинил Розанова в клевете на аскетизм и «полном незнакомстве с предметом», а «вульгарное мнение», будто это «изуверское убийство плоти, враг всякой жизни, ненавистник тела», счёл достойным проклятия. В ответном докладе 12 марта 1908 г. Розанов утверждал: «Суть аскетизма — детоубийство, духовное или физическое»; церковных святых назвал «лжецами, лицемерами и злодеями», а цитируемые Свенцицким их слова «Уничтожь искушения и помыслы — и не будет ни одного святого» свёл к тезису «нет святости без греха» (Розанов В. Около народной души. М., 2003. С. 312—313). Аскольдов в ходе прений уподобил доклад Розанова рассуждениям Нерона, обвинявшего христиан в поджоге Рима. Свенцицкий и раньше отмечал: «Розанов не умеет слушать (и читать) чуждые ему мысли» (С-II. 484), а тогда указал, что Розанов не признаёт первородного греха и один из источников аскетизма — стыд, обвинение же в детоубийстве должно отнести к миру: «Аскетизм не есть, как говорит Розанов, отрицание материальной природы, он вытекает из боязни духа попасть под власть животного начала и обуславливается борьбою из-за главенства между началами духа и плоти. Аскетизм стремится не к убийству плоти, а к победе над ней, чтобы заставить её служить идеалам добра» (МЕ. 1908. № 13. С. 53—59).

Впоследствии он подробно обличил автора книги «Люди лунного света»: «Никогда ещё Розанов не высказывался о „метафизике христианства“ с такой определённой ненавистью... здесь однобокость и ложь доведены до последних пределов... Мерзость нашего современного двойственного отношения к браку заменяется мерзостью ещё большей, мерзостью розановской, кощунственной... Это равносильно возвращению к дикому состоянию» (С-III. 619—625). Ср. исчерпывающую характеристику Аггеева: «Розанов всегда и более всего ненавидел Христа и Его религию» (Церковь и жизнь. 1917. № 1. С. 12).

386. Дневник Н. Н. Гусева

<25.12.1907. Ясная Поляна>

В. П. Свенцицкий, член Московского религиозно-философского общества, прислал Льву Николаевичу свою новую книгу «Антихрист»¹. Я рассказал Льву Николаевичу, что прошлой зимой автор этой книги прочитал о нём в Москве пять лекций, основной мыслью которых было то, что сам Толстой — человек в высшей степени религиозный и нравственно-чуткий, учение же

его — нерелигиозно, безжизненно и призывает к ничегонеделанию². Среди слушателей преобладали женщины. По взглядам своим Свенцицкий — последователь Соловьёва.

Сегодня утром Лев Николаевич сказал мне:

— Я сегодня ночью думал о Соловьёве: как это можно что-нибудь находить в нём? <...>

Разговор опять коснулся автора книги «Антихрист». Я передал Льву Николаевичу, насколько они сохранились в моей памяти, некоторые места его лекций, в которых он особенно резко отзывался об учении Льва Николаевича.

— А сколько ему лет? — спросил Лев Николаевич.

— Мне говорили, что он кончающий студент.

— Ну, тогда что же говорить...

И, помолчав немного, Лев Николаевич прибавил:

— Если мальчик ходит по скверным местам и кутит, то больше шансов, что он выберется, чем если он берётся рассуждать о Боге — да как рассуждать!³

— Всё-таки хорошо было бы, если бы вы, Лев Николаевич, ответили ему, — сказал я.

— Нет, столько важной работы! <...>

¹ Экземпляр 1-го издания с дарственной надписью «Льву Николаевичу Толстому в знак братской любви и глубокой благодарности. Автор. Москва. 22/XI/1907» хранится в библиотеке Ясной Поляны. Книгу Толстой поручил прочесть Д. П. Маковицкому, а 14 января 1908 г. от вопроса Беневского о ней отделался общими фразами, посетовав: «Всё это для меня совершенно чуждо. Почему Христос и Антихрист, а не просто Добро и зло. В этом какая-то искусственность» (ГМТ. Ф. 4. Оп. 2. № 175). Подр. о взаимоотношениях писателей-проповедников см.: Наш современник. 2010. № 11. С. 238–242.

² В лекциях, прочитанных весной 1907 г. в ВБУ (С-II. 324–360), Свенцицкий вывел, что Толстой не в силах дать ответ на все центральные религиозные вопросы, в т. ч. о существовании Бога и смысле жизни, напротив, утверждает, что это принципиально невозможно для человеческого разума. Вскрыв внутренние противоречия, из которых состоит «разумная религия Толстого», показал, «во что превращается христианство, лишённое Христа», обличал подмену величайшей религии беспочвенным моральным построением. Хотя Толстой «любит настоящего Бога... но учит бездушному идолу, отвлечённой идее блага». Логика же непротивления приводит к абсурду: «Насилием придётся признать всякое активное проявление любви, всякое публичное высказывание своего мнения, и человеческая жизнь превратится в мёртвую, бездушную нирвану».

Среди исторических заслуг Толстого в области религиозного сознания Свенцицкий выделял основную: «В XX веке образованный и гениальный человек заявил... что одна только религия может дать действительное знание... потребовал отчёта у так называемых передовых людей, чему они учат и что они знают... с небывалой силой поставил перед сознанием культурного человечества во всей глубине и неизбежности религиозную проблему. Заслуга Толстого не в том, как он её решил, а в той силе, с которой он её поставил».

Диалектика восприятия «паладином Церкви» личности отлучённого от неё гениального писателя укладывается в простую формулу: «С Толстым можно не соглашаться, но его нельзя не уважать, нельзя не любить» (С-II. 338). Кончине «величайшего русского мыслителя» Свенцицкий посвятил цикл статей (С-III. 60–65, 551–583), а очная их встреча так и не состоялась (см. прим. 5 к письму № 318).

По свидетельствам современников, Толстой так до смерти и остался «взыскующим града» (*Кони А.* Избранное. М., 1989. С. 206; *Вересаев В.* Художник жизни (О Льве Толстом) // Красная новь. 1921. № 4. С. 239), а Свенцицкий уже в молодости его нашёл: «Мы нашли, потому что мы христиане. Святой Град открылся нам... и никогда уже более мы не уйдём из него искать новый. В этом смысле нам ведомо счастье, радость, покой, которых не знают взыскующие» (С-II. 134-135).

³ Ср. восклицание персонажа пьесы Свенцицкого «Интеллигенция»: «Лучше разврат... чем домовых бояться да пудовые свечи ставить» (С-I. 417).

387. И. Ф. ЕГОРОВ — В. П. СВЕНЦИЦКОМУ

<31.12.1907. С.-Петербург — Москва>

Глубокоуважаемые и дорогие Валентин Павлович, Владимир Францевич и Александр Викторович!..

С Новым Годом! Пусть он будет годом преображения «Живой Жизни». Да сгинет общественная спячка, подавленность духа, теплохладность и индивидуализм!.. Побольше духовных огней! Поменьше среди них духовной дезорганизации!.. Словом, всего, всего наилучшего!

С любовью, свящ^{енник} И. Егоров.

388. С. А. АЛЕКСЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ

<05.01.1908. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Владимир Францевич! Завтра высылаю Вам заказною бандеролью половину моей статьи, остальную часть дошла дня через три. Если будет возможно, пришлите корректуру. Напишите, пожалуйста, когда Вы у нас можете читать и заголовок Вашего доклада, а также согласны ли в виде платного реферата. Как уже, вероятно, говорилось А. В. <Ельчаниновым>, что Общество ассигнует на Ваш приезд 50 руб. Если нужны деньги для проезда, напишите — вышлем. Когда предполагается выход сборника?

Ваш С. Алексеев.

389. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ — В. Ф. ЭРНУ

<19.01.1908. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя!

Я потерял адрес типографии и потому вынужден беспокоить Вас своею корректурую. Высылаю её вместе с письмом.

Предвижу, что будут ругаться за многочислен<ные> вставки, но я иначе не мог. Чтобы ублаготворить и утихомирить наборщиков, предложите им дополнительную плату из моего гонорара.

Кроме того, мне нужно было бы первые листы, чтобы в конце поместить печатки, и этих листов 2-я корректура. Я чувствую, что статья кишмя кишит ошибками.

Почему мне не прислали «Ж<ивую> Ж<изнь>» ни за 1907 № 2, ни за 1908 № 1?

<...> Мне присланы стихи, недурные (сравнительно, конечно) для «Ж<ивой> Ж<изни>». Не знаю, окончательно ли Вы решили не печатать беллетр<истики> и стихов. Или, мож<ет> б<ыть>, повременить с обратной отсылкою?

Боря Ельчанинов говорил, что Саша узнал в М<оскве> какую-то хорошую гадалку. Мне было бы очень интересно узнать у неё кое-что. Если можно, сообщите её адрес.

Когда пришлётё р<у>к<о>п<ись> для «Бог<ословского> вестн<ика>»? Поклон В. П. Свенц<ицкому>. Большой поклон Евг<ени> Дав<ыдовне> и домашним.

Павел Флоренский.

P. S. Оправдание: не могу же я выворачивать душу — с опечатками!

В «Огоньке» была хвалебн<ая> рецензия на В. П. Свенц<ицкого> и на «Антихриста».

390. С. А. АЛЕКСЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ

<20.01.1908. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Владимир Францевич! Ваш реферат на 3-е февраля нами утверждён¹; пока вопрос в зале и разрешении гр<адоначальни>ка. Мы решили сделать реферат публичным. Передайте, пожалуйста, Валентину Павловичу, что Совет <ПРФО> согласился на его выступление у нас 6-го февраля только в форме *публичной лекции, платной, без прений*. Если он с этим согласен, пусть сообщит.

Выражено Советом неперменное желание, чтобы Вы за несколько дней прислали Ваш доклад для ознакомления. Когда выяснится вопрос о зале окончательно, сообщим.

Ваш С. Алексеев.

¹ На VI заседании ПРФО 3 февраля 1908 г. Эрн прочёл доклад «Идея христианского прогресса».

391. П. П. ПЕРЦОВ — В. В. РОЗАНОВУ

<21.01.1908. С.-Петербург>

<...> Свенцицкий, Эрн, Ельчанинов — свободомыслящие церковные старосты, либеральные хоругвеносцы. Хотят обновления без разрушения. <...>

Группа Свенцицкого — Эрна религиозно-анархична. <...> У них психология анахоретов III века — пусть и в модернизированном виде, с «конституцией» и прочим. <...>

392. МРФО — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<23.01.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Во вторник, 29 января, в помещении Польской библиотеки (Мясницкая, Милютинский пер.), состоится XVI публичное заседание Общества.

В. П. Свенцицкий прочтёт реферат на тему «Мировое значение аскетического христианства»¹. Нач<ало> в 7½ час<ов> веч<ера>. Билеты от 30 к. до 3 р. в книжном магазине «Братство», Тверская, д. Олсуфьева.

В воскресенье, 10 февраля, в помещении счетоводческих курсов Езерского (Тверская-Ямская, 18), состоится закрытое заседание.

Ю. Н. Карпинская прочтёт реферат «Современное религиозное движение в католичестве и в православии»². Нач<ало> в 7½ час<ов> веч<ера>.

По постановлению Совета, на это заседание каждый член Общества имеет право по своей повестке провести 2-х членов.

От Совета Общества.

Совет доводит до сведения гг. членов, что 1 октября закончился первый год существования Общества. Таким образом, на новый 1907–1908 год лицами, желающими состоять членами Общества, снова должны быть внесены установленные членские взносы.

Ввиду этого Совет постановил:

- 1) Просить гг. членов внести до 1 марта членские взносы в размере 3 руб.
- 2) Известить канцелярию Общества в случае желанья ими отсрочить этот взнос или воспользоваться § 8 примечания «б» Устава Общества («Лица, не имеющие возможность внести членский взнос, освобождаются от него по заявлению Совету»).

¹ Через две недели доклад был повторён в ПРФО и опубликован в журнале «Русская мысль» (1908. № 5. С. 89–103; *С-II*. 487–508, 722–730).

² Ф. Е. Мельников описал прения по докладу баптистки и участницы секты пашковцев Юлии Николаевны Карпинской, автора книги «Борьба с улицей» (М., 1906) и воспоминаний «Из семейной хроники» (1897), полагавшей, что официальная Церковь для верующих не нужна, догматы и обряды вредны и только заслоняют сущность христианского учения: «Свенцицкий горячо протестовал против той упрощённости веры, которую рекомендует докладчица. Эта упрощённость на руку только ленивым. Они не хотят осмыслить свою веру, не хотят понять её сознательно. Ведь если и говорит Христос, что нужно поклоняться Богу „духом и истиною“, то нужно же сначала эту истину понять, осмыслить, а это и ведёт к принятию божественных догматов, без которых не может быть понят Сам Христос. Догмат — это сложный процесс религиозного сознания. Путём этого процесса мы воспринимаем Христову правду, переживаем в себе Христа. С не меньшей горячностью С. Н. Булгаков доказывал необходимость церковного богословия и обрядов. В том же смысле говорил и В. Эрн» (Церковь. 1908. № 8. С. 243–244).

393. С. А. АЛЕКСЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ

<27.01.1908. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Владимир Францевич!

Итак, мы Вас ждём на 3-е. Если Вы не дописали реферата, пришлите что есть. Дело в том, что некоторые (главн<ым> обр<азом> Тернавцев) хотят ознакомиться предварительно на случай возражений. Для этого достаточно иметь самое главное.

Зала на 7-е <февраля> для лекции В. П. Свенцицкого тоже уже нанята¹. Я, собственно, очень недоволен, что будет лекция, а не реферат, но ничего нельзя было поделаться с нашими членами Совета, которые ни за что не хотели допустить такого быстрого следования одного реферата за другим.

Передайте, пожалуйста, мою просьбу Валентину Павловичу, чтобы он, по возможности, распространил своё изложение (будь то в форме чтения или речи) часа на 1½, чтобы можно было сделать перерыв, а то одноактная публичная лекция оставляет всегда впечатление чего-то недоконченного.

Ваш С. Алексеев.

¹ Судя по анонсу в журнале «Путь жизни» (1908. № 2), это была «зала Общества гражданских инженеров (Серпуховская, 10)».

394. С. А. АЛЕКСЕЕВ — В. Ф. ЭРНУ

<10.02.1908. С.-Петербург — Москва>

Дорогой Владимир Францевич!

Деньги получил — спасибо. Верно ли, что «Ж<ивая> Ж<изнь>» прекращена?¹ Реферат Валентина Павловича Свенцицкого мы назначили на 14 февраля в виде обыкновенного реферата с прениями². Его реферат мне очень понравился — я нахожу, что это лучшее из написанного им.

Ваш разлад с Вал<ентином> Павл<овичем> меня очень удручает, и я никак его не могу в себе переварить и разрешить. Мои личные и литературные впечатления от В. П. не могут примириться с той оценкой, которую Вы ему делаете. С другой стороны, я не могу примириться, чтобы Вы так ошибались и чтобы Ваши приговоры были жестоко несправедливы. Конечно, для меня самое естественное предположить, что мои впечатления ошибочны. Но дело в том, что тут дело не в одних впечатлениях, а в совершенно объективных соображениях. Я не могу даже вообразить, чтобы Вы и Ельчанинов, стоя так близко к В. П., не могли в продолжение нескольких лет его распознать. Я, в конце концов, готов признать, что объяснение этому в необъяснимых и непередаваемых столкновениях человеческих душ. Вы с В. П. как-то особенно повернулись друг к другу какими-то иными сторонами своей души, которыми раньше не соприкасались, и получилась новая душевная реакция, столь же неотвратимая и столь же непонятная, как неотвратима и в конце концов необъяснима химическая реакция. Это могло обусловиться даже Вашей женитьбой. Кислород в чистом виде и в соединении с водородом неодинаково реагирует с другими элементами. Не обижайтесь на это химическое сравнение. Никакое христианство не может освободить нас, людей, от лично-индивидуальных тяготений друг ко другу и отталкиваний, от рокового превращения дружбы в охлаждение и разрыв. В нас неистребимо живут наши предки, их вражда и дружба оживает и в нас. Но я всё же надеюсь, что это лечат временем.

Если правда, что «Ж<ивая> Ж<изнь>» прекращена, то не предполагается ли что-либо новое?

Привет Евгении Давыдовне. Ваш С. Алексеев.

¹ МКДП 2 февраля 1908 г. просил прокурора МСП возбудить судебное преследование против редактора-издателя журнала «Живая Жизнь» В. А. Руковича за напечатание статей Свенцицкого «Положительное значение Льва Толстого» (С-П. 352–360) и Аскольдова «Святые как выразители христианства» и сделал соответствующие распоряжения через Инспекцию над типографиями, а московский генерал-губернатор признал необходимым наложить на издание арест. В марте член Совета ГУДП М. В. Никольский не нашёл в журнале «ни малейшего признака преступлений» и категорически заявил, что у Свенцицкого «нет ни только ни одного укоризненного слова по адресу Церкви и отлучения Толстого от Церкви, но, напротив, автор стоит на стороне церковной... <Инкриминируемая> ст. 73 преследует... исключительно бо-

гохуление и оскорбление святых, почитаемых христианскими исповеданиями, чего в рассматриваемых статьях не содержится». 20 мая МОС прекратил дело за отсутствием состава преступления (ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 3. Д. 116. Л. 48; Ф. 142. Оп. 17. Д. 2029, 2030. РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 1538).

² 5 февраля Аскольдов вызвал к Эрну: «Вал. Павл. до сих пор нет. Не спутал ли он числа. Его лекция 7-го в четверг». Но Свенцицкого категорически не устраивало отсутствие живого общения, и Совету ПРФО пришлось уступить. 9 февраля он постановил: «1) Предложить г. Свенцицкому прислать его реферат для прочтения членами Совета. 2) Поездку г. Свенцицкого в Петербург для прочтения реферата при удовлетворительном сборе оплатить 25 рублями» (*РФОП*. С. 28).

Доклад «Мировое значение аскетического христианства» состоялся 14 февраля 1908 г. на VII публичном заседании ПРФО. «Нечего и говорить, что публики явилось множество. Талантливо и страстно характеризует Свенцицкий... влияние христианства на духовную жизнь человека... Чувствовалось, что всё сказанное... глубоко заложено в его собственной душе, что это не измышление ума, не литература, а живая история душевных мук. Это... импонировало публике, которая слушала г. Свенцицкого не только с интересом, но и с видимым сочувствием» (*М. Х<ижнякова>-Черносвитова>*. В религиозно-философском обществе // *МЕ*. 1908. № 12. С. 54–57). По мнению Н. В. Огнёва, «докладчик сделал попытку примирить два противоположных направления — положительное, деятельное христианство и аскетизм как отречение от мира»; прения затянулись за полночь, причём все оппоненты, «признавая за аскетизмом некоторое значение в истории, находили миссию его поконченной» (Речь. 1908. № 42. 19 февраля. С. 5). Характерен вопрос Б. Г. Столпнера: «Не будет ли служение Богу в виде аскетизма служением антихристу?» «Очевидно было, что в пустыню никому не хочется... Отвечая оппонентам, докладчик чрезвычайно резко, с почти детским фанатизмом критиковал все сделанные ему возражения. Когда слушаешь Свенцицкого, чувствуешь в его словах не религиозные *искания*, а уверенность в том, что *найденный* им путь есть единственный и верный. Любопытно, что докладчик согласился с священником Соллертинским, что его доклад можно квалифицировать скорее как автобиографию, как историю его душевных переживаний. „Но тем лучше это для доклада“, — подчеркнул Свенцицкий» (Столичная почта. 1908. 17 февраля. № 240. С. 5). «Очень многое в этом докладе... ярко и сильно сказано в защиту основ церковного нравственного учения. ...Золотыми словами сказана правда об аскетизме людям, никогда её не сознававшим и даже не предполагавшим её» (Странник. 1908. № 10. С. 450–455).

395. В. Ф. Эрн — А. С. Глинке

<20.02.1908. Москва — Симбирск>

<...> Писать неутешительное о Валентине Павловиче — я не хотел. А писать утешительное до сих пор, к сожалению, не могу. Простите, если и сейчас о нём я не буду говорить ничего. <...>

396. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<27.02.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Напишите мне как можно скорей (открыткой): 1. Во-первых, написан ли у Вас «Столп и утверждение истины» *до конца*. 2. Во-вторых, если написан, то *сколько* в оставшейся у Вас рукописи *страниц* (тетрадных, т. е. таких, какими написано письмо о твари)? Мне это важно знать, потому что если оставшаяся у Вас часть не больше 70-80 (Ваших страниц тетрадных), тогда б можно было бы напечатать их в «сборниках», вместо «Живой Жизни». Тогда Ваше «письмо о твари» перейдёт во *второй* сборник. Вторым сборником и кончится дело. Это не начало нового дела, а *ликвидация* старого.

397. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<28.02.1908. Москва — Симбирск>

<...> Общался я, кроме внешних, с «кружком Новосёлова». Редко видался с Эрном, к которому чувствую любовь всё большую. О Валентине Павловиче Свенцицком нечего сообщить, он у меня почти не бывает, от Эрна тоже уклоняется. Действия внешние, т. е. бесконечные чтения с выступлениями, Вы знаете по газетам. Так что с ним, по-видимому, скверно, и это писать мне Вам было так тяжело, что я откладывал письмо. Хуже всего то, что, как определяет Эрн, он старается вести себя так, как будто ничего не произошло и всё остаётся по-прежнему: «Антихрист», слава Богу, почти не расходится, но автору его повредил страшно, судя по отзывам. Последняя ненужная и злобная выходка Гиппиус в «Русской мысли»¹. Однако повторяю, что о духовном мире Валентина Павловича сужу по слухам и с чужих слов. <...>

¹ Слухи о плохих продажах книги были не верны, а ссылается Булгаков на благожелательную (!) рецензию Гиппиус (Русская мысль, 1908. № 2. С. 155–160).

398. С. Н. Булгаков — П. А. Флоренскому

<28.02.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павел Александрович!

Простите моё продолжительное молчание, но я слышал о Вашей поездке в СПб, и не торопился ответом. <...> Передайте преосв<ященному> Евдокиму мою благодарность за доброе отношение ко мне и внимание и сочувствие к моим переживаниям. За честь приглашения прочесть лекции также благодарю и, конечно, принципиально согласен, но не знаю, когда и как

в состоянии буду это сделать. Во всяком случае до Пасхи я занят сплошь, а после Пасхи будет уже поздно. Кроме того и относительно темы лекции мне хотелось бы подумать и поговорить с Вами, ибо возиться с собой и своей «душевной драмой» без прямой необходимости, а, так сказать, *ex professo*¹, я не чувствую ни сил, ни охоты.

Да, кроме того, сомневаюсь, чтобы это было интересно и полезно для студентов академии. Не лучше ли для них получить несколько руководящих идей по вопросам, где могут пригодиться и мои специальные знания, напр<имер>, о социализме и христианстве или под<обное>. Книгу «От идеализма к мистике»², проектируемую для меня преосвящ<енным> Е<вдокимом> (т. е. на эту тему), я и сам желал бы написать, но не чувствую в себе для того сил в достаточной мере, но если Бог мне поможет, когда-н<ибудь> попробую.

Ваш С. Булгаков.

Моя лекция здесь состоится 10-го марта³.

¹ По профессии (*лат.*).

² Впоследствии Свенцицкий назвал это шествие Булгакова перед изумлённым обществом от марксизма к православию — «путешествием от Иваново-Вознесенска до Троицко-Сергиевской лавры» (С-III. 24).

³ Лекцию «Интеллигенция и религия» (Русская мысль. 1908. № 3. С. 72–103) в Москве организовал Русский студенческий христианский союз.

399. П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну

<29.02.1908. Сергиевский Посад — Москва>

Дорогой Володя! Отвечаю на Ваши вопросы.

1) «Столп» до конца *не* дописан. Сейчас у меня есть 29 стр<аниц>; в понедельник могу Вам выслать одно «письмо» — стран<иц> около 40.

2) Покуда будут они набираться, я дошлю окончание. Будет стран<иц> не более 30-ти; а вероятно, меньше них. Дело в том, что я решил специальн<ый> материал обработать в 2 отдельные статьи, которые в «Столпе» теперь *не* помещу.

3) Окончить я могу и *должен* (независимо от Вас) не более как в 2 недели.

4) *На всяк<ий> случ<ай>* в понедельник Вам вышлю р<у>к<о>п<ись>.

5) Но я ставлю условием, что оттиски мне будут сделаны *до* выхода сборника, потому что мне надо подавать статью, а р<у>к<о>п<ись> мне в типографии испортят.

6) Если можно, ответьте скорее, что хотите делать.

7) Но мне было бы неприятно, если Вы издаёте сборник из-за меня.

Ваш П. Флоренский.

400. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<02.03.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

1. Вам сделаны будут оттиски Вашей статьи сейчас же, *как она будет набрана*. Таким образом, время пойдёт только на набор.

2. Вы мне так и не ответили на вопрос: сколько будет страниц во всей Вашей работе, считая от того письма, которое Вы обещаете выслать в понедельник, т. е. не считая письма о твари? Ответьте на этот вопрос, потому что иначе я не знаю, могут ли «письма» Ваши быть напечатаны в наших «сборниках».

3. Будьте добры: узнайте у г. редактора «Богословск<ого> вестника», примет ли он мою статью «Альфред Луази и модернистское движение в Р<имско>-К<атолической> Церкви»¹. Я сейчас читаю ответ Луази² на энциклику Пия X «Pascendi»³, и мне хочется кое-что написать по этому поводу.

Если станет препятствием моё имя, то я ничего не имею против, чтоб подписаться каким-нибудь псевдонимом.

Пока, всего доброго. Искренний Вам привет, дорогой Павлуша, от меня и Женюры.

Ваш В. Э.

¹ Статья не была написана.

² Луази Альфред (1856—1940) — французский религиозный философ, католический священник с 1879 г., отлучён от Церкви в 1908 г. за еретические идеи и критику папских посланий в книге «Simple reflections sur le decret du saint Office Lamentabili Sane Exitu et sur l'encyclique Pascendi Dominici Gregis» (Paris, 1908).

³ «Pascendi Dominici Gregis» («Кормление стада Господня») — энциклика папы Пия X от 8 сентября 1907 г., осуждавшая «ядовитую доктрину» модернизма и соответствующие течения в Католической Церкви.

401. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<03.03.1908. Тифлис — Сергиевский Посад>

Твоё письмо, милый Павлуша, не было для меня неожиданностью, т. к. с тех пор, как я здесь, я постоянно думаю о тебе (может быть, отчасти, оттого, что вижусь с твоими). Но по теме оно было неожиданно. Во-первых, по легкомыслию своему, я совершенно забыл, о чём таком я писал Володе, а во-вторых, право же, я признаю в дружбе и трагическую и жертвенную сторону, очень даже признаю и, не сочти это за наглость, считаю себя способным к этой стороне¹. Я, правда, понял это недавно, и может быть, как раз под твоим влиянием (ты кое-что говорил в этом смысле о *любви*), но только я не принимаю *преобладания* креста над радостью. Но всё это не так важно; меня обрадовало твоё письмо, потому что ты, значит, понимаешь меня; я-то знал

это, но всегда по слабости ищешь фактич<еских> доказательства, и радуешься им по маловерию. Я выезжаю отсюда 5-го в Питер с остановкой в Москве. Я очень хочу видеть тебя (не для определения моего вопроса, а так), и ты мне напиши в Москву по адресу Володи, можно ли к тебе приехать. Пока, всего тебе хорошего.

Твой Саша.

¹ На деле сил не хватило даже на обычную порядочность. О предательстве друга на следствии и убийственную («не могу ощущать его иначе, чем как ощущают умерших... он умер для меня») характеристику Флоренского см. в прим. 3 к письму № 443.

402. З. Н. Гиппиус — В. В. Розанову

<06.03.1908. Париж — С.-Петербург>

<...> Напишите вы нам обстоятельно, что за реферат читал Савонарола-Свенцицкий? Неужели правда затвор рекомендовал?¹ Признаюсь! Да это всё равно что непрерывно кричать о том, что необходимо молчание! Иди в затвор сам первый² — и молчи. Не попалась ли вам его книжка недавняя — «Антихрист»? Сделайте исключение, прочитайте её: ручаюсь, что не раскаетесь! Это «исповедь», автобиография. Увидите, как интересно. <...>

¹ В докладе на заседании ПРФО Свенцицкий утверждал: «Сейчас путь аскетического христианства в *той или иной внешней форме* должен быть пройден каждым христианином... Самым верным, а может быть, и единственным путём (последнего я не решаюсь утверждать) я считаю фактический затвор, фактическое удаление в пустыню, фактическое подвижничество... не для самоспасания — а для достойного служения Богу, людям и миру» (С-II. 505–507). В ходе прений «сделал существенное дополнение к своему тезису: он не всем рекомендует идти в пустыню; не имеющим душевного и умственного багажа он посоветовал бы раньше учиться, вообще жить, прежде чем прибегать к затвору» (МЕ. 1908. № 12. С. 54–57).

² В отличие от своих друзей и противников Свенцицкий так и поступил, осуществив давно выношенное решение: «У каждого свой путь к единой вечной правде... Тебе нет другого пути, кроме самоотречения, созерцания, безмолвия, одиночества. В безмолвной пустыне... мыслью, чувством, волею своею восходя к Единому Отцу своему, ты понижаешь светом всё тёмное до основания. И тогда... загорись светом всепрощенья и любви, и оттуда, из одиночества своего, придёшь и отдашь всё, что имеешь, своим страдающим, погибающим братьям» (С-II. 366–367). По Божьему промыслу всё так и вышло.

403. МРФО — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<12.03.1908. Москва — Сергиевский Посад>

В воскресенье, 23 марта, состоится XVIII открытое заседание в помещении Счетоводных курсов Ф. В. Езерского (Тверская-Ямская, 18), нач^{ало} в 7½ ч^{асов} вечера.

В. Ф. Эрн прочтёт реферат «Идея катастрофического прогресса»¹.

Билеты от 3 р. до 30 к. в книжном магазине «Братство» (Тверская, д. Олсуфьева).

¹ *Эрн В.* Сочинения. М., 1991. С. 198–219.

404. М. В. НИКОЛЬСКИЙ¹ — А. В. БЕЛЬГАРДУ

<21.03.1908. С.-Петербург — С.-Петербург>

Вал. Свенцицкий. Антихрист (Записки странного человека).

По поводу представления Канцелярии Московского Генерал-Губернатора от 7 марта 1908 г. за № 1104.

Означенная книга допущена к обращению С.-Петербургским Комитетом по делам печати, но Московским Генерал-Губернатором наложен на неё арест на основании 4 п. ст. 26 Положения о чрезвычайной охране².

Не трудно догадаться, что местная административная власть нашла эту книгу соблазнительною для читателей, ввиду многих оскорбительных для религии и нравственности сцен и рассуждений, которые в ней содержатся. Несколько мест затрагивают и наше революционное движение. Бесспорно, в книге автор, в форме исповеди, сознаётся в самых богохульных своих мыслях и действиях и без всякого прикрытия обнажает всю мерзость своего поведения; всё это, конечно, может служить соблазном при известном отношении к ней читателя, т. е. если он будет искать в ней и замечать только одни соблазнительные сцены и безбожные рассуждения, но вдумчивый читатель, несомненно, вынесет из неё противоположное впечатление и может проникнуться омерзением и отвращением и к изображаемому разврату, и к выражаемым автором хулам по отношению к религии и церкви. Административная власть в Москве, очевидно, не верит в возможность последнего и придаёт значение исключительно той опасности, какую представляет эта книга для читателей, не способных понять её смысл. В этом отношении она до некоторой степени права и принятую ею меру нельзя безусловно оспаривать по существу. Но здесь возбуждается вопрос, прав ли был С.-Петербургский Комитет по делам печати, допустив эту книгу к обращению и не возбудив против неё и её издателя судебное преследование по ст. 73 Угол^{овного} Улож^{ения} и по ст. 1001 Улож^{ения} о наказ^{аниях}. При внимательном и всестороннем рассмотрении содержания книги обнару-

живается, что всё в ней соблазнительное и в религиозном, и в моральном смысле представлено лишь для наглядного доказательства той мысли, что проникновение антихристианских начал со стороны современной науки, культуры и философии производит в душе, даже христиански настроенной, огромный поворот от добра ко злу, причём самое зло достигает, и в сознании, и в действиях лица, такой степени омерзения, что подвергнувшееся такому действию зла лицо признаёт присутствие в себе особого живого начала, противного христианству и добру, начала, которое автор называет Антихристом. Этот процесс победы Антихриста над Христом автор изобразил на примере самого себя, описав без утайки все перипетии пройденного им пути от добра на самое дно зла. Кончая роман, он говорит: «Жизнь моя кончена. Я не выхожу из дома и, как сознавшее себя животное, покорно дожидаясь, когда наступит моя „очередь“. Не живу, но догниваю», и затем задаёт вопрос: «Можно ли узнать Христа, не пережив Антихриста?» — вопрос, на который, несомненно, ожидается отрицательный ответ. Очевидно, автор держится той мысли, что только путём греха можно достигнуть праведности и только чрез Антихриста можно придти к Христу. Эта философия, без сомнения, парадоксальна в той резкой форме, в которой она выражается у автора, но она не противоречит христианскому учению о благодати, явленной миру во Христе, благодаря владычеству греха, равно как учению об Антихристе, только окончательная победа над которым поведёт к наступлению полного владычества Христа над миром. Во всяком случае роман «Антихрист» имеет глубокую религиозно-философскую подкладку, и основная мысль его не представляет ничего такого, что бы можно было подвести под уголовный закон; что же касается отдельных соблазнительных мест романа, то они имеют чисто эпизодическое значение, как наглядные примеры и аргументы проводимой автором мысли. Рассматриваемые при свете этой мысли, они теряют весь свой соблазнительный характер и внимательному и проникновенному читателю дают почувствовать весь ужас греха и зла, всё бессилие человеческой воли освободиться от их власти, и вместе с этим потребность веры в искупительное действие благодати Божией, даруемой чрез Христа.

Всё это убеждает меня в том, что С.-Петербургский Комитет по делам печати поступил правильно, допустив эту книгу к обращению в публике.

Член Совета М. Никольский³.

¹ *Никольский* Михаил Васильевич (1848—1917) — библиист, родоначальник русской ассириологии, окончил МДА, магистр богословия (1872), цензор Московского цензурного комитета (1894), член Совета ГУДП (1900—1910), доктор всеобщей истории (1908).

² Как следует из уголовного дела «сумасбродного религиозного фанатика», московская цензура была в замешательстве: «Вызывает большое недоумение его новая книга... не то исповедь, не то роман — что предоставляется решить самому читателю... Герой „Антихриста“ кается, что постоянно лицемерно изображал из себя перед другими глубоко верующего христианина: в таком случае — если „Антихрист“ есть

исповедь самого Свенцицкого — он как будто желает показать, что лгал, когда свои революционные речи держал от имени Христа? Непонятное желание! Или, может быть, в лице Свенцицкого мы имеем дело с простым агентом масонства, имеющим поручение вносить возможно больше сумятицы в умы и души для революционных целей?» (ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 628. Л. 15). Сумасшедшая «догадка» охранителей престола заставляет вспомнить Библию: Господь, наказывая царя Иудейского, попустил духа лживого в уста всех пророков его (3 Цар. 22, 21–23).

² Отметка адресата на письме: «Согласен 16/IV».

405. В. П. Свенцицкий — А. С. Глинке

<22.03.1908. Москва¹>

Дорогой, но сердитый Волжский!

Тут какое-то недоразумение!!! Я твёрдо помню, что назначили мы с Вами свидание на субботу! Прихожу сюда в назначенное время и вдруг вместо Вас Ваша записка. Обидно до слёз, что так всё вышло. Для «дела» Вы не нужны: я решил ждать, а потому и «советоваться» подожду. Не просто видеть Вас хотел, ибо, «что бы там ни было», ничего к Вам кроме любви не чувствую: никакого «раздражения», и сам не знаю, почему так. Очевидно, не потому, что уж я очень хороший (тормошат же меня Булг<аков>, Флоренск<ий> и даже Франц<ыч>), — очевидно, потому, что Вы очень хороший!!! Логика — не правда ли?

Сегодня я очень счастлив (должно быть, от погоды), ходил по улицам и, как влюблённый, смотрел на людей: всё вспоминал, как в детстве пускал кораблики по казанским канавам. И в силу столь трогательного настроения решил написать Вам. Всё равно, мол, сидеть: буду сидеть и писать. И не знаю даже, об чём: просто болтать хочется, — в «детство» впадаю.

Волжский, Волжский! Как на Волгу хочется. Счастливый Вы. Всё у Вас есть: жена, дети, душевное равновесие, длинные волосы. А у меня ни жены, ни детей, ни равновесия и волосы лезут. Нет, трудно Вам войти в моё положение. Длинноволосый лысого не поймёт.

Милый мой, ну скажите по поводу мною написанного: «чепуха» и усмехнитесь. Я так люблю, когда Вы говорите: «Чепуха это всё». Мне всегда Вас тогда поцеловать хочется. Когда мне в одиночестве «круто» приходится, я часто сажусь, как Вы, на стул и говорю: «всё это чепуха» — и чаще всего немножечко «освежаюсь». А потом смешно делается. Чепуха — самое моё милое слово!

Итак, мы с Вами, должно быть, до осени не увидимся. Вы уедете на Волгу: передайте ей мой поклон.

Пришли по делу. Прощайте.

¹ Адрес на конверте: «Якиманка, угол Б. и М. Толмачёвского, 3<дани>е женского учил. против церкви св. Николая».

406. В. П. Свенцицкий — В. В. Розанову

<Москва — С.-Петербург>¹

Дорогой Василий Васильевич!

Я несколько дней был болен, не выходил и только сейчас получил Ваше письмо, которое Аскольдов передал в канцелярию Моск<овского> рел<игиозно>-ф<илософского> о<бще>ства².

Спасибо Вам за ласковое доброе слово. Я так счастлив, что кончились между нами внутренние недоразумения. Вы мне, несмотря на резкое разногласие в религиозных чувствованиях, всегда были как-то безотчётно дороги, не знаю почему, ещё с того вечера у Перцова³.

Прочтя Ваше письмо, я устыдился своей некоторой раздражительности против Вас в нескольких случаях нашего короткого знакомства, и мне захотелось сказать Вам, что и я тоже буду как сумею любить Вас всегда и как сумею буду о Вас молиться.

Прощайте. Господь с Вами.

Любящий Вас Вал. Свенцицкий.

¹ Датируется ориентировочно по содержанию. На письме пометка Розанова: «Свенцицкий Валериан <sic!>. Призывал к покаянию и аскетизму и завёл гарем в Москве. Более обаятельного в речи — не слышал».

² Письмо не сохранилось.

³ См. прим. к письму № 108.

407. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<27.03.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! Я бы очень просил Вас приехать в воскресенье (30-го) на реферат Вяч. Иванова¹. Во-первых, весьма хотелось создать для Вяч. Ивановича *хорошие прения*. И Вы, конечно, лучше нас всех можете с ним поговорить. Во-вторых, я получил от Ефимова Ваши деньги. Пожалуйста, приезжайте! Это моя личная просьба к Вам.

Ваш Володя.

¹ В. И. Иванов на XIX публичном заседании МРФО 30 марта 1908 г. в помещении Счетоводных курсов Езерского сделал доклад «Символизм и религиозное творчество».

408. В. П. Свенцицкий — Следователю

<02.04.1908. Москва>

Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении, не соглашаясь с его формулировкой¹. И желал бы дать следующие разъяснения.

Во внутреннем распорядке изданий «Стойте в свободе», «Духа не угашайте», «Ходите в свете» не было обычных разделений на «фактического» редактора, «постоянных сотрудников» и т. д. «Стойте в свободе» издавалась небольшим кружком лиц, вполне солидарных, здесь всё делалось сообща, всё прочитывалось и решалось вместе. По отношению этих изданий ни г-жа Ивашёва, ни А. В. Ельчанинов не могут быть названы фиктивными редакторами в том смысле, что они только давали свои имена. Это дело было столь же их, сколько и всех нас вообще. Но я признаю себя морально и юридически ответственным за следующее: 1) Все статьи без подписи принадлежат мне, 2) Я пользовался влиянием среди кружка, издававшего «Стойте в свободе», и потому был главным его идейным руководителем. По существу предъявленных обвинений объяснения дам на суде. Следственное производство мне предъявлено. Добавить ничего не желаю. Если дело будет чем-либо дополнено, прошу дополнительного производства мне не предъявлять. О том, что дело это по окончании производства будет направлено к товарищу прокурора 10 уч. г. Москва, мне объявлено. Проживать буду в г. Москва (Остоженка, 1-й Зачатьевский пер., д. 6, кв. 1).

¹ Свенцицкий назывался «фактическим редактором», выпустившим в свет московские газеты за подписями ответственных редакторов «с целью распространить статьи, по содержанию своему призывавшие к учинению практических действий»; далее следовал стандартный набор обвинений по «литературным» ст. 128 и 129 Уголовного уложения: «возбуждение вражды между отдельными классами населения и дерзостное неуважение Верховной Власти, призыв к учинению бунтовщических деяний, ниспровержению существующего строя и нарушению воинскими чинами службы». После допроса был отпущен под залог 150 руб., внесённый на следующий день. В апреле 1908 г. с этими показаниями был ознакомлен Ельчанинов. 4 ноября Свенцицкий получил повестку в суд и копию обвинительного акта, но 22 ноября выбыл из д. Белова, не указав адреса, и власти на время потеряли его из виду (ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 92. Д. 182. Л. 105, 107; Д. 184, Л. 11).

409. В. В. Назаревский — А. В. Степанову

<10.04.1908. Москва>

Господину Прокурору Московской Судебной Палаты.

9 апреля сего года поступила в Московский Комитет по делам печати из типографии О. Л. Сомовой (Б. Никитская ул., д. Шапошниковой) отпечатанная в количестве 3000 экземпляров, объёмом в 5¼ печатных листов, брошю-

ра, под заглавием: «Вал. Свенцицкий. Второе распятие Христа (Фантазия). Издание для народа. Москва 1908 г. 84 стр. Цена 10 коп.». Автор этой брошюры, в целях поношения среди народа церкви православной, её преданий и догматов, а равно и её представителей, рисует в рассматриваемом произведении картину вторичного пришествия Спасителя на землю, заставляет Его говорить отрывочными местами из текста Евангелий в порицание как церкви православной и её установлений с представителями, так и против существующего у нас строя. Христос вторично пришёл на землю, воскреснув из мёртвых в первый день Пасхи и явился в одном из городских храмов <...> Митрополит решил созвать для совещания относительно Христа духовенство. Совещание это описано опять словами Евангелия, при чём всё подобранное из Евангелия по отношению к церкви и духовенству представляет собою сплошное шутовство евангельским текстом, а потому и кощунство. <...> После всего этого Христос по подговору митрополита и по распоряжению генерал-губернатора был схвачен в порядке охраны, судим и толпою черносотенцев вновь распят на Кресте с тем, чтобы никогда больше не приходиться на землю в качестве учителя, а только в качестве судии. <...>

Находя в изложенном признаки преступлений, предусмотренных ст. 73 и п<унктами> 2 и 6 ст. 129 Угол<овного> Улож<ения>, Московский Комитет по делам печати имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство возбудить против автора и издателя этой брошюры судебное преследование¹.

Председатель Московского Комитета по делам печати В. Назаревский.

С подлинным верно. Помощник секретаря С. Пермский.

¹ Основой письма и причиной последующего ареста издания, как и в случае с газетой ХББ, был доклад С. И. Соколова. Московский градоначальник 11 апреля 1908 г. предложил книгу «немедленно конфисковать в книжных магазинах и везде где будет обнаружено», но явившийся в тот же день в типографию инспектор книгопечатания и книжной торговли 3-го участка Вл. Эренбург констатировал, что тираж полностью вывезен издателем. В дальнейшем правосудие активности не проявляло: лишь 27 июня судебный следователь по важнейшим делам Н. Н. Всесвятский принял дело по своему производству и 15 октября привлёк Свенцицкого в качестве обвиняемого за «поношение православной церкви, кощунство и возбуждение к ниспровержению существующего в России общественного строя и ко вражде между отдельными классами населения», но вручить ему повестку на допрос не удалось. Розыск, продолженный через публикацию объявлений в газетах, результатов не дал, поэтому 6 ноября 1909 г. следствие было закончено. 4 декабря товарищ прокурора МСП Н. Я. Чемадунов не усмотрел в брошюре признаков преступления по указанным статьям, «т. к. в ней не содержится возбуждения ни к ниспровержению существующего общественного строя, ни вражды между отдельными классами населения», и полагал нужным прекратить уголовное преследование, но затем изменил позицию. 21 января 1910 г. МСП утвердила его предложение «отложить суждение о Валентине Свенцицком впредь до его явки или задержания». Дело было прекращено 21 февраля 1913 г. по амнистии политическим преступникам (РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 1767. ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 928; Ф. 46. Оп. 3. Д. 156; Ф. 131. Оп. 71. Д. 2472; Ф. 131. Оп. 73. Д. 88; Ф. 142. Оп. 17. Д. 2325, 2326).

410. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<12.04.1908. Москва — Симбирск>

Вечер Великой и «преблагословенной» Субботы (о богослужении которой так вдохновенно нам рассказал-таки арх<ангел> Гавриил).

Христос Воскресе, дорогой Александр Сергеевич!

В Нём, Воскресшем, и в Его распятии и славном Воскресении да будет нам и есть нам всем единственная подлинная радость жизни, радость в надежде...

Может быть, скажут, бессильная радость и надежда бессильных. Да это и правда, ведь мы бессильны; как глубоко, до мозга костей, проникает душу это сознание своего бессилия и небытия вне Него. Но это не создаёт ещё и бытия в Нём, только распинаем Его, только в могиле нашего сердца и нашей мёртвости Он покоится... Но, Господи, если Ты даёшь хотя в бессильной истоме любить Тебя и стремиться к Тебе, если так невыразимо горестно и невыразимо сладостно стоять у Твоей плащаницы и лобызать Твои пречистые раны, не отвергнешь же до конца Ты нас за то, что мы так слабы и беспомощны, за то, что мы так злы и себялюбивы, оттого, что кругом скорбь, нищета, кровь; прими и прости нас, воскреси нас, Господи!

Простите мне это неуклюжее излияние, оно вышло как-то неожиданно. Я всю Страстную неделю жил и живу в каком-то религиозном сумбуре, то горю, то гнию и копчу от всякой жизненной мелочи и внешнего впечатления. Говел и в Чистый Четверг причащался. И редко, когда так сильно чувствовал всю муть своей души, всю её ложь, всю её мёртвость. Вот и написал Вам, и без того опечаленному, вместо радостного, такое глупое письмо.

Но — Христос воскрес, Он — наше солнце, наша надежда, Жених...

<...> Целую Вас и ещё раз христосуюсь с Вами. Ваш С. Б.

Простите глупое письмо. А помните, как два года назад рождался «Народ»?

411. В. Ф. Эрн — А. С. Глинке

<20.04.1908. Москва — Симбирск>

<...> Вчера видел я В. П. <Свенцицкого>. Долго с ним говорили: часа 3-4. Говорили мирно. Мне стало яснее, чем раньше, что очень я перед ним виноват, что моё отношение к нему диктуется не только любовью к Христовой истине и любовью к нему, но и моею чёрствостью, моим безразличием, немного даже самомнением и гордостью. К нему предъявляю я такие категорические требования, которые сам не выполняю. И выходит какая-то ложь.

В<алентин> П<авлович> спокойнее и чувствует себя лучше. Он говел, и хорошо. <...>

412. В. П. Свенцицкий — Следователю

<21.04.1908. Москва>

Милостивый государь!

Позвольте довести до вашего сведения о перемене моего адреса¹: Москва, Арбат, Б<ольшой> Афанасьевский пер<еулок>, дом Страхового общества, кв<артира> 9.

С совершенным уважением, Вал. Свенцицкий.

¹ Свенцицкий 12 апреля 1908 г. (Великая пятница перед Пасхой) выбыл из дома Шер, не указав адреса (ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 71. Д. 2452. Л. 31).

413. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<26.04.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Я к Вам с делом. Скажу заранее, что мне очень хочется, чтоб Вы его устроили. Оно касается «Народн<ого> университета»¹.

Турбину² мы обещали в прошлом году написать наш том и, таким образом, взяли на себя некоторые обязательства. Теперь время уже доставлять материалы — и между тем у нас ничего нет. Получается неловкость, потому что выходит, что мы его подвели. У меня сейчас такое душевное состояние, что ни за какие ответственные темы (как моя предполагаемая статья о первоначальном христианстве) браться я не могу. Таким образом, для того, чтобы исполнить своё обязательство, я должен был бы себя духовно насиловать, что я, конечно, не могу.

Вот мне и пришла в голову такая мысль:

Не можете ли выпуск этого тома взять на себя целиком *Вы*? Не пугайтесь! Я разумею не только лично Вас, но и профессоров Духовной академии. Вступительную статью напишете Вы. Если, в крайнем случае, Вы не сможете, то, может быть, согласится Глаголев. Проф<ессор> *Спаский*³ напишет историю первоначального христианства. *Кантерев* — историю Русской Церкви и раскола и т. д. Это уже комментируйте Вы сами.

Я Вам напоминаю условия. Весь том должен представлять *историю религии* (а не религий) с первых её ступеней до современности.

Всего материалу должно быть *400 000 букв*.

Вознаграждение за весь том — *500 рублей*.

Материал весь должен быть сдан не позднее 20 сентября. Умоляю Вас, Павлуша, возьмитесь за это дело и устройте его. Этим Вы избавите меня от очень больших затруднений. Пожалуйста, ответьте мне скорей. Конечно, ещё лучше было бы, если б Вы имели возможность приехать в Москву. Мы уезжаем за границу 12 мая. Хотелось бы с Вами увидеться до отъезда. А я в Посад приехать никак не могу, потому что у ученика моего экзамен 10-го.

Всего доброго! Любящий Вас В. Э.

Привет Вам от Женюры.

На всякий случай прилагаю содержание тома «Истории религии», как он был обещан подписчикам.

¹ Книгу «История религии» в 1909 г. выпустило московское издательство «Польза. В. Антик и К°» в серии «Народный университет» под авторством Ельчанинова, который в конце концов взял на себя всю работу по подготовке издания.

² *Турбин* Владимир Михайлович — метеоролог, редактор издательства «Польза», член Общества распространения технических знаний, один из учредителей Лиги русской культуры (1917), меньшевик.

³ *Спасский* Анатолий Алексеевич (1866—1916) — профессор МДА по кафедре истории Древней Церкви с 1897 г.

414. В. П. Свенцицкий — Следователю

<03.05.1908. Москва>

Его Высокородию г<осподи>ну судебному следователю IV участка.

Милостивый государь!

Сообщаю Вам, что по делам уезжаю из Москвы в Саратов, где пробуду 1-2 дня, таким образом, возвращусь в Москву дней через 10-12.

415. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<09.05.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша, хочу написать тебе, чтобы ты знал, следующее: то, что я был у тебя в Лавре, — очень для меня важное; и самое важное не то, что я помолился преподобному (хотя и это важно очень), а то, что я открыл в своей душе, что душой люблю тебя. Это так радостно и хорошо: знать уже наверное, что любишь хоть одного человека. Насчёт всех почти других (всех, кроме матери) я сомневаюсь, а насчёт тебя — ясно-ясно.

416. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<11.05.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша, я взял на лето ту работу, о которой я говорил тебе. Я получаю 100 р. авансу и т<аким> об<разом> становлюсь свободным в смысле избрания местожительства.

Я думал об этом и остановился на следующем: мне нужно уехать в какой-нибудь, по возможности глухой, монастырь, где бы я мог и работать, и входить в ту жизнь, которую я так живо почувствовал у тебя в Лавре. Собственно говоря, идеалом для меня было бы поселиться в Сергиевом Посаде, в отдельной комнате: я был бы близок и к вашим святыням, и к тебе, хотя и не всё время. Ты не думай только, что я ожидаю от тебя какой-нибудь активности по отношению ко мне. Я думаю, что ты не выделяешь ещё меня из среды других людей, но я и этому рад очень; большего мне не то что надо, а не заслужил я большего.

Ну так вот. Мне всё же важно твоё мнение насчёт всего этого, которое ты сообщи мне хотя бы открыткой на следующий адрес: Финляндия, Келломяки, д. Макева, С. А. Алексеев, для Саши.

Прощай, милый. Саша.

417. М. В. Никольский — А. В. Бельгарду

<13.05.1908. С.-Петербург>

Брошюрка «Второе распятие Христа» заслуживает внимания, как всё, что выходит из-под пера этого талантливой, но фанатически настроенного приверженца нового религиозного течения в нашем обществе. Чтобы ярче представить противоречие между официальным и бытовым строем нашей Церкви и Общества и подлинным учением Христа, автор, по образцу евангельских рассказов, представил наглядно вторичное пришествие Воскресшего Христа в уничижённом виде в нашу современную русскую среду, которая отнеслась к Нему так же враждебно и отрицательно, как в своё время иудейская, и, в лице представителей духовной власти, довела Его до нового распятия. Несмотря на серьёзный тон сочинения, оно является едкой сатирой, направленной на официальную и бытовую сторону нашей Церкви и лишь отчасти на государственный строй. Я не могу признать в брошюре наличности преступления против ст. 129 п. 2 и 6 Уголовного Уложения, так как каких-либо нападок на государственный и социальный наш строй с точки зрения боевого социализма в ней нет, и если имеются сцены, где из уст Христа приведены евангельские слова «не судите» и «не убий», в осуждение суда, смертной казни и военной службы, то эти сцены в толстовском духе далеко нельзя квалифицировать как возбуждение к ниспровержению существующего строя и к совершению тяжкого преступления. Но, конечно, нельзя отрицать в брошюре наличности поношения Православной Церкви, так как к ней из уст Самого Христа отнесены все те страшные укоризны, которые в Евангелии относятся к книжникам и фарисеям, и, в лице представителей современной иерархии, из коих некоторые легко отождествляются с действительными лицами, в рассказе автора выступают вновь еврейские первосвященники с фанатической злобой против Христа. Некоторым смяг-

чением вины автора может служить 1) то, что он смотрит на христианство и Церковь не как их противник или атеист, а скорее как фанатически настроенный сектант, для которого идеал христианства и Церкви, созданный воображением, стоит в непримиримом противоречии с действительностью; 2) то, что он нападает не на Церковь в её идее, не на самое начало церковности в христианском мире, а главным образом на её бытовую сторону, на её отступления от духа Христа, на её подчинение государственному началу и заражению мирскими целями.

В брошюре обращает на себя внимание «Эпилог», направленный против цензурного ведомства и, в частности, Московского Комитета по делам печати¹.

Член Совета <ГУДП> М. Никольский².

¹ Свенцицкий весьма точно предсказал действия властей и в конце от лица цензора осведомлялся: «Ввиду того, что почти всё, что говорит Христос в этой книге, представляет из себя сплошной плагиат из другой книги, называемой Евангелием, то не сочтёт ли цензурный комитет нужным возбудить ходатайство пред соответствующим учреждением об изъятии Евангелия из продажи...» (С-1. 57).

² Рукописная пометка адресата: «Читал — не возбуждать» по 129 ст.».

418. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<15.05.1908. Москва — Симбирск>

<...> С Эрном виделся за это время, хорош.

В<алентина> П<авловича> видел как-то на улице, он встретился нежно (и мне это было радостно), обещал зайти проститься, но, конечно, не зашёл. Дряни этой его последней не читал и не собираюсь¹, хотя знаю, что впечатление и на мою жену будет соответствующее. Но что Вы скажете, если он, по словам его Эрну, говел — сильно, значит, одновременно... «Слишком сложен человек, я бы упростил...»²

<...> Относительно Религиозно-философского общества ничего не реши-ли; всё, конечно, в руках В<алентина> П<авловича> и его устранения или неустранения. <...>

¹ В апреле 1908 г. вышла готовившаяся для РОБ одна из лучших книг Свенцицкого «Второе распятие Христа (Фантазия)» (С-1. 5–56).

² Булгаков в своём духе переиначивает слова Мити Карамзова: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» (*Достоевский Ф.* Полное собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 100).

419. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<17.05.1908. Келломяки — Сергиевский Посад>

Спасибо тебе за обстоятельный ответ. Я приеду жить в Посад непременно, но не знаю когда: мне очень жаль огорчать Аскольдовых.

Здесь мне очень не нравится, всё какое-то мёртвое — песок и в него как будто натыкано — сухие сосны, коричневый вереск и высохший мох. Я достал много книг и уже занимаюсь. Ты меня не жди — может быть, приеду к июню, а может быть, позже, когда тебя уже не будет.

Всего хорошего тебе. Саша.

420. В. П. Свенцицкий — Следователю

<21.05.1908. Выборг — Москва>

Милостивый государь!

Позвольте сообщить Вам свой летний адрес: Финляндия, ст. Антреа (Kuopescaski), дача Heikki Partanen¹. Вал. Свенцицкий.

¹ «Жил я в Финляндии летом 1908 года. В замечательно красивой местности между Выборгом и Иматрой, на берегу реки Вуоксы, недалеко от станции Антреа. ...Снимал простой крестьянский дом, вернее, только одну его половину, а в другой жили сами хозяева, простые крестьяне-земледельцы. Старик, почти не выпускавший изо рта трубки, Хейка, жена его, два сына, три дочери, одна больная параличом, два работника, работница, а с приходящими соседями иногда набиралось человек 10-15» (С-III. 384). Там же родилась дочь Свенцицкого и Багатуровой.

421. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<26.05.1908. Келломяки — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша, вот цифры, которые я знаю:

Набор листа — от 16 р. до 22 р.; печать 1000 листов — 2–3 р.; бумага стопа (480 л<истов>) — 6–9 р. (я беру простую бумагу); бумага для обложки стопа (480 л<истов>) — 12–24.

Так что если ты хочешь, примером, печатать книгу в 20 печ<атных> л<истов> (320 стр.) в 2 т<ысячах> экз<емпляров>, то это обойдётся: набор 20 л<истов> — 320–440; печать 20 л<истов> — 80–120; бумага 80 стоп — 480–720; бумага на обложку — 60–120; брошюровка — 20–30.

Итого вся книга от 960 р. до 1430.

Я приеду или теперь же, до твоего уезда (15-го июня?), или уж когда ты приедешь, т. е. к концу июля.

Пока прощай, милый, я часто думаю о тебе. Саша.

P. S. Я живу хорошо и почти спокойно: много пишу и читаю по своей работе.

422. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<01.06.1908. Келломаки — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша, я приеду в Сергиев, когда ты вернёшься туда с Кавказа, поэтому ты извести меня об этом (а равно о твоём кавказском адресе). Сейчас мне хорошо пишется, и я не хочу перебивать работу переездом. Сообщи мне, если можешь, откуда взял Достоевский тот рассказ о Богородице-Матери Сырой Земле, который в «Бесах», и есть ли ещё (и где) параллели к такому отождествлению. <...>

Пока всё. Твой Саша.

420. Н. А. БЕРДЯЕВ — В. Ф. ЭРНУ

<10.06.1908. Люботин — Москва>

<...> Очень жалко, что Вы приехали в Париж тогда, когда я уже оттуда уехал. Очень рад был бы повидать Вас и поговорить с Вами. Иногда я думаю, что между нами больше общего, чем это может сначала казаться. А я сам очень нуждаюсь в общении с людьми, которые идут к тому же, что и я. А где теперь В. П. Свенцицкий? Его книга «Антихрист» произвела на меня очень тяжёлое, кошмарное впечатление¹. Многого я в Свенцицком не понимаю. Ужасно, что все мы скорее разъединяемые, чем соединяемые. Я и Мережковский во многом разъединились, Булгаков — с Вами, и все мы — друг с другом. Не достигается даже минимума христианского общения². <...>

¹ Тогда же Бердяев писал: «Очень многое за последний год я переоценил и с особенной силой чувствую зло в жизни. Это ощущение зла меня очень мучит. Прежде всего и больше всего ощущаю зло в себе, своё несовершенство, свою недостойность. Недалеко я ушёл на религиозном пути, да и все мои близкие немногим дальше ушли» (НИОР РГБ. Ф. 109. К. 13. Ед. хр. 48. Л. 22 об).

² Ср. слова из романа-исповеди: «Главное несчастье христианского дела в том, что все силы разбиты. Никто не может найти друг друга, все врозь» (С-1. 172).

424. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<22.06.1908. Келломяки — Толпыгино>

Дорогой Павлуша, как раз в тот день, когда я получил от тебя открытку из села Серета, я послал тебе открытку же в Тифлис. Содержанием её служило сообщение о том, что опечатки в «Вопр<осах> рел<игии>» произошли по подлости типографии, которая не сделала тех исправлений, которые были отмечены во второй корректуре. Но от этого тебе не легче, конечно. Кроме этого, я благодарен тебе за справки о культе Земной Матери и т. д. Моя работа идёт быстро и гладко, к концу июля я её кончу всю. Прочёл твои очень интересные материалы, но больно только одно, что вместо монографического изучения нужно писать компиляцию, да ещё очень поспешно. Пока всё, прощай.

Твой Саша Е.

425. С. Н. Булгаков — А. С. Глинке

<11.07.1908. Ливны — Симбирск>

<...> Флоренский избран на кафедру истории философии <МДА>... Настроенный — увы! — у меня нет, какая-то деревянность и мёртвость, нечем похвалиться. Кроме косности души, может быть, чересчур рационалистически живу. От Эрна имел весточку из заграницы <...>

Думаю, но ничего не придумаю об религиозно-философском обществе, всё-таки участь его остаётся в руках В<алентина> П<авловича> и его отстранения или неотстранения. О нём ничего не знаю и не слышал.

Целую Вас, да хранит Вас Господь! Ваш С. Б.

Здесь до августа, а август — в Крыму.

426. В. П. Свенцицкий — А. А. Мануйлову

<12.07.1908. Выборг — Москва>

Его превосходительству господину ректору Императорского московского университета бывшего студента Валентина Павловича Свенцицкого (временное жительство: Финл<яндия>. Выборг, гостиница Pausa) прошение.

Я был исключён за невзнос платы в истекшем 1907/08 уч<ебном> году с VII семестра историко-филологического факультета. В январе месяце 1908 г. мною было подано г<осподину> министру народного просвещения прошение о разрешении мне держать государственные экзамены экстерном. На это прошение последовал отказ.

В настоящее время прошу ваше превосходительство вновь зачислить меня в число студентов Московского университета по историко-филологическому факультету.

При сём прилагаю: 1) копию аттестата зрелости (подл<инник> находится в канцелярии ун<иверсите>та; 2) метрическое свидетельство; 3) свидетельство из Моск<овского> ун<иверситета>¹.

¹ Резолюция на письме гласила: «22 авг. 1908. Отказать за отсутствием свид. о благонадёжности. Сообщ. об отказе 25/VIII 08». Предварительно ректор запросил канцелярию московского градоначальника и 19 августа получил ответ, что «о Свенцицком в Московской судебной палате имеются в производстве дела по обвинению его по ст. 51, 128 и 129 Уголовного уложения». 24 октября Свенцицкий получил указанные в письме документы и увольнительное свидетельство из ИМУ (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 999. Л. 8–9).

427. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<13.07.1908. Келломяки — Толпыгино>

Спасибо тебе, Павлуша, за твоё письмо. Не знаю, как это ты так написал его: оно обрадовало меня, и я принял из него как будто действительное благословение. Конечно, это благодаря тому, что письмо твоё напоено именем, которое я не смею произносить и которое для меня дороже всякого имени на земле и на небе. И такие подробности! Как странно, что С<оня> (я с ней не виделся около года, мы разошлись (она ушла), кажется, навсегда) любит именно те цвета — розовые книги, про которые ты пишешь. И за тебя я так рад, за твоё состояние «несказанной беспечности», за мир и радость в твоей душе, за то, что ты опять с Серг. Сем. <Троицким>. Какой ты счастливый, что имеешь и родину, и друга, и, судя по твоей частушке, тихую Софьюшку, в небесном происхождении которой я, впрочем, не сомневаюсь, но от души желаю тебе встретить её ответ и между земными девами.

<...> Я имею к тебе два вопроса. Не утруждай себя и отвечай покороче и первое, что придёт в голову (я уверен, что ответы у тебя уже готовы). I. В чём главном *ты* полагаешь разницу между духом католичества и православия? II. Я страшно затруднён (я пишу сейчас об этом), как оценивать явление хлыстовства. Затрудняют меня два факта: а) люди молятся нашим образам, осеняют себя крестным знаменем, непрерывно призывают имя Божие, имя Христа (Рим. X, 13), всей душой жаждут очищения, святости, спасения; б) по своему нравственно-религиозному самочувствию не имеют никаких признаков одержимости демонами; именно: они кротки, незлобивы, *светлы* лицом, радостны; они постоянно говорят, что ищут и получают «радость, сладость и умиление неизреченное» как результат наития Духа Святого. Да, ещё к пункту «а»: обычное упражнение хлыстов — молитва Иисусова. Затруднение моё в том, что я не могу по этим признакам (да! они постоянно *причащаются* (!!!) в православных церквях, и не из лицемерия, а считая это тоже спасительным делом, но даже если б из лицемерия, то всё

же, если кликуш и одержимых корчит при виде чаши, то как хлысты могут подходить к ней?), так вот я и не могу по всем этим признакам считать их одержимыми бесами. Но ведь тогда что же это? Я не могу допустить чисто физиологических состояний, безразличных в религиозном отношении, потому что явление духовного подъёма, говорение стихами, иногда обладание огромными, сверхчеловеческими силами у «пророков», даром предвидения и т. д. — явно выводят эти явления из категории чисто физических феноменов. Но ведь не Дух же Святой в самом деле действует в них, потому что в них имеются элементы тёмного, узкого и даже богохульного характера (богородицы, христы и т. д.). Если ответишь или укажешь, где найти ответы, то много обяжешь. Православные «обличители», прости меня, просто идиоты; я ничего не мог найти у них. Самый толковый из них Добротворский говорит, что хлыстовство потому ересь, что его адепты не повинуются предержавшей власти¹. Это не анекдот. Вообще же — полное и злостное непонимание и нежелание понять, формальная точка зрения, правительственно-полицейская точка зрения и т. д. Изучать предмет по этим бездарным и злостным «исследованиям» просто мука, а других нет².

Я прочёл твой «Столп» и утвердился в своём мнении, что это очень важная вещь, самая значительная из того, что ты писал. С неё начинается твоя известность в широкой публике, особенно если ты (что прямо необходимо) издашь эту вещь книгой. Её прочёл Аскольдов. Его очень взволновала эта вещь, он о ней очень высокого мнения (о языке и идеях), но в корне не согласен с тобой в главном. Он большой рационалист, верит в разум и даже рассудок беззаветно, ненавидит Канта за разделение трансцендентного от «этого» мира, не любит катастроф, антиномий, вообще никаких драм и трагедий, и в жизни, и в гносеологии. Я же, наоборот, многое из твоей книги принял в свою душу, как своё. Правда, у меня ещё вопросы кое о чём, но о них после.

Пока прощай, всего тебе светлого. Твой Саша Е.

¹ *Добротворский И.* Люди Божии. О секте т. н. духовных христиан, «людей Божиих». Казань, 1869. С. 94–95. В 1910 г. на том же основании православные миссионеры объявили *сектой* движение голгофских христиан, в котором участвовал Свенцицкий, но фактических признаков таковой не обнаружил даже заинтересовавшийся Департамент полиции (подр.: *С-III*. 311–315, 691–694). О ложных и верных определениях хлыстовства см.: *С-III*. 519–524.

² К такому относится и современная книга А. М. Эткинда, «в которой под хлыстовство подвёрстывается всё и вся» (*Варламов А.* Григорий Распутин-Новый. М., 2007. С. 108), а Свенцицкому приписывается «радикальная идея» о том, что «сексуальный грех есть единственный путь к спасению». И это не анекдот.

428. С. Н. Булгаков — В. Ф. Эрну

<26.07.1908. Ливны — Страсбург>

Дорогой Владимир Францевич!

Завтра выезжаю обратно в Крым до сентября. От души радуюсь, что на душе у Вас живёт и зреет. У Вас есть то завидное качество (конечно, если оно в меру и, так сказать, оправдано), которого у меня нет и, кажется, никогда не будет: спокойная уравновешенность и твёрдость воли. При верном внутреннем курсе, которого сердечно Вам желаю от Бога, Вы можете прожить плодотворную жизнь. Но воздержусь от лирики и о Вас, и о себе. Я так же люблю готику, как и Вы, хотя её недостаточно знаю, жалею, что не был в Страсбурге, но был в Вене, Ульме, Кёльне (хотя Кёльнский собор и не жалую). Очень сильное впечатление, почти такое же, как Нотре Даме, на меня произвёл св. Марк в Венеции.

Живу здесь в атмосфере русской бедности, темноты, простоты и всего того, что так живописал Чехов. Начинаю уже жалеть о быстро промчавшемся лете, после которого начнётся лекционный год, и мне придётся оторваться от книг, за которыми просидел бы ещё долго-долго, да и лучше бы мне...

Звонят ко всенощной, таким хорошим густым, благодатным звоном, который переполняет наш город и поднимает над неприглядной действительностью. Вот за границей нет этого... Пора кончать... Всего Вам доброго.

Любящий Вас С. Б.

429. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<31.07.1908. Келломаки — Сергиевский Посад>

Спасибо тебе, Павлуша, за обстоятельный ответ на мои вопросы. Частично они меня удовлетворили — о прочем при встрече. Я думаю быть в Лавре около 8-го августа, но не связываю себя этим сроком окончательно. Мне, конечно, очень приятно и важно было бы жить с тобой, как ты предлагаешь, но это зависит от того, какая у тебя будет квартира: я не хотел бы мешать тебе, если у тебя не будет лишней комнаты, тем более что у меня будут деньги для отдельной комнаты. Если тебе интересно, то знай, что Эрн будет в Москве 15-го августа.

Всего тебе светлого. Саша Е.

430. В. Ф. Эрн — Е. Д. Эрн

<20.08.1908. Москва — Тифлис>

<...> Вчера я сидел после обеда и только что приготовился взяться за чтение — пришёл Валентин. Сначала разговаривал о делах: о книгах, о Смирнове, о своём столике и Венере¹, которые он просит обратно. Потом поднялся

и стал уходить, но нехотя как-то. Я его остановил: «Останься, расскажи о себе, моё сердце открыто, чтобы слушать тебя». Несколько минут он колебался. Потом остался, и стали мы дружески говорить «о главном». От него не шло смутных волн. Он был тихий и слабый. Он говорил обо всём прошлогоднем и сообщил мне один факт, который многое объясняет и извиняет. Я чувствовал себя свободно и ясно. Теперь у нас никаких общих дел: отношения чисто личные. Мне вдруг стало стыдно за своё чёрствое отношение к нему, которого было немало, за малую и недостаточную любовь к нему; стало жалко его потому, что он одинок и беспомощен и страдает глубоко и постоянно (хотя бы и по своей вине); наконец мне вдруг стало страшно судить его, потому что перед лицом Божиим всё то, что я в нём осуждаю, есть, наверное, и во мне². <...>

Валентин совсем размягчился и сказал: «Ты меня не оставляй». Потом посидели мы немного и расстались дружески. Сегодня утром он был у Рачинского. Рачинский в редакции с очень доброй улыбкой мне говорил, что он ужасно доволен сегодняшним посещением Валентина, что Валентин кроткий и ясный, «с чистыми глазами»; что Валентин хочет работать, стать самым простым человеком, что «из пророков он вышел в отставку», что, наконец, о нашем вчерашнем свидании говорил с большой нежностью.

Меня это очень радует. Какое счастье, если Валентин действительно пойдёт по этой дороге. <...> А я счастлив, что с плеч моих свалилась тяжесть нехороших отношений с Валентином. Сегодня в 7 ч<асов> вечера Валентин просил Рачинского и меня прийти к нему. <...>

¹ См. прим. 1 к письму № 229. Свенцицкий часто вспоминал «один чрезвычайно характерный разговор», когда С. Н. Трубецкой сказал, что в Венере Милосской «больше греческой философии, чем во всех немецких комментаторах Платона» (С-IV. 34).

² Например, Ивашёва так и не смогла добиться от Эрн выплаты причитающегося ей гонорара, несмотря на неоднократные (с 10 мая 1907 г.) просьбы и призывы к совести (НИОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 47).

431. В. Ф. Эрн — Е. Д. Эрн

<26.08.1908. Москва — Тифлис>

<...> Хочу омыть ту пакость обычности и срединности, которая против воли моей успела свить свою серую паутину в моей душе. <...> Если б можно было пройти по жизненному пути, не спотыкаясь, не падая, не делая ошибок, не впадая в те мелочи, от которых потом, когда наберётся их много, становится тяжело, тяжело. Если б можно было вспыхнуть, загореться и гореть так до самого конца жизни, отдав сюда все свои силы. Так хочется встать, решительно встать, взять одр свой, на котором часто лежишь в расслабленности, и пойти. <...>

432. В. Ф. Эрн — Е. Д. Эрн

<02.09.1908. Москва — Тифлис>

<...> Вчера вечером мне захотелось пойти к Валентину. Я пошёл, и мы очень хорошо провели с ним вечер. Говорили больше всего о Соловьёве и о той биографии, которую Валентин думает написать¹. Он больше и больше погружается в эту работу, достаёт новые материалы, изучает старые, с любовью обдумывает план и подробности. Дай, Господи, ему исцелиться на этой работе! <...> Волжский устроился в редакции, потому что семья его не приедет. Ему негде обедать. Может быть, он будет обедать у нас. <...>

¹ Летом 1908 г. Свенцицкий приступил к составлению биографии В. С. Соловьёва, предполагал издать 1-й том к десятилетию его кончины (К свету. 1908. № 4. С. 17). Труд завершён не был, опубликованная часть: *С-III*. 583–589.

433. В. Ф. Эрн — Е. Д. Эрн

<12.09.1908. Москва — Тифлис>

<...> Поехал я в Лавру с Валею Погиревым. Застали Сашу <Ельчанинова> лежащим на лавке на животе и читающим «Житие» какого-то святого. У Павлуши чудесная квартирка. Только что выстроенная изба, в которой ещё никто не жил, три комнаты, за 10 р., с огородом, в котором Павлуша думает весной садить капусту и репу. Павлуша отпустил длинные волосы, подвязал их на макушке какой-то тесёмочкой и локоны пустил на уши. Получилось что-то древнеегипетское. В комнатах чисто, светло, тепло, пахнет свежим деревом и смолой; обоев нет — прямо дерево. На лекции Павлуши собралась вся академия. Прочёл он их хорошо, и та лекция, которую он выбрал от себя, была очень оригинальна по содержанию и красива по форме. Академики горячо ему аплодировали. Мы провели очень хороший вечер. Саша у него совсем обжился; едят они постное, ватрушки из картофеля, репу, огурцы, которые сами они засолили, — словом, ведут жизнь полупустынников, полуинтеллигентов. Саша крестится перед каждой церковью. Он героически справился со своей работой и сегодня привёз со мной Турбину последние листы. <...>

434. В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому

<22.09.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша!

Только что был у меня Белый. Он пришёл от Мережковских, к которым перешло заведывание «Образованием»¹, — просить статей и сотрудниче-

ства. Не можете ли Вы дать Мережковским свою вступительную лекцию «Общечеловеческие корни идеализма»?² Белый очень просит. Журнал будет вестись совершенно в непартийном духе. Я с своей стороны тоже очень прошу Вас об этом, потому что от того, что говорил о журнале Белый, у меня осталось самое лучшее впечатление. Мне бы искренно хотелось, чтобы Вы помогли им своей статьёй в их хорошем деле.

Статью присылайте мне. Я перешлю через Белого Мережковским.

Пожалуйста, ответьте скорей.

Сердечный привет Вам и Саше.

Ваш Володя.

¹ «Образование» — ежемесячный литературный, популярно-научный и общественно-политический журнал, издавался в Петербурге в 1892–1909 гг.; с 12 сентября 1908 г. вместе с газетой «Утро» перешёл в ведение Мережковских.

² Лекция была прочитана в МДА 17 сентября 1908 г. (Богословский вестник. 1909. № 2. С. 284–297; № 3. С. 409–423; Ф-III(2). 145–168).

435. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<30.09.1908. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша! <...>

Я выеду отсюда 3-го, буду в Москве 4-го, а у тебя 5-го, т. ч. писем ты мне не пересылай уже — впрочем, я ничего и не получал до сих пор.

Заседание Совета <ПРФО> только сегодня, 30-го, а с паспортом ещё медленнее.

Прощай, всякой тебе радости. Саша Е.

436. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<03.10.1908. С.-Петербург — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша! Я не могу ещё выехать из Питера, т. к. 4-го здесь будет ещё одно заседание Совета, на котором меня очень просили быть¹. Т<ак> к<ак> мне нечего делать в Москве, то я и согласился. Я сообщу тебе точно день и час своего прибытия в Посад². Вижу часто Мережковских; расскажу тебе о них, когда приеду. Они очень переменялись душами.

Прощай, Саша.

Я прошу тебя опять прочитывать на всякий случай те письма, которые придут на моё имя.

¹ Именно на этих заседаниях вернувшиеся в Россию Мережковские подготовили смену руководства ПРФО. Ср.: «Мы его взяли на себя. Сильно подняли и оживили» (*Гиппиус З.* Собрание сочинений. Т. 8. М., 2003. С. 111).

² Ельчанинов приехал в Москву утром 14 октября.

437. О. А. ФЛОРЕНСКАЯ — С. С. ТРОИЦКОМУ

<09.10.1908. Москва — Тифлис>

Здравствуй, милый.

Вчера вечером, когда мы выходили из подъезда, швейцар дал твоё письмо. Я взяла его в собрание «Эстетика». Мы с Лилей дорогой смеялись, что мы не одни, и Серёжа идёт с нами на Белого... Но лекции не было — забыли совершить какую-то формальность относительно разрешения собрания, и оно перенесено на следующую среду. <...> Видела Свенцицкого, только не разглядела хорошо, п. ч. боялась, что он заметит обращённое на него внимание. Андрей Белый бегал точно весь на пружинах, взволнованный казусом, извинялся неистово, скакал к телефону, в участок... Послезавтра, вероятно, увижу его у Эрн. Вчера, постояв и поглядев с полчаса, мы с Лилей и с Эрнами вышли. Потом пошли к ним и остались до утра. Женя Эрн очень милая особа. У них занимались больше рассматриванием картин. <...>

438. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<22.10.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша! Мы с тобою неверно рассчитали о будто совпадении диспута Коновалова¹ с лекцией Серг<ея> Ник<олаевича>². Ведь диспут в *эту* пятницу, а лекция в ту — 31-го. С. Н. <Булгаков> сказал мне, что очень бы хотел, чтобы ты был, — сейчас я от него.

Всего тебе светлого. Саша.

¹ *Коновалов* Дмитрий Григорьевич (1876—1947) — богослов, доцент МДА, его речь перед защитой магистерской диссертации «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» была издана под заглавием «Психология сектантского экстаза» (Сергиев-Посад, 1909). Несмотря на единогласное решение Совета МДА, Синод не утвердил степень по отзыву архиеп. Антония (Храповицкого).

² Доклад «О первохристианстве» на МРФО (*Булгаков С.* Два града. М., 1911. С. 234—303).

439. А. В. ЕЛЬЧАНИНОВ — П. А. ФЛОРЕНСКОМУ

<01.11.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша, вот дело какое. Пав<ел> Ник<олаевич>¹ говорит, что ты будешь в воскресенье на гипнотич<еском> сеансе у Каптерева², а на это же воскресенье Булгаков усиленно приглашает меня и тебя, узнав, что ты в воскресенье собираешься в Москву, — я нечаянно сказал громко это Володе в толпе, а Булгаков услышал. Мне, разумеется, очень хочется видеть тебя, и я потому пойду на сеанс, а не к Бул<гакову>, но если тебя там не будет? Или нельзя ли нам с сеанса часам к 10-ти отправиться к С<ергею> Н<иколаевичу>? Ты всё это имей в виду. У С<ергея> Н<иколаевича> будут: Волжский, Рачинский, Белый и Эрн.

Всего тебе светлого. Саша.

¹ Возможно, *Николай* Павел Николаевич (1860—1919) — основатель Российского христианского студенческого движения.

² *Каптерев* Пётр Фёдорович (1849—1922) — педагог и психолог, с 1909 г. преподаватель в Психоневрологическом институте.

440. О. А. ФЛОРЕНСКАЯ — С. С. ТРОИЦКОМУ

<02.11.1908. Москва — Тифлис>

Да, хотела я тебе впечатление от «Соловьёвского общ<ества>» передать.

Большая, полная народа аудитория амфитеатром. Круглые матовые шары ламп на тонких цепях висят на потолке. Впереди большой полукруглый стол. Из дверей сзади него выходят и садятся — Котляревский, с лицом уродливым и странным, дико похожим на Микель-Анжело, но менее угрюмым, более «себе на уме»; рядом Челпанов¹, отвратительно страстный, с восточными полузакрытыми грязными глазами, весь такой, что хочется отойти; Свенцицкий, молчаливый и немного не в своей тарелке; Белый, полная противоположность, изящный, подвижной, светлый; Рачинский с непрестанными гримасами смеха, седой и славный; Е. Трубецкой, осанистый, статный, немного небрежный, могучий, с лицом, напоминающим папино лицо, отзвук статных боярских времён; референт — Булгаков, личность на вид серая; сзади, со шкатулочкой в руках, молчаливый и парадный Ельчанинов, Эрн за столом рядом с Котляревским. В первом ряду Волжский с узкими плечами, с большой, хорошей, гривистой головой... Первые ряды заняты — лица важные или же молодёжь — знакомые членов с даровыми билетами...

Реферат мало интересный, не глубоко написанный. Возражений много, затянулись за полночь. Мы ушли раньше конца.

Хочется отдельно сказать о Белом. Он среди всех выделяется. Гибкий, как кошка, с походкой мягкой, слегка подпрыгивающей, с чуть приподнятыми

плечами и головой чуть вытянутой вперёд. Кажется, что он боится дуновения — упадёт и разобьётся, как японская тонкая ваза. Глаза горят, светятся. Вчера нам позировала лисица. Она рвалась с привязи, тяжело и боязливо дышала. Глаза горели, ярко светились в тёмной впадине. Тогда понялось, что у Белого — такие же глаза, как бывают у некоторых животных — ярко горящие изнутри. И складки рта лисицы казались его улыбкой. А когда говорит и руки плавно или порывисто мелькают в воздухе, кажется, что вот — взвьётся, подхваченный вихрем, вот — улетит. И слов не слушаешь, смысл даже не хочешь ловить — слышишь мелодию, вкрадчиво мягкий голос, видишь изящество движений...

¹ *Челпанов* Георгий Иванович (1862—1936) — философ, психолог, логик, с 1907 г. заведующий кафедрой философии ИМУ.

441. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<14.11.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша, посылаю тебе одновременно с сим 3 вып<уска> Даля, которые мне удалось достать у Валент<ина> Свенц<ицкого>. На днях буду у Вольфа и получу ещё часть, уплатив ему твой рубль и ещё сколько смогу.

Здесь густые психические и флюидные туманы, т<ак> ч<то> дышать трудно; всё портит воздух «он же». <...>

442. В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому

<20.11.1908. Москва — Сергиевский Посад>

М<илостивый> г<осударь>.

Среди лиц знакомых мне, а также незнакомых циркулирует нижеследующий слух: будто бы я нахожусь в связи с двумя девицами, причём от той и от другой у меня есть дети, которые воспитываются в мезонине того дома, где я живу¹.

Слух этот исходит от В. Ф. Эрн и А. В. Ельчанинова, которые, передавая его, заявляют, что факт этот им известен из *достоверных источников*, причём когда я, узнав об этом, пожелал объясниться с Эрном, он категорически отказал в разговоре.

Я не считаю для себя возможным ни подтвердить, ни опровергать этот слух, ни защищаться, ни привлечь за клевету к законной ответственности, ни каяться в своих грехах, словом, входить в какие-либо обсуждения или объяснения вопроса по существу.

Но ввиду того, что в связи с этим слухом многие считавшие себя моими друзьями не считают возможным продолжать со мной отношения, я решил

довести об этих фактах до сведения всех моих знакомых, хотя бы и шапочных, дабы при встрече не ставить ни себя, ни их в тяжёлое положение. Тех, кто желает продолжать со мной прежние отношения, я прошу так или иначе довести об этом до моего сведения. Лиц, не приславших ответа, буду считать давшими отрицательный ответ.

Адрес: Остоженка, д. Белова.

Вал. Свенцицкий².

¹ См. прим. к письму № 63.

² Текст письма напечатан на машинке под копирку, подпись — автограф.

443. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<25.11.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша, с большим утешением прочёл я оба твои письма (ко мне и Валентину)¹, тем с большим, что всё уже кончено и на всём деле поставлена большая точка, такая большая, что твоё письмо, которое привело бы Валентина в состояние умоисступления, уже нельзя ему передать. Изложу тебе схематически всё дело. Оговорюсь сначала. Я порывался писать тебе давно обо всём этом и не писал сознательно: я не хотел и не считал нужным заносить всю эту тревогу и грязь в вашу обитель. Т<ак> к<ак> ты просишь, и я вижу сам, что тебе надо знать, чтобы отвечать вопрошающим, то пишу². 12-го, в среду, открылось, что у Вал<ентина> есть двое детей от Оли и Нади³; немного спустя поступила в Совет жалоба на Вал<ентина> от матери одной гимназистки, а потом открылся целый ряд фактов той же категории + шантажные денежные дела⁴. Общество постановило исключить Вал<ентина>⁵; Вал<ентин>, чувствуя грозу, принял меры и разослал циркуляры по знакомым (экз<емпляр> ты получил). 17-го братья Оли отправились к Вал<ентину> и поставили ему ультиматум⁶: или пусть он отпустит девиц и немедленно выедет из Москвы, или он будет подвергнут физическому воздействию. Тогда Антихрист⁷ капитулировал и принял все условия, а на другой день прислал Володе признание во всех своих гнусностях, даже таких, о которых мы не знали. В этом письме он всецело предавался на волю победителей и только умолял помочь ему поступить в монастырь⁸. Всё же временно мы удалили его из Москвы, девиц перевезли к Шерам, а судьбу Вал<ентина> в смысле монастыря повергли на благовозрение преосвященного Антония⁹. (Я пишу крупно, жалея твои глаза и потому что линейки соответствуют.) Если тебе надо, я пришлю тебе покаянное письмо Св<енцицко>го. Эти дни мы переживали очень тяжело, главное потому, что жалко девиц с ребятами (две славных девчонки 4-х и 7-ми месяцев)¹⁰, а потом мы не думали, что всё так хорошо кончится. Я ездил к преосвященному и всё ему изложил; в пятницу он примет Рачинского и даст ему ответ, что делать с Валентином. Де-

вицы первые дни были совсем безумные от горя. Теперь они тихие, приняли всё как должное, не хотят его больше видеть¹¹ и только боятся за его душу. Больше писать не буду, т. к. не знаю, надо ли тебе; если что спросишь, отвечу с удовольствием. Если б ты приехал сюда. А если приедешь, захвати письмо Розанова. Мы все (Володя, Женя <Эрны> и я) много смеялись, читая твоё письмо к Валент<ину>¹².

<...> Прощай, милый, я очень рад, что ты пребываешь в своём безмятежном настроении. Твой Саша.

¹ Письма не обнаружены.

² Декларация автора о нежелании «заносить грязь в обитель» противоречит цели письма — опозорить бывшего друга в глазах наибольшего числа людей (ср.: «чтобы отвечать вопрошающим»). По-видимому, Ельчанинов боялся разглашения своего постыдного поведения на следствии по делу о газете «Стойте в свободе!», но Свенцицкий, имевший мужество публично каяться в своих грехах, чужие низости никогда огласке не предавал.

³ О. В. Шер родила 6 апреля 1908 г. дочь Ольгу (восприемниками при крещении были её брат Василий и мать Свенцицкого Елизавета Федосеевна) и выдавала за сироту, привезённую из деревни. Н. С. Багатурова родила 21 июля 1908 г. в гражданском браке со Свенцицким дочь Надю, крёстной которой стала О. В. Шер.

Никаких иных фактов прелюбодеяний Свенцицкого до сих пор не выявлено. Переосмыслить происходившее заставляет оставленное через 15 лет свидетельство очевидца: «Донжуанский список Ельчанинова, во всяком случае, во много раз превосходит таковой же его родоначальника. Но несомненно, без каких-либо преувеличений, что Ельчанинов есть донжуан... Победы давались особенно легко и были наиболее сладостны, когда жертва любви была совсем ещё молода, и чем моложе, тем желаннее. Подростки, ещё лучше дети — на них обращались волнения Ельчанинова» (Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. М., 2004. С. 284–286). Ср. письмо № 445 и подоплёку событий в примечании к нему.

⁴ Осенью 1907 г. Свенцицкого подозревали в присвоении части из 350 руб., выделенных трудовой общиной «Века» А. В. Попову на ведение судебного процесса по делу журнала. «Недоразумение», по выражению В. А. Никольского, выяснилось уже в декабре 1907 г. (НИОР РГБ. Ф. 348. К. 3. Ед. хр. 8). Эпитет «шантажные» не имеет реальных оснований и остаётся на совести автора. Ср. письмо № 430.

⁵ «Совет религиозно-философского о-ва памяти В. С. Соловьёва просит довести до сведения публики, что Совет о-ва в своём заседании 17-го ноября с. г. постановил предложить члену о-ва Валентину Павловичу Свенцицкому выйти из состава о-ва. Основанием для такого постановления послужил ряд действий, явно предвзятых, допущенных В. П. Свенцицким. Ещё до получения копии с постановлением совета В. П. Свенцицкий прислал на имя председателя о-ва заявление о своём выходе из числа членов о-ва, а затем в письме на имя одного из членов совета от 18-го ноября признал справедливость предъявленных ему обвинений. Председатель общества Григорий Рачинский. Кн. Евгений Трубецкой, Сергей Булгаков, Алек. Глинка (Волжский), В. Эрн, А. Ельчанинов» (Русское слово. 1908. 21 ноября. № 271. С. 5). Отсутствуют подписи трёх членов Совета МРФО — Д. Д. Галанина (ст.), Н. Ф. Езерского и С. А. Котляревского.

⁶ Визит В. В. и Д. В. Шеров описан в пьесе «Пастор Реллинг» (С-1. 310–311).

⁷ Герой романа-исповеди Свенцицкого ощущает в себе страшную личинку князя мира сего и борется с поработившей его силой. Подобное именование конкретного человека без более чем веских оснований (1 Ин. 2, 22; 2 Ин. 1, 7) для христианина недопустимо и всегда выдаёт степень ненависти говорящего.

⁸ Такого письма в архивах Эрна и Флоренского нет.

⁹ Весьма странное заявление, поскольку еп. Антоний (Флоренсов) никак не мог быть для Свенцицкого и Эрна духовным авторитетом после встречи в январе 1905 г., когда фактически отрёкся от Христа (С-*I*. 97–106; С-*II*. 43). Изложение беседы никаких упреков от очевидцев не вызвало, «точность и верность» его подтвердил и Ельчанинов (Церковно-общественная жизнь. 1907. № 29. С. 904).

На самом деле 22 ноября 1908 г. Свенцицкий, никому не сказав, покинул наёмную квартиру в д. 4 на Остоженке. В книге «Граждане неба» (Пг., 1915) вспоминал: «Со мной случилось большое несчастье. Я, как говорится, запутался. Запутался и нравственно, и житейски... Мне казалось, что всё ложь, и вокруг меня, и во мне самом... Я ушёл из своего дома осенью, как беглец, в чём был. Бессмысленно метался из одного места в другое — из Москвы в Рязанскую губернию, из Рязанской в Калужскую. И теперь, зимой, явился в монастырь». С помощью прп. Анатолия Оптинского, своего духовного отца с 1898 г., Свенцицкий преодолел жесточайший внутренний разлад и более плотским соблазнам не поддавался.

¹⁰ Участие Ельчанинова в судьбе Багатуровых связано с тяжёлым грехом: он настойчиво уговаривал молодую мать бросить ребёнка, называя это «ничтожной жертвой» (см. письмо № 450).

¹¹ Не соответствует действительности в отношении О. В. Шер (ср. там же).

¹² Дикая сцена. Ничтоже сумняшеся, три человека (в т. ч. женщина!) читают интимное чужое письмо, прямое и жёсткое, написанное с искренним желанием помочь брату во Христе вернуться на путь истинный, долженствующее привести адресата «в состояние умоисступления», читают и — смеются...

444. Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — В. П. СВЕНЦИЦКОМУ <25.11.1908. С.-Петербург — Москва>

Я слышал, что вас исключили из Религиозно-философского общества. Я не знаю тех поступков, за которые вас осудили. В газете я прочёл, что вы сами себя за них осуждаете, а если это так, то никто не имеет право судить вас, кроме Церкви. Религиозно-философское общество не есть Церковь, и суда его над вами я не могу признать правильным. Каковы бы ни были ваши поступки, я ничем не лучше вас и в покаянии и в прощении нуждаюсь не менее, чем вы¹. Я думаю, что вам теперь трудно и больно. Копию с этого письма я посылаю А. В. Ельчанинову, чтобы он сообщил его подписавшимся.

¹ В августе 1909 г. Мережковский писал: «Я лично иногда себя чувствую Свенцицким, только не обличённым. Т. е. не в общественности (тут я слаб, плох, малодушен, но в намерениях, кажется, чист), а в поле. Не брачные одежды, до чего не брачные! Всё точно в проказе. Правда, и прокажённых Господь исцелял. Хочу быть исцелён-

ным и верю, что Он может меня исцелить — это у меня есть, а больше нет ничего» (Новый журнал. 2009. № 256).

445. В. И. ИВАНОВ — В. Ф. ЭРНУ

<25.11.1908. С.-Петербург — Москва>

Дорогой, любимый Владимир Францевич!

Удручённый известиями о Свенцицком, прошу Вас успокоить меня каким-нибудь объяснением происшедшего. Почему Общество вынуждено было к неслыханному: пригвоздить своего члена к позорному столбу, бросить в него камни безусловного нравственного осуждения всенародно? Что мог сделать он такого, что оправдывало бы этот образ действий? Почему не названы его «предосудительные поступки» по имени? Почему он сам спешит признать справедливость направленных против него обвинений? Не вызвал ли сам он преднамеренно этого позора, не желает ли он последовательно (так я предположил уже по поводу его «исповеди» литературной) покрыть бесчестием своё имя?¹ Нет ли во всём случившемся какой-то роковой ошибки? Напишите мне также, на всякий случай, его адрес в <нрзб.> либо жене и товарищам по Обществу, которые меня знают.

Сообщите о сём побыстрее. <...>

Любящий Вас нежно Вячеслав Иванов.

¹ Сопоставление фактов подтверждает правоту поэта-духовидца. Ср. одну из основных идей Свенцицкого: «„Каждый из нас за всех виноват“ (мысль Достоевского) — это лишь робкий намёк на правду. Голгофское понимание жизни раскрывает больше: не за всех виноват, а во всём виноват... Для голгофского сознания нет чужих грехов, чужих страданий. Я — убийца, я — растлитель, я — осквернил светлые ризы Божии. Но я же плачу кровавыми слезами раскаяния, я — свершаю великий подвиг любви, я — вхожу на костёр за Правду... Как бы ни был я „чист“ — руки мои в крови, как бы ни был я „целомудрен“ — это я втаптываю в грязь женщину в позорных домах... И по осквернённой, окровавленной земле — я же иду с крестом в венце терновом, во имя освобождения» (С-III. 612). Солидарен был и тогдашний друг: «Нет на свете такого зла и такого преступления, в котором бы я не участвовал как-то, виновником которого как-то я себя не чувствовал... Во всём зле жизни, во всех неправдах и преступлениях участвую как-то и я. ...Покаянными слезами омываются мои грехи и силою свыше в душе моей воздвигается *Вечная Голгофа*. Тут свершается новая, пребывающая, доколе пребывает этот мир, — жертва. Всё зло мира, поскольку я принял его в душу свою через чувство вины, возносится на крест... Тут, у подножия креста, страданиями и слезами очишусь я от совершённых грехов и получаю *силу жить*... Место тёмной истомы и тоски за свою вину и грехи занимают искупление и чистые страдания за других» (Эрн В. Христианское отношение к собственности. М., 1906. С. 40–41).

Вот и поступил Свенцицкий, как преподобный авва Агафон: «Пришли к нему некоторые, услышав о великой его рассудительности. Желая испытать, не рассердится

ли он, спрашивают его: ты — Агафон? Мы слышали о тебе, что ты блудник и гордец? Он отвечал: да, это правда. Они опять спрашивают его: ты, Агафон, пустослов и клеветник? Он отвечал: я. И ещё говорят: ты, Агафон, еретик? Он отвечал: нет, я не еретик. Затем спросили его: скажи нам, почему ты на первые вопросы соглашался, а последнего не вынес? Он отвечал им: первые пороки я признаю за собою, ибо это признание полезно душе моей, а быть еретиком значит быть в отлучении от Бога, но быть отлучённым от Бога я не хочу» (Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. Изд. 4-е. СПб., 1871. С. 40—41). В другом источнике уточняется: «Обвинения в грехах я принял для приобретения этим смирения, и желая, чтоб вы имели мнение о мне, как о грешнике: мы удостоверены, что в сохранении добродетели смирения — великое спасение души. Господь и Спаситель наш Иисус Христос, когда иудеи осыпали Его многими укоризнами и клеветами, претерпел всё это и предоставил нам Своё смирение в образец подражания» (*Игнатий Брянчанинов*, свт. Полное собр. творений. Т. 6. М., 2004. С. 50).

Ср. также любимое художественное произведение Свенцицкого — «Красный цветок» В. М. Гаршина, где главный герой уничтожает «страшное существо, противоположное Богу», надеясь, что собравшееся в нём всё зло мира «перейдёт в его душу и там будет побеждено».

446. В. П. Свенцицкий — Б. Н. Бугаеву

<Декабрь 1908>

Борис Николаевич, в ноябре месяце мне было вручено постановление совета Рел<игиозно>-фил<ософского> об<ще>ства о моём исключении из членов. Под этим постановлением прочёл и Вашу фамилию («по доверии Б. Бугаева — Г. Рачинский»)¹.

Из этого для меня ясно, как Вы теперь ко мне относитесь. Оправдываться я не буду. Скажу только, что факты почти все верны. Внутренняя сторона их абсолютно искажена. Но в том, в чём я *действительно* виноват, — меня никто не обвиняет. Пишу всё это не для того, чтобы с Вами устанавливать какие-либо отношения и пр. Я прошу Вас, не как «члена Совета» и не для каких-либо практических целей, — просто как Бориса Ник<олаевича> Бугаева: простите меня за *всё* и до конца, если можете. Мне не нужно, чтобы Вы доводили об этом до моего или чьего-либо иного сведения. Мне нужен Ваш *личный* внутренний акт безусловного прощения² только с Вашей стороны.

В. Свенцицкий.

¹ В газетном объявлении А. Белый не упоминается. Судя по всему, в то время он вообще не был в курсе дела. Ср. его письмо от 2 января 1909 г.: «Эрн заболел, и я проводил у него много времени (кстати, он меня ознакомил в деталях со всеми перипетиями о Свенцицком, а мне как члену Совета нужно быть в курсе)» (Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 153).

² Зачёркнуто: «моих грехов».

447. В. Ф. Эрн — В. И. Иванову

<08.12.1908. Москва — С.-Петербург>

Дорогой и глубокоуважаемый Вячеслав Иванович!

Мне очень трудно что-нибудь ответить на Ваше письмо. Чтобы в этом сложном и весьма трудном деле Вам что-нибудь было понятно, мне необходимо было бы рассказать Вам подробно *факты*, факты не вообще, а факты конкретные, не так как они могли бы быть, а как они *были*. Я этого сделать не могу по двум весьма основательным причинам:

1) У меня нет времени писать письмо в страниц 200.

2) Даже если бы время нашлось, то я по отношению к Вам не достиг бы желаемой цели, потому что Ваша концепция Валентиновских действий столь всеобъемлюща, что она может вместить какие угодно факты. Ваша концепция допускает, чтобы Валентин производил реально самые невозможные вещи: крал, вымогал, насильничал, соблазнял обманами девушек, лгал всем и каждому, распутничал самым безобразным образом, все эти мерзости прикрывал белоснежным плащом пророка и провозвестника (симулянта) (а я Вам свидетельствую, что это так¹) — и в то же время всё это проделывал нарочно из смирения! Против такой концепции мне нечего говорить.

Об этом довольно. Если увидимся, расскажу. Хотя я не особенно верю, чтобы словами можно было бы разъяснить то, что должно было бы быть Вам ясно и *так*. Если Вы меня знаете и мне доверяете, Вы должны были бы понять, что лучший друг Свенцицкого, любивший его больше, чем все люди дальние, *имеет* кое-какие права на оценки и *действия*, которые он производит с рыданием и молясь, думая не только о тех, кого Валентин губил, но и о самом Валентине, о высвобождении его из той невозможной лжи, из которой сам он, по собственному признанию, высвободиться не мог. И самое главное, Вы не знаете тех *следствий*, которые вытекли из предпринятых против Валентина крутых (очень крутых) мер. Эти следствия самым несомненным образом показали, что не только диагноз был поставлен верно, но и что та хирургическая операция, которая была произведена над Валентином, прошла *очень удачно*². Все участники этой трагедии остались не только целы и живы, но и пережили (в том числе и Валентин, в том числе и девушки, от которых имеет детей Валентин) катарсис, подлинный катарсис.

Что будет дальше, не знаю. Знаю только, что Валентин никогда не был ближе к своей настоящей дороге, чем тогда, когда разразился над ним удар. Скажу прямо: тут было *чудо*. То, что произошло, произошло не по нашей воле. Мы рабы неключимые. Вот почему совесть наша спокойна, и на душе светло и уверенно³.

Ну, прощайте пока.

Горячий привет Марии Михайловне и Вашим детям.

Искренне Ваш В. Эрн.

¹ Ненависть ослепляет, а чреватый злобою рождает ложь (1 Ин. 2, 11; Пс. 7, 15). Эрн так и не привёл ни одного *факта*, а сам раблезианский перечень злодеяний наводит на мысль о явном преувеличении.

² В драме «Пастор Реллинг» цитируются угрозы проводивших «операцию»: «Мы не остановимся, чтобы вас совсем стереть с лица земли!» (С-І. 307). Так они и попытались сделать: вычеркнуть из истории, предать забвению. Только обетом молчания объяснимо отсутствие с тех пор в работах Булгакова, Эрна, Бердяева и проч. имени одного из главных творцов религиозно-философского возрождения в России. Они так и не простили Свенцицкого, даже в мемуарах стыдливо обходя молчанием участие в общей борьбе, преступали и обычную добросовестность учёного: в составленной Эрном библиографии (Сборник первый о Владимире Соловьёве. М., 1911) статьи Свенцицкого отсутствуют, а Бердяев, прекрасно знавший о публикации «Религии „здорового смысла“» (С-ІІ. 339–351), в 1912 г. заявлял: «Работа Мережковского остаётся единственной для оценки религии Толстого» (Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 244). Они жили и действовали так, будто никогда не читали Евангелия или забыли Христа: «А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 15).

³ Ср.: «и неключимаго <негодного> раба вверзите во тму кромешнюю» (Мф. 25, 30); «Глаголай себе во свете быти, а брата своего ненавидай, во тме есть доселе» (1 Ин. 2, 9).

448. С. Н. БУЛГАКОВ — А. С. ГЛИНКЕ

<12.12.1908. Москва — Симбирск>

Вы исчезли из Москвы внезапно, очевидно, невтерпёж стало, и нет от Вас известий. А мы здесь кошмаримся помаленьку и пережили ещё кошмар мережковщины, который — внутренне, и для большинства, м<ожет> б<ыть>, и незаметно, — стоил мне кое-чего, но, молитвами святых угодников, пока пронесло сравнительно благополучно. Заседание о Лермонтове было страстное¹: досталось и Лермонтову, и всем и всему (хотя и не соблазнительно было по существу), но самое-то неприятное — это вывезенная из Парижа невыносимая демагогия манеры Св<енцицк>ого, но без его внешнего темперамента. <...>

Вы знаете, вероятно, что Д. С. <Мережковский> написал было Св<енцицкому> письмо с изъяснением в любви и смирении после нашего газетного письма. Здесь, когда им рассказали всё, они с нами согласились по существу (оговорки — неважны) и решили, что его нельзя пускать в СПб Религиозно-философское общество².

Но только *La donna e mobile*³, сами знаете, непреклонна из них только З. Н. <Гиппиус>, которая относится к Св<енцицкому> с холодным и брезгливым презрением. Но разные могут быть комбинации. <...>

Св<енцицкий> сбежал, как и надо было ожидать, теперь прячется, уже прислал ругательное письмо Ш<еру> — я считаю возможными и дальнейшие

выпады. Вероятно, теперь он обдумывает «платформу», на которой возобновит свою деятельность, как только почувствует наступление физической безопасности⁴. На будущей неделе будет у нас годовое собрание, не устроили бы скандала его почитательницы. Мы приготовились. <...>

¹ На публичном заседании МРФО 28 ноября 1908 г. Мережковский сделал доклад «Поэт сверхчеловечества» (Русская мысль. 1909. № 3. Ч. 2. С. 1–32).

² Слова Булгакова не соответствуют действительности. Совет ПРФО на просьбу москвичей последовать их примеру «ответил самым решительным отказом»: «Брать на себя роль судей, отпускать или не отпускать грехов своим сочленов Совету казалось прямо чудовишным. А потому в списках действительных членов петербургского Общества означенное лицо числится до сих пор» (Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). М., 2009. Т. 2. С. 397).

³ Женщина переменчива (ит.); цитата из либретто оперы Дж. Верди «Риголетто».

⁴ К тому времени против Свенцицкого велось 6 уголовных дел по обвинению в антигосударственной деятельности за печатные выступления, что и вынудило его перейти на нелегальное положение. С 1909 г. Свенцицкий совместно с еп. Михаилом (Семёновым) и Брихничёвым поддерживал религиозно-общественное движение голофских христиан, дабы пробудить сознание народа к религиозному творчеству (признаков сектантства здесь не обнаружил даже заинтересовавшийся Департамент полиции). Считал, что Церковь должна обнять все человеческие отношения и вся жизнь объединиться вокруг храма, а несовместимое с ним отпасть вовсе. Смысл земной жизни видел в творческом раскрытии личности, т. е. полном выражении Божественного начала, заключённом в каждом человеке (подр. см.: *С-III*).

449. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<17.12.1908. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша, неожиданно, по чужому делу, я выезжаю в Тифлис 17-го дек<абря>. Вернись скоро. Ужасно жалко, что не повидался с тобой. «Ист<ория> рел<игии>» вышла, и я посылаю тебе 3 экз<емпляра>.

Желаю тебе самого светлого. Саша.

450. А. В. Ельчанинов — Н. С. Багатуровой

<Декабрь 1908. Баку — Москва>

Если ваш отец узнает о вас, то, М<ария> С<ергеевна>¹ уверена в этом, он не перенесёт этого: он или убьёт себя, или сойдёт с ума; ваши родные отравят всю жизнь и вашей матери, и сёстрам; вы погубите этим не только отца, но и их. <...> Вывод: чтобы быть свободной для курсов и для того чтобы сохранить тайну, вам надо не жить с Надей <дочкой> в одной квартире. <...>

Требуется, чтобы вы — для себя и для всей семьи — поселили Надю в деревню к хорошей кормилице. <...> Ничтожная жертва по сравнению с тем, как страдает ваша мать, *пока вы с Надей*. <...> Я уже не говорю, что эту жертву (вы ведь хотели страдания) вы должны принять для себя, и что Надюшка возьмёт все ваши силы, вы будете — конченный (в общественном смысле) человек, а кончать жизнь в 18 лет — это Бог знает что такое². <...>

¹ Мать Н. С. Багатуровой.

² Багатурова, несмотря на постыдные уговоры матери и Ельчанинова, ребёнка не бросила, хотя в последующие годы ей приходилось прятать дочь от родных.

451. В. Ф. Эрн — А. С. Глинке

<22.12.1908. Москва — Симбирск>

<...> В<алентин> П<авлович> из Ряжска удрал и теперь живёт «конспиративно». Сколько известно, готовит роман и пасквиль. Известно также через третьих лиц, заводит сношения с типографией¹. Надя уже три недели живёт у нас. <...>

¹ После бегства из Москвы Свенцицкий побывал в Оптиной пустыни и у своих братьев: в Ряжске у нотариуса Бориса Павловича (1878—1968) и в Кашире у ветеринарного врача Вячеслава Платоновича (1876—1947), помогших выправить ему паспорт на имя Вячеслава Платоновича Платонова, с коим он и странствовал по России до 1917 г., хотя книги подписывал настоящей фамилией. В начале апреля 1909 г. московская типография О. Л. Сомовой выпустила его драматическую дилогию «Смерть. Пастор Реллинг», в автобиографической части которой излагаются перипетии любовного треугольника (С-1. 270—323).

452. В. Ф. Эрн — А. С. Глинке

<07.01.1909. Москва — Симбирск>

<...> Mister Свенц<ицкий> 12 февраля в Санкт-Петербурге читает лекцию. *Остановится у Аскольдовых!* Что за смиренные люди эти христиане! Не только с охотой отдают рубашки и подставляют щёки, но даже с охотой отдают жён и родных. Вот это любовь!! <...>

¹ Ср.: «Так что вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощён чрезмерною печалью; и потому прошу вас оказать ему *любовь*» (2 Кор. 2, 7—8). Но на это будущие священники Булгаков и Ельчанинов, христианские философы Бердяев, Евг. Трубецкой и Эрн оказались неспособны. Поправ заповедь Спасителя

о прощении (Мф. 18, 21–22; Лк. 17, 4), никто из них не помог заблудившемуся брату в самый тяжкий момент его жизни. Алексеев, Бенеvский, Кристи, еп. Михаил дружбе не изменили.

453. В. Ф. Эрн — Н. Н. Всеввятскому

<17.01.1909. Москва>

По делу об издании брошюры «Что нужно крестьянину» виновным себя не признаю... Тогда я жил со Свенцицким в одной квартире, с Сытиным виделся ежедневно, как редактор *газеты*, которую решил издавать с Сытиным, и ездил с ним в Петербург в Главное управление по делам печати... Свенцицкий не способен был к физической работе, в том числе и передвижению, по болезни. Литературного или редакционного участия я не принимал, потому что Свенцицкий был старше меня, литературно более изощрён, а в духовном отношении он казался мне тогда значительно зрее. С содержанием брошюры я впервые ознакомился после отпечатания. Автором брошюры является реальное лицо Валентин Павлович Свенцицкий, который до середины ноября жил в Москве (Остоженка, д. Белова), а в конце ноября из Москвы уехал. Где он сейчас, когда приедет в Москву обратно — я не знаю, потому что с ноября месяца разошёлся с ним на почве личной жизни и прервал с ним всякие отношения. Неправильность показаний Сытина и правильность моих слов, я уверен, несмотря на разрыв, подтвердит сам Валентин Свенцицкий.

454. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<20.01.1909. Тифлис — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша, как приехал сюда, я все собирался писать тебе; меня очень обрадовала твоя открытка и то, что ты интересуешься моими делами. Сначала отвечу на открытку. У меня оказалось дело и в Тифлисе, и назначено оно на 9-е февраля¹ (если вспомнишь, помяни меня у Преподобного), т. ч. раньше этого числа не приеду. Как только отбуду это дело (оно не тяжёлое и, вероятно, сведётся к штрафу), то поеду в Москву. <...>

Я веду здесь самую безбожную жизнь: много ем, не соблюдаю постов (в Москве я выдержал весь Рожд<ественский> пост), много болтаю и болтаюсь, вижусь с девицами (т. е. вру — с одной Наташей); правда — что в церковь всё же хожу аккуратнo. Меня очень и очень огорчает, что мне не удалось съездить в Зосимову пустынь. Здесь я буду причащаться на второй или третьей неделе (если не уеду), но здесь это очень трудно. <...> Когда я уезжал из Москвы, вышла большая (624 стр.) книга Блока «Половая жизнь нашего времени и её отношение к совр<еменной> культуре»: я её прочёл. Книга написана

плоско и глупо, но поражает богатством материала и, главное, огромной библиографией. Я тебе советую взглянуть на неё (стоит 3 р. 50 к.). У меня она есть, и я привезу её в Москву. За недостатком книг читаю спиритическую и теософическую литературу. Попадают интересные материалы. <...>

Прощай пока. Твой Саша.

¹ Тифлисский окружной суд 9 февраля 1909 г. слушал дело по обвинению редактора журнала «Ходите в свете» (Тифлис. 1906. 5 июня. № 1) по п. 6 ст. VIII закона от 24 ноября 1905 г. Подсудимый Ельчанинов заявил, что «журнала не видел, с содержанием его незнаком, а вся вина лежит на И. Брихничёве», и был подвергнут штрафу в 5 руб. (ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 92. Д. 184. Л. 49, 89).

455. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<18.02.1909. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша, я приехал 17-го в Москву, т. к. 24-го моё дело. Очень хочу видеть тебя и постараюсь приехать *до* суда, о чём дам телеграмму. Тифлисский суд кончился благополучно — 5 р. штрафа. <...>

Пока прощай. Саша.

456. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<19.02.1909. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша, до 24-го я не приеду к тебе, т. к. дело оказалось более сложным, чем я думал. Приеду, вероятно, в день суда (после него) или на след<ующий>, т. к. дело навверное опять будет отложено за неявкой Свенц<ицкого>¹.

Прощай, всего тебе светлого. Саша.

Сегодня я получаю деньги, а завтра пойду за твоими Далями к Вольфу.

¹ МСП 24 февраля 1909 г. на заседании по делу о московской газете «Стойте в свободе!» постановила: «Ввиду неявки подсудимого Свенцицкого, дело слушанием отложить; произвести розыск его полицией и потребовать от него по розыску залог в 500 р., а до предоставления такого заключить под стражу». На заседании 26 мая Ельчанинов и Ивашёва, хотя в унисон перелагали всю вину на Свенцицкого, были признаны виновными и присуждены к денежному взысканию 100 р. каждый, с заменю несостоятельности арестом при тюрьме на 2 недели. Затем началось ежемесячное письменное препирательство Ельчанинова о возвращении ему части залога (45 руб.) — любопытнейший факт для духовной биографии будущего пастыря (ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 92. Д. 183. Л. 2, 4; Д. 184. Л. 97–125).

457. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<21.04.1909. Москва — Сергиевский Посад>

Милый Павлуша, т. к. (за недостатком денег) я раньше как через неделю у тебя не буду, то не будешь ли так добр прислать мне 3 экз<емпляра> твоей брошюры («Общечел<овеческие> корни»)¹ — она нужна мне дозареза. Я очень прошу тебя об этом.

Второе, Наде дали писать о заговорах. Она нигде не может достать Ветухова²; не прислал ли бы эту книгу ей на неделю. За сохранность я ручаюсь. Я не прошу особенно об этом, но девица действительно в <три слова зачеркнуты>. Пока прощай. Саша.

Это зачеркнула Надя³.

¹ Флоренский П. Общечеловеческие корни идеализма // Богословский вестник. 1909. № 2, 3.

² Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги. Варшава, 1907.

³ Судя по этому и следующим письмам, Ельчанинов и Багатурова были в близких отношениях.

458. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<29.05.1909. Москва — Сергиевский Посад>

Дорогой Павел, суд мой кончился благополучно — 100 р. штрафа или 2 недели ареста. Володя уехал 27-го, на меня осталась его мебель, которую надо привезти к Шерам. 2-го провожу Надю <Багатурову> и 2-го же поеду к тебе на два дня.

Всего тебе самого хорошего. Твой Саша.

459. Е. В. Ельчанинова — П. А. Флоренскому

<20.08.1909. Абастумани — Сергиевский Посад>

Дорогой Павел Александрович!

Вы знаете, должно быть, что Брихничёв покушался на самоубийство¹. Вчера получила от него письмо; пишет, что он с семьёй голодает, что ничего не мог до сих пор найти, как ни пытался, не нашёл работы. Семья из 4-х чел<овек> детей; положение ужасное. Будьте так добры, Павел Александрович, соберите для семьи среди Ваших сослуживцев.

Просим выслать скорее, если можно, по телеграфу.

Я у Жени в Абастумане; теперь ничего не могу для него устроить, потому что уже почти никого здесь нет, а ехать в Тифлис тоже не могу, Женю нельзя оставить.

Уважающая Вас Е. Ельчанинова.

¹ После закрытия редактируемых им газет «Царицынская жизнь» и «Город и деревня» Брихничёв бросился в реку с борта парохода, но был спасён. Подр. см. отклик еп. Михаила (Семёнова): Современное слово. 1909. 16 августа. № 601.

460. В. В. ШЕР — В. Ф. ЭРНУ

<11.09.1909>

Дорогой Владимир Францевич! Быть может Вы уже получили письмо от Нади, в котором она описывает последние перипетии своей жизни; по крайней мере она хотела писать Вам. Но как бы то ни было, я Вам изложу подробно всё, что её касается. Предупреждаю, вести будут невесёлые.

Всё время, пока она жила в Ассерне, всё шло прекрасно. То настроение, которое Вы могли в ней констатировать, уезжая из Москвы, её не оставляло всё лето. Медленно, с большим трудом начала складываться её жизнь; Валентиниада отходила всё больше и больше назад и была настолько чем-то прошлым, что она могла спокойно говорить об этом. Появились новые интересы, новые задачи в жизни. С нами её отношения тоже были самые хорошие, и если Таня и писала Вам, что она сомневается, сможет ли она дать Наде то, что ей нужно, то это больше относилось к будущему, чем к настоящему.

Домой она уехала числа 20-го июля и по дороге заехала к Оле в Москву; Надюнчик остался на нашем попечении. Этой встречи с Олей мы не опасались, зная прежде всего, что это только встреча. У них был длинный разговор, который Надя изложила нам в письме. В этом разговоре выяснилось, говоря в двух словах, что Оля — совершенно конченный человек. Несмотря на внешнее спокойствие, она всё ещё тянется к Валентину и говорила, что хочет с ним жить. При этом — и это для меня самое ужасное — вопрос о совместной с ним жизни не стоит для неё сколько-нибудь остро: она говорила, что это для неё не вопрос жизни и смерти, точно так же для него. Он — просто привычный человек, а так как она хочет мужа и детей, то лучше всего жить с ним. Но можно и не с ним — лишь бы создать маленький уголок мещанского благополучия. При всём этом выяснилось, что подчинена она Валентину всецело и всемерно. Всё, что он захочет, для неё закон.

Такое положение выяснилось из Надиного письма к нам. Надя же послала письмо и Оле, в котором просила её больше не видеться с нею.

Затем события сложились так. Надюнчик захворала. Поэтому решено было, что я её раньше отвезу в Москву. Приехал я 27-го, а 29-го приехала Надя. В Баку она ни с кем не объяснилась, и всё осталось по-старому. Как она приехала, я уехал из Москвы в Коренево, потом приехала Таня с ребятами¹, дня три ушло на хлопоты с квартирой, потом мы уехали в Пителино, — словом, нам не было возможности следить за нею, она сама искала себе комнату, сама устраивалась. И вот за это время она сблизилась с Олей: как только Надя приехала в Москву, Оля тотчас явилась к ней. У них произошло объяснение,

Оля заявила, что она окончательно порвала с Валентином; Надя взяла назад своё решение, и они поселились рядом и стали видеться по несколько раз на день. Пошли всякие объяснения и выяснения отношений.

Всё это произошло в течение нескольких дней. Как только мы спохватились и как только я решил энергично во всё это вмешаться, произошло новое осложнение: наш Васятка захворал скарлатиной. Разумеется, теперь мы от всего отрезаны: ни к нам ходить никто не может, ни мы не можем навещать их. И это продлится ещё четыре с половиной недели.

Тем не менее, я всё же устроил третьего дня свидание с Надей на улице. Впечатления мои от разговора с нею самые тяжёлые. Она так мотивировала мне своё сближение с Олей: Оля-де под влиянием Надиного письма переродилась, порвала с Валентином и начинает новую жизнь. Вместе с тем она одинока и одна ничего не может сделать, — больше того: одна она погибнет, кончит самоубийством и т. п. Единственный человек, который может Олю вывести на дорогу, — это она, Надя. К тому же и она чувствует, что так именно нужно, так хорошо, даже и для неё. Заботиться о себе — нечего; всё, что было зимой и летом, — чепуха, это только иллюзия жизни, а не жизнь. Вот вкратце как она описывает своё настроение.

По-моему же, положение дел таково. Во-первых, я не допускаю никаких перерождений в Оле; ей нечего перерождать в себе: от неё видимо осталась одна оболочка. И если уж и будет перерождение, то это очень длительное и мучительное рождение заново. Но вместе с тем оболочка-то очень послушна Валентину. Посему я думаю следующее. Он так или иначе внушил Оле все её действия по отношению к Наде; порвать с Олей, указать на Надю, как на единственного человека, так просто и легко. Надя попалась на удочку и решила заделаться руководителем. Вместо того чтобы с большим трудом камень за камнем строить себе свою жизнь, она сразу смогла получить готовое содержание своего существования: спасти Олю. И по-моему, не любовь к Оле, и даже не сознание долга перед ней, привязывает к ней Надю, а всё растущее чувство, что в этом-то и есть всё содержание её жизни. Поэтому кругом получается пустота, а сама она всё крепче и крепче привязывается к Оле. Прибавьте к этому, что их отношения, конечно, не могут быть простыми и лёгкими: объяснение следует за объяснением и мало-помалу создаётся какой-то клубок.

А дальше я предвижу следующее: в один прекрасный день Оля заявит, что уходит к Валентину, а то он сам заявится к ним... В той атмосфере, которая создастся, во имя спасения Оли, Надя может пойти очень далеко. К тому же Вы ведь его-то знаете. Неужели он упустит такой случай, хотя бы для того, чтобы отыгаться на нас с Вами...

При этом я столь же бессилён, как и Вы.

Наде я всё это говорил, но она меня не слушается. Как я её ни убеждал, она решила оставить всё по-прежнему и даже намерена селиться в одной с Олей комнате. Единственно, быть может, она послушалась бы, если явиться к ней и скомандовать: собирайте вещи, поезжайте туда-то. Но, во-первых,

я не могу теперь к ней ходить, а во-вторых, у меня опускаются руки: когда же конец! Или хотя бы начало конца! Есть ещё средство: пригрозить лишить средств её и Олю. Но ведь это создаст невозможные отношения, и на сцену появится обман, которому пока нет почвы.

Возможен, конечно, лучший исход. Как ни мало шансов, но, быть может, Валентин не появится на сцену. Тогда, наверно, отношения Оли и Нади ликвидируются сами собой через некоторое время. Разумеется, и для той и для другой ничего, кроме плохого, они не дадут, — особенно же для Нади: для них это безусловно шаг назад. Впрочем, ведь Вы это хорошо знаете сами.

Но как бы это всё ни кончилось, результаты уже налицо. Надя, как она говорила мне, становится всем чужой, или, вернее, все для неё становятся чужими. И Таня, с которой она очень сблизилась за лето, и Вера, которая её также всячески убеждала жить отдельно от Оли, и я, и даже Вы. Она говорила мне о Вашем письме: «Ну что же! Значит, Оля ближе Францыча». Так что я уверен, что Ваши письма будут иметь те же результаты, что и мои разговоры. Вот если бы Вы были — тогда, пожалуй, было бы иначе. Но уедете Вы, буду чем-нибудь занят я, и всё пойдёт прахом.

Остаётся, по-видимому, ждать развязки. Боюсь, что она будет самой печальной. Но что же делать. Я лучше не придумаю, как это ни горько. Так-то вот, дорогой Владимир Францевич!

Саша Ельчанинов был — я ему всё это говорил. Но он ничего сделать не может.

Поклон Евг<ении> Дав<ыдовне> и Вам всего лучшего.

¹ Жена и дети автора письма.

461. С. Н. Булгаков — В. Ф. Эрну

<22.11.1909. Олеиз — Москва>

<...> Вчера исполнилась годовщина опубликования нашего письма о Свенцицком. Я вспоминаю об этом с огорчением и с некоторым раскаянием, хотя, вспоминая обстоятельства дела, понимаю тогдашнюю безысходность. <...>

462. В. Ф. Эрн — Е. Д. Эрн

<22.11.1909. Москва — Тифлис>

<...> О Павлуше Рачинский рассказал мне ужасную вещь: будто бы Павлуша начал горько пить и ходить по кабакам с забулдыгами. Я был страшно поражён. Но Вася¹, слыхавший рассказ того же Саши <Ельчанинова>, от которого слышал и Рачинский, говорит нечто совершенно иное. А именно, что Павлуша стал производить опыты и наблюдения над действием разных

наркотических веществ на психику человека — и для этого пробовал «наркотизироваться» опиумом, гашишем и алкоголем. Это совсем другой смысл. Это просто любопытно, а не страшно. И я уверен, что прав Вася, а не Рачинский. Григорий Алексеевич просто, должно быть, перепутал, и я даром переволновался за Павлушу. <...>

¹ *Гиацинтов* Василий Михайлович (1885—1951) — окончил МДА, кандидат богословия (1911), шурин Флоренского.

463. В. Ф. ЭРН — Е. Д. ЭРН

<31.03.1910. Москва — Тифлис>

<...> Меня торжественно оправдали. Не сказали, как Сашеньке <Ельчанинову>¹, что я «заслужил благодарность народов», но всё же сняли позор с моего славного имени и бремя с моих не менее славных почек. Ещё за неделю Сытин и Тесленко² хотели меня «топить». «Мой» <адвокат> испугался и стал было от защиты отказываться. Тогда я просил его передать г-ну Тесленко, что я их совершенно не боюсь, ибо буду говорить последним, ибо на моей стороне факты, ибо на моей стороне документы, ибо я спорщик и диалектик известный. Наконец, один я не пойду, а потяну за собой и Сытина. Волчья душа Тесленки струсила, и он немедленно запросил свидания с С. Н. <Булгаковым>. На свидании был очаровательно вежлив и говорил «наши интересы общие».

<...> Первым свидетелем допросили Булгакова. Он был невероятно хорош. Его искренность заставила всех судей слушать его с глубоким вниманием. Затем всё шло очень гладко. Начал говорить «он». К концу его речи я почувствовал себя «канонизированным». В силу своего адвокатского красноречия «он» выставил меня замечательным творцом совершенно *загробной* философии, столь *загробной* и столь *потусторонней*, что в моих глазах всё земное «испаряется как дым». Я почувствовал себя не только канонизированным, но и заживо похороненным. Очевидно, за эти погребальные услуги я и должен буду заплатить ему 50 рублей! <...> Затем выступил «сам», т. е. Тесленко (сколько тысяч он получит с Сытина?), и, разобрав брошюру Свенцицкого, аттестовал её автора как в высшей степени легального, религиозного и симпатически мечтательного молодого человека. Прокурор был совершенно ошеломлён количеством святости и добродетелей в подсудимых, потерял дар слова и вместо перлов красноречия, вместо грозной обвинительной речи — сказал два слова: обвинение всё же я поддерживаю. Суд удалился на совещание, и через четверть часа <председатель> Разумовский своим приятным голосом прочёл оправдательный приговор. <...>

¹ Суды по делам об издании брошюры Свенцицкого «Что нужно крестьянину?» и Ельчанинова «О самоуправлении» (М.: Т-во И. Д. Сытина, 1906. РОБ. Серия 2. № 2) закончились оправдательными приговорами.

² *Тесленко* Николай Васильевич (1870—1942) — присяжный поверенный, один из основателей партии кадетов, депутат II и III Государственной думы.

464. В. Ф. Эрн — Е. Д. Эрн

<01.04.1910. Москва — Тифлис>

<...> На суде был и Саша <Ельчанинов>. Он был «неотразим» в своём форменном сюртуке. На злые вопросы прокурора он отвечал с столь очаровательной улыбкой, полной христианского милосердия и невинности, что даже прокурор перестал сердиться. Саша уехал вчера. Мы с ним виделись несколько раз, и я счастлив, что раны в наших отношениях окончательно затянулись. Мне даже было положительно приятно видеться с ним. Все плохие чувства исчезли совсем. После суда с Сашенькой мы отправились к «крокодилыше» <Багатуровой>. Она, оказывается, так волновалась, что у ней <...> было что-то вроде холерины. У ней есть прекрасный дар радоваться за других. И если Булгаков волновался бесконечно больше меня, то Надя бесконечно больше меня обрадовалась моему оправданию. С апельсинами в руках я возлёт отдышаться, а Саша с Надей стали нежно ворковать... на тему о том, какие костюмы носили в средние века. По поручению Тани <Шер>, Надя одевает куклу для какой-то благотворительной лотереи. Саша обнаружил величайшие познания. У него отношения с Надей за последние месяцы расстроились, а теперь всё восстановлено. <...>

465. Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — О. А. ФЛОРЕНСКОЙ

<26.08.1910. Слепцово — Тифлис>

<...> Известия о брате Павле очень страшные. Но это его не удалило, а как будто даже приблизило ко мне. М<ожет> б<ыть>, это гордыню его смирит. И ведь всё-таки, значит, невтерпёж ему стало, душно и тесно. «Напиться — жениться» — это вопль отчаяния. Ельчанинов, Эрн, Булгаков так благополучны, благолепны и безнадежны¹. Им не тесно. Пить запоем не станут. <...>

¹ Ср. написанное тогда же Свенцицким о бывших друзьях: «Почему ваше тепло никого не греет? Почему только вам самим становится всё теплей и теплей? Укажите мне не на хорошего человека, нет, а на блудника, лжеца, негодяя, — которого бы вы так любили, что помогли ему встать на ноги? У вас очень славно и чисто в квартирах, и глаза у вас чистые и добрые. Но да будет она проклята, и ваша честность, и ваша доброта. Это тот же гроб и в нём те же мёртвые кости, только гроб „парадный“, который блестит на солнце, и такой просторный, что издали его можно принять за дворец, где живут живые люди, живые души...» (С-III. 53).

466. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<02.04.1911. Тифлис — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша, я думаю, тебя не удивляет и не огорчает моё молчание; кроме всего прочего, я теперь совсем оставил всякую переписку и считаю её вздором, кроме деловой <...> Правда, иногда меня брала тревога, что ты понимаешь моё молчание как выражение моих злых против тебя чувств, но и тогда я не мог приняться за письмо <...> Ничего не читаю и ничего не думаю давно уже; даже сны вижу применительно к своему положению: то, что я не стал во фронт галерам, то, что потерял свою винтовку и т. д. Может быть, такая «элементаризация» моей жизни мне бесполезна. <...>

467. А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому

<08.05.1911. Тифлис — Сергиевский Посад>

Дорогой Павлуша, прежде всего поздравляю тебя с началом новой деятельности: как хорошо всё у тебя выходит: одно к одному; у тебя действительно удивительное чутьё к своей судьбе; кроме готовности идти к ней навстречу. <...>

Насчёт Зверевой и *ars amandi*¹ ты всё врешь и путаешь (прости, пожалуйста). Я не давал никаких поводов к сценам ревности, и даже не знаю, между кем они могут быть — между Ел<еной> Егоровной и детьми? Ты прав только в том, что я не взял на себя перед ними долг на всю жизнь; я, правда, и боялся этого сделать, и не знал, в чём этот долг. Может быть, ты намекаешь на девочек Толстых? Но к ним я всё время был маловнимателен и холоден. Ну да Бог с ними. Даже и то, что ты написал мне о зверятах, было мне очень полезно и важно. Я виноват перед ними, что бросил их на этот год, что вообще ничего не решил относительно моих к ним отношений. И тут — моё проклятое гастролёрство². <...>

¹ Искусство любви (*лат.*).

² Ср.: «Ельчанинов весьма быстро насыщается, утомляется, охладевает и уходит, притом уходит почти грубо, во всяком случае — жестоко. ...Установилось и общее среди всех его друзей и знакомых прозвание его „мотыльком“... по метафизическому непостоянству, которое составляет и очаровательную, и духовно преступную суть его характера. ...Предпочитал младших, которые безответнее отдавались его ухаживаниям... А он, как только это произошло, соскучивался, охладевал и бросал её, если можно — старался просто уехать и исчезнуть из вида» (*Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. М., 2004. С. 283–284.*)

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ БУНТ?¹

По поводу «Записок Религиозно-философского общества» — Д. С. Мережковский снова затрагивает жгучий для религиозного сознания вопрос: Как возродить умирающую Церковь².

Важность этого вопроса должны признать все без исключения: верующие и неверующие, признающие за Церковью лишь ту или иную культурно-историческую роль и религиозно исповедующие Церковь как единую хранительницу универсальной, вселенской правды.

А потому для тех и других чрезвычайно важна правильная и резкая постановка вопроса как первое необходимое условие правильного его решения.

Д. С. Мережковский спрашивает: «Ожидаемое религиозное возрождение есть ли... преобразование или переворот, реформация или революция?»

На первый взгляд вопрос поставлен со всей возможной отчётливостью. Даже не ребром, а остриём.

Но это только так кажется.

Спор между нами и Д. С. Мережковским не может быть выражен формулой «реформация или революция», потому что мы *не* реформаторы, а он *не* революционер. Его «или — или» не выражает собой сущность наших религиозных с ним разногласий. Ответить на вопрос «реформация или революция?» это вовсе не значит ответить на вопрос, кто из нас прав: Д. С. Мережковский или мы.

Он спрашивает: «Преобразование или переворот?» — и, как бы противопоставляя свой ответ предположительному нашему, отвечает: нужен переворот.

Но ведь и я отвечаю то же самое!

Д. С. спрашивает: «Реформация или революция?» — и отвечает: революция.

И я отвечаю: революция.

О чём же спорить?

Очевидно, надо условиться, что называть революцией и что реформацией, иначе можно спорить до бесконечности и всё же никогда ни к чему не прийти. А решение вопроса «революция или реформация?» без строго определённого

выяснения того содержания, которое вкладывается в эти слова, в конце концов не есть решение, а есть замена одного вопроса другим.

Я лично настаиваю на том, что сущность наших разногласий с Д. С. Мережковским должна быть выражена совершенно другой формулой. Не «реформация или революция», а «революция или бунт».

Д. С. совершенно неправильно характеризует наше отношение к Церкви как «реформаторское», а своё как «революционное». Революционеры *мы*, — а он *бунтовщик*. Тут спор не о словах, тут внутренняя неправильность в постановке вопроса, которая так мешает нам понять друг друга и работать совместно, не разделяясь, не дробясь на мелкие кружки и тем не ослабляя и без того слабых религиозных интеллигентных сил.

Прежде чем обсуждать позицию Д. С. Мережковского по отношению к Церкви и доказывать, что его проповедь не есть проповедь религиозной революции, а религиозного бунта, необходимо сделать одну оговорку.

Вопрос о том, кто из нас прав, Д. С. Мережковский или мы, совершенно не может быть решён с точки зрения нерелигиозного сознания. Нерелигиозную точку зрения я вполне понимаю и считаю её совершенно логичной: в Церкви ничего кроме гнусностей нет, значит, всякий порядочный человек должен уйти из Церкви.

Кстати, это совпадение *конечных* утверждений нового религиозного сознания со взглядами безрелигиозной оппозиции может возбуждать в последней большое сочувствие к проповеди Д. С. Мережковского. Но совершенно ясно, что решить вопрос, прав Д. С. Мережковский или нет, можно, только встав условно на его почву. Надо выяснить, имеет ли *он* основания проповедовать разрыв с православием. И проповедь разрыва в его устах является ли проповедью революции или проповедью бунта.

Почему нерелигиозное сознание решает вопрос о выходе из Церкви? По очень простой причине:

В Церкви *только* гнусность. То, что есть хорошего, — это общечеловеческое, специально ей не принадлежащее; значит, в Церкви делать нечего. Тут, собственно, даже вопроса быть не может.

Положение Д. С. Мережковского совершенно иное:

Он признаёт христианство и историческую Церковь как его выразительницу *вторым заветом*. Он лишь видит в ней неполноту по сравнению с Церковью Трёх и грядущей Церковью Св. Духа. Он верует, что в Православной Церкви совершаются подлинные таинства. Самые гнусности Церкви он объясняет той реакционной общественностью, которая органически вытекает из религиозной сущности православия.

В статье «Последний святой» Д. С. Мережковский старается с возможной яркостью показать, что он признаёт святость Церкви и святость её последнего святого Серафима Саровского, но что эта святость — бесстрастная святость неба, святость, так сказать, однобокая³.

Зачем же Д. С. Мережковский уходит из Церкви? Какие у него *религиозные* к тому основания?

Меня поражает, что Д. С. мотивирует необходимость уйти из Церкви теми безобразиями, которые в ней творятся. Для него это не аргумент. Он требует ухода из православия как *религиозного* акта, а не оппозиционного.

Раз он признаёт в Церкви её мистическую сущность, таинства и пр., он должен нам объяснить не свой разрыв с её гнусностями, а свой разрыв с той, другой стороной Церкви, которую он признаёт так же, как и мы.

Гнусность всегда гнусность, и Д. С. Мережковский понимает, конечно, что не гнусность дорога нам в Церкви, а дорого то, что дорого и ему. И Д. С. должен показать, что для получения «новых откровений», о которых он учит, неизбежно, как нечто роковое, бросить это дорогое, и что покуда этого дорогого мы не бросим, новые откровения не придут.

Вот что нужно показать.

При решении вопроса об уходе из Церкви, для людей, стоящих на той плоскости, на которой стоит Д. С., вопрос о гнусностях не при чём.

В вопросе о Церкви может быть два решения: или отрицание её — тогда, разумеется, уйти; или признать — тогда всякое церковное возрождение мыслить как органический рост Церкви.

Вся беда Д. С. Мережковского в его двойственном отношении и к Церкви, и к христианству. Он и признаёт его и не признаёт.

И слова его, что «русская реформация садится между двух стульев, служит нашим и вашим», — относятся гораздо в большей степени к нему самому. Уход из Церкви Д. С. Мережковского не имеет никакого религиозно-философского основания, он делается им или совершенно догматически, или публицистически.

Но и то и другое недостаточно.

Наша позиция иная.

Мы действительно утверждаем, что все жаждущие возрождения христианства и желающие работать на это возрождение должны оставаться в Церкви. Но вовсе не по тем мотивам, которые нам приписывает Д. С. Мережковский, будто мы полагаем, что «вне этой Церкви нет христианства, нет Христа».

Ничего подобного. Например, при всяком удобном случае мы твердим, что Христос присутствует в атеистическом освободительном движении и в атеистической науке и т. д.⁴

И если мы действительно держимся того мнения, что человек, признающий историческую Церковь за Церковь Христову (а такой признаёт её и Д. С.), каким бы искажениям она ни подвергалась, в чаянии новых откровений не может уйти из неё, — то нами руководят чисто религиозные соображения. Если даже прав Мережковский, что новые откровения, которых все мы чаем, должны прийти в данный исторический момент, то всё же никто из смертных не вправе решать вопрос о том, пора или нет «начинать» эту новую Церковь.

Д. С. Мережковский признаёт, что Церковь — живой организм. Он думает только, этот организм изжил свой век для нового рождения новой Церкви.

Мы же думаем, что всё новое, что придёт в мир, есть рост единого организма. Христос, давший новый завет, не уходил из старой Церкви. И хотя христианство было «революцией», оно не *для возможности* своего появления порвало с иудейством, а наоборот, появившись и созрев, порвало с ним.

Итак, мы утверждаем, что надо остаться в Церкви. Но значит ли это, что мы хотим исцелить её «заплатами»? Прав ли Д. С. Мережковский, что, «оставаясь в старой Церкви, можно только чинить гнилые брёвна»?

Нет, мы полагаем, как и Мережковский, что в Церкви произойдут основные потрясения, что новые мистические силы будут влиты в поток исторического течения. Мы не «обновленцы»⁵. Мы ждём переворота. Мы революционеры, потому что не видим возможности «мирного» исхода⁶.

Разница наша не в том, что мы «заботливые инженеры», «реформаторы», а Д. С. Мережковский — проповедник переворота. А в том, что он проповедник бунта.

Он хочет создать «Новую Церковь», «Церковь Троицы», «Церковь Иоаннову», в которую взошла бы вся правда Церкви Христовой, весь второй завет с Сыном и правда нового завета — с Духом Святым, — и как первое условие, как в своём роде свидетельство о благонадёжности, для входа в эту новую церковь требуется свидетельство «о неговении»⁷.

Это уже не революция, это бунт, религиозная пугачёвщина. Революция рождается изнутри, а не сваливается с неба. Она есть одно из звеньев последовательного исторического хода событий. Вот почему истинный революционер рассчитывает соотношение сил, он подымает оружие и разрушает старые формы, когда *внутри* сложилось новое или, по крайней мере, зародились семена этого нового, которые сдавливаются отжившими формами, как тисками⁸.

Бунтовщик знать ничего не хочет! Он рубит сплеча, стихийно выражает свой протест. Он бесплоден потому, что не имеет корней с общей исторической жизнью.

Д. С. Мережковский спрашивает: «Реформация или революция?» Нет: революция или бунт? Коренной переворот из недр православной стихии или пугачёвский набег из вольных степей? Да, ответим мы: революция, а не бунт. Переворот, а не погром!

Мне живо памятливы дни, следовавшие за событиями 9 января.

Мы приехали с В. Ф. Эрном в Петербург с наивным намерением склонить высшее духовенство к написанию обличительного окружного послания⁹. И первым делом пришли к Д. С.

Он весь был полон впечатлений пережитого, как родных встретил нас и, прослушав наше «Обращение», весь заволновался и решил действовать немедленно.

Для начала было решено собраться у одного хорошего его знакомого¹⁰ (где бывают люди близкие церковным сферам) с тем, чтобы ещё раз прочесть «Об-

ращение» и поговорить. Я никогда не забуду этого вечера. В. В. Розанова, который сидел на диване, поджав ножки, и ядовито спрашивал:

— Кто Ваш отец, русский? Православный?

— Нет, католик¹¹.

— А Ваш, молодой человек?

— Протестант¹².

— Это очень важно.

Как «одно лицо близкое Синоду» (не то же ли самое, которое показывало Д. С. золотых рыбок?)¹³, видимо издеваясь над нами, предлагало нам обратиться за содействием к Саблеру! И наконец сам Д. С. Мережковский, вдохновенный, страстный, готовый душу свою отдать за дело, в которое поверил, которое полюбил.

Мы были как братья с ним тогда. В одно верили, к одному стремились, на одно надеялись.

Но между нами была одна разница, всю разъединяющую силу которой тогда мы не чувствовали.

— Они хотят того же, что и мы, — сказал Дмитрий Сергеевич, обернувшись к З. Н. <Гиппиус>. — Только хотят достигнуть, не уходя из Церкви. Ну что же, пусть каждый в этом вопросе поступает, как ему лучше...

Дело религиозного возрождения — большое дело. Всякий уход в отдельную группу грозит кончиться самоутверждением, самым страшным врагом всякой религии. 9 января нас объединяло признание грандиозности исторического события и исторической задачи. Но разве теперь мы стоим перед задачей сколько-нибудь меньшей?

Мы люди одного духа. Отрекитесь от «бунта» и будем служить по мере сил делу грядущей великой религиозной революции¹⁴.

¹ Автограф статьи Свенцицкого находится среди корреспонденции, присланной в 1908 г. в газету «Речь» (РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 2145). Первая публикация: Религиоведение. 2013. № 1. С. 189–194.

² Записки Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества. Вып. 1. СПб., 1908; *Мережковский Д.* Реформация или революция? // Речь. 1908. 10 апреля. № 86.

³ *Мережковский Д.* Последний святой (Серафим Саровский) // Русская мысль. 1907. № 8. С. 74–94; № 9. С. 1–22. Там же изложена концепция «Третьего Завета».

⁴ *С-II.* 37, 80, 84, 246–250, 286, 381. Ср.: «Страшно утверждать, но чувствуем, что они — Христовы» (*Булгаков С.* Из записной книжки // Народ. 1906. 10 апреля. № 7); «Мы знаем, что могут быть люди, не ведающие Христа, но Ему служащие и творящие волю Его» (*Булгаков С.* Карл Маркс как религиозный тип // *МЕ.* 1906. № 22. С. 34).

⁵ Подр. о неприятии Свенцицким полуистины либерального христианства и мирного обновления: *С-II.* 162–165; *С-III.* 20–21.

⁶ Ср. скепсис Философова: «Они предъявили с точки зрения церковной чисто революционные требования и думают, что церковь может на них пойти» (Царь и революция. Париж, 1907. С. 18).

⁷ Чиновники, военнoслужашие, учащиеся в Российской Империи должны были ежегодно предоставлять свидетельство о говении.

⁸ Сходный образ и у оппонента: «...в терзаемой плоти матерней, в кровях матерних рождается младенец; сила отделения, отталкивания необходима ему, чтобы родиться». Но вывод прямо противоположный: «Рождение подобно убийству», т. е. для жизни «новой церкви» нужно убить старую (*Мережковский Д.* Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 314).

⁹ *Окружное послание* (энциклика) — обращение архипастырей к народу в особенно важных обстоятельствах, требующих внимание всей Церкви.

¹⁰ П. П. Перцов.

¹¹ *Свенцицкий* Болеслав Давид Карлович (1832—1896) — потомственный дворянин, присяжный поверенный. За разрешением на развод с первой женой (сбежала, бросив пятерых детей) обращался к папе римскому. «В праздники дома принимали и православного священника, и ксёндза» (*Свенцицкая М.* Отец Валентин // Надежда. 1984. Вып. 10. С. 186).

¹² *Эри* Франц Карлович (?—1913) — управляющий Тифлиским аптечным складом, лютеранин, судя по письмам к сыну, глубоко верующий.

¹³ В. А. Тернавцев. Ср.: «„С еретиками церемониться нечего!“ — воскликнул при мне однажды мой давнишний приятель, служащий в синоде, человек пламенно верующий, добрый и умный. „Что значит: не церемониться? На кострах жечь, что ли?“ — „А хотя бы и на кострах“. — „И меня сожгли бы?“ — „И вас, если бы вы оказались врагом церкви“, — улыбнулся он ясной улыбкой и повел меня смотреть золотых рыбок, купленных для аквариума, которым забавлялся, как дитя. ...Эти золотые рыбки превратились для меня в золотые угли костра» (*Мережковский Д.* Собр. соч. Грядущий Хам. М., 2004. С. 311—312).

¹⁴ Революция в Православной Российской Церкви, в точном понимании термина (коренное качественное изменение её жизни, смена формы правления и скачок в развитии), совершилась на Поместном Соборе в 1917 г. Ср. переворот 2000 г. («тихая церковная революция»), когда Архиерейский собор принял новую редакцию Устава РПЦ, лишаящую Поместный Собор канонических полномочий и изменяющую соборные постановления 1917 и 1988 гг. о высшей власти в Церкви.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

С. В. ЧЕРТКОВ — РЕКТОРУ ПСТГУ ПРОТ. ВЛАДИМИРУ ВОРОБЬЁВУ

<24.06.2013. Москва>

Рецензия на квалификационную работу <студента> А. А. Латалина «Основные идеи в трудах В. П. Свенцицкого в период участия в Христианском братстве борьбы», выданная зав<едующим> кафедрой теологии ф<акультета> д<ополнительного> о<бразования> ПСТГУ П. Ю. Малковым, удивляет низким научным уровнем и явными противоречиями с православным мировоззрением.

В рецензии никак не опровергается главный тезис работы: ход церковной и политической истории России подтверждает правоту Свенцицкого. Рецензент лишь констатирует, что автор обосновывает сходства идей ХББ с «Основами социальной концепции Русской Православной Церкви» (далее — ОСК), соглашаясь, что их «довольно много» (перечисление занимает 20% рецензии), но ни разу не приводит доказательств «искусственности» построений. «Ошибочное» якобы убеждение автора остаётся без всякой критики.

В отличие от мнения рецензента ХББ не призывало к «уничтожению *царизма*», а, основываясь на Библии, обличало религиозную неправду *самодержавия*. Более того, Свенцицкий в сочинениях вообще не употреблял слово «царизм», хотя в рецензии об этом говорится шесть (!) раз. И лишь однажды в качестве подтверждения приводится цитата о «притеснениях, творимых царскими слугами», т. е. противостояние злу бюрократии квалифицируется как «подрыв основ Российской государственности».

Примерами «антигосударственнически-революционных, центробежно-антироссийских, подрывнических позиций» программы ХББ для рецензента служат: созыв Учредительного собрания, установление демократической республики и право наций на самоопределение. Причём идеалы Братства в отношении грядущего устройства общества оценивает как «крайне утопические». Но в первых же строках нашей конституции записано: Российская Федерация есть *демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления*, основанное в т. ч. на принципе *самоопределения народов*. Мы живём в стране, где эти чаяния Свенцицкого давно воплотились в жизнь, и государство отнюдь не перестало существовать.

Рецензент называет «анархистской» убеждённость Свенцицкого в том, что «никакое христианское государство немислимо». Но точно так же считали А. Хомяков, Ф. Достоевский, В. Соловьёв, К. Аксаков, А. Карташёв, которых едва ли кто осмелится назвать анархистами. В ОСК (III.3, 5) ясно показано, почему эта мысль является верной. Рецензент не понимает, что христианина «не нужно называть двусмысленно анархистом. Он христианин — и только. И не анархизма хочет христианин, а грядущего града взыскует, Иерусалима Небесного на земле» (сщмч. Иларион Троицкий).

Приписывая ХББ «задачу устроения Царства Божия на земле» и «хилиастические убеждения», рецензент прямо противоречит установкам Братства: «Всеобщего благополучия, по вере христианской, на этой земле никогда не будет... В последние дни мировой истории будет такая скорбь, какой ещё не видал мир». Но — «христианство идёт по пути преобразования слепых и мёртвых законов природы в благодатный строй Царствия Божия», и «всякий христианин как член Церкви обязан осуществлять на земле правду Божию», и всё человечество «должно бороться со своею похотью и побеждать свою плоть». Эти принципы находят точное подтверждение в ОСК: «Богочеловеческая природа Церкви делает возможным благодатное преобразование и очищение мира... Христианин должен видеть мир и общество в эсхатологическом свете Царства Божия... Мир — это задача человечества. Библия даёт надежду на осуществление мира с помощью Божией уже в пределах нынешнего земного существования... Мир есть плод правды... движения человеческого сердца, покаянно устремлённого к правде Божией» (I.2–3; VIII.5). Об этом же говорил протопресвитер Виталий Боровой: «Вы призваны быть проповедниками, строителями Царствия Божия, нового мира, нового неба и новой земли, где живёт правда».

Рецензента возмущает призыв ХББ к «устроению русской церковной жизни на канонических основаниях» — созыву Собора и восстановлению патриаршества. Приверженец синодального правления объявляет это «подрывом церковного устроения» и «крайностью канонических взглядов». Но тогда в этом же повинны Поместный Собор 1917–1918 гг., совершивший «церковную революцию», за которую ратовал Свенцицкий, и ОСК, где чётко говорится о синодальной эпохе: «несомненное искажение симфонической нормы в течение двух столетий церковной истории» (III.4).

Недовольство рецензента вызывают и слова Свенцицкого об «освобождении Русской Церкви от векового гнёта» государственной власти. Но так считали многие иерархи, например, архиеп. Арсений (Стадницкий): «Двести лет Православная Церковь пребывала в рабстве... Революция дала нам свободу от цезарепапизма», еп. Иннокентий (Фигуровский), еп. Михаил (Космодемьянский), еп. Андрей (Ухтомский), архиеп. Агафангел (Преображенский), еп. Пантелеимон (Рожновский), сщмч. Иларион (Троицкий) и православные мыслители С. Булгаков, Е. Трубецкой: «Церковь издавна находилась в плену у самодержавия... Мы привыкли к этому рабству».

Рецензента задевает констатация Свенцицким церковных нестроений, в частности, пассаж о «замыкании религии в высоких церковных стенах,

отгородивших её от жизни». Значит, он оспаривает и требование патриарха Кирилла <Гундяева>: «Христианин не должен выстраивать частокорольство вокруг себя и отгораживаться от мира, которому Церковь призвана благовестить спасение» (Архиерейский Собор РПЦ, 24 июня 2008).

Встречаются в рецензии и явные подтасовки: использовать лучшие положения в трудах участников ХББ для развития церковно-общественной мысли призывал не автор диплома, а знаток церковной истории о. Виталий Боровой, на что указано дважды и со ссылками. И «панегирические восхваления» принадлежат не студенту, а крупнейшим специалистам в этой области, он их лишь изложил: участники ХББ «заняли чёткую позицию защиты православия от попыток модернизации её догматических и мистических оснований; никаких „неохристианских“ откровений не принимали», их цель — «христианизация общества, реформирование церковной жизни, освобождение её от государственной опеки» (А. Ермичёв), «преобразование государственного строя России на началах христианской общественности» (А. Носов), «сформулировать программу социально-христианской политики» (Ю. Шеррер), «вывести социально-экономическую доктрину, исходя из догматики православия» (В. Кейдан).

Но если и учёные с мировым именем — «неприемлемые авторитеты», на которые «недопустимо ссылаться православным людям», отчего же не прислушаться к сщмч. Владимиру (Богоявленскому), который *дословно* «пришёл к тем же выводам, что и Булгаков, Эрн, Свенцицкий» (Церковно-общественная жизнь. 1907. № 20): «Церковь не должна нападать на то, что есть в социал-демократическом движении справедливого и основательного... Стремление рабочего и вообще низшего сословия к улучшению своего тяжёлого быта нельзя считать дерзостью и беззаконием, но его необходимо только вставить в надлежащие рамки» (цитата есть в дипломе).

«Темами первостепенной важности в идеологии ХББ» рецензент считает: 1) «призывы к революционному неповиновению власти и смене политического „режима“ в стране, 2) обновленческие тенденции, 3) антимонархизм, 4) „неопятидесятнические“ чаяния». Но его ярлыки и голословные упреки идут вразрез с суждениями, авторитетными для любого церковного человека.

1. В ОСК закреплены права: христианина — «не исполнять повеления власти», Церкви — «отказать государству в повиновении», священноначалия — призвать своих чад «к мирному гражданскому неповиновению» и применению «механизмов народовластия для изменения законодательства» (III.5).

2. «Созвание Собора сделалось решительной необходимостью... На Соборе должны быть депутаты: от монастырского монашества русского, по избранию этого монашества; от белого духовенства русского, по избранию этого духовенства; от православных мирян, по избранию мирян... Восстановить древнейший обычай Церкви: епархия да избирает для себя архиерея, а приход — иерея, диакона и причетника, свидетельствуя о их благочестии... Синоду дать правильную организацию и уничтожить в духовенстве рабство... Для достижения сего необходимо уничтожение касты и приготовление в при-

ходские священники избранных лиц приходом, а во епископы — епархией, по древнему обычаю Церкви и по преданию Апостольскому» (*Игнатий Брянчанинов*, свт. Полное собр. творений. М., 2002. Т. 3). Все эти «абсолютно революционные» требования вызвали неприятие рецензента в программе ХББ.

Без всяких примеров и доказательств он заявляет, что «многие высказывания Свенцицкого напоминают идеалы позднейшего обновленчества»; тем паче обвинение абсурдно по несоответствию действительности указанных последствий — «союзу с советской властью и открытой войне против Церкви во главе со святителем Тихоном», в чём о. Валентина никак нельзя упрекнуть. Рецензент даже не подозревает, что Свенцицкий критиковал обновленчество уже в период ХББ и патриарх в послании к пастве 1923 г. привёл обширную цитату из его статьи 1906 г.

3. «При монархии власть для своей реализации использует... принуждение. Переход от судейства к монархии свидетельствовал об ослаблении веры, отчего и возникла потребность заменить Царя Незримого царём видимым... Архиерейский Собор 1994 г. подчеркнул правильность позиции о непридпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя и существующей политической доктрины» (III.7).

В противовес голосу Церкви рецензент безоговорочно заявляет: «монархия всегда являлась в наибольшей степени принимаемой Церковью форм<ой> политического правления!» При этом искажает цитаты и ставит боготворимое им слово «Император» с прописной буквы, как именование Господа, Богородицы и Церкви, что прекрасно иллюстрирует обличаемое Свенцицким языческое отношение к власти.

4. «Пятидесятническим» рецензент называет следующее чаяние ХББ: «Подлинное общение в молитвах должно повести к тому, что в церковных общинах ощутительно проявятся дары Духа Святого, дар чудес, дар пророчеств и живые новые откровения». Но мы знаем: чего ни попросим в *молитве с верою* — получим, и *ничего не будет невозможного* для нас (Мф. 21, 22; 17, 20). И апостол наставлял: «ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы *пророчествовать*» (1 Кор. 14, 1), молился, чтобы Господь дал братьям «Духа премудрости и *откровения*» (Еф. 1, 17), «ибо тварь с надеждою ожидает *откровения* сынов Божиих» (Рим. 8, 19). И ОСК свидетельствует, что дары Духа Святого зависят от человеческих усилий, являясь благодатными плодами покаяния (VIII.5). Но для рецензента это «нездоровые духовные чаяния»...

Ввиду незнакомства с последующими трудами Свенцицкого рецензент не имеет понятия, что *всё* вышеперечисленное он исповедовал и в 1910-х гг., и будучи священником, и ни о каком мнимом «преодолении заблуждений» не может быть речи.

Таким образом, рецензия не содержит научного анализа работы, а декларирует идеологию, духовно чуждую Русской Православной Церкви. В частности, рецензент:

а) выступает против основных положений конституции РФ и ныне существующего государственного строя;

- б) отождествляет бюрократию и российскую государственность;
- в) выявляет слабое знакомство с предметом, заведомо искажает факты и цитаты;
- г) отрицает суждения святых отцов, иерархов и специалистов по данной теме;
- д) противоречит Священному Писанию и официальным документам РПЦ;
- е) отвергает её канонические основы, предпочитая подчинение светской власти.

Учитывая влияние на студентов и престиж ПСТГУ в случае обнаружения таких взглядов, необходимо дать оценку высказываниям рецензента и их соответствия с позицией руководства православного вуза¹.

¹ Диплом удалось защитить только после кардинальной переделки в соответствии со взглядами П. Ю. Малкова и изъятия любой «апологии» ХББ, вплоть до упоминания в заглавии. Заметим, что одиозные работы И. В. Воронцовой и упомянутые в предисловии низкопробные публикации писем даже без знакомства с подлинниками также были изданы Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом.

ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ

Архив семьи Флоренских — 1, 22, 24, 29, 37–38, 43, 48, 63, 67–68, 70–71, 77, 80, 84, 86, 89, 91–92, 95–96, 98, 101, 103–104, 109, 116, 119, 129–130, 132, 143, 146–148, 150, 155–158, 164, 168, 170, 176, 186, 190, 195, 213–215, 220, 222–223, 227, 233, 237, 239–240, 245, 247, 249, 252–253, 256–257, 262, 266, 268, 272–273, 277, 280, 291, 295, 300, 304, 308, 315, 318, 322, 327–328, 332, 338–341, 351, 358, 360–364, 368, 373, 376, 380, 384, 389, 392, 396, 399–401, 403, 407, 413, 415–416, 419, 422, 424, 427, 429, 434–436, 438–439, 441–443, 449, 454–459.

Архив семьи Эрнов — 8, 40, 45–46, 64, 115, 121–122, 198, 205, 210, 235–236, 238, 242–243, 250, 303, 309, 312–314, 317, 321, 323–324, 329, 337, 345, 349, 355, 359, 369, 371, 463–464.

НИОР РГБ. Ф. 25. К. 22. Ед. хр. 22 — 446.

НИОР РГБ. Ф. 109. К. 35. Ед. хр. 45 — 381.

НИОР РГБ. Ф. 109. К. 40. Ед. хр. 1. Л. 4, 7–8 об. — 106, 447.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–3 — 166, 189.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 4, 1, 5, 11–14 — 372, 388, 390, 393, 394.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 25 — 335.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 1. Ед. хр. 25. Л. 9–13 — 255, 299.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 1 — 287.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 10. Л. 1–8 — 325, 379, 387.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 23. Л. 1 — 41.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 30 — 450.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 43. Л. 2–3 об. — 445.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 2. Ед. хр. 47, 48 — 297, 293.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 3. Ед. хр. 8, 9 — 333, 334, 378.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 3. Ед. хр. 75 — 81, 229.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 1–2 об. — 460.

НИОР РГБ. Ф. 348. К. 4. Ед. хр. 4 — 152.

НИОР РГБ. Ф. 746. К. 38. Ед. хр. 56. Л. 2, 4 — 302, 316.

НИОР РГБ. Ф. 249. Он. М3876. Ед. хр. 64 — 406.

ЦГАМ. Ф. 46. Он. 3. Ед. хр. 77. Л. 1–4 — 168, 169.

- ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 71. Д. 2451. Л. 30 — 366.
 ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 71. Д. 2452. Л. 26 — 414.
 ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 73. Д. 142. Л. 30–34 — 367.
 ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 74. Д. 817. Л. 17 — 453.
 ЦГАМ. Ф. 131. Оп. 92. Д. 182. Л. 44–45, 46–47, 63–64, 105–106, XVI, 25 — 278, 279, 296, 374, 408, 412, 420.
 ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 999. Л. 34–35 об., 10 — 83, 426.
 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 27 об. — 108.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 45–47 об. — 284.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 1, 6, 2–3 — 231, 244, 246.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 8 — 232.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 8–12 — 377.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 1–2, 10–11, 12–14 — 294, 350, 354.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 280. Л. 1–21 — 180, 212, 224, 342, 344, 352–353, 356–357, 405.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 281. Л. 1 — 226.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 299 — 194.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 314. Л. 5, 6, 10, 14, 16, 24–26, 28, 31, 43, 449 — 196, 204, 288, 310, 326, 382, 395, 411, 451–452.
 РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 1–5 — 216–217.
 РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 450 — 385.
 РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 4 об., 8–9, 20, 25, 11 — 207, 270, 276, 311.
 РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 27, 37 — 391.
 РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2092 — 151.
 РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2136. Л. 53 — 185.
 РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 315. Л. 2 — 259.
 РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 849. Л. 1 — 347.
 РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 1473. Л. 2–3 — 404.
 РГИА. Ф. 776. Оп. 16, ч. 1. Д. 1767. Л. 2–3, 7–7 об. — 409, 417.
 РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–1 об. — 348.
 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 30, т. 4 (3). Л. 238 — 154.
 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 30, т. 4 (1) — 113.
 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 812. Л. 10–15. Опубликовано: Освобождение. 1905. № 73. 6 июля. С. 388–390; С-II. 21–35 — 124.
 ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 812. Л. 1 — 135.
 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 340. Л. 88 — 444.
 ГМТ. Ф. 4. Оп. 2, № 515, 361 — 139, 241.
 Флоренский П. В. Обретая Путь. Павел Флоренский в университетские годы. В 2 т. М., 2011–2015 — 2–7, 9–21, 55, 57–58, 60.
 Новый журнал. 2001. № 223. С. 55–88; 2002. № 229. С. 107–129; 2005. № 241. С. 153–189; 2006. № 242. С. 121–146; № 243. С. 124–146; № 244. С. 97–127; 2007. № 246. С. 180–181; № 249. С. 128; 2008. № 252. С. 149–153; 2009. № 256 — 23, 25–28, 30–36, 39, 42, 44, 47, 49–53, 59, 61–62, 65, 69, 72, 79, 85, 88, 90, 93, 105, 107, 117, 123, 141, 145, 161–162, 175, 182, 187–188, 206, 221, 264–265, 306, 421, 465–467.

ВГ — 102, 136, 142, 159, 163, 165, 167, 171, 173, 178, 191, 199, 225, 228, 230, 234, 248, 251, 269, 271, 274, 281, 290, 292, 301, 305, 319–320, 336, 343, 346, 370, 375, 383, 397, 410, 418, 423, 425, 428, 430–433, 448, 461–462.

Контекст-1991. М., 1991. С. 23–54 — 54, 56, 66, 73–76, 78, 82, 97, 99–100, 126, 131, 138, 144, 184.

Балакишина Ю. Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников, 1903–1907): Документальная история и культурный контекст. М., 2014 — 87, 94, 112, 118, 120, 125, 128, 133, 137, 149, 153, 160, 172, 174, 181, 183, 193, 254, 260, 267, 275, 282–283, 285.

Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001. С. 199, 208 — 110, 111.

Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1981. С. 392 — 114.

Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка. М., 2004. С. 580 — 127.

Вопросы философии. 1999. № 6. С. 89; 1992. № 10 — 134, 200.

Колеров М. Не мир, но меч. СПб., 1996. С. 166–167, 189, 206, 191, 221 — 140, 203, 208, 218–219.

Вопросы религии. Вып. 2. М., 1908. С. 11–13 (С-II. 254–255) — 177.

Вильнюс. 1990. № 94. С. 158–160 — 179.

Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2. М., 1992. С. 131 — 192.

Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С. 16–22 — 197, 201–202, 298, 398.

Народ. 1906. 2 апреля. № 1 (под заглавием «Гласное обращение к членам Комиссии по вопросу о церковном Соборе»); 8 апреля. № 5 (С-II. 312–314, 413–418) — 209, 211.

Русское слово. 1906. 17 октября. № 254 — 258.

Век. 1906. № 7. С. 85; 1907. № 2. С. 20–21; № 17, С. 237–239 № 20. 293–294 (С-II. 69–72, 408–412) — 261, 263, 330–331.

Свенцицкий В. Письма ко всем (Памфлет). М., 1907 (С-II. 361–368, 401–407) — 286, 289.

Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 101–111 — 307.

Христианин. 1907. № 10. С. 385–389 — 365.

Гусев Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 70 — 386.

В. В. Розанов: Pro et contra. Кн. 1. СПб., 1995; Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909-й // Литературоведческий журнал. 2012. № 31. С. 249 — 402.

Наше наследие. 2006. № 79/80 — 437, 440.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Организации

АН	— Академия наук.
БРЦО	— Братство ревнителей церковного обновления.
ВБУ	— Вольный богословский университет.
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации.
ГМТ	— Государственный музей Л. Н. Толстого.
ГУДП	— Главное управление по делам печати.
ИМУ	— Императорский московский университет.
ИФСО	— Историко-филологическое студенческое общество.
КДА	— Киевская духовная академия.
МДА	— Московская духовная академия.
МКДП	— Московский комитет по делам печати.
МОС	— Московский окружной суд.
МРФО	— Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьёва.
МСП	— Московская судебная палата.
НИОР РГБ	— Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ПРФО	— Петербургское религиозно-философское общество.
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства.
РГИА	— Российский государственный исторический архив.
СПДА	— Санкт-Петербургская духовная академия.
СПУ	— Императорский санкт-петербургский университет.
ХББ	— Христианское братство борьбы.
ЦГАМ	— Центральный государственный архив города Москвы.

Печатные источники

<i>ВГ</i>	— Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. Указывается номер письма по этому изданию.
-----------	---

- ВРХД* — «Вестник русского христианского движения» (журнал).
- МЕ* — «Московский еженедельник» (журнал).
- РОБ* — Религиозно-общественная библиотека.
- РФОП* — Ермичёв А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб., 2007.
- С-I* — Свенцицкий В., прот. Собрание сочинений. Второе распятие Христа. Антихрист. Пьесы и рассказы (1901–1917) / Сост., послесл., коммент. С. В. Черткова. М., 2008.
- С-II* — Свенцицкий В., прот. Собрание сочинений. Т. 2. Письма ко всем: Обращения к народу 1905–1908 / Сост., послесл., коммент. С. В. Черткова. М., 2011.
- С-III* — Свенцицкий В., прот. Собрание сочинений. Т. 3. Религия свободного человека (1909–1913) / Сост., коммент. С. В. Черткова. М., 2014.
- С-IV* — Свенцицкий В., прот. Собрание сочинений. Т. 4. Церковь, народ и революция (1910–1917) / Сост., коммент. С. В. Черткова. М., 2015.
- Ф-I* — Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4 т. Т. 1 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (Трубачёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубачёвой. М., 1994.
- Ф-Вк* — Вопль крови: Слово в неделю Крестопоклонную // Новый журнал. 2006. № 243. С. 133–139.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абрамович 82
Агафангел (Преображенский) 451
Агафон 429–430
Агаша 225, 318
Адрианович 55
Айвазов И. Г. 10–11, 34
Акимов В. В. 311
Аксаков И. С. 8, 10, 23, 346
Аксаков К. С. 8, 451
Аксаков Н. П. 233, 289, 346
Алабина Т. А. 108–109, 115, 194
Александр III 129
Алексеев (Аскольдов) С. А. 7, 152, 171–172, 182, 279, 289, 296, 337, 340, 352–353, 378–379, 381, 391, 393–398, 406, 412, 414, 418, 434–435
Алексей Михайлович 58
Алфёрова А. Д. 230
Амфитеатров А. В. 349–350
Анастасий (Грибановский) 384
Анатолий (Потапов) 148, 428
Андреев В. М. 23, 35
Андреев И. Д. 309–310, 368–369
Андреев Л. Н. 78, 282–284, 308, 353, 383
Андрей (Ухтомский) 451
Андроник (Трубачёв) 34, 459
Андросова С. В. 83, 120
Анзимиров В. А. 8
Аничков Е. 350
Анненский 48–49
Анненский И. Ф. 385
Антик В. М. 409
Антоний (Вадковский) 68–69, 145–146, 210, 212, 233, 256, 383
Антоний (Флоренсов) 92, 105, 142, 426, 428
Антоний (Храповицкий) 11, 150–151, 223, 233, 423
Антонин (Грановский) 68–69

¹ Кроме упоминающихся почти сплошь: К. М. Аггеева, С. Н. Булгакова, А. С. Глинки (Волжского), А. В. Ельчанинова, В. П. Свенцицкого, П. А. Флоренского, В. Ф. Эрна.

Антонов К. М. 31, 36
Антощенко А. В. 55
Арсений (Стадницкий) 233, 451
Арсеньев Н. С. 316
Архиппов Е. Я. 231–232, 286, 290, 325
Астров П. И. 144, 148–149, 196
Афанасьев К. И. 251–252

Баадер Ф. К. 67
Багатурова М. С. 433–434
Багатурова Н. С. 132, 317–320, 325, 348–349, 414, 426–428, 433–434, 437–440, 442
Базанов В. Г. 235
Балакшина Ю. В. 34, 457
Балашова Н. А. 35
Бальмонт К. Д. 60, 86, 121
Баранов А. П. 131–132
Баранова А. М. 231
Баратынская А. М. 131
Бардина С. И. 369
Белавина 49
Белова Т. П. 30
Беловеждов П. 365
Белый А. 65, 85–89, 96–97, 99, 102–107, 110–111, 117, 120–122, 132–138, 143–144, 148, 151, 155, 168–176, 180, 182, 213–214, 246, 249, 262, 315, 333–334, 421–424, 432, 457
Бельгард А. В. 215, 275, 335, 357–358, 403, 412
Белявский Ф. Н. 311
Беневский И. А. 7, 176, 260, 334, 392, 433
Бердяев Н. А. 18–19, 25, 35, 117, 152, 165, 168, 178, 188, 223, 243–244, 262, 267–268, 279, 284–287, 290, 292–293, 302, 308, 310, 315, 317, 321, 326, 330, 332, 348–350, 352, 355, 358, 377, 415, 432, 434
Бисмарк О. 19, 129
Бланк И. С. (Ветров) 235–238
Блок А. А. 26, 35, 88, 109, 143–144, 385, 435, 457
Боголюбов Д. И. 302, 343
Боголюбский Н. И. 204, 331, 347
Боголюбский С. Н. 225–226
Богрова 119
Бонсков Д. 365
Боровой В. М. 30, 451–452
Бриллиантов А. И. 68–69
Брихничёв И. П. 234–235, 257–258, 272, 313, 335–336, 340, 353, 357, 367, 433, 436–438
Брихничёва В. М. 235, 258–259
Брюсов В. Я. 68, 86, 122–123, 132–135, 194, 227–228
Булгаков А. Н. 197, 200
Булгакова Е. И. 251
Бухарев А. М. 253–254

Ванновский П. С. 54–55
Варламов А. Е. 418
Варфоломей (Городцов) 234

- Василий Великий 22, 167
Васильев И. М. 380
Векилов Г. Д. 7, 15–17, 33, 35, 221, 263
Веласкес Д. Р. 216
Вениамин (Новик) 30, 36
Венкстерн А. А. 251
Верди Дж. 80, 433
Вересаев В. В. 391
Ветухов А. В. 437
Виндельбанд В. 149–150
Виноградов П. Г. 54
Винокуров В. И. 239–240, 321
Виппер Р. Ю. 330
Вишняк М. В. 55, 96, 100, 109–110, 147, 230, 308
Владимир (Богоявленский) 188, 192, 213
Воинов 48
Вольф М. О. 425, 436
Воробъев В. Н. 450
Воронцов Е. А. 130–131
Воронцова И. В. 13, 29, 381, 454
Всесвятский Н. Н. 251, 408, 433
- Гайгаров И. П. 378
Гайдн И. 70
Галанин Д. Д. (мл.) 88, 131–133, 187, 230, 239–241, 247, 250, 252, 254, 256, 258, 262–264, 274, 317–319, 330, 349, 374
Галанин Д. Д. (ст.) 154, 206, 277, 283–285, 382
Галанина Н. Д. 414, 427, 433–434
Гаманн И. Г. 62
Гамсун К. 125
Гантунг 206
Гапон Г. А. 28, 293
Гарнак А. 284
Гартунг 285
Гаршин В. М. 430
Гаттон II 270–271
Гегель Г. В. Ф. 60
Генуа А. И. 222, 302
Герцен А. И. 20
Герцык 263
Гершензон М. О. 222, 316, 327
Герье В. И. 54–55, 320
Гёте И. В. 370
Гиацингов В. М. 440–441
Гиляров-Платонов Н. П. 25
Гиппиус З. Н. 23, 30, 60, 62–63, 89, 90, 93, 96, 142–143, 168, 175, 188, 244, 265, 268, 293, 315, 332, 339, 383–385, 399, 402, 421–423, 432, 448
Гиппиус Т. Н. 316
Глаголев М. Ф. 336, 357
Глаголев С. С. 216–218, 260, 410

Гладстон У. Ю. 129
Глазунов М. М. 252
Глинка Е. М. 296
Говоров Г. Ф. 362
Гоголь Н. В. 11, 98
Голлербах Е. А. 27, 35
Головушкин Д. А. 27, 35
Горький М. 78
Гофман Й. К. 61
Греков В. И. 373
Григорий Богослов 22, 358
Грифцов Б. А. 230, 285, 302, 316
Громогласов И. М. 182–183
Гумилёв Н. С. 385
Гусев Н. Н. 391, 457
Гюйон Ж. М. 62

Даль В. И. 425
Дегтярёв К. К. 311
Делекторский С. Н. 136
Дзерожинский 262
Диоген Лаэртский 44
Добкин А. И. 316
Добротворский И. М. 418
Донде Т. 53
Донов 48–49
Достоевский Ф. М. 8, 12–13, 53, 67, 79, 115–116, 190, 253, 271, 286, 289, 316, 327, 357, 384–385, 413, 415, 429, 451
Драчевский Д. В. 359
Дубасов В. Ф. 220, 231
Дурново П. Н. 223
Дю-Туа М. 62
Дягилев С. П. 294

Еватл 44
Евдоким (Мещерский) 93–94, 96, 150, 183, 309, 323, 328, 399–400
Евлогий (Георгиевский) 355–356, 381
Егоров И. Ф. 210–211, 289, 311, 337–338, 349, 352, 357, 386–387, 393
Езерский Н. Ф. 8, 14–15, 34, 382, 427
Езерский Ф. В. 381, 395, 403, 406
Екатерина (Ефимовская) 129–130, 167, 201, 369
Елена Егоровна 443
Елисавета Алапаевская 167
Елов М. С. 260, 263
Ельчанинов Б. В. 394
Ельчанинов Н. В. 363
Ельчанинова Е. В. 77, 93, 100, 120, 437
Ермичёв А. А. 30, 31, 36, 452, 459
Ермишин О. Т. 24
Ефимов Д. П. 225, 230, 240, 243, 251, 254, 262, 265, 267, 274–275, 280, 284–286, 289, 314, 326,

360–361, 377–378, 386–387, 406

Жан-Поль (Рихтер И. П. Ф.) 74

Жукова О. А. 32, 36

Завитневич В. З. 147

Закржевский А. К. 385

Замятина М. М. 431

Зарудный А. С. 277, 282, 358–359

Здзеховский М. Э. 209, 288, 322

Зелинский Ф. Ф. 363–364

Зеньковский В. В. 13, 179, 223, 285, 293, 308, 321

Зиновьева-Аннибал Л. Д. 121–124, 135, 140–141

Зом Р. 205–206, 219–220, 250, 256, 270, 273, 309

Ибсен Г. 20, 211–212, 214, 329

Иван IV 141, 157

Иванов В. И. 23, 121–124, 135, 139–141, 169, 204, 316, 406, 427, 431

Иванова Е. В. 26, 35, 147

Иванова Л. 154

Ивашёва П. А. 7, 225–226, 242, 245, 250–251, 255, 258, 262, 267, 311–314, 317–320, 337, 380, 407, 420, 436

Игнатий Брянчанинов 166–167, 234, 430, 453

Иероним Стридонский 358

Иларион (Троицкий) 10–11, 15, 451

Илиодор (Труфанов С. М.) 383

Ильин И. А. 224

Ильинский В. П. 221

Ильюнина Л. А. 107

Иннокентий (Фигуровский) 451

Иоанн (Восторгов) 25

Иоанн (Селецкий) 384

Иоанн Златоуст 22, 167, 358

Иоанн Кронштадтский 130, 167, 342, 361

Иосиф Волоцкий 93

Исаак Сирин 76

Исаакий Печерский 369

Исидор 128–129

Исупов К. Г. 32, 36

Иустин Философ 167

Каблуков С. П. 39–40, 457

Кальвин Ж. 123

Калюжный 55

Камышанский П. К. 215, 275, 357

Кант И. 42, 56, 206, 224, 418

Каптерев Н. Ф. 291–292, 310, 320, 327, 333, 335, 352–353, 410

Каптерев П. Ф. 424

Карпинская Ю. Н. 395–396

Карташёв А. В. 29, 142–143, 171–172, 174, 177–179, 181–183, 191, 193, 196, 201–203, 218, 232, 272, 275–276, 281, 285, 287, 293, 295–296, 311, 315–316, 332, 352, 354, 377, 451

Карякин И. Н. 302
Кейдан В. И. 28, 34, 36, 452, 458
Кизеветтер А. А. 270–272
Киплинг Р. 125
Киприан Карфагенский 167
Киреев А. А. 233
Кирилл (Гундяев) 452
Климент Александрийский 21
Климент Римский 158
Ключевский В. О. 51, 54, 234, 269, 272, 323
Кобылинский Л. Л. (Эллис) 148–149, 180
Козырев А. П. 32, 36
Колеров М. А. 27–28, 172, 208, 249, 251, 254, 266, 457
Колесникова М. А. 31, 36
Кони А. Ф. 393
Коновалов Д. Г. 423
Константин (Горянов) 29, 36
Коппе 99
Королёвы 230, 240, 333
Коростелёв О. А. 24
Котляревский С. А. 21, 35, 85, 89, 121, 123, 144, 197, 206, 230, 277, 382, 424, 427
Кочальский Р. 57
Крейман Р. Ф. 118–119
Кристи В. Г. 224, 334, 435
Кромвель О. 19
Крылов Н. И. 358
Кудрявцев П. П. 124, 129, 145, 151, 167, 169, 171, 174, 182, 187, 191, 202–203, 210, 212–213, 223, 271, 275, 281, 289, 294, 297, 321, 340, 343–346, 350, 362
Кузнецов 206
Кузнецов Б. 307
Кузьмина 55

Лавров А. В. 27
Ламенне Ю.-Ф. Р. 230
Ланге-Поздеев А. С. 85–86
Ланге-Поздеева М. С. 363
Лаппо-Данилевский А. С. 41
Лапшин И. И. 55–56
Латалин А. А. 450
Лахтин Л. К. 87–88
Лашнюков В. Н. 7, 173, 178, 208, 222–223, 249–250, 257, 274, 293, 308, 321
Леонардо да Винчи 53
Лепорский П. И. 68–69
Лермонтов М. Ю. 432
Лесгафт П. Ф. 50
Лопатин Л. М. 119, 172, 197, 205
Лопухин А. П. 80
Лосский Н. О. 152
Луази А. 401
Лузина Т. И. 31, 36

- Луначарский А. В. 34, 290
Любавский М. К. 273
Любош С. 338
Лютер М. 19
- Маковицкий Д. П. 392
Малков П. Ю. 450–454
Манн Т. 110
Мануйлов А. А. 416
Маркс К. 23
Марцинковский В. Ф. 24, 35, 148
Матаковский Е. А. 222, 303
Махаев Н. К. 169
Медем Г. П. 197, 200
Мельников Ф. Е. 267, 396
Мензбир М. А. 54
Мережковский Д. С. 23, 29–30, 53, 60–64, 67–68, 76–77, 89–90, 93, 96, 100, 102, 125, 142–143, 152–153, 168–169, 175, 188, 218, 238, 249, 253, 262, 265–266, 293, 296, 308, 332, 339–340, 350, 361, 364, 377, 379, 382–385, 415, 421–423, 428, 432–433, 444–449
Метерлинк М. 116, 126, 284
Мечников И. И. 89
Мещерский В. П. 53–55
Микеладзе 49
Микеланджело Б. 53, 424
Минский (Виленкин) Н. М. 23, 43–44, 60, 90, 152
Мирабо О. Г. Р. 19
Михаил (Космодемьянский) 451
Михаил (Семёнов) 269, 281, 287, 289, 294, 320–321, 324–325, 350, 367–368, 433, 435, 438
Михайловский Н. К. 110, 113, 116
Могиланский М. М. 308–309
Мордар Н. Г. 374
Морозов А. А. 331
Морозова М. К. 136, 153, 169, 204, 210, 242, 252, 390
Морозова Я. В. 32–33, 36
Мраморнов А. И. 31, 36
Муретов М. Д. 328, 330
Мышцын В. Н. 182–183, 227, 323, 352–353, 365
Мюнцер Т. 12
Мюссе А. 19
Мякшин Г. Т. 241
- Набокина М. Е. 36
Назаревский В. В. 407–408
Наумов-Сергиев С. Н. 281, 283
Некрасов П. А. 54–55
Неплюев Н. Н. 201, 310, 313, 323
Нерон 391
Никитский А. В. 118–119
Николай П. Н. 424
Николай (Добронравов) 331, 337

Николай II 141, 164, 167, 233, 287, 373
Никольский Б. В. 48
Никольский В. А. 276, 281, 293–295, 326, 331, 336, 347, 353, 357–360, 377–378, 386, 427
Никольский М. В. 335, 397, 404, 413
Никольский Н. В. 309
Никольский Н. К. 152–153
Ницше Ф. 20, 43–44, 53, 60, 62, 151, 282, 330–331, 357
Новгородцев П. И. 54
Новосёлов М. А. 16, 28, 321–322, 331, 355, 383, 399
Носов А. А. 26, 35, 186, 200, 452

Огнёв Н. В. 398
Ольденбург Г. 65
Ореханов Г. Л. 233
Орлов А. С. 112, 116, 230–231, 273, 309
Орлов В. Н. 26
Осипов И. 336–337, 340, 349
Останина О. В. 24, 35
Островская С. Г. 235

Павлюченков Н. Н. 36, 454
Пантелеимон (Рожновский) 451
Пастрялин И. И. 374
Патнэм Дж. Ф. 23, 28
Пашенко 55
Пермский С. 408
Перцов П. П. 60, 67–69, 90, 142–143, 395, 406, 449
Петров Г. С. 168–169, 171, 178, 193, 197, 202, 204, 208, 210, 311, 314, 357
Петровская Н. И. 384–385
Петровский А. С. 93–94, 127, 144, 168, 170, 205–206, 219, 259, 273, 280
Пий X 401
Пирожков М. В. 308–309
Писарев Д. И. 66
Платон 40, 56, 58, 246, 420
Платон (Рождественский) 167
Платонов С. Ф. 59
Плотин 56, 67
По Э. 61
Победоносцев К. П. 109, 129, 164, 287, 350
Погирёв В. 280, 421
Половинкин С. М. 29, 381
Поляков С. А. 133, 201
Помялов Г. Ф. 130
Поплавский А. П. 222, 372–374
Попов А. В. 336, 356, 358–359, 365, 427
Попов И. В. 169, 182–183, 295
Поп-Харалампиев Г. Х. 365
Поспелов П. П. 197, 206, 213, 242, 258, 331, 347
Преображенский С. И. 319, 380
Протагор 44

- Пушкин А. С. 8, 248, 271
Пятикрестовский А. М. 242–243, 252, 258, 331
- Распутин Г. Е. 287
Рачинский Г. А. 151, 153, 170–171, 175, 180, 182, 197, 218, 382
Рачинский С. А. 341, 343, 389, 420, 424, 426–427, 430, 440–441
Ремизов А. М. 227–228, 383
Ренан Э. 20, 247, 259
Репин И. Е. 60
Риккерт Г. 180
Рише Ш.-Р. 78–79
Ровнер А. Б. 24, 35
Рождественский 152
Рожков Н. А. 272–273
Розанов В. В. 11, 18, 20, 29, 34, 60, 69, 90, 104, 109–110, 113, 116, 143, 152, 227, 243, 262–263, 316, 340, 349–350, 355, 365, 390–395, 402, 406, 427, 448, 457
Розанов С. С. 121
Розенштейн Я. Л. 383
Рубинштейн А. Г. 131–132
Руднев Т. Д. 375
Рудницкая Е. 16
Рукович В. А. 377–378, 397
Русов Н. Н. 254, 384
- Саблер В. К. 124, 129, 143, 448
Садовский 358
Самарин Ф. Д. 233
Саути Р. 271
Сведенборг Э. 59
Свенцицкий Б. Д. К. 449
Свенцицкий Б. П. 374, 434
Свенцицкий Вяч. П. 434
Свенцицкая Е. Ф. 427
Свенцицкая М. Б. 449
Святополк-Мирский Д. П. 384
Семёнкин Н. С. 26
Сенаторов П. Е. 256, 259–260
Сенкевич Г. 168
Сен-Мартен Л. К. 62
Серапион (Машкин) 149–150, 179, 185, 189, 192, 216–218, 224
Серафим Саровский 157, 379, 445, 448
Сергий (Махаев) 169
Сергий (Страгородский) 233
Серебровский П. 287
Сизов М. И. 197, 200, 230
Синельников С. Н. 197, 275, 349
Скворцов В. М. 9–10, 34
Скрябин А. Н. 136
Скуратов-Бельский Г. Л. 238
Случевский К. К. 60

Смирнов Н. М. 25
Смирнов С. И. 182–183, 419
Сойкин П. П. 201, 208
Соколов (Кречетов) С. А. 169
Соколов С. И. 255, 408
Соколовский Н. И. 63, 145
Солженицын А. И. 166
Соловьёв В. С. 8, 10, 12, 14, 21, 41, 44, 60, 67, 98, 112, 117, 130, 151, 172, 179, 184–185, 190–191, 209, 221, 227–229, 253–254, 263, 295, 346, 357, 384, 392, 421, 451
Соловьёв С. М. 102, 120, 132, 135, 137–139, 148–149, 151, 180, 182, 308–309
Сологуб (Тетерников) Ф. К. 60, 227–228
Сомин Н. В. 21, 35
Сомова О. Л. 407, 434
Сонин 49
Соня 120, 226, 267, 319, 325–326, 334, 340, 350, 363, 366, 417
Софинский И. В. 117–118
Спасский А. А. 410–411
Сперанский М. М. 80, 189
Спиноза Б. 65, 80
Степун Ф. А. 384
Стечкин В. Н. 179
Столпнер Б. Г. 398
Столыпин П. А. 255, 287, 289
Струве П. Б. 20–21, 191, 215, 271, 277, 281–282
Струйский П. П. 378–379
Судаков А. С. 311
Сыроечковские Б. Е. и В. Е. 7, 88, 112–113, 116, 144, 197, 252, 273
Сытин И. Д. 168–169, 171, 174, 177–179, 181–182, 191, 193–196, 201–205, 208, 210, 251, 265, 435, 441

Тареев М. М. 183, 185, 281, 283, 288, 290–292, 310, 320, 327, 333, 335, 364–365
Тернавцев В. А. 29–30, 90, 142–143, 287, 293, 316, 355, 377, 396, 449
Терновский Н. А. 375
Тертуллиан 167
Тесленко Н. В. 441–442
Тимирязев К. А. 54
Тимофеевский 49
Тихомиров Л. А. 165
Тихомиров П. В. 191, 288
Тихон Задонский 354
Тихон Московский 453
Тихонович 358
Толстой Л. Н. 8–9, 17, 20–21, 28, 58, 176, 217, 230, 238, 302, 322, 327, 329, 334, 357, 366, 391–393, 397, 432, 458
Трабинович М. Е. 387–388
Трегубов И. М. 285
Тржецк В. В. 172
Троицкий С. С. 128, 137–140, 150, 170, 220, 240, 246, 258, 260, 276, 280, 310, 312, 315, 330, 336, 351, 367, 375, 417
Трубачёва М. С. 34

- Трубецкая О. Н. 55, 124
Трубецкая П. В. 271
Трубецкой Е. Н. 16–20, 35, 124, 165–166, 202, 218–221, 234, 239, 248–249, 265, 271, 277, 279, 285, 361, 382, 424, 427, 434, 451
Трубецкой С. Н. 54, 83, 109, 130–131, 154, 165, 172, 182, 191, 203, 207, 331, 337–338, 346, 352, 420
Турбин В. М. 410–411, 421
Турчанинов 41, 46, 149
- Умов Н. А. 54
Унфуг О. 358, 377–378
Успенский В. В. 68–69, 90, 262, 285, 287, 316
- Фейербах Л. А. 173
Феодор (Поздеевский) 12, 17, 147
Феофилакт Болгарский 358
Фет А. А. 48, 99
Филарет Московский 155
Филипп Московский 157, 238
Филиппова 55
Филон 67
Философов Д. В. 11–12, 29, 34, 88–90, 142, 152, 168, 218, 224, 243, 253, 262, 293, 295–296, 308, 332, 336–337, 340, 448
Флавиан (Городецкий) 167
Флобер Г. 270, 320
Флоренская О. А. 182, 322
Флоренская О. П. 39–40, 45, 47, 50–51, 53, 59, 63, 66, 83–85, 87, 91, 94, 96–97, 128, 141–142, 150, 155, 182, 193, 204–205, 211–212
Флоренская Ю. А. 61, 69, 75, 87, 123, 135, 140, 177, 181–182, 188
Флоренский А. А. 311–312
Флоренский А. И. 41, 126–127, 180, 192–193, 211, 217
Флоренский П. В. 34, 229
Флоровский Г. В. 22–23, 35, 165
Фома Аквинский 185
Фомин К. Д. 34
Фондаминский И. И. 109, 248
Франк С. Л. 29
Франциск Ассизский 122, 225
- Херасков И. М. 197, 200
Хижнякова-Черносвитова М. В. 398
Хомяков А. С. 8, 23, 166, 233, 283, 331, 451
Хомяков Д. А. 342
Христофорова К. П. 171
Худадова М. 44, 55, 58, 140, 266
- Цветков Н. В. 347
Цераский В. К. 54
Циммерман А. А. 375
Цукерман С. 326, 386

Челпанов Г. И. 424–425
Чельцов М. П. 210–211, 223, 289
Чемадуров Н. Я. 375, 408
Чемоданов А. 130
Черемичина Т. Б. 22
Четвериков С. И. 12, 34
Чехов А. П. 129, 270–271, 294–295, 419
Чулков Г. И. 28, 195, 228, 296, 356

Шабат С. А. 248
Шавельский Г. И. 124, 315
Шарапов С. Ф. 110, 113, 116
Шеллинг Ф. 46, 60
Шер В. А. 34
Шер Вас. Вас. 240, 439
Шер Вас. Вл. 115–116, 132, 230–231, 303–308, 427, 432, 438
Шер Вера Вас. 380
Шер Д. В. 7, 88, 95, 131–132, 197, 320, 427
Шер О. В. 7, 132, 187, 230, 239, 241, 317–320, 349, 426–428, 438–440
Шер Т. Н. 239–240, 438, 440, 442
Шеррер Ю. 24–26, 30, 35–36, 452
Шестов Л. И. 244, 321
Шеман А. Д. 23
Шмидт П. П. 223, 231
Шутова Т. А. 34
Штандель М. В. 197, 349
Штеглих Д. 24
Шувалов П. П. 172

Эккартсгаузен К. 62
Эренбург Вл. 408
Эрн Е. Д. 57, 231, 258, 273, 312, 330, 334, 336, 350, 394, 397, 411, 419, 423, 427, 440, 442
Эрн Ф. К. 449
Эткинд А. М. 418

Юнг-Штиллинг И. Г. 62

Ярослав Мудрый 377

Partanen Heikki 414

НАШЕДШИЕ ГРАД

История Христианского братства борьбы
в письмах и документах

Составитель С. В. Чертков

Корректор *Л. В. Черткова*
Вёрстка *А. Н. Панов*

Издатели благодарят Павла Васильевича Флоренского,
предоставившего часть иллюстраций

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел./факс: (495) 256 04 56
E-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Некоммерческое партнёрство «Спасское дело»
(руководитель *А. И. Мраморнов*)
115172, Москва, дер. Милюково, ул. Монастырская, д. 20, оф. 2
E-mail: rodzem@yandex.ru
<http://spassdelo.mramornov.ru>

Подписано в печать 28.08.2017. Формат 70 × 100/16
Печ. л. 29,5. Усл. печ. л. 38,06. Тираж 1000 экз.

